ДК
145
Ц61

В. ЦИММЕРМАН

ИСТОРИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ В ГЕРМАНИИ

МОСКВА
1937

разбит блок
25 06 2010г

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. копий _____

Волгоград, тип. „Сов. Волгоград". Зак. [illegible]

Geschichte

des

großen Bauernkriegs.

Nach

den Urkunden und Augenzeugen.

Von

Dr. Wilhelm Zimmermann.

Neue ganz umgearbeitete Auflage.

Zweiter Band.

Stuttgart:
Rieger'sche Verlagsbuchhandlung
(A. Benedict)
1856.

DK
145
Ц 61

В. ЦИММЕРМАН

ИСТОРИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ В ГЕРМАНИИ

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР

(ПО ЛЕТОПИСЯМ И РАССКАЗАМ ОЧЕВИДЦЕВ)

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
30	1 снизу	Ганс Мюллер	Ганс Больдерман
40	10 снизу	во главе своей	во главе
44	2 сверху	франкские	франконские
146	1 сверху	из Гейна	из Гейя

Циммерман. «История крестьянской войны в Германии», т. II

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1937

Geschichte

des

großen Bauernkriegs.

Nach

den Urkunden und Augenzeugen.

Von

Stuttgart:
Rieger'sche Verlagsbuchhandlung
(A. Benedict)
1856.

DK
145
Ц 61

В. ЦИММЕРМАН

ИСТОРИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ В ГЕРМАНИИ

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР

(ПО ЛЕТОПИСЯМ И РАССКАЗАМ ОЧЕВИДЦЕВ)

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО

ТОМ II

ОБЪЕДИНЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
И. Н. П.
193274.

ПЕРЕПЕЧАТАНО СО ВТОРОГО ИЗДАНИЯ 1872 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1937

9 (43)
Ц 61

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
193274

Редактор *И. Монько*. Техред *Е. Раецкая*. Корректоры *Е. Литкенс, А. Мамлин*.

Сдано в набор 20/II 1937 г. Подписано к печати 21/VI 1937 г. Формат 60×92 1/16. 27 п. л., число знаков в печ. листе 45312. ОГИЗ № 1880. Заказ № 1205. Тир. 20 000 экз. Уполномоченный Главлита № Б-13715. Цена книги 7 р. 25 к., переплет 1 р. 50 к.

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста „Полиграфкнига". Москва, Валовая, 28.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Магистрат и община в вольном городе Гейльбронне

Первые признаки восстания порядочно встревожили членов гейльброннского магистрата; они чувствовали приближение грозы, «глубокомысленно читали они послание своего начальника Ганса Германа, писавшего из Ульма: «Никто не знает, что случится; все крестьянское население от озера до Франконии восстало; всюду хлопоты и приготовления»[1]. По соседству крестьяне уже начинали волноваться. Четыре селения: Беккинген, Флейн, Франкенбах и Неккаргартах, на их глазах устроили у себя выборное правление и согласились не платить повинностей и не ходить на барщину. Крестьяне деревни Беккинген открыто объявили, что они не только не будут подчиняться никаким новым поборам, но и прежние повинности, которые они несли по распоряжению магистрата, не намерены платить. На запрещения собирать сходки не обращали внимания ни флейнцы, ни беккингенцы; жители Флейна, так же как и прочие поселяне, обязались выставить семьдесят два человека в отряд Якова Рорбаха; их деревенский староста Лоренц Ульмер сам провожал их в качестве тайного советника; франкенбахцы, отстранив своего старосту, не хотевшего действовать с ними заодно, подобно крестьянам Неккаргартаха, выставили двадцать четыре человека под начальство Яклейна[2]; и он выступил с новобранцами из владений Немецкого ордена под самым носом магистрата. Члены магистрата видели со стен, как Яклейн ломал и жег заборы их садов, не обращая внимания на выстрелы, которыми преследовали его. Члены принуждены были сложа руки смотреть, как он за неделю до пасхи несколько раз проходил мимо их города со своим ежедневно возраставшим отрядом.

Владельцы опять вздохнули свободнее, когда Ганс Ротт, приятель магистрата, из Ульма, центра Швабского союза, торжественно возвестил победу союза при Лейпгейме. «Божиею

[1] Акты Швабского союза, связка 88, № 72.
[2] Союзные акты, связка 96, № 16, в Штутгартском архиве.

милостию война в стране окончена»[1], — хвастал он в своем письме, и владельцы охотно поверили ему. Во всех кабаках только и толковали о том, как в ночь на вторник перед вербной неделей в Лейпгейме были заколоты 2000 человек крестьян, а 1500 сами утопились в Дунае и как два их проповедника, зачинщики мятежа, взяты были в плен. Толки эти услышал бывший тут же в шинке возчик соли, известный под именем Земмельганса из Нейштейна. «Не верьте этому, — сказал он присутствовавшим, — дело еще не совсем покончено; не все еще крестьяне убиты; они даже придут сюда и принудят вас отдать им все ваше гейльброннское вино и весь ваш хлеб, да в придачу еще и деньги». «Этого не допустит бог, — вскричал один гейльброннец; — пусть уже лучше перережут всех крестьян». Спор между ними мог дойти до кровавой развязки, если бы не вмешались другие; каждый остался при своем[2].

Ратсгеры с нетерпением ожидали вестей из Ульма; они прислушивались ко всяким слухам, приходившим оттуда. Вскоре после первого письма Ганс Ротт уведомлял их опять, что оберландские города прислали в Ульм своих посредников с предложением вступить в переговоры, которые одни и могут улучшить настоящее положение дел. «Я же полагаю, — заключает дальновидный муж, — что если переговоры не состоятся, то возгорится жестокая, всеобщая народная война. Начальник Нердлингена сказал мне, что у него в городе плохо. Любезные друзья, позаботьтесь о вашем городе»[3].

Надо было подумать гейльброннцам об этих известиях; тем более, что в городе и в окрестностях положение дел становилось с каждым часом сомнительнее. Прежде они сами назначали Яклейну день явиться в суд для рассмотрения его дела и даже вторично призывали его, когда он не явился на первый зов. Теперь же Яклейн хотел воспользоваться этим днем, чтобы войти в город. Он потребовал себе свободного пропуска; этим требованием поставил он магистрат в очень затруднительное положение; он стал выискивать какой-нибудь предлог, чтобы отказать ему[4].

Положение города походило на осадное; из Франконии и из соседнего Эрингена подступали оденвальдцы и гогенлоенцы; а в среду на страстной союзный город Галль известил, что они намерены напасть на Гейльбронн; в тот же день шейербергский судья уведомил совет, что сегодня же ночью придут крестьяне в Лихтенштерн и завтра намерены отправиться к Вейнсбергу, Гейльбронну и Неккарсульму, куда прежде, — ему неизвестно[5]. Магистрат созвал всех граждан и объявил

[1] Союзные акты, связка 88, № 24.
[2] Там же, связка 92, № 12.
[3] Там же, связка 88, № 24в.
[4] Акты союза, связка 91, № 26.
[5] Там же, связка 91 № 15 и 16.

им о предполагаемых средствах к защите города. В Гейльбронне с давних пор городское управление состояло из двух элементов — демократического и аристократического. Со времен императора Карла IV магистрат составлялся частью из простолюдинов, частью из почетных граждан; почетные члены принимали тон и вид аристократов и с пренебрежением обращались с простолюдинами, заседавшими с ними в магистрате. Теперь же, обращаясь к ним, ратсгеры называли их своими достопочтенными, любезными братьями и добрыми друзьями. Всем известно, объявил магистрат, что везде кругом разгорается восстание; никто не знает, к чему оно поведет. Поэтому магистрат распорядился поручить защиту и главное начальство в городе опытному воину Гансу Шультерлину; а в каждом квартале был назначен особый квартирмейстер; при каждом квартале сформированы роты, которые обязаны присягою во всем беспрекословно повиноваться магистрату под страхом тяжких наказаний за ослушание. Надзор за кварталами поручен будет смешанной власти — из членов магистрата и представителей общин. Пять человек, знающих военное дело, и два плотника назначены были для подачи советов и осмотра сооружений, необходимых для обороны города[1]. Вскоре после того, в страстную пятницу, в город прислано было письмо из крестьянского лагеря под Неккарсульмом. Оно было адресовано сильному и богатому классу владельцев виноградников и приглашало их вступить в Евангелическое братство. Старейшие из виноградарей, посоветовавшись между собою, отвечали своим добрым друзьям в Неккарсульм: «Мы поняли содержание вашего письма. Но вы сами должны сознаться, что, будучи связаны обетом и присягою — во всем повиноваться распоряжениям нашего начальства, мы поступим подло и бесчестно, если согласимся на ваше предложение. Не приписывайте ничему другому наше поведение; честь одна запрещает нам согласиться на ваше требование и, зная наше побуждение, судите нас, как хотите».

Но не все виноградари и гейльброннские бюргеры так думали. Уже давно новое евангельское учение доктора Лахмана имело в городе своих приверженцев, и потому многие смотрели на предприятие крестьян и на все «ясное ополчение», исключая отряда Яклейна, как на людей, восставших за евангельские истины; против духовных властей нигде не были так озлоблены, как в Гейльбронне[2]. Другие смотрели на это дело с материальной точки зрения, как на желание народа освободиться из-под гнета аристократии. Такими глазами смотрели на восстание не только разорившиеся, бедные горожане, но в некоторых местах очень богатые и почетные бюргеры.

[1] Акты союза, № 9 и 11.
[2] Там же, связка 92, № 14.

Когда магистрат заметил, что не все горожане согласны с ним, то немедленно распорядился послать к общине двух депутатов. «Взбунтовавшиеся в окрестностях крестьяне, — поручил он сказать общине, — вероятно, замышляют что-нибудь дурное и вредное, но против кого — магистрат не знает. Он послал нас к вам с добрым намерением, чтобы предостеречь вас как подданных и сограждан своих и дружески просить, чтобы ни один из вас как словом, так и делом не помогал бы мятежникам. Это было бы против долга, который мы должны свято соблюдать как в отношении его императорского величества, так и в отношении достославного Швабского союза, священной Римской империи, князей и других государственных чинов; мы можем навлечь на себя подозрение в непокорности и подпасть справедливому гневу империи; напротив того, вы должны усердно оборонять как наш город, так и нашу собственность. Не забудьте, что почтенный магистрат говорит это, желая вам добра, и вам следует радушно принять его совет»[1]. Из Неккарсульма крестьяне послали к гейльброннцам свои требования, состоящие из пяти параграфов: они требовали, чтобы им дозволено было наказать городское духовенство, чтобы им дано было оружие, чтобы горожане поклялись оказывать им помощь, если таковая понадобится, и не давать убежища и пособия их врагам, чтобы приняты были двенадцать тезисов и, наконец, если община отягчена чрезмерными повинностями от города, чтобы эти повинности немедленно были облегчены.

Крестьяне были озлоблены против гейльброннского духовенства и желали отомстить ему за то, что командоры Немецкого ордена убили некоторых из них[2]. В первое воскресенье после пасхи командор Эберхард фон Эхинген объявил магистрату, что он желает остаться у них и под защиту города отдает как жизнь свою, так и состояние; следовательно, он ставит себя в зависимость от него[3]. Магистрат предложил и командору взаимно помогать друг другу. Когда намерение крестьян наказать духовенство сделалось известным, тогда командор просил покровительства магистрата; магистрат довел до сведения общины желание командора. Община назначила собрание, на котором письменно предложила магистрату 8 пунктов. В первом пункте обещала свято, верно и беспрекословно исполнять долг свой, не щадя ни жизни, ни имущества. Если, говорилось во втором пункте, намерения крестьян честные и христианские, то община намерениям этим ни в каком случае противиться не будет. В третьем пункте было сказано:

[1] Союзные акты, связка 91, № 6.
[2] Там же, связка 92, № 14.
[3] Там же, связка 105. Отчет гейльброннцев в своих поступках через доктора Лахмана.

если бы крестьяне стали наносить вред бургомистру, магистрату или городу Гейльбронну, то община обязуется защищать их, употребляя все зависящие от нее средства. По вопросу о найме войска для защиты города в четвертом пункте говорилось, что число наемников должно быть незначительно; и вообще община желает, чтобы занятие города наемным войском было сделано с ее ведома и согласия. В пятом пункте община объявила, что хотя она отнюдь не желает принимать участия в мятеже, но и не намерена препятствовать крестьянам, если они вздумают посягнуть на жизнь, дома и имущество лиц духовного сословия, командора, монахов, попов и монахинь. Она не хочет себя стеснять обязательствами в отношении духовенства, потому что духовенство не несет никаких городских повинностей. Если какое-нибудь духовное лицо пожелает вследствие своих стесненных обстоятельств вступить в бюргерское сословие, гласил шестой пункт, то это может быть разрешено с согласия и ведома магистрата и общины, и тогда желающий будет обложен городскими повинностями. Седьмой пункт состоял в следующем: если каким-нибудь образом грамоты, принадлежащие общине, попадутся в руки магистрата, то он, не утаивая их, обязан возвратить по принадлежности. Наконец, в восьмом и последнем параграфе предлагалось достопочтенному магистрату вместе с общиной присягнуть в том, что они будут действовать согласно между собой[1].

В этих параграфах магистрат усмотрел первое облачко собиравшейся грозы. Прежде всего он решился отправить посла за советом к императору, правителю священной Римской империи, и к славному Швабскому союзу и в то же время тайно просил эслингенское правительство и соседний городок Вимпфен прислать депутатов для посредничества между магистратом и общиной.

Сделав эти распоряжения, члены магистрата принялись за обсуждение ответа на требования общины. Сначала магистрат попробовал одними общими местами уклониться от положительного ответа. Городской писарь должен был доложить общине, что до сих пор, милостию божиею, магистрат поступал честно, добросовестно и справедливо во всем, что клонилось к общему благу и касалось их чести. Равным образом его усердному ходатайству у императора, у Швабского союза и у других властей Гейльбронн обязан своими правами вольного города. Магистрат требует единственно только исполнения долга от своих подчиненных, и он надеется, что они, как честные люди, не откажут ему в этом; он не желает от них ничего, свыше данных ими под присягою обязательств. Однакоже община не удовольствовалась подобным ответом и настояла на том, чтобы магистрат отвечал по пунктам. Самым

[1] Союзные акты, связка 91, № 1.

затруднительным для него был пункт, касающийся защиты и свободы духовенства.

После продолжительного совещания магистрат решился отвечать общине так: до сих пор магистрат по доброй воле никогда не был расположен действовать против кого бы то ни было, следовательно и против крестьян, и только лишь одни несправедливости и бесчинства вынуждали его к этому. Если крестьяне вздумают бунтоваться и магистрат получит повеление от императора или от славного союза действовать против бунтовщиков, то он надеется, что и бюргеры не захотят сделаться ослушниками и помогут ему.

Гейльбронн, город имперский, присягал императору и союзу в верности, клятвенно обещал впускать, выпускать и содержать их войска; община знает, что все это исполнялось свято до настоящего времени, а теперь, дозволяя вход неприятелю, неужели вы захотите навлечь на себя неудовольствие милостивого вашего господина пфальцграфа, с которым до сих пор вы находились в добром согласии. Если же ваши начальники потребуют от вас пустить войско для защиты города, то вы, как подданные, должны это исполнить. Со своей стороны, магистрат того мнения, что город должен быть занят таким числом войска, которое бы не превышало численность граждан. Особ духовного звания в городе не очень много, только командоры, монахи монастыря богородицы и св. Клары и священники. Каждому известно, что Немецкий орден, на основании данных ему коронованными особами прав, освобожден от всяких повинностей. Немецкий орден в Гейльбронне есть как бы представитель Швабского союза, и город как член того же союза обязан не только сам не стеснять свободу ордена платежом податей и разными повинностями, но и других не должен допустить до нарушения интересов этого ордена. Прочие духовные лица также находятся под покровительством города; и поэтому прямая обязанность как магистрата, так и общины охранять их согласно данной присяге. И так как все духовенство наравне с командорами Немецкого ордена пользуется дарованными ему императором правами, то едва ли можно обложить его повинностями и податями. Однакоже, несмотря на видимую затруднительность такой меры, магистрат будет ходатайствовать о приведении ее в исполнение перед императором. Магистрат сомневается, чтобы какое-либо духовное лицо, оставив свой сан, решилось приписаться к бюргерскому сословию; если же подобный случай представится, то магистрат будет действовать, соображаясь с высочайшею волею и общей пользой города. Грамоты, касающиеся общины и сданные по высочайшему распоряжению магистрату, будут переданы общине; как это делалось прежде, так будет делаться и впредь. Наконец, последний пункт совершенно лишний: уже с давних пор магистрат торжественно обещал и клялся об-

щине — покровительствовать ей и удовлетворять ее нужды, что он свято исполнял до сих пор[1]. Община не удовольствовалась и этим ответом. Магистрат, рассчитывая на это, решился на всякий случай отложить дальнейшие объяснения до завтра. А между тем бургомистр Ризер предложил следующее: приказать собраться одновременно по цехам всей общине, послать отдельно к каждому цеху некоторых из преданных магистрату членов, поручить им выставить в настоящем свете благонамеренность и честность последнего ответа магистрата и, напомнив им об их присяге, убедить их согласиться с его мнениями. Тогда обнаружится, который из цехов за магистрат и кто против него; полагали, что большинство будет за магистрат[2]. Скоро посланные убедились, что далеко не все большинство общины согласно с магистратом. Составленный как из почетных, так и из цеховых членов магистрат поневоле должен был уступить, так как и цеховые члены настаивали на этом.

Магистрат имел на своем жаловании не более 100 человек воинов. Командор, видя возрастающее волнение между бюргерами и зная, что крестьянское войско находится всего в одной миле от Гейльбронна, пренебрег недавно данным магистрату обещанием и тайно бежал в Гейдельберг. Он нисколько не позаботился ни о своей защите, ни о защите своего ордена, даже при своем бегстве не поручил немецкого дома городу. От своего союзника — пфальцграфа, — кроме утешения, магистрат тоже не мог ожидать никакой помощи. Нечего было рассчитывать на поддержку со стороны графа Людвига фон Гельфенштейна и его конницы, находившейся тогда в Вейнсберге и составленной из знатных дворян, потому что сам граф, бывший в хороших отношениях с магистратом, на-днях просил последнего снабдить его порохом и оружием[3]. В субботу на пасхе магистрат в ответ на свою просьбу получил от графа обещание помощи, но надежда на нее была плоха; действительно, вскоре пришло известие, что крестьянское войско, стоявшее лагерем под Неккарсульмом, двинулось на осаду Вейнсберга. Едва 500 человек бюргеров были вооружены, имели латы, многоствольные ружья и другое необходимое для обороны оружие; лишь часть этого войска была совершенно предана магистрату, другие сочувствовали восстанию. Часть вооруженных горожан, державшая сторону магистрата, недавно на деле выказала свое нерасположение к крестьянам. Когда Яков Рорбах со своим отрядом шел мимо их города к Эрингену, то эти бюргеры, столпившись у городских ворот, хотели напасть на отряд; и только увещания казначея вюртембергского десятинного сбора, представившего им, что подобный поступок может навлечь на их город нападение всего крестьянского

[1] Акты союза, связка 91, № 2.
[2] Там же.
[3] Союзные акты, связка 91, № 27.

войска, заставили их отказаться от своего намерения. Но эти преданные магистрату горожане составляли меньшинство всего войска.

Магистрат вторично отправил депутацию к общине. Депутации поручено было передать, что достопочтенный магистрат слушал, читал и принял те пункты, которые были присланы на его рассмотрение. Тот пункт, который требует, чтобы духовенство несло одинаковые с бюргерами повинности, магистрат рассмотрел, обсудил и решил согласно вашему желанию: с этого времени все духовные лица в нашем городе, в деревнях с их околотками со всем движимым и недвижимым имуществом вступают в бюргерское сословие, без исключения пользуясь как всеми его преимуществами, так и подчиняясь всем его тягостям, несмотря на все прежде им дарованные вольные грамоты. Принимая на себя все городские повинности, духовные лица наравне с прочими горожанами могут надеяться на защиту и покровительство магистрата; если же они не согласятся, то магистрат не станет считать себя обязанным оказывать им какую-либо помощь. Настоящее свое решение магистрат намерен письменно изложить отсутствующему ныне командору и другим духовным лицам как живущим здесь, так и тем, недвижимое имущество коих находится в черте города, и потребовать от них, чтобы они подчинились состоявшемуся решению. Магистрат никогда не желал причинять вам зла, и теперь согласно выраженному вами желанию принимать участие в распоряжениях магистрата он предлагает вам сообщить ему свое мнение через двух ваших выборных[1].

С стесненным сердцем согласился магистрат на этот пункт. Бургомистр Ризер тайно послал городского писаря ко всем духовным в городе засвидетельствовать им, что к этой мере магистрат вынужден был общиной и потому слагает с себя за нее всякую ответственность.

«Но не забудьте, — говорил он поверенному, — что я даю вам это поручение тайно. Если же каким-нибудь образом проведают, что принятые меры против духовенства есть дело магистрата, то поступок этот, чего я и опасаюсь, может стоить ему чести и жизни»[2].

Последствия сделанного магистратом общине предложения совершенно не соответствовали ожиданиям последнего; предложение его пришло поздно, община не хотела ничего уже более слышать о том, чтобы духовные лица так скоро были при-

[1] Союзные акты, связка 91, № 3. Начиная отсюда встречается небольшой пропуск в этих актах, которые большей частью состоят из собрания подлинных рукописей бургомистра Ризера. Что магистрат принужден был принять и последний пункт, предложенный общиной, видно из того, что с этих пор все магистратские бумаги писаны как от его имени, так и от имени общины.

[2] Там же, № 4 и 5.

писаны к бюргерству; бюргерство, имея в среде своей ненавистное крестьянам духовенство, могло подвергнуться гневу народного войска.

Между тем Вейнсберг был взят приступом; это было первым ударом для магистрата. Сторонники крестьян подняли голову; однако вместе с недовольными магистратом их все-таки было небольшое число.

Они дали знать Георгу Мецлеру и Яклейну, чтобы те торопились итти к Гейльбронну: они помогут им войти в город. В самом городе они громко заговорили: «Если магистрат не допустит их этого сделать, то они выбросят умные головы за стены».

Всегда строгий магистрат боялся теперь показать власть свою над недовольными и непокорными. Один из горожан открыто пошел в крестьянский лагерь. «Погодите, я вам покажу, где хранятся деньги в гейльброннской ратуше». Через несколько часов в Гейльбронне было уже известно о кровопролитии, совершенном Яклейном, было известно, что не только убиты «все дворяне и конница, но даже его милость сам граф Людвиг фон Гельфенштейн с тринадцатью дворянами прогнаны сквозь строй»[1].

Это было вторым ударом для магистрата. Он послал депутатов в крестьянский лагерь, чтобы спросить, чего они должны ожидать от них? Крестьянские начальники отвечали: нам известно, что почетные члены гейльброннского магистрата против нас, но они должны будут скоро смягчиться; мы знаем также, в каком отношении к нам находится община. Скажите пославшим вас, чтобы они заботились о благе своего города, мы со своей стороны позаботимся о том же[2]. Получив этот ответ, магистрат имел заседание, на котором решил: так как община в недавно предложенных пунктах изъявила желание, чтобы магистрат ничего не предпринимал без ее ведома и воли[3], то собрать ее теперь на площади и сообщить ей ответ крестьян. Пусть всякий знает, чего можно ожидать после того от них. При этом магистрат просил и увещевал общину подумать о том, как ей следует вести себя в отношении его императорского величества, славного Швабского союза и достопочтенного магистрата, чтобы удержать за собой репутацию благочестивых и честных людей. С своей стороны магистрат постарается сделать то же. По его мнению, им следует снова подтвердить клятвою обещание оборонять имперский город, не впуская туда никого, даже если бы пришлось поплатиться за это жизнью и имуществом. При произнесении этой клятвы всякий должен был поднять палец вверх. Ратсгеры, подняв пальцы вверх, клялись, что они, как подобает честным людям,

[1] Акты Швабского союза, связка 92, № 11.
[2] Там же, связка 91, № 26.
[3] Там же.

будут противостоять с божьей помощью Вейнсбергскому отряду; часть общины тоже исполнила этот обряд[1].

Чтобы испытать расположение общины к крестьянам, магистрат предложил напасть на отдельные взводы, разъезжавшие между Вейнсбергом и Гейльбронном. Община открыто выразила свое нежелание действовать против крестьян, говоря, что многие из них имеют родных между крестьянами и что все они братья во Христе. Из толпы слышались восклицания: «Не худо бы повыгнать весь магистрат из ратуши, а дворян, как в Вейнсберге, прогнать сквозь строй». Люц Ташенмахер и Фламменбек предложили завладеть ключами от казначейства, где хранилась городская касса; «интересно и нам знать, что в ней находится», — прибавили они. «Бейте злодеев насмерть» — кричала ворвавшаяся на лестницу толпа, приближаясь к зале судилища. В это время появился между бунтовщиками доктор Лахман, за которым посылал магистрат, предвидя собиравшуюся над своею головою опасность; силою своих речей, друг Меланхтона, проповедник церкви св. Николая, этот любимый народом реформатор успел усмирить и удалить от ратуши разъяренную толпу.

Еще под Неккарсульмом многие бюргеры успели побывать в крестьянском лагере и при возвращении своем оттуда не могли достаточно наговориться о крестьянском мужестве и неустрашимости[2]. Многие также перебывали в Вейнсберге, а некоторые из заговорщиков даже участвовали в штурме города; и в короткое время, между великим четвергом и пасхою, партия, стоявшая за крестьян, успела в городе одержать верх. Когда бо́льшая часть бюргеров отказалась от предложенной им присяги — сражаться против крестьян, то некоторые из магистратских стали приставать к ним: «Как, вы не хотите возобновить присяги», — говорил один из почетных членов магистрата. «Да, — отвечал Ганс Биссингер, — мы не намерены присягать, потому что не знаем, какой оборот примет это дело». «Как, какой оборот, — продолжал почетный гражданин, — мы должны, если того потребует присяга, положить жизнь свою и имущество за магистрат и общину». «Я не согласен с вами, — вскричал Биссингер, — и знаю заранее, что пункты будут приняты магистратом». «Какие тут пункты, — заговорил Конц Вейсбронер, — разве мы не намерены как хорошее, так и дурное делить поровну между собой». «Ну, нет, — вскричал Биссингер, — я не согласен, пока не узнаю, в чем будет состоять это хорошее и дурное». С проклятиями отошел от них Вейсбронер, из толпы же вслед ему посыпались угрозы. Леонард Мюнх, один из почетных граждан, с своей стороны попробовал также уговаривать их: «Ганс Биссингер, — сказал он, — неужели ты

[1] Акты союза, связка 91, № 7, связка 92, № 1.
[2] Там же, связка 98, № 8.

не примешь присяги? Был же ты другом магистрата, так не изменяй ему, как честный человек». «Зачем я буду присягать, — отвечал Биссингер, — когда знаю очень хорошо, что должен буду изменить этой присяге?» «Убивать нам друг друга, что ли?» — вскричал Юнг Ганс Госс, один из жарких сторонников восстания[1]. Ганс Флукс уговаривал Конрада Штейфельдера, подававшего голос за магистрат: «Конрад, подобными речами, боюсь я, накличите вы на свою голову беду». Ганс Менг, обращаясь к виноградарям, сказал: «Теперь власть в ваших руках». Бернгард Шультхейс обходил всех колебавшихся; убеждениями и угрозами он принуждал их отказаться от присяги. Оба Госса советовали убивать всех, которые присягнут магистрату. Один из них, обращаясь к присутствовавшим, сказал: «Удалитесь отсюда те, которые имеют друзей или родных, приверженных магистрату». Это относилось к стоявшим вблизи молодому дворянину и лавочнику Никласу. «Останемся здесь, — сказал последний, — и послушаем, что он будет говорить». Оратор же продолжал: «По моему мнению, самое разумное в настоящее время созвать отдельно обе партии магистрата — аристократическую и демократическую, — отобрать от каждого из членов партий поодиночке его мнение, желающих действовать с нами сообща оставить при их должностях, противников же уволить от службы и заместить другими; и составленный таким образом магистрат отправить в Аугсбург и Ульм с поручением оправдать там наше поведение». Стоявшие вокруг оратора товарищи выразили желание поступать согласно предложенному плану. «Это мне нравится более прочих мнений», — сказал Бернгард Шель. Никлас, наклонясь к уху молодого своего приятеля, сказал: «Беги и немедленно извести обо всем бургомистра»[2].

Община негодовала на магистрат более всего за то, что он, во-первых, не хотел согласиться на некоторые из предложенных ему пунктов, и во-вторых, обманывал ее, перетолковывая намерения крестьянского войска; он хотел заставить думать общину, будто крестьяне намерены завладеть городом, тогда как горожане, имевшие сношения с крестьянами, утверждали совершенно противное; они говорили, что против города крестьяне ничего не имеют, что они желают мстить только одним ненавистным им и достойным наказания кавалерам Немецкого ордена. Потому во всей общине поднялся ропот, все заговорили, что магистрат не погнушался даже ложью. «Крестьяне не хотят нашей погибели, — вскричал Ганс Госс, — они сами сказали нам это». «Да, мы не хотим повиноваться настоящему магистрату и желаем выбрать новый совет», — кричали Ганс Мерглер и Бартэль Экерлейн. «Мы отправимся

[1] Акты союза, связка 99в, № 1, 1.
[2] Там же, № 3, 4, 5, 7.

к крестьянам, — говорил Андреас Шнек, — и приведем сюда все ополчение». «Здесь не хотят нам оказывать должной справедливости, — говорил Вольф Бекер, — и потому мы лучше позовем сюда крестьян». «Да, — согласился с ним Вендель Решер, — впустим в город крестьян, они ничего не сделают нам худого». «Вы, господа, смотрите в оба, — сказал Людвиг Герцог магистратским депутатам, — не досмотрите вы, так мы досмотрим и выбросим вас на площадь»[1].

Ратсгеры, по собственному их выражению, «после исполнения кровавого приговора в Вейнсберге, были полны ужаса и опасений»[2], и при ежечасно возрастающих волнениях внутри города кормило правления ускользало у них из рук.

С площади оппозиция двинулась к камерам богатых владетелей виноградников, которые тоже пожелали подчиниться общему цеховому управлению. Уже в этот день, перед ранней обедней, они держали совет в камере верхних виноградарей, на котором условились на другое утро собраться тут же, пригласив по одному или по два представителя от каждого ремесленного цеха, чтобы вступить в переговоры с магистратом. Там же вечером собралось много виноградарей, к ним примкнули заговорщики, присягнувшие в верности Евангелическому союзу; особенно отличались между ними суконщик Гутман Крист, Шерер и Ташенмахер: вышвырнуть магистрат и прогнать его сквозь строй — таково было господствующее мнение. Для того чтобы их не застали врасплох, у дверей были расставлены караульные. Палата нагорных виноградарей имела вид настоящего арсенала: по стенам развешаны были алебарды, латы, копья и пищали, которые выдавались всем желающим. Все были того мнения, что следует послать выборных к крестьянам в Вейнсберг. В понедельник на пасхе Вольф, булочник с Горшечной площади, встретив одного из приверженцев магистрата, с насмешкой обратился к нему: «Что у вас там делается в магистрате? Подавиться бы вам всем! Вот мы так устроили хорошее дельце, собрали комиссию и отправили ее к крестьянам»[3].

Всем, присягнувшим противодействовать крестьянам, приходилось выслушивать горькие речи. Когда провозили графиню фон Гельфенштейн через Гейльбронн, то один из присягнувших горожан сказал женщинам, глядевшим на этот грустный поезд: «Насмотритесь еще не на такие зрелища за эту ночь; граф-то ведь убит». «Да, — отвечала одна из горожанок, — все вы, заседающие на длинных судейских скамьях, охотно говорите только о том, что вам самим приятно слушать, потому и отправляйтесь во-свояси и предоставьте делу итти, как оно начато в Вейнсберге». «Ну уж, — подсмеивалась жена

[1] Акты союза, связка 99в, № 7, 9, 16.
[2] Донесение магистрата Швабскому союзу, связка 106.
[3] Союзные акты, связка 99а, № 31, 34, связка 99в, № 1, 17, 53.

Венделя Гиплера, — выкинули же вы вчера штуку, признаться и женщина бы не допустила сделать с собою этого». «Что же такое мы сделали?» — спросил ее бюргер. «Как что? — вскричала Гиплерша, — да вас, кажись, принудили к присяге!» «Нет, — отвечал тот, — меня не принуждали, напротив, я сам старался других уговорить». «Нечего сказать, благодарное дело вы затеяли, — сказала женщина, — сами себя запродаете в мясной ряд» [1].

Леонард Вельднер и другие бюргеры, несмотря на запрещение городского начальника, Ганса Шультерлина, всю ночь на пасху поддерживали собственноручно сторожевой огонь на улицах [2]. В понедельник на пасхе уже очень немногие в городе считали нужным повиноваться магистрату, и угрозы сыпались на тех, которые присягнули ему итти против крестьян: «Следовало бы обрубить им руки, чтобы они их держали за пазухой» [3]. «Мы имеем право так поступить с ними, — говорил Матвей Гунтер; — во-первых, это послужит уроком и другим; во-вторых, наказывая бездельников и разоблачая их обман, мы положим начало нашему новому счастию. Теперь нам легко будет жить на свете». «Не говори так, любезный Матвей, — возразил ему Кунц Вейсбронер, — ты ошибаешься: если мы потеряем, то и ты не меньше нашего». «Хотя бы и так, — отвечал тот, — все же так должно случиться» [4]. Ночным караульным было выставлено вино за счет магистратских городских сумм. Пьяные приходили и требовали себе все более и более. «Любезные друзья, — сказал им член магистрата Конрад Шрейбер, — мне кажется, что вы уже достаточно выпили; впрочем, если вы требуете еще, то идите в мой собственный погреб и цедите там из любой бочки». «Наплевать нам на твое вино», — ответил ему Ганс Надлер, стоявший впереди всех, и когда тот, вышедши из магистрата, запирал ворота, Ганс Надлер прибавил: «Ты, небось, думаешь, господчик, что весь город держится тобою? Нет, прошло то время, когда ты здесь господствовал, не вы, а другие люди будут господствовать здесь». Шрейбер шел, ничего не отвечая. «Я также думаю, — подхватил Гирш Вендель, — что не долго им здесь быть господами» [5]. Около городских ворот, ведущих к Вейнсбергу, собралась толпа мужчин и женщин, и поднялся ужасный шум. В споре один горожанин ударил другого копьем, тот упал и, когда подошли к нему, оказалось, что он был мертв [6]. Косой Глесер, виноградарь, поместился на одну из решеток около городских ворот. «Что вы делаете? — закричал ему ратсгер Конрад Вейс-

[1] Союзные акты, связка 99в, № 10.
[2] Там же, № 32.
[3] Там же, связка 99в, № 16.
[4] Акты союза, связка 99в, № 1.
[5] Союзные акты, связка 99в, № 19.
[6] Там же, № 8.

бронер, — разве вы не видите, что неприятель уже близко?» «А сами вы, куда денетесь?» — спросил его тот. «Конечно, позабочусь о себе», — отвечал ратсгер. «Это ни к чему не поведет, крестьяне придут сюда». «А до этого мы все же должны опасаться их». «Нечего их бояться, крестьяне люди добрые», — прибавил Глесер. «Я на них не полагаюсь», — сказал почетный горожанин. «Кто другим не доверяет, тому тоже нельзя доверяться», — отвечал косой виноградарь. «Да тебе и нельзя», — возразил ратсгер. «А тебе еще меньше». Опасаясь, что дальнейший спор поведет к плохой развязке, Ганс Берлин шепнул Вейсбронеру: «Замолчи, я тебе говорил уже, чтобы ты был осторожнее». Вейсбронер еще прежде раздражил против себя народ, потому теперь должен был замолчать, чтобы не возбудить против себя еще большего гнева. Чтобы спасти жизнь, он согласился с окружающими, что бездельник, убитый у городских ворот, — сторонник магистрата — «заслуживал этого». Слова эти его спасли, и он невредимо прошел сквозь толпу, намеревавшуюся убить его[1].

Ратсгеры собрались и совещались о защите городских стен и входов, между тем как некоторые из них ходили по городу и призывали жителей к оружию. Повсюду встречали они мало усердия и много насмешек, особенно от женщин. «Эх, — говорила дочь Христиана Шерера, — зачем эти люди так суетятся? Ведь бедным ничего не сделают худого, только такие богачи, как Андреас Мюллер и Ганс Ризер, должны опасаться за свою жизнь». Когда богатая горожанка, в доме которой жил старший Гутман, хотела таскать на стены камни и порох, другие женщины сказали ей: «Оставишь ли ты в покое наши камни?» «Тетушка, — говорила ей же крестьянка из Франкенбаха, — если я не ошибаюсь, здешние бюргеры обещали крестьянам в числе пятисот хорошо вооруженных человек перейти на их сторону». Почтенная горожанка прежде не обращала внимания на рассказы своих работников о всем, что случилось в Вейнсберге, а теперь один из ее поденщиков прямо говорил ей: «Если бы магистрат раньше высказался против крестьян, я тогда же ушел бы к ним, и случись под рукою какое оружие, я бы охотно поднял его на графа». «Что ты против него имеешь?» — спросила домохозяйка. «Э, да с подобными бездельниками так и следует поступать, — отвечал работник; — мы только предупредили бы их, сделав с ними то, что они хотели сделать с нами»[2]. «Крестьяне — люди добрые, — говорила Анна Либ, — я относила им порох; когда они придут сюда, все бедные останутся ими довольны»[3]. А мельничиха тут же прибавила: «А у господ, бывало, мы должны были возить навоз. Если бы теперь кто-нибудь из них появился

[1] Союзные акты, связка 99а, № 1.
[2] Там же, № 20.
[3] Там же, № 19.

у городского входа, я бы собственными руками турнула его отсюда»[1]. Когда стрелки с барабанным боем и звуком рогов обходили город, в отдаленных улицах поднялся крик: «Крестьяне идут!» Узнав же, что это сторожевой обход, кто-то в толпе сказал: «Эх, как жаль, что это не они, как бы я желал, чтобы это было крестьянское войско».

Когда ратсгер Андреас Мюллер хотел распоряжаться от имени магистрата, Георг Крапф закричал: «Нас... в пасть твоему магистрату». Ганс Нестлер, стоя у своих дверей, ругался: «Провалиться бы вам с вашим магистратом, большая мне до него нужда, — и усевшись на свою клячу, уехал из города, говоря: — не хочу я здесь оставаться»[2]. К нему присоединилось много конных и пеших. Канатный мастер Петр Кобер все бывшие у него канаты предложил крестьянам для фитилей, он был из числа пятнадцати, заседавших в магистратской комиссии. Двое других перевезли к ним же пороховой магазин. Каменная Стрела при уходе своем вскричал: «Башмак, сюда!» Слова старшего бургомистра Дигеля, грозившие ему наказанием, сказаны были им на ветер. Пришедшие в город на заработки тоже все повыбрались из него. Ганс Мантель говорил: «Крестьяне повысят здесь цены на работы». Ганс из Эгера, слышавший эти слова, отвечал: «Я тоже думаю, что это будет так». «Жирные пузы! — сказали оба крестьянина, — придется нам окрестить вас другим именем»[3].

Когда стало известно, что крестьяне хотят наказать городское духовенство и завладеть его имуществом, многие объявили, что им самим следует овладеть домами духовных лиц. Некоторые из виноградарей тоже согласились участвовать в этом деле из страха, чтобы крестьяне не вырубили их виноградники. «Нет, — вскричал один из них, — я лучше соглашусь сдать крестьянам весь город, чем позволю, хоть одну палку вырубить в моем винограднике»[4]. «Бейте сбор, — кричали многие из них барабанщикам, которых они привлекли на свою сторону, — решим дело на миру»; с барабанным боем виноградари отправились на рыночную площадь собрать сходку. Говорилось, что следует самим горожанам овладеть духовными имуществами, так как в городе много бедных[5]. Предполагалось здания Немецкого ордена отдать под цеховую управу верхних виноградарей, а в монастыре «босоногих» поместить низовых жителей, башмачников, работающих на бюргерских жен. Сначала не пришли ни к какому решению, а между тем, отдельные толпы крестьян показались уже перед стенами города. Один из бюргеров, Фоэнлог, по прозванию

[1] Союзные акты, связка 99в, № 9.
[2] Там же, № 7.
[3] Там же, № 7, 9, 19.
[4] Там же, № 1.
[5] Там же, связка 99а, № 31, связка 99в, № 20.

монах, ходивший к крестьянам в Вейнсберг, уверил их, что они найдут вход в Гейльбронн открытым[1]; между тем, магистрату удалось его запереть. Стены тоже были заняты бюргерами, между которыми находились как друзья, так и враги крестьян. На одной из городских башен стояли дворянин Мартин фон Цейтен и Каспар Геллер. «Что, разве хотят стрелять по крестьянам?» — спросил последний. «Я бы с удовольствием выстрелил в них, — отвечал дворянин. — Да не только в крестьян, но и во всех, кто с ними заодно. Кто из бюргеров держит их сторону, тот бы и оставался с ними внизу, а то здесь укажут ему его настоящее место». «Я ведь тоже бюргер», — сказал Каспар. Несколько крестьян перешло ров. «Завтра, — закричал один, — я хочу быть бургомистром вашего города». «Этого не допустит бог, — возразил дворянин, — прежде я вас всех перевешаю». «Эх, вы толстобрюхие, — вскричал крестьянин, — так вы не хотите впустить нас в город? Бедные впускают нас охотно». В это время подошел к говорившему, перешедший к крестьянам, наибеднейший из гейльбронских бюргеров, Альбрехт Боппель, оставивший в городе все свое имущество, жену, четверых малых ребят, старую постель, кружку и рака[2]. «Ладно, Мартин, — сказал он, — когда мы войдем в город, припомню я тебе твои слова». Угроза эта так устрашила дворянина, что он сейчас же отошел прочь. «Сделай ты хоть один выстрел по крестьянам, — сказал ему Тома Диппах, — быть бы тебе сброшенным с башни, подобно Дидриху фон Вейлер»[3]. Жена Клауса Греслина, отважная женщина, действительно столкнула со стены одного дворянина, враждебно смотревшего на крестьян[4]. «Ружья мои, — сказал Бернхард Зейц, — не стреляют в крестьян». Другие заряжали их бумагой. Богатый бюргер Симон Герцог до того простер свое усердие к крестьянам, что на другой день, когда город вел переговоры с ними, он весь порох смочил водою. «Теперь будут еще утверждать, — сказал он стоявшему возле него бургомистру, — что крестьянам только тогда возможно войти в город, когда они превратятся в журавлей и перелетят через стены»[5]. Гейльбронцы, работавшие в виноградниках, завидя приближающихся к городу крестьян, кричали им оттуда: «Будьте здоровы, любезные друзья, мы поспешим вслед за вами».

---

[1] Союзные акты, связка 99в, № 9.
[2] Опись, связка 95в.
[3] Союзные акты, связка 99а, № 31.
[4] Там же, связка 99в, № 9.
[5] Там же, 99в, № 10.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Занятие Гейльбронна крестьянами

Подосланные магистратом лазутчики донесли ему, что крестьяне владеют двумя шлангами и тремя полушлангами, четырьмя фальконетами[1] и многими доппельхаками[2]; перед распятием объявили, что все это находится перед городом, и если не верят им, то они готовы подтвердить свои показания клятвою. Орудия, частью гогенлоенские, частью вейнсбергские, действительно были расположены кругом города, но шпионы не проведали, что у крестьян не было ни одного зерна пороху. Донесение это было третьим ударом для магистрата, который и без того унывал и был совершенно обессилен внутренними разногласиями.

На площади снова собрана была община, и магистрат потребовал, чтобы все, желающие противиться крестьянам, честно перешли на его сторону. Самая небольшая часть общины высказалась за него, другие же пожелали вести переговоры с крестьянами; многие явно выказали при этом свое сочувствие крестьянскому делу. Магистрат употребил все от него зависящие средства для защиты города: он отдал приказание Гейнриху Гиндеру сделать насыпь у городских ворот, чтобы затруднить вход неприятелю; но Гиндер вскоре возвратился и, со слезами на глазах, рассказывал, что он не мог исполнить данного ему поручения и не сделал ничего для защиты ворот, потому что женщины хотели его убить; одна девушка, дочь почетного гражданина, принялась было таскать землю и навоз для насыпи, но все женщины закричали ей, чтобы она убиралась прочь и лучше села бы за пряжу. Когда ратсгер Диц просил их помочь ему укрепить городские ворота, они отвечали, что лучше пойдут помогать крестьянам. С другими ратсгерами поступили точно так же. Все возвратились ни с чем и жаловались, что не только им не оказали помощи, но, напротив, все ружья на стенах заколачивали чурбанами или наполняли водой, порох мочили и рассыпали. Многие кричали, что им нечего есть и пить. Магистрат поспешил унять эти крики, приказав напоить и накормить недовольных бедняков за счет городских сумм; за неимением своего погреба, он велел выкатить три бочки вина из погреба Немецкого ордена. Во время бражничанья перед городом показались передовые отряды крестьянского войска, и вскоре Яков Рорбах с другими вождями явился перед городскими воротами. Один купец, ехавший из Галля, встретив крестьян, спросил: куда они спешат? «На праздник

[1] Старинная 1-футовая пушка.
[2] Крепостное ружье со стержнем внизу ложи.

освящения гейльброннского храма», — отвечали они. Черная Гофманша, бывшая при штурме Вейнсберга[1], и теперь шла к Гейльбронну впереди войска, ободряя и возбуждая крестьян: приблизясь к городским воротам, она осыпала проклятиями город и магистрат, называя последний «сборищем злодеев и бездельников», к крестьянам же обратилась с благословением[2].

Многие ратсгеры, знакомые с Рорбахом, выйдя из города, стали дружелюбно упрашивать начальников удалить ополчение от Гейльбронна. «Любезный господин, — обратился Рорбах к одному из ратсгеров, — так как вы доверчиво обращаетесь ко мне с просьбою, то мы постараемся устроить так, чтобы никому не было сделано ничего дурного». В то время как одни ратсгеры вели переговоры с крестьянами, другие, оставшиеся в городе, ударили в набат, и с городских стен сделано было несколько выстрелов по крестьянам. Это обстоятельство тотчас же прервало переговоры, ратсгеры поспешно удалились в город, и двое из них, бросившись на стены, велели прекратить стрельбу под страхом смертной казни. Яклейн же, только что обещавший освободить от контрибуции монастырь кармелитов, лежавший при входе в город, тотчас начал разорять монастырский храм, желая этим выразить свое негодование. Сторонники крестьян из города отправились к ним через Флейнские ворота, а Ганс Дигель, старец, убеленный сединами, в прежние годы бывший городским бургомистром, севши у городских ворот, с поднятыми к небу руками, убеждал своих сограждан воротиться и защищать родной город. Один из приверженцев магистрата, бывший тут же, посылал вслед уходившим ругательства: «Да осквернятся для вас страсти христовы; вы хотите сегодня изменить вашему начальству». Но не эти проклятия, а горестный вид и увещания почтенного старика заставили одуматься бегущих: понемногу, один за другим, все вернулись в город. «Мы не желали, — говорили они потом, — огорчить старика, который так жалобно на нас смотрел». Крестьяне дали знать городу, что если им не отворят городских ворот, то они начнут штурмовать город и вырубать виноградники. Георг Мецлер, также подошедший к городским стенам, потребовал, чтобы город выставил продовольствие всему войску. Магистрат совершенно потерял голову. Утратив всякое влияние, он все-таки льстил себя надеждою и старался убедить других, что пользуется прежним могуществом. Но отказать наотрез Георгу Мецлеру он все-таки не отважился. Подождав немного, Мецлер вторично, с угрозой, потребовал того же. Делать было нечего: извне грозили городу крестьяне, внутри же волновалась община; магистрат счел нужным отпра-

[1] Союзные акты, связка 98, № 16 а и в.
[2] Там же.

вить в лагерь с двумя ратсгерами пятнадцать бочек вина, и один присяжный послан был с обозом для вымерки вина и для получения денег по расчету, как того желал главный начальник. Городские булочники пекли хлебы крестьянам по распоряжению магистрата, и никто не имел основания сомневаться, что отряд Мецлера, по крайней мере на этот раз, честно расплатится.

Вскоре за этим Георг Мецлер вторично потребовал, чтобы отряд был впущен в город с прежним уговором, т. е. что крестьяне только хотят наказать врагов своих — духовенство — и что город должен содействовать им в этом; только тогда их христианские братья намерены полюбовно переговорить с ними; в противном случае город будет опустошен, и все горожане подвергнутся одинаковой участи с духовенством. Ужасная драма, разыгранная крестьянами по соседству, в Вейнсберге, произвела сильное впечатление и на спокойных, верных бюргеров. Когда угроза стала известна общине, то эта последняя высказала такое мнение: зная хорошо, что крестьяне не намерены причинить вреда городу, община не желает из-за кавалеров Немецкого ордена подвергать себя одинаковой участи с Вейнсбергом. Магистрат увидел, что община слишком расположена уступить крестьянам[1] и что дальнейшее его упорство может быть причиною мятежа. Он поспешил уведомить надзирателя орденских имений, чтобы тот спасал, что может, и что магистрат окажет ему свое содействие. Надзиратель отвечал, что он не имеет на это никаких распоряжений от командора, однако просит прислать ему пороху; в этом не было ему отказано и вручено было даже слишком много. Затем магистрат назначил от себя троих депутатов в крестьянский лагерь, в числе которых был богатый булочник и виноторговец Ганс Мюллер Флукс, глава общинной оппозиции; им поручено было вести тайные переговоры с крестьянским советом. Многие крестьянские начальники и советники вместе с ними вошли в город, принеся с собою составленные уже пункты договора, и магистрат должен был обратно провести их из города. Тотчас после этого магистрат распорядился отрядить несколько человек от городских взводов, приказав им «охранять и оберегать дворец Немецкого ордена», но никто из назначенных не согласился на это.

Почти в то же время открыта была малая дверь главного входа, и часть отряда вошла в город. Это было так искусно устроено, что нельзя было догадаться — была ли дверь отворена по распоряжению магистрата или по распоряжению общины. Вошедший отряд, заняв город, послал одного из вождей обратно в лагерь: «Братья, — сказал он, — мы теперь приобрели еще один город».

[1] Союзные акты, связка 91, № 25.

Главный начальник Георг Мецлер, старшина ополчения Ганс Рейтер из Берингена, Яков Рорбах и начальник снабжения Альбрехт Эйзенгут пришли вместе с отрядом в город. К этим четверым магистрат назначил столько же от себя и столько же от общины для ведения переговоров. Когда крестьянские начальники шли в ратушу, один ратсгер закричал им: «Старшина и вы начальники, знайте, почтенный магистрат желает, чтобы вы удалили из города ополчение». «Мы должны еще учинить здесь правосудие», — отвечал Георг Мецлер, намекая на командора. Ганс Рейтер, крестьянский старшина, Яков Рорбах и Ганс Бельдербанн, гейльброннский городской писарь, обратились к собравшейся на рынке общине, говоря ей, что они идут не против императора, но охраняют евангелие, согласно учению Павла. «Кто хочет быть с нами заодно, — заключили они, — тот подними руку», — тогда все подняли руки. Магистрат заранее решил: если дело примет такой оборот, «сделок более не предлагать, чтобы не навлечь подозрений».

Оттуда начальники отправились в ратушу; заняв одну из судебных комнат, они имели тайный разговор с сочувствовавшими им бюргерами. Тут порешили, что следует присягою обязать всех горожан и магистрат, чтобы во всякое время дня и ночи городской вход был открыт крестьянам и чтобы они могли свободно входить и выходить из города[1]. Переговоры были не долги. Магистрат должен был дозволить расправу с духовенством, но выдать открыто ружья и порох он не согласился, и начальники удовлетворились оружием, которым их снабдили в городе. Магистрат отверг также и требование присоединить от города к крестьянскому ополчению отряд в пятьсот человек под командою одного из бюргеров с городским знаменем. С четвертым требованием, состоявшим в том, чтобы город не держал в стенах своих и не давал прибежища никому, кто будет противиться крестьянам, магистрат тоже не согласился, ссылаясь на свой союз с пфальцграфом. Двенадцать же тезисов были приняты, и как магистрат, так и община присягнули в верности Крестьянскому союзу и сделались с этих пор его любезными братьями и добрыми друзьями[2]. На имения духовенства крестьяне наложили тяжелую контрибуцию.

[1] Союзные акты, связка 99а, № 31.

[2] Яклейн писал 29 апреля магистрату: «Наше братское желание и просьба, чтобы вы уважили наш братский союз, которому присягали вы в верности» (Союзные акты, связка 92, № 18). Георг Мецлер писал 2 мая в Гейльбронн: «Если кто-нибудь еще не присягнул, то от нашего имени приведите тех к присяге» (Союзные акты, связка 22, № 24). Мецлер и Яклейн с этих пор в бумагах своих не иначе называют магистрат, как своими любезными братьями и добрыми друзьями, а магистрат величает крестьян своими достойными и любезными друзьями и братьями (Союзные акты, связка 92, № 23; связка 18 и 28). Также Ганс Флукс, начальник Гейльброннского отряда, упоминает, что магистрат и община поклялись в верности (Союзные акты, связка 98).

С кармелитского монастыря взяли 3 000 гульденов, с монастыря св. Клары потребовали 5 000 гульденов и т. п.

Переговоры вел любимый народом проповедник доктор Лахман, которого магистрат и вызвал для этой цели. Как ни старался доктор и как ни велико было его влияние на народ, он ничего не мог сделать для облегчения участи Немецкого ордена. Дворец ордена принадлежит нам, отвечали ему крестьяне на его просьбы. Переговоры продолжались недолго; во вторник, в 5 часов пополудни, все было покончено; и в Вимпфене было уже известно, что Гейльбронн присоединился к крестьянам[1]. Узнав это, Вимпфен прислал от себя в Гейльбронн депутатов, и через Лахмана они заключили довольно выгодный договор. Город должен был заплатить 12 000 гульденов, частью деньгами, частью плодами и вином, с уговором, чтобы подвергнуты были этой контрибуции только одни капитулы и духовные учреждения; город давал право каждому желающему свободно следовать за крестьянским войском, и соглашался на все сделанные крестьянами изменения; взамен этого городу и всем округам крестьянскими начальниками пожалована была охранительная грамота, и все духовные имущества отданы были в его руки[2]; по окончании переговоров и другие крестьянские отряды вступили в город. Впереди крестьян ехал один из зажиточных гейльброннских бюргеров, Вильгельм Брэйнлейн, за ним следовал Христиан Шерер, Луц Ташенмахер и другие. Общее внимание обращено было на героев вейнсбергской катастрофы; тут показывали и на невзрачного человека, старика Мартина, который выстрелил в Дидриха фон Вейлер, и на одного из кохендорфских крестьян, тоже немаловажную личность, набившую себе руку в снимании людских голов, также на одного кресбахского мужика, плута, который сначала ограбил замок графа, а потом настаивал, чтобы его задушили. Убитая горем графиня, желавшая выкупить одежды своего супруга, долгое время не могла достать на это денег; наконец Вильгельм Брэйнлейн, вывесивший из своего окна крестьянское знамя, ссудил ее пятнадцатью гульденами[3].

С появлением крестьян в городе исчезла последняя тень власти магистрата; на улицах громко говорили: «Магистрат уже не имеет более никакой власти». Ульрих Фишер, Бастлер Вахтмейстер, Ганс Госс с некоторыми другими отправились сейчас же в монастырь св. Клары; их хотели оттуда выпроводить. «Друг, — сказал Ганс Госс монастырскому эконому, — не мешай нам делать свое дело, теперь все пойдет иначе, как ты ни хлопочи, ничего не поделаешь». «Что же будет?» — спросил эконом. «А, вот ты увидишь сейчас», — отвечал ему, смеясь, Ганс Госс. «Уноси ты отсюда свою шкуру, пока она еще

[1] Союзные акты, связка 92, № 7.
[2] Там же, связка 105. Т. Цвейфель, рукопись.
[3] Там же, связка 99а, № 31, 35, 36а.

цела», — ругался Бастлин Вахтмейстер. «Хозяева здесь мы! — кричал Вендель Гофманн из Флейна. — Чего тут много разговаривать, как мы хотим здесь распоряжаться, так и будем», — говорил Гофманн. К ним присоединились семеро других, пришедших с намерением вынести монастырское вино, и еще несколько человек, чтобы завладеть монастырскими лошадьми. Восклицанья сыпались со всех сторон: «Давай вино! где лошади?» И как ни упирался и ни щетинился Леонард Вендер, — ничто не помогло, крестьяне оставили его рассуждать с самим собою и, проникнув во внутренность монастыря, обобрали весь монастырский скарб. На улицах при встрече друг с другом[1] велись подобные разговоры: «Христиан, — говорил Яклейн Шереру, — дело пойдет хорошо». «Без сомнения, — отвечал тот, — я вместе с другими буду стараться, чтобы оно пришло к желанному концу». «Все идет хорошо, — говорил Иванушка-горбун, — скоро и мы заставим господ пасти свиней, как они нас прежде заставляли». «Хорошо, — возразил Ганс Менг, — но еще будет лучше, когда мы повышвыряем бездельников из ратуши, а наши внизу примут их на вилы». «Любезный, — сказал ему на это другой бюргер, Михаэль Винтер, — что сделали тебе наши гейльброннские господа, за что ты хочешь поступать с ними таким образом?» «Любезный, ты ничего тут не смыслишь»[2], — отвечал ему Менг.

В этой оживленной картине виднелись и унылые лица, с грустью и неудовольствием взиравшие на все происходившее. «Восхитительные вещи у нас творятся, — говорил Якоб Платнер; — случалось ли кому что-либо подобное видеть раньше, когда еще не было у нас в городе этих пришельцев». «Мы все отдались им добровольно», — возразил Андрей Бессерер. «Вы называете это добровольным? — сказал Платнер. — Вы забываете тех, которые нарочно мочили порох и смешивали камни для того, чтобы не оставалось никаких шансов для защиты города». «Кто меня намерен обвинять, тот лжет, как подлец, — вскричал Бессерер; — теперь ангелы радуются, глядя с небес на поступки наши»[3]. Подобные речи сильнее всего раздавались перед дворцом Немецкого ордена, к которому торопливо и шумно устремился народ. Вассалы ордена были тут одни из самых довольных. «Довольно таки шлялись мы здесь в свите командора, — кричали они, — а вот теперь и без него погуляем». Магистрат послал с стражею несколько ратсгеров для наблюдения, «чтобы не случилось при разграблении каких злоупотреблений и чтобы бесчинство не распространилось далее». Стража обязана была впускать во дворец всякого, выпускать же только по особенному пропускному билету; распоряжаясь таким образом с дозволения крестьянских начальников, маги-

[1] Союзные акты, связка 99в, № 2.
[2] Там же, связка 99а, № 7, связка 99, № 6 53.
[3] Там же, связка 99а, № 53.

страт желал предохранить от совершенного разорения дворец ордена. Под надзором Альбрехта Эйзенгута как старшего распорядителя при добыче производилось «разграбление» резиденции ордена. Все грамоты, счета и рукописи, принадлежавшие ордену, были разорваны, разбросаны и кинуты в воду. Крестьяне, подвластные ордену, выказали особенное рвение при уничтожении документов. Женщины, дети сновали между ними, таская кому что приходилось под силу: вино, овес, полотна, серебро и различную домашнюю утварь. Яклейн устроил на дворе рынок и оповестил по городу, что вся добыча будет распродаваться, и сам уселся около вина, плодов и всякой другой движимости; начался торг. Городская мера, которою мерили на рынке (при продаже) рожь и овес, пригодилась и теперь; горожане и горожанки, старый и малый весело уносили дешево доставшиеся им покупки. Леонард Вельднер с товарищами, припрятав некоторые вещи за заднюю дверь, спровадили их потом домой. Женщины уносили священнические одежды и стихари, выкраивая из последних себе передники[1].

Когда торг был кончен, крестьяне весело собрались во дворце есть и пить. Кавалеры ордена, не бежавшие с командором и бывшие тут же в доме, с непокрытыми головами должны были, стоя у стола, смотреть на пирующих врагов. Один из крестьян закричал стоявшему близ него кавалеру: «Сегодня, барин, мы кавалеры ордена!», и так сильно ударил его в живот, что тот упал на спину. После пиршества вырученные от продажи добычи деньги были разделены между крестьянами. Вассалы Немецкого ордена потребовали себе львиную часть: «Все, что вы распродали, большею частью доставлено было во дворец нами; и мы по всей справедливости должны получить более прочих». Кроме того, крестьяне нашли еще во дворце значительную сумму наличных денег: за два дня до этого прислан был на имя командора из Винненталя ящик с 4 000 гульденов; вообще орден понес убытку на 20 700 гульденов. На долю начальников при разделе пришлись изрядные куши; Георг Мецлер получил 1 300 гульденов; один из гейльбронских бюргеров на своих плечах вынес 1 400 гульденов и разделил их потом с четырьмя другими. В доме Тосса Деймлинса разделили между собою сам хозяин, два бюргера и «писарь конвента» 130 гульденов и «слиток золота». Яклейн Рорбах отдал на сохранение вдове Темнер 71 гульден, связку доппельдукатов, сердолик в золотой оправе, большой серебряный кубок, серебряную печать и другие дорогие вещи[2]. Впоследствии о нем рассказывали: «Жил-был небольшой человек, по имени Рейнгардлин из Эрингена, служил он посланником и советником у главного начальника; много он набрал себе добра из

[1] О письме из союзных актов.
[2] Союзные акты, связка 99а, № 5 а, b, с, связка 99, № 14.

дворца Немецкого ордена и купил себе дом; болтать и писать мог он вволю: ученый этот владел всяким оружием и бывал во многих сражениях»[1].

Крестьянские жены гордо расхаживали по городу и распоряжались, как хозяйки; дворянству оставалось только убираться оттуда поскорей, потому что победа, как хмель, подействовала на крестьян: они стали угрожать, что выгонят всех монахинь из монастыря св. Клары. К ним присоединились и гейльброннские бюргеры, которые, рыская по домам духовенства, наводили на него ужас. Один из попов сказал им, что он будет на них жаловаться. «Поди, ищи на нас расправы: магистрат теперь ничего не значит», — ответил ему бюргер Георг Клейн. Устрашенные сестры св. Клары умоляли магистрат помочь им, и тот посоветовал им одеть светское платье, и если они имеют какого-нибудь друга, который бы приютил их, то он будет за них ходатайствовать[2]. Удивительно, что взятие Гейльбронна обошлось без кровопролития, крестьяне в чаду от своих удач не причинили никаких убытков самому городу. Ненавистным же народу ратсгерам досталось более на словах, чем на деле: гнев магистрата доходил до того, что, по словам Христиана Шерера, у некоторых членов разлилась желчь; дружественным отношением крестьян к бюргерам немало способствовали переговоры оппозиционной партии, веденные пятью ее выборными, которым был предначертан заранее известный план. Каждый из этих людей, войдя в дружбу с крестьянами, в то же время не переставал быть другом своего родного города и не желал его погибели. Хотя оппозиционная партия и не питала особенной приязни к магистрату и к дворянам, однакоже с ними поступлено было совсем не так, как с вейнсбергскими властями, и случилось так потому, что магистрат, видя грозящую опасность, решился, отбросив гордость, обратиться к одному из этой партии с униженною просьбою.

Многие из начальников крестьянского войска доводились родственниками Гансу Мюллеру, по прозванию Флукс. Его брат заседал в крестьянском совете, а зять, Ганс Рейтер из Бирингена, был старшиной войска; с главным начальником он также был в родстве. Флукс принадлежал к тем впечатлительным натурам, которые с горячностью отдаются раз затронувшим их идеям. Он принадлежал восстанию уже тогда, когда крестьянское войско еще стояло лагерем в Эрингене. В великий четверг он отправился туда и в Лихтенштерне нашел своего брата и зятя, заседавших в совете и пользовавшихся большим

[1] Союзные акты, связка 99в, № 31. Настоящее имя его было Рейнгард Лейбингер.

[2] В связках 98 и 99 А и В союзных актов находятся описания всего вышесказанного, равно как документы о начальнике Гейльбронна Гансе Флуксе, его собственные показания и донесения очевидцев.

влиянием; они посвятили его в свои обширные и смелые замыслы и совершенно привлекли к себе восторженного гейльброннца. Сделанный ему прием и высокое положение его родственников окончательно сблизили его с крестьянами. Возвратясь в Гейльбронн, он с гордостью рассказывал, какой высокий пост занимают его родственники в евангелическом войске, как они сообщили ему свои великие планы, как они намерены поднять знамя народной революции и распространить ее по всему свету. Как ни был велик его энтузиазм к крестьянам, все же он оставался добрым гейльброннским бюргером, не желавшим гибели своего города и находившихся там бюргеров и дворян.

Он ездил к крестьянам и в Неккарсульм; в его присутствии Яклейн и товарищи его клялись кровью отомстить графу фон Гельфенштейну за его нападение во время перемирия; он наблюдал волнение, произведенное этим нападением на все войско, и некоторым из членов магистрата он передал все виденное и слышанное им, советуя предостеречь вейнсбергское дворянство и бюргерство. Раньше этого он точно так же предостерегал самого графа Гельфенштейна. Благоразумные слова его магистрат назвал пустыми сказками и, смеясь над ним, вообразил, что все это он говорит только для того, чтобы придать своей особе пущую важность. Флукс обращался еще к другим и, наконец, к Конраду Шрейберу и к своему тестю, когда те шли в ратушу; эти последние передали его мнение общему заседанию магистрата, но и тут его слова не произвели желанного действия; добряк преувеличивает, делает из мухи слона, говорили они, и, подобно графу Гельфенштейну, не придавали никакого значения восстанию крестьян; при этом бургомистр выразился, что если крестьяне захотят взять Гейльбронн, то им придется, как журавлям, перелететь через городские стены. Вечером Флукс спросил одного из магистратских: «Послали ли предостеречь вейнсбергцев?» «Замолчи, любезный, — отвечал тот, — стоит ли об этом разговаривать». Когда в разговоре с бургомистром он дал понять, что, по его мнению, крестьяне пойдут и на Вейнсберг, то прибавил: «Если вы пожелаете вести переговоры, то поручите это мне, я сумею все устроить к обоюдному согласию». Бургомистр ничего не отвечал на это предложение. Такое невнимание огорчало добросердечного и вместе с тем тщеславного и честолюбивого человека; это грызло ему сердце. «Гейльброннские господа не хотят мне довериться, — говорил он, — так пусть брат мой и зять идут куда я хочу». Он отправился домой и, сидя за серебряным кубком, наполненным лучшим неккарским вином, с недовольным видом говорил: «Видел я крестьян в Лихтенштерне, помню как они рвали и метали все, что попадалось им под руку: пускай же и здесь поступают, как поступили с беспутными монахинями и монахами и со всеми, подобными им бездельниками». Он и

на другой день не мог забыть нанесенной ему обиды, а между тем слова его должны были сбыться и таким ужасным образом, что и сам он не ожидал этого.

В самую пасху, по приказанию магистрата, в Гейльбронне начались приготовления к защите города. В оружейных мастерских пылал огонь и стучали молоты. Ганс Флукс, пришедши к оружейнику Мартину Нагелю, говорил: «Что ты думаешь о всех этих приготовлениях, друг? Дидрих фон Вейлер уже не прикажет стрелять по крестьянам, граф Вейнсбергский прогнан сквозь строй; я просил вчера предостеречь вейнсбергцев о том, что с ними случилось. Ловенштейнцам я тоже скажу, чтобы они остерегались раздражать крестьян. Гейльбронн пускай делает, как знает. А я побываю в лагере». Когда толковали, что бюргерам следует завладеть имуществом духовенства, то Флукс вскричал: «Прекрасно, мои любезные бюргеры, прекрасно, мы завладеем дворцом Немецкого ордена, топором вырубим дверь, которая находится со стороны моего дома, устроим там кабак и обратим его в проходную улицу, а с магистратом поступим как следует».

В ночь на понедельник была его очередь итти на караул и, когда его разбудили, он сказал: «Караулы не нужны; крестьяне нам не враги. На стену я тоже не пойду». И он согласился итти только в обход. Призванный зачем-то на стену, он не остался там, а сошедши, присел на ступеньку. «Не любо вам будет смотреть на то, что у вас теперь перед глазами», — обратился он к одному из бывших тут ратсгеров. «Как бы то ни было, — отвечал тот, — но вы не забудете о присяге, которую вы дали магистрату». «Я вам уже говорил, — отвечал Флукс, — что обязан отдавать отчет только одному богу, магистрат же скоро не будет пользоваться прежней властью, оброками и рентами».

В понедельник на пасхе магистрат, по требованию Георга Мецлера, отправил крестьянам хлебы, испеченные городскими булочниками по его распоряжению; Флукс вместе с обозом отправился в лагерь; возвратясь оттуда, он говорил, что множество трупов рыцарей и рейтаров, еще не убранных с дороги из Гейльбронна, до того устрашили его, что он за полную тачку с хлебом выручил второпях только один гульден. Когда же, как рассказывает сам магистрат, во вторник на пасхе начальство города увидело, что не оставалось никакой возможности сопротивляться крестьянам, то послали за Гансом Флуксом, так как он ранее предлагал свои услуги для миролюбивого объяснения с крестьянами. Флукс стоял в то время на площади с другими бюргерами, когда к нему подошел один из ратсгеров, Томас Рейель, и сказал: «Немедленно иди к бургомистрам в ратушу». Флукс нашел там обоих бургомистров, доктора Ганса Больдермана и Ганса Келлера в ужасном страхе. Ганс Мюллер начал первый: «Все крестьянское войско подня-

лось на Гейльбронн; зная твои дружеские отношения с начальниками ополчения, мы просим тебя, поспеши к ним навстречу и осведомься, что они имеют против нашего города». Как ни был обрадован этим предложением Ганс Флукс, он все же сделал вид, что не решается и боится итти к крестьянам. Тогда бургомистр еще настойчивее стал упрашивать его. «Друг, мы просим тебя, ради бога, спаси нас и весь город; приложи все свое старание, уговори начальника удалить войско от Гейльбронна». И когда Флукс все еще раздумывал, не поплатится ли он в самом деле, принимая на себя такое опасное поручение, Ганс Келлер, бывший ему соседом, сказал: «Любезный сосед, прошу вас не отказывайтесь, если это не поможет нам, то во всяком случае и не повредит». Ганс Флукс сдался, наконец, на их просьбы и прямехонько из ратуши отправился к выходу; Ганс Берлин пропустил его. Когда он достиг равнины, войско уже занимало ее, выставляя вперед свою артиллерию. Не без труда добрался до начальников магистратский уполномоченный. Первым ответом на его слова была угроза, войско было раздражено поведением магистрата. Булочник Флукс, польщенный тем, что магистрат нуждается в его и им же самим прославленном влиянии, не хотел вернуться без удовлетворительного ответа в город. Он отыскал всех своих знакомых и приятелей между крестьянами, упрашивал их то сам, то через своих родственников, чтобы они пока не предпринимали ничего неприязненного против города, наконец, после усиленных просьб, он получил тайный ответ: «Если сам Флукс ручается за мирный и свободный пропуск в город и из города, то войско согласно послать туда некоторых из своих начальников для переговоров с магистратом и спокойно ожидать окончательного результата». Флукс как уполномоченный обещал ему это. С четырьмя начальниками подошел он к городским воротам, и Ганс Берлин, приставленный тут с караулом, получил от него приказание не впускать более никого в ворота. Это было вечером. Придя в ратушу, он оставил четверых крестьян перед дверями судилища, сам же вошел туда. «Достойные, мудрые, милостивые господа, — обратился он к ратсгерам, — по желанию вашему я привел сюда четырех крестьянских вождей, которым я дал слово, что как привел я их сюда беспрепятственно, так и отсюда вы дадите им свободный пропуск. Теперь вы переговорите сами с ними о своих надобностях; я же не разумею, о чем следует вести с ними переговоры, и что бы ни случилось не моя будет в том вина, пусть после никто не жалуется, что я один толковал с ними».

Часть оппозиционной партии была очень довольна последними событиями, радовалась, что, наконец, ее мнения одержали верх в городе, остальным же членам этой партии не нравилась умеренность крестьянских начальников, которые действительно должны были сдерживать пыл войска, чтобы не допу-

стить здесь повториться вейнсбергским событиям. Через посредство Флукса магистрат сдался на выгодных условиях. Ратсгеры были многим обязаны булочнику, и гордость их немало возмущалась тем, что булочник давал им сильно чувствовать свое могущество. Вместе с начальниками он выехал из Гейльбронна на прекрасной лошади, подаренной ему крестьянами еще в Вейнсберге. «По его осанке, речам и поступкам, можно, право, заключить, — говорил один из ратсгеров, — что булочник этот воображает, будто он распорядитель всего отряда и будто им одним ведутся все переговоры». «Ганс Мюллер, — обратился к нему ратсгер Георг Теннер, — где мы поместим все войско?» «Пускай останется там, где оно теперь, вне города, — решил Флукс; — находясь там, оно меньше причинит вреда городу». Таким образом, только небольшая часть войска вошла в Гейльбронн, это и спасло его от разорения. В четверг представилось магистрату новое затруднение. Духовенство было наказано, магистрат и община с некоторыми оговорками открыто признали действительность двенадцати параграфов [1]. Тогда вдруг оказалось, что старшина Ганс Рейтер согласился по просьбе магистрата присоединить только 200 человек к крестьянскому войску; между тем вожди настаивали, чтобы отряд состоял из 500 человек и имел бы знамя с гербом города. Требование это он должен был сообщить магистрату, ратсгеры опять прибегли к Гансу Флуксу. «Любезный, — обратился к нему бургомистр — ты говорил, что зять твой честный человек, как же теперь он не хочет сдержать свое слово и требует, чтобы город выставил от себя пятьсот человек». «Мудрые, милостивые господа, — отвечал Флукс, — я раньше еще докладывал вам, что не отвечаю за поступки других; если зять мой не сдержал данного слова, то я и согласен с вами, что он хуже, чем я о нем думал». «Любезный Ганс Флукс, — говорил ему член магистрата Стефан Вейсбергер, — окончи начатое тобою доброе дело, подумай, неужели должны мы исполнить их требование? Не можешь ли ты дать какой-нибудь другой оборот этому делу». Флукс сам видел опасность, которой бы могли подвергнуться магистрат и город, присоединяя свое знамя к Крестьянскому союзу; он обратился к зятю своему и умолял его не требовать от города невозможного: Ганс Рейтер настолько был расположен к своему родственнику, что согласился довольствоваться тем, чтобы не запрещали только присоединяться к ополчению желающим; он брался уговорить на это и войско. Ратсгеры согласились, дано было знать всей общине, что каждый желающий волен присоединяться к крестьянам и во всякое время может возвратиться обратно в город, потому что, присоединяясь к Евангелическому союзу, никто не теряет ни своих

[1] Ганс Мюллер говорил, что они были посланы магистрату в одно время с прошением — открыть крестьянам город во всякое время.

бюргерских прав, ни чести, ни имущества. Магистрат надеялся, что, уступая только таким обстоятельствам, когда действительно кроме уступок ему ничего другого не оставалось делать, он сохранит прежние свои отношения к Швабскому союзу; он утешал себя мыслью, что, дозволив желающим оставаться в крестьянском лагере, он навсегда избавит город от вольнодумцев, полагая, что и без его разрешения бунтовщики не вернулись бы в Гейльбронн. Но эти-то беспокойные люди, от которых думал отделаться магистрат навсегда, и подстрекнули отряд настоять на том, чтобы город непременно дал им свое собственное знамя. Когда Ганс Рейтер, возвратясь из Гейльбронна, объявил войску о результате своих переговоров с магистратом, то все восстали на него, послышались даже кровавые угрозы. Чтобы успокоить их, он велел на свой собственный счет сделать белое шелковое знамя с гербом города Гейльбронна и просил Ганса Флукса потерпеть день или два, обещая, когда волнение несколько утихнет, дать им другое знамя. Но Флукс видел, что войско нельзя было иначе удалить от Гейльбронна, как только дав ему гейльброннское знамя, и что всякое замедление может только повредить городу. Боясь, чтобы опасения его не оправдались, он с новым знаменем стал у городских ворот и, созвав бюргеров, обратился к ним с такими словами: «Любезные братья, вот вам знамя, под которым вы будете защищать евангелие. Все одинаково будут пользоваться добычею, плодами, вином и жалованием, с бедными будут обращаться, как и с богатыми. Предлагаю теперь же дать каждому из вас по одному гульдену в счет жалованья». Другой бюргер, Гаспар Гехлер, который всегда находил предлог оставаться дома, когда набатный колокол призывал всех бюргеров на стены оборонять город, теперь из своего собственного кармана дал порядочную сумму денег на жалованье, неккаргартским ратникам, которых присоединили к отряду Флукса.

Этот вновь образовавшийся отряд Ганса Мюллера был назван «вольным отрядом», крестьяне же называли его гейльброннским. Новое, развевавшееся на неккарсульмских воротах знамя, кололо глаза некоторым гейльброннцам. «Будет раскаиваться гейльброннский магистрат, — говорил старый суконщик Вендель, — что не поступил построже с нашими бунтовщиками». «Это все Флуксовы штуки», — думала про себя хозяйка старика Бернхарда. «Да, — говорил молодой Вендель, — недобрую вещь сотворил с нами этот плут и мошенник Флукс, поднял собственное знамя, подобрал две шланги, да еще требует оружия своему отряду; стоило бы таким злодеям, как Флукс, Симон Герцог, Фламменбекер, снести головы, теперь не справиться будет с ними магистрату». Магистрат же, очень хорошо сознавая свое бессилие, все еще хотел попробовать, не удастся ли ему как-нибудь отвертеться, чтобы не снабжать оружием отряд Мюллера. Но Ганс Рейтер в сильном гневе

появился в городе. «Так этаких-то невооруженных людей вы отправляете к нам в лагерь?» — вскричал он. Магистрат струсил: сейчас же явились копья, латы и всякое другое оружие; порох и необходимые полевые орудия были отправлены магистратом, согласно договору, в крестьянский лагерь [1].

По удалении войска от города, почтенный магистрат стал отрекаться от Крестьянского союза. Близких своих соседей, жителей Вимпфена, он вздумал уверять, что позволил только желающим присоединиться к крестьянам; Швабскому союзу отправил он письмо, в котором, извиняясь, оправдывался, что по необходимости должен был допустить вторжение отряда в город. Только Гмунду, осведомлявшемуся с особенным участием, как идут дела в Гейльбронне, он поведал свою скорбь. «Увы, — писал он 25 апреля, — дела наши и соседей наших приняли очень дурной оборот. Чего не натерпелись мы в те восемь дней, когда осажденные крестьянами мы должны были вести с ними переговоры. Теперь одна надежда на бога, чтобы он своею милостью устроил все к лучшему» [2].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Организация войска. Гец фон Берлихинген как главный начальник

В то время как главное крестьянское войско стояло в Гейльбронне и его окрестностях, «черный отряд» занимался уничтожением замков и присоединением к братству как отдельных владетелей, так и общинников. Флориан Гейер был главным предводителем и распорядителем этого предприятия, хотя с ним заодно делали набеги и другие небольшие партии, откомандированные Георгом Мецлером. Таким образом (одни охотою, другие неволею) вся сторона по Неккару присоединилась к Крестьянскому братству. Одна такая партия наездников, по распоряжению Флориана, отправилась назад в Неккарсульм и взяла тамошние пушки, четыре самопала и семь винтовок; она надеялась, что, присоединив все это к бывшему уже в ее распоряжении оружию, она овладеет замком Немецкого ордена, Шейербергом. Всем было давно известно, что крестьяне особенно метили на этот замок, и Гейльбронн неоднократно уже предостерегал управителя орденского дома, обещая ему в случае нужды прислать пороху и каменьев. Но последнее предо-

[1] Союзные акты, связка 98 содержит всю переписку об этом деле между магистратом, Швабским союзом и имперским сеймом.
[2] Там же, связка 92.

стережение гейльброннского магистрата было перехвачено Яклейном, от посланного в наказание была отнята лошадь, и он пешком должен был вернуться назад. Шейерберг был укрепленный замок, в котором не было недостатка ни в гарнизоне, ни в оружии. Когда проведали, что крестьяне приближаются к замку, командор спросил гарнизон, может ли он на него надеяться? — на что тот ему отвечал, что гарнизон слишком незначителен, чтобы отразить неприятеля. 19 апреля показались крестьяне. Со стен замка рискнули было сделать несколько выстрелов; но ружья оказались разряженными, и весь порох был подмочен; об этом донесли кавалерам ордена, сидевшим в то время за обедом. Обстоятельство это до того устрашило кавалеров, что они, оставив на столе всю серебряную посуду, бежали. Таким образом, крестьяне без малейшего сопротивления вошли в замок, нашли там хорошую добычу, много копий, двадцать шесть самопалов, двадцать девять винтовок, одиннадцатифутовую шлангу и четыре от восьми до десяти футов пушки. Крестьяне, опустошив замок, сожгли его.

Другая часть партизан отправилась к Гундельсгейму, чтобы овладеть замком Горнек, стоявшим на берегу Неккара. Замок этот в то время был любимой резиденцией командора Немецкого ордена Дидриха фон Клее. Жители Гундельсгейма обещали оставаться ему верными и защищать его жизнь и имущество, командор, с своей стороны, обещал им то же. Но узнав, что крестьяне приближаются к замку, он бежал в Гейдельберг просить, как он говорил, помощи у пфальцграфа. Оставшиеся в замке рыцари ордена объявили бюргерам, что они намерены до последней возможности сопротивляться крестьянам. Гундельсгеймцы приняли крестьян дружелюбно; а кавалерам предоставили ведаться с крестьянами, как они знают. В одно прекрасное утро в городе стало известно, что замок стоит пустой; храбрые рыцари, потаенным ходом, все до единого выбрались ночью из замка. От командора получено было письмо, в котором поручалось гундельсгеймцам выслать из замка его имущество и позаботиться о канцелярии и кладовых. Но город, не заботясь о полученных им поручениях, дозволил крестьянам спокойно распоряжаться в замке. Там нашли они много драгоценностей, такое огромное количество съестных припасов и богатой домашней утвари, что едва на пяти повозках могла уместиться вся эта добыча; на каждый отряд пришлось по 120 мальтеров зернового хлеба, а из вырученных от продажи вина денег каждый взвод, состоящий из тринадцати человек, получил по десяти гульденов.

В субботу на пасхе, 22 апреля, выступило ополчение из Гейльбронна, чтобы соединиться с посланными вперед отрядами. Уходя со своим вольным отрядом, Ганс Флукс при прощаньи сказал бургомистру: «Как только будем мы нужны здесь, дайте знать, и мы вернемся на родину». «Непременно, лю-

безный Ганс Мюллер, — говорил бургомистр, — прощайте, желаю счастья». Вильгельм Брейнлейн также пошел с ополчением, Вольф Менг, один из значительных бюргеров, был сделан старшим квартирмейстером в совете ополчения, «волченок был очень рад оказанному предпочтению». Жители Гейльбронна обоего пола смотрели из городских ворот на выступление своего отряда. Лоренц Греслин, только что женившийся на молодой женщине, собрался тоже следовать за отрядом с новым копьем на плече. Некоторые посмеивались над ним, говоря, «не жаль тебе бросить такую молодую, красивую жену». «Найдем и других таких же красивых, которые не побрезгуют нами», — отвечал молодой супруг. Некоторые гейльброннские женщины, вооружившись, тоже пошли за отрядом; жена Ганса Морица, в блестящем панцыре с манеркой у пояса, отправилась из города; Гессинша несла символ восстания — «башмак» [1].

При отступлении «ясного ополчения» Вагенганс фон Лерен не последовал за ним, а остался начальником Вейнсбергской долины.

В стенах самого Гейльбронна находилось немалое число доброжелателей восстания; жители Беккингена, Неккаргартаха и других местечек тоже хотели отдохнуть от своих военных подвигов; между тем, план ополчения был следующий: завладев сперва монастырями Майнца и Вюрцбурга, двинуться к Триру и Кельну. Яклейн отделился от ополчения и направился сперва к Крайхгау; в Гросгартахе многие флейнские и беккингенские крестьяне, бывшие в его отряде, вернулись к своим очагам, говоря, что он не хотел исполнить того, что он им обещал [2]. Пройдя через Крайхгау, он скоро пристал к Вюртембергскому отряду вместе с Андреасом Реми фон Циммерн и другими соучастниками в вейнсбергском кровопролитии, отделившимися от «ясного ополчения» вследствие разногласий, возникших между ними и другими крестьянскими начальниками [3].

Запасшись в Неккарсульме достаточным провиантом, ополчение отправилось вниз по Неккару к Гундельсгейму, сопровождаемое целою толпою евреев, торговавших у него добычу. Здесь крестьяне тоже увеличили свое военное продовольствие, воспользовавшись небольшими запасами вина и плодов, принадлежащими ордену; жители Гундельсгейма приняли их гостеприимно, и в Горнеке, который только что был опустошен партизанами, они еще нашли чем поживиться. Заседания военного совета, начатые в Вейнсберге, продолжавшиеся в Гейльбронне, были приведены к окончанию в Гундельсгейме, сборном пункте всех разосланных по сторонам для набегов партий.

[1] Союзные акты, связка 99а, № 2, 18, 19, 20, 31, 36; связка 99в. — 9.
[2] Там же, № 31.
[3] Там же, связка 92.

Военный совет занимался вопросами, касающимися военного устройства, в котором ополчение еще очень нуждалось. Это была огромная масса, составленная из людей, частью добровольно присоединившихся, частью принужденных к этому обстоятельствами; несмотря на свою численность, она еще не могла назваться войском в том смысле, как понимает это слово военная наука; также нельзя ее было назвать и солдатчиной, не говоря уже о том, что она нисколько не напоминала собою дисциплинированную армию; скорее это было сборище из бюргеров и крестьян, которое делилось на отдельные отряды, а отряды в свою очередь на разделы, состоящие из 5, 10, 20 и 50 представителей различных местностей. Тут много было команды, но мало субординации, недоставало единства, которое только тогда могло бы существовать, когда во главе стоял бы один предводитель, который соединял, проникал, сливал бы собою всю эту разрозненную толпу и, таким образом, превратил бы ее в стройное целое. Вооружение было тоже плохое, хотя и были орудия, но не было знающего артиллериста, даже ручного оружия не всем доставало; многие из этих разношерстных ополченцев не имели ни малейшего понятия о военном деле. До сих пор ополчение еще не имело общей военной кассы, не было определено общего содержания, и каждый должен был заботиться сам о себе.

Все это могло измениться к лучшему, если бы нашелся способный человек, который бы, став во главе ополчения, направил отдельно стремящиеся интересы к одной политической и религиозной цели, как это было у гуситов.

Вендель Гиплер, хотя и обладал некоторыми военными познаниями, хоть и видел все слабые стороны ополчения и вводил различные улучшения, не был при этом истым воином, способным организовать эту массу. Но он делал, что мог. Во-первых, обратил внимание на несообразный обычай, по которому до сих пор каждый выборный обязан был служить в ополчении только четыре недели, потом возвращался к полевым работам или к своему мастерству, заменяясь другим, вновь поступившим; Вендель Гиплер предложил военному совету на будущее время продолжить службу каждого до окончания кампании. «Иначе, — говорил он, — войско беспрестанно будет терять опытных воинов и постоянно состоять из рекрутов».

Второй вопрос, занимавший военный совет, относился к ландскнехтам. Многие из них предложили в это время свои услуги крестьянам. Гиплер советовал немедленно взять их всех на жалованье, говоря, что братство выиграет, имея в своем распоряжении таких опытных в военном деле людей, и что крестьяне могут многому научиться от них.

Военным советом были приняты оба эти благоразумные предложения; когда же доведены были они до сведения всего войска, то никакими уговорами нельзя было заставить его

согласиться на это: большинство отказалось от ландскнехтов, боясь, что при них не будет крестьянам такого раздолья при грабеже и что им придется делить добычу с ними; другое предложение тоже отвергли, потому что большая часть крестьян смотрела на предпринятую войну, как на молодеческий набег за добычей, после которого с набитыми карманами можно было вернуться к своим женам и детям. Ландскнехты удалились недовольные; пфальцграф Людвиг взял их сейчас же в Гейдельберг на жалованье, чтобы их же заставить сражаться с крестьянами.

Третье предложение, которое Гиплер делал совету еще в Вейнсберге и Гейльбронне, снова было им предложено и в Гундельсгейме. Оно состояло в том, чтобы поручить начальство над всем войском опытному и сведущему полководцу, к которому бы имело доверие и уважение все войско. Делая такое предложение совету, Вендель Гиплер имел в виду своего приятеля Геца фон Берлихингена, о котором он тут же выразился как о человеке, более других подходящем к этим условиям как по своим личным способностям, так и по своему общественному положению.

Прежние отношения Геца к Крестьянскому союзу уже известны. Но кровавая расправа, учиненная Яклейном над дворянами в Вейнсберге, изменила положение дела. Франконское дворянство, пожелавшее вместе с Гецом принять участие в народном движении в том смысле, как его понимал покойный Зиккинген, после вейнсбергской резни совершенно отказалось от всякой с ним солидарности. Общее собрание франконского рыцарства, созванное Гецом, не состоялось; многие из дворян, устрашенные вейнсбергской катастрофой, собрались 21 апреля в Гейспахской роще, при Боксберге; о присоединении к крестьянам и об оказании им помощи против духовных владык теперь не могло быть и речи; дворяне скорее предложили бы свои услуги князьям, даже сам Гец, в порыве негодования и ужаса, недалек был от мысли поступить на службу к пфальцграфу.

Вот как он сам рассказывает об этом: когда стало известно, что рыцари были убиты в Вейнсберге и что многие замки предавались пламени, он собрал все свои драгоценности и документы и увез их с тем, чтобы спрятать в каком-нибудь имперском городе; но когда узнал, что ни один имперский город не может поручиться ему за его драгоценности в случае нападения крестьян, то он и вернулся с ними назад. К крестьянам же послал своего слугу спросить: чего он должен от них ожидать? Слуга не вернулся, и Гец отправился в Мосбах просить кума своего, пфальцграфского маршала Вильгельма фон Габерн помочь препроводить драгоценности в Гейдельберг, так как он уже написал самому пфальцграфу и предложил поступить к нему на службу без вознаграждения. Вильгельм фон Габерн,

согласно его желанию, явился к нему в замок со своими рейтарами, но теща Геца ни за что не хотела допустить, чтобы из такого сильно укрепленного замка вывозили все богатства; жена же его лежала больная после родов. Маршал, не имея свободного времени, уехал, ничего не сделав для Берлихингена. Между тем, все окрестное дворянство, братья Геца и родственники перешли на сторону крестьян для того, чтобы сохранить жизнь и имущество.

Пфальцграф радовался, что будет иметь в своем распоряжении «железную руку» Берлихингена, и письмо его, в котором он выражал ему свое удовольствие, во время отсутствия Геца было вскрыто его тещею. Боязливая женщина, видя, что зять хочет оставить дом, имущество, жену и ребенка, и зная, что замок лежит на самом пути, по которому идет войско, уговорила свою дочь утаить письмо пфальцграфа от мужа. «Надежных людей в замке не было, — говорит сам Гец, — добыть таковых для гарнизона тоже не предвиделось, а «черный отряд» уже бродил в окрестностях; зарево от пылающих замков давало знать о присутствии Флориана Гейера, от которого Гецу нельзя было ожидать ничего хорошего; носились даже слухи, что сам пфальцграф желает вступить в переговоры с крестьянами. Тут пришли на память Гецу слова, которые он сказал крестьянам еще в Шентале: «Я к вам присоединюсь, когда вы будете в Гундельсгейме». С тех пор, после вейнсбергского дела, хотя отношения его к войску несколько и изменились, но с крестьянским канцлером Венделем Гиплером он попрежнему не прерывал связей. Еще в Неккарсульме, до взятия Вейнсберга, видели между крестьянами его слугу и верного товарища Ганса из Массенбаха[1]. О своей вторичной поездке в крестьянский лагерь Гец рассказывает так: «Я не намерен был присоединяться к крестьянам ранее, чем они возьмут Гундельсгейм; но видя вокруг себя князей, графов, рыцарей и простолюдинов, вступающих в Крестьянское братство, зная, что имперские города присоединяются к ним же, и слыша отовсюду советы последовать их примеру, я, подобно прочим, заключил договор с крестьянами; что же касается до того, что будто бы я, вступая в переговоры с ними, дал им торжественное обещание отказаться от всяких сношений с Швабским союзом, то это несправедливо»[2]. Рассказ Геца похож на оправдание и запирательство; как бы то ни было, а Гец окрестьянился; 24 апреля он официально уже состоял в большом Евангелическом братстве. В актах Штутгартского архива хранится и теперь подлинник охранной гра-

[1] Письмо мерндорфского оберфогта, Штутгартский архив.

[2] Оправдательные письма Берлихингена к Франконскому округу. Письма эти, хотя их надо употреблять с большою осмотрительностью, могут служить его автобиографией: это в некотором роде процесс, защитительная речь, от успеха которой зависела, если не жизнь и имущество Геца, то, по крайней мере, добрая слава как его, так и его семейства.

моты, по которой он вступал в Евангелический союз: «Да будет всем известно, что мы, Георг Мецлер из Балленберга, Ганс Рейтер из Бирингена, староста и другие начальники христианского ополчения принимаем в свой Христианский союз, под свою защиту, достославного дворянина Геца фон Берлихинген». Доброжелатели Геца, Вендель Гиплер и пользовавшийся влиянием в войске Ганс Рейтер из Бирингена, добились-таки того, что Гец был выбран советом в предводители ополчения. Вендель Гиплер прибавил при этом, как выгодно войску иметь во главе своей такого знаменитого воина. Когда было объявлено всем о намерении совета поставить Геца во главе восстания и указана польза иметь союзником такое влиятельное лицо, через которое можно надеяться на дальнейшую помощь со стороны дворянства, войско совсем не выразило того сочувствия, которое ожидали его начальники; напротив, послышались такие восклицания: «Мы ведем крестьянскую войну, какая нужда нам в дворянстве?» Или же: «Что нам Гец? Для чего нам его начальство? Он не желает нам ничего хорошего». Вендель Гиплер начал доказывать, как Гец был бы полезен, если бы стал во главе крестьянского войска и, напротив того, сколько бы причинил им вреда, употребив свою опытность и храбрость на пользу их врагов. Тогда послышалось из толпы: «Отчего же его до сих пор не повесят?»

Георг Мецлер и Ганс Рейтер также уговаривали отряд, и простые слова этих крестьян сильнее подействовали на народ, чем искусная речь важного барина Венделя Гиплера. Большинство согласилось избрать Геца своим полководцем. «Пошлите к нему кого-нибудь от себя, — сказали Гиплер и Рейтер, — он примет ваше предложение». Так и сделали, но рыцарь притворился, будто он неохотно соглашается, и уполномоченные возвратились в лагерь.

После этого они послали верхом в замок Геца собственного его старосту — просить рыцаря приехать в гундельсгеймскую гостиницу. С некоторых пор сам Берлихинген сомневался в возможности даже своею «железною рукою» смирить необузданность этой толпы; он видел, что всякий крестьянский мальчишка воображает себя барином. И теперь нелегко было у него на душе, несмотря на то, что самолюбие его было удовлетворено и цель, к которой он стремился уже несколько недель, а может быть и более, была достигнута; нет возможности проследить давность тех отношений, которые связывали Геца с Гиплером и Гансом Рейтером, «его давнишним приятелем и соседом». Может быть связь эта уже существовала при начале восстания, но Гец имел причины скрывать ее как прежде, так и после.

На лестнице гостиницы Гец был встречен своим товарищем по оружию Марксом Штумпф фон Швейнсберг, который тоже одержим был страстью к крестьянскому делу и, явясь в лагерь, предложил Братскому союзу свои услуги. Штумпф поздравил

его с званием полководца. «Пожалуйста не трудись, — отвечал Гец, — я еще не совсем решился, кажется, сам чорт вмешался в это дело. Не хочешь ли ты заменить меня в крестьянском войске? Я охотно уступаю тебе эту честь». Маркс Штумпф стал упрашивать его принять предлагаемое ему крестьянами начальство, хотя бы для пользы дворянства, говорил он. В зале гостиницы он нашел в сборе всех знатнейших крестьянских предводителей и советников. Здесь сидел весь внутренний совет крестьянского войска, состоявший, кроме главного начальника, канцлера и старосты, еще из семи членов, и называвшийся советом семерых. Члены его часто сменялись, иногда по недоверию к ним, чаще же на основании каких-то неизвестных нам правил[1]. Гец «наитрогательнейшим и наидружественнейшим» образом просил избавить его от предложенного ему звания. Он ссылался, по словам самого Геца, на свои обязанности в отношении Швабского союза, князей и владельцев; к тому же согласиться с двенадцатью тезисами будет совершенно против его совести. Тогда подошел к нему Вендель Гиплер и, отведя его в находившийся при гостинице виноградник, долго беседовал с ним, положа на стол перед собою двенадцать тезисов, «точно какой проповедник», — говорили крестьяне между собою. Но Гиплер нашептывал ему совсем о другом[2].

Наконец, основываясь на словах самого Геца, он предлагал им большую сумму денег с тем, чтобы они уволили его от возлагаемой на него обязанности, обещав на свой счет объездить Швабский союз, князей и других владетелей, побудить их согласиться на мир и всевозможные уступки, но все эти обещания ни к чему не повели; крестьяне стояли на своем. Советники представили его начальникам, стоявшим у ворот с своими отрядами. Гец повзводно стал обходить все войско, казалось, что все охотно выслушивали его увещания; но около Гогенлоенского отряда он был окружен направленными на него ружейными прикладами, копьями и алебардами; гогенлоенцы грозили убить его, если он не согласится принять начальства над войском. «Они в одно и то же время, — говорит Гец, — хотели заставить меня сделаться их шутом и начальником. Чтобы спасти свою жизнь, я должен был им покориться». «С трудом он упросил их согласиться дать ему один день на размышление; обязав его клятвою явиться на следующий день в их лагерь, расположенный тогда под Бухеном, они отпустили

[1] О двуличности или же ошибочности рассказа Геца можно заключить из того, что он, упоминая о советниках крестьян в Гундельсгейме, называет и Якова Рорбаха, между тем, как он имел с ним дело в Шентале, а не в Гундельсгейме, и этот последний в то время уже находился в Маульбронне (Союзные акты, связка 92, № 19). О двух же гейльброннцах, Вольфе Менге и Гансе Мюллере, действительно заседавших на совете в Гундельсгейме, он умалчивает с умыслом (Союзные акты, связка 99а, № 31).

[2] Показания Дионисия Шмида.

его. Впрочем, уже в Гундельгейме Гец заседал с прочими начальниками в военном совете, где выразил мнение, что им следует «попробовать прибрать два-три дома майнцского епископа»; если он сдастся, то и вюрцбургский — будет в их руках. «Епископы, без сомнения, сдадутся», — заключил Вендель Гиплер[1].

Между советниками и начальниками решено было, что, когда Гец будет главнокомандующим, они должны зорко следить за каждым его шагом и без зрелого обсуждения не должны принимать ни одного из его советов; он должен приносить нам пользу, а не господствовать над нами, говорили они. Если же он откажется от предлагаемого ему звания, то следует его, со всеми пришедшими с ним слугами, взять в плен.

Гец сам предполагал, что в случае его отказа, крестьяне не пощадят ни его, ни пришедших с ним, хотя бы даже друзья его, канцлер, староста и оба гейльброннца и ходатайствовали за него. Гец на другой день с двумя служителями отправился в Бухен. Прискорбна была эта поездка благородному рыцарю; сам он рассказывает, что ему лучше было бы в то время сидеть пленником в какой-нибудь турецкой крепости. Войско он нашел в полном сборе; советники и начальники все были налицо. Когда он подъехал к войску, к нему подбежал один крестьянин, портной из Пфельдельбаха, схватил лошадь его под уздцы и с проклятьями объявил его пленным. Гец фон Берлихинген, храбро воевавший с сильными духовными властителями, стяжавший себе славу грозного и неумолимого рыцаря, теперь принужден был сносить оскорбления от какого-нибудь пфельдельбахского портного. «Вас здесь много, — отвечал Гец, — ты можешь ругать меня, сколько тебе угодно; а вот если бы ты один на один взял меня в плен, то я бы похвалил тебя». Портной объявил от имени всего войска, что все желают иметь его главнокомандующим и требуют, чтобы он вел их против вюрцбургского епископа. Гец посмеялся над крестьянами и наотрез отказался итти с ними в Вюрцбург. Портной, ругаясь, назвал его поповским другом. Гец сошел с лошади и подошел к войску. Здесь увидел он многих майнцских советников, и военный совет снова предложил ему быть главнокомандующим. Как ни пытался он отделаться от них, но ему не помогли никакие отговорки. «По крайней мере, заранее предупреждаю вас, — сказал он, — что я никогда не дозволю совершить такого зверского поступка, как убийство в Вейнсберге». «Это было и прошло, — отвечали ему; — очень может быть, что в другой раз это и не повторится». Требования становились назойливее; советники майнцского архиепископства с своей стороны тоже уговаривали его. Не видя выхода из своего затруднительного положения, Гец, обратившись ко всем, сказал: «Так как вы силою

[1] Показания Дионисия Шмида из Швабаха, заседавшего нередко в крестьянском совете.

принуждаете меня быть вашим начальником, то знайте, что я, с помощью божьей, буду всегда поступать, как следует честному и добросовестному христианину, согласно долгу и совести; я скорее умру, чем соглашусь допустить бесчестные и бесчеловечные поступки». Таким образом Гец фон Берлихинген сделался главнокомандующим «ясного ополчения».

Узнавши, что нападение на Вюрцбург, продолжает Гец, дело решенное, он будто бы стал отговаривать от этого крестьян: епископ — не ваш господин; сначала распорите врагам брюхо, а не спину, говорил он; подумайте о ваших женах и детях. Если вы отправитесь туда, Швабский союз не замедлит уничтожить и сжечь ваши жилища и в одну неделю сделает вас цыганами. Крестьянам будто бы он сказал, что они обязаны повиноваться властям, платить все пошлины и оброки и отправлять все повинности как следует; если же что̀ им в тягость, то пусть они объяснят это своим господам. Крестьяне смеялись. Гец одобрил благочестивого проповедника доктора Бренца и его книгу, в которой говорится о повиновении властям; он обещал дать и крестьянам прочитать; но из толпы послышались ругательства на Бренца, говорили, что он сделался еретиком.

С советников и начальников Гец взял обещание не нападать ни на один дворянский замок, смягчить требования двенадцати тезисов и держать войска в строгой дисциплине. На этих условиях он принял главное начальство над крестьянами на месяц и снова обещал привлечь дворянство на их сторону. В знак своего уважения, крестьяне подарили ему место, недалеко от Горнека, изобиловавшее дичью.

Гец фон Берлихинген никогда еще не предводительствовал войском; он не был ни полководцем, ни тактиком, а только героем турниров. Но что он хорошо понимал военное дело, это сейчас же сказалось в том, что он не одобрял нападение на вюрцбургский замок. Как предводитель христианского войска он не хотел с самого начала предпринять такое дело, которое не обещало никакого благоприятного исхода; завладеть в то время Фрауенбургом не предвиделось никакой возможности. Гец постарался убедить крестьян, что для них удобнее было бы прежде занять имперский город Галль. Это было более легкое предприятие, но, тем не менее, довольно важное в стратегическом отношении, так как по пути можно было непосредственно соединиться с Гмюндер-гаильдорфским отрядом, а через него̀ и с франконским войском, дружественные отношения с которым были значительно потрясены благодаря Флориану Гейеру. Подобно многим господам рыцарского сословия, Гец не был расположен в пользу имперских городов, духовных князей и недоброжелательных дворянству галльских бюргеров, близких соседей его собственных владений; потому ему и было приятно причинить им какой-нибудь вред. Он серьезно думал

о походе в Галль, зная, что друзья и приятели его — швабские и франкские дворяне и соседние Галлю владельцы — были недовольны галльскими бюргерами. Сообразив все это, он сказал крестьянам в лагере под Бухеном: если они согласны итти в Галль, то он ручается им выставить необходимые для этого предприятия 200 лошадей[1].

Гец, которому война была столь же необходима, как воздух, после продолжительного бездействия теперь почувствовал себя в своей сфере, несмотря на свои прежние отнекиванья. Посреди этой вооруженной толпы, этого леса алебард и копий, управляемых немалым числом искусных и энергичных рук, среди воинственного шума, которым оглашалась вся долина, и не только Гец, но и всякий человек, мало-мальски одаренный воинственными наклонностями и чувством свободы, поддался бы общему увлечению. Этим настроением Гец хотел воспользоваться для отомщения своему старинному врагу — Швабскому союзу; поэтому для него было очень важно отклонить крестьян от намерения овладеть Фрауенбургом и показать им необходимость направить все их военные силы против Швабского союза. Как благоразумный полководец он не хотел тратить время и свои способности на осаду крепостей, но, сосредоточив все силы ополчения, намеревался вступить в открытый бой с их общим врагом — Швабским союзом. После одного или двух выигранных крестьянами сражений он полагал, что все укрепления, замки и города сами собою подчинятся их власти. Чтобы убедить крестьян в справедливости своих предположений, Гец пока еще должен был поджидать удобного случая. Как знать, как далеко зашел бы Гец, если бы ему удалось это? Совершенно справедливо, что случай играет важную роль в действиях человека; кто в состоянии бороться с бурными волнами, уносящими человека, и всегда ли он властен вернуться назад?

Флориан Гейер, отделившийся со своим «черным отрядом» от «ясного ополчения», присоединился к недавно составленному франкенландскому отряду франконского войска; везде, где он ни проходил, между прочим и в Майнцском архиепископстве, всюду заставлял всех присягать на верность франконскому войску, а не «ясному ополчению». Таким образом, он сам лично привел к присяге на верность франконскому войску все города Оденвальда и отправился к Тауберу, в епископские владения. Отряд Оденвальда и Неккарталя, узнав об обязательстве, данном городами предводителю «черного отряда», снова должен был принять присягу, вступая в братство «ясного ополчения». Это обстоятельство поселило разногласие, доходившее до раздора между ним и франконским войском.

[1] Признания Дионисия Шмида, собственные слова Геца фон Берлихингена.

Из Бухена ополчение двинулось далее, по дороге к майнскому монастырю Аморбаху.

Аморбах, названный так в память своего первого аббата, св. Амора, был построен еще в начале VIII века и считался одним из могущественных бенедиктинских монастырей Оденвальда.

Предводители ополчения послали приказание настоятелю монастыря собрать всю братию в трапезной; там они намеревались переговорить с ними о некоторых преобразованиях храма господня. Монахи немедленно собрались, и храбрый доктор Рейнгардт Лейбингер объявил, что эти преобразования будут состоять в том, что ополчение присвоит себе все имущество монастыря в деньгах, в золоте и серебре. В течение почти восьмисот лет монастырь успел накопить порядочное количество драгоценностей, много золотой и серебряной церковной утвари, много денег звонкой монетой и билетами.

Монахи, однако, уверяли, что у них нет денег, и это было справедливо, потому что деньги были употреблены на значительные постройки. Они говорили, что у них нет никакой собственности, кроме двадцати одного серебряного кубка, розданных им, будто бы для повседневного употребления; они держали в руках эти сосуды и передали начальникам и советникам в подарок, прося защитить от мятежников; в стенах монастыря уже слышались крики входящего войска.

Монастырь постигла едва ли не худшая участь, чем Шенталь и дома Немецкого ордена. Все, что было там: материи, утварь, книги в дорогих золотых и серебряных окладах, плоды, вино, скот, посуда — все было взято. Даже алтарь был дочиста «ограблен», не исключая святых реликвий; крестьяне разломали прекрасный орган и, вынув оттуда трубы, присоединили их к остальной добыче. Вслед за отрядом пришли в монастырь сами аморбахцы, соседние мужики и окончательно обобрали дочиста все, что не успели обобрать первые, — все до последней доски, до последней кровельной черепицы. Мостовая была везде изломана: под нею искали драгоценностей. Начальники разрешили даже для потехи зажечь монастырь, но подошедшие к тому времени шестеро депутатов, посланных аморбахским магистратом, упросили не сжигать храма божия, говоря, что пламя может распространиться и на их собственные дома и превратить весь Аморбах в кучу пепла. Начальники отменили приказание и запретили продолжать грабеж. Сожжены были только монастырские оброчные книги. Каждый взвод продавал отдельно свою добычу.

Гец кроме своей доли скупил еще на 150 гульденов разных драгоценностей и между прочим прекрасную голубую митру, из которой потом жена его вынула весь жемчуг и драгоценные каменья себе для ожерелья. В Аморбахе крестьяне

были так довольны поведением Геца, что даже спустили ему при покупке добычи пятьдесят гульденов[1].

Гец, не терпевший никогда духовенства и оправдывавший свою ненависть к нему новым евангелием, почувствовал себя в своей сфере, в сфере рыцарского самоуправства, когда пришлось разделываться с несчастным аморбахским аббатом Яковом, старым и, как кажется, слабоумным человеком. Он хотел спастись бегством, но был пойман крестьянами, которые дочиста обобрали высокопреподобного владыку, и он был очень благодарен одному мужику, одолжившему ему свой холстинный балахон, которым он мог прикрыть свою наготу. Начальники расположились в монастырском погребе, туда же привели и пойманного беззащитного аббата в его убогой одежде; град язвительных насмешек посыпался на него со всех сторон и подгулявшие крестьяне стали допрашивать его, где хранятся монастырские деньги. Не добившись от него никакого ответа и заметив, что бедняга припрятал один серебряный кубок, Гец потребовал от него этот кубок, старик стал упрашивать не отнимать у него кубка. Тогда Берлихинген так нежно дотронулся до него своею мощною рукою, что бедному аббату показалось, будто он ударил его железным кулаком в грудь. Гец сказал ему: «Любезный аббат, вы немалое время пили из этого серебряного кубка, попробуйте-ка теперь попить из черепков». Они посадили его с собою за стол и весело попивали из тех шестидесяти кубков, из которых прежде пила братия; старик вздыхал, видя монастырские сокровища в чужих руках. «Любезный аббат, — утешал его Гец, — ободритесь, не горюйте; я сам прежде терял все, однако видите не унываю. Ко всему люди привыкают»[2].

Ополчение, пришедшее в Аморбах 30 апреля, оставалось там уже несколько дней; отдельные партии рассылались по окрестностям с целью присоединять к братству и приводить к присяге над двенадцатью тезисами все соседнее дворянство. Этим партиям также было предписано грабить и собирать контрибуцию с храмов и домов духовных. Начальниками и всеми благоразумными людьми ополчения решено было не ожесточать дворян, но привлекать их на свою сторону. Таким образом, многие взводы, явившись в соседние замки, ничего не требовали, кроме вина. Христиан Шерер пришел с своими товарищами в один небольшой замок, по соседству с Аморбахом, пил и ел с хозяином и не причинял ему ни ма-

[1] Показания Дионисия Шмида.

[2] Показание аббата, которое хотя и не могло быть подтверждено свидетелями, но с психологической точки зрения более достойно вероятия, чем объяснения Берлихингена, который, говоря об этом обстоятельстве, утверждает, что он отнял от аббата кубок затем, чтобы потом тайно от других возвратить его.

лейшей неприятности[1]. Но не так снисходительно обращался он с домами духовенства: в одном старом монастыре он собственноручно поджег конюшни[2].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Истолкование двенадцати тезисов. Ганс Берлин и Вейганд

От присоединения дворянства к крестьянам нисколько не улучшилось положение войска. Конницы попрежнему было очень немного. Чтобы заставить дворян отнестись сочувственнее к крестьянскому делу, Гиплер предложил секуляризировать духовные имения и таким образом вознаградить светских владетелей за понесенные ими убытки при введении новых порядков. Гец и (ранее его) Гиплер уже несколько смягчили строгость двенадцати тезисов и в угождение дворянству и городам облегчили переход их в Крестьянское братство. Гансу Берлину, гейльброннскому ратсгеру, прославившемуся удачными переговорами с имперским сеймом, поручено было изменить двенадцать тезисов.

По уходе ополчения из Гейльбронна, оставшаяся там часть оппозиционной партии составила тайную комиссию из двенадцати человек, устроивших заседание в доме Ганса Вернера, на котором между прочим предложено было сменить настоящий магистрат и сделать Каспара Цеха бургомистром[3]. Жители Неккаргартаха и Беккингена тоже начали притеснять магистрат. Гейльбронн получил от начальников ополчения грамоту, по которой все должно было оставаться на прежнем положении до имеющих совершиться реформ; жители же Неккаргартаха изъявили притязание на поместья Немецкого ордена, находившиеся в Гейльбронне, которыми гейльброннцы уже десять лет пользовались, платя аренду ордену. Беккингенцы же, основываясь на том, что Яклейн еще раньше требовал, чтобы пользование прекрасными лугами, принадлежащими уже несколько лет гейльброннцам и находившимися между городом и Беккингеном, было общее, — выгнали, без всяких околичностей, свои стада на эти богатые пастбища. Магистрат предъявил грамоты, данные ему начальниками ополчения, но беккингенцы, ссылаясь на Яклейна, стояли на своем.

Яклейн, присоединившийся к большому Вюртембергскому отряду, согласно сделанному с ним уговору, оставил его с

[1] Союзные акты, связка 99в, № 53.
[2] Показания Христиана Шерера.
[3] Союзные акты, связка 99в, № 5, 6, 9.

Матерном и отправился со многими другими по дороге в Крайхгау набирать людей для увеличения Вюртембергского отряда, который собирался выступить против войска Швабского союза. Теперь главная его квартира была в Маульброннском монастыре.

Отсюда на полученную им жалобу беккингенцев на гейльброннский магистрат он писал последнему: «Мы, Яков из Беккингена, вместе с выборными в Маульбронне начальниками прежде всего просим верить в нашу братскую к вам любовь. Любезные братья, до нас дошли слухи о несогласиях между вами и беккингенцами, происшедших из-за пользования общинными лугами. Мы обращаемся к вам с нашею братскою просьбою и желанием, чтобы вы помнили данные вами братскому союзу под присягою обещания и, согласно им, без отговорок пользовались пополам с беккингенцами названными лугами до дальнейшего решения»[1].

Гейльброннским ратсгерам очень не по душе пришлось послание их важного братца Яклейна. Они сейчас же отправили своего искусного дипломата Ганса Берлина к «ясному ополчению» с покорнейшею просьбою к их добрым друзьям и братьям, главным начальникам и советникам ополчения, чтобы те оказали им справедливость[2].

Ганс Берлин при начале волнений между гейльброннскими бюргерами несколько раз бывал в Штутгарте; он же последовал за графом фон Гельфенштейном и в Вейнсберг и был там все время до набега графа на крестьянский лагерь во время перемирия. Пока крестьяне стояли перед Гейльбронном, он защищал городские ворота, ведущие в Вейнсберг, и мы уже ранее видели, что он многих впускал и выпускал из города; когда крестьяне вошли в город, никто лучше его не умел обойти их и, ведя с ними переговоры, позаботиться в то же время и о пользе города. Несомненно, что Ганс Берлин не был тонким дипломатом, способным на различные дипломатические уловки; он был весьма обыкновенный человек со здравым умом, народным смыслом, принимавший близко к сердцу народное, христианское дело. Он представляется совершенно таким и в сохранившихся собственноручных секретных письмах; иначе и не доверялись бы ему всегда подозрительные крестьяне. В Гейльбронне было также много членов оппозиции; магистрат мог бы их послать в крестьянский лагерь, но он именно выбрал Ганса Берлина, который и обрадовал его вскоре известием, что начальники приняли его благосклонно и все сделают по его просьбе[3].

[1] Письмо от 29 апреля из лагеря под Маульбронном. По почерку, правописанию и стилю письмо Яклейна есть драгоценнейший между множеством других дошедших до нас документов того времени.

[2] Союзные акты, связка 92, № 23а, в.

[3] Там же, № 23.

Действительно, приход Ганса Берлина в лагерь под Аморбахом очень обрадовал крестьянских начальников и советников: сама судьба посылала им этого человека, никто лучше его не мог вывести их из затруднительного положения и изменить, сообразуясь с обстоятельствами, двенадцать тезисов. Сейчас же было ему сообщено, что «если он разъяснит толково и сообразно могущим представиться затруднениям двенадцать тезисов, то в благодарность за эту услугу крестьянский совет обещает исполнить все требования уполномоченного и защищать магистрат от всяких притеснений».

Дело приняло такой благоприятный для магистрата оборот, который превзошел даже все его ожидания. «Ясное ополчение» поручило Гансу Берлину от своего имени передать гейльброннскому магистрату, что оно дозволяет своим любезным братьям и друзьям, сообразно своему усмотрению, не только что-либо запрещать или разрешать, но даже наказывать непослушных и строптивых, поступающих против грамот, изданных Христианским братством[1].

В то же время главными начальниками, Гецом фон Берлихингеном и другими предводителями «ясного ополчения», послан был угрожающий декрет Якову Рорбаху следующего содержания: «Нам известно, что ты, Яков Рорбах, издаешь такие распоряжения, которые противоречат нашим повелениям. Этим письмом мы требуем от тебя, чтобы ты их уничтожил, если не желаешь навлечь на себя немилость нашего христианского ополчения; если ты будешь и впредь действовать против наших распоряжений, то мы предпримем против тебя более строгие меры, о чем тебя и извещаем»[2].

Георг Мецлер скрепил послание печатью «ясного ополчения» с надписью: «Слово божие — вечно!»[3] Эти самые слова, десять лет спустя, изображены были на рукавах служителей герцога Ульриха Вюртембергского.

За все эти милости Ганс Берлин должен был составить им пояснения и добавления к двенадцати тезисам — работа, при которой, как он сам выражался, он будет иметь в виду пользу и честь гейльброннского магистрата[4]. Сообща с Венделем Гиплером, Гецом фон Берлихингеном и Генрихом Мюллером из Вимпфена он изменил и смягчил самые жестокие пункты, а многие совсем уничтожил. Уничтожены были 6, 7, 8 и 10, они исключались до имеющего совершиться общего государственного преобразования; следовательно, попрежнему оставались в силе только те пункты, которыми не отменялись: барщина, поземельные сборы, городские пошлины и пошлины за право собственности; если и в этих тезисах обнаружатся

[1] Акты союза, связка 62, № 27.
[2] Там же, связка 92, № 27.
[3] Там же, № 19.
[4] Там же, № 23.

какие-либо недостатки, то каждое крестьянское общество может заявить об этом при всеобщем государственном преобразовании. Второй тезис был изменен таким образом: малый десятинный сбор уничтожается, но большой десятинный сбор должен собираться и сберегаться до государственного преобразования. Четвертый тезис Берлин изменил так: охота дозволяется каждому только в пределах собственных земель и владений, а рыбная ловля везде; пятый тезис был изменен в том смысле, чтобы в лесах, хотя и поровну разделенных, рубка не производилась без общинного приговора и без дозволения лесничего. Под страхом наказания в лесах никто не должен рубить по своему произволу, впускать скот на лесосеки и молодники, а тем более уничтожать облесившиеся места. Также и одиннадцатый тезис получил существенно другое значение. Смертную казнь хотя и предполагалось уничтожить, но она еще удерживалась за взяточничество до дальнейшего государственного преобразования.

Особенно замечательны прибавочные пункты, служащие объяснением двенадцати тезисов.

1) Никто не имеет права грабить без особенного на то разрешения, также подговаривать кого-либо вступать в отряд запрещается под страхом смертной казни.

2) До имеющих совершиться государственных реформ все пошлины, подати и долги должны быть выплачены без всяких отговорок.

3) Все недвижимые имущества, принадлежавшие светским и духовным властям, остаются неприкосновенными; светские же имения, принадлежавшие до настоящего времени духовенству всех местечек, секвеструются.

4) Никто не должен оскорблять друг друга из собственных выгод, кто бы он ни был, духовный или светский, но каждый должен подчиняться местному судопроизводству.

5) Каждый подданный во всех городах, деревнях и местечках обязан повиноваться своим властям, не уклоняясь от заслуженного наказания и добросовестно охраняя установленные власти, помогать наказывать всякие умышленные беззакония. Кто же будет в противность этому составлять заговоры или содействовать им, тот должен быть выдан начальникам и советникам главного войска для примерной казни.

В четверг, 4 мая, была окончена Гансом Берлином эта декларация, или толкование двенадцати тезисов[1], и на другой день принята в большом заседании советников и начальников «ясного ополчения», но принята, как кажется, не единодушно, а только по большинству голосов.

Введением в декларацию служили следующие слова: так как до сих пор многие из простого народа заблуждались или

[1] Союзные акты, связка 88, № 30.

превратно понимали смысл двенадцати тезисов, истолкованных каждым в свою пользу и, ссылаясь на них, дозволяли себе более, чем следовало по истинному содержанию тезисов, отчего проистекало немало непослушания и упущений в исполнении обязанностей; было поколеблено все, начатое для спокойствия и блага народа, происходили убийства и другие злоупотребления; потому, имея в виду добрую нравственность и искоренение преступлений, мы предприняли разъяснение и дальнейшее развитие двенадцати тезисов. Введение заканчивалось тем, что все преданные братству «ясного ополчения» должны под страхом наказания держаться нового толкования впредь до дальнейших разъяснений.

Декларация выпущена была от имени начальников, советников и всего войска Оденвальда и Неккарталя; но, кажется, совет не решался объявить всему войску о сделанных переделках в тезисах прежде, чем эти толкования не введены будут в общины, лежащие по Неккарталю. Известить эти последние поручено было хитрому Гансу Берлину, который и отправился с врученной ему декларацией, обещав, кроме этой услуги, «помогать им еще в чем-то другом», вероятно, в начертании проекта всеобщей государственной реформы. Нам не известно, как общины приняли новые истолкования тезисов, но в Беккингене Гансу Берлину не посчастливилось. Когда он начал проповедывать о том, чтобы никто друг друга ни к чему не принуждал без нужды, чтобы всякий оставался тем, чем был, чтобы всякого рода пошлины, подати и другие повинности взимались попрежнему, тогда черная Гофманша сказала, что эта проповедь — дело гейльброннцев! «Клянусь Богом, что Берлин вас надует, он обманщик, и я первая готова зарезать его, кто со мной?» Бартлин Гейльман поддержал ее «еще с более выразительными ругательствами», и Ганс Берлин счел за лучшее бежать[1].

Ближайшие к Аморбахскому лагерю общины, в которых Ганс Берлин объявлял декларацию, тотчас же отрядили выборных к «ясному ополчению». Им показалось странным, что они, только что сделавшись свободными, снова должны подчиниться прежнему игу. Они поручили выборным сказать, что до сих пор они были уверены, что ведут войну за свою свободу, вдруг им пишут и предписывают снова покориться старому порядку.

Только через этих-то выборных, как кажется, главный отряд и узнал о декларации. Он их выслушал без ведома своих начальников; принесенный оттиск декларации обошел весь лагерь, и буря началась; войско вышло из себя. Гец фон Берлихинген, говорили крестьяне, не допускает жечь дома духовных, потому что он друг попов, тянет сторону врагов их,

[1] Союзные акты, связка 99а, № 16а, в.

нужно его прогнать сквозь строй. Другие кричали, что следует вместе с ним убить всех, которые стоят за новые толкования[1]. Разгорячившиеся гейльброннцы, бывшие в отряде, приписывали все это не только одному Гансу Берлину, но главным зачинщиком всего считали гейльброннский магистрат, о чем и сообщили отряду. «Если так, — вскричал Леонард Вельднер, — то отряд должен опять итти на Гейльбронн, повышвырять из окон всех членов магистрата и уничтожить духовенство[2]. Часть оденвальдцев согласилась с гейльброннцами, по возвращении из Гейльбронна, на зло всем Гецам и Гиплерам, сжечь пощаженные до сих пор замки Вальденберг и Лимпах, принадлежавшие майнцскому епископу, и убить всех князей, владетелей и дворян, не признающих двенадцати тезисов[3]. Некоторые советовали завладеть орудиями и лишить власти составителей декларации.

Без дальнейших рассуждений, несколько отдельных отрядов, между которыми был и вольный Гейльброннский отряд[4], отделившись от «ясного ополчения», стали разъезжать по окрестностям и всем объявлять о своем решении.

Сами же составители декларации в то время были в отсутствии. Ганс Берлин отправился уже в Гейльбронн, Гец поехал навстречу графу Георгу фон Вертгейму, Гиплер, может быть, и оставался в лагере, но не давал знать о своем присутствии.

Граф Георг фон Вертгейм сжег имения некоторых своих крестьян, убежавших в отряд, чтобы остановить других, хотевших последовать за беглецами, а также взял под свою защиту монастырские имения. Теперь же, при приближении ополчения, поднявшиеся графские вассалы напали и ограбили монастыри Броннбах и Гольцкирхен и, расположившись лагерем при Дердинге, осадили резиденцию самого графа. Видя себя как бы в плену, граф предлагал вознаграждение за сожженные им крестьянские дома — отдать в распоряжение крестьян взятые им монастырские имущества и ко всему этому прибавить еще от себя значительную денежную сумму[5].

По примеру своих соседей, вассалы округов Ротенфельса и Гомбурга, принадлежавшие Вюрцбургскому епископству, овладели монастырями Трифенштейном и Нейбургом. Таким образом, графу, окруженному своими собственными возмутившимися подданными и подошедшим ополчением, ничего более не оставалось, как самому присоединиться к Евангелическому союзу. Уже 4 мая вертхеймцы вели переговоры с ополчением[6],

[1] Автобиография Геца.
[2] Союзные акты, связка 99а, № 32.
[3] Показания Дионисия Шмида.
[4] Союзные акты, связка 103.
[5] Рукопись Мюльнера, донесение о военных действиях в крестьянской войне.
[6] Письмо от того же дня Ганса Берлина.

и начальниками его послано было требование графу, чтобы он выдал им имевшиеся у него превосходные орудия вместе с порохом и ядрами; все это им пригодилось бы при осаде Галля. Хоть Гец окончательно и не убедил ополчение итти на Галль, но все были того мнения, что следует занять этот город, прежде чем брать Вюрцбург, так как франконское войско уже направлялось к нему[1]. Позже Гец утверждал, что он никак не хотел оставаться долго у крестьян, и если бы так строго не надзирали за каждым его шагом, то он непременно ушел бы от них. Другие же говорят совершенно противное: «Если бы ему не нравилось самому оставаться там, так он легко бы мог навострить лыжи»[2]. Помимо этих двух противоположных уверений, нам известен тот факт, что Гец поехал к графу фон Вертгейму без всякого конвоя и потому имел случай и здесь скрыться от крестьян. Также сомнительны причины, по которым граф Георг вступил в братство; нельзя предположить, чтобы собственно один крестьянский интерес побудил его к этому. До сих пор не объяснено, почему он, выдав свои орудия крестьянам и присоединив к ним свой превосходно вооруженный отряд, остался сам в крестьянском лагере, между тем как он, подобно другим вступившим в братство дворянам, отдав все требуемое, мог свободно удалиться из лагеря. На мудрый совет Венделя Гиплера, состоявший в том, чтобы принудить присоединившихся к братству дворян двинуться вместе с ополчением в поход и таким образом держать крестьян в своих руках, не было обращено до сих пор должного внимания.

Неподалеку от Аморбаха, при возвращении своем из замка графа Георга, Гец был встречен одним хорошо ему знакомым гейльброннцем, может быть и Леонардом Вельднером, служившим вместе с ним при Зиккингене, который рассказал ему обо всем случившемся во время его отсутствия и предупредил об опасности, быть может, ожидавшей его. Гец, невзирая на предостережения, продолжал свой путь в лагерь. Тут увидел он вдали зарево, расстилавшееся над замком Вильденберг. «Валяй его, долой с клячи!» — раздалось в толпе, и не будь тут Георга Мецлера и других начальников, Гецу пришлось бы плохо. Но висевшая над головою опасность все же не укротила его гнева. «Кто дал повеление зажечь Вильденберг?» — вскричал он в негодовании. Георг Мецлер уверял его, что ему ничего об этом не известно; очень может быть, что собственные крестьяне владельца, желая освободиться от барщины, подожгли замок.

В Аморбахе Гец нашел квартиру свою ограбленной. Декларация отняла у Геца всякое доверие войска, которое стало

[1] Союзные акты, связка 92, № 23.
[2] Из рукописи, поход Франконского отряда.

теперь следить с подозрением за каждым его шагом и смотрело на него не как на своего полководца, но как на пленника; все-таки, однако, имея влияние на главных начальников и советников, он не без успеха иногда препятствовал многим пожарам и грабежам. Вскоре пришло известие из Вюрцбурга, что заключившие с крестьянами союз тамошние бюргеры намерены, как только отдалятся от города франконское войско и «ясное ополчение», захватить в свои руки городское управление. Известие это заставило крестьян немедленно, именно пятого же мая, выступить из лагерей и двинуться к Мильтенбергу.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Имперские князья в союзе с крестьянами. Поход на Вюрцбург

В Мильтенберге жил в то время Фридрих Вейганд, один из главных руководителей тайного Крестьянского союза. Прежде еще чем один из отрядов под предводительством служителей Берлихингена, Ауербахера и Талакера, своевольно отделившийся при Аморбахе от ополчения, стал делать набеги на духовные владения, брать с них контрибуцию, рвать оброчные книги, опустошать винные погреба и грабить дома, не пощадив при этом и самого Мильтенберга, именно еще 3 мая Фридрих Вейганд как по приглашению крестьянского совета, так, может быть, и по своим собственным секретным делам ездил в Аморбахский лагерь и присутствовал на заседании совета, на котором подписана была декларация двенадцати тезисов. Вероятно, уже тогда он словесно излагал совету свой проект общей государственной реформы, который потом и был представлен им письменно и копии с которого до сих пор еще сохранились. Сам Вейганд, рассказывая об этом происшествии, хотел всех заставить поверить, будто его насильно привели в лагерь, где потребовали от него, как от чиновника, служившего при финансовом управлении Майнцского епископства, «шестьсот гульденов из кассы его всемилостивейшего повелителя архиепископа»[1]. В эту же поездку он выпросил себе у совета отличную от прочих охранную грамоту, в которой говорилось так: «Фридрих Вейганд, с женою, детьми и всем своим имуществом, где бы оное ни находилось, переходит в наше Христианское братство. Под страхом смерти и потери имущества мы повелеваем, чтобы он, как и каждый

[1] Союзные акты, связка 103, № 5.

из наших собратов, избавлен был от всяких поборов, оскорблений и притеснений»[1]. Возвратившись из Аморбаха, он нашел уже Мильтенберг ограбленным, но дом его был еще не тронут; предъявленная же им грамота защитила его, по крайней мере, на этот раз от насилия; грабеж окончился ранее, чем ополчение со своими начальниками вступило в Мильтенберг. Авангард направился вдоль плодоносной долины Мудау к Ашафенбургу и по дороге значительно усилился присоединявшимися к нему со всех сторон крестьянами.

В архиепископском замке при Ашафенбурге находился в то время штатгальтер майнцского курфюрста, высокопреосвященный князь Вильгельм, епископ Страсбургский и ландграф Эльзасский, урожденный граф фон Гоэнштейн. Штатгальтер при начале восстания, в первых числах апреля, предписал всем вассалам епископства «быть наготове и при первом же его приказании выслать ему вооруженных людей, пеших и конных, для того чтобы, если понадобится, помочь во-время противодействовать восстанию». При этом он отдал повеление всем ленникам архиепископства содержать на свой счет лошадей и ратников, которые должны были собраться в Мильтенберге как сборном пункте[2]. Но, как видно, вассалы его не спешили исполнить данных им приказаний. Два дня спустя после вейнсбергской катастрофы епископ вторично принужден был повторить приказание, грозя лишить их ленов. Но вейнсбергское дело отняло у них всякую бодрость; замок штатгальтера осажден был подвластными ему бюргерами, и сам он принужден был послать от себя в крестьянский лагерь под Бухеном своих советников для переговоров; переговоры еще не были окончены, когда уже авангард «ясного ополчения» вступил в город; это обстоятельство ускорило переговоры.

Майнцский архиепископский престол все еще принадлежал Альбрехту II Бранденбургскому. В последнее время его убеждения значительно изменились: он почти готов был принять совет Лютера и, по примеру своего родственника гросмейстера в Пруссии, обратить свое епископство в наследственное светское владение и даже вступить в брак. Когда пламя мятежа распространялось все далее и далее, он серьезно стал подумывать, что в Германии пришел конец всякому духовному владычеству: кардинал Альбрехт, курфюрст и архиепископ майнцский и магдебургский, начал побаиваться за себя и за других духовных, могуществу которых давно завидовали, открыто или тайно, многие владельцы и города по Рейну. Он обратился к Лютеру, прося его заранее приготовить народ к великому событию, которое он намеревался совершить, превра-

[1] Союзные акты, связка 92, № 19.
[2] Письмо штатгальтера от 10 апреля.

тив свое курфюршество в светское наследственное владение. Однако ему не удалось исполнить своего намерения: любовница его Рюдингеринша, из мещанок, не надеясь разделить с ним светскую власть, отговорила его; вслед за этим она скоропостижно умерла, и епископ в память своей возлюбленной не изменил своему званию и своим прежним верованиям. А, между тем, буря восстания уже разразилась в майнцских владениях; курфюрст Альбрехт счел за лучшее для себя удалиться и оставил штатгальтером друга своего, страсбургского епископа, выгнанного из его собственных владений. В крестьянский лагерь под Мильтенбергом явились советники штатгальтера маршал Вольф Бергейм, Маркс Штумпф и Андрес Рюккер просить Геца фон Берлихингена о посредничестве. «Друзья, — отвечал он им, — я сам не более, как бедный пленник, который не в состоянии ни повредить вам, ни принести пользу». Штатгальтер вместе с майнцским капитулом должен был, подобно другим владельцам, принять двенадцать тезисов и торжественно обещать исполнять беспрекословно все, что признают и предпишут «ясное ополчение» и другие крестьянские отряды в лице своих благочестивых, искусных, ученых и мудрых военачальников. Все подданные архиепископа в городах и в местечках Оденвальда вместе с замком Гомбургом (до имеющей совершиться государственной реформы) должны оставаться в прежнем положении, и архиепископ не должен враждебно смотреть на переход их в Христианское братство. Города Бишофсгейм и Кюльгейм должны оставаться под властью прежних своих начальников и не изменять городского бюджета; другие города и местечки архиепископства, подобно девяти городам Оденвальда, должны беспрекословно принять этот договор и поклясться свято его исполнять. Все они обязаны были повиноваться распоряжениям начальников «ясного ополчения» и, в случае надобности, снабжать его всем необходимым. Архиепископ не должен препятствовать городам и местечкам, когда потребуется их помощь, содействовать всеми зависящими от них средствами «ясному ополчению» и во всякое время давать ему пропуск. Все монастыри, как мужские, так и женские, должны быть открыты, все живущие в них должны снять монашеские одежды; ослушникам, кто бы они ни были, священники ли или лица, принадлежавшие ордену, грозило наказание. В течение одного месяца все дворянство архиепископства должно присоединиться к братству; просрочивший будет считаться врагом союза. Наконец, штатгальтер должен поручиться как за капитул, так и за все духовенство страны, что в продолжение двух недель вручено будет ополчению 15 000 гульденов серебряною монетою; если духовенство на это не согласится, то штатгальтер не должен препятствовать крестьянам вооруженною рукою взыскать с духовных требуемую сумму. Маркс Штумпф, при посредничестве которого велись, главным обра-

зом, эти переговоры, предложил крестьянам итти с ними на Вюрцбург[1].

7 мая договор этот был скреплен епископскою и капитульскою печатями от имени штатгальтера, князя-епископа, декана капитула. Замечательно, что присягали над двенадцатью тезисами, дополненными и измененными уже аморбахскими толкованиями[2].

В лагерь под Мильтенбергом явился также и граф Георг фон Вертгейм; он отдал в распоряжение крестьян свою жизнь и имущество, послал в Кюльгейм провианту, отправил свои орудия с порохом и ядрами под Нейнброннский монастырь и сам с крестьянским войском пошел к Гохбергу[3]. Таким образом, Гец фон Берлихинген принужден был итти на Вюрцбург, против своего ленного господина, которому он и писал из Аморбаха, что, несмотря на все его старания, крестьяне идут на Вюрцбург, потому он и спешит уведомить его высокопреосвященство и просит не лишить его прежней милости и дарованных ему ленных владений. 5 мая ополчение письменно потребовало, чтобы епископ вступил в Христианское братство и принял двенадцать тезисов; если в продолжение четырех дней он не даст положительного ответа, то все вассалы епископства будут приняты под защиту Евангелического союза, а с ним самим будет поступлено, как с врагом. Соборный протопоп отвечал посланным, что его высокопреосвященство, епископ, находится в настоящее время у пфальцграфа в Гейдельберге, что крестьяне могут, если хотят, отправить к нему туда посольство, и если требования их касаются собственно евангелия, то они, наверно, легко достигнут своей цели, что его высокопреосвященству будет донесено обо всем.

Ответ этот застал крестьян уже в Нейбронне. И начальники их порешили: по всему видно, что властители Вюрцбурга, не давая положительного ответа, хотят только выиграть время, а так как дело не терпит отлагательств, то с ними и будет поступлено, как требуют того обстоятельства[4].

Войско быстро двинулось вперед, не опустошая и не разоряя окрестностей. 7 мая оно вошло в Мильтенберг; Фридриха Вейганда там не было, он находился у штатгальтера князя Вильгельма для заключения с ним договора. На Вейганда крестьяне смотрели, как на одного из составителей декларации и потому, не обращая внимания на его охранную грамоту, разорили оба его мильтенбергские дома, разграбили и опустошили их, как «турки», взяли деньги, вино, плоды, оружие, домашнюю посуду, всего на сумму «600 гульденов»[5]. Гейль-

[1] Показания Дионисия Шмида.
[2] Из древней рукописи, у Шунка, т. III, тетрадь I.
[3] Показания Дионисия Шмида.
[4] *Эксле*, Письмо Берлихингена франконскому дворянству, стр. 122.
[5] Акты союза, связка 103, № 5, 6, 7, 8. Из записок Вейганда.

броннский отряд, опустошивший уже Лимпах и взявший в плен тамошнего приходского священника Томаса Шлихтиха[1], первый начал реквизицию в Мильтенберге, переходя из одной гостиницы в другую, из «Меча» в «Осел», из «Осла» в «Звезду» и т. д.; у ауленбахского старосты Конца вытащили 25 ведер вина[2]. В то же время и отряды, командированные «ясным ополчением» для набегов, продолжали свое дело, брали замки, владетели которых не вступили еще в братство или смотрители которых бежали; такая же участь постигла и замок Ротенфельс. Владелец его был близкий родственник Берлихингена, и потому Гец убедительно просил не разорять замка, ничего оттуда не брать, разве за исключением самого необходимого для лагеря, и сберечь хозяйке ее домашнюю утварь, платье и драгоценности. Начальники вообще стали теперь сдержаннее и умереннее, дозволяли брать только по необходимости или по расчету; оденвальдцы пощадили Ротенфельс, также замок Гомбург и здание тяжебного суда. Впоследствии Гец хвалился, что, пока он находился в ополчении, ни один замок графа или дворянина не был сожжен. Оттуда «ясное ополчение», осадив и взяв Трюмерское приорство, направилось в Гохберг и расположилось здесь 7 мая лагерем в виду Вюрцбурга; восемь уполномоченных были отправлены отсюда назад, в Майнцское епископство. Каждая община должна была поклясться богом и всеми его святыми беспрекословно повиноваться всем распоряжениям и постановлениям нынешних и будущих крестьянских предводителей, сохранять ненарушимую верность всему Христианскому братству Оденвальда и Неккара и свято соблюдать двенадцать тезисов. «Ясное ополчение» без всякого страха могло отрядить в Майнц этих восемь депутатов. Все земли, прилегающие к Рейну: Франкфурт, Майнц, Вормс, Шпенер, Рейнгау, Рейнфальд, вся местность до самого Трира была уже охвачена пламенем крестьянского восстания.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Франкфурт, Рейнгау, нижний Рейн и Вестфалия

Во Франкфурте еще во время великопостной ярмарки приезжие купцы опасались заговора, замышляемого против городского совета и попов; носились таинственные слухи, что к концу ярмарки приключится нечто необыкновенное. В городе

[1] Акты союза, связка 103, № 19. Из записок самого священника.
[2] Там же, связка 103, № 9 и 20. Собственноручное письмо Конца из Ауленбаха.

в то время жил проезжий проповедник доктор Гергард Вестербург, по духу и образу мыслей сродни карлштадтцам. Приверженцы нового учения сгруппировались вокруг него. Дом, где он жил, днем и ночью был осаждаем гражданами, величавшими проповедника евангельским человеком. Самым горячим из его приверженцев был башмачник Ганс фон Зиген. Еще год тому назад происходило много разного рода споров о церковных делах; постоянные налоги, которыми во Франкфурте, более чем где-нибудь, были обременены дома и имущество граждан, уже в 1523 году вызвали такое неудовольствие, что городской совет должен был потребовать от духовенства уступок в пользу города. Установленная в 1488 году подать с вина, пива и плодов тоже была одной из причин всеобщего раздражения.

В понедельник на святой неделе, 10 апреля[1], более шестисот граждан из Нейштадта и Саксенгаузена, в том числе и несколько знатных приезжих[2], собрались на дворе церкви св. Петра. Поводом к этой сходке послужил новый налог на употреблявшиеся во время ярмарки тачки и тележки. Скоро уже было вынесено несколько решений прямо враждебных городскому совету и духовенству. Оба городские бургомистра вмешались в толпу с целью разведать ее намерения. Собравшиеся не заставили их спрашивать себя понапрасну: поднялась целая буря жалоб на духовенство и налоги. Господа старались успокоить волнение, говоря, что городской совет выслушает граждан, что они должны изложить и представить ему свои жалобы. Собрание не хотело откладывать дело в долгий ящик и решило как можно скорее приняться за реформу духовного правления; оно не скрыло также своих намерений посетить некоторые из монастырей. «Действуете ли вы и говорите сами по себе или по чьему-нибудь внушению?» — спросил один из бургомистров. «По чьему внушению? — отвечал ему бочар Петр Деркен; — ведь дело здесь идет о нас самих, о всей общине, о всех цехах». Ганс Стефан обратился тогда к портному Петру Кригеру и вместе с Гольцгаузеном стал просить его удержать своих друзей от нападения на монастыри. Франкфуртцам, однако, хотелось разделаться с своими попами так, как, по дошедшим слухам, разделывались с ними в других местах. «Попы долгонько пили на наш счет; теперь и нам пришла охота хоть раз выпить на их счет», — кричала толпа на церковной площади. Увещания, просьбы, мольбы и обещания господ были напрасны, ликующие ремесленники устремились на монастырь проповедников, ели и пили там в отворенных монастырских погребах, оттуда отправились на ферму искать школьного учителя, там еще раз угостили себя, не убив,

[1] В церковных актах значится: понедельник 13 апреля.
[2] Об этом говорит Леснер в своей франкфуртской хронике.

впрочем, ни одного человека. На другое утро, 11 апреля, народные ораторы представили городскому совету народные жалобы, а после 12 часов (дня) толпа отправилась в монастырь кармелитов, в дом декана св. Варфоломея (скрывшегося вместе с Кохлеем, ревностным врагом реформации) и в дома других духовных, но при этом никому не было нанесено никакого вреда, ничего даже не было разграблено.

Перепуганный такими выходками городской совет стал делать дружественные предложения цехам, говоря им, что они своими бунтами да своеволием могут только повредить городу, лишить его привилегий, торговли и ярмарки. Это могло подействовать только на людей, близко заинтересованных в торговле: ткачей, лавочников, мастеровых на железных заводах, на торговые компании Лимбурга и Фрауенштейна, но другие цеховые вооружились и отправились на Конную площадь, чтобы соединиться там с своими союзниками. Руководители восстания нарочно распустили слух, будто городской совет намерен ввести в город сильный отряд кавалерии и другие войска для того, чтобы силою устрашить цехи. Это заставило всех сейчас же взяться за оружие. Цеховой голова должен был произвести военный смотр перед домом цеха портных на Либфрауэнберге. Туда все и пошли с Конной площади.

Городской совет поспешил послать к ним Филиппа Фюрстенберга, искусного дипломата, одного из любимых народом ратсгеров. Народ, однако, не стал слушать его уверений, будто слухи о кавалерии и других войсках были простой выдумкой, овладел городскими воротами и башнями, занял мост на Майнце и поставил на всех постах свои караулы. Ловкий Фюрстенберг сделал вид, что и он сочувствует их делу, и посоветовал им избрать депутатов для переговоров с городским советом. Все цехи соединились вместе для выборов, и в доме цеха портных составлен был длинный ряд статей. Затем выборные, сопровождаемые вооруженными и ликующими цехами, отнесли эти статьи в городской совет. Уличные мошенники хотели было воспользоваться случаем и напасть на еврейский квартал, но цехи силою оружия заставили их отказаться от исполнения этого намерения. В троицын день, 13 апреля, выборные собрались на Антонианском дворе, сделали еще несколько прибавлений к вчерашним статьям и передали их городскому совету. Всех статей составилось теперь сорок шесть.

Главнейшие из них носят отпечаток местных городских интересов и только некоторые касаются общего народного дела. Но из этих статей бо́льшая часть направлена против духовенства, многие против городского совета и его управления. Вступление довольно замечательно: «После того как всемогущий бог ниспослал в сердца многих дух истины, вместе с откровением своего святого евангелия, и просветил их своей верой, священнодействующая толпа попов и монахов много-

кратно и без всякого основания осмеливалась скрывать истину и с своими приверженцами — тиранами — употребляет все возможные усилия, чтобы воспрепятствовать распространению св. евангелия. Им хотелось бы разделить народ на партии, и как дьявол посредством их — своих клевретов — долго обманывал народ, так и они бессовестно и бесстыдно распространяют мнение, будто милосердие и его святое слово должны повести к мятежу; делают же они это по внушению своей скупости, корыстолюбия, насилия, а не слова божия. Никакие дружественные просьбы не действовали на них. Так как теперь мы обязаны более повиноваться богу, чем людям, то мы и не хотим поступать как безбожники; мы решились во славу всемогущего бога, во славу его святого слова, во славу господа нашего Христа, для преуспеяния братской любви и единодушия вести себя, как братья, по божескому закону, мы решились сами себя преобразовать, для того чтобы никто другой не был вправе упрашивать и принуждать нас к этому. Потому хотим мы сами облегчить себе тот невыносимый гнет, на который мы вынуждены были жаловаться».

В длинной цепи жалоб пять начальных, три средние и пять конечных направлены против духовенства. Граждане желали, чтобы им предоставлено было право назначать и смещать приходских священников и чтобы слово божие проповедывалось во всей его чистоте; чтобы духовенство было женато или, по крайней мере, не подавало соблазна своей распутной жизнью; чтобы все проживающие в городе духовные наравне с прочими гражданами несли все городские повинности, как-то: службу, караулы, подати и налоги, а также подлежали юрисдикции городского суда; чтобы монашествующее духовенство обязано было все разосланное в другие города монастырское имущество потребовать обратно и отдать его бедным франкфуртцам, так как имущество это было обманом исторгнуто у их предков, а потому и должно принадлежать общине, а не монахам; чтобы монахам было запрещено собирать милостыню, проповедывать и исповедовать, чтобы ни один монах и ни одна монахиня на будущее время не были принимаемы в монастыри города, а те, которые в них находятся, имели бы право свободно выйти оттуда; чтобы за хранящимися в монастырях бумагами и драгоценностями был учрежден строгий надзор; чтобы капеллании замещались по выбору самих их основателей или их потомков, а если таковых нет, по выбору прихожан, людьми набожными, честными и учеными, благорасположенными к гражданам и способными поучать народ слову божию; там же, где не предстоит особенной необходимости замещать подобные места, доходы с них должны поступать в общественное хранилище, учрежденное во славу господа, чтобы на них бедные могли быть призрены и не имели надобности скитаться от дома к дому, выпрашивая милостыню;

чтобы все отказываемые для благотворительных целей капиталы поступали в общественную кассу, которую предполагалось учредить в честь господа для снабжения бедных пищею; чтобы те различные церковные празднества, на которые до сих пор расходовались эти капиталы, были уничтожены; чтобы городские весы находились не в руках духовенства, а в руках городского совета, и доход с них поступал бы не к настоятелям церквей, а в кассу для бедных; чтобы повинности, до сих пор взимаемые с панихид и других церковных обрядов, были уничтожены; чтобы все жившие с священниками женщины и теперь обязанные удалиться от них, а также и все предающиеся разврату никем не были принимаемы ни на квартиру, ни в сожительство. Между статьями, направленными против городского совета и его управления, особенно выдаются статьи, обличающие членов совета и их злоупотребления. Эти господа сами барышничали хлебом и были ростовщиками, а потому община потребовала, чтобы на будущее время хлеб продавался на вольном рынке и чтобы богатые барышники были обложены податью. Всякий, строящий у себя лестницу, порог или погреб, должен был сперва внести городскому совету плату за право производить подобные постройки; теперь эти подати должны быть уничтожены; достаточно было одного только согласия архитектора. Городской совет обложил податью все, что только мог; из всего он сделал доходную для себя статью, за каждую свинью бралась пошлина, даже сами собственники не имели права ни пахать, ни строить без пошлины. Господа грабили у общин заблудившихся в лесу животных и продавали их в соседние деревни; самые дрова из лесу продавались на сторону, так что соседние общины имели больше от них пользы, нежели сама франкфуртская; как только кончался годичный запас дров, богатые с своими лошадьми первые отправлялись в лес, вырубали самые лучшие деревья, а для бедных оставались одни только пни; члены городского совета держали большие овчарни и своими овцами потравляли все пастбища общины и портили леса, так что для коров, свиней и овец бедных оставался только самый жалкий корм. Всякий гражданин обязан был платить за рожь, овес, дрова и проч., провозимые им через Майнцский мост, хотя бы он и купил эти продукты тут же в городе; приходилось платить даже за провоз вина из своих собственных виноградников; бедный человек был вполне отдан на произвол евреев-ростовщиков; если он жаловался, что его обманули или просто обобрали, то никогда не мог найти никакой защиты, потому что члены городского совета были заодно с ростовщиками и получали от них взятки. Бедный человек был отдан также и на произвол адвокатам: он страдал от проволочек дела, он разорялся судебными издержками и высокой платой адвокатам. Сдельная же плата бедных поденщиков была так незначительна, что почти

не давала им никакой возможности существовать; ни прилежание, ни искусство честного ремесленника не помогали ему; городской совет за деньги принимал в мастера недоучившихся, ни на что неспособных, которые сами загребали жар руками подмастерьев. Община страдала также и от наемников городского совета, своими лошадьми и собаками опустошавших поля бедных, более же всего страдала она оттого, что на вакантные места членов городского совета избирался обыкновенно не тот, кто отличался честным рвением к общественному благу, умом и опытностью, а тот, кто был богат, имел связи; иногда случалось видеть отца, двух его сыновей и двух его братьев, одновременно заседающих на скамье выборных, и если какой-нибудь цех не соглашался на подобный выбор, то почтенный совет, на основании закона, им же самим написанного, имел право уничтожить ту или другую из привилегий цеха.

Против всех этих злоупотреблений восстала теперь община и потребовала частью их уничтожения, частью же смягчения. Она требовала также более правдивого суда: ни один гражданин, пока он может представить поручителя, не должен подвергаться аресту ни за подати, ни за проступки по важным делам; как бедные, так и богатые должны быть удовлетворяемы правосудием в четырехнедельный срок и судебные издержки уменьшены наполовину. Высокая пошлина с вина, зернового хлеба, соли, масла, рыбных промыслов и прочих продуктов, потребляемых в самом городе, должна быть для блага бедных понижена наполовину; все оброки, получаемые как духовными, так и светскими властями, право на которые не может быть доказано надлежащими грамотами, должны были быть уничтожены; оставлялись только налоги постоянные, утвержденные грамотами, все же прочие, грамотами не утвержденные, на будущее время отменялись. Уничтожается малая десятинная подать; во всех тех случаях, когда необходимо установить какие-нибудь новые подати или пошлины, нужно просить согласие общины для того, чтобы налог был распределен пропорционально между богатыми и бедными.

Община удерживает за собою право представлять совету и о дальнейших своих нуждах, если таковые окажутся; и совет должен дать ответ на представления общины не позже 1 часа на следующий день.

Городской совет послал эти статьи духовным властям, так как многие из них касались и духовенства; несколько духовных принесло их обратно из монастырей в ратушу. Они готовы были на уступки, но жестокая необходимость вызвала у них слезы, из уст их сыпались упреки, на которые городской совет отвечал тем же, жалуясь на плохие времена. Затем городской совет вместе с духовенством обдумал ответ и отправил его с Фюрстенбергом на двор антонианцев. В ответе давалось только полусогласие. Цехи, не обращая, однако, внимания ни

на вежливость, ни на красноречие Фюрстенберга, не удовольствовались этими половинными уступками. Всю ночь провели они под ружьем, и теперь восстание приняло уже более грозный вид, потому что среди восставших находились лица, примкнувшие к восстанию совсем «по другим причинам и радовавшиеся ему. Эти господа наделали столько шуму и грому, что военное начальство, лишенное всякого влияния, не могло считать в безопасности ни свою жизнь, ни честь, ни имущество. Народ не хотел иметь никого из членов городского совета своим начальником и назвал сам себя императором, папою, епископом и бургомистром».

В субботу на страстной Ганс фон Зиген явился к бургомистру с объяснением, что община требует, чтобы предложенные ею статьи были приняты сейчас же и без всяких отговорок. В то время как он это говорил, со стороны Либфрауенбурга блистали копья и самострелы: сотни вооруженных цеховых стояли там под ружьем.

Члены городского совета, принимая во внимание, что подобные беспорядки в настоящие трудные времена случались во многих почетных городах святой империи и что нужно более всего позаботиться о том, чтобы верховная власть не вмешалась в это дело, порешили одобрить представленные им статьи, и положить на них такую резолюцию: статьи эти, как статьи достойные уважения, клонящиеся к общественному благу и обличающие многие недостатки и злоупотребления, вкравшиеся в городское управление, — они добровольно обязуются исполнять с буквальной точностью, до тех пор пока это будет возможно без обиды богу и чести. Они под клятвою обязывались соблюдать статьи свято, нерушимо и искренно, не соблазняться ни существующими, ни будущими императорскими или другими привилегиями, если эти привилегии могут отклонить их от точного исполнения их обязанностей. Во всем этом они ручаются как за себя, так и за своих преемников на вечные времена.

Только в субботу на фоминой неделе, 22 апреля, городской совет возвратил документы общине. Двенадцать дней продолжалась война за статьи. Теперь по улицам весело били в барабаны; все граждане спешили в римский квартал, чтобы посмотреть на подписанные городским советом, мужскими и женскими монастырями статьи. Статьи были прочитаны, и члены городского совета вместе с гражданами присягнули в верности им. Военные посты были сняты, ворота, долго остававшиеся запертыми, открыты; все, казалось, успокоилось.

Граждане приказали напечатать статьи и разослали их в прирейнские города, в Пфальц и в области Швабского союза, к великой досаде начальства этих городов. В самом Франкфурте различные комитеты выборных граждан, до сих пор руководившие движением, теперь разошлись, чтобы приняться за свои

обыденные занятия; остался один только небольшой комитет, состоящий из десяти человек. Эти десять ходили из дома в дом к духовным господам, с угрозами требуя от них, именем общины, чтобы они сейчас же отпустили своих наложниц. От монастырей они потребовали описи всего их имущества, и чем сильнее разрасталось народное восстание в немецких областях, тем смелее становились их требования. Теперь поднялись и крестьяне в округе Франкфурта и собирали на Антонианском дворе подозрительные сходки. В то же время распространился слух, будто «черный отряд» Флориана Гейера идет на Франкфурт. Городской совет просил, говорил, убеждал, уверял, что весь город сильно пострадает, если «черные» разграбят имущество и товары, привезенные на ярмарку и отданные господами и приезжими купцами на сохранение городу. Боязнь «черных», однако, скоро миновала: они направились по другому, противоположному пути. Этим случаем многие думали воспользоваться, чтобы предать смерти господ, попов и евреев. Если не будет по-нашему, говорили они, то мы не хотим исполнять никаких статей. Когда опасность нападения «черного отряда» миновала, городской совет стал действовать смелее; он велел засадить в тюрьму Гунца Гааса и мясника Генне Шторка, говоривших народу слишком пламенные речи. Доктору Вестербургу велено было в двадцать четыре часа выехать из города. Доктор не послушался. Городской совет увидел себя вынужденным послать сильные разъезды к тому месту, где жил доктор, потому что ночные собрания в его доме стали теперь и многочисленнее и оживленнее. На второе дружеское предложение выехать из города доктор отвечал: «Если такова воля господня, — уеду, но пока остаюсь». Членам городского совета пришлось дожить даже до того, что комитет десяти потребовал, чтобы доктору было дано право гражданства. Им пришлось испытать еще более. В одну ночь, когда члены городского совета с преданными им гражданами делали обход по улицам города, навстречу им попался один из десяти, Ганс Зиген, вместе с другими выходивший из дома доктора. «Что это значит, — вскричал он, — так ли следует исполнять обязанность караульного? Я бы тоже ведь мог набрать много людей». От членов совета обратился он к гражданам: «О, граждане, когда бы вы знали, зачем вы идете сюда, вы бы, конечно, не пошли с ними». «Друзья» совета «скрыли гнев» и не подали Гансу фон Зигену никакого повода к насилиям; и он, сопровождаемый скорняком Лауксом, портным Вильдом и другими из народа, удалился «наговорив однако много наглых, грубых и нехристианских слов».

В соседнем Майнце, в золотом Майнце, где в прежнее время господствовала радость, где народ, насколько это зависело от природы, был наделен всеми условиями счастья, но не был, однако, счастлив, в этом старом, большом городе движение

было еще сильнее, чем во Франкфурте. 23 апреля после совершения процессии к св. кресту много вооруженных граждан собралось на Дитмарк; то были друзья нового учения и в том числе четверо проповедников, недавно освобожденных из городских тюрем. Всю ночь оставались они под ружьем и не успокоились даже и тогда, когда наместник архиепископа и капитул вступили с ними в дружественные переговоры. На другой день ранним утром они оповестили по всему городу, что все граждане должны собраться на Дитмарк, захватили городские ключи, заперли все ворота, свезли все бывшие на башнях орудия на Дитмарк и сами явились туда, вооруженные с ног до головы. Днем и ночью в городе была суматоха, собравшиеся граждане стреляли из мортир, угрожали разграбить дома духовенства; поэтому капитул, во избежание потерь, согласился на все статьи, предложенные ему городской общиной. Статьи эти числом тридцать одна были очень умеренны и относились исключительно к местным нуждам города[1].

Еще несколько дней раньше собрались крестьяне и граждане Рейнгау. Рейнгау, по справедливости, мог назваться гнездом дворян, раем попов. Народ собрался в Люцелау в день св. Варфоломея, 23 апреля, и потребовал возвращения своего старинного земского управления. Подобно городу Майнцу, они составили 31 статью, из которых мы заимствуем здесь более замечательные. Как и швабы, рейнгаусцы прежде всего потребовали права самим избирать своих евангельских проповедников и свободы евангельского учения. Затем они пожелали, чтобы десятинный сбор был уменьшен в 30 раз и чтобы на этот доход содержались проповедники, а излишек поступал в пользу бедных. Они желали, чтобы все владетели Рейнгау как духовные, так и светские, как благородные, так и неблагородные платили подати и несли общинную службу наравне с другими гражданами; исключения допускались только для свободных дворянских ленных имений. Они потребовали возвращения старых вольностей, на основании которых каждый гражданин мог быть судим только в Рейнгау и мог быть призываем к суду только на месте своего постоянного жительства, чтобы крепостное рабство и всякие другие изъятия из общего права были уничтожены и чтобы все пользовались одинаковыми гражданскими правами. Они соглашались платить законом установленные поземельные сборы, если они не превышали $1^1/_2$ шиллинга, а также пошлины с вина, масла и воска, если они будут уменьшены на одну двадцатую часть, другие поземельные налоги должны быть уничтожены; всякие договоры, купли и продажи, заключенные мошенническим образом,

[1] Статьи майнцской городской общины напечатаны у Шунка, ч. III, стр. 62—74.

должны были потерять всякую силу; все церковные доходы, которыми пользуются разные любимчики архиепископа, не исполняющие лично своих обязанностей, должны быть у них отняты и обращены на общественную пользу; в Рейнгау впредь не должен быть терпим ни один еврей, ни один нищенствующий монах; монастыри предполагалось упразднить; требовали также, чтобы каждому гражданину предоставлено было право свободно покупать и продавать строевой лес и дрова, право свободно пользоваться водой, пастбищами, дичью за исключением красной дичи; чтобы тот, кто пользовался землей из-за половинного сбора, впредь отдавал только третью часть, кто отдавал третью — четвертую и т. д.; чтобы вдовы и сироты каждого местечка были призреваемы их магистратами и чтобы лесной суд производился по старым законам.

Особенно замечательна одна статья, касавшаяся военной защиты. Без преувеличения можно сказать, что все уголки Рейнгау были окружены стенами, рвами и башнями; с запада и юга он был защищен Рейном, с севера и к востоку непрерывным рядом рвов и башен и густо сросшимся терновым плетнем.

Цепь этих укреплений прерывалась только монастырем Тифенталь и Аппенскою мызою; только со стороны монастыря и мызы страна была не защищена и открыта для неприятельского нападения. Потому собравшиеся рейнгаусцы потребовали, чтобы монастырь и мыза были срыты до основания.

Чтобы вернее оценить все вышеизложенные требования, необходимо бросить взгляд на древние учреждения рейнгаусцев. По мнению Бодманна, весьма основательно изучившего историю своих соотечественников, рейнгаусцы имели местное самоуправление и составляли в архиепископстве как бы особое государство. Они пользовались личной свободой, правом перехода с места на место и вообще наслаждались внутренней автономией; они имели свою собственную городскую и сельскую полицию, свою милицию, свое каноническое право. Им дано было право защиты и право апелляции на местные суды, право приглашать и смещать судью из тайного судилища в Майнце. Вследствие всех этих прав и привилегий рейнгауские крестьяне одушевлены были тем же духом свободы, как и имперские города; они даже постоянно называли себя гражданами. Курфюрст Альбрехт, государь, одаренный многими прекрасными качествами, но расточительный и властолюбивый, давно уже тяготился старинными рейнгаускими вольностями и еще в 1521 году с большим удовольствием слушал, как его сановники рассуждали, что он, как государь, не связан законами, оставленными ему его предшественниками; в этом смысле он и действовал. Таким образом, главнейшие пункты рейнгауских статей были не что иное, как подтверждение старых вольностей, попранных и уничтоженных княжеским своеволием. Рейн-

гауское дворянство наравне с простонародьем пользовалось всеми местными вольностями и притом обладало еще некоторыми и исключительными привилегиями: оно было изъято от повинностей, отправляемых лично и натурою, и имело свой собственный суд.

Эти-то преимущества, которыми пользовалось духовенство, нарушая гражданское равенство и сваливая на менее имущих все бремя налога, нередко возбуждали жалобы и даже открытое сопротивление со стороны народа. Теперь восставший народ желал установить полное равенство.

Собравшиеся передали свои жалобы наместнику архиепископа Бремзеру фон Рюдесгейму, который и препроводил их к соборному капитулу. Чтобы выиграть время, капитул просил двух или трех дней отсрочки для исследования, не заключалось ли в статьях чего-нибудь такого, что было бы несогласно с божественным правом и истиной; члены капитула надеялись, между тем, на постороннюю помощь или, по меньшей мере, ждали известий и распоряжений об арестах. Наконец, они объявили, что некоторые из статей основаны на божественном праве, другие же несогласны с ним, и требовали, чтобы народ не домогался их утверждения до тех пор, пока они не снесутся с штатгальтером, уехавшим в Атафельбург. Некоторые граждане нашли это требование справедливым и изъявили на него свое согласие, другие же ему воспротивились и не допускали никакой отсрочки. Это были по преимуществу, жители средних округов из волостей Винкеля, Эстриха, Галлгартена, Иоганнисберга и Миттельгейма. Особенным упорством отличались иоганнисбергцы. С ними действовали заодно и с одинаковым усердием жители из нижних округов, преимущественно же из волости Эйбинген.

При таком раздвоении мнений иоганнисбергцы и эйбингенцы удалились в полном вооружении на Вахгольдер — поле, находившееся на расстоянии одного часа времени от Рейна, неподалеку от монастыря Эбербах, и это было на другой день после праздника св. Филиппа и Якова; здесь они поклялись не расходиться и всеми силами защищать друг друга. Медленность капитула еще более раздражила их, когда они узнали, что граждане Майнца еще 23 апреля получили от городского совета и капитула все свои старинные вольности, отнятые у них Адольфом II. Здесь на Вахгольдере занялись они прежде всего окончательной обработкой своих статей и единогласно порешили не соглашаться ни на какие изменения со стороны князей и капитула. Они потребовали к себе на Вахгольдер всех поселян, не исключая и дворянства; призванные собрались. Дворянство оттого не замедлило явиться по первому призыву, что надеялось добиться для себя каких-нибудь выгодных условий, в чем оно и успело. 5 мая поселяне отправили письмо к дворянам, а 7-го числа в 9 часов утра господа явились в назначен-

ное место в этвильскую ратушу, где и были представлены им статьи. На 9 мая их пригласили на самый Вахгольдер; они поехали туда, но на пути их застал дождь; они отрядили к крестьянам Бремзера, а сами поворотили в монастырь Эбербах. Бремзер скоро вернулся назад и сказал им: «Если вы не хотите быть убитыми, поезжайте со мною к ним». Они отправились. Их спросили, что они хотят сделать из поселян. Господа отвечали, что если им оставят их старые привилегии и права, то они готовы жертвовать для граждан своею жизнью и имуществом во всяком правом деле. В этом поклялись все граждане и дворяне, подняв пальцы вверх. Крестьяне потребовали тогда, чтобы и сам штатгальтер, князь епископ Страсбургский, Вильгельм фон Гогенштейн явился к ним лично на Вахгольдер, и он отправился туда с соборным деканом и другими чинами и вступил в дружественные переговоры с рейнгаусцами. Штатгальтер среди собравшихся на Вахгольдере дворян, горожан и поселян, окруженный вооруженной и угрожающей толпой, вынужден был принять и подписать предложенные ему статьи; монастыри должны были сделать то же самое, т. е. они должны были подписать свой смертный приговор, потому что в силу этих статей они отказывались от всех своих главнейших доходов, обязывались принять на себя все повинности, наравне с прочими гражданами, оставить все дома божии и передать их поселянам, всякому желающему выйти из монастыря выдать по 200 гульденов деньгами, его платье и книги, дозволить дворянству и гражданам каждые три месяца делать в монастырях ревизии и уступить немедленно свои леса в пользование общин, и под этими-то условиями, с очень только незначительными изменениями, подписались монастыри Эбербах, Иоганнисберг, Мергенталь, Аульгаузен, женские монастыри Эйбинген и Готесталь. Они должны были передать крестьянам свои орудия и съестные припасы. Когда, согласно этому договору, многие монахи и монахини, не умевшие свыкнуться с монастырскими стенами, поспешно стали оставлять свои кельи, то монастыри неохотно соглашались выплачивать им определенную договором сумму; тогда народ потребовал, чтобы им было уплачиваемо по 200 гульденов сейчас же, при выходе, а остальные в течение четырнадцати дней деньгами или имуществом. Вместе с этим народ отобрал у монастырей все грамоты и документы, касавшиеся оброков и податей; цепь укреплений была повсюду восстановлена, рыцари обязаны были принять начальство над поселянами. Фридрих фон Грейфелькнау, брат трирского архиепископа, был сделан главным начальником Рейнгауского лагеря.

Рейнгаусцы запаслись для своего лагеря на Вахгольдере всем нужным на целую неделю; они даже позволили себе лакомиться благородным рейнвейном эбербахских монахов. Долго после того в народных песнях воспевалась огромная винная

бочка, подобная знаменитой гейдельбергской, которую будто бы роспили тогда крестьяне.[1]

Из Майнцской области народное движение быстро разлилось по обе стороны Рейна и по Северной Германии; но здесь оно отличалось духом умеренности и порядка, как и следовало ожидать от образованных граждан. Подобно тому как во Франкфурте и в Майнце, где не был разрушен ни один дом, принадлежащий духовенству, так и между рейнгаускими крестьянами движение это не сопровождалось ни беспорядком, необходимым спутником всех войн, ни кровопролитием, ни насилием невежественной и своевольной толпы. Дело шло только об уничтожении вопиющих злоупотреблений в политических и религиозных учреждениях, об успехах общественного прогресса, о восстановлении попранных прав человека и гражданина. Раньше еще провозвестники нового евангелия деятельно проповедывали на нижнем Рейне, а в Кельнской области и в Вестфалии дух протеста и просвещения распространялся сам собою. Когда Герман V (из графского дома Вид), архиепископ Кельнский, в Мадеборне осудил на смерть нескольких последователей нового учения и велел казнить их, палач сказал ему прямо в глаза: «Всемилостивейший государь, не требуйте от меня этого; долг мой отсекать головы убийцам и ворам, но не честным людям». Архиепископ хотел перевести осужденных в Кельн, но извозчик вместо Кельна доставил их в Зохет, жители которого и выпустили их на волю. В то же время анабаптисты работали на верхнем и нижнем Рейне. В прирейнских городах накопилось много горючего материала. Народное неудовольствие против духовенства было везде одинаково сильно. Везде городские советы были недовольны своими епископами, а народ раздражен против духовенства за то, что оно уклонялось от общественных повинностей и делало ему подрыв в его ремеслах, производя их в монастырях и в своих имениях; городские советы находились в натянутых и враждебных отношениях с епископами и архиепископами вследствие неопределенности границ между епископской судебной властью и правами городского совета — неопределенности, подававшей повод к разного рода путанице и столкновениям. Все, и народ, и члены городских советов, были против высших духовных властей, так как епископства все более и более превращались в светские княжества, владетели которых то явно, то тайно подкапывались под привилегии и вольности городов и во многих местах уже успели совсем их уничтожить. Во многих городах община была в раздоре с городским советом, простой народ с аристократией, потому что злоупотребления городского управления превосходили всякую

[1] Когда я находился на Вахгольдере, тогда мы пили из большой бочки. Как нашли мы ее? как собака находит траву; чорт благословил.

меру. Бессовестность в управлении городским хозяйством, алчное стремление захватить доходы в свои руки вооружили общины против городских советов и во многих местах Германии, между 1511 и 1514 годами, вызвали восстания.

Подобные же причины и в 1525 году в прирейнских городах Поппорте и Везеле заставили общины взяться за оружие. Члены городского совета заправляли городским хозяйством до крайности плохо. Общины, воспользовавшись крестьянским движением, низложили членов городского совета, избрали из своей среды новых и поручили им правление городом. Рихард фон Грейфенклау, архиепископ Трирский, прислал восставшим грамоту, которою признавал и утверждал все произведенные ими изменения. Курфюрст, сильно испуганный тем, что и в самом Трире городской совет и община пришли в движение, потребовал, чтобы и духовенство несло все городские повинности и чтобы соборный капитул делил с гражданами доход, получаемый из кружек при мощах в соборе. Кельн тоже волновался. Община в одно время стала во враждебные отношения и к архиепископу и к городскому совету. Уже в 1513 году, в роковую эпоху Башмака, община восставала против совета, казнила бургомистра, изгнала членов, и только с помощью военной силы, эшафотов и казней изгнанные власти были возвращены и ремесленники усмирены. В 1525 году община опять пришла в движение; днем и ночью залы собрания цехов и площади оглашались шумными криками и бряцанием оружия; одна партия зашла даже так далеко, что стремилась достигнуть полной свободы, запечатлев ее кровью не только духовных владетелей, но и кровью мещанской аристократии. Казалось, все значительные прирейнские города хотели сделаться местом казни светских и духовных владетелей; тут, так же как и в верхних областях, готова была вспыхнуть кровавая борьба за религиозную и гражданскую свободу. В Кобленце и в Бонне, в Клеве и Дюссельдорфе, в столице епископа мюнстерского и в Вестфалии оно уже началось. Несколько проповедников и школьных учителей распространили в Мюнстере новое учение о христианской свободе, и следствием этой проповеди было то, что толпы народа бросились на монастыри и требовали от монахов угощенья и вина.

20 марта народ хотел взять прилежащий к городу женский монастырь, но намерение это не удалось привести в исполнение. На другой день зачинщики были схвачены и отведены сыщиками в ратушу. Собралось много народу; почти все ремесленники пошли за арестованными, чтобы защищать их. Испуганные члены городского совета послали в толпу людей, пользовавшихся популярностью, разузнать о причине такого огромного стечения народа. Раздались сотни голосов: один кричал одно, другой — другое. Из различных возгласов можно было разобрать только одно: духовенство не несет городских и

служебных повинностей, а, между тем, так же как и все, нуждается в укреплениях города и караулах; оно в ущерб своему достоинству и во вред гражданам занимается в своих монастырях и имениях торговлею, винокурением, ткацким и другими ремеслами; нужно, наконец, потребовать отчета о ежегодных доходах женского и мужского монастырей и назначить над ними опеку, выдавать им только то, что им нужно на их потребности, а излишек отдавать бедным; нужно разломать или отнять находящиеся в монастырях ткацкие станки, чтобы прибыль, незаконно присвоенная монастырями, возвращена была гражданам. Если начальство не поможет им, не обложит податью корыстолюбивых попов, то оно заслужит одинаковое презрение с попами и на него станут смотреть, как на тирана и притеснителя, достойного смертной казни; меч прочистит тогда дорогу честным людям, искренно преданным общественному делу.

Городской совет видел по лицам и движениям собравшихся, что они говорили не шутя, кроме того, легко было заметить, что народ ведет себя умно, осторожно, нападая только на незначительные монастыри, чтобы не раздражать знатного духовенства. Городской совет обещал гражданам исполнить их требования и послал в оба монастыря несколько своих членов, людей умеренных, не пользовавшихся популярностью. Кто-то, желая взволновать народ, распустил слух, что у монашенок в Ницинке находится до ста ткацких станков: в действительности оказалось только 11, и все они были описаны и перенесены в ратушу для хранения. В то самое время, когда толпа ломала в монастыре ткацкие станки, Ганс Гроэте, желая дать лучшее направление народной мести, обратился к народу с следующими словами: «Для богатых будет достаточно, если каждый из них будет иметь только по 1 000 червонцев». Народ толпами повалил из монастыря в город. На всех перекрестках громко проповедывалось, что пришел конец рабству и заблуждениям, что людям ниспосланы правда и свобода. Кто-то из духовных написал народу 34 статьи, которые и были представлены городскому совету с просьбою, чтобы он их принял и поступал сообразно с ними и чтобы он уговорил епископа, высшее духовенство и знать последовать своему примеру, так как только единодушное согласие всех властей могло придать этим постановлениям законную силу. В представленных городскому совету 34 статьях заключались, главным образом, следующие требования: отмена некоторых податей, ограничение доходов и промыслов духовенства, обуздание разврата духовных лиц, изгнание и преследование нищенствующих монахов, сокращение религиозных процессий, принятие кельнской реформации, отмена церковного отлучения и праздника, ежегодно соблюдаемого духовенством в память его победы над народом во время спора при выборе епископа. Бо́льшая часть статей

заключала в себе требования вполне основательные и только некоторые казались не совсем справедливыми. Ясно было, что предводители народа обладали благоразумием и желали не просто пошуметь и побезумствовать, а освободить своих братьев от гнета давящих их несправедливостей. Густой толпой окружил народ ратушу и грозил употребить силу, если городской совет добровольно не согласится на его требования. Городской совет согласился на все. Тогда народ потребовал, чтобы он принудил и находившееся в городе высшее духовенство последовать его примеру, так как после того уже легко будет склонить на свою сторону епископа и дворянство. Городской совет согласился и на это: тотчас же были отправлены депутаты к каноникам. После некоторого колебания каноники, боясь народа, дали на все свое согласие, но вслед за тем послали письмо графу Фридриху Виду, прося его о защите, и, для большей безопасности, выехали из города. В таком-то положении находились дела до конца мая.

В тесной, непосредственной связи с великим движением в Швабии и Франконии находились и события, совершившиеся на верхнем Рейне, в Брейсгау, в маркграфстве Баденском, в Рейнпфальце и Эльзасе, откуда восстание перешло в Лотарингию и в другие соседние местности.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Верхнерейнский сводный отряд

Мы уже говорили прежде, каким образом Фома Мюнцер действовал на верхнем Рейне, в Мюльгаузене, в Зундгау, в Базеле, Цюрихе, Клетгау и Гегау и как рассеянные там анабаптисты частью соединились с ним, частью оставили его и подкрепили уже восставших крестьян, побудив других взяться за оружие на защиту слова божия. Чтобы верно оценить всю громадность влияния анабаптистов, надо вспомнить, с какой быстротой распространялась их пропаганда, как быстро увеличивалось число их приверженцев и какую вдохновенную ревность вносили они в свою деятельность. Народ приписывал им даже чудеса. Рассказывали, что когда в начале апреля восстали альгаусцы, огненный столп светил им ночью, как некогда перед детьми Израиля[1].

Когда в Цюрихе 5 апреля убежали из тюрьмы четырнадцать анабаптистов и семь анабаптисток, в том числе многие знаменитые предводители секты, разнеслась молва, что

[1] Рукопись Герольда.

ангелы чудесным образом вывели их из темницы, подобно тому, как это некогда случилось с апостолами[1]. Некоторые из беглецов до того были наэкзальтированы, что имели смелость снова явиться в город, где их сейчас же посадили в тюрьму; другие же бежали в соседние округа, чтобы собрать всех желающих принять слово христово и соединиться с ними святым крещением[2]. С этих пор становится несомненным влияние анабаптистов в Шварцвальде, в Вальдсгуте, где в один день крестились около 500 человек; в округе и городе Шафгаузене и Базеле, в Зундгау, особенно в Мюльгаузене, в Верхнем и Нижнем Эльзасе.

Между тем, как в других местах, например в Сант-Галлене, анабаптизм превратился в какое-то сумасбродство, шутовскую пошлость, возбуждавшую только смех и отвращение, на верхнем Рейне он был крещением рабов, стремившихся к свободе. Он поднимал угнетенных, собирал рассеянных и заставлял человека браться за оружие для защиты попранного человеческого достоинства.

В последних числах апреля жители Базеля были перепуганы разнесшимся слухом, что в самом городе скоро вспыхнет восстание. Вечером накануне первого мая в соборной церкви пытались начать возмущение, но попытка не удалась. На другой день поздно вечером собралась толпа новообращенных и делала вид, что хочет возобновить попытку, но городской совет и большинство граждан зорко следили за ними, и толпа ни на что не отважилась. После говорили, будто она собралась для того, чтобы разграбить сначала монастыри и дома духовенства, а потом одним ударом низвергнуть малый совет, которому она не доверяла, а с ним и весь клир. Цех ткачей думал начать выступление с монастыря Штейна. Все было приготовлено, заведены были тайные сношения с крестьянами, которым обещано было сдать город, отворив Эммерские и Альбанские ворота. В монастырях монахи были до того перепуганы, что в 10 часов ночи они уже начали служить заутреню.

При первом известии об угрожающей опасности члены городского совета пришли в такой ужас, что с трудом решились явиться в собрание. Только клейнштадтский староста не потерял присутствия духа и в 8 часов вечера созвал совет, на котором решено было, что вооруженный конвой пойдет дозором по улицам города, жители Клейнбазеля займут караул на мосту и будут наготове дать отпор в случае, если жители других частей города захотят напасть на духовенство и монастыри. Ввиду таких мер заговорщики должны были отказаться от своих замыслов.

[1] *Füßli*, Zeiträge, I, 249.
[2] Там же, I, 253.

Предводителями революционной партии в городе, по общим догадкам, были Вильгельм Штёр фон Дизенгофен и ткач Ульрих Лейдерер. Главным же начальником в Базельском округе был Стефан Штёр, приходской священник и проповедник из Лишталя, женившийся год тому назад; с последних чисел апреля до мая он находился в Базеле и, как кажется, был главным руководителем движения. Когда план заговорщиков не мог быть приведен в исполнение, Стефан Штёр ночью спустился с городской стены и убежал к своим.

На другой день рано утром собрался городской совет и приступил к допросам и исследованию причин восстания. Тут, говорит Картгейзер, люди, не осмелившиеся прежде высказываться публично, теперь, в присутствии всего малого совета, стали смело обличать злоупотребления городского управления и жестокие притеснения, которым подвергаются граждане. Оказалось, что опасения заговора в городе не имели никакого основания и были лишь пустым слухом, но зато настроение умов деревенских жителей внушало серьезные опасения; городской совет немедленно послал несколько своих членов для выслушания крестьянских жалоб. Когда посланные прибыли в Лишталь, крестьяне соседних округов уже начали выступать из своих деревень и собираться в одну массу, уговаривая и другие деревни принять участие в походе, угрожая им в случае отказа поджечь все их избы. Мы имеем на это приказ от начальства, говорили некоторые из них. Дома священников в Шентале, Ольсперге, Иглингене и в других местах были разграблены, не успевшие скрыться обитатели монастырей были прогнаны, монастырский погреб в Лиштале опустошен.

Депутаты городского совета послали сказать крестьянам, что они будут ожидать их выборных на следующее утро, 3 мая, в Лиштале. Когда выборные явились, им напомнили о благодеяниях, оказанных им базельцами во время войн, неурожаев и пожаров, просили толпу разойтись по домам и обещали ехать вслед за ними и на месте выслушать все их жалобы. Они надеются, что городской совет рассудит все дело по справедливости. Выборные обратились с этими предложениями к крестьянам и собрали сходку у верхних ворот. Тут произошло совещание; вскоре выборные снова явились к депутатам совета и обещали им до полудня изложить письменно крестьянские жалобы. Когда успокоенные депутаты мирно закусывали, крестьяне вдруг собрались в поход, вышли из нижних ворот и направились по дороге в Базель, оставив депутатов ждать ответа в Лиштале. Совещание крестьян кончилось решением итти прямо в Базель, в чем и дали они друг другу клятвенное обещание[1].

[1] Oxc (V, 497) выводит отсюда заключение, что перекрещенцы не играли в этом деле никакой видной роли. Но это заключение ни на чем не основано. Далеко не все перекрещенцы, а только часть их не допускала клятв.

Стефан Штёр давно уже стоял во главе их. За день перед тем, 2 мая, послал он к базельским цехам письмо, написанное совершенно в духе Мюнцера, в котором он увещевал их составить одну общую единодушную ассоциацию, уверяя их, что они совершат богоугодное дело, если, во имя слова божия, восстанут против своих господ[1]. Письмо это, кажется, было перехвачено базельским дворянством; они называли его «постыдным воззванием к убийствам».

Вслед затем, 3 мая, городской совет созвал граждан на цеховое собрание и дружелюбно обещал им удовлетворить их жалобы, спрашивая их, — готовы ли и они в свою очередь умереть с своими властями. Повидимому, все выразили готовность.

Между тем, в город пришло известие, что сильный отряд крестьян идет в Базель. Сейчас же заперли городские ворота, ударили в набат, и граждане заняли указанные им посты. Близ Эммерских ворот, у Кеппелейна, показалась уже многочисленная толпа крестьян. Они надеялись найти эти ворота открытыми, рассчитывая, что письмо дошло по назначению и что их единомышленники уже знают о времени их прихода. Одна часть граждан хотела сделать вылазку, другая приветствовать крестьян выстрелами из пушек. Но умнее всех оказались члены городского совета. Они послали в сопровождении хорошо вооруженных граждан своих бургомистров Мельдингера и Адельберга Мейера спросить крестьян, с какой целью собрались они под стенами города с оружием в руках; крестьяне в коротких словах объяснили свою цель и тут же сделали уступки по некоторым частным вопросам. Вообще по вопросам о евангельской проповеди, налога, десятин, барщины и духовенства они выражали те же желания, как и крестьяне других местностей, опираясь на известные двенадцать тезисов. Члены городского совета взяли эти и другие местные тезисы с собою в город, обещая крестьянам, что городской совет в следующем же заседании внимательно рассмотрит их. Крестьяне расположились на ночлег в Менхенштейне и его окрестностях; один отряд отправился в небольшой монастырь Энгенталь, другой в Шауэнбур, третий в Красный дом, там они сами брали все, что им хотелось, но самые здания не были разрушены.

Вскоре после отправления первых депутатов в Лишталь и другие округи городской совет послал гонцов в Цюрих, Берн, Люцерн, Фрейбург и Золотурн; через день после появления крестьян под стенами города депутаты этих кантонов приехали в Базель, имели короткое совещание с городским советом и отправились опять к крестьянам для переговоров. Большинство, поддавшись обещаниям депутатов действовать в интересах крестьян и обещаниям городского совета удовлетворить крестьянские жалобы, разошлось по домам, оставив

[1] Инструкция базельским депутатам, при допросе Штёра.

своих предводителей на произвол городского совета. Совет даровал амнистию всем виновным, за исключением лиц, писавших письмо к цехам и взявшихся доставить его по адресу. Поспешное согласие совета на главнейшие из крестьянских требований, как то: на отмену малой десятины, крепостной зависимости, винной пошлины, на свободу перехода, уничтожение смертной казни и барщины и т. д., лишило начальников восстания возможности продолжать начатое дело. Стефан Штёр бежал в Эльзас. В несколько дней все было покончено в Базельском округе, цехи снова приведены были к присяге, и городской совет, с неохотою и против воли, должен был выдать требуемые от него льготные грамоты.

В епископстве Базельском преимущественно в Лауфентале, на границе Зундгау и в Золотурне, восстание все еще продолжалось. Лауфентальцы соединились с зундгаусцами; и те и другие думали найти опору в Швейцарии, надеялись исключительно на сочувствие народа, но не дворян, разумеется.

Швейцария страна свободы, как она сама себя величала, относилась, тем не менее, враждебно к народному движению в соседних землях, даже кантоны, принявшие новое учение, не сочувствовали крестьянскому восстанию. Строго запрещено было жителям этих кантонов переходить к восставшим соседям или оказывать им какую-нибудь помощь; начальство опасалось, чтобы подданные не заразились духом мятежа, опасалось лишиться союзного города Тургау, староста которого уже писал им, что если они не поспешат к нему на помощь, то Тургау отделится от них; эти-то обстоятельства и вынуждали союз держать наготове армию в 30 000 человек для наблюдения над инсургентами, сражавшимися на его границах. Хотя городская знать, связанная по рукам и ногам французскою службою, держала себя до крайности аристократично, но в народе не вымер еще дух свободы, он сочувствовал швабским крестьянам, и, несмотря на запрещение начальства, шесть небольших отрядов из свободных кнехтов, в 500 человек каждый, вышли из союзных земель и явились в Зундгау. Крестьяне Верхнего Эльзаса и Зундгау наняли их по 4 гульдена в месяц[1]. «Повсюду раздались неслыханные и необыкновенные крики дьявольских мужиков», — говорит один очевидец. Но не чорт был нарисован на знамени крестьян; на их знаменах крупными буквами было написано: Иисус Христос. С этим знаменем многие вошли в город Мюльгаузен и просили у жителей подаяния, почти нараспев повторяя следующий стих: «Положите что-нибудь на знамя правды, нам, бедным мужикам, на спасение».

Главным начальником зундгауских крестьян был Ганс в рогожке. В городе Мюльгаузене тоже было не совсем спокойно; 23 апреля толпа цеховых кузнецов собралась в кузнице

[1] Мюльгаузенская хроника, рукопись, изд. Петром Фюрстенбергом.

и решила напасть после ужина на Люцельгоф и разграбить его; как кажется, решение это было принято не без уговора с загородными крестьянами, потому что когда городской совет принял свои меры к усмирению кузнецов, риксгеймские крестьяне с развевающимся знаменем показались в виду города. При виде их, цеховые сделались еще буйнее, и цеховой голова, вздумавший было унимать их, должен был искать себе спасения в постыдном бегстве; однако городской совет одержал на этот раз верх. На другое утро всем цехам велено было собраться в ратушу, где им было объяснено неприличное и противозаконное поведение их сограждан, после этого все мирно разошлись по домам и успокоились[1].

В одно время с зундгаусцами поднялись крестьяне графства Мемпельгард. Это рейнское владение принадлежало изгнанному герцогу Ульриху Вюртембергскому. Графство заключало в себе, кроме Мемпельгарда, еще Бламон, Клермон, Шатлю, Герикур, Гранж, Шерваль, далее бургундские ленные владения, пограничные с Швейцарией и Зундгау. Мемпельгардцы всегда оставались верны герцогу, они сочувствовали Бедному Конраду, а когда он был изгнан, они поручились за его заем; бо́льшую часть времени он проводил между своими мемпельгардцами в «черной комнате замка».

Крестьяне восстали здесь не против своего господина, герцога, но, главным образом, против грабивших их дворянства и духовенства. На знамени восставших крестьян изображен был вюртембергский олений рог и башмак[2].

Прежде всего зундгаусцы бросились на дома духовенства, опустошили несколько монастырей и сожгли инвентари и податные книги, но вообще ни домам, ни людям не было причинено никакого вреда.

Зундгау и Верхний Эльзас находились под властью эрцгерцога Фердинанда. Энзисгейм служил местом пребывания австрийских властей, а наместником эрцгерцога был в то время Вильгельм Раппольтштейн, благородный и весьма опытный человек. Он бывал в святой земле, участвовал в войне Максимилиана против Венеции, служил тайным советником при двух его преемниках и много раз счастливо сражался в Венгрии против турок.

Но и он, наместник эрцгерцога, не был теперь в Эльзасе; в понедельник на святой он с двадцатью пятью хорошо вооруженными всадниками из Энзисгейма отправился в Швабский союз. В фомино воскресенье все граждане должны были присягнуть в Энзисгейме временному штатгальтеру, рыцарю Гансу Иммеру фон Гильгенбергу; образовано было ополчение, в ко-

[1] Мюльгаузенская хроника, рукопись.

[2] На основании Дювернуа и рукописных источников; *Гейд*, Герцог Ульрих II, 260.

торое собралось много дворян и прелатов с своими слугами. В день св. Марка во время смотра на Грине явилось одного только войска 100 человек новобранцев; начальником их был Ганс Яков фон Вальднер. Со всех сторон стекались в Энзисгейм дворяне, монахи и монахини; крестьяне нигде не давали им покоя, во многих городах разгорелась междоусобная война, только Энзисгейм они считали надежным убежищем, хотя и здесь ежеминутно ожидали осады со стороны крестьян. В четверг, 4 мая, в Энзисгейм пришла весть, что крестьянский отряд выступает из Габсгейма и хочет разделиться. Одни хотят итти к Регисгейму, другие к Виттисгейму, третьи к Зернгейму. Наконец, весь отряд соединился и направился на Баттенгейм. Ударили в набат, загремели барабаны, все, кто мог носить оружие, вооружились, дворяне, духовная знать, приор св. Фельтена, аббат Мюнстерский, коммандор св. Иоанна в Зульце, епископ Страсбургский с своими рыцарями и челядинцами надели панцыри и доспехи и сели на коней. Знамя с изображением Иисуса Христа, уже развевающееся перед самыми стенами города, свернуло налево, и крестьяне расположились лагерем у Энзисгейма. В субботу выборные от Шлеттштадта и Кейзерберга, двух вольных городов Эльзаса, прибыли в Энзисгейм с целью предложить свое посредничество для переговоров крестьян с австрийским правительством. В следующий понедельник с этой же целью явились посланные от Базеля и Мюльгаузена. Между тем, как посланные вели переговоры в Энзисгейме, крестьяне принудили 10 мая, в среду, Зульц, а потом 12-го, в пятницу, Гебвейлер присоединиться к Евангелическому союзу. В Энзисгеймском лагере была взята с них присяга. Здесь, как и в других местах, одно только евангелическое духовенство не подверглось никакому преследованию: в обоих городах и в соседних деревнях крестьяне забирали все, что принадлежало монастырям и белому духовенству. 15 мая зернгеймцы тоже присягнули знамени Иисуса Христа. В Энзисгейме каждую ночь стояло на карауле 40 дворян и 18 граждан, которые были разделены на 4 смены. Днем у каждых ворот стояли 6 дворян, 1 священник и 2 гражданина. Где только можно было найти, нанимали солдат с платою по 4 гульдена в месяц; 17 мая, когда пришла весть о быстром распространении восстания, фогт, старшина и городской совет отправили послание к энзисгеймским прелатам, белому и черному духовенству «по поводу крестьян, одержимых бесом». «Мы просим и приказываем вам, — писали они, — со всей старательностью исполнять службу божью, чтобы бог даровал нам мир и избавил нас от наказаний, за грехи наши определенные». Далее высказывалось желание, чтобы и они, подобно дворянству, отбывали урочную работу и держали караулы. Все низшее духовенство было на это согласно, только духовная знать сочла последнее требование неудобоисполнимым.

В Среднем Эльзасе восстание вспыхнуло еще раньше. Из небольших крестьянских отрядов образовался так называемый «нижний отряд», имевший свою главную квартиру в епископстве Страсбургском, в аббатстве Альторфском, основанном в десятом столетии.

На пасхе собрались здесь около 1 100 крестьян; в среду 18 апреля отправились они в монастырь Альторф и пробыли там восемь дней. Монахи и аббат были изгнаны, церковная утварь, вино и хлеб, которые крестьяне не успели съесть, были проданы или уничтожены.

В то же время и около Дамбаха и Эпфига появилась новая толпа, поднявшая белое знамя с девизом, вырезанным на печати Оденвальденского отряда: «Слово божие пребывает вечно». Часть этих крестьян направилась к Эберсгейм-Мюнстеру на Рейне под предлогом занять там, по старому обычаю, хлеб. Их впустили, они овладели монастырем и с этого времени стали звать себя Эберсгейм-мюнстерским отрядом.

Виллертальские крестьяне на пасхе напали на монастырь Гуксгофен, взяли его и выгнали аббата. Оттуда дошли они до вольного города Шлеттштадта, потом опять вернулись в Гуксгофен, разгромили монастырь, разрушили колокольню, увезли с собою колокола, чаши и церковную утварь, порвали все книги и документы и сорвали даже крыши со строений.

Из Мительвейера, Беблена, Зигельсгейма на пасхе собралось около 300 человек крестьян и в юрьев день напали на монастырь Букс, расположенный в очаровательной местности, на границе между Мительвейером и Рейхенвейером. Эти крестьяне, как и мемпельгардцы, были вюртембергскими подданными. Они принадлежали рейхенвейерскому владельцу, и небольшой, того же имени, город являлся резиденцией графа Георга Вюртембергского, брата герцога Ульриха. Это вюртембергское графство оттянул себе эрцгерцог Фердинанд, и фогт привел всех жителей к присяге в верности австрийскому дому [1]. Из городка Рейхенвейера много граждан перешло к крестьянам. Они выгнали орденских рыцарей, выпили все их вино, разбросали по церкви иконы, сорвали крыши и разрушили даже пристройки домов. На другой день рейхенвейерский фогт Бастиан Ланк поскакал к крестьянам в Букс. «Как вы смеете бесчинствовать без позволения начальства?» — спросил он их. «Господин, — отвечали крестьяне, — ведь пришли бы чужие и сделали бы то же, так уж мы порешили лучше самим распорядиться» [2].

[1] «25 апреля принес я присягу в верности королю Фердинанду». Рукопись Эккарда Вигерсгейма.

[2] Главным источником как для этого, так и для следующих свидетельств служит вышеуказанная рукопись Эккарда Вигерсгейма, гражданина из Рейхенвейера, бывшего с крестьянами до самого шервейлерского поражения.

Жители Урбисталя, где находились замки Гогенек, Гутенбург и приходское село Урбис, напали на близлежащий монастырь Пайрис, разрушили его, изгнали монахов и продали все, даже свинец с крыш, только церковные украшения были перевезены ими в урбисскую церковь. Та же участь постигла и Альспах: монахи были изгнаны, монастырь сожжен.

При Барре собрался тоже небольшой отряд.

Все эти отдельные отряды принадлежали к Альторфскому или Нижнему сводному отряду, и теперь они снова стали соединяться в один общий лагерь. Прежде всего несколько человек бебленских крестьян отправились в Эберсгейм и, поклявшись стоявшему там отряду в братстве, обещали, как только он двинется вперед, соединиться с ним; эберсгеймюнстерцы отвечали, что они вместе с жителями Букса дали уже взаимную клятву жить и умереть вместе. Таких отрядов, поклявшихся действовать заодно, они насчитывали одиннадцать, включая, конечно, отряды, находившиеся по обеим сторонам Рейна.

Клятва эльзасских крестьян заключалась тоже в 12 пунктах, во всем, однако, сходных с знаменитыми двенадцатью тезисами. Они хотели: 1) чтобы евангелие проповедывалось в точном его смысле, потому что прежде его перетолковывали и проповедывали в духе корыстолюбия и личной выгоды, отчего бедные крестьяне много терпели; 2) чтобы большая и малая десятины были уничтожены; 3) чтобы были уничтожены проценты; занявший двадцать гульденов под залог имущества на год должен платить по одному гульдену в год процентов и то только до тех пор, пока эти проценты не потушат долга; 4) чтобы все воды, 5) строевой и дровяной лес, 6) дичь были одинаково доступны для всех; 7) чтобы никакая крепостная зависимость не допускалась более; 8) чтобы государем и владетелем был только тот, кого они сами пожелают: под государем и владетелем они подразумевали впоследствии императора; 9) чтобы суд и законы оставались такими, какими были в старину; 10) чтобы им предоставлено было право смещать чиновников, которыми они недовольны, замещать их другими по своему усмотрению; 11) чтобы они освобождены были от обязанности извещать церковь о всех смертных случаях; 12) чтобы общинные земли, пашни и луга, издавна захваченные дворянством в собственность, были снова возвращены общинам.

Таковы были пункты клятвы эльзасцев. Кто хочет быть с нами, говорит Эккард Вигерсгейм, тот должен поклясться с оружием в руках поддерживать эти пункты, или пусть удалится.

Эльзасские пункты отличаются от знаменитых двенадцати тезисов большею силою и краткостью и совершенно сходны с тезисами жителей австрийских гор Зальцбурга. Были ли они первоначально составлены самим Фомою Мюнцером для Верх-

него Рейна и по ним, как говорит он, написаны впоследствии знаменитые двенадцать тезисов? Различие здесь не может быть объяснено неточностью передачи, потому что Эккард Вигерсгейм, у которого мы заимствуем текст этих пунктов, сам присягал по ним в крестьянском лагере и, конечно, должен был быть хорошо знаком с ними [1].

25 апреля пополудни, в то самое время, когда Эккард Вигерсгейм вместе с другими гражданами приносил присягу в верности королю Фердинанду, крестьяне, стоявшие лагерем в Буксе под предводительством Ганса Эберлина и Гейнриха Эссена, двух рейхенвейерцев, с развевающимся знаменем появились у нижних ворот Рейхенвейера. Они хотели войти в город, чтобы поужинать с жителями, но их не впустили туда, несмотря на то, что, как говорит Эккард, «это были наши граждане и крестьяне наших владений». Городской совет и фогт отвечали им через поднятый цепной мост, что если им угодно было поужинать с нами, то им не следовало приходить с оружием в руках и с распущенными знаменами. Они рады напоить и накормить крестьян, но только не в таком виде.

Однако городской совет послал крестьянам бочку вина. «Они выпили из нее только четыре меры, — говорит Эккард, — если бы мы их впустили, не знаю, как бы это сошло нам; в городе многие держали сторону крестьян и пригласили их к себе с целью соединиться с ними и сделаться господами и хозяевами, хотя, впрочем, никто не имел намерения причинить кому-нибудь вред».

26 апреля городской совет и фогт созвали всю общину и потребовали, чтобы горожане поклялись мужественно защищать жизнь, честь и имущество друг друга и чтобы все, нежелающие дать эту клятву, удалились из города; община согласилась и даже были посланы в Букс фогт, двое из членов городского совета и двое от общины — уговорить тамошних граждан успокоиться и разойтись по домам, обещая им ходатайствовать за них перед начальством. Посланные дружелюбно переговорили с жителями Букса и 28 апреля в ночь вернулись домой.

Между тем эберсгейм-мюнстерцы подвигались вперед. Монастыри: Итенивейлер, Трутенгаузен, Гогенбург, Игенен-Мюнстер, Энгарт и пр. один за другим перешли в их руки; они «шли наказывать монахов и евреев». Далее толпа двинулась в горы к Дамбаху и Эпфигу, овладела ими и отправила посольство в Рид с требованием, чтобы крестьяне Маркольсгейма и Рида присягнули им в верности и выставили бы в ополчение одного человека на каждых трех жителей. Главнокомандующим отряда был Вольф Вагнер, а ему подчинены были еще десять начальников. Шёнау, Заси, Рейнау и все соседние

[1] Рукопись Эккарда Вигерсгейма об эльзасской крестьянской войне.

им места были заняты крестьянскими отрядами. Горные крестьяне постоянно держали своих эмиссаров при главной квартире Вольфа Вагнера, и от них-то узнал он, что общины повсюду сочувствуют крестьянам, что куда бы он ни пошел, везде его примут и дадут присягу в верности. В воскресенье, 7 мая, толпа, усиленная виллергалерскими и ридскими крестьянами и отрядом из Барра, стала лагерем у Сент-Пильдта (с. Ипполит) и овладела им[1].

На следующий день отправились они к Оберберкену, и так как им не хотели сдать города, то они двинулись далее и прибыли в Бебленгейм. Здесь к отряду присоединились жители Бебленгейма, Остгейма, Миттельвейера и Гунненвейера. В тот же самый вечер выехал к ним рейхенвейерский фогт и спросил их: зачем они сюда пришли? Затем, отвечали ему, чтобы снять с вас присягу и обязать вас поддерживать наши двенадцать тезисов; если вы не сдадите нам своего города, то мы приведем с собою много народу и начнем осаду. Фогт обещал на другой день прислать ответ городского совета и общины и отправился обратно в город; утром он созвал всю общину и спросил ее: согласна ли она поддерживать городской совет, не пускать к себе крестьян и защищаться до тех пор, пока это будет возможно? Одни отвечали, что у них нет пороху и камней, другие, что у них нет алебард, третьи, что у них нет пик и т. п. «Ежели так, — сказал им фогт, — то посоветуйтесь между собою и решите, что вы намерены делать, потому что крестьяне ждут ответа». Община объявила, что она желает последовать примеру соседних крестьян. Получив такой ответ, фогт в сопровождении двух членов городского совета и двух депутатов от общины отправился в Бебленгейм и спросил бебленгеймцев, зачем они так поторопились присягать крестьянам; ведь они могли бы подождать, пока сдадутся рейхенвейерцы. Бебленгеймцы отвечали, что рейхенвейерцы никогда не делали для них ничего хорошего и что они не только не хотят водить с ними дружбу, но готовы даже вредить им при каждом удобном случае, и что они советуют рейхенвейерцам остерегаться их. Фогту не оставалось ничего больше говорить, и он передал главноначальствующему отрядом Вольфу Вагнеру из Рейнгау ответ города, заключавшийся в том, что граждане не согласны впустить их в город, но что они последуют примеру беркенцев и раппольтсвейлерцев. При этих словах крестьяне бросились на одного из членов городского совета, Стефана Эрдингера, и на одного из посланных от общины, Освальда Дифенбаха, и взяли их в плен. Однако прежде чем фогт с двумя другими возвратился в город, пленники были освобождены; крестьяне направились

[1] На картах обыкновенно ставится Бельт около Шлеттштадта на Ландграбе.

к Беркену и потребовали сдачи города. Беркенцы обещали дать ответ на другой день и разослали гонцов к жителям всех соседних городов, приглашая их собраться на следующий день для совещания в Рейхенвейер. Кроме беркенцев туда явились раппольтсвейлерцы, кильгеймцы, амерсвейерцы и кейзербергцы. Жители первых четырех городков решили помогать друг другу, не сдавать Беркена, а прогнать крестьян из страны. Кейзербергцы не согласились с этим решением, вследствие чего совещание не привело ни к каким результатам. Беркенцы объявили, что они намерены защищаться до последней возможности, и возвратились домой. Город, решившись защищаться, послал отказ крестьянам. Крестьяне, между тем, отправились далее. В Целленберге, к воротам которого подъехало шесть начальников, фогт и граждане присягнули крестьянам. Их примеру последовали и деревни Вюртембергской области. После этого крестьяне разделились на отдельные отряды, которые рассыпались в разные стороны снимать с жителей присягу в верности союзу. 9 мая в главной квартире в Гунненвейере оставалось не более 1 200 человек; здесь получен был ответ беркенцев.

Получив этот ответ, главнокомандующий крестьянским лагерем послал приказ во все села, принадлежащие к союзу. Во всех городах и селах, присягнувших крестьянам, ударили тревогу и стали собираться в поход. В тот же самый день Вольф Вагнер явился перед Нефейнкрейцем и Беркеном. Всю среду он отдыхал, выжидая подкрепления. Отряд его расположился лагерем на Вейнберге; ни с той, ни с другой стороны не было сделано ни одного выстрела; городу было объявлено, что если хоть один человек из отряда будет убит, то весь город будет разрушен, так что не останется камня на камне. Собравшиеся в Рейхенвейере граждане других городов отправили послов с просьбою, чтобы отряд удалился и не шел далее.

Начальники отряда приняли послов очень ласково, уверяя их, что они пришли сюда ради братской любви и что они ни в каком случае не могут отказаться от своей цели. Между тем, численность крестьянского отряда возросла очень скоро до 14 000 человек. Увидев это, беркенские женщины хотели растерзать фогта. Они встретили поддержку и со стороны многих мужчин, державших сторону крестьян. Тогда фогт и городской совет, боясь внутренних врагов, присягнули крестьянам и впустили их в город. Вступив в город, крестьяне разбили скрижали и разорвали книги евреев, несмотря на то, что те предлагали им выкуп в 400 гульденов, разрушили их школу, заперли всех их в один дом, а в другой сложили все вещи и к обоим домам приставили караул. Каждому дозволено было выкупать свою вещь, уплачивая деньги смотрителю, который тут же продавал и еврейское имущество. Беркенцы

должны были послать 60 человек в отряд, который и выступил 12 мая, а 13-го расположился лагерем у Раппольтсвейлера[1].

В Раппольтсвейлере имел свое местопребывание Ульрих, владетель Раппольтштейна, Гогенека и Герольдсека в Васгау, сын Вильгельма Раппольтштейна, австрийского ландфогта и рыцаря Золотого Руна[2]. Раппольтсвейлер был укрепленный город, разделенный тремя воротами на четыре участка; жители его втайне были преданы евангельскому учению. В верхнем и нижнем городе еще 23 апреля заметны были признаки волнения. Узнав, к великому своему огорчению, что народ собирается в Альторф, Ульрих старался всеми мерами воспрепятствовать жителям выходить из города и соединяться с крестьянами. В это время подошел к нему один из членов городского совета, Леонгард Прехтер, и сказал ему, что он слышал, как некоторые из жителей верхнего города говорили жителям нижнего города: «Как только вы пообедаете, собирайтесь на площадь, там мы начнем». При этом упоминалось и о монастыре. Узнав об этом, Ульрих послал в монастырь гарнизон и приказал убрать веревки от колоколов, чтобы нельзя было ударить в набат. Затем он призвал к себе трех членов городского совета. «Что это такое делается у вас?» — спросил он их. Те, полагая, что он их спрашивает, зачем они причащались по обрядам нового учения, стали извиняться, но Ульрих разуверил их, сказав, что дело идет совсем не о причастии, а о том, что община намерена напасть на монастырь и разрушить его. «Сударь, — отвечал Урбан Гейдельберг, — ходит слух, что ландфогт с 1 500 конницы нынешнею ночью намерен напасть на город и умертвить всех жителей; говорят, что слух этот пущен одним сторожем, по имени Тряпичка». Послали за сторожем. Но граждане уже выбежали на улицу с криками: «Бейте тревогу, к оружию!» Отбив сторожа, они повели его с собою на площадь, куда и сами собрались в полном вооружении. Ульрих в сопровождении нескольких дворян тоже отправился на площадь, вступил в переговоры с общиной и предложил всем, имеющим охоту спорить и драться, убираться вон из города, к злодеям-мужикам. На его вопрос: что значит последний поступок горожан? собравшиеся ответили, что они, видя, как сторожа за распространение слуха о ночном нападении ландфогта хотели посадить в тюрьму, приняли свои меры, чтобы арестованного не могли вынудить пыткою дать противоположное показание. Ульрих старался оправдать своего отца ландфогта и приказал позвать Тряпичку из нижнего города. Сторож был приведен под стражею и, так как он не мог

[1] Рукопись Эккарда Вигерсгейма; в раппольтштейнской рукописи упоминается только о 8 000 крестьян.

[2] Рукопись Ульриха Раппольтштейна о крестьянском восстании в апреле и мае 1525 г. будет служить нам теперь главным источником для описания крестьянских войн в Эльзасе.

указать никого, кто ему сообщил распущенный им слух, то Ульрих, к великому неудовольствию граждан, велел посадить его в тюрьму. Прежде чем разойтись, собравшиеся потребовали, чтобы монастырь выставил им по две бочки вина на каждую часть города, и, получив требуемое, они разошлись и начали пьянствовать. Несколько часов спустя, они стали уверять, что слух о ночном нападении ландфогта был распущен Мартином Шперлейном, содержателем гостиницы. Узнав от своей служанки об угрожающей ему опасности, Мартин скрылся в церковь, но его оттуда вытащили с криками и угрозами, вынуждая сознаться. Мартин сознался, что он действительно сказал, что у жены придворного портного будто слышал, что сюда идет большой отряд рейтаров с намерением наказать их, но сказал он это в шутку, без всякого дурного умысла. Граждане настаивали, однако, на том, что нужно или его засадить в тюрьму, или выпустить Тряпичку. После долгих криков Ульрих объявил, что если граждане желают, он готов освободить сторожа. Освобожденный сторож уверял, между тем, что бог сообщил ему это известие во сне и что, когда придет время, он расскажет, как это случилось. «Тряпичка, — сказал ему Ульрих, — если я узнаю, что ты соврал, то накажу тебя после». Некоторые граждане из верхнего города потребовали, чтобы городские ворота не затворяли или даже, чтобы их совсем сняли, так что в случае тревоги все могли бы собраться вместе. Ульрих воспротивился этому требованию, и когда поднялся шум, он объявил, что в городе еще много верных граждан и что он может сейчас же наказать мятежников. После этого собравшиеся разошлись, но вскоре собрались снова. В городе много еврейского вина, говорили они; надобно его выпить. Ульрих согласился на это, и в тот же вечер в погребе портного Вольфа начата была громадная бочка, из которой пили все, мужчины и женщины, и осушили ее прежде чем пробило шесть часов. Затем ударили они в набат и призвали всех, кто только называет себя гражданином, собраться на площадь. Как только собралось около четырехсот человек, портной Шотт обратился к ним с следующей речью: «Братья! соберемся все завтра и дадим друг другу клятву; кто же не захочет поклясться вместе с нами, тот будет изгнан из города, кто согласен, пусть подымет руку». Все подняли руки. В этот же вечер 100 вооруженных граждан заняли все караулы в городе на внутренних и внешних постах, часы были таким образом переставлены, что сторож после первого часа ночи забил зорю. Тогда граждане бросились на стоявшую у ворот стражу и отняли у нее городские ключи; затем они овладели пушкою и после двух или трех выстрелов начали бить в набат. Ульрих поспешно сел на лошадь и отправился к зданию городского управления, где он нашел более 150 человек с оружием и с факелами. Напрасны были все его просьбы

и советы: собравшиеся отвечали, что слышали набат и что поклялись собраться по первому удару колокола. Они не знают, кто ударил тревогу, но они не сойдут с места до рассвета. Они потребовали выдачи городского знамени, в чем им было отказано, и затем отправились на площадь, где уже собралась большая толпа граждан; оттуда отправились они во двор господина Ганзена фон Гатштата. Когда заблаговестили к заутрене, толпа стала в кружок, в середину которого въехал Ульрих и стал жаловаться, что они держат его в плену, так как они захватили ключи от всех городских ворот, и напомнил им об их присяге, о чести и об ответственности, которой они себя подвергают. «Сударь, у вас вон там, позади двора, есть еще калитка; вы можете выехать в нее», — сказал один из толпы. Другие просили Ульриха удалиться вместе с дворянством, обещая вступить в переговоры с горожанами и уладить дело к общему удовольствию и владетеля и общины. «Да поможет вам бог!» — сказал Ульрих и отъехал немного в сторону. Сейчас же были составлены договорные статьи и отправлены к духовенству. Духовенство должно было без всяких рассуждений дать на них клятвенное согласие и принять на себя все городские повинности, за что ему была обещана защита города. Городской совет должен был дать такую же клятву. Ульрих отказался от клятвы, и граждане освободили его от нее с тем, чтобы за него поклялись дворяне-ленники раппольтштейнского владения. «Они должны принести клятву или пусть сейчас же убираются вон», — кричала толпа. Дворяне поклялись, и им позволено было возвратиться по домам.

Граждане знали, где можно еще найти еврейское вино, они выпили его за завтраком и тут же избрали 150 человек выборных и четырех начальников; после завтрака выборные вступили в управление, начали они его с пересмотра договорных статей, изменили, исправили их и отослали к Ульриху. Ульрих сейчас же заметил, что статьи эти совсем не те, которые читались утром, однако дал на них свое согласие, не ручаясь, впрочем, ни за отца, ни за братьев; горожане послали к ним гонцов в Энзинсгейм или Фрейбург. «А граждане в это время, — рассказывает Ульрих, — весело попивали еврейское вино и говорили странные речи о духовенстве, дворянах и властях, хотели заделать даже и калитку на заднем дворе и уничтожить мосты. Они пировали с священниками до полуночи и все, как мужчины, так и женщины, работали очень мало. Не посчастливилось только Тряпичке; он заявил перед всей общиной, что городской совет изменяет ей, за что и был посажен в тюрьму и допрашиваем под пыткой. Он сознался, что все сказанное им против властей было его собственной выдумкой; за что и был приговорен советом 150-ти к висилице; однако ему оказали милость и только отрубили голову». 25 апреля к Девичьим воротам прибыл брат Ульриха

Георг. «Я прошу тебя, — сказал Ульрих, — поезжай обратно, потому что я нахожусь в плену, и скажи отцу, чтобы он обошелся с послами ласково, иначе я и все дворяне погибнем». Георг отправился обратно, а в субботу вечером, 29 апреля, вернулись посланные из Фрейбурга. Ландфогт советовал своему сыну уступить. В воскресенье и в понедельник, 1 мая, слушали они проповедь, а 2-го Ульрих прочел гражданам статьи, на которые и отец его дал теперь свое согласие. В полдень, после чтения статей, женщины из нижнего города с оборванным знаменем и виноградными лозами в руках торжественно направились к дому Петра Птицелова, где находилось «кеттерлейское вино», которое им хотелось попробовать. Ульрих выкатил им две бочки еврейского вина. Выпив его, все, и мужчины и женщины, отправились за город в Зульц; там при звуке труб каждый вырубил себе по длинной хворостине и с этим трофеем возвратились домой. В день св. креста Ульрих приказал сварить 15 центнеров говядины и напечь хлеба из четырех четвертей муки; все это ел народ и запивал вином господина Мартина Шперлейна, который только тем и умилостивил горожан, что выкатил две бочки и четыре боченка вина.

В таком положении находились дела в Раппольтсвейлере, когда пришло известие, что крестьянский отряд под предводительством Вольфа Вагнера из Рейнау направился к св. Ипполиту. Ульрих послал одного из граждан, Андреса Циглера, для собрания всех нужных сведений, строго запретив ему входить в дружественные отношения с крестьянами и ни слова не говорить им о положении дел в городе. Андрес Циглер отправился в путь, вступил в переговоры с крестьянами и объявил им, что граждане напекли хлеба из десяти четвертей и что, если они только придут к ним, их примут с радостью и угостят наславу. Он отправился с отрядом в Сент-Пильдт, где крестьянские вожди вручили ему два письма: одно к Ульриху, другое к общине, в обоих им предлагалось соединиться с крестьянским отрядом. Пройдя Беркен, крестьяне в тот же вечер явились перед Раппольтсвейлером, вступили в переговоры у ворот города и пожелали, чтобы им дозволено было объясниться непосредственно с самой общиной. В вежливых словах они дали понять, чего они хотят. Потом они удалились с угрозами, обещая вернуться опять с новыми силами. Еще раз Шлеммергас, один из начальников, вернулся к городу и вступил в переговоры с самим Ульрихом. «Ваши намерения несогласны с евангелием, — сказал Ульрих, — я сам хорошо знаю евангелие, может быть, лучше, чем весь ваш отряд, и не нашел в нем ничего такого, о чем вы толкуете». Шлеммергас стал просить провианта. «Хорошо, — отвечал ему Ульрих, — если вы сейчас же уберетесь вон, то, может быть, я вам что-нибудь и пришлю, в противном же случае, я прикажу стрелять». «Это уж слишком по-христиански», — воскликнул Шлеммергас и бросил-

ся назад. Когда толпа проходила по двору капеллы, Ульрих приказал притащить несколько орудий. У рва он встретил Андреса Циглера. «Ты послал на нас крестьян! — вскричал он, направив дуло шланги к груди Циглера. — Если я еще через год удостоверюсь в справедливости этого, тебе придется плохо». Там и сям у рва раздавались речи, не совсем-то гармонирующие с обещаниями, данными общиной день тому назад помогать владетелю и не пускать никого чужого в город. Тогда Ульрих громко закричал, что он собственноручно убьет всякого, кто первый подаст совет впустить крестьян, и что он сам будет стрелять по ним, прежде чем допустит их в город.

Сцена, однако, быстро переменилась. На кольварском съезде, куда обратились окрестные города за советом и помощью, куда явились и сами императорские советники Ганс Шимер фон Гильгенберг и Фридрих фон Гатштадт, последний прямо сказал, что он не может дать никакого утешения, так как каждый должен лгать даже перед своими. Вскоре после этого, 13 мая, раппольтсвейлерцы увидели, как крестьяне со всех сторон направились к Нейфенскому кресту, как начальники их выехали вперед к воротам, а отряд расположился у креста; оружие крестьян ограничивалось двумя пушками и двенадцатью крюками, отнятыми у Филиппа Вецеля фон Марсилия. Ульрих приказал ударить в набат, и народ сбежался в вооружении на сборное место. Между тем, несколько человек из выборных и несколько депутатов от городского начальства отправились за ворота для переговоров с начальниками крестьян и для того, чтобы узнать их намерения. Начальники потребовали себе конвоя для проезда в город и обратно. Конвой был им выслан, и они прибыли в город; граждане послали за Ульрихом, он явился выслушать желания крестьян. «Слова их были мудры, — как выражается он сам, — и намерения их честны и благородны. Они не потребовали ни сдачи замка, ни города, они хотели только одного, чтобы им помогли защищать и охранять евангелие, чтобы оно было проповедуемо в точном его смысле, без всяких искажений; они говорили, что ни к кому не питают вражды, кроме попов, монахов, монахинь и евреев, и их одних только они хотят наказать».

Ульрих созвал общину на площадь и напомнил ей о данной клятве защищать его жизнь и имущество, дворянство и духовенство, не впускать никого чужого в город; он заключил свою речь следующими словами: «Вы видите, что неприятель у стен города, а начальники его здесь, среди нас; хотите ли вы защищать меня или же дозволите войти крестьянам?» В ответ на это граждане потребовали, чтобы были прочтены требования крестьян. Ульрих хотел поручить прочесть их школьному учителю Гейнриху, но против этого восстали собравшиеся горожане, и договорные статьи крестьян прочел Габ-

риль Шерер. Граждане выразили желание обдумать их и обсудить между собою, а Ульрих отправился в гостиницу Клауса Магнуса ожидать результатов совещания. На площади, между тем, происходил страшный шум: одни хотели впустить крестьян, другие не соглашались на это; но многие уже заранее порешили встретить крестьян, и тайно все было приготовлено к их приему. Во все части города были уже привезены из монастырей бочки с вином; из десяти четвертей муки, взятой из монастырских кладовых, был испечен хлеб и свезен в дом Эйхариуса Глазера. Граждане высыпали в ров весь порох и объявили, что они умертвят всякого, кто осмелится стрелять по крестьянам. Вообще ни граждане, ни инженеры не хотели браться за оружие, а простой народ говорил, что у него нет пик для того, чтобы колоть крестьян. Наконец, Ульрих увидел, что крестьянские фурьеры в сопровождении граждан переписывают по домам квартиры и что на доме Магнуса Клауса, где он спал, была нарисована мелом виселица. Нельзя было более сомневаться относительно результата совещания на площади. Вольфу Затлеру удалось, наконец, склонить большинство на принятие решения впустить крестьян. Некоторые из граждан обратились к Ульриху: «Милостивейший государь, — сказали они ему, — можете ли вы рассчитывать, что через день или два явится помощь? Если да, — то мы готовы защищаться, если же нет, то необходимо впустить крестьян, потому что в противном случае они войдут в город против нашей воли и наделают нам много вреда». «Я не слыхал ни о какой помощи, — сказал Ульрих, — если она придет, то не ранее, как через восемь дней». Граждане ответили, что это будет слишком уже поздно. На самом же деле Ульрих не ждал никакой помощи ни через восемь, ни через четырнадцать дней; он был от всех отрезан, всеми покинут: отцом, братьями, соседними городами, местечками. Он опять вернулся на двор к предводителям. «Я дам вам мяса, хлеба, вина и денег на дорогу, только уходите отсюда», — умолял он их. Они не соглашались. Тогда он хотел их отпустить. Они сели на своих коней. Но в это время прибежал сторож с уведомлением, что крестьяне направились к речке Штренгу, что они рубят виноградники и начинают разбивать лагерь.

До сих пор крестьяне оставались у Нейфенского креста, но вот уже прошло два часа, как их начальники уехали и не возвращались из города. Соскучившись ждать их, крестьяне со всех сторон повалили к гунненвейрской капелле через речку Штренг, протекающую под самыми стенами города.

Граждане говорили, что если бы толпа осталась ночевать, то это стоило бы городу больше тысячи гульденов. Ульрих велел Гейнриху наскоро составить условия, на которых он соглашался впустить крестьян в город. Условия эти состояли в том, что он хотел освободить от всяких обязательств

свой двор, дворянство, духовенство и монастыри, не выдавать крестьянам никакого огнестрельного оружия, требовал, чтобы они не шли на Энзисгейм и удерживал за собою все владения области и пр. Крестьяне не согласились на такие условия, и один из их начальников сказал: «В евангелии сказано, что отец пойдет против сына, сын против отца». Сказав это, они удалились от городских ворот.

Когда привратник спросил, должен ли он впустить крестьян, Ульрих отвечал ему: «Я не хочу тебе этого приказывать, я здесь не господин более», — и уехал на площадь. «Вы хотели принять их, — сказал он гражданам, — теперь вы сами увидите, хорошо ли вы это сделали». «Я этого совсем не хотел», — закричал кто-то из толпы. «Если бы ты и другие молодцы говорили это раньше, то дело уладилось бы гораздо лучше, но что посеяли, то и пожнете».

Крестьяне были впущены между 5 и 6 часами вечера 13 мая. Начальники заняли для себя дом городского писаря. К ночи им принесли ключи от всех ворот. Крестьяне пили и ели всю ночь за счет духовенства. На другой день, в воскресенье, они бросились на монастырь; они не разрушили его, но дело не обошлось без суматохи; крестьяне забрали не только все съестные припасы и уничтожили окладные книги, но взяли даже некоторые образа из церкви, другие повредили, испортили хоругвь в часовне св. Екатерины, обратив полотно на одежду, а из древка поделав палки. Одного монаха они до того перепугали, что он умер через 10 дней. Гораздо более пострадал монастырь от самих жителей города. Каждый священник должен был заплатить 50 гульденов и за это получал охранную грамоту. Граждане поклялись начальникам крестьянского отряда защищать евангелие и в случае нужды помогать им своею жизнью и имуществом. «Однако, чтобы клятва эта не нарушала другой, данной ими их господам, они обязывались служить им, как служили прежде, во всем повиноваться, платить подати, отбывать барщину, доставлять дичь и не воображать себе, будто они теперь не обязаны их слушаться». Дворянство тоже должно было присягнуть крестьянам, но эта присяга не должна была уничтожать другой присяги, данной им своим ленным владетелям.

Все это не имеет ничего общего с двенадцатью эльзасскими статьями и, очевидно, что эти отряды действовали заодно с великим евангелическим войском из Оденвальда и Неккарталя; известная декларация двенадцати статей была принята несравненно благосклоннее эльзасцами, нежели неккартальцами.

Граждане соседнего города Гемара отправили послов с просьбою принять их город в Христианский союз. Этот маневр избавил город от нашествия «ясного ополчения»; предводители отправили туда только 50 человек для принятия союзной присяги. Посланным было сказано, что граждане должны платить

десятинную подать, так как она куплена владетелями, но подушная книга должна быть уничтожена, священники Гемара и Раппольтсвейлера обязаны жениться и служить обедню на немецком языке.

В час пополудни 14 мая крестьяне пошли обратно к нижним воротам, собрались на лугу и отправились в Рейхенвейер, куда прибыли в тот же день вечером. В Беркене они выпили и испортили до 30 бочек вина и столько же в Раппольтсвейлере и «никто ничего не заплатил за них»[1]. Выпито было так много, что остатками долго еще угощали себя горожане. Когда рейхенвейерцы увидели, что два города сдались и что крестьяне идут против прежнего с большею силою, то они приготовились к приему их, убили девять быков, предложили их крестьянам и отворили ворота. Город присягнул Христианскому союзу и дозволил взять 30 человек горожан в отряд. Раппольтсвейлерцы поставили 60 человек, рейхенвейерские выборные[2] не хотели поклясться в верности белому знамени бебленгеймцев, жителей одного из местечек в рейхенвейерском графстве, говоря, что скорее бебленгеймцы должны стать под их знамя. Тогда главнокомандующий Вольф Вагнер из Рейнау объявил им, что они освобождают их от обязанности присягать знамени бебленгеймцев и что будет сделано новое знамя, которому присягнут все жители Рейхенвейерской области. И в Рейхенвейере крестьян угощали вином: двадцать бочек были подарены им духовенством и откупом; в понедельник вечером направились они к Кинсгейму. На другой день город этот присягнул им и отворил ворота. Другой отряд снял присягу с Зигольсгейма. Предводители потребовали сдачи Кейзерсберга, но жители отказались, однако, исполнить это требование, точно так же как и жители Аммерсвейера. Когда же в среду сильный крестьянский отряд появился перед стенами Аммерсвейера, граждане стали колебаться. Даже дворянство приняло сторону крестьян и советовало впустить их. Споры за и против были так оживленны, что дело дошло, наконец, до драки, несколько граждан бросились на городскую стену и кричали стоявшим внизу крестьянам: любезные братья, приходите к нам на помощь, мы здесь передушим друг друга. Затем они отворили ворота, крестьяне вошли в город и взяли с жителей присягу в верности братству.

В то время когда в Эльзасе крестьяне занимали один за другим маленькие города, главный отряд, стоявший около Альторфа, едва не овладел Страсбургом. Этот большой и сильный город, находился в совершенно исключительном положении среди волновавшегося вокруг него народа. Издавна было известно, что там и начальство и граждане одинаково пропитаны

[1] Рукопись Ульриха Раппольтштейна.
[2] Среди этих выборных был и Эккард Вигерсгейм, автор рукописи.

были духом швейцарской свободы[1]. Еще год тому назад город принял в число своих сограждан крестьян и горожан других городов, бежавших вследствие восстания из своей родины. Граждане Страсбурга сочувственно относились к новому евангелическому учению; каждого проповедника, каждого реформатора они встречали с распростертыми объятиями и были очень смелы на язык.

Однако они не покровительствовали восстанию непосредственно. Только некоторые из них находились в сношениях с Эразмом Гербером из Мольсгейма, главноначальствующим Альторфского отряда, стоявшего неподалеку от Страсбурга. Они даже хотели сдать ему город, но намерение их было открыто, и многие поплатились за это жизнью.

Когда попытка овладеть укрепленным Страсбургом, попытка, которая в случае удачи могла бы иметь неисчислимые последствия как для всей войны, так и для всей Германии, не удалась, крестьянский отряд в числе 20 000 человек[2] 28 апреля снялся с лагеря и направился в горы к Эльзас-Цаберну — резиденции страсбургского епископа. Эльзас-Цаберн не был так сильно укреплен, как Страсбург, но, во всяком случае, взятие его было бы для крестьян весьма выгодно в стратегическом отношении. 52 башни с 365 зубцами составляли его единственное укрепление.

«Ясное ополчение из Эльзаса», как называл Эразм Гарбер в своей рукописи свой отряд, остановилось лагерем в имперском аббатстве Мауэрсмюнстера, лежащем на полмили пути от Цаберна. Князем-аббатом был в том году Каспар Риггер фон Диллинген, человек добрый, но в высшей степени трусливый. Аббатство было скоро взято, и сам аббат попал в плен. Однако ему не сделали ничего дурного и отпустили на свободу. В аббатстве крестьяне бесчинствовали более, чем где-либо; иконы были разбиты, монастырские здания разрушены, книгами библиотеки разводили огонь, на полях белелись целые полосы, усеянные листами церковных и священных книг. Мауэрсмюнстерцы должны были присягнуть отряду; то же должны были сделать и жители Эльзас-Цаберна. Каноники и дворянство отправили гонца к герцогу Антону Лотарингскому с просьбой о помощи; герцог обещал прислать в город гарнизон, но граждане не согласились принять к себе ни французских, ни даже немецких солдат и заперли ворота. Им хорошо была знакома необузданность лотарингских шаек, а потому они охотнее согласились отворить ворота крестьянам и присягнуть Христианскому союзу. 13 мая, в 10 часов утра, крестьяне вступили в Цаберн, понимая хорошо всю важность этого пункта, из которого можно было даже вторгнуться в Лотарингию; они раз-

[1] Союзные акты, донесение от 10 мая 1507 г.
[2] Рукопись Эккарда Вигерсгейма.

местили сильные караулы внутри и вне стен, за укреплениями, которые они возвели вокруг города.

В городе ходил слух, что в сражении при Павии погиб весь цвет французского дворянства и что после этого завладеть Францией стало делом весьма легким. На основании этого-то слуха, крестьяне составили план не только вторгнуться в Лотарингию, но проникнуть даже в самое сердце Франции.

Один из передовых отрядов еще ранее занял Зааргау и укрепился там в аббатстве Гербольцгейм. Гербольцгейм — женский монастырь — находится в очень выгодном положении между лесом и горами, прикрываясь спереди Зааром. Расположившись здесь, они привлекли к себе многих крестьян из герцогства Лотарингии.

В самой Лотарингии образовался отряд крестьян в 4 000 человек. Он прошел через горы и стал укрепленным лагерем в лесу у Заар-Гемюнда. Скоро обнаружилось, как сильно заражены были лотарингцы духом свободы: когда спросили окрестных жителей Диэйцы, желают ли они жить и умереть в послушании своему доброму герцогу Антону и католической церкви, около 400 человек собрались на лугу близ города и после совещания дали следующий ответ: «Если для их скота отдадут им луга в молодом лесу и согласятся принять двенадцать тезисов, принятых уже по ту сторону Рейна в Германии, то они готовы покориться и ни о каких других условиях и слышать не хотят». В то же самое время более 400 человек вышли из Бурфогства и присоединились к крестьянам, занимавшим Заар-Гемюнд. Многие убежали в отряд; некоторые из бежавших снова возвратились в свои хижины, но были арестованы и заключены в темницы. Из соседних сел и деревень многие тоже присоединились к Христианскому союзу. Около Гербольцгейма образовались, таким образом, целых две линии крестьянских лагерей: одна тянулась между Заар-Гемюндом, Гербольцгеймом и Эльзас-Цаберном далее через весь Эльзас, до подошвы Альп; другая — к Нейбургскому лагерю, по Рейну и Рейнпфальцу, перед Гагенауэрским лесом.

Ниже Гагенауэрского леса у Пфафендорфа на пасхе собрались крестьяне, и число их с каждым днем увеличивалось приходящими из соседних владений. Главной своей квартирой избрали они монастырь Нейбург, около леса; монастырь был разграблен, даже гробницы не были пощажены. Лехтенбергские владетели имели там свой фамильный склеп; крестьяне разрыли могилы, разбили памятники и гербовые щиты. Та же участь постигла монастыри св. Вальпурга, Зюрбург, Библисгейм, Кенигсбрюк.

Там же находились два прежде образовавшихся лагеря главной квартиры в Нейбурге: один налево у монастыря Штюрцельбрюнн в Васгау, другой близ вольного города Вейсенбурга, на Штейнфельде. Первый называл себя Кольбенским стри-

женым отрядом, — имя, происшедшее, кажется, оттого, что крестьяне этого отряда совершенно походили на стриженых монахов; другой принял имя Клибургского отряда.

30 апреля Кольбенский отряд ограбил монастырь Штюрцельбрюнн в графстве Битчь, разрушил потом Линденбрунн и Гревенштейн, замки и имения графа Эмиха фон Лейнингена и замок Ландек, принадлежавший пафальцграфу Людвигу. Оттуда двинулись они на Рамберг — замок Камерерс Дальберга, разграбили его и сожгли; та же участь постигла и Гельмштейн, замок Альберта фон Бока, лежащий в горах за Нейштадтом. Затем были взяты Анвейлер и Берг-Цаберн.

Клибургский отряд выступил из лагеря у Нейбурга совершенно с такими же намерениями. В Нейбурге долго жил один вейсенбургский гражданин, по прозванию Бахус. Когда ему не удалось получить начальство, он вместе с 200 товарищей своих выступил из Нейбурга, возбудил восстание в окрестностях Вейсенбурга, в графстве Фельденц, в Керсбергском округе, присоединил к своему отряду Ридтфельзер и село Швейкгофен и избрал своей главной квартирой Штейнфельд у Вейсенбурга. Отсюда клибургцы напали на замок св. Ремигия, принадлежавший рейгенбургскому старосте. Гарнизон защищался храбро; но крестьяне вступили в переговоры с вейсенбургскими заговорщиками; заговорщики произвели восстание в городе, напали на монастырь, разграбили монастырскую ризницу и разорвали податные книги; некоторые из членов городского совета должны были бежать из города. Пробст и судья Вольф Бритенаккер подверглись разным поруганиям и оскорблениям; граждане также отдали крестьянам орудия и порох. Таким образом, гарнизон вынужден был оставить замок, и крестьяне 1 мая разграбили его и сожгли; затем они заняли без всякого сопротивления пфальцграфское село Зельц на Рейне. В монастырях и домах духовенства крестьяне задавали себе веселые пиры.

Опасались вторжения крестьян во Францию. Говорили, что они только ждут прибытия присоединившихся к ним отрядов. Герцог Лотарингский поспешил занять горные проходы у Вогезов, при с. Диэйцы, Раоне, Заар-Гемюнде и Бламонте[1].

---

[1] Рукопись Вигерсгейма и Раппольтштейна. Древняя рукопись у Шунка, эльзасская хроника Гарольда и др.

КНИГА ПЯТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Брейсгау. Баден и Рейнский Пфальц

На востоке первую линию великого германского народного движения составлял Эльзасский отряд, а во второй линии, отделенной от эльзасцев только Рейном, были, как известно, расположены три других больших отряда, занимавших пространство от Шварцвальда, где перекрещиваются области Верхней Австрии, Бадена и другие, до Пфальца, так что в самое короткое время они могли соединяться с отрядами, находившимися по другую сторону Рейна. Шварцвальдский отряд под предводительством Ганса Мюллера из Бульгенбаха в первых числах мая двинулся на восток, чтобы в соединении с другими отрядами из Передней Австрии и маркграфства занять прекрасный укрепленный Фрейбург в Брейсгау. Уже в конце прошлого года, когда в верхних государствах началось давно уже ожидаемое движение, дворяне из Брейсгау, Эльзаса, Зундгау и многих других мест бежали в безопасный Фрейбург[1]. Вслед за ними и духовные спасали за стенами укрепленного города свою жизнь и имение, а маркграф Эрнест Баденский себя, жену свою и детей. Все это делало город заманчивою добычею для крестьян, и потому он был укреплен так, как ни один из других городов; Фрейбург служил сборищем и всеобщим бастионом для помещиков, князей, прелатов и дворян. Крестьяне решили взять его приступом и сравнять с землей.

Ганс Мюллер из Бульгенбаха с каждым шагом все более и более увеличивал свой отряд. Все общины, охотно или по принуждению вступившие в Евангелическое братство, должны были отпускать ему деньги, съестные припасы, людей, ружья и порох; те, которые уже выставили контингенты, должны были теперь подкрепить их. Город Вальдсгут, давно уже вступивший в братство, почти колыбель Евангелического союза, отправил 22 апреля тридцать граждан с городским значком, а 3 мая еще небольшой отряд с оружием на повозках для присоединения к Шварцвальдскому отряду.

[1] Записана от 17/IX 1524 г. в Штутгартском государственном архиве.

В Сентблазиенском аббатстве так опасались вторжения отряда, что аббат уложил в бочки все церковные сокровища стоимостью в 13 000 гульденов, намереваясь отправить их в Швейцарию в Клингнау. Извозчики под видом, что везут вино, въехали с ними в Вальдсгут. Но, вероятно, граждане города или знали, или догадывались, что заключается в бочках; они заперли ворота, остановили повозки, отыскали сокровища и отнесли их в подвал дома Иоганитов. Обоз сопровождали фогт из Гутенбурга и протоиерей из Берна. Оба они были задержаны в Вальдсгуте некоторое время, а церковные сокровища оставались там до окончания войны, когда город возвратил их монастырю. Через несколько дней после этого вальдсгутцы заняли замок Гутенбург и аббатство Гурцвиль, — и то и другое место принадлежало Сентблазиенскому монастырю, и ни одно не было ни разрушено, ни сожжено.

4 мая крестьяне поймали одного гражданина из Виллингена. Этот город высказался враждебно к крестьянам и был у них в большой опале за то, что велел перебить нескольких инсургентов; потому помайнного повесили на дереве, и затем отправились дальше; но повешенный нашел в кармане нож, перерезал веревку и убежал.

В эти дни случилось то, чего опасался сентблазиенский аббат Иоганн. Один из младших начальников Шварцвальдского отряда Конц Иеле-Фоннидермлюзе из Дагсбахерской общины, начальник Гауенштейнеров, получил приказание привести в исполнение все тезисы в этом большом богатом аббатстве. Первый майский день был для гордого храма тяжелым днем страдания, знамя Гауенштейнеров развевалось на его стенах; отправка денег и архива, сделанная из предосторожности для пользы храма, обратилась во вред ему. Раздраженные этим поступком крестьяне свирепствовали. Конц Иеле, человек не только опытный, но и умеренный, употреблял тщетные усилия обуздать крестьян; его или совсем не слушали, или слушали, но очень мало. Он хотел умерить разрушение и жестокость, но крестьяне были разгорячены найденными в аббатстве хорошими винами, с которыми они поступали так нецеремонно, что погреб по колено был наполнен разлитыми напитками. Кроме вина и старое озлобление против крепостного ига и новых ограничений обычных прав подогревало тех крестьян, которые считали себя крепостными монастыря со всем их имением, жизнью, верностью и честью. Друзья монастыря стали его злейшими врагами. С ним случилось то же самое, что с Христом, которого покинули ученики [1]. Монастырская братия спаслась бегством. С книгами поступили, как и везде; в старом и новом соборах, во всех часовнях изваяния, прекрасные оконные картины, все украшения были разбиты, из главного алтаря

[1] Подлинные слова монастырского хроникера.

вынуты святыни, мощи выброшены из гробов; дорогие камни, слоновая кость и драгоценные металлы выламывались отовсюду, как хорошая добыча; искусство, произведение и утеха возвышенных умов, гибло здесь в руках невежественных крестьян, подобно тому, как гибло оно часто в благородных руках высокорожденных господ; жаждущий добычи крестьянин выдавливал пальцем драгоценный камень из его художественной оправы, а тончайшую золотую работу комкал в шары, чтобы удобнее унести с собою; ящик с таинствами был тоже взломан разгоряченными вином и ревностью к вере победителями; дары выбросили они на землю; один крестьянин со смехом набил ими рот, говоря, что хочет разом вдосталь наесться господа бога. Варварство простиралось так далеко, что не были пощажены даже те художественные произведения, которые доступны уму и сердцу даже простых людей, а именно, удивительные куранты аббатства, звоном которых долгое время забавлялась окрестность. Из двадцати двух колоколов двадцать были сломаны, проданы, частью перелиты в пули, только два самых больших были оставлены по невозможности снять их. Хотя нет точных доказательств того, что из колоколов были вылиты пули, но это тем вероятнее, что С. Блазиер рассказывает, как крестьяне отовсюду выламывали железо и свинец и лили пули.

Шесть дней простояли гауенштейнеры в С.-Блазиене. Соседний с Сентблазиенским монастырь в Тодмосе постигла та же участь, однако, ни он, ни С.-Блазиен не были сожжены[1]. Отсюда крестьяне направились для соединения с огромным отрядом, который 7 мая под предводительством Ганса Мюллера двинулся через Вольтердинген к Форенбаху. По дороге Ганс Мюллер велел занять и сжечь замок Циндельштейн и Нейфюрстенберг. Фюрстенбергский оберфогт так дурно обращался с крестьянами, что они прогнали его сквозь строй. Виллинген несколько раз отвергал все требования Мюллера вступить в братство, и Мюллер, не останавливаясь здесь для осады, пошел на Триберг, занял городок, осадил замок, разграбил и сжег его.

Фогта этого замка, Одерманна, тоже хотели прогнать сквозь строй, но Урасский отряд просил за него и спас его. Аббат Николай из монастыря св. Георгия вышел навстречу отряду со своими монахами, пригласил крестьян к себе в гости и так

[1] Даже те, которые приводили в исполнение «тезисы», жгли редко. Все историки до конца прошлого столетия рассказывают о сожжении всех монастырей, в том числе и Сентблазиенского. Но С.-Блазиен сгорел, спустя год, во время мира. В «Истории Лотарингии» Кольмета эльзасские крестьяне выставлены богохульниками, убийцами и поджигателями. Справедлив же только наш рассказ. Богохульство, убийство и поджигательство было делом лотарингских помещиков, как это указывает даже дворянин Ульрих Раппольтштейн.

обошел их своим вином, карпами и дружеской беседой, что монастырь остался невредим и впредь не был более тревожим.

11 мая отряд отправился далее, прошел через Фуртвангел к монастырям св. Петра и св. Мергена, снова остановился здесь и, спустившись по дороге, ведущей прямо в Фрейбург, в долину Кирхцартнер, вступил 13 мая в округ города. Замок Виснех, стоявший на выступе горы в этой долине и командовавший обеими дорогами, ведущими в Фрейбург, принадлежал фрейбургскому гражданину барону Давиду фон Ландек. Он был взят штурмом и сожжен; с деревень отобрана присяга, и при Кирхцартнере разбит лагерь.

Начальник шварцвальдцев решил сделать нападение на Фрейбург с отдельным отрядом, заранее уже вооруженным в Брейсгау и в маркграфстве.

Баденом управляли оба сына маркграфа Христиана, бывшего тогда еще в живых, но помешанного: Эрнест — в Верхнем, Филипп — в Нижнем Бадене. Так как маркграфские владения граничили и пересекались владениями Передней Австрии, Страсбурга, Ганау и Эберштейна и в каждом отряде насчитывались крестьяне изо всех этих земель, то отряды здесь можно было различать только по именам их начальников, а не по названиям областей, из которых они происходили.

Здесь в первый раз мы встречаемся с отрядом Ганса Циллера из Амольтерна под Кихлингсбергом, недалеко от города Эндингена. Ганс Циллер долго был на службе у дворянства. На постоялом дворе Кихлингсберге было положено первое основание восстанию. Посвященные вскоре после этого собрались на уединенной поляне под Вейсвейлем на Рейне, ниже Кинцингена; чтобы обезопасить себя от всякой случайности, они подняли за собою мост. Здесь было окончательно решено восстание; инсургенты соединились с Эльзасским отрядом Эбершгейм-Мюнстера; их посланные перенесли из лагеря у Кестенхольца через Рейн двенадцать статей, над которыми и была произнесена клятва братства. В Шлеттштадте они получили значок, в Засхейме в первый раз распустили его, а подворье монастыря Тенекбах у Кихлингсберга первое испытало их посещение. Монах, живший на этом подворье, уехал, струсивши, задолго еще до начала восстания.

Еще 5 марта, на масленице, когда отец эконом по старому обычаю угощал некоторых кихлингсбергцев, Вольф Крумейзен сообщил ему о своем намерении: «Подавай, отче, — говорил он монаху, — все, что у тебя есть, потому что скоро мы сами это возьмем себе». Когда инсургенты, действительно, явились исполнить обещание, то все оживилось: мужчины, женщины, дети — все делили добычу. Святой дух действует в народе, воскликнул Яклейн Куруманн, «бог хочет этого — да будет так!».

Рядом с Гансом Циллером во главе отряда стоял Матвей Шумахер из Ригеля. Духовенство должно было дорогою ценою покупать себе охранительные грамоты; так, священник Иехтинген принужден был дать за них 20 золотых гульденов и в добавок еще хлеба и вина.

Фогт Мюнцингена, Ганс Шлехтлен, добровольно присоединился к отряду. После того как дворяне бежали из Мюнцингена в Фрейбург, он собрал общину и потребовал, чтобы она вошла в Евангелическое братство. Желающих сейчас же набралось такое количество, что каждому сопротивляющемуся они угрожали поставить кол перед домом. Священник отказывался явиться перед общиной; фогт велел вывести его на веревке и назвал его изменником. Он послал в Менген сказать крестьянам, чтобы приходили, что у него дом полон всем, что им нужно. Отряд явился, и замок в Мюнцингене был разграблен. В числе инсургентов находился приходский священник из Нидерзингена Андрей Мецгер ф. Бадельейлер, который выступил со своими крестьянами. Он помогал опустошать погреба и амбары, и сам принес три мешка с хлебом. Первый, сказал он, это ранняя обедня, другой — средняя, а третий — главная обедня. Когда замок был пуст, приказано было разрушить «гнездо червей». Священник сел сам на крышу и помогал ломать ее. Замки Хехингель, Даксвангель и Кранцнау были сожжены дотла. Фаслин фон Стауфель и длинный Фишер были распорядителями добычи. Ганс Каррер, между тем, по приказанию начальников отряда, напал на замок Кранцнау. Аббатство Воннента́ль было ограблено этим же отрядом, причем распорядителем добычи был Клаус Циммерман фон Мальтудингед, и его замок сделался добычею пламени; один кихлингсбергец бросил в него зажженный факел. Города Бургейм, Эдинген и Кенцинген тоже должны были сдаться и присягнуть крестьянам. В Эдингене у Ганса Циллера было множество единомышленников, и он наперед знал, что стоит ему только явиться, и город уже будет в руках инсургентов. В Кенцингене у крестьян из соседней деревни Кербельсгейм происходили тайные совещания, и Циллеру было известно все происходящее в городе. Австрийское владение Кенцинген было тогда в руках Вольфа фон Хирнгейм, советника при штутгартском правительстве, бежавшем в Тюбинген. Он писал в Кенцинген, чтобы город отнюдь не допускал стечения духовенства и его богатств, которые могли бы привлечь крестьян. Вскоре после этого инсургенты потребовали сдачи города и выдачи всех сложенных там сокровищ монастырей и духовенства. Городской совет воспротивился этому, но стесненный со всех сторон вынужден был согласиться на присоединение к Евангелическому братству. Совет писал Вольфу Хирнгеймскому, чтобы он спасал город, если он должен будет, как и многие его предшественники, присягнуть крестьянам. Потому что везде Ганс Циллер

принуждал приносить присягу и граждан, и баронов, и графов. Графа Георга Тюбингенского постигло то же, что и графа фон Гогенлое на Грюнбине: «Брат Георг, — сказал ему Яклейн Куруманн, — твое тело есть мое тело, мое тело есть и твое тело; твое богатство — мое богатство, мое богатство — твое богатство; мы все равные братья по Христу».

Кенцинген был так стеснен оттого, что на него напал не один только отряд Ганса Циллера, но еще отряд из Ортенау. В обоих насчитывали до 12 000 человек. Главный предводитель последнего отряда был Георг Гейд фон Лор. За ним следовали Иорг Шецлин, Клаус Шингемер, Ганс Лецман и Яков Курцель.

Отряд образовался из жителей Страсбургского округа Эттенгейма, владения Лор, подвластного маркграфу Филиппу, и обитателей Дасбургской долины. Аббатство Шутпорн первое испытало посещение Георга Гейд фон Лор. Аббат бежал в Фрейбург и с дороги мог видеть огненные столбы своей разграбленной церкви. Аббатство Иегенбах точно так же пострадало от крестьян, к которым при Киммерсбахе присоединились граждане из Генгенбаха, Оффенбурга и Целя — городов, принадлежавших аббатству. Аббатство Генгенбах было не тронуто, но зато обязалось отменить совсем крепостное право в Ортенау, где до тех пор все жители, мужчины и женщины, должны были ежегодно платить пошлины в государственное аббатство. Теперь эта повинность навсегда была прекращена, и ортенаусцы сделались свободными; хотя аббат Филипп, владетель Эзельберга, и жаловался позже императору, но безуспешно. Если присоединить к этому еще потерю трех городов — Генгенбаха, Оффенбурга и Целя, прекративших взнос им повинностей и вошедших в состав государственного союза, то потери монастыря оказываются значительными. Монастырь Эттенгейм-Мюнстера на Шейде, между Брейсгау и Ортенау, был опустошен и сожжен. Сожжены были также и два замка: Даутенштейн Ганса Вернера фон Плиссен и Ильмбург; барон, живший в последнем из них, погиб от руки крестьянина.

Предводителем отряда верхнего маркграфства, т. е. владений Ретельн, Заузенберг и Баденвейлер, был Ганс Гаммерштейн; за ним следовали Бреккер фон Штопфгейм, Мориц Нейдгард фон Валпах, Яков Шеррер, Мартын Ланг, Ганс Шлисдмен фон Бадшвейлер. От них бежал из своего замка Ретельна в Фрейбург маркграф Эрнест со всем своим семейством. Отсюда при посредничестве города Фрейбурга он посылал крестьянам письма с изъявлением готовности на всевозможные облегчения их тягостей. В первых числах мая крестьяне собрались в Кондерне и Баденвейлере и призвали чиновников бежавшего маркграфа. Эти последние от имени своего правителя предлагали крестьянам какие угодно условия. Но крестьяне не доверяли маркграфу; они знали на опыте, что Эр-

нест не обладал, подобно своему брату Филиппу, человеколюбивым сердцем и не был, как он, расположен к народу. Они сослались на 12 статей, над которыми приносили клятву, и решились устроить другое правление. Если маркграф Эрнест согласится быть наместником императора и примет их двенадцать тезисов, то они оставляют его с его замками и его владениями. Правителем признают они с этого времени одного императора и его наместника; дворянство как привилегированное сословие должно быть уничтожено, за крестьянами признается право участия во всякой государственной службе, и маркграф сам должен сделаться простым свободным крестьянином, крупным землевладельцем. Маркграф Эрнест не рассчитывал услышать такие речи. На этот раз он решился «положиться на всемогущество бога и на время»[1]. За отказом маркграфа удовлетворить крестьян последовало общее нападение. Замки Ретельн, Заузенберг и Баденвейлер были взяты крестьянами; в Зейтерсгейме, на границе австрийских и маркграфских владений, откуда они могли дать помощь Зундгауерскому и Оберэльвасерскому отрядам, крестьяне расположили свою главную квартиру. Дома, принадлежавшие духовенству в Ноллингене, Вейтнау, Зитценкархе, Бюрглене, Гутнау и Кроуингене, были опустошены. Должностные лица уволены, духовенство частью подверглось той же судьбе, частью должно было следовать за инсургентами; многие, впрочем, успели бежать еще ранее. В лагере под Хейтерсгеймом присоединился отряд из Кейзерштуля с отрядом Ретельн — Баденвейлера. Кейзерштульцы произвели здесь изменение в составе предводителей. Ганс Циллер должен был подчиниться Георгу Мюллеру, вследствие чего он вышел из отряда и принял начальство над отрядом Ортенау. Георг Мюллер, бывший магистратский писец в городе Штауфене, сдал крестьянам и город и замок Штауфен. В благодарность за это кейзерштульцы сделали его начальником над четырьмя отрядами. Город Нейенберг был осажден и принужден войти в союз Евангелического братства. Церкви св. Ульриха и Сельдена были опустошены. Замки Банген и Большвейль были также разграблены. Маркграф Эрнест удалился из Фрейбурга в Брейзах, оттуда в Страсбург, чтобы набрать войско против своих крестьян. Он не мог добыть ни одного всадника. Даже город Базель отказал ему в вооруженной защите. Тогда он сделал через депутатов этого города самые выгодные миролюбивые предложения своим крестьянам. Они согласились заключить мир только в том случае, если маркграф Эрнест выхлопочет у императора, у эрцгерцога, и у других князей и начальников, чтобы все, что он предлагает им, было дано и всем другим, находящимся в братстве и союзе с ними. Город Базель взялся вести переговоры, а маркграф обещал ему согласиться

[1] Письмо маркграфа в городе Базеле.

на предложения крестьян, если жалобы их будут найдены справедливыми.

Другой отряд образовался в маркграфстве Гогберг, в нижней части маркграфства. Начальником его был Клеви Рюдиса. От этого отряда наиболее пострадал богатый монастырь Тененбах, который оценивал свою потерю более чем в 30 000 гульденов, следовательно, по нашему счету, около одной трети миллиона.

Когда Кенцинген был взят соединенными отрядами, начальник шварцвальдцев условился здесь с другими начальниками итти общим походом на Фрейбург.

В ожидании присоединения остальных отрядов крестьяне посетили аббатство Понтерсталь, а 15 мая изгнали дворянина Мартина фон Рекенберль из его города Эльзаса на Эльзе; впрочем, это последнее, может быть, было делом отряда Клеви Рюдиса.

Положение Фрейбурга было очень печально: войска здесь было слишком мало, так как несколько недель тому назад все состоявшие на службе города ратники были посланы на помощь ближайшим осажденным городам — Витингену, Лауфенбургу и Секингену. На все его просьбы никто не пришел к нему на помощь, так что на самом опасном пункте города Шлосберга, который господствовал над всею окрестностью, находилось всего только 124 человека воинов. Граждане, дворянство, духовенство, студенты университета — все взялись за оружие; прежде всего стали исправлять крепостные укрепления; съестных припасов и огнестрельных орудий было довольно. Когда шварцвальдцы расположились у Кирх-Царгнена, фрейбургцы выслали спросить их, к чему они ходят толпами по стране и что им здесь нужно. Ганс Мюллер из Бульгенбаха письменно отвечал им так: «Вы знаете все притеснения, которые мы терпели от господ, и нас крайне удивляет, что вы хотите помогать им принуждать нас, бедных крестьян, еще долее переносить их противозаконную власть. Мы желаем, чтобы слово божие проповедывалось простолюдинам, мы желаем, чтобы оно соблюдалось всеми, и потому дружески просим вас присоединиться к нашему братству, чтобы братскою любовью был скреплен вечный мир и восстановлено божественное право». В тот же самый день писал он еще во второй раз и угрожал народу. Рано утром на другой день пришел ответ. Город упоминал о своей присяге Австрии и соглашался быть посредником для уничтожения злоупотребления некоторых дворян, шварцвальдцев же уговаривал уйти и подумать о том, как хорошо и богоугодно жить в мире. Крестьяне тотчас отвечали, что готовы исполнять все, что господа потребуют, согласно с божественным правом, но не более того; пусть господа вперед не говорят, как прежде, что они одни имеют права, а что бедные люди своих прав и силою приобрести не могут. На другой

день, 16 мая, шварцвальдцы писали опять, что они действуют заодно с своими товарищами, с Брейсгауским отрядом, что Фрейбург должен присоединиться к братству и для этого послать в отряд шесть выборных от городского совета и шесть от общины.

В это время Ганс Мюллер подошел со своим войском ближе к городу и послал ему как ультиматум следующее требование: «Хотите вы быть заодно с нами, братья, мы будем жить с вами по-братски; если нет, то мы ворвемся в ваш город, и, если вы обидите хоть одного из наших людей, мы беспощадно истребим всех вас». Это послание подписал Ганс Мюллер, предводитель Шварцвальда, вместе с другими предводителями и советниками святого Евангелического братства.

В этот же день, 17 мая, уже собрались около Фрейбурга отряды из Брейсгау; с городских башен можно было насчитать до двадцати летучих отрядов; на запад и север расположились кейзерштульцы, отряды нижнего маркграфства и Ортенау, против Кархзаршертоль, по горам — шварцвальдцы, а около них, на поле св. Георгия, — отряды верхнего маркграфства. Никто не мог ни войти, ни выйти из города. Город не отвечал на ультиматум.

Крестьяне взяли сначала монастырь на Иоганнсберге и разграбили его. Затем закрыли шлюзы в каналах Дрейзамы, чтобы лишить воды мельницы и колодцы города. Четыре крестьянина пробрались к блокгаузу на Шлосберг; маленький тамошний гарнизон поспешил отступить, крестьяне призвали прочих, и блокгауз был взят.

Дворяне сидели в прекрасный майский вечер в городе и, по обычаю, пели, когда пятьсот выстрелов из Шлосберга на Мюнстерскую площадь известили их о случившемся; «никто не знал, как это сделалось». Целую ночь все стояли на рыночной площади в полном порядке и вооружении. В темноте крестьяне подняли на веревках на гору пушки и укрепились наверху, а с рассветом началась канонада по городу. Они стреляли в него такими тяжелыми ядрами, что многие стены, даже целые дома разрушались. Крыши соборной башни были сбиты. Скоро Фрейбургская башня сравняется с Кирх-Царгненом, говорила чернь. В толпе поговаривали, что если город не сдастся сам, то, надо убить всех священников, дворян и городские власти. Один крестьянин сказал: «Если бы я мог убить всех в Фрейбурге одним выстрелом, я не пожалел бы самого себя». Молодые дворяне города сделали вылазку, но в воротах были отбиты народом, и один из них, господин фон Фалькенштейн, был убит выстрелом.

С распущенными знаменами отряды в полном составе обошли кругом города, чтобы показать осажденным свое могущество.

В самом городе было много членов общины, которые

частью находились в тайном сношении с осаждающими, частью считали дело крестьян своим собственным.

В общинном собрании один из бюргеров прямо сказал: «Кто за крестьян, тот подойдет ко мне; их дело — святое дело; оно будет иметь успех!». Совет посадил его в тюрьму, но по требованию цехов должен был возвратить заключенному свободу. Даже между стражей совет открыл измену и сильно опасался, чтобы часовые не стали через стену вести переговоров с крестьянами.

Город просил перемирия. В воскресенье вечером Ганс Мюллер согласился дать его до вторника до 4 часов утра. Между тем шли переговоры; крестьяне продолжали требовать от города вступления в Евангелическое братство и категорического ответа — да или нет. Так как «да» не было сказано к сроку, крестьяне снова начали канонаду. Осажденные просили продлить перемирие до 8 часов утра. Опять собрался совет, и в тот же день, во вторник 23 мая, главный город Брейсгау присоединился к крестьянам. Предводитель шварцвальдцев с 300 вооруженных крестьян был впущен в город, чтобы взять с граждан клятву на братство. Горожане, особенно скрывавшиеся в городе прелаты и дворяне, должны были заплатить 3 000 гульденов контрибуции, — этим они купили безопасность своей личности и своих имуществ. Наказание, разрушение и дележ между городом и округом монастырей и церквей округа — все это должно было быть отложено до будущего совещания. Город должен был представить отряду четыре огнестрельных орудия, шелковое знамя с гербом и известное число войска.

Замечательно, что и при этом договоре, главным составителем которого был предводитель шварцвальдцев, эрцгерцог Фердинанд и австрийский дом играли ту же роль, что и в Гегау и Альгау.

Австрийское владычество было безусловно признано шварцвальдцами и всеми другими предводителями. Это сочувствие Ганса Мюллера австрийским интересам бросает некоторый свет на его отношение к Ульриху, герцогу Вюртембергскому, и к Вюртембергскому отряду — отношение, имевшее влияние на ход всей великой войны.

Приняв клятву и получив все требуемое, крестьяне отступили вечером 24 мая, накануне вознесения. До деревни св. Георгия провожали их совет и граждане города; здесь их встретили депутаты города Брезока и договорились о мире для своего города. Прежде, однако, чем последуем за дальнейшим ходом дела в этих местностях, мы должны спуститься в Ортенау, Пфальц и пограничные с ними земли.

Отряд, названный нами Ортенауским, был лишь остатком двух больших отрядов, распавшихся в Ортенау.

Один из них стоял лагерем перед Оберкирхом, а впослед-

ствии перед Оффенбургом, другой — в городе Шварцахе, между Бюлем и Штейнбелом, недалеко от Баден-Бадена.

Восставшая область принадлежала частью Австрии, частью Страсбургу, а преимущественно маркграфу Филиппу.

Даже во владениях Филиппа, который был умнее и добрее других лиц своего сословия и своего времени, находилось столько горючего материала, что маркграфские крестьяне поднялись в окрестностях Дурлаха в первые же дни вспыхнувшего движения и в числе 150 человек под предводительством Ганса Винглера окружили Дурлах. Горожане были заодно с крестьянами; они арестовали своего старшину 9 апреля, на вербной неделе, и отворили ворота инсургентам. Эти последние взяли Пфальцгейм, разграбили и опустошили монастырь Гатесау и укрепились сами в вюртембергском Шварцвальде. Особенно отличались в этом отряде крестьяне из Вергаузена. Маркграф Филипп рассчитывал сначала устрашить их строгостью. Он послал конницу в Вергаузен и приказал ей поджечь некоторые дома. Казалось, это подействовало; крестьяне разошлись по своим хижинам; но вскоре их снова увлек ветер, подувший с границы, из тех областей, которые с давних пор одни из первых подняли Башмак. Это был уже упомянутый нами отряд Брурайнса под начальством Фридриха Вурма и Иоганна фон Галля. Между Рейном и Кроохом, Перинцигом и Нижним Шварцвальдом собрались по большей части подданные шпейерского епископа. В большой деревне Мальш на святой неделе соединилось около 500 человек крестьян. Шпейерским епископом был тогда Георг, брат Людвига, пфальцграфа Рейнского. Выведав через лазутчиков подробности происшествия, он старался миролюбивыми предложениями и просьбами остановить возмущение как в Мальше, так и в других селениях. Мы, отвечали ему крестьяне, тому только будем повиноваться, кто сильнее и кто сумеет защитить нас. Отряд в Мальше отправил к соседним общинам призыв о помощи, и в ту же ночь прислано ему в Мальш хорошо вооруженное подкрепление.

Крестьяне напали на монастырский погреб в Мальше и заняли ближнюю гору. Епископ, понимая, как опасно медлить, тотчас же послал против них дворянина Ганса фон Бюкеля (Вагенгейма), брурайнского фогта, со своими всадниками. Он дал ему еще несколько крестьян, поклявшихся в верности епископу; кроме того, на пути к ним присоединился пфальцский маршал фон Габерн с 200 всадников и легкой артиллерией. Но конница могла только с огромными потерями атаковать расположившихся на горе крестьян, так как гора была защищена живою стеною густо росшего винограда, а пешие крестьяне, вместо того чтобы сражаться с бывшими на горе, перешли на их сторону. Войско должно было отступить. Между тем, восстание возрастало так быстро, особенно между прирейнскими жителями, что князь-епископ вынужден был бе-

жать из Оденгейма (Филипсбург) к своему брату курфюрсту в Гейдельберг. Восстание обнаружилось повсюду; города Бруксаль, Оденгейм, Кислау, все близлежащие местечки или, по крайней мере, большая часть из них присоединялись к крестьянам по первому призыву. Тут нечему дивиться, говорили при гейдельбергском дворе, они все точно злые духи, ни один ни на волос не лучше другого.

Распустив знамена восстания, инсургенты перешли в усмиренное уже маркграфство Баденское и, соединившись с его недовольными поселянами, вторгались в церкви и кельи. Особенно пострадали от них монастыри Герренальб и Фрауенальб.

Маркграф Филипп, желая предохранить свою страну от опустошения, избрал мирный путь: он уступил желаниям крестьян и заключил с ними договор.

Так же поступил он и в Ортенау с отрядами Оберкирским и Шварцвальдским. На собрании в Ахерне через посредство своих советников и советников Страсбурга он вступил в мирные переговоры с крестьянами Ортенау. Отряды объявили, что они соединились «не вследствие злых и враждебных намерений и не для сопротивления его власти», но для того, чтобы добиться реформатского богослужения и облегчения налогов; маркграф Филипп и страсбургские советники заслужили такое доверие со стороны крестьян, что оба отряда разошлись мирно, оставив один только отряд, чтобы вместе с советниками господ устроить свои дела и обеспечить свою участь на основании 12 статей. К 27 апреля жители Ортенау мирно возвратились под свои кровли; только некоторые отряды не приняли мирных ахернских предложений и, составив Ларишский отряд под начальством Георга Гейда, направились в Брейсгау, где мы и встретились с ними.

22 мая был заключен договор между господами и крестьянами Ортенау, 25 мая подтвержден клятвенно и закреплен печатью. Однако 12 статей не были вполне приняты; маркграф не мог этого сделать без коренного нарушения существующего порядка. Во всяком случае, этот договор доставлял большие облегчения для его подданных и подданных других князей: выбор священника ленным владельцем по представлению суда и комитета местного собрания, проповеди сообразно св. писанию; увольнение без пенсий тех, которые хотя и занимали священнические места, но по молодости не были способны для отправления треб; уничтожение мелких податей, уменьшение податей на сено и коноплю на двадцатую часть; сбор десятины вином и овощами для духовенства через выборных; уничтожение платы за требы на том основании, что священник должен заботиться без всякого особенного вознаграждения о каждом прихожанине; свобода выезда; неограниченная свобода женитьбы; внесение податей и отправление повинностей только в месте оседлости и соглашение различных господ между собою

относительно этого предмета; отмена крепостного права, если оно будет вообще уничтожено в священной империи; свобода охотиться на вредных животных и птиц, исключая молодых выводков, фазанов и собственно дичи, с тем чтобы она не приносила вреда овощам и плодам бедных; чтобы каждому было предоставлено право огораживать, окапывать и иными способами охранять свое имущество, а также ловить и убивать зверей и дичь, например, диких свиней, которые попадутся на их собственной земле; возвращение крестьянам тех рыбных ловлей, которые, по мнению старожилов, были у них отобраны; выдача им, сообразно их нуждам, строевого и дровяного леса; барщина только для тех, которые обязаны были ею исстари, и то с большими ограничениями, а именно, чтобы каждый мужчина отбывал для своего помещика барщины не более четырех дней, в продолжение которых помещик должен выдавать ему пищу или по 8 пфеннигов в день; назначение податей по беспристрастной оценке имущества; наказания лишь по законному определению беспристрастных присяжных на месте совершения преступления; возвращение отнятых полей, лугов, выгонов и усадеб; определение налога на наследство, до общегосударственной реформы, по соразмерности, так чтобы получающий 50 гульденов платил всего полгульдена, а получающий 100 и более — не свыше одного.

Эти и другие облегчения маркграф баденский Филипп и советники города Страсбурга обещали крестьянам от себя и от имени других владельцев — епископа Вильгельма Страсбургского, Рейнгарда графа Цвейнбрюкенского и властителя Битчи и Лихтенберга, Вильгельма графа Ганау, Вильгельма Гуммеля Страсбургского, Вольфа фон Виндека и родственных им графов, господ и рыцарей. Благородный князь доказал этим договором, что понимает библию лучше Лютера и Меланхтона и умеет, руководясь правилами христианской веры, выбрать из 12 статей то, что может принести истинную пользу его крестьянам. Вопреки макиавеллевской политике, которая учит, что князь может обещать восставшим подданным все блага, чтобы потом отнять их силою или хитростью, вопреки княжеской дипломатике, которая никогда не давала народу права войны и мира и даже в справедливой необходимой обороне против невыносимой несправедливости видела только бунт и оскорбление величества, вопреки всему этому маркграф Филипп выслушал народный стон нужды, вопль удрученного человечества; он понял его, понял и дух времени, не ладивший со старым вековым гнетом и требовавший свободы и в духовном и в материальном отношениях; он понял также, что долг христианского правителя — восстановлять спокойствие в государстве не обманом и оружием, а справедливостью, умеренностью, разумными и христианскими мерами, которые возобновили бы ослабший союз между правителями и управляемыми.

И он был вознагражден за то не только богом и потомством, но и современниками: крестьяне как будто хотели доказать всему миру, что они могут быть христианами и людьми, если исполняют их просьбы, желания и требования, что они отвечают жестокостью только на жестокость, — ни один из согласившихся на Ахернский договор не пристал к другому отряду, не сделал никому вреда, и по истечении срока Ренхенского договора они оставались спокойными и верными своим господам. Маркграф Филипп приобрел признательность всего народа, даже за пределами своей земли.

После заключения Филиппом договора со своими крестьянами Брурайнский отряд также отошел от маркграфства и направился в епископство Шпейерское к дурлахцам. Около половины отряда переправилось через Рейн при деревне Шрек и наводнило собой Шпенергау. Инсургенты расположились преимущественно в монастырях Герд и Мехтерсгейм, опорожнили погреба и хлебные амбары, уцелевшие от их предшественников, потом при Рейнсгейме они снова переправились через Рейн и соединились здесь с другою половиною своего отряда, решившего направиться к Шпейеру и наказать тамошнее духовенство.

Перед ними в Гердском монастыре побывали рейнпфальцы. Хотя курфюрст Людвиг Рейнпфальцский сделал все, что только мог, для охранения своей земли от распространяющегося пожара, однако, искры этого пожара были занесены и в его владения, и огонь, долго тлевший под пеплом, превратился в страшное пламя. В Нусдорфе, прелестной деревушке при Ландау, на пасху был восьмидневный церковный праздник. Сюда, по обыкновению, собралось много крестьян соседних деревень, и здесь-то 200 человек поклялись образовать отряд. В ту же ночь они расположились на горе у монастырского двора и разослали по окрестным деревням отдельные отряды, которые разбудили крестьян и волей-неволей заставили многих присоединиться к союзу. Число инсургентов к рассвету дошло уже до 500 человек. Они решились итти в Зибельтингерскую долину и присоединить тамошних крестьян к своему отряду. Яков Флекенштейн, курпфальцский фогт в Герменсгейме, вовремя оповещенный о случившемся, в ту же ночь отправился со своими всадниками в Зибельтингерскую долину, уговаривая тамошних крестьян итти вместе с ним против бунтовщиков Гайльвейлера, которые, между тем, услыхав о походе фогта и чувствуя свою слабость, сами рассеялись, как дым. Флекенштейн уехал домой с уверенностью, что все спокойно. Однако через несколько дней движение снова началось с удвоенной силой: молодые и старые крестьяне собирались толпами в Гердском монастыре, в доме иоаннитов, на монастырском дворе в Лихтерсбейне, ели и пили день и ночь и угоняли тучные монастырские стада.

Они оправдывали свои сборища под тем предлогом, что будто бы собираются дать отпор гайльвейлерским отрядам. Большею частью это были крестьяне деревень Неукастеля, Магдебурга, Кирхвейнской и Зибельтингерской долин. Они соединились вскоре с поселянами Нусдорфа и Гайльвейлера. Около Эльзаса все эти отряды соединились с Нижнеэльзасским отрядом. Они занимали все окрестные монастыри, местечки и замки, сожгли мужской монастырь в Эйзенсталле и женский в Гейльсбрюне; той же участи подвергались некоторые бурги. Потом все отряды, разошедшиеся было для осады церквей и замков, соединились и направились к Винцингену; 30 апреля они расположились лагерем в Фихберге у Нейштадта на Гардте. К 1 мая граждане Нейштадта, запуганные угрозами крестьян, открыли им ворота своего превосходно укрепленного города. Бюргеры сами заставили городское начальство согласиться на предложения крестьян, которые устроили в городе свою главную квартиру.

В то же время крестьяне, сначала в числе только 300 человек, собрались и во владении графа фон Лейнинген у Бокенгейма. Усилившись новыми пришельцами из Предерсгейма, они подвигались вперед от местечка к местечку и, постоянно увеличивая свой отряд, дошли до Гахгейма у Вормса. 30 апреля в полдень они остановились в тамошнем Девичьем монастыре, а вечером отправились в женский же монастырь в Либенау, оттуда в Неугазенский монастырь, где к ним присоединились два каноника — Филипп Шиндель и Сикст Майер; они захватили с собой монастырские запасы и отправились к замку Флерегейму, принадлежавшему дворянину фон Дальбергу; туда их впустили очень скоро; крестьяне принудили 40 человек следовать за собой и обязали граждан присягою присоединиться к их союзу. Затем они повернули к Остгофену, опустошили тамошний монастырь, принудили всех соседних крестьян вступить в их братство и расположились лагерем в большом лейнингенском местечке Бехтгейме. Отсюда они перешли в Вестгофен — самую живописную часть этой страны, остановились на развалинах Розенберга за Вестгофеном и в числе 3 000 человек расположились в курфальцском Альцее.

Пфальцский двор, сначала тешивший себя пословицами вроде того, что «свой свояка видит издалека» и что «мужик, как две капли воды, походит на мужика», отправил, наконец, в Альцей маршала Вильгельма фон Габерн с 300 конных и 500 пеших, чтобы помешать дальнейшему распространению восстания. Узнав на пути, что крестьяне расположились у Вестгофена, Габерн направился туда. Когда об этом узнали крестьяне, все бывшие в Вестгофене перешли оттуда в окруженный виноградом Розенбург и приготовились к отпору. При всем желании дать сражение маршал, видя, что крестьяне слишком хорошо защищены виноградниками, не захотел жертвовать своими

людьми. Он трижды направлял на крестьян своих стрелков, но не мог похвастать успехом этой атаки. Только с наступлением ночи, когда крестьяне, не имея оружия, возвратились в Нейштадт, он приказал своим всадникам заколоть шестьдесят крестьян, вероятно, безоружных вестгофенцев, потому что отступление инсургентов мало походило на бегство и происходило в таком порядке, что по пути от Вестгофена до Нейштадта они еще увеличили число своих братьев, а маршал и не подумал о преследовании или атаке. Крестьяне расположились в местечке Вагенгейме; соседний монастырь Лимпург доставлял им вдоволь средств, и отсюда они употребляли все усилия, чтобы присоединить к своему делу всю окрестность.

Курфюрст Людвиг Пфальцский, не собравший войска, достаточного для того, чтобы действовать силой, решился со своими советниками прекратить зло мирными средствами. Переговоры вроде ахернских готовы были открыться, но еще до начала их произошли важные события в Шпейере.

Когда Брурайнско-шпейерский отряд (у Филинсбурга) подошел к Шпейеру, епископ Георг решился действовать сам. Город издавна был в раздоре с духовенством из-за своих прав, потерянных при епископе, и вполне сочувствовал новому учению. Каноники так мало надеялись на сколько-нибудь хороший для себя исход дела, что просили сделать их гражданами города. Городской совет снесся с гейльброннским советом, даст ли тот гражданство духовенству. Епископ опасался, что внутреннее брожение в городе подоспеет на помощь крестьянскому восстанию, и лишь только инсургенты покажутся у ворот, все сокровища соборной церкви погибнут вместе с городом. Он взял крест и вместе с вормским советником Дитрихом фон Дальберхом и Бернгардом Гелером Равенсбургским отправился в лагерь крестьян, получив наперед от них надежных проводников. Здесь, по примеру многих других владельцев, епископ сам заключил договор со своими подданными и, чтобы заставить их скорее отступить, обещал, что духовенство Шпейера пошлет в Рейнгаузен 200 мальтеров хлеба, 25 бочек вина и на 100 гульденов мяса. 30 апреля крестьяне снялись с лагеря и, отпраздновав заключение договора, с дозволения своих начальников разошлись по домам; предводители с канцелярией и небольшим отрядом оставались в Брюкзове; отсюда они продолжали сношения с деревнями, так что в случае нужды тотчас же могли собрать под свои знамена 5000—6000 вооруженных людей. Курфюрст Пфальцский поступил по примеру своего брата епископа: он известил крестьян о желании войти с ними в мирные соглашения. Граждане Нейштадта были посредниками между ним и крестьянами. Начальники и советники стоявших у Винцингена и Фрихберга отрядов назначили день, час и место переговоров; курфюст должен был явиться лично на следующий день, в среду, 10 мая, с восходом солнца, на

открытое поле у деревни Форст со своими советниками; он мог взять с собою конвой, но не более как в числе тридцати всадников.

В назначенном месте курфюрст сошелся с крестьянскими депутатами; те приняли его с почетом. Начались переговоры. Оба войска Вагенгейма и Винцингена с распущенными знаменами отступили и стали вдали. После долгих переговоров обе стороны согласились, что жалобы крестьян будут обсуждены на предстоящем ландтаге и их справедливые требования будут исполнены на основании 12 статей; те пункты, на которые дворянство согласно вполовину, будут обсуждены отдельно, на которые же оно вовсе не может согласиться, будут предоставлены решению государственных сословий (Die Stände des Reichs). Крестьяне должны были возвратить владельцам взятые ими замки, города и местечки, не вынося оттуда ничего, и разойтись по домам. Людвиг же с своей стороны объявил полную амнистию.

Договор был подтвержден взаимною клятвою. После того оба войска возвратились в лагери, а курфюрст в сопровождении нейштадтских граждан возвратился в город. На следующий день крестьянские предводители снова пришли к курфюрсту, чтобы назначить вместе с ним время и место для всеобщего ландтага. Он пригласил их к своему столу, и крестьяне сидели за одним столом, ели, пили вместе со своим князем. Курфюрст назначил место и день и отпустил их милостиво. Потом он отправился в Гейдельберг и известил весь Пфальц о всеобщем сейме в Гейдельберге на духов день, отдав вместе с тем приказание всем дворянам, рыцарям и чиновникам не нарушать ни в чем составленный договор.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Начало волнений в Вюртемберге

Крестьянин деревни Диттрих, Марк Генкштейн, первый принес в Бакнанг известие о вейнсбергских событиях; он, как и другие бывшие с ним крестьяне из Бакнанга, был до того утомлен, что не мог продолжать путь дальше. Викарий пробста сообщил страшную весть в Штутгарт, где в это время собралось земство. Из Штутгарта это известие было тотчас же послано в Ульм, Союзному совету, вместе с просьбой о помощи. Из Ульма на просьбу о помощи отвечали выражением сожаления о несчастии, постигшем страну, но обвиняли во всем эрцгерцога, правительство и самое земство и удивлялись их нерадению, медлительности и неосторожности; каждый должен

сам укреплять свои крепости и города, а в Вюртемберге ни один замок не укреплен. Уже давным-давно было известно, что гогенлоенские крестьяне восстали и направляются на княжество, а между тем, ни один человек не был выслан на защиту границы и даже крепость Вейнсберг не была готова к обороне. Теперь требуют немедленной помощи от союза, но союз не может без большого риска разделить и ослабить свои силы. Австрия до сих пор еще не исполнила ни одной из своих обязанностей как союзного государства. Даже эрцгерцогское войско, состоявшее при союзе, которому следовало уплатить 6 000 гульденов жалованья, не могло ничего получить от его светлости. Если бы эрцгерцог ничего не сделал, то пришлось бы вернуться с поля по домам со стыдом и позором. Союз может обещать несчастному княжеству одно только, что Георг Трухзес, справившись со швабами, тотчас же двинется к Вюртембергу. Княжество Вюртембергское действительно находилось в беспомощном состоянии, кой-какие приготовления к отпору были в высшей степени недостаточны. Самого эрцгерцога не было в стране; все войско, какое только мог набрать, он должен был послать брату в Италию. Казна была пуста, особенно благодаря приготовлениям, которые делались еще против герцога Ульриха; народ был большей частью недоволен, так что на него положиться было нельзя.

В феврале и позже начали появляться строжайшие приказания пограничным чиновникам стоять твердо против гегауских, шенкских и гмюдских крестьян. Священникам и монахам ввиду опасности, предстоявшей не только святой вере, но и всем властям, приказано было творить особые молитвы о спасении святой церкви и властей и о даровании мира. В то же время фогты и рыцари, находившиеся на службе, получили строжайшие приказы сопротивляться инсургентам и запрещать всякие сношения подданным с бунтовщиками. Но никто не позаботился снабдить княжество войском; напротив, эрцгерцог еще потребовал из Вюртемберга восемьдесят вооруженных всадников, чтобы отправить их в Милан. Георг Трухзес, раздраженный этим, писал своему двоюродному брату, штатгальтеру, что лучше было бы присылать войска в Вюртемберг, чем требовать их от него. Земство настоятельно просило Фердинанда позаботиться о стране, которой со всех сторон грозят нападением, просило, чтобы он прислал войска и сам лично бы приехал в Ульм. С герцогом Ульрихом он должен бы как-нибудь помириться, чтобы с этой стороны избавиться от забот и издержек. Оно советовало ему также освободить доктора Мантеля, так как его арест возбудил сильное неудовольствие; и придется во всяком случае выпустить его. Лучше сделать это теперь, взяв с него клятву, что он оставит княжество. Но земство на все свои просьбы ничего не получало кроме постоянно

повторяемых уверений, что почти все распоряжения сделаны и войско скоро придет на помощь княжеству, а до тех пор они должны стоять твердо, как следует набожным людям. Сам же князь никак не может выехать из Тироля, но молится с другими князьями о спасении Вюртемберга. Это было отчасти справедливо. Австрийское правительство пригласило Пфальц, Баден, Гессен и Трир составить частный конгресс в Мосбахе, чтобы общими силами дать отпор восставшим крестьянам. На этом конгрессе все и в особенности курфюрст Людвиг Пфальцский обещал штутгартскому правительству помощь, но беспорядки, вспыхнувшие в его собственных владениях, помешали ему выполнить это обещание. А между тем, в Вюртемберге уже началось движение. Оно было тем неприятнее австрийскому правительству, что в нем принимал участие изгнанный герцог.

Восстание прежде всего обнаружилось в Урахе, Мюнцингене и на Блаубернских Альпах. В то же время поднялись Балингенский округ и Розенфельд; в этих последних округах, равно как в Вутлингене и окрестностях Швенингена, волнения происходили еще в декабре, феврале и марте. Беспрестанно возникали тайные общества, несмотря на увещания фогта, представлявшего бунтовщикам, что их силы — ничтожная былинка в сравнении с силами всего земства. Крестьяне Балингенского округа соединились с розенфельдерцами, и Балингенский отряд снова появился на Гегау, угрожая Балингену. Одним из предводителей был пастор из Дигезгейма. Фогту Гуго Вернеру было трудно защищать город, так как он не мог доверять своим собственным людям. «Я не имею более никакой власти, — писал он, — я того только и опасаюсь, что они сами убегут к бунтовщикам». На Урахских Альпах, где со времени Бедного Конрада волнения не прекращались, уже в начале февраля собралось около четырехсот крестьян, твердо решившихся не давать более десятин, никому не принадлежать, не работать на господ, защищать всякого от притеснений дворян и уничтожать замки и монастыри. Много, говорили они, было советов и совещаний, но ни на одно из них не пригласили крестьян; теперь наступила их пора, они будут заключать союзы и совещаться, не приглашая ни одного господина, ни одного благородного. Так доносил правительству Леонард фон Штейн от 5 февраля 1525 года. В середине марта взволновались крестьяне эбингенские и мюнцингенские, крестьяне с Урахских Альп пристали к ним, и волнение распространилось до Ленингской долины.

Когда лейпгеймерцы поднялись на Дунае, к ним прибыли в день благовещения с развевающимися знаменами блауберерцы, а когда Лейпгеймерский отряд 4 апреля рассеялся, тысячи беглецов переправились через Дунай к Вюртембергу, перешли Альпы и остановились лагерем близ Пфулингена. Рудольф

Эгингенский, оберфогт тюбингенский, собирал против них войско, но солдаты, которые должны были бросать дома, жен и детей, шли очень неохотно. Крестьяне вокруг Вейнгельма, Нюртенгена и в Эрихской долине также взволновались. «Мятежники уже появляются, в городе и округе начинаются беспорядки», — писал правительству Рейнгардт Шпет, начальник города Ураха. У Пфулингена из близлежащих долин и дальних мест собралось до тысячи крестьян. Город 6 апреля отворил им ворота. Мятежники потребовали, чтобы вольный имперский город Рейтлинген примкнул к Евангелическому братству; они могли рассчитывать на это тем более, что Рейтлинген за своего реформатора Альбера и свой евангелизм находился под опалою и отлучением. Но Альбер и городской совет держали общину в руках, так что жители города отказали крестьянам и впустили союзный отряд, присланный Швабским союзом и вюртембергскими штатгальтерами против крестьян. После этого крестьяне отошли от Фулингена, между тем как туда стали стягиваться рейтары и ополченцы из Тюбингена и Ураха под предводительством Дитриха Шпета, оберфогта гаген-урахского. Особенно сильные толки возбуждали знамена крестьян и таинственные рассказы о их предводителе. У инсургентов было два белых шелковых знамени с изображением бога с распростертыми руками, внизу находился образ божией матери и в каждом углу по оленьему рогу. «Скоро, — говорили они, — узнают, кто наш начальник». Эти слова, а также изображения оленьих рогов на знаменах заставляли предполагать, что этот начальник был изгнанный герцог Ульрих.

2 апреля отряды, отделившиеся от Гайльдорфского отряда, ворвались в Гепихнер, чтобы присоединить к своему союзу вюртембергских вассалов.

Итак, пламя обнимало со всех сторон княжество Вюртембергское, а между тем, за исключением Тюбингена и Вутлингена все крепости и укрепленные места, несмотря на все просьбы и донесения чиновников, были в самом жалком состоянии. Затруднение увеличилось еще более, когда два первых члена военного совета — стольник Вильгельм, штатгальтер Вальсбурга, и канцлер доктор Винкельгафер — написали 11 апреля из Тюбингена в Штутгарт, что они оба опасно заболели и потому просят освободить их от всех занятий и забот. Из Ураха Дитрих Шпет жаловался, что в замке и городе мало запасов, что он уже несколько раз доносил об этом, но не получал никакой помощи. Фогт сильной, большой крепости Нейфена доносил, что ему не доставляется ни съестных припасов, ни вина, ни денег, что в гарнизоне насчитывается всего шесть человек и что даже и им он не в состоянии платить жалованья. Он просил прислать ему денег и побольше людей, а также перевести к нему трех храбрых попов, которые находились в городе Нейфене и могли быть полезны при защите замка. Ганс Баль-

ден из Гертенска, посланный начальниками в Маульброн, просил отставить его, так как его люди служат неохотно, у него нет денег на жалованье солдатам, нет ни пороху, ни пуль, ни оружия, и потому он не в состоянии принести никакой пользы. Больше всех жаловался бургфогт Бастиан Эмгарт фон Гегенасперг. В Марбах, Безихгейм и в другие места, всюду послали войска, писал он, а об Асперге, кажется, совсем забыли. На все его письма к штатгальтеру он не получает не только людей и денег, но даже и ответа. Если случится несчастье, он не принимает на себя никакой ответственности. У него в Асперге нет франкфуртской ярмарки, где бы он мог достать все нужное; само правительство в Тюбингене снабжено всем, и ему, как кажется, нет дела до того, что будет с городами и замками, лишь бы оно само было в безопасности. Битва под Рейнсбергом окончательно унизила, смутила и ошеломила правительство. Фогты жаловались, что они не только не получают ответов, но даже не знают, где находится правительство; некоторые вернулись из Штутгарта с известием, что никто не принял от них писем. Примеру военного совета последовали многие чиновники и тоже оставили свои посты; это были большей частью или явные враги герцога Ульриха, или люди, особенно ненавистные народу за свою жестокость, — и те и другие считали себя небезопасными и хотели стушеваться на время восстания. Так, Буркарт Фюрдерер, фогт Штутгарта, смертельный враг Ульриха, бежал в Асперг, его брат Иаков, киргеймский фогт, — в замок Нейфен; он доносил правительству, что поссорился из-за герцога Ульриха с некоторыми негодяями, которые, соединившись с крестьянами, поносят власти и дворянство, и что его все предостерегали не оставаться в Кирхгейме. С тех пор как чернь в Вейнсберге так страшно отомстила господам, ни один аристократ не мог считать себя безопасным в своем округе, австрийцы бежали из Штутгарта в Тюбинген, а восстание, между тем, охватывало один округ за другим. Несмотря на все доводы, которыми земство старалось отклонить правительство от созвания при таких обстоятельствах ополчения, оно не могло противопоставить ничего другого приближающимся оденвальдцам и беккингенцам. Лауфен, городок на Неккаре, которому прежде всего угрожала опасность, был назначен сборным пунктом ополчения.

В Ботварской долине, непосредственно граничащей с районом Гейльбронна, на вербную неделю происходили выборы, и оберфогт Дитрих фон Вейлер отправился в Вейнсберг успокоенный, так как город и округ обещали быть верными правительству и не признавать герцога Ульриха своим господином. Утром 16 апреля, в день христова воскресения, было назначено выступить в Лауфен. Выбранных ополченцев перед выступлением, по обычаю, угощали вином в ратуше. Вдруг поднялся ропот, часть выбранных отказывалась итти. Дитрих фон Вейлер

сильно обманулся, приняв мнение некоторых за общее настроение. Пламя восстания вспыхнуло и здесь. Яклейн занес его сюда: в воскресенье, на пятой неделе поста, проезжая в Зонтгейм, Гардтах, он останавливался в Бельштейне и Ботваре. Фогт и почетные граждане выгнали его тогда, но он достиг-таки своей цели, как это доказал настоящий случай. Послы Светлого отряда, прибывшие из Неккарсульма, еще прибавили горючего материала. Заметив настроение отряда, фогт взял отпуск. В долину пришло известие о приближении Светлого отряда к Вейнсбергу. Всю пасху в Ботваре продолжались волнения и беспокойство. В подстрекателях не было недостатка. Еще во время Бедного Конрада Гросботвар принадлежал к местностям, где впервые загорелось восстание. Многие из деятелей того времени жили еще и теперь, некоторые только что вернулись на родину после десятилетней ссылки, например Людвиг Дитрих, Михаил Кранцер, Бортгек, Ульбахер. По соседству, в Бедном Конце, кирхбергерцы подняли знамя Бедного Конрада — знамя Башмака, а в Бейльштейне, за милю оттуда, еще жил аптекарь, мастер Эбфгард, который в созыве ландтага видел только желание правительства надуть добрых людей[1]. На первых же порах оказалось, что в долине были люди, которые знали, как следует действовать во время восстания.

Между Бейльштейном и Ботваром, около деревни Винцергаузен, возвышалась поросшая лесом и виноградником гора Вунненштейн. На вершине горы стояла церковь во имя св. архангела Михаила, древняя чтимая святыня, привлекавшая тысячи богомольцев. Народная вера приписывала этому храму особенную благодать. Звон «Анны Сусанны» — так назывался большой освященный колокол — далеко разгонял собиравшиеся тучи, и часто соседние крестьяне думали, что град, падавший на поля их, послан им этим колоколом. И на этот раз гроза началась в Вунненштейне, пронеслась над ней без малейшего вреда и разразилась над Вюртембергом. На Вунненштейн сбегались бюргеры и крестьяне. Целый день собирался народ. Вечером раздался колокольный звон. Из всех домов и улиц города вышли вооруженные люди, молодые и старые, и отправились к горе. Фогт Ганс Гейнрих Шертлин и бургомистр употребляли все свое красноречие, чтобы уговорить их не ходить хоть в этот день; они обещали им даровую попойку, два ведра вина и десять гульденов на угощение, но, несмотря на то, все бежали на гору. Мельхиор Ульбахер стал во главе восставших.

Тогда городской писец обратился к священнику Петру с просьбой пойти за ними и убедить их возвратиться. Может быть, это был тот самый Петр, который десять лет тому назад занимал священническое место, тот самый Петр Гмейт-

[1] Штутгартский государственный архив.

лин, который отличился во время сна Бедного Конрада. Судя по описанию, это был он. Городской писец говорил о нем: «Священник пользуется большим влиянием на народ, может быть, он и виноват, что они разбежались, потому что он лютеранин». А между тем, число беглецов росло с минуты на минуту; принуждены были выдать им барабаны и знамена, и они отправились на Вунненштейн. На горе они расположились лагерем. Их можно было видеть издалека; при наступлении ночи сторожевые огни их были видны за Бельштейном с высот Вейнсбергерталя, из замка Левенштейна, из поместья Лихтенберга, из монастыря Оберстенфелльд, с высот Буха, с развалин древнего родового вюртембергского замка, с Асперга, с Штамберга, из крепости Гогенштейн, из замка Немецкого ордена — Штосгейма, из башен замка Вейлера на Штейне, из поместья Штетенфельза, из рыцарских крепостей Гельфенберг и Вильдек — со всех высот и укрепленных дворянских замков, более чем из 40 мест в окружности, — три ночи сряду можно было видеть на Вунненштейне сторожевые огни беспрестанно прибывавшей крестьянской толпы, наводившие ужас на всех, до кого дошла весть о вейнсбергских событиях. Но и с Вунненштейна в первую же ночь были видны сотни мерцающих сквозь туман факелов и огней, со стороны Цабергейга. Этот яркий огонь блестел не на Штрамберге, а далее, на Гейгельберге, мрачную вершину которого окаймляли грозные стены рыцарского замка. Там их братья приводили в исполнение шварцвальдские параграфы. И в многолюдном, богатом лугами, плодоносном Цабергейге, между Штрамбергом и Гейгельбергом, Бедный Конрад имел также много приверженцев, как и в Ботваре. Там, в Пфафенгофе, на мосту около церкви 10 лет тому назад раздался крик: «Тут стоит бедный Конрад. Я — бедный Конрад, кто любит меня, пусть идет за мной». Там же, в Гюглингене, Каспир Сумменгорд, Павел Кольб и рыжий Этдерло с колокольным звоном провозгласили свободу общины и кричали перед домом фогта: «Здесь стоит бедный Конрад, вся земля его, и нет господ кроме него!». Там находился и Бракенгейм, жители которого вздумали однажды штыками приводить народ к Бедному Конраду и объявили, что делиться с бедными — обязанность богатых[1]. Буря 1525 года только раздула пламя, таившееся здесь под пеплом с 1514 года.

Около Ганса Вундерера из Пфафенгофа собрался отряд из жителей Бракенгейма, Меймегейма, Гаузена, Хабесшлохта, Клеброна и Кирхейма на Неккаре. Генрих Гусф фон Кирхенгейм сказал рыцарю Петру фон Либенштейну: «Я сорву с тебя шпоры, так что у тебя из пяток потечет кровь».

В ночь с первого на второй день пасхи инсургенты на-

[1] Штутгартский государственный архив.

пали на замок Штоксберг. Вскоре им удалось взять этот сильно укрепленный пункт. Они нашли в нем богатые запасы и оружие: 6 пищалей, 15 ружей, 2 фальконета и одну небольшую мортиру. Затем они подожгли замок, и с рассветом пламя объяло это величавое и великолепное здание. Бракенгейм еще держался против крестьян; они обратились к Дердингену на вюртембергской границе, известному в истории союзного Башмака, а оттуда во владения маульбронннского монастыря, заставили тамошних крестьян присягнуть себе и потом напали на самый монастырь. При приближении крестьян аббат и монахи бежали из монастыря, ибо заметили, что их люди также выказывают неудовольствие, а слуг у них было очень немного. Однако и эти немногие так храбро защищали замок, что прекрасное здание нимало не потерпело от крестьян. Около Маульбронна инсургенты соединились с брухрайнскими крестьянами. Брухрайн был первою колыбелью союза Башмака; там еще на первых днях страстной недели составился отряд под предводительством двух бруксальских бюргеров — Фридриха Вурма и Иоанна фон Галля. Усиленный их помощью Ганс Вундерер, узнав о ботварском восстании, возвратился в Вюртемберг, потребовал 18 апреля от Браненгейма, а 19-го — от Битингема присоединения к Евангелическому братству и в тот же день разграбил и частью сжег монастырь Рехентсгофен. В послании к Битингейму говорилось так: «Всемогущий бог просветил нас своим словом и дал нам возможность понять, что мы до сих пор были лишены не только насущного хлеба, но и духовной пищи; он дарует нам теперь и, как мы твердо уверены, даст впредь силу и власть, потому просим вас притти и помочь нам; в противном случае вам будет худо»[1].

Отряд сжег в Боннингейме ганербенский замок. Из Рехентсгофена он отправился к Вейнсбергской и Ботварской долинам, так как послы от тамошних инсургентов предлагали крестьянам сойтись в Лауфене на Неккаре.

Вунненштейнцы решили избрать себе предводителем Матерна Фейербахера и даже, если придется, принудить его к этому силою. В Гросботваре знать и фогт, Ганс Генрих Шертлин, сильно трусили. Они все еще не знали положительно, что случилось в Вейнсберге. Вечером в светлое воскресенье фогт послал гонца навести справки и спросить совета у оберфогта Дитриха фон Вейлера. Посланный не возвращался, а уже начинало сильно вечереть. Жена фогта Шертлина горько плакала в доме Матерна Фейербахера; было страшно: десять лет тому назад она видела Бедного Конрада в Шорндорфе, и тогда уже жизнь мужа ее подвергалась опасности. Фейербахер ободрял ее, но слезы и страх

[1] Штутгартский государственный архив.

женщины заражали и его самого. При всей своей энергии Матерн был мягкий, добродушный человек и к тому же был лично знаком с большинством соседних дворян, нередко посещавших гостиницу, которую он содержал в окрестности. Между тем как Матерн утешал жену фогта, не будучи в то же время в силах сам отделаться от мрачных предчувствий, его маленькая дочка, стоявшая у окна, закричала: «Спасайся, отец, они бегут сюда!» «Ну, — сказал Фейербахер, — помилуй нас пресвятая матерь божия, если в собственном доме я не могу быть спокоен». Жена умоляла его спрятаться; она настаивала до тех пор, покуда он не уступил ее просьбе. Она заперла его в каморку и снова поднялась в гостиницу. «Молитесь, дети, молитесь», — говорила она, но дети могли только плакать. Дверь с шумом отворилась, и в комнату вбежало четверо мужчин. Один из них держал топор в руках, другой был вооружен алебардой, а остальные два ружьями. «Где Фейербахер?» — кричали они. Хозяйка уверяла их, что Фейербахер вышел. Но они не верили. Стали выламывать одну дверь за другой, однако, Фейербахера не нашли и прекратили поиски. Затем они обратились к жене Фейербахера и в угрожающих выражениях требовали, чтобы он пришел к ним на гору, «в противном случае, — добавляли они, — пусть он бережет свою жизнь, мы осрамим его на весь свет».

Фейербахер не двигался с места до самого ухода посетителей; после того он отправился к фогту и посоветовал ему запереть ворота. Между тем все более и более распространялся слух, что Вейнсберг разрушен и все жившие там дворяне или убиты, или взяты в плен. По просьбе Шертлина Фейербахер тут же ночью в сопровождении бургомистра поехал в соседний Гопфгейм к господину Людвигу Шпету старшему, один из родственников которого был в Вейнсберге; от него надеялись узнать что-нибудь более положительное. Фейербахер совещался ночью в продолжение получаса с этим рыцарем и его двоюродным братом, что ему делать и как поступить: крестьяне непременно хотят сделать его своим главным начальником и сулят ему и доброе и злое; если не придет — угрожают смертью, если придет — сделают его знатным барином и графом. «Бедный граф», — сказал Шпет, ударяя его по плечу. Фейербахер вышел, но через минуту снова вернулся. «Милостивый государь, — сказал он, — я надумал вот что: судя по тому, что происходило в Вейнсберге, нужно и здесь ожидать того же дворянам и духовенству. Если я буду с ними, то я могу иметь на них влияние, но вы потом должны быть свидетелем, с какими намерениями я шел». Шпет согласился и дал ему слово; он особенно просил Фейербахера уговорить своих не примыкать к Вейнсбергскому отряду. С этим добрым советом Фейербахер уехал от старика; он хотел посоветоваться еще с бахским фогтом, жившим за милю

от Шпета. Тот также одобрил его намерения. А возвратясь домой, Матерн узнал, что и фогт держится того же мнения. Рано утром в понедельник на пасхе он отправился в Вунненштейн в сопровождении бургомистра и нашел в лагере уже несколько сот человек. Фейербахер попытался было уговорить их вернуться домой. «Пустяки, — кричали ему крестьяне, — мы хотим итти в Вейнсберг, чтобы соединиться с Светлым отрядом». Фейербахер стал у церкви; они окружили его. «Я прошу только одного слова, — сказал он, — бросьте это намерение; если Вейнсбергский отряд явится в нашей стране, то и богатым и бедным будет плохо: он разорит, разграбит и опустошит страну. Оставайтесь здесь, мы вместе с прочими округами довольно сильны, чтобы самим освободиться от давящих нас тяжестей, и не нуждаемся для этого в помощи чужих отрядов».

На сходке нашли это предложение благоразумным, но решили, что для этого Фейербахер должен остаться с ними, и не отступали от него до тех пор, покуда он не согласился быть их предводителем. Дворянство не могло жалеть о том, что во главе вюртембергского народного восстания стал Матерн Фейербахер. Получив достоверное известие о вейнсбергском происшествии, о казни дворян и о смерти обоих Вейнеров, отца и сына, он тотчас же послал одного бюргера из Ботвара в замок Вейнера Лихтенберг, «чтобы какой-нибудь крикун не поехал в замок, не обидел бы женщин и не огорчил бы их внезапным известием о смерти их мужа, отца и сына». Жена молодого Вейнера писала Фейербахеру письма, которые могли бы смягчить даже камень; он тотчас же выпросил для нее охранную грамоту у своего отряда. Молодая женщина боялась, что жители Вунненштейна нападут на замок и сожгут его; этого и все опасались. Жена рыцаря Вольфа Рух из Винниндена тайком отправила свои драгоценности в Лихтенберг. Узнав о смерти Вейнеров, она снова взяла их оттуда, потому что не была уверена в их сохранности в замке. Дорогой ее начисто обобрали бродячие крестьяне. Вечером в понедельник на пасхе на Вунненштейн подымался какой-то плохо одетый рыцарь. Это был рыцарь Вольф Рух. Он шел пешком, потому что хотел явиться к крестьянам одетый по-крестьянски, а не по-рыцарски, чтобы не взволновать их. Фейербахер засмеялся, увидав дворянина в таком костюме, и, когда узнал от него о случившемся, тотчас приказал выдать награбленные вещи. Некоторые крестьяне роптали и не соглашались на это. «Товарищи, — воскликнул Фейербахер, — если вы действуете таким образом, то лучше бы вы оставили меня дома и не заставили принимать начальства над вами. Я выступил не для того, чтобы обижать дворянина или кого бы то ни было, но для того, чтобы воспрепятствовать Вейнсбергскому отряду притти сюда жечь и убивать. Гра-

бить — дело безбожное по евангельскому учению». Рыцарь возвратился со своими драгоценностями и долго спустя все еще прославлял Матерна за оказанную услугу и желал ему всего лучшего. Штутгартское правительство отправило послов к Фейербахерскому отряду, чтобы затянуть дело переговорами. Послы пришли в Вунненштейн 18 апреля в обеденное время. Они хотели было уговорить крестьян разойтись, но потерпели неудачу. Крестьяне отвечали, что делают достойное дело, что с настоящего времени должны царствовать справедливость и правосудие; евангелие и слово божие должны проповедываться открыто и ясно, и жизнь должна устроиться согласно божьему учению; что они не хотят более слушать, как один говорит с кафедры о белом, другой о черном, третий о голубом, что все местные налоги должны быть уничтожены, а 12 пунктов, составленные на Дунае, должны быть приняты всеми без исключения, и что они не разойдутся до тех пор, покуда все их требования не будут исполнены. Депутаты отвечали, что господа ничего более и не желают, как христианского устройства, справедливости и открытого учения евангелия, что касается местных повинностей и 12 пунктов, то с этим лучше всего обратиться к решению ландтага; пусть они только письменно изложат свои требования. Депутатов прервали криком: «Не хотим этого, не хотим!». Некоторые возражали так: «Хорошо, мы согласны, но с тем, чтобы ландтаг состоялся сейчас же и тут же на открытом поле». На увещания воздерживаться, по крайней мере, от насилий они отвечали, что никого не желают оскорблять, но будут добывать себе пищу и питье, конечно, не у бедных людей, а в монастырях и замках. Затем они велели привести на гору магистратского писца из Гросботвара; он должен был на бумаге изложить их требования, чтобы на другой же день представить их посланным. Последние возвратились, между тем, в Штутгарт, чтобы рассказать о результатах переговоров и запастись дальнейшими инструкциями. Нужно заметить, что крестьяне каждый день в продолжение всего своего пребывания в Вунненштейне служили обедни. Винцергаузенский священник по их просьбе отправлял службы в старинной церкви св. Михаила, и крестьяне поручились ему за то в безопасности его жизни и имущества; Матерн же Фейербахер до конца своей жизни (он умер стариком) оставался католиком. Правительство отослало депутатов с предложением немедленно собрать ландтаг в Марбахе. Они не застали уже Вунненштейнского отряда на горе. Крестьяне, которых набралось уже до 3 000 человек, ушли в Геймрикгейм. Геймрикгеймский приходский священник пользовался у них дурною славою, поэтому они собирались ограбить его. Чтобы защитить священника, Фейербахер назначил его дом своей главной квартирой. Крестьяне были так недовольны этим, что хотели даже сменить

предводителя. В это именно время к Фейербахеру явились послы; он был очень взволнован. Посланные стали прежде всего уговаривать крестьян возвратиться к своим очагам. Особенно убедительно увещевал их Пфейфер фон Бейльштейн. «Друзья мои, — говорил он, — какую пользу принесет вам поход? Что выиграете вы оттого, что пройдетесь по стране, выбьете окна в жилищах попов, выломаете двери, разобьете черепицы крыш и т. п.? Подумайте, какой выйдет из этого прок?». Убедившись в безуспешности своих доводов, депутаты стали настаивать на собрании ландтага. Фейербахер запальчиво отвечал им: «Мы самым положительнейшим образом отказываемся от ландтага; сеймов было много, а какая от них польза? Всякий раз, возвращаясь на родину, на вопрос, что дал сейм, приходится отвечать: «Ничего не знаю кроме того, что мы тотчас же должны заплатить деньги!». Мы теперь не хотим более платить, а потому переходите к нам; придете — увидите нас, не придете — все-таки увидите».

Фейербахер сам лично бывал на ландтагах. Он по опыту знал, чего можно ожидать от них. Ему стало досадно, что справедливые требования крестьян остаются без ответа и что на его предложение не обращают ни малейшего внимания. Сознавая важность своей роли, он продолжал: «Вы бы должны ползти к нам на коленях по всей улице, будь она даже покрыта грязью; если бы не я и не моя рать, то огромный сводный отряд оденвальдцев и неккарцев, всюду сеющий зло и убийства, давно уже ворвался бы сюда и покрыл бы страну трупами и развалинами; только мы отвратили беду».

Он объявил, что может вести переговоры только на основаниях, изложенных в двенадцати тезисах; он прочел их послам и приказал им притти на следующий день в Лауфенский лагерь. Там он вручит послам эти тезисы. Теперь же отряд выступает, чтобы соединиться с Цабергейским отрядом. После этого они снялись с лагеря.

Крестьяне уже давно собирались разорить замок Лихтенберг, где жила несчастная вдова Вейлера, а теперь они обнаруживали то же желание относительно и других встречавшихся им на пути замков: Либенштейна на правой стороне Неккара и Гагенштейна — на левой стороне.

Матерн Фейербахер воспрепятствовал этому, и крестьяне миновали замки, не причинив им ни малейшего вреда. Однако многие остались этим крайне недовольны, и в Кальтенвестене добились смены Фейербахера за то, что он уже слишком умерен и стоит за дворян. 20 апреля инсургенты стали лагерем у Лауфена.

Жители Лауфена давно просили помощи от Штутгарта, но не получили ее до самого прибытия крестьян. Им оставалось только присоединиться к крестьянам. Так и сделали. Через несколько времени им прислали подкрепление под на-

чальством штутгартца Людвига Циклера, но они объявили, что уже слишком поздно и что они теперь уже не нуждаются в штутгартцах.

Посланные сошлись с Фейербахером в последний раз перед городом на открытом поле у высокой стены. Матерн объявил, что уже не имеет более права вести переговоров, что он лишился его вместе с должностью. Один из депутатов предложил отправиться всем вместе, составить ландтаг на открытом поле, обсудить дело по обычаю древних народных собраний и послать условия эрцгерцогу. Но крестьяне, сопровождавшие Фейербахера, заметили, что послы их проводят. «Мы не хотим ландтага, — говорили они, — если он будет созван, мы не договоримся ни до чего кроме нового налога». Фейербахер прекратил, наконец, переговоры словами: «Если бы наши знали, что я с вами так долго совещаюсь, они просто убили бы меня».

Тогда посланные вернулись в Штутгарт, а Фейербахер — в Лауфен, где его снова признали предводителем. Ему было не совсем по себе в этой новой обстановке, Матерн чувствовал себя гораздо лучше в своей красивой зажиточной гостинице, где он принимал знатных господ и даже угощал их добрым ботварским вином.

И теперь, конечно, к нему приезжали многие из его старых знатных знакомых, но этими посещениями руководили уже совершенно другие цели. У Фейербахера в крестьянском лагере иногда появлялись господа Ганс и Петр фон Либенштейны, господин Вильгельм Фолей из Гагенштейна, Леммлин фон Боннингейм, Каспар фон Вейлер, благородная госпожа фон Ниппенбург, многие дворяне из Саксенгейма — все они выпрашивали и получали от него охранные грамоты. «Я стыжусь, — говорил однажды Фейербахер рыцарю Валей, — что должен находиться с этой дрянью и таким образом принимать вас». Но теперь всякий шаг назад был для него опасен. Отряд во многом изменился с тех пор как стал в Лауфене. Уже цабергейцы и Ганс Вундерер были сильно ожесточены, а тут еще присоединился элемент еще более революционный, именно, Яклейн Рорбах, главный предводитель беккингенцев. Как только из Гейльбронна пришло известие, что швабы тоже собираются, Яклейн с 200 товарищей, большей частью самыми смелыми, явился к Вюртембергскому отряду и направился вместе с ним к Вюртембергу. Они составили при Фейербахере комитет из 32 человек и назвали себя «Светлым христианским отрядом».

Каждый важный вопрос решал весь отряд большинством голосов, и Фейербахер должен был исполнять все их желания, даже если бы не был согласен с ними. Однако по мере возможности он удерживал отряд от грабежа.

В присутствии г-на Рейнгарда фон Саксенгейм к пред-

водителям привели однажды крестьянина, пойманного на месте преступления, когда он отрезал кошелек у одного прохожего. «Негодяй, — закричал на него Фейербахер, — его следует прогнать сквозь строй, хотя бы в нем сидел сам чорт! Я думал, что мы собирались ради евангелия, чести и правосудия, а теперь оказывается, что мы здесь для того, чтобы отрезывать кошельки. Если бы дело шло только о грабеже дворян, священников и чиновников, мы были бы хорошими воинами. Кто беден, должен остаться бедным, а кто богат — богатым».

Отряд быстро подвигался к центру страны. Его цель была привлечь к себе всех способных носить оружие горожан и крестьян всего княжества и заставить все города и округа волей-неволей пристать к их христианскому собранию, помочь им освободить бедных людей от налогов и, согласно слову божьему, распространить учение святого евангелия.

С этой целью распространяли они всюду свои воззвания. Отряд послал 20 апреля приглашение Христофу Гайсбергу, лесничему в Райхенберге. Он предлагал ему присоединиться к ним и привести с собою Карстганса, находящегося у него в плену. Лесничий жил далеко, нужно было пройти к нему в сторону на гору не одну милю; потому он не слишком торопился привести к ним народного проповедника Карстганса, тем более что отряд двигался по другому направлению и 22 апреля расположился уже лагерем в Битингейме, находящемся в пятичасовом расстоянии от Штутгарта.

Смущение столицы было велико. Число крестьян возросло до 6 000 человек, и они стояли почти у ворот города. Штутгарту нужно было угодить, с одной стороны, крестьянам, с другой — австрийскому правительству или Швабскому союзу. Члены магистрата были сильно озабочены; затруднение их еще более увеличивалось тем, что между горожанами постоянно существовала партия, державшая сторону изгнанного герцога, втихомолку выжидающего благоприятного исхода дела. Трудно было решить, на чьей стороне будет перевес. Почти все регулярное войско было отправлено за границу, а жители страны неохотно шли в ополчение. Так как Лауфен передался крестьянам, то правительство назначило сборным пунктом для ополчения Марбах и приказало битингеймцам и геннингенцам занять Безигейм.

В Марбахе было собрано около 1 200 человек, частью иноземных наемников, преимущественно же туземцев. Но при приближении крестьянского отряда поднялся общий ропот, и предводители напрасно старались сохранить порядок; слухи о совершенных убийствах и разрушениях разогнали бо́льшую часть ополчения, и только горсть людей удалось удержать в городе в виде гарнизона; все остальные разошлись по домам 21 апреля; даже некоторые из членов магистрата оставили свои места, только немногие остались. Эти последние избрали

на место убежавшего фогта исправляющим его должность Павла Венцельгайзера, в помощники которому указом от правительства из Тюбингена был назначен Лаврентий Аккерман. Они вдвоем созвали граждан на площадь рынка, убеждали их оставаться в покое и порядке при наступающей опасности и предложили им избрать комитет из 27 известных граждан, с которыми можно было бы совещаться о надлежащих мероприятиях. Граждане собрались на трех площадях — на площади Леонгарда, на рынке и на поле турнира, которое называется теперь Госпитальною площадью. Выбор комитета единогласно предоставлен был членам магистрата, которые приступили к избранию и, окончив его, тотчас вместе с комитетом постановили следующее: наискорейшим образом согласиться с ближайшими волостными правлениями Капштадта, Вайблингена, Шорндорфа, Леонберга, Геннингена, Кирхгейма и Нюртингена и набрать поскорее войско, которое могло бы удерживать крестьян из понизовья от дальнейшего наступательного движения в стране, пока прибудет Георг Трухзес с обещанной помощью. Депутаты были посланы в названные города, другие отправлены в лагерь крестьян в Битингейм для выведывания и для того, чтобы возобновлением переговоров выиграть время; им поручено было предложить созвание в открытом поле общего сейма, в котором участвовали бы одни крестьяне и граждане и который занялся бы рассмотрением жалоб всех городов и сел. Посланные к крестьянам все были из числа членов комитета: Матвей Миллер, Лаврентий Кенлен, Леонгард Мессершмидт и Матвей Гербер. Последний был главным оратором. Гербер, здоровый и красноречивый штутгартский гражданин, бывший когда-то телохранителем герцога Ульриха, уже прежде, судя по заявлениям магистрата, несколько раз являлся оратором по делам граждан. Он уверил крестьян от имени штутгартцев в готовности их сделать все возможное и приложить все старания перед чинами земства для устранения их тягостей; он предлагал им изложить теперь же свои желания, но не двигаться дальше или, по крайней мере, обойти Штутгарт и отправиться в старый лагерь в Неккарскую долину, куда будут возить к ним из Штутгарта все необходимые припасы.

Фейербахер отверг это предложение. Он говорил: «Евангелие, право и справедливость, вейнсбергское дело, восстание всей немецкой нации и происшедшие оттого опустошения и грабежи заставляют нас поступать так, а не иначе; мы намерены овладеть княжеством и потом уже, по достижении этого, мы совершим христианскую реформацию, но не теперь на сейме». Каким же образом эта реформация должна, наконец, совершиться? — спрашивали депутаты. Фейербахер снова указал им на 12 дунайских тезисов как на основание начатого дела и предложил штутгартцам «также отдаться под иго христово».

Он обещал пощадить Штутгарт. Но вышеупомянутые волости, к которым присоединился еще Винненден, решили, что лучше собрать свое собственное войско, чем примкнуть к Цабергейботварскому отряду и стать под его начальство.

На другой день, в воскресенье 23 апреля, крестьяне послали письменное предложение в столицу, в котором ей давалось крайним сроком еще 36 часов на размышление. «По воле божией и из христианской любви, — так писали они, — мы поставили себе целью с помощью всемогущего бога учредить совершенно христианское и мирное войско для установления, поддержки и возвышения слова божия и евангелия, в котором для нас начертаны общественные законы во славу божию, для установления христианских порядков, для защиты, покровительства и для удовлетворения всех нас, и намерены во всей строгости привести это в исполнение с помощью вашей и советов низших чинов земства. Потому предлагаем мы вам и городу, всему управлению и обществу тотчас же или крайним сроком в следующий понедельник к вечеру присоединиться к нашему братству и отдаться под нашу защиту и покровительство. Воспротивившись этому, вы дадите нам повод итти на вас вооруженною силою и принудить вас с помощью божией к соглашению, поступив с вами со всею строгостью, от которой могут произойти для вас весьма вредные последствия».

Уже в Битингейме они показали, что не шутят. Исправляющий должность фогта этого города отказывался написать приказание, в котором требовалось, чтобы жители города и волости примкнули к отряду; его, по приказанию Ивана Вундерера, заковали в кандалы и бросили в тюрьму. Поговаривали о том, чтобы прогнать его сквозь строй. Вождь отряда из Безихгейма выступил и сказал, что если это будет сделано, то он и все безихгеймцы покинут отряд. «Но это необходимо!» — закричал Вундерер. «Вы хотите, — возразил безихгеймец, — руководствоваться словом божиим. Слово божие не велит купаться в крови». Этот ответ и решение Фейербахера спасли заключенного. Мы обеспечим ему жизнь, так решил последний, если он даст письменное удостоверение, что он оставит место фогта.

Фогт аспергский, надеясь на крепость своего дома, безбоязненно мог вести деятельную борьбу с крестьянами. Георг Трухзес, один из лучших полководцев своего времени, обыкновенно извинял распутство своих грабивших и поджигавших солдат следующими словами: «Не надо забывать, что невозможно удержать в порядке подобный народ в подобном походе». Если так говорил полководец, столь могущественный и столь уважаемый в своем войске, то с нашей стороны было бы слишком строго обвинять почтенного родственника одного из членов магистрата, ботварского трактирщика Матерна Фейер-

бахера, за то, что некоторые из его крестьян, несмотря на его приказания и строгость, все-таки выходили на грабеж: иные грабители, быть может, и не принадлежали к отрядам, но пользовались только их близостью для своих частных предприятий. На этих-то мародеров, появлявшихся и грабивших там и сям группами в 10, 12 или 20 человек, усердно охотился аспергский фогт с сотнею своих батраков. «Если бы мне, — так писал он правительству, прислали еще несколько всадников и денег, я бы наделал крестьянам много хлопот: тогда я мог бы сделать то же, что половина всего союза». Такое деятельное сопротивление фогта и близость Асперга сделали начальников отрядов весьма снисходительными к маркгенингенцам, пославшим депутацию в крестьянский лагерь в Битингейм и примкнувшим к братству, им дано было позволение не присылать к ним своих людей, а доставить им взамен того три ведра вина и телегу с хлебом.

Из Битингейма отряд еще с вечера 22 числа двинулся в Саксенгейм; крестьяне хотели поужинать вместе с Рейнгардом Саксенгеймским; оттуда они пошли дальше через Горгейм, для того чтобы стянуть к себе подкрепления из Цабергея, Маульброннской волости и Крайхгау. Здесь, вероятно, присоединился к ним начальник отряда Антон Эйзенгут, эпингенский священник в Крайхгау, имя которого упоминается впоследствии вместе с именем Фейербахера. Затем они повернули опять назад в Файинген на Энце, где они 23 и 24 числа стояли лагерем. Файингенский фогт был также в числе дворян, погибших в Вейнсберге. Уже 18 числа файингенцы писали к австрийскому правительству, что на Неккаре собрался отряд, к которому постоянно примыкают новые, что они боятся нападения крестьян и что получили уже о том предостережения. Они объявили, что они слишком слабы для обороны замка и города, но что они пребывают в совершенной верности; что они просят помощи, потому что их фогт Конрад Шенк фон Винтерштеттен погиб в деле при Вейнсберге, а они люди бедные, рабочие, и ничего в этом деле не смыслят.

Помощь не приходила, а 21 числа пришло требование от крестьян, чтобы послать им 60 человек и военные снаряды. Мнения в обществе разделились; опасались, что почетное гражданство будет принуждено уступить черни, стоявшей на стороне крестьян. Магистрат послал депутацию в крестьянский лагерь с извинением, что жители заняты в полях, и с просьбой об отсрочке. Но тут крестьяне двинулись к самым стенам города, и он должен был пристать к общему делу. Замки крестьяне не тронули, ибо пришло известие из Штутгарта, которое заставило их поспешить в этот город.

Георг Раугеб, штутгартский гражданин, сообщил крестьянам, что городской магистрат и прочие города относятся к ним неприязненно и стараются протянуть время, пока прибудет

в Штутгарт уже находившееся на пути союзное войско. Получив это известие, крестьяне закричали: «Вперед, в Штутгарт!». Утром 25 числа начальники отряда послали из Швибердингена в город объявление о своем прибытии к вечеру в Штутгарт и о том, что они там будут совещаться с магистратом. Они просили, чтобы город озаботился о съестных припасах и чтобы ни в чем не было недостатка. А для того чтобы отнять у столицы отговорку, будто несовместно с ее честью стать под начальство крестьян, они тут же заметили, что крестьяне до сих пор откладывали назначение своих полковников, потому что хотят заместить эти должности членами столичного магистрата.

Уже в Швибердингене крестьяне были вынуждены занять у господина Ниппенбурга несколько штук скота, вина и другие предметы, объявив при этом, что занятое будет современем выплачено. Штутгартские запасы были им теперь очень кстати.

Во второй раз магистрат поспешил послать Матвея Гербера и некоторых других навстречу к крестьянам с просьбою избавить Штутгарт от их постоя. Начальники согласились, и телеги с мясом, хлебом и вином, назначенные для крестьян, уже направились в «старый лагерь в Неккарскую долину», на луга, находящиеся против Берга, а крестьяне уже повернули с швибердингенской дороги по направлению к Канштадту, но тут разразилась над ними ужасная гроза, и потоки дождя и града промочили их насквозь. Тогда они стали искать себе теплого помещения и приблизились снова к столице. Они объявили, что они не намерены ничего предпринимать против его императорского величества, не желают ничьего отпадения от него и не требуют никакой присяги. Вольф Кениг, штутгартский гражданин, без всякого на то полномочия открыл им Сихенские ворота. И таким образом начальники с крестьянским войском вступили в город, в одних возбуждая радость, в других — страх и ужас. Страх этот еще увеличился, когда увидели в числе начальников или их свиты знакомые лица. Между прочими въезжали тут люди, имена которых сделались страшными еще при Вейнсберге. Тут был и Андрей Реми фон Циммерн, который ехал на лошади графа Гельфенштейна и носил на голове его же шляпу с развевающимся пером, и Рорбах, на котором виднелась штофная рубашка казненного. Тут же ехал в числе начальников и Рамей Гарнашер, богатый штутгартский гражданин и трактирщик, друг герцога Ульриха, который уже в 1519 году силился опять ввести герцога в страну, но вместо того сам должен был удалиться. Герцог Ульрих послал его из Мемпельгарда в Цабергей, «чтобы наблюдать, что такое затевается», а начальники приняли его в свой совет. Но были такие — и к ним принадлежали даже некоторые члены комитета и магистрата, — которые с нетерпением ожидали прибытия крестьян.

Комитет и члены магистрата все были в сборе в ратуше, и все начальники крестьян тотчас отправились туда. Матерн Фейербахер повторил прежнее объявление, что они не намерены ничего предпринять против правительства, что они желают только ввести христианский порядок, но что для этой цели необходимо, чтобы вся страна действовала с ними заодно, и что Штутгарт также должен выставить хорошо вооруженный отряд с начальником. Тотчас позвали городского секретаря Илью Мейхнера и приказали ему изготовить около 40 писем, в которых повелевалось городам и дворянам, чтобы они со своими подданными, хорошо вооружившись, примкнули к Христианскому отряду и старались споспешествовать божеским порядкам и справедливости. Затем крестьяне расположились по квартирам. Член магистрата, Гейнрих Габлер, экзальтированный друг народного дела, выдал крестьянам из ратуши 11 шелковых знамен, поместил в своем доме начальника Андрея Реми и приставил к нему сына своего в качестве телохранителя.

В городе крестьяне ничего не трогали. Они посетили только бебенгаузенскую опеку, богатое подворье богатого монастыря Бебенгаузен. Там они проткнули своими копьями семь или восемь бочек с вином, так что вино текло как будто из множества трубочек, и все могли немедленно напиться досыта; но много было пролито в подвалах. Опекун, зная, как дурно крестьяне обращаются с духовенством, убежал и из верного убежища своего просил членов магистрата, чтобы они выдали подворье за свою собственность.

Между тем, некоторые пьяные крестьяне поговаривали, что недурно было бы разрушить все строение, а потому, чтобы избежать всякого рода бесчинства, послали на подворье граждан Лаврентия Аккермана, Павла Венцельгейзера и Петра Траутвейна, которые занялись раздачею плодов и вина. Начальники посылали своих старшин, которые отгоняли крестьян и возвещали при барабанном бое, что строго запрещается брать с подворья что бы то ни было. Обильные припасы подворья пришлись очень кстати комитету. Но настоятель монастыря впоследствии начел 162 ведра вина, 220 четвериков полбы и 800 четвериков овса и требовал от штутгартцев 1 780 гульденов вознаграждения за убытки, потому что они его запасы «своевольно растратили в свою пользу». Он и знать не хотел о том, что штутгартцы спасли его подворье от разрушения; однако, несмотря на неправоту его дела, требование его было уважено.

Со штутгартским духовенством начальники обращались мягко; от всех канонников и обладателей доходных мест потребовали всего 400 гульденов вспомоществования.

Одну духовную особу, проповедника при церкви св. Леонгарда, доктора Ивана Мантеля, они даже выпустили на свободу. Он находился в заточении в Нагольде, и когда началь-

ники Христианского отряда освободили его, он вышел «почти одуревший от тяжкого заключения», так что в письме к Матерну Фейербахеру он этим именно и извиняется, что не может лично явиться и поблагодарить их.

Крестьянское войско оставалось только в продолжение двух суток в стенах Штутгарта. Пока оно еще было в городе, командование заместило некоторые должности по управлению войском — были назначены заведывающие казной, штрафными деньгами и контрибуцией. В числе таких сборщиков контрибуций были между прочими Павел Мерк и Конрад Плис. Они обязаны были назначать и собирать вспомогательные и штрафные деньги, в особенности с духовенства, между тем как другие заботились о поставке провианта, о записывании, сохранении и распределении припасов. Когда Павел Мерк узнал о своем избрании, он стал перед толпой, снял свою шляпу, вежливо поблагодарил за доверие и сказал: «Я делаюсь настоящим епископом. Кто бы подумал, что мне придется оценивать попов». Он так охотно и с таким удовольствием исполнял должность казначея, что его преимущественно стали называть оценщиком попов. В числе старшин упоминается Иван Мецгер из Безихгейма. В отряде был также староста, как и в других отрядах, а именно, Вильгельм Шерер из Марбаха. Старшим писарем отряда был мастер Иоахим из Нордгейма.

В числе многих воззваний, в которых крестьяне требовали присылки людей или объяснений, они послали также от 26 апреля требование к свободному имперскому городу Эсслингену. Этот город, значительный в то время и хорошо укрепленный, уже со времени движения при Вейнсберге находился в состоянии возбуждения. 21 апреля члены магистрата писали Швабскому союзу, что они вынуждены просить у союза о подкреплении, так как крестьяне подходят все ближе и ближе. Город их, писали они, окружен слишком растянутой стеной, защитить ее у них недостает людей, поэтому они прибегают к союзу, рассчитывать на помощь которого они считают себя тем более вправе, что их город принадлежит к союзу и служит резиденцией имперского правления и имперского суда. На следующий день посланный принес отказ, «потому что всякому члену союза приходится защищаться самому. Пусть они обратятся за помощью к имперскому правлению». Вместо подкрепления союз прислал новое требование денег и подтвердил о высылке старых недоимок, оправдываясь тем, что восстание все возрастает. Имперское правление, не считая себя уже в безопасности в Эсслингене, перенесло свою резиденцию в Гейслинген в тот самый день, когда в Эсслингене было получено послание крестьян. Магистрат города ответил посланному вопросом: кто дал крестьянам право обращаться с такими предложениями к свободному имперскому городу? Крестьяне

послали второе письмо: «Мы хотим только знать, как нам относиться к вам, и хотите ли вы придерживаться божеских законов. Напрасно обвиняют нас, что мы хотим отпадения города от императора и упразднения правительства. Мы должны соединиться против чужеземцев, от которых мы можем ждать только беды, как это и было в Вейнсберге. Мы как члены империи желаем только союза с вами, чтобы сообща уберечься от дальнейших обид со стороны чужеземцев».

Магистрат ответил, что крестьянам уже было объявлено, чтобы они возвратились, откуда пришли, и что теперь город может только повторить то же самое.

Магистрат мог говорить с крестьянами таким языком, ибо в Эсслингене царствовало полное согласие. Чтобы и на будущее время удержать простолюдинов на своей стороне, магистрат озаботился, чтобы их щедро угощали. Подворья городского духовенства также должны были уделить для этого некоторую часть своих припасов, а имперское правление выслало городу 200 человек воинов: «Пусть эсслингенцы пока платят им жалованье, это вознаградится им впоследствии» [1].

После этого толпа крестьян напала на монастырь Вейль, лежавший под самым городом и находившийся под покровительством Вюртемберга, и ограбила его, потому что он не хотел заплатить контрибуции. Однако отряд, высланный из Эсслингена, скоро разогнал крестьян, и они удалились через мост около Тюркгейма. Эсслингенский монастырь Сирнау по другую сторону города также был ими ограблен и разрушен [2].

Крестьяне не шутили, когда говорили эсслингенцам о «чужеземцах». Главный отряд их прямо из Штутгарта направился к Ремской и Фильской долинам, чтобы оттеснить вторгнувшийся туда Гайльдорфский отряд [3].

---

[1] Восемь писем и донесений в Эсслингенском архиве.

[2] Эсслингенский архив.

[3] Для восстания в Вюртемберге главные источники следующие: 1) Дело о Матвее Гербере, штутгартском начальнике, допрос свидетелей в двух томах in folio. 2) Уголовное дело о Матвее Фейербахере, крестьянском начальнике из Ботвара, допрос почти 100 свидетелей. 3) Целый ряд писем и донесений. Все это находится в Штутгартском государственном архиве. Там же можно найти об этом предмете хорошую статью в рукописи Гинцлера.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Гайльдорфский отряд разрушает Мургарт, Лорх, Адельберг и имперский замок Гогенштауфен

Когда тауберские отряды возвратились из Шентальского лагеря в Таубергрунд, галльские беглецы со своими начальниками, Леонгардом Зейцингером и Вейднером из Гейслингена и с Фридрихом Филиппом Бауманом из Мюнкгейма, тоже вернулись назад на свою родину. Здесь они увидели, что гайльдорфцы составляли уже огромный отряд, ежедневно возраставший все более и более. По мере того как росло движение в Оденвальде и в Неккарской долине, оно усиливалось и между крестьянами на Кохере, в области лимпургских шенков, и в имперских городах Гмюнде и Галле. Несмотря на увещания своего магистрата, галльские крестьяне снова поднялись и ушли. Успех их братьев во Франконии и в Неккарской долине опять ободрил их, они снова заговорили высокомерным тоном. Крестьяне, сходившиеся из окрестностей на городской рынок, расхаживали по Галлю и указывали на дома, которые, по их словам, скоро будут им принадлежать. Они говорили горожанкам, что и они скоро будут большими барынями. Гайльдорфские предводители и крестьяне ежедневно приходили в город с белыми крестами на шляпах, и магистрат не смел их задерживать. Они навещали своих знакомых и делали заказы. Один кузнец снабдил их пищалями, и один пьяный молодой крестьянин хвастал в одном галльском кабаке, что не пройдет и месяца, как он и его товарищи овладеют городом, прогонят сквозь строй членов внутреннего магистрата, а членам внешнего отрубят головы, граждан заколят копьями, ратников сожгут и из лат их выльют пули, которыми будут обстреливать другие города. Магистрат бросил его в тюрьму, но на другой день рано поутру выслал за городские ворота, прежде чем поднялись ратники, которые разрубили бы его на части. Магистрат самым кротким образом увещевал крестьян подумать о своих женах и детях, заняться дома своей работой и остерегаться таких поступков, вредных последствий которых они теперь еще не могут понять; со своей стороны он подтверждал свое обещание сделать для них все, что только будет возможно. Однако крестьяне, несмотря на это, все-таки покидали жен и детей и шли в отряды. Они надеялись возвратиться домой с богатой добычей, свободными и богатыми, и тогда они думали встретить прием еще более ласковый. Магистрат старался запугать их Швабским союзом, но крестьяне потешались над ним, сочиняли и пели разные иронические песни, как будто союз уже был в их руках. «Где союз? Unser Gurr die gumpt!» «Он запутался в мешке, как кошка», или «он лежит

в Геппингене в колодце с кислой минеральной водой, отбивши ноги при падении».

Между крестьянами и в городе ходила молва, что отряды из Оденвальда и Неккарской долины намерены напасть на Галль. Магистрат, не жалея денег, приготовлялся всеми силами к встрече этого нападения. Всем честным ремесленникам выдавали еженедельную плату в четверть гульдена или около того, чтобы они оставались в городе. Опасались, что они уйдут и в случае нападения нехватит людей, способных к защите; иные притворялись, что хотят уйти, и магистрат был вынужден платить им. Когда же молва о приходе крестьян усилилась, они стали требовать ежемесячного жалованья, и магистрат должен был согласиться. Один из ратников, Ганс Сейтер, привел в самое беспокойное время нескольких солдат из Ульма, Нердлингена и Динкельсбюля, так что гарнизон Галля составлял около 250 человек. Даже сыновья бюргеров требовали денег за то, что остаются в городе. Им объясняли, что они как граждане обязаны защищать город и что нужно слишком много денег, чтобы платить каждому гражданину; им отказали, а самым упорным выдали «несколько грошей на водку». Поэтому некоторые оставили город и перешли на сторону крестьян. Прибывших ратников разделили на отряды и поставили по восьми или десяти человек в каждый дом. Каждую ночь 50 человек в панцырях должны были держать караул в ратуше, где им давали водку, и 50 человек должны были отрядами обходить улицы города. Но сами ратники доставляли магистрату множество хлопот, он должен был выслушивать от них всевозможные претензии; некоторые из них не соглашались принести обычную присягу, если им не выдадут деньги на случай отпуска и тому подобное. Они пьянствовали и в пьяном виде нередко разбивали в кровь друг друга. Чтобы внушить страх крестьянам, «приходившим и выходившим из города», магистрат приказывал носить каждый день по разу или по два через улицы города с барабанным боем и при звуках труб «по 20, 30 или 40» отличных палиц, обитых 4 железными острыми зубцами и кольцами, которые по его распоряжению были поставлены на стенах города для отражения штурма. От времени до времени магистрат делал фальшивые тревоги для того, чтобы убедиться в бодрости и усердии каждого гражданина и ратника. Сборным местом для граждан были городские стены, на рынке собирались ратники, а перед ратушей — остальные. Стены везде починялись. Все эти меры, наконец, устрашили до некоторой степени тех немногих в городе, «которые желали бы побунтовать и овладеть домом командора и другими поповскими домами».

В это время в город пришло письмо от Эрингенского отряда к галльскому обществу. Чтобы возбудить доверие и прекратить на будущее время всякие тайные сношения крестьян

с гражданами, магистрат решился сообщить письмо общине. Ремесленникам было предложено выбрать от каждого цеха по два человека. Эти выборные должны составить комитет для обсуждения письма, так как дела этого нельзя было откладывать, а сбор всего общества потребовал бы слишком много времени. Магистрат старался в особенности налегать на то, что крестьяне намерены внести в город раздор. Цехи отозвались, что они крепко будут держаться магистрата и что они не только ничего не имеют против того, чтобы встретить крестьян каменьями и выстрелами, но даже помогут в этом магистрату.

Магистрат обратился также к Союзному совету в Ульме с просьбою отослать назад городских людей, которые примкнули к союзному войску в Верхней Швабии, так как они нужны теперь для защиты города. Союзный совет отказал. Если, писал он, Галлю будет возвращен его конный и пеший контингент, то это непременно произведет раздор среди других членов союза и весь союз распадется. Магистрат старался добыть самые полные сведения о различных крестьянских отрядах, чтобы быть готовым ко всему. На тот случай, если бы главное крестьянское войско направилось к городу и галльские крестьяне присоединились к инсургентам (как они прямо говорили), решено было наперед послать к ним навстречу некоторых из членов магистрата и большого комитета, которые должны были предложить им мир и потребовать, чтобы они оставили город в покое, так как магистрат надеется, что его подданным не на что будет жаловаться. Магистрат усердно продолжал обнадеживать жителей и делал им различные уступки; он относился к своим крестьянам с дипломатическою тонкостью, хотя втайне давно решился вернуть все старые порядки, «как только удастся опять засадить собаку под лавку».

Однако за прекрасными словами он не забывал и дело и с жаром продолжал свои воинственные приготовления. В городе все было в движении: на стены и башни сносили ружья, порох, фонари, смоляной вар, смоляные и серные кружки, метательные и осадные снаряды; во рвы ставили решетчатые щиты, обитые гвоздями, очищали их; укрепляли стены, устраивали метательные снаряды. Все запасы дров были свезены за город и свалены там в кучи, чтобы затруднить приступ. Ворота и все важные пункты внутри города были заставлены разного рода тяжелыми орудиями; кроме того, ворота и стены были защищены сильным гарнизоном, устроены деревянные бастионы; ворота обиты железом, и повсюду расставлена стража. Главный надзор над воротами поручен или членам совета, или знатнейшим гражданам, которые должны были за всем наблюдать и в особенности предостерегать входивших крестьян воздерживаться от неосторожных речей. Были закуплены большие запасы муки, вблизи города согнан скот,

зерновой хлеб разделен между жителями. Самые искусные упражняли граждан в примерном отражении штурма и показывали им способы обороны; на случай вылазки была приготовлена телега с копьями и другим оружием[1].

Между тем, главная квартира крестьян все еще находилась в Гайльдорфе. В Гайльдорфском лагере можно было встретить крестьян из Логенштейна, Мургарта, Адельберга, Лорха, Гогенштауфена, Гогенрехберга, Лаутербурга, Вассеральфингена, Гогенштадта, Комбурга, Лейнродена, из владений господ Адельмана, Герена, Гердегена, Вестерштетена, Фельберга, Шенлимбурга, Гогенштейна, Риндербаха и ополчение имперского города Аалена. Крестьяне некоторых местностей находились здесь в таком огромном количестве, что могли образовать свои отдельные полки. Так составились отдельные полки: гмюндских, галльских, вельцгеймских, гонгардских, танненбургских, гютлингенских и вейсенштейнских крестьян[2].

Все они собрались сюда, частью теперь, частью еще прежде, во время похода ополчения к Гайльдорфу, но достоверно известно, что крестьяне названных мест находились уже в Гайльдорфе.

Гайльдорфское ополчение не разбирало средств, чтобы принудить к соединению с собою; большинство было собрано в отряд угрозами и насилием.

Между тем как франконское крестьянство выступило (как мы скоро увидим) под именем *черного* ополчения вюртембергские, оденвальдские и неккарские крестьяне назывались в своих документах в противоположность *черному* — Светлым христианским ополчением: предводители Гайльдорфского ополчения подписывались обыкновенно: «Начальники всеобщего светлого ополчения, отбор и совет»[3]. Они объясняли, что составили один христианский союз с целью возбуждения друг в друге братской любви, восстановления святого евангелия, для утешения, пользы и улучшения положения бедных; они говорили, что настала пора покончить со всеми злоупотреблениями, которые выдуманы людьми против бога, святого евангелия и наших ближних и существовали до сих пор на погибель бедным[4]. Напоследок Гайльдорфское ополчение примкнуло к большому Франконскому ополчению.

Язык их требований был гораздо резче, чем у Вюртембергского отряда, они говорили совершенно тоном шварцвальдского послания. «Благородный, милостивый господин», — писали они из Гайльдорфа наследнику шенку священной Римской империи.

[1] Гофман, рукопись; Геролт, рукопись.

[2] Документ находится в собрании прелата Шмида.

[3] Многие документы находятся в гофмановской рукописи и в собрании прелата Шмида.

[4] Послание к шенку Лимпургскому от 22 апреля, в Галль 30 апреля и Гмюнд 6 мая.

«Господину Готтфриду Лимпургу. Наше сильнейшее желание состоит в том, чтобы ваша милость вместе с вашими бедными людьми, с вашею артиллерией и ее принадлежностями немедленно присоединились к нашему Светлому ополчению и обязались письменно и под присягой вступить в наш братский союз. Мы хотим этого для вас же. Мы примем на себя все заботы относительно вашей милости. В противном случае мы будем принуждены силою принудить вас к этому; тогда все, что принадлежит вам, будет брошено на произвол судьбы, и вы лишитесь покровительства законов. При этом мы просим вашу милость доставить нам воз с хлебом, воз с вином и пару быков. Ждем получить все это от вашей милости»[1].

Было утро пятницы, после пасхи (21 апреля), когда крестьяне послали это письмо в замок из города Гайльдорфа. Милостивый господин не ответил им на него. В тот же день последовало второе послание, в котором крестьяне угрожали, что если его милость не присягнет отряду, то они вступят в его землю как в неприятельскую, возьмут имения и добро его, опустошат замок и взорвут его[2].

В тот же самый день они послали приказание к тюнгентальцам Галльского округа, чтобы они и все еще не последовавшие за Светлым отрядом немедленно шли помогать спасать и защищать бедных и восстанавливать божественные законы святого евангелия. Где же приказание не будет исполнено, туда отряд отправит своих людей, которым отдаст их имущество, а сами ослушники будут объявлены вне закона. При этом прилагалось письмо с приказанием пересылать его дальше из одного прихода в другой и отвечать на него под страхом лишения жизни и имущества[3].

Крестьяне отложили исполнение своих угроз владетелям Лимпурга и предпочли поискать добычи в вюртембергских монастырях. Еще перед выступлением удалось им сделать одно приобретение. Начальник галльских пехотинцев Яков Пфеннингмюллер, отозванный своими согражданами из союзного войска, отправился к ним тотчас же по получении послания. Когда он ехал из Гмюнда в Гайльдорф, на него напал при Гисвенде отряд крестьян и взял его в плен. Крестьяне были злы на него. Одни прямо хотели прогнать его сквозь строй, другие сжечь его. Более предусмотрительные убедили большинство, что сохранение жизни такого опытного воина будет им полезнее его смерти. Они взяли его с собою в Гайльдорф. Совет Галля поспешил распустить слух, что он случайно ехал в Гайльдорф, без всякого злого умысла, не желая никому вредить. Но крестьяне все-таки удержали его; он должен был сделаться

[1] Гофман, рукопись.
[2] Выписки г. Лимпурга, сведения из сборника Шмида.
[3] Гофман, рукопись.

членом крестьянского совета и вместе с ним отправиться в Вюртемберг.

Оставив при Гайльдорфе сильный отряд, чтобы наблюдать за владетелями Лимпурга и защищать тыл, они отправились в Бакинг, чтобы сжечь и ограбить тамошний монастырь. Но город скоро присоединился к Светлому христианскому вюртембергскому отряду, чтобы избавиться от Гайльдорфского[1].

Гайльдорфцы напали на Мургарт, богатый древний монастырь, по преданию служивший местом, где спасался набожный король Людовик I Каролинг. Крестьяне опустошили и разграбили его. Аббат заранее отослал в город самые важные письма, грамоты и документы. Затем он бежал и сам с приближенными, когда Мургарт, как и деревни, присягнул и передался отряду. В монастырском архиве крестьяне тщательно разыскивали документы на владение монастырскими землями и все оставшееся еще там изорвали и сожгли; после этого самая церковь была опустошена и разграблена. Яков Пфеннингмюллер советовал оставить в монастыре гарнизон и сделать его укрепленным пунктом, могущим служить защитою в будущем.

Этим он воспрепятствовал им открыть из зданий дружный огонь.

Главным предводителем отряда сделался теперь Филипп Фирлер, фогт Танненбурга. Самое важное значение в крестьянском совете получил священник из Бюллертана Гельд, уроженец Нордлингена. Кроме того, было еще много второстепенных предводителей, советников и фендрихов.

От Мургарта крестьяне двинулись по направлению к Вельцхеймервальду и спустились в Вислауфскую долину. Вислауф течет из Вельцхеймервальда и под стенами Шорндорфа впадает в Ремс. Местность вдоль Вислауфа и на берегах Ремса одиннадцать лет тому назад была главным центром Бедного Конрада. Здесь по течению Вислауфа лежали деревни и Нижний и Верхний Шлехтбахт и Рудерсберг, крестьяне которых во время Бедного Конрада волновались более всех других. Здесь и в Верхнеремской долине до самого Гогенштауфена, в особенности в окрестностях монастыря Адельберга в Геппингенском округе, уже в первые дни, назначенные для начала всеобщего восстания, — 29 и 30 марта 1525 года — собирались клубы и сходки.

Движение началось в Гмюндском лесу, «и их заговор и волнения быстро распространились до Шорндорфа»[2]. Назначенное на 16 апреля нападение на монастырь Лорх не было приведено в исполнение. Яков Бернгаузенский, оберфогт Геппингена, поспешил со своими всадниками к сборному пункту крестьян, арестовал предводителей двух отрядов и удержал про-

[1] Штутгартский государственный архив.
[2] Доклад из Штутгартского государственного архива от 30 марта.

чих от их намерений[1]. Он имел в своем Геппингене хорошую артиллерию, окопы и осадные пушки[2]; он рассчитывал на них и на несколько сотен в округе, остававшихся ему верными. Но что не удалось горсти соседних крестьян, то должно было удасться большому Светлому отряду. Вместо того чтобы итти по долине Вислауфа до ее устья, до ворот Шорндорфа, они повернули налево по дороге через Унтерштейненберг и Пфальброн и там разделились на два отряда, которые подошли в одно время, 26 апреля, один — к местечку Маркфлеккель Лорх, по дороге через Клоцен и Штрайбунгоф, другой — по дороге через Брех и Брух к монастырю Лорх.

Выше местечка, лежащего на самом берегу Ремса, на прекрасной возвышенности Либфрауенберга, лежат развалины старого монастыря Лорх. Монастырь был перестроен из древнего римского укрепления и из замка предков гогенштауфенских императоров, которые в благодарность за усиление своего дома посвятили это место богу. С 1102 года монастырь разбогател и прославился; вследствие роскошной жизни и мотовства он стал приходить в упадок, но богатства его все-таки еще сильно привлекали крестьян. Его теперешние развалины показывают только часть его прежней величины, потому что он был только отчасти вновь отстроен после разрушения.

В то время аббатом монастыря был Себастиан. Услыхав о намерении крестьян, он послал в Шорндорф за помощью. Он писал, что без помощи, с одними своими людьми, он не может отстоять монастыря, что его вассалы не позволяют ему ни стрелять из монастыря, ни бить в барабан, ни распустить знамя[3].

Но начальство Шорндорфа само не знало, что делать. Уже 20 апреля оберфогт этого города, Генрих из Фрейберга, писал австрийскому правительству: «Бунтовщиков в Шорндорфе более, чем преданных слуг; я не могу надеяться сделать что-нибудь без посторонней помощи; я собирал старост округа, и они не сказали мне ничего утешительного; по моему мнению, все крестьяне на один лад»[4].

Судьба монастыря скоро была решена. Его собственные вассалы восставали еще во время Бедного Конрада и теперь вместе с крестьянским отрядом требовали его разрушения. Образ над воротами пресвятой девы Марии с младенцем, перед которым верующие преклонялись в продолжение четырех столетий, потерял свою чудодейственную силу над отрядом. Крестьянин перестал уважать то, перед чем целые тысячелетия преклонялся с трепетом и благоговением. Напрасно каменная статуя старого императора Барбароссы, напрасно изображения

[1] Доклад предводителя Остерабенд.
[2] Штутгартский государственный архив.
[3] Письмо аббата от 26 апреля.
[4] Письмо в Штутгартском государственном архиве.

других князей и героев в одеждах королей и римских императоров грозно глядели на крестьян, — они не обращали внимания даже на мертвых, даже на гробницы великих, прославленных народными преданиями друзей народа, на гробницы Гогенштауфенов.

Монастырь, разрушенный без особенного труда, был разграблен, аббат Себастиан — убит, консистория разогнана, и все документы и письма, в том числе и спрятанные здесь бумаги монастыря Мургарта, сделались добычею пламени, поглотившего старые священные стены. Крестьяне не считали это старинное здание домом господним; они видели в нем древнюю твердыню деспотизма, старую темницу, «жилище дьявола», много веков распространявшее вокруг себя не свет и избавление, а только рабство и отупение. Они не хотели оставить камня на камне, но их бешеная страсть к разрушению была бессильна перед крепостью старой башни и некоторой части большой стены, которая противостояла даже пламени. Лорх был сожжен в первый же день их прибытия. Они пробыли пять дней, от 26 апреля до 1 мая, среди его раскаленных развалин. Отдельные отряды делали набеги в окрестности, и один из них направился к старой королевской крепости Гогенштауфен.

Гогенштауфен, этот прекрасный укрепленный город королевства, принадлежал уже с давних пор вюртембергскому дому. Жители окрестностей Гогенштауфена давно уже были свободными крестьянами; они даже пользовались относительно других известными преимуществами и потому охотно тянули к Вюртембергу; заложенные в XV столетии, они собственными жертвами выкупили свою самостоятельность. По изгнании герцога Ульриха из страны Георг Штауфер Блоссенштауфенский присоединил его крепость с некоторыми деревнями к своим владениям. Штауфер, опираясь на созвучие своего имени с именем знаменитого дома римских императоров, выдавал себя за потомка боковой линии Гогенштауфенов и благодаря тому обстоятельству, что был фогтом близлежащего Геппингена, без труда завладел крепостью. Хотя притязания его и были отвергнуты австрийским домом, однако наместничество в Штауфене оставалось за ним. Сам Штауфер жил в Геппингене, в его же городе управлял фогт Михаил Рейс из Рейссенштейна на Фильзеке.

Местные крестьяне, должно быть, не имели причин любить нового повелителя, так же как его предшественников; в противном случае Иерг Бадер Бебингенский вряд ли решился бы напасть на крепость с горстью людей. Иерг Бадер, главнокомандующий Гмюндским отрядом, вывел из Лархского лагеря 300 солдат с целью сделать ночное нападение на Гогенштауфен. Его сопровождали самые храбрые крестьяне и между ними первые зачинщики движения в этом районе Мюльмихель и Ганс Ник Декингенский. Это были потомки тех самых

крестьян окрестностей Гмюнда, Геппингена и Гейслингена, о которых, более чем о всех других крестьянах Швабии, заботились старые Гогенштауфены. Казалось, старая[1] королевская крепость, расположенная на высокой, со всех сторон обнаженной вершине горы, со своею высокою плитняковой стеною толщиною в 7 футов, с многочисленными крепкими башнями, представляет вполне надежный оплот даже и против правильной осады. Но замок обветшал от своей древности. 23 января того года фогт города потребовал исправления укреплений, и его требование было удовлетворено[2]. Исправления эти еще не были окончены, но все же Гогенштауфен был одним из самых укрепленных пунктов страны и заключал в себе 32 человека гарнизона под командою вице-фогта Михаила Рейса. Иерг Бадер поднялся на гору поздно ночью со своими крестьянами. Впотьмах эта горсть людей была принята за целый отряд, и гарнизон, на который крестьяне навели сильнейший ужас только что пролитою кровью в Вейнсберге, только несколько минут защищался выстрелами, кипятком и камнями. Перепуганные и ошеломленные дикими криками нападающих, свирепствующих в глубокой ночи у стен и ворот, некоторые солдаты совсем потеряли мужество и, без памяти спустившись по стене в менее опасных местах, бежали в противоположную сторону. По иным рассказам, кастелян Михаил Рейс провел этот день у фогта города Геппингена и не успел еще возвратиться на гору, когда крестьяне подошли к ней; по другим — он был во время осады в замке и, одним из первых, прокравшись из него с восемнадцатилетним слугою (оруженосцем) Петером Иостом, бежал в свой укрепленный замок Фильзек близ Геппингена. Народ впоследствии шопотом рассказывал это: «Рейс взбесился и умчался». Те, которым не удалось бежать, перебравшись через стену, попрятались там и сям по углам замка. Караульные у ворот, изменив (или боясь быть убитыми), перебросили крестьянам ключи через зубцы стен. Последние вошли, таким образом, самым легчайшим и прямым путем в ворота; не железом и огнем отворили они их, но обыкновенными ключами. Так как некоторые крестьяне были убиты выстрелами из замка, то победители в отмщение побросали захваченных ими солдат через зубцы вниз по крутой горе. Затем они взвалили на телегу все движимое имущество, находящееся в замке, и отправили его под гору, захватив с собою и ружья, которых при лучшем употреблении было бы достаточно для спасения замка. Опустошив все, они бросили внутрь строений зажженные головни. Был ли лишен этот город в последние годы старинных вольностей, которыми пользовались подданные Гогенштауфенов, была ли попрана его последними господами та свобода,

[1] Urgicht des Mullmichel.

[2] Доклад из Штутгартского королевского архива от 23 января 1525 года.

которую основали древние владетели замка? Нам не случалось встречать где-либо известие, чтобы хоть один гогенштауфенский крестьянин оказал замку помощь, как это бывало в других местах, как, например, это сделали гогенштауфенцы в Гайльдорфском отряде.

Во всей Швабии нет ни одной горы, которая была бы видна с большего числа мест и с более дальнего расстояния, как величественный, уединенный Гогенштауфен. Со всех сторон открытый, он свободно глядит кругом; а к западу взор, брошенный с него, теряется в беспредельной дали.

Скоро к темному ночному небу высоко поднялись, подобно новой утренней заре, столбы пламени, зажженного ревностными крестьянами. Это пламя своим кровавым светом распространяло далеко на все стороны до вершин Шварцвальда, до Рейна и до франконских гор страшную весть о разрушении знаменитой, величественной твердыни Гогенштауфена, некогда бывшего родовым замком славнейших государей и королей, а теперь уже давно опозоренного.

Итак, крестьяне с факелами погребли последний призрак старого величия. Спустя долгое время, через 63 года, камни все еще были красны от этого разрушительного пожара. Между одиноко стоявшими развалинами стен и башен крестьяне возделывали землю, сеяли плоды, и плуг работает теперь там, где некогда, разрушая и повелевая миром, господствовал меч. Теперь гора, на которой стоял замок, совершенно обнажена, на ней сохранилось всего каких-нибудь девять-десять обломков — единственные следы ее бывшего феодального венца. У ног его расстилается цветущая Швабия, чуждая уже и крепостного права и барщины.

Легкое завладение такою важною крепостью крестьяне приняли за явное доказательство, что бог стоит за них и за их дело. Их уверенность росла вместе с распространяемым ими ужасом. Еще из Гайльдорфа они грозили жителям Галля, что они испробуют на их союзниках те же самые меры, которые они употребляли против их братий дворян. 30 апреля Галлю было строго-настрого приказано присоединиться к ним с братскою любовью, в противном случае они будут вынуждены, к крайнему своему нежеланию, предпринять против него необходимые меры. Почти все местные дворяне, даже шенки фон Лимпурги, поспешили принять 12 статей и присоединиться к Христианскому братству. Помня разрушения Мургарта, Лорха, Гогенштауфена, сожжение множества маленьких дворянских поместий, шенки не были расположены дожидаться, чтобы крестьяне «подняли к небесам их замки». Филипп Рехберг, живший в Рамсперге, первый подал пример другим: он присоединился 26 апреля к крестьянам; за ним последовали: Бальтазар Адельман из Адельмансфельдена в Шехингене — 1 мая; Гердеген Гирнхеймский из Вельштайн — 30 апреля;

Эркингер Рехбергский из Рауенштейна и Эрнст Геренский из Герена — 3 мая; Кирин Геркамский из Шпретбаха и Вольф Вельбергский из Вельберга, Вольф Рехбергский из Гогенрехберга — 18 апреля; Бернгарт Риндербахский, Каспар Ротский и госпожа Агнеса Лимпурская, урожденная графиня Верденберг-Гейлигенберг — 1 мая. В тот же день дал запись крестьянам и Вильгельм, владелец Лимпурга, наследственный шенк священной Римской империи, за себя, за своих братьев, сестер и наследников. Все они открыто объявили в представленных письмах, с приложением собственных печатей, «что они совершенно добровольно, по договору со Светлою ратью, обещаются и клянутся ей и всем ей подчиненным принять 12 статей [1], которые были недавно составлены крестьянами, собравшимися у верховьев Дуная, и честным образом, добросовестно исполнять их». Документы эти существуют до сих пор [2].

Гайльдорфский отряд, более страшный по своему внутреннему составу, чем все прочие, потерял по вине своего предводителя почти весь страх, который наводил. Филипп Фирлер, таненбургский фогт, вассал эльвангенского прелата и чиновник его, бывший в это время главным предводителем отряда, состоял, как это доказывают документы (переписка до сих пор сохранена) [3], в тайных переговорах со своим господином и городами Галлем и Гмюндом. Вместо того чтобы теперь итти прямо на Галль и исполнить угрозу, он двинулся с отрядом дальше вперед, на Вюртемберг. Они встретились с большою Светлою христианской ратью, предводительствуемою Матерном Фейербахером.

Образ действий Гайльдорфского отряда не сообразовался с теми планами и намерениями, ради которых Матерн Фейербахер стал во главе движения. Личность этого предводителя Вюртембергского отряда хорошо очерчивается уже тем одним фактом, что ни Гансу Вундереру, ни вейнсбергцам еще ни разу доселе не удалось отклонить его от умеренного образа действий и заставить прибегнуть к насильственным мерам.

Первые известия о насилиях, произведенных гайльдорфскими крестьянами в вюртембергских землях, заставили Матерна Фейербахера направиться туда, где «чужой народ» вторгся в вюртембергские земли. Его побуждало к этому, кроме того, принятое им решение стараться привлекать к себе людей, способных к оружию, из всех округов.

Когда 28 апреля он находился в Вайблингене, туда прибыли послы от шорндорфского общества с просьбою, чтобы скорее итти спасать город от гайльдорфцев. Матерн потребовал, чтобы Шорндорф, подобно другим городам, присоединился к христианской рати. Ратуша и суд ответили ему, что письмо по-

[1] «Время Фершинера».
[2] Тринадцать свидетельств в собрании прелата фон Шмида.
[3] Эльвангенские акты в Штутгартском государственном архиве.

лучено ими только во вторник 25-го, что округ их обширен и они должны посоветоваться не только с городским обществом, но и с окрестными местностями, поэтому они просят дать им сроку до воскресенья, чтобы обдумать предложение. Вместе с этим посланием к Матерну Фейербахеру они написали австрийскому правительству, что всеми силами старались сохранить спокойствие, предупреждать, рассеивать сборища и усмирять беспокойных, но что так как крестьянское дело все подвигается вперед, а союз медлит помощью, то простолюдины, народ малодушный, могут увлечься этим делом. Поэтому они просят немедленной помощи, тем более что стены их в иных местах непрочны, а крестьяне и многие горожане ненадежны. Тюбингенское правительство не прислало ни денег, ни военных снарядов, словом, ничего, кроме письменного извещения, что стольник собирается выступить и чтобы город держал себя пока хорошо и спокойно. Со стороны Матерна Фейербахера было сделано, между тем, новое предложение: немедленно присоединить к его отряду 200 человек. Гайльдорфский отряд, с другой стороны, подстрекал жителей деревень Шорндорфского округа итти за ним в Адельберг. Тогда город, притесненный и запуганный гайльдорфцами, сдался 28 апреля Вюртембергскому отряду. Матерн Фейербахер вступил в него на следующий день, но, не останавливаясь в нем, тотчас же двинулся дальше через Оберкеркен, Нидеркеркен и Ванген к Геппингену и присоединил этот город к Христианскому братству. Яков Бернгаузенский, оберфогт, был другом герцога Ульриха и не относился враждебно к крестьянам; он сочувствовал народу и его положению. Недели две тому назад он советовал правительству оказать помощь крестьянам в их жалобах против дворянства, утверждая, что эта мера будет иметь самые лучшие последствия[1]. Это письмо было написано в великую субботу. Через три дня он узнал, что сын его убит крестьянами в Вейнсберге. Тем не менее он присоединился к Матерну, как только тот явился перед городом и потребовал его сдачи. Даже после, когда движение крестьян стало уже падать, он все еще действовал в пользу их и своего князя. Матерн отказался от предложенной ему помощи гайльдорфцев. «Вюртембергцы, — сказал он, — сумеют сами расчищать монастыри и сундуки». Однако он заручился их содействием на случай столкновения с союзными войсками.

Гайльдорфцы решили выйти из Вюртембергского королевства; 30 апреля они уже отправили посланных в Гмюнд с требованием свободного прохода через этот город, лежавший на их пути[2], но перед самым выступлением они не удер-

[1] Собственноручное письмо его находится в Штутгартском государственном архиве.

[2] Свидетельство находится в Гмюндском городском архиве.

жались и напали на старинный монастырь Адельберг. Эта святая обитель, основанная верным слугою императора Барбароссы, была разрушена преимущественно руками собственных вассалов и крестьян Геппингенского округа. Монастырь был богат и так обширен, что походил на маленький городок. Аббат Леонард Дюрр выехал в Гейслинген еще при первых проявлениях крестьянского движения в окрестностях. Монастырь оставался без всякой защиты, когда крестьяне напали на него. Они пили, ели, брали все, что им попадалось: вино, хлеб и пр., опустошили дочиста амбары и вывезли все заключавшееся в них[1], затем выгнали монахов и принялись за разрушение остальных строений. За стаканами вина бросили они жребий, кому первому поджечь монастырь. Было 1 мая, когда монастырь был зажжен; горел он в продолжение многих дней. Одна только часовня св. Ульриха была пощажена; ее спас один мужичок, «глупый человек»; он со слезами просил о спасении часовни, уверяя, что она принадлежит ему, — где же станет он молиться, если ее сломают? Но, однако, все были довольны. Когда отряд Геппингена погнал из монастыря по дороге прекрасный скот как свою добычу, в Геппингенском округе явился Ганс Клепфер Лауфенский, отнял скот у геппингенцев и погнал его к лагерю Фейербахера. Это приказание было ему дано геппингенскими распорядителями добычи[2].

Монахи, выгнанные из Адельберга, отправились в Геппинген, чтобы отдохнуть в находящемся там подворье их монастыря, но им не позволили остаться в городе: горожане, тянувшие сторону крестьян, сами засели в богато снабженном монастырском подворье. Опечаленные монахи отправились в Иебенгаузен, где переночевав, отправились в Шорндорф, и здесь их очень радушно приняли и содержали с любовью и уважением. Монахи обратились в то же время к Матерну Фейербахеру. Он выставил им ведро вина и отправил в Геппинген приказ: возвратить монахам их подворье, защищать их и снабжать нужною пищею. Но поместившиеся в подворье находили свое помещение слишком теплым и уютным, чтобы уступить его попам, а Матерн был уже слишком далеко, чтобы продолжать свои заботы о них. Лагерь его был уже 1 мая в Кирхгейме, под Теком, и он приготовлялся к встрече с войском Швабского союза.

---

[1] Besoldi documenta rediviva, p. 18, n. XV.
[2] Акты исследования от 1527 до 1553 г.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Соединение Матерна Фейербахера с отрядом из Гейна и из вюртембергского Шварцвальда. Герцог Ульрих — защитник крестьян

Крестьяне Кирхгеймского округа восстали в половине марта во время воинственного карнавала герцога Ульриха. Близ города 19 числа показались толпы, спустившиеся с Альп к Ленингерталю. Фогт не решался произвести аресты, предписанные ему правительством[1]. 24 апреля партия восставших преобладала уже в городе и, после того как фогт бежал, принудила суд и совет выпустить всех арестованных[2]. Ночью с 30 апреля на 1 мая к христианской рати присоединился безоружный Нюртинген, а 1 мая Кирхгейм без выстрела сдался Теусу Герберу, который тотчас же расположился тут[3]. В Кирхгейм спустился и Фейербахер и отсюда как из главной квартиры выслал отряд, который должен был подступить с требованием сдачи сначала к укрепленному Гогенейфену, а затем к городу и замку Урах. Крестьяне не могли даже мечтать о том, чтобы занять Гогенейфен, эту сильную горную крепость. Главные предводители должны были удовлетвориться письменным требованием ее сдачи. В заключение они вежливо просили позволить крестьянам, по крайней мере, занять крепость и заявили, что они хотят только защищать страну от вторжения чужеземцев, с которыми они не имеют ничего общего, чужеземцев, которые запятнали себя в Вейнсберге, Гогенштауфене и во многих других местах пожарами, грабежом и убийствами, тогда как они постоянно удерживали от всяких насилий[4].

Жители Нейфена видели пожар лежавшего вправо от них Гогенштауфена, перед их глазами ежедневно зажигались «огни в Гмюндском лесу, где крестьяне сжигали дома дворян»[5]; им знакома была сила фейербахерской рати, но в то же время им было известно, что она дурно вооружена и что все ее средства к обороне заключаются в тринадцати пищалях, на каждую из которых приходилось не более двух лошадей; кроме того, Дидрих Шпет, кирхгеймский фогт, послал в Нейфен из Ураха подкрепление, состоящее из нескольких солдат и стрелков, припасы и деньги, да и сама крепость была снабжена всем необходимым для двухмесячной осады[6]. По всем этим

[1] Доклад от 19 марта, Штутгартский государственный архив.
[2] Доклад совета от 24 апреля, там же.
[3] Донесение Фюрдерера из Нейфена от 1 мая.
[4] Послание от 2 мая, Штутгартский государственный архив.
[5] Донесение Якова Фюрдерера от 1 мая, Штутгартский государственный архив.
[6] То же, послание правительства от 25 апреля. Там же.

соображениям они не согласились впустить к себе крестьян; к тому же в замке скрывалось несколько бежавших сюда смертельных врагов Ульриха, которые должны были особенно опасаться его мести. Они предполагали, что Ульрих находится в отряде или же в сношениях с ним, так как шпионы им донесли, что большинство крестьян нашило себе красные кресты и оленьи рога, прямо указывавшие на герцога Ульриха[1]. Матерн Фейербахер приказал своим надеть эти значки, приближаясь к гайльдорфцам, вероятно, для того чтобы отличаться от них; олений рог он избрал как старинный знак вюртембергцев, крест — как естественный символ всякой христианской рати, восставшей для распространения евангелия: лучшие люди отряда считали свой поход войною за свободу и за божие слово. Впрочем, многие действительно думали об Ульрихе. Они видели безначалие, возрастающую распущенность, многовластие и опасались, чтобы все это не привело их дело к «дурному исходу и собственной гибели». Они считали необходимым иметь главным предводителем человека, импонирующего своей внешностью, которому привыкли повиноваться, поэтому не прочь были поставить во главе отряда герцога Ульриха[2]. Рамей Гарнашер тоже не бездействовал.

Отряд Матерна за последнее время в самом деле сильно революционизировался. Элементы, которые все прибывали во время похода, начали теперь выходить из повиновения, так что Фейербахеру не всегда удавалось усмирять и удерживать их. Мало действовали в лагере его речи и проповеди, которые он произносил раза по два в день.

В Штоксбергском отряде было слишком много людей вроде Гейнриха Руфа, который при выходе из Кирхгейма близ Неккара, своего местопребывания, воскликнув: «Прокляни вас господь — старым головам не сдобровать!», бросил свое копье на землю и, обратившись к рыцарю Петру фон Либенштейну, сказал, что снимет с него шпоры, так что из пяток у него потечет кровь. Ганс Вундерер, следующий за Матерном в начальстве, сам отличался склонностью к разрушению; уже на пути через Леннингенскую долину к Нейфену, лживость матернова письма к нейфенцам была блистательно доказана пожаром соседнего Тека.

Тек, похожий более на город, нежели на бург, был расположен в виде продолговатого четыреугольника; своими башнями, зубцами, стенами и зданиями он окаймлял широкую вершину горы того же имени. Эта гора, одетая зеленой мантией виноградников, лесов и пастбищ, спускалась гладкою цветущею покатостью к знаменитой по красоте своей долине. Матерн Фейербахер пожалел прекрасный замок своего князя; он

[1] Второе послание Фюрдерера от 1 мая.
[2] Там же.

велел только профосу доставить ему три пушки, находившиеся наверху. Но текские вассалы приступили к Гансу Вундереру, жалуясь, что они должны работать в замке. Им было невыносимо взбираться на эту крутую гору по дурной длинной дороге с припасами, которые они должны, подобно животным, или тащить на своей спине, или навьючивать на свою жалкую скотину. Вундерер без ведома Фейербахера отдал профосу приказание сжечь крепость герцога. Профос вывез из нее три пушки, но не решился зажечь замок и, возвратясь, доложил главному предводителю, что он не исполнил приказания Ганса Вундерера. Матерн похвалил профоса и сильно напал на Ганса Вундерера. Сторонники этого последнего говорили между собой, что Фейербахера следует прогнать сквозь строй. За дело взялся предводитель штокбергцев; он послал туда отряд людей, и вскоре столбы дыма и пламени показали Фейербахеру и всей окрестности, насколько его приказания уважаются вторым предводителем отряда. От прекрасной крепости остались одни только развалины.

Злой дух, кажется, брал верх в Светлом христианском отряде. «Что ты станешь делать со всею этою сволочью?» — говорили Фейербахеру друзья его. Страсть к разрушению заразила многих. Одни разрушили адельбергский двор в городе Кирхгейме; другие же — и между ними, если только верить пострадавшим, предводители и фендрихи из Вейхингена, Ботвара и Шорндорфа — по дороге от Эбершпаха и Рейхенбаха к Нотцингену, в полмиле от Кирхгейма, ограбили дом капеллана, вломились в тамошний дворец Ганса Шпета фон Томана и, разрушив и ограбив все, что было можно, сожгли его...[1]. Отряд считал, что надо сжечь в долине все дома, в которых крестьяне работали на господ.

Особенно ненавистны крестьянам были Клаусы фон Графенек и Бальдекер, фогт Нейфена, и тогда-то был, может быть, брошен первый факел мщения вассалов, зажегший не только их поместья, но и замки многих других дворян, как например, древнее гнездо облагороженного рода Шпербергов — этот огромный замок, обнесенный высокой стеной, развалины которого украшают теперь Леннингенскую долину. Древнее сказание о Wielandstein'е осуществилось в действительности: братская борьба разразилась в прекрасной долине. Три брата — рыцарь, священник и земледелец — вышли как три равные сына из-под отеческого крова. Сначала оба старших брата лишили третьего наследства и обратили его в рабство, потом они поссорились между собой, начали бороться и обижали друг друга; а теперь третий брат, так долго угнетаемый, 500-летний раб, восстал и

[1] Акты расследования в Штутгартском государственном архиве от 1515 до 1527 г. Обвиняемые предводители утверждали впоследствии, что многие крестьяне делали это без их ведома.

поднял меч мести и против духовного и против светского брата. Памятники тех дней являются грозным предостережением и напоминанием о возмездии, о смертном приговоре, произнесенном в хижинах угнетенных.

Больше всего крестьяне были озлоблены на Дидриха Шпета и его гогенурахского унтерфогта Вернера. В понедельник, на другой день после Георгия, 24 апреля, унтерфогт приказал своим слугам привести четырех зачинщиков беспорядков Урахского округа и самого главного велел отвести в Гогенурах. Он написал тотчас же правительству, чтобы к нему в Деттинген выслали палача, так как он намерен пытать в замке одного молодца и надеется узнать от него многое[1]. Дидриху представили еще пойманного проповедника, который распространял новое учение. Он приказал четвертовать бюргера, впустившего его в Урах, а проповедника как бунтовщика повесить, четырех же схваченных и еще одного сперва пытать, а затем обезглавить. К этой жестокости Дидриха побудила ненависть к новому учению, ненависть к крестьянам, ненависть к герцогу Ульриху, но в то же время и желание строгостью запугать город и округ и помешать им присоединиться к восстанию. Город Урах всегда пользовался особенною милостью вюртембергской знати. Он долгое время был местопребыванием вюртембергских графов и потом получил многие льготы и свободу от податей и повинностей. На войну горожане обязаны были выступать только в том случае, если граф сам принимал в ней участие[2].

Город не пользовался такой свободой при управлении Дидриха Шпета; потому он не мог доверять многим горожанам; городской фогт насчитал около 60 из горожан, которые не только сочувствовали крестьянам, но и сносились с ними. Вследствие этого, замечая, что восстание все более и более увеличивается и приближается, Дидрих Шпет изо всех сил старался собрать в город и крепость достаточно сильный гарнизон. Он распродал в Ульме серебряной посуды на 1 000 гульденов и разъезжал всюду, вербуя поселян. Этих наемников он так хорошо содержал, что имел полное право написать, что они все от первого до последнего совершенно довольны и веселы, и их предводители уверяют, будто ничего подобного они не видели ни в одном войске. Вскоре закипела работа. Наемники с жаром и усердием старались укреплять и вооружать все как в нижнем городе, так и наверху в крепости. Первое послание крестьян в город с предложениями, 27 апреля, было оставлено без ответа. 1 мая прибыл второй посол; его встретили насмешками. Однако Шпет, понимая, что дело крестьян серьезно, поспешил послать городского пис-

[1] Запись от 24 апреля в Штутгартском государственном архиве.
[2] Писание от 24 апреля в Штутгартском государственном архиве.

ца Ганса Фоглера к советникам союза, прося помощи, «потому что крестьян много, 10 000 человек или еще больше». Между тем, 2 мая в город прибыл третий посол. Солдаты заставили его «съесть печать с восковою и бумажною оберткою»; его принудили бы съесть и письмо, если бы Рейнгард Шпет не вмешался в дело. Он написал крестьянам, что если они еще раз пришлют послов, то он с ними разделается по-своему и повесит их перед городом. Письмо было адресовано: «Негодяям, называющим себя предводителями и начальниками». Ганс Фоглер, которого Союзный совет послал в Рейтлинген, не получил оттуда помощи. Жители Рейтлингена отвечали, что они по данной присяге не могут отдавать крепостных. Крестьянские роты подошли 3 мая к Эрмсталю и стали перед городом, решив отомстить. Начали уже приготовляться к приступу, но город был спасен прибывшими во-время послами из главной квартиры крестьян, которые принесли приказание всем крестьянским ротам как можно скорее возвратиться в главную квартиру, так как достоверно известно, что войско Швабского союза находится у Балингена и подходит уже к городу. Предводительствуя главною силою отряда, Матерн Фейербахер оставался до 3 мая в Кирхгейме. Отсюда он посылал во все еще медлившие города, точно так же как в Нейфен и Урах, приказания собираться. Мы видели, что даже штутгартская рота присоединилась к отряду 1 мая в Кирхгейме; по приказанию Матерна он был хорошо вооружен пиками и ружьями.

Теус Гербер, предводитель Штутгартского отряда, имел при себе фендрихом Мартина Риттеля. Штутгартский совет и комитет выбрали Теуса Гербера как наиболее способного к этому делу, но он очень неохотно принял эту должность. «Вы знаете, господа, — сказал он, — что я бедный человек, у меня жена и девять человек детей, и я должен оставить их беспомощных?» Совет уверял Теуса, что о его жене и детях будут заботиться. «Положим, господа, — продолжал он, — но ведь я знаю, какую обязанность вы на меня налагаете; если дела пойдут хорошо, то скажут, что все было делом штутгартцев, если же, наоборот, они пойдут дурно, то все падет на меня одного». Совет старался убедить его, что и в этом случае ему нечего беспокоиться, за него будут стоять все. Теус Гербер просил, чтобы ввиду будущих затруднений, по крайней мере, назначили ему двух благоразумных советников, с тем, впрочем, чтобы они не были ни забияками, ни крикунами.

Таким образом, Гербер согласился занять место главного предводителя. Его снабдили довольно значительной суммой денег для покупки продовольствия в пути для отряда и советовали только не связываться с Вейнсбергским отрядом и не предпринимать с крестьянами никаких действий без уве-

домления и согласия штутгартцев — условие, весьма опасное и во многих случаях совершенно неудобоисполнимое[1].

3 мая Фейербахер перевел лагерь в Нюртинген на Неккаре. Светлое христианское ополчение пришло на свою главную квартиру — пустой замок вдовствующей герцогини Елизаветы, умершей за год перед тем. Крестьянское войско быстро увеличивалось здесь целыми тысячами вследствие присоединения отрядов из долин Ремса, Фильса и Неккара, и чем ближе подходило оно к месту встречи с войском Швабского союза, тем более понимали крестьяне необходимость присоединить к себе даже более отдаленные отряды, чтобы усилиться всеми братьями. Городской писец, Илья Мейхснер из Штутгарта, который вместе с другими писцами следовал за главною квартирою, снова должен был рассылать во все стороны приказания соединяться. Матерн Фейербахер послал 3 мая письмо «и к уважаемым мудрым христианским братьям, предводителям, и ко всей рати христианского собрания в Альгау, на Боденском озере и в Шварцвальде». «Пощада и мир, — писал он, — во Христе, нашем господе. Знайте, многоуважаемые христианские дорогие братья, долго терпели мы тяжелые налоги, страх и нужду во всех отношениях, долго подвергалось унижению, посмеянию и оскорблению все христианское братство, долго духовенство и светские власти, вопреки повелениям бога, права и справедливости, заставляли нас переносить все это. Теперь снова Швабский союз собрал всю свою силу и власть, чтобы с помощью огромного войска, пехоты и конницы возвратить нас под прежнее иго. Он долго старался погубить вас, но по милости божией это ему не удалось. Теперь, видя наше приближение, он оставил вас и обратил все свои силы против нас, чтобы воспрепятствовать нам и погубить наше христианское дело. По всем собранным сведениям видно, что когда союзу удастся победить нас, он снова обратится против вас, разобьет все отряды один за другим, и снова нам, нашим детям и внукам придется испытать на себе дворянскую гордость и их жестокие притеснения. Обдумайте все это хорошенько; размыслите о том, какие налоги, тягости и унижение предстоят нам, если мы не одержим верх над врагом. Мы выступили поэтому в поход на помощь и утешение вам и всем христианам, наскоро собрав против союза хорошее войско; и мы просим и умоляем вас подать нам помощь: присоединитесь к нам все как можно скорее, идите, не останавливаясь ни днем, ни ночью; мы уверены, что если вы и другие сильные отряды соединятся с нами, то с помощью божией мы вскоре совершенно избавимся от всех притеснений союза и достигнем тогда полного мира. После по-

[1] Акты процесса Теуса Гербера в Штутгартском государственном архиве.

беды над союзом нам нечего будет бояться каких бы то ни было врагов; с помощью божией мы без опасения приступим тогда и к устроению христианского, братского войска, и будем и мы и наши потомки жить спокойно и мирно, не страдая от несправедливых и богопротивных притеснений. Без вашей помощи нам будет трудно достигнуть этого. Вот почему мы обращаемся к вам, христианам, дорогим братьям, с покорною просьбою принять наше дело к сердцу и обдумать его, и не оставить нас своей помощью, и собраться в Тюбинген»[1].

По этому призыву отдельные отряды из преданных округов поспешили присоединиться к главной квартире для подкрепления центрального отряда. На пути один из них попытался овладеть городом Марбахом, который все еще был занят войском правительства. Крестьяне поодиночке, по двое и по трое, незаметно, под различными предлогами входили в город, пока их не набралось, таким образом, 150 человек. Тогда они стали нахально требовать, чтобы им выдали вина из господского погреба. Им дали его вдоволь, так что они могли вполне насладиться вкусным напитком. Между тем, фогт Михаил Деммлер, городской совет и суд, собравшись в ратуше, рассуждали, как бы избавиться от этой группы крестьян. Услыхали ли об этом крестьяне или подмывало их вино, но они напали на ратушу и стали кричать, что следует выбросить из окон всех советников. Ворваться в ратушу им не удалось, и они снова набросились на вино и продолжали пить его до сумерек, пока, наконец, не заснули один за другим там и сям на улице, под открытым небом. В этот день оберфогта Эйтеля Ганса фон Плинингена не было в городе; он возвратился ночью из своего замка Шаубека и тихонько собрал горожан. С наступлением дня пьяные крестьяне увидели себя окруженными горожанами при барабанном бое и стуке оружий и, прежде чем успели притти в себя и понять, как все это случилось, были обезоружены; полупьяные, испуганные, они молили только о спасении жизни. Их пощадили, но с условием, чтобы они, как ослы, вышли из города через так называемые «ослиные» ворота.

Все округи высылали теперь к ополчению такое же количество хорошо вооруженных людей, какое прежде во время двух нападений герцога Ульриха они доставляли австрийскому правительству. Вот почему предводители нашли штутгартский контингент неудовлетворительным сравнительно с другими округами; они требовали, чтобы совет как можно скорее выслал еще 200 человек.

Но чем больше увеличивалось крестьянское войско внешним образом, количественно, тем более теряло свою внутреннюю силу. Матерн не мог далее править рулем; поток,

[1] Письмо, написанное в среду после Филиппа и Якова.

вышедший из берегов повиновения, бросал его из стороны в сторону и уносил за собою. Хотя ядро войска и состояло из воинственного народа, хотя уполномоченные от городов и округов следовали за ними под общим названием «вюртембергских людей», но все же перевес был на стороне сбежавшегося со всех сторон народа — на стороне грабежа и разрушения. Хорошо понимавший положение дел Теус Гербер, предводитель штутгартцев, скоро заметил рану, разъедавшую Светлое христианское ополчение. Он встретил у виноградников, между Штутгартом и Дегерлохом, 200 штутгартцев, которых вел в виде подкрепления в крестьянский лагерь фендрих Яков Лацарус. «Брат, — сказал он ему, — вот уже 7 дней, как хожу с крестьянами; прежде я думал, что они хотят исполнить божие слово, но теперь вижу, что они мало заботятся об этом, что большинство думает только о захватах и воровстве»[1].

Чтобы устроить военную кассу, Фейербахер спешил собрать все остававшиеся еще не внесенные податные деньги с духовенства. Недоимки числились даже за штутгартскими канониками. Предводители послали им сказать, что если они тотчас же, без малейшего отлагательства, не вышлют в лагерь требуемых денег, то крестьяне принуждены будут принять свои меры, к которым бы им не хотелось прибегать[2]. Эта серьезная угроза произвела должное действие: сборщики податей Светлого христианского ополчения дали «достойным, высокоученым и духовным господам» квитанции в верном получении вспомогательных денег[3].

Послы с предложениями как можно скорее прибыть к лагерю в Дегерлох были также посылаемы к аристократии страны, к тем дворянам, которые клялись крестьянам и получили от них охранные грамоты, и к тем, которые еще не были замешаны в дело. Из Нюртингена Фейербахер с отрядом отправился в Дегерлох через Кенген, Денкендорф и Неллинген. В лагере Неллингена крестьяне взбунтовались против него. Раздражила ли их пощада, которую Фейербахер против их желания оказал монастырю Денкендорф, или он слишком отделился от отряда, или же дошел до них разнесшийся слух о мирных переговорах, которые Матерн, без согласия других, втайне завел с императорским войском в Эйслингене, — но во время стоянки в Неллингене в отряде стали кричать, что «Матерн и священник Эйзенгут ускакали в Эйслинген, что Матерн стоит за союз, что его подкупили, что в Эйслингене у него есть брат священник». Другие утверждали, будто Матерн получил от герцога Ульриха письмо с важными известиями и утаил его, что он изменник. Когда бунтовщики узнали, что Матерн не уезжал в Эйслинген, но уже перевел

[1] Акты процесса Теуса Гербера.
[2] Письмо, написанное во вторник после Misericordia domini 2 мая.
[3] Квитанция 5 мая, Штутгартский государственный архив.

главную квартиру в Дегерлох, тогда они стали повторять только, что он изменник, окружили дом, где он квартировал, и с пиками и алебардами кричали: «Он в сношениях с союзом, надо схватить мошенника и прогнать сквозь строй». Матерн вскочил на дворе на своего большого коня и неожиданно и смело выехал к толпе бунтовщиков. «Друзья мои, — сказал он, — дайте же мне оправдаться перед вами; если мне не удастся, прогоните меня сквозь строй. Тот, кто говорит, что я получил письмо от герцога, лжет, как негодяй». Изумленные бунтовщики молчали. Матерн это заметил и продолжал: «Мы собрались здесь не ради герцога Ульриха; он нас не касается. После бога император наш господин, и ему хотим мы служить. Мы собрались здесь ради слова божия, ради того, чтобы исполнять его и отдать должное всякому, кто пожалуется на несправедливость». Вследствие этой сцены Фейербахер отказался быть в дальнейшем главным предводителем; но никто не хотел взять на себя руководство, и потому никто не принимал у него команды.

Через несколько времени в главную квартиру действительно прибыл посол с письмом от герцога Ульриха. Посол этот, вероятно, искал Фейербахера еще в Нюртингене. Поиски главного предводителя, вероятно, заставили посла запоздать, так что известие о письме от Ульриха успело распространиться в войске прежде, чем посол успел нагнать поспешно подвигающегося вперед предводителя. Матерн принял письмо, и Антон Эйзенгут, став в середину толпы, прочел его вслух громким голосом. Письмо было от 1 мая. До него дошел слух, писал изгнанный и опальный князь Гогентвиль, что крестьяне заняли довольно значительную часть его княжества. Он надеется, что они не предпримут ничего ни против него, ни против прав его на эту землю в стране; но так как они ему до сих пор не давали ни малейших известий о своих намерениях, то он покорнейше просит их послать ему ответ через этого посла.

Поднявшееся вскоре после несчастного исхода его воинственного карнавала всеобщее крестьянское движение снова возбудило надежды Ульриха, и он не оставался бездеятельным. Хотя он уже при самом начале последнего похода тотчас же испортил дело с Гансом Мюллером из Бульгенбаха, хотя во время этого похода вюртембергские округи проявляли большею частью осторожность, герцог лично и посредством эмиссаров снова делал попытки придать движению выгодный для него оборот. Значки вюртембергских крестьян показали, по крайней мере во время последнего похода, «что копья их не пронзят герцога Ульриха!» Когда в первых числах апреля восстали крестьяне Гегау, Баара и Клетгау, поднялся и герцог Ульрих в Шафгаузене, где он в то время находился. 4 апреля он поехал к ближайшим отрядам и просил их помощи, для

того чтобы занять прежнее положение. Отряды объяснили ему, что они не могут сами собой его принять и что ему следует обратиться к Светлому ополчению[1]. Ульрих возвратился и 9 апреля отправил послов в крестьянский лагерь в Бондорф, куда в то время собрались Ганс Бенклер, главный предводитель Гегауского отряда, вместе с Гансом Мюллером из Бульгенбаха. Ульрих просил принять его в крестьянское братство и обещал дать своим подданным все, что будет назначено Евангелическим братством. Ганс Бенклер, как кажется, не относился враждебно к герцогу. Но Ганс Мюллер из Бульгенбаха и шварцвальдцы выразили ему решительное нерасположение и грозили отделиться от гегаусцев и возвратиться назад, если герцог будет принят[2]. Вступить в братство крестьян и следовать за ними желали также швейцарцы, принимавшие участие в последней экспедиции герцога и не решавшиеся возвратиться на родину из страха грозившего им там наказания. Но и им было отказано: их обращение с герцогом во время последнего похода и отношение швейцарских кантонов к крестьянскому делу не внушало к ним доверия. Швейцарцы не пользовались вообще хорошей славой. В народе ходили на их счет разные сатирические песни, вроде того «что швейцарцы всюду все пронюхают, одному изменят, другого продадут, от третьего бесстыдно убегут»[3].

Ульрих, однако, не терял надежды. Пока он поручал своим поверенным стараться расположить гегаусцев в свою пользу; 20 апреля, когда главная квартира отряда была расположена в Гюфингене, Ульрих лично отправился туда в сопровождении 15 всадников и просил снова принять его в братство. Эмиссары уже ранее обещали, что он со своими швейцарцами из Тюргау и Клетгау поможет крестьянам взять Энген, Штоках и Целль, затем они вместе отправятся в Ротвейль, добудут герцогские орудия, остававшиеся там с последнего военного карнавала, и направятся дальше в Вюртембергское королевство. Составили сходку. Ульрих сказал, что он князь, несправедливо изгнанный из своей страны, и что если они помогут ему приобрести потерянные права, он доставит им 300 лошадей и все свои орудия. Крестьяне после некоторого совещания объявили, что согласны оказать ему помощь и принять его в братство, но с тем условием, чтобы он вел свое дело честно, держал себя в братстве, как прочие братья, исполнял их статьи и, после возвращения с помощью их в свою страну, дал бы бедным своим крестьянам все права, перечисленные в этих статьях, и не мстил бы им за прошлое.

[1] Доклад от 8 апреля, в Штутгартском архиве.

[2] Доклад города Филлингена от 11 апреля. Письмо Келлера в Тутлинген, к Стефану Циглеру, от 16 апреля. Штутгартский государственный архив.

[3] Штубензоль, у Бертольда, стр. 113.

Герцог изъявил желание познакомиться ближе со статьями, чтобы, обдумав, дать в непродолжительном времени решительный ответ. С этим он уехал. На следующий день, 21 апреля в пятницу, он возвратился, принял присягу и вступил в Евангелическое братство. Ганс Мюллер и шварцвальдцы двинулись к Целлю; Ульрих присягал перед Гансом Бенклером и гегаусцами в лагере около Гильцингена[1]. Однако он не остался при отряде, а отправился к Твилю, чтобы там собрать подкрепление. В одном из писем своих городу Шафгаузену он оправдывал свой поступок так: «Всем известно насилие и несправедливость, сделанные нам, и наши напрасные протесты против них; поэтому бог и природа позволяют нам изыскивать всевозможные средства для возвращения нашего достояния. Руководствуясь этим и еще многими другими причинами, мы вступили в сношения с крестьянским собранием, находящимся теперь в Гегау и Шварцвальде, получили обещание с его стороны содействовать возвращению наших прав, гарантировать нашу безопасность и достояние. Впрочем, мы намерены поддерживать эти отношения только до тех пор, пока крестьяне будут верны своему обещанию руководствоваться только божескими повелениями и действовать справедливо и честно»[2].

2 мая Ульрих присоединился со своим оружием и 50 всадниками к Гегаускому отряду, стоявшему лагерем в Мерингене. Многие рыцари, бывшие до сих пор верными ему и следовавшие за ним, оставили теперь герцога и не повиновались его приказанию собираться в поход. «Теперь другие взялись защищать герцога, — говорили рыцари, — и они положительно недоумевают, в чем они могут быть ему полезны при таком войске»[3].

Накануне своего прибытия Ульрих послал письма к Вюртембергскому отряду, находившемуся под предводительством Фейербахера.

Мы уже видели, что Рамей Гарнашер, верный слуга и агент Ульриха, сопровождал Светлое христианское ополчение в качестве члена крестьянского совета. В этом ополчении была также партия, сильно расположенная к Ульриху. Она настояла на том, чтобы у каждого порознь были отобраны мнения о письме герцога и о том, следует ли его принять и что ему отвечать. Теус Гербер, предводитель штутгартцев, не надеялся, чтобы необузданная, неорганизованная толпа крестьян могла противостоять многочисленному правильному войску

[1] Доклад Ганса Циглера тутлингенского от 18 до 20 апреля. Доклад Келлера из Балингена от 24 апреля.

[2] Письмо из Твиля от 29 апреля. Из Шафгаузенского архива у Шрейбера.

[3] Письмо рыцаря Сигмунда Цвиккофа от 2 мая, в Штутгартском государственном архиве.

Швабского союза, предводительствуемому таким главнокомандующим, как Георг Трухзес. Он полагал поэтому, что союз с герцогом Ульрихом не имеет в настоящее время никакого смысла. Чтобы не испортить добрых отношений к настоящему правительству, он осторожно пустил в ход этот вопрос. Он напомнил им свою присягу эрцгерцогу Фердинанду и предложил отряду отвечать уклончиво. Большинство было с ним согласно. Герцогу послали такой ответ: «Пусть его княжеская совесть милостиво вспомнит все настоящие страдания крестьян и благодеяния, полученные ими от предков его светлости, пусть он вспомнит и о том зле, которое они терпели ради его светлости; вспомнит, что цель их похода состоит в том, чтобы с помощью евангелической христианской свободы защитить право и справедливость против насилия; что они не думают противодействовать своим законным властям, что не их дело рассуждать, кому по принадлежности должен принадлежать Вюртемберг, и что они никого не желают лишать законных прав»[1].

Прокламации, разосланные еще из Нюртингена по всей стране предводителями ополчения и всего крестьянства и призывающие к немедленному выступлению, были написаны в самых решительных выражениях. В этих прокламациях предводители настаивали на необходимости самого скорого соединения (ввиду угроз Швабского союза) с отрядами в Альгау, Гегау, Шварцвальде, Гмюнде и в других местах; состоялось уже соглашение, и они надеялись, что через четыре-пять дней окончательно покончат с этим делом[2]. Такую уверенность в ополчении поселяли ежедневно прибывшие и ожидаемые подкрепления. По требованию Фейербахера, посланному 28 апреля, отряд «Гейя» соединился со Светлым христианским ополчением еще в Нюртингене, и сильные отряды «сводного отряда вюртембергского Шварцвальда» были уже в пути.

В Гей, т. е. в ту часть Вюртемберга, которая тянется от вюртембергского Шварцвальда через Гернбергский округ до Шенбукса, движение было занесено с Дуная теми отдельными отрядами, которые заняли Фуллинген и отсюда перешли в Амерталь, как, кажется, прежде войска правительства, потому что беблингенский фогт Леонард Брейтшверт доносил уже 7 апреля, что из Бебенгауса подвигается толпа крестьян с белыми знаменами, наверху которых находится изображение господне с распростертыми руками, внизу — божия матерь, а в каждом углу — олений рог, и что всюду носится слух, будто герцог Ульрих на-днях открыто станет во главе восставших. Это были, очевидно, те же самые крестьяне, которые вместе с остатками Лейпгеймерского отряда приняли

[1] Акты процесса Теуса Гербера.
[2] Письмо из Нюртингена от 3 апреля.

перед Фуллингеном теперешние вюртембергские знаки и загадочно говорили об Ульрихе с целью склонить вюртембергцев к соединению с ними; может быть, то были вюртембергцы, которые присоединились к Лейпгеймеровскому отряду из Блауберера и Мюнсингенского округа. Они не атаковали непосредственно Беблингена, но через Шенбух и Брейтенгольц направились к Кайху, заняв сперва в лесу выше Кайха позицию, обеспечивавшую им сообщение с Амерталем, Шенбухом и графством Гохенберг и дававшую возможность беспрепятственно рыскать по Гею, где частью добровольно, частью насильственно присоединялись к ним местные крестьяне. Воинственно выступали они со своими двумя значками, с барабанами и трубами[1]. Потом они спустились в Беблингенский округ и силою присоединили к братству деревни, не пристававшие к ним добровольно. В иных местах, например в Дармсгейме, они не застали ни одного человека: крестьяне покинули жилища при их приближении. Дармсгеймцы, как большинство жителей Беблингенского округа, все еще были обезоружены, так как они сражались за Ульриха во время последнего нападения.

Жители округов Беблингена и Леонбергера при самом начале обратились к правительству, говоря, что они прогонят гейцев, так как между ними много благомыслящих. Но их посол не застал уже никого в штутгартской канцелярии, а 24 апреля леонбергерцы написали в Тюбинген, что их фогт вчера уехал и, вероятно, больше не вернется вследствие всеобщего восстания; что теперь уже от них ожидать нечего, так как они со всех сторон окружены приближающимися громадными силами крестьянских отрядов[2]. Жители Дагерсгейма, сохранившие оружие, попытались было дать отпор натиску крестьянских отрядов, но не имели никакого успеха, и тут же один из дагерсгеймцев, Леонард Шварц, стал во главе отряда. Крестьяне этой страны держались того же правила, как и все прочие: в каждой местности прежде всего заставляли присоединяться богатых; и здесь также можно было видеть в отряде зажиточных бюргеров и крестьян, «никогда в жизни не думавших и не желавших ничего подобного» и часто со слезами бравшихся за оружие, чтобы следовать за отрядом[3]. Многие убегали при первом удобном случае. Вот почему количество людей в отряде, когда он пошел на Мерклинген, не превышало 400—500 человек. Они намеревались напасть на Гирцау.

Эта прекрасная древняя обитель, бывшая некогда рассадником знания и метрополиею множества монастырей, была

[1] Доклад из Гернберга от 8 и 9 апреля.
[2] Многие письма от совета и думы, в Штутгартском государственном архиве.
[3] Там же.

расположена при Нагольде, между Кальвом и Либенцелем. Несмотря на все перемены судьбы и невзгоды, монастырь до крестьянского восстания все еще сохранял значительное величие. Было 24 апреля, когда Леонард Шварц с несколькими отрядами приблизился к монастырю. Он потребовал сначала только вина. Аббат Ганс Шультгейс был в Тюбингене по вызову правительства. Настоятель и монахи спешили удовлетворить страшных гостей хлебом и вином. Из страха и опасения, что за этими крестьянами следует еще более значительный отряд и что они тогда уже не будут в силах сладить с крестьянами, монахи написали правительству, прося совета и подкрепления[1]. В тот же день и в следующие в монастырь действительно приходили толпы за толпами. Разгоряченные вином, крестьяне скоро сделались своевольны и не только грубою рукою опустошили погреб и амбар, но даже добрались и до хозяйственных принадлежностей. Удержать их было невозможно; монастырь в этот раз и позже так сильно пострадал, что убыток его можно определить суммою не менее 14 675 гульденов. Строения, однако, не были повреждены. Чтобы выманить побольше вина, предводители распустили слух, будто герцог Ульрих приближается к ним с 1 000 человек конницы и пехоты.

Жители Кальва были сильно озабочены с тех пор как первые отряды подошли к Мерклингену. Фогт Конрад Лампартер поскакал к Мерклингену, чтобы мирным путем уладить дело с крестьянами. Его переговоры прервало известие, что крестьяне заняли Булахский лес и быстро подвигаются к его округу[2]. Когда крестьяне заняли Гирцау, отстоявший от Кальва всего на $^3/_4$ часа пути, бюргеры решительно не знали, как им быть со своим неукрепленным городом. Совет и суд составили комитет и пытались еще раз прибегнуть к переговорам. Но Леонард Шварц из Гирцау решительно требовал, чтобы город немедленно присоединился к братству, угрожая в противном случае разрушить город при помощи Вильдбергского отряда[3].

Второй отряд собрался на святой неделе в Нейвейлере, недалеко от Вильдберга, и одна его рота 23 апреля распустила знамя в храмовой праздник села. На следующий день они отправились в городок Булах. Фогт этого города слишком долго обдумывал предложение крестьян. Они раскачали бревно на манер тарана, отперли им ворота, отняли у фогта ключи и заставили его дать приказ отпускать им даром пищу и напитки. Предводителем этого отряда был Ганс Гус. 24 апреля крестьяне отправили посольство в Вильдберг. Укрепившись в лесу, крестьяне требовали сдачи города, обещая в таком

[1] Доклад игумена и конвента в понедельник после Георгия.
[2] Письмо фогта от 24 апреля.
[3] Доклады от 25 и 26 апреля.

случае неприкосновенность всех жителей; в противном случае они угрожали взять город силою. Город и крепость были намерены защищаться твердо, и потому не приняли предложения небольшого Булахского отряда. Крестьяне сначала отошли от города, но потом снова подступили к нему, призвав на помощь небольшой отряд из Гейя и сводный отряд из Шварцвальда[1].

Этот отряд, предводительствуемый опытным воином Томасом Майером из Фогельсберга, собрался в вюртембергском Шварцвальде, в окрестностях Зульца, Ротвейля и Тутлингена. Все разбросанные небольшие отряды от Шенбуха до Тутлингена признали Майера общим предводителем. Главная квартира его сперва была в окрестностях Нейнека, откуда они делали набеги на соседние поместья господ Нейнек. Его отряд, между тем, рос с каждым днем. Город Дорнштетен был занят им совершенно так же, как Булах Гусом. Оберфогт Дорнштетена сперва относился к крестьянам с таким же презрением, как и все другие дворяне. «Если бы у меня было только 50—60 человек конницы, — писал он 11 апреля, — я бы живо разогнал бунтующих мошенников». Спустя неделю он должен был сознаться, что к инсургентам присоединяется один округ за другим; несколько дней спустя его постигла та же участь, что и горнбергского фогта[2]. 19 апреля он выехал последний из Штутгарта. У Глатта, невдалеке от Дорнштетена, он наткнулся на крестьянские отряды. Его ссадили с лошади и заставили итти пешком вместе с крестьянами. Наконец, его отпустили, взяв клятву ничего не предпринимать против крестьян в продолжение целого месяца[3]. Такую же клятву должен был дать крестьянам дорнштетенский оберфогт 24 апреля. Фогт Балингена давно уже был в беспокойстве. На святой неделе он послал правительству с курьерами пять писем, одно за другим. Он писал, что к Балингену все более приближаются крестьяне из Гегау и Шварцвальда, что ходят слухи, будто к ним присоединился герцог Ульрих и что он, фогт, уже осужден на смерть. 23 апреля часть округа присоединилась к отряду[4]. Город Балинген имел менее поводов к восстанию, чем прочие местности. Горожане его пользовались большими правами. Но несмотря на пример соседнего Эбингена, откуда никто не бежал в отряды, многие из балингенцев присоединились к крестьянам, и между оставшимися было много сочувствовавших движению или, по крайней мере, герцогу Ульриху. 24 апреля Томас Майер приблизился к городу с отрядом более чем в 3 000 человек. Он послал жителям воззвание такого рода:

[1] Там же.

[2] Донесение оберфогта от 10, 11, 13 и 14 апреля.

[3] Доклады из Дорнштетена и Горнберга, в Штутгартском государственном архиве.

[4] Штутгартский государственный архив.

«Вы должны, подобно нам, — писал Майер, — соблюдать святое евангелие и повеления божии. В последний раз мы предлагаем вам соединиться с нашим братством. Если вы несогласны, вы — наши враги, и мы станем обращаться с вами, как с врагами». Но на этот раз Майер не решился осадить город, сильно укрепленный и хорошо снабженный оружием. Он заставил только окружных крестьян присоединиться к отряду и прошел мимо, направляясь к Розенфельду.

Вблизи этого города только что расположились в виде передового отряда Светлого ополчения лейдрингерские крестьяне и послали в город воззвание. Хотя в Розенфельде было не более 100 вооруженных людей, но они решились «действовать честно» и отвергли предложение о сдаче. Но когда 25 апреля Светлое ополчение в полном составе подступило к городу, расположение умов совершенно изменилось. «Я выбиваюсь изо всех сил, — жаловался фогт, — никто не хочет повиноваться, и каждый действует, как хочет»[1]. Вечером того же дня он объявил правительству о сдаче города: «Нужда заставила их впустить крестьян, с тем, однако, условием, чтобы они ничего не предпринимали против дворян».

Томас Майер поступал так же, как и другие предводители. Каждый город, каждое местечко должны были поставлять определенный контингент. Так, Дорнштетен выставил 34 человека под предводительством Блазиуса Блауса. Только насилием удалось присоединить Безинген и прочие местечки Рудольфа фон Эхингена. Мимоходом крестьяне захватывали бюргеров из городов, оказывавших сопротивление, и уводили их с собой. Так, они увели, между прочим, двух уважаемых граждан Дорнхау; из некоторых местечек, например Глатта, они увели всех крестьян[2]. Уже за шесть дней до сдачи Балингена Томас Майер сделал тоже предложение присоединиться к братству монастырям Альпирсбаху, Книбису и Рейхенбаху. Уже в начале апреля проявилось волнение между вассалами аббатства в Альпирсбахе, основанного в 1095 году при Кинциге, на вюртембергском Шварцвальде, между Фрейденштатом, Горнбергом, Шильтахом и Дорнганом. Несколько бедняков из подданных аббата отправились в понедельник вечером, 10 числа, к своему господину и объявили ему, что они не намерены больше платить зернового налога, и просят, чтобы он был отменен. Аббат Ульрих старался их задобрить обещанием, что он даст им все, что будет мирно и справедливо достигнуто другими бедными людьми Вюртемберга; кроме того, он обещал еще поговорить за них при штутгартском правительстве, королевском суде в Ротвейле или при королевском войске

[1] Два доклада фогта от 25 апреля, в Штутгартском государственном архиве.

[2] Там же.

в Эйслингене и в заключение объявил, что тому, кто вступит с ним в соглашение, нечего опасаться какого-нибудь вреда для жизни, чести или имущества. Он принял такой образ действий, чтобы «как-нибудь с ними справиться», и потому еще, что восстание вспыхнуло в Триберге, во всех окрестностях[1]. С этих пор, по собственному свидетельству аббата, вассалы были ему верны и постоянно обращались к правительству, прося защиты против притеснений других крестьян. Так как ожидаемое аббатом подкрепление не приходило, то крестьяне проводили своего владыку в безопасное место и оставались в монастыре для его защиты до тех пор, пока другие крестьяне не заставили их присоединиться к движению. Это сделал дорнштетенский предводитель Блазиус Блаус. Он вынудил у монастыря присягу в верности, увез в Дорнштетен вино, плоды, более 126 голов скота и оставил в нем 12 человек, которые в продолжение трех недель самовольно там распоряжались. Из Альпирсбаха к отряду присоединились преимущественно жители Рейти, Петерцелля, Ганвейлера и Римлисдорфа; предводителем их был Ганс Блохер из Альпирсбаха[2].

Он и Блазиус Блаус заставили присягнуть в верности и монастырь Рейхенбах. Настоятель этой обители собрал своих подданых еще при начале движения и дружески уговаривал их. Они уверили его, что не подымут восстания, хотя имеют много причин к неудовольствию. Когда восставшие стали приближаться к Рейхенбаху, аббат угнал весь скот и отправил все драгоценности в безопасное место. Около 200 крестьян из Байерсбронна вскоре подступили к монастырю и потребовали вина. Настоятель велел подать им вина и хлеба. За ними последовал отряд дорнштетеров и тоже намеревался расположиться в монастыре, но настоятель отговорился тем, что все места уже заняты первыми прибывшими отрядами, и крестьяне мирно удалились. Между тем, инсургенты, находившиеся в монастыре, перепились и начали грозить. Настоятель приказал поспешно снабдить своих людей всем нужным и, вооружив их, занял ими монастырь. Крестьяне присмирели и удалились. Блазиус Блаус и Ганс Блохер явились в монастырь 29 апреля в сопровождении всего 34 человек; они требовали, чтобы настоятель произнес над евангелием клятву, что он будет стоять за правое дело. Приор сперва колебался, но, наконец, должен был присягнуть, и предводители обещали, в свою очередь, оставить его за это блюстителем монастыря. Потом они переписали все монастырские вещи, чтобы ничего нельзя было вынести из него, и потребовали, чтобы настоятель выдал им угнанный скот. Тот не соглашался. Тогда предводители стали грозить ему. «Поп, — сказал один из них, — и твоя ряса скоро

[1] Доклад аббата от 11 апреля, там же.
[2] Свидетельство аббата в собрании прелата фон Шмида.

будет тебе узка». Им указали место, где стоит скот. Крестьяне отправились туда и захватили почти весь, оставив кое-что только потому, что байерсбронский староста сказал, что несколько голов скота принадлежит, между прочим, ему и его товарищам. Все вассалы монастыря должны были произнести клятву и присягнуть отряду, «что будут стоять за правду, хотя и не будут действовать против господ». Каждой местности было определено число людей, которое она должна была выслать в главный отряд, находящийся под Зульцем на Неккаре. На пути к Зульцу рейхенбахские крестьяне вместе с дорнштетенскими разрушили еще поместья дворян фон Глатт и Диссен[1].

Из Нейнека главный предводитель отряда направил его, по приглашению булахцев, к Вильдбергу. Дорогой он захватил с собой несколько отрядов, собравшихся в Швандорфе и Рордорфе. Все местечки, кроме Гейтербаха и Нагольда, добровольно пристали к инсургентам. Староста Нагольда, узнав, что к городу приближаются три отряда из Гейя и Шварцвальда, созвал общину. Община под клятвою обещала ему оставаться спокойною, но так как ее составляли по большей части совершенные бедняки, то староста просил правительство прислать ему двести мальтеров плодов. В ответ на это он получил 24 апреля приказание выслать в Тюбинген из города и округа десять стрелков. В городе, между тем, только что было получено предложение крестьян, и староста отвечал правительству, что он просит трехдневного срока, чтобы обдумать, может ли он надеяться на помощь, иначе он не будет в состоянии удержаться[2]. Так как помощь не пришла, город должен был уступить силе. После взятия Кальва как шварцвальдцы, так и гейские отряды, к которым присоединились все крестьяне Кальверского округа (и охотнее всех местечки Гехинген и Генгштет), направились к Вильдбергу. Городу грозили штурм и разрушение, поэтому он вместе с близлежащим монастырем Рейтином сдался крестьянам. Вильдберг должен был выставить контингент в 35 человек. Крестьяне из Гейя спустились к Геренбергу, а Томас Майер снова возвратился к Зульцу.

Томас Майер уже подступил раз к горному замку Альпек, высившемуся над Зульцем. Замок и город принадлежали господам Герольдзек. Но замок был мужественно обороняем двумя братьями Гангольф и Вальтером фон Герольдзек, и Томас Майер был принужден удалиться, оставив перед замком и городом только наблюдательный пост. Теперь по Неккарской долине поднялось до 8 000 крестьян и снова осадили Зульц и Альпек. Едва оправившаяся от родов супруга Гангольфа

[1] Доклады города Дорнштетена и игумена Рейхенбаха.
[2] Письма от 23, 24 и 26 апреля, в Штутгартском государственном архиве.

должна была бежать из замка в Гогенгерольдзек[1]. Между инсургентами в отряде были вассалы богатых господ фон Циммерн, в особенности Вильгельма Вернера, жившего в Оберндорфе. В самом городе Оберндорфе была партия, сочувствующая крестьянам. Предводителями этой партии называли Якова Шнеллера и Ганса Затлера; эти два бюргера дошли до того, что обещали отряду напасть, при его содействии, на своего господина и умертвить его. Томас Майер не обратил, однако, внимания на их предложение, а Яков Реннер открыл изменнический умысел людям Вильгельма Вернера, которые передали о нем своему господину, когда он вернулся с рыцарями из поездки в Остдорф. Известие об этом так сильно перепугало барона, что он не считал себя более безопасным в Оберндорфе и вместе с женой своей Маргаритой, ландграфиней лейхтенбергской, отправился в укрепленный имперский город Ротвейль[2]. Туда же еще ранее бежал его брат, живший в Зедорфе и испуганный взбунтовавшимися крестьянами. Против третьего брата, Готфрида Вернера фон Циммерн, также восстали все его крестьяне в Мескирхе. Они жаловались, между прочим, что он набирает слишком много наемников и поденщиков. Господин Готфрид хотел было их задобрить, но это ему не удалось; верными остались только двое — Галлус Гах из Обербигтингена и Яков Фридрих из Гуттенштейна. Даже в самом городе Мескирхе были сильно раздражены против Готфрида. Кажется, анабаптисты много содействовали этому. Всем известен строгий аскетизм первых приверженцев Мюнцера. На одном из собраний в Мескирхе ими было даже сделано предложение изгнать из города всех женщин и девушек легкого поведения. «Дорогие друзья, — вскричал тогда один из присутствующих, — вы намерены изгнать из города всех подозреваемых грешниц, но, поверьте, в таком случае нам придется самим варить себе обед». Поднялся шум. Обидчика сильно побили и потащили через улицу к тюрьме, но господин Готфрид освободил его, говоря, что он не сказал ничего кроме правды. С этих пор отношения барона с жителями и жительницами Мескирха совершенно испортились. Видя повсюду ненависть к себе, и со стороны горожан и со стороны крестьян, Готфрид тоже бежал в древнее убежище своего дома, замок Вальденштейн, расположенный на уединенной крутой скале, подымающейся из волн Дуная. А его крестьяне сделали себе значок с гербом Циммернов и отправились к Нижнегейскому отряду, находившемуся в то время в Ридлингене на Дунае[3].

Циммернские вассалы находились в зависимости от Ротвейля. Конрад Мак, ротвейльский бургомистр, приехал в глав-

[1] *Келлер*, История Зульца.

[2] По хронике Циммерна, рукопись Н. Рукгабера, циммернских графов, стр. 182—185.

[3] Там же, стр. 186.

ную квартиру Томаса Майера над Альпеком и уговорил его отпустить всех ротвейльских и циммернских вассалов, находящихся в его лагере; действительно, многие покинули после этого крестьянскую стоянку, другие же, напротив, остались там, несмотря на разрешение удалиться.

Тут же находился поверенный и советник герцога Ульриха, рыцарь и доктор Фукс фон Фуксштейнер. Он уведомил герцога о всех происшествиях. Весьма жаль, что у нас нет более подробных сведений о деятельности этого храброго и хитрого человека. Еще в 1531 году он отваживался для Ульриха на такие смелые поступки, что даже сам герцог писал, что «не знает, безумен он или в нем сидит дьявол»[1]. Около этого же времени сдался крестьянам город Зульц. Он честно защищался и отворил ворота только тогда, когда крестьяне стали метать в него зажженными стрелами и пламя уже охватило дровяные запасы; многие дома загорелись, пожар грозил всему городу; к тому же орудия осаждающих разрушили часть стены в 147 футов, и крестьяне готовились к общему приступу[2]. Даже после сдачи горожане не хотели присоединиться к инсургентам, несмотря на упреки крестьян, «что они недобрые христиане». Однако все-таки в конце концов они принуждены были подчиниться победителям, которые были до того раздражены сопротивлением города, что подвергли его грабежу, несмотря на уплату контрибуции в 400 гульденов. Замок Альпек тоже был взят и ограблен[3].

Герцог Ульрих, извещенный обо всем этом, писал Фуксштейнеру, чтобы тот всеми силами старался препятствовать Герольдзеку, его злейшему врагу, снова занять город. «Если крестьяне допустят это, — писал он, — они поступят относительно нас не по-братски и не как добрые подданые». Крестьянам Ульрих советовал, «чтобы они, когда придется драться, нападали смелее, ибо от этого многое зависит, и он надеется, что тогда, с божией помощью, все пойдет хорошо»[4].

Тотчас после взятия Зульца к победоносному отряду явилось посольство от Матерна Фейербахера, и Томас Майер снялся с лагеря, чтобы двинуться в Тюбинген. Гейский отряд, между тем, направился через Гернберг к монастырю Бебенгаузен. Богатая обитель сочла за лучшее покориться крестьянам. С 1 мая она начала с ними переговоры и заключила мир на весьма выгодных условиях. В самый монастырь позволено было войти только главным предводителям и их советникам, прочие крестьяне остались частью в переднем дворе, частью же перед ним, куда им было вынесено достаточное количество хлеба,

[1] Письмо Ульриха к Цвингли.

[2] Донесение находится в Штутгартском государственном архиве. *Келлер,* История Зульца.

[3] Циммернская хроника, рукопись.

[4] Письмо герцога, в Штутгартском государственном архиве.

вина и мяса. Одна из хроник уверяет[1], впрочем, что вскоре всякий стал свободно входить в монастырь. Но как бы то ни было монастырь отделался довольно дешево. Хотя дело не обошлось без некоторых повреждений, «однако сравнительно с другими монастырями все обошлось, слава богу, хорошо, — говорится в донесении монастыря по этому поводу; — крестьяне только попортили кое-где наружные здания монастыря, но ничего не разграбили и ушли через несколько часов». По всему можно заключить, хотя монастырь и не сознается в этом, что монахи присягнули крестьянам, за что и те, в свою очередь, обещали «ничего не предпринимать против правительства и не производить разрушений»[2].

После этого Гейский отряд, повинуясь приказанию Матерна Фейербахера, главного предводителя всех вюртембергских крестьян, поспешно удалился к Нюртингену. В Бебенгаузене остался только Леонард Шварц с гарнизоном; отряд же, захватив в Альдингене подкрепления, приготовленные гейцами, отправился вдоль по Неккару к Нюртингену. Дорогой крестьяне из Геттельфингена, Фольмарингена и Беблингена[3] разрушили Некарбург, принадлежавший Гансу Шпенглеру из Рейтлингена. 5 мая Гейский отряд соединился в Нюртингене со Светлою ратью, которая собиралась уже выступить к Догерлоху. Чем более приближался день неизбежного столкновения большого Вюртембергского отряда с войсками Швабского союза, тем более сознавалась крестьянским советом необходимость подкреплений и резерва. Яков Рорбах разъезжал с этой целью по Цабергау за Михильбергом и по окрестностям Асперга, стараясь всюду возбудить и поднять народ, а Антон Эйзенгут, первый советник Матерна Фейербахера, отправился из Догерлохского лагеря на родину, в Крайхгау, чтобы разжечь там потухавшее восстание. 7 мая он распространил по Крайхгау и в Брухрайне прокламации, в которых все принадлежащие к братству приглашались тотчас же вооружиться, сесть на коней и спешить к нему. Сборным пунктом был назначен Гохсгейм — городок, принадлежащий графу фон Эберштейн.

Прежде всех Эйзенгуту сдался Гохсгейм, в котором он устроил свою главную квартиру (как Яков Рорбах в Маульбронне). В непродолжительном времени вокруг него собралось до 1 200 человек. Он отправился в местечко Эппинген, где был священником, и был легко допущен туда; затем двинулся далее к Гейдельсгейму, между Брукзалем и Бреттеном, и взял этот город со всеми окрестными местечками. В воскресенье вечером из Гильспаха, местечка, принадлежавшего пфальцграфу, вышел бургомистр Кристоф Гаффнер в сопровожде-

[1] Швабские заметки Крузиуса.

[2] Донесение монастыря правительству от 1 мая, в Штутгартском государственном архиве.

[3] Акты исследования, в Штутгартском государственном архиве.

нии одной или двух дюжин товарищей, принуждая каждого встречного давать обет вступить в Христианское братство и присоединиться к Светлому отряду Антона Эйзенгута, как тот сам назвал его. В Гильспахе инсургенты захватили также курфюрстский погреб. Винные запасы дворян, дома духовенства и аристократов были опустошены. Затем, усиливаясь с каждым шагом, крестьяне двинулись вперед к городу Сансгейм, который почти тотчас же впустил их. Они бросились в бывшее аббатство, учреждение последнего Гауграфа в Крайхгау, уже с давних пор превращенное в канониат. Дома каноников были большею частью разрушены, и сами они слышали угрозы смертью. Как прежде был разграблен замок господ фон Менцинген, так теперь по дороге к Штейнсбергу подвергся разрушению и огню замок Ганса Гипполит фон Веннинген.

Курфюрст Людвиг письменно обратился к Антону Эйзенгуту, предлагая ему начать переговоры о мире. Он обещал облегчить все тягости. Крестьяне согласились, но дозволили ему прислать на совещание не более 10 всадников. Депутатами со стороны курфюрста были: граф Филипп Нассауский, владетель Висбадена, и некоторые другие пфальцские советники; а со стороны крестьян: Антон Эйзенгут и Томас Рейс и еще несколько выборных. Переговоры затянулись до поздней ночи, и депутаты курфюрста стали обнаруживать беспокойство, чувствуя себя далеко не безопасными среди дерзкой и своевольной толпы. Они опасались даже за свою жизнь; однако все обошлось благополучно. Курфюрст обещал рассмотреть жалобы и облегчить тягости во время следующего ландтага и обязался дать всеобщую амнистию; крестьяне же, с своей стороны, обещали смириться и возвратиться домой.

Горожане и крестьяне вормского епископства, лежащего в середине между Пфальцом и майнцским курфюршеством, также взялись за оружие. В Вормсе епископский престол занимал в качестве администратора пфальцский принц Генрих IV, тот самый, который был пробстом в Эльвангене. Еще в 1524 году в Вормсе восстали горожане. Цехи собрались к епископскому дворцу и принудили соборный капитул выдать документы разных привилегий, полученных епископами от императоров в ущерб городу; члены совета публично, при одобрительных криках народа, изорвали бумаги и бросили в грязь. Епископ оставил город. Совет и бюргеры просили его брата, епископа пфальцского, быть посредником между ними и их епископом. Этот посредник склонялся скорее на сторону граждан, чем епископа. Таковы были дела в Вормсе.

Но не только крестьяне Швабии и Франконии соединились, как мы видели, в одно целое; цель тайного союза распространилась далеко во все стороны; на восток она доходила до самого сердца Австрии, а на юг — до альпийских долин, где итальянское небо отражается в волнах Эча.

КНИГА ШЕСТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Религиозное движение в Восточной Швейцарии

Восстание в Тургау далеко не имело того успеха, какого можно было ожидать в предшествовавшем году: меры, принятые всеми кантонами, мешали его правильному ходу; так что, несмотря на данную клятву, многие должны были отложить в сторону свои длинные секиры, не сделавшись свободными тургаусцами. Волнение в Тургау не прекращалось ни на одну минуту, не доходя, однако, до открытого восстания. Число людей, сочувствовавших новому учению, росло с каждым днем. Из церквей во многих местах выкидывали образа, и как в Тургау, так и в Сент-Галлене, Аппенцеле и Сарганзере анабаптисты делались все возбужденнее и фанатичнее. В Восточной Швейцарии, где большая часть жителей пользовалась гражданской свободой, и очень немногие оставались еще в крепостной зависимости, движение принимало более религиозный оттенок, хотя и здесь политический элемент проявлялся по временам довольно сильным образом. В Тургау постоянно требовали уничтожения или, по крайней мере, смягчения налогов, крепостного права и других тягостей, и фрауенфельдский ландфогт слышал, как крестьяне говорили, что они еще доживут до полной независимости. Тургаусцы составили союз с сентгалленцами, аппенцельцами и сарганцами. В начале 1525 года к новому учению присоединились почти все жители Сарганца и Рагаца. В Амде собрали в кучу кресты, хоругви, престолы и образа и сожгли их[1]. Еще ранее дух нового учения глубоко проник в Аппенцель. Уже в 1524 году некоторые крестьяне открыто говорили, что лютеранство должно быть принято всюду и что если где-нибудь его не захотят допустить, то простолюдины Рейнталя и Тургау силою принудят к этому[2].

[1] Союзное уведомление в понедельник после праздника тела христова.

[2] Союзное решение 1524 г.

Жители Сарганца собирались на сходки и не хотели платить ландфогту поземельных оброков. Во главе их стояли: приходский священник Фогель и его брат валленштадтский староста. Они грозили арестовать ландфогта и взять в плен всех, кого кантоны вздумают пригласить к ним. Как только староста услыхал, что его вместе с братом священником собираются захватить, он тотчас же велел запереть ворота. Вассалы пфефферского монастыря были заодно с крестьянами. Мельзенцы отказали монастырю в десятине. По какому праву, говорили они, папа лишил нашего священника десятины и отдал ее монастырю? Они требовали, чтобы ландгерихт уничтожил это постановление. Правительство не соглашалось на это. Тогда мельзенцы решились привести в исполнение шварцвальдский манифест и уничтожить сперва пфефферское аббатство, потом женский монастырь в Мельзене, а затем уже итти дальше. В каждый приход, до самого Флумса, Валленштадта и Квартена было отправлено по два посла, которые при барабанном бое провозглашали: чтобы все, кто хочет действовать в пользу простолюдинов, явились в назначенный день на место общего собрания; правительственные сословия не нападут на них; бояться этого нечего. Гейнрих Мерр из Квартена обещал привести 200 человек, чтобы помочь разрушить пфефферский монастырь. Однако это обещание не было исполнено. Древние дворянские роды владетелей Верденберга, Сарганца и Верденберг — Гейлигенберга погибли в междоусобных битвах, а их поместья уже более полустолетия как перешли из рук владельцев, обремененных долгами, под власть свободного Швейцарского союза. Крестьяне, однако, не сделались через это свободными. Швейцарцы не могли подняться выше грубого, эгоистического понятия свободы и оставили попрежнему все ленные тягости во вновь приобретенных имениях. Сарганцы и Верденбергцы находили, что они более стеснены под властью свободных кантонов, чем под властью прежних благородных господ, так как ландфогты свободных кантонов держали себя гораздо важнее прежних графов. Такое же стеснение терпели все вассалы сент-галленского духовного князя, гнет которого распространялся и на дела религии и на гражданскую жизнь. Поэтому вместе с требованиями свободы совести они заявили и о своих гражданских правах. Сент-галленцы сходились и составляли собрания еще в начале марта. Потом они отказались платить оброк и десятину и желали возвратить себе право охоты, рыбной ловли и прочие старые льготы, которых они были совершенно несправедливо лишены. Духовный князь, живший в Сент-Галлене, был доведен до такой крайности, что Яков Штапфер, его ландгофмейстер, просил защиты покровительствующих городов, а сам князь должен был выслушать от крестьян предложение вывести свой гарнизон из замка Роршаха, потому что они хотят и должны сами занять

его. Аббат не смел никого наказывать даже за преступления против веры. Поверенный аббата, доктор Винклер, знаток римского права и поэтому уже ненавистный крестьянам, сказал как-то: что будь он господином, он укоротил бы зачинщиков на целую голову. Тотчас же в конце марта крестьяне сделали нападение на дом доктора в Зандбюле и разграбили его. Доктор спрятался под пол. Три дня лежал он там, наконец его нашли, вытащили и взяли в плен, а представителю покровительствующих городов, желавшему освободить его, грозили смертью. Однакоже эти насильственные поступки так не нравились прочим монастырским деревням, что они выдали аббату пленного на его ответственность, до окончательного решения дела.

Покровительствующие города совещались с аббатом о мерах для предупреждения дальнейших волнений и решили по его просьбе, назначить в пятницу на третьей неделе поста 17 марта рейхстаг в Раппершвиле. Вассалы монастыря приехали; и здесь, как и везде, вскоре обнаружилось вероломство дворян, старавшихся только выиграть время; они требовали, чтобы послы крестьян представили новые полномочия и прежде всего письменно изложили свои жалобы на монастырь. Дворяне, постоянно откладывая день суда, дотянули его до мая месяца. Встревоженные общим восстанием соседей, теснивших их со всех сторон, они не торопились однакоже воспользоваться удобным временем для переговоров со своими вассалами. В Люмишвиле 1 мая созвали, наконец, собрание; оно состояло из уполномоченных Рошаха, Госсау, Таблата, Вальдкирха, Люмишвиля, Гольдаха, Унтереггена, Штрубенцеля, Мершвиля, Виттенбаха, Мюллена, Гайсервальда, Штейнаха, Бернардцеля, Ротмонтена, Берга, Рамисгорна, Суммерейя, Зиттердорфа, Кесслиля и Геренгофна. Они требовали, чтобы более никого не брали в заточение, в противном случае это будет считаться преступлением; чтобы были уничтожены ленные повинности и малая десятина; тот, кто захочет получить барщину, яичные и куриные деньги или другие несправедливые налоги, должен письменно изложить суду свое право на то; охота, рыбная ловля, винокурение должны быть свободно предоставлены всякому; монастырь Сент-Галлен и все духовные должны, подобно прочим, платить налоги и подати; аббат не должен впредь давать наследства незаконнорожденным детям и пользоваться преимуществами при аукционе; должники должны содержаться под арестом на его счет, а не на счет кредиторов; денежные штрафы за проступки, совершенные многими, не должны лежать исключительно на богатых. Местные дела не должны решаться им одним без ведома деревень, а общины должны пользоваться правом по своему желанию собирать сходки. Каждая община, кроме этих общих требований, обращалась еще со своими особенными жалобами по поводу лесов, поземельных по-

датей и других пунктов. В случае, если князь Франц Гайсберг не согласится на все это, собрание решилось обратиться к покровительству большого и малого советов Цюриха и Люцерна, совета и ландгерихта Швица и Гларуса и приказало до окончательного решения дела всем сельским общинам приостановить внесение поземельного оброка. Четыре покровительствующих кантона назначили после этого рейхстаг в воскресенье 24 мая, после вознесения[1].

Вассалы Зальцбургского архиепископства гораздо решительнее выступили против своего господина; но зато они и терпели больше притеснений.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вооруженное восстание зальцбургцев против тирании их архиепископа

Зальцбургцы привыкли к гнету уже с давних пор, в особенности же в последние годы на их долю выпадало мало светлых дней.

Уже в 1462 году пинцгаусцы возмутились против незаконно возложенных на них тяжких налогов. Архиепископом был тогда Буркгард из рода Вейсбриаха. Они возмутились, говорит биограф архиепископа, потому что обширные предприятия религиозного и великодушного князя требовали больших средств и эти средства «должны были доставляться его подданными»[2].

В чем же заключались эти огромные предприятия, требовавшие таких расходов? Архиепископ хлопотал в Риме о канонизации какого-то набальзамированного покойника, устраивал канониат, приобрел себе кардинальскую шапку и жил самым блестящим образом[3]. Положение альпийских крестьян стало уже слишком тяжело; они возмутились и разрушили несколько укрепленных замков. Архиепископ обратился к помощи баварского герцога, который вместе с дворянами Георгом фон Гауншпергом, Вильгельмом фон Альм, Вильгель-

[1] Договор в Раппершвиле, рукопись в собрании прелата фон Шмида. *Аркса,* История Сент-Галлена; *Целльвегера,* История Аппенцеля; *Пуппикофера,* История Тургау.

[2] *Joseph Mezgeri,* Historia Salisburgensis, p. 496—497: «Cum res magnae, quas religiosus et magnanimus princeps agebat, pares impensas exigerunt ad quas subditi symbolam conferre debebant».

Нужно прочесть этого Мецгера, чтобы на каждой странице видеть гнусность основных политических положений этих господ.

[3] Там же, стр. 495—496.

мом фон Турн, Траунером и Гартманном фон Нусдорф принял на себя посредничество между крестьянами и их духовным пастырем. В то же время восстали и жители лесов Верхней Каринтии; но они были усмирены. Пинцгаусцы должны были заплатить 2 000 гульденов штрафа.

Пятнадцать лет спустя, в 1478 году, пинцгаусцы были совершенно спокойны, когда крестьяне Каринтии (прежде всего в графстве Ортенбурге), собравшись под предлогом похода против турок, составили союз для своего освобождения и силою принуждали присоединиться к этому союзу крестьян, не приставших к нему добровольно[1]. Предводителя их звали Георгом. Они перешли через Рауризерские Альпы, производя всюду грабежи и насилия. Часть их заняла Гаштейн. Здесь в то время, когда они спали, напившись на веселой пирушке, ночью на них напали пинцгаусцы, умертвили многих и разогнали толпу. Большинство из них погибло от альпийских холодов[2]. Однако поступки архиепископов были таковы, что между крестьянами вскоре снова вспыхнуло восстание. Даже Зальцбург давно уже тяготился своим духовным князем; еще в 1510 году совет придумывал, как бы отделаться от него и выхлопотать у императора для своего города вольности имперских городов. Архиепископ Леонгард, проведавши их намерения, пригласил к себе на обед бургомистра и 20 человек их членов совета и почетных граждан. По обычаю страны они пришли в легкой и щеголеватой одежде. Тотчас же по их приходе ворота дворца были заперты. Они вошли в обеденный зал. Подали роскошный обед; но только что они сели за стол, как тотчас зал наполнился вооруженными людьми: на них напали и в один миг связали всех, в присутствии архиепископа, укорявшего их в неблагодарности и измене. Один из гостей, Шмекенвитц, запоздал несколько к обеду и, подойдя к воротам замка, нашел их уже запертыми. Он рассердился, начал громко браниться и требовал от привратника пропуска, говоря, что тоже приглашен на обед. Тот сделал ему выговор за буйство и шепнул на ухо, чтобы он убирался во-время по-добру да по-здорову, так как «гостям приготовлен в замке скверный суп». Шмекенвитц последовал благоразумному совету и поспешил удалиться из дворца и из города. Князь заметил его отсутствие. «Недаром дано ему такое имя, — сказал он, — небось пронюхал беду своим длинным носом». Гости были перевязаны и в каретах отвезены из дворца в замок. Слух об этом скоро распространился по городу и произвел всеобщее смятение. Архиепископ успокаивал граждан, говоря, что главные заговорщики уже в его власти и что кроме арестованных никто более не будет привлечен к ответственности.

[1] Все рукописи Турса, у Мегизера, Annales Carinthiae, p. 1214.
[2] *Mezger*, Histor. Salisburg., p. 503.

После этого народ, не питавший особенной любви к совету, разошелся. Пленных снабжали в замке кушаньем и питьем, но цепи отняли у них аппетит. В ту же ночь самых предприимчивых между ними связали, посадили в кареты и задними воротами вывезли из замка в Верфен, а оттуда уже в Раштадт. С ними в карете сидел палач с подписанным уже предписанием о их казни. Советники архиепископа, не ожидавшие для себя от этого никаких добрых последствий, в особенности епископ Химзее и аббат св. Петра Вольфганг, начали ходатайствовать за осужденных; архиепископ склонился на их просьбу и милостиво переменил смертный приговор на значительный денежный штраф. Аббат и епископ Химзее поспешили в Раштадт и освободили несчастных. Но холод зимней ночи, заставший их в легкой придворной одежде, и страх смерти подействовали на них самым тяжким образом, так что почти все они вскоре умерли[1]. Архиепископ отнял у города его лучшие имперские привилегии[2]; горожане уже не смели более выбирать себе бургомистра, совет не мог собираться без дозволения архиепископа.

В 1519 году архиепископский престол занял Матвей *Ланг*. Вышедший из бюргерского сословия, патриций свободного города Аугсбурга, из фамилии Ланге фон Велленбург, любимец императора Максимилиана, — он возвысился до звания епископа Гуркского, был сделан потом кардиналом и, наконец, князем одного из самых богатых архиепископств. Ланг пользовался громадною славою, он много лет был министром покойного императора, употреблялся им в качестве посла для ведения важнейших переговоров, слыл постоянно другом и покровителем художников и ученых, но при всем том все-таки это был пастырь без веры и совести, князь, про которого даже его собственные советники говорили, что «только всевозможными хитростями и интригами добился он принятия в монастырь», что «в продолжение всей жизни у него не было ни одного хорошего помысла» и что «он полон всевозможных хитростей, плутней и никогда не был доброжелателем своего народа»[3]. Уже в марте 1525 года ему никто не верил.

Когда Матвей Ланг сделался сперва коадъютором архиепископства, а потом и архиепископом, он обещал и обязался зальцбургским гражданам защищать их привилегии, свободу и старые порядки, не только не обременять их какими-нибудь тягостями, но, напротив, стараться расширить их права. Он

[1] «Божество не пощадило неверных, которых пощадила злоба князя», — сказал биограф архиепископа, игумен Мецгер.

[2] «И справедливо, — полагает этот духовник, — потому что они злоупотребляли ими». Hist. Salisb., 519.

[3] Показания Ганса Гольда, зальцбургского городского судьи, данные им без пытки. Князья и господин знали, что Гольд говорит правду. Cod. Germ. Mon., 4925 f. 232 Yorg, 369.

присягнул в этом, а папа и император подтвердили его присягу. Зальцбургцы поверили и, надеясь на его слова, держали себя относительно него, как верные подданные. Однако Ланг скоро уклонился от своих обещаний и от своей присяги, и зальцбургцы были принуждены восстать в ограждение себя от его насилий. К тому же кардинал яростно преследовал новое учение, к которому зальцбургцы относились очень сочувственно и распространению которого он сам косвенно много помогал. Желая обогатить свою казну и еще более увеличить роскошь усиленными доходами от своих рудников, он выписал в Зальцбург саксонских рудокопов, принявших учение Лютера в самом его источнике. Саксонцы принесли с собою лютеранское учение и лютеранские книги и распространили их между зальцбургцами; с ними прибыло несколько энтузиастов священников и проповедников, в числе которых были: Костенбауер, духовник самого архиепископа, Павел Шпреттер — босоногий монах, Георг Шерер из Раштадта, Мартин Ладингер из Гаштейна, находившийся в переписке с Лютером, и пастор Матвей, державший проповедь в Пинцгау. Кроме того, желая лишить Лютера самой сильной его поддержки и помощи в лице его высокоученого друга августинского генерала-викария Штаупица, — этого постоянно находящегося при нем оракула, как называл его Мюнцер, — кардинал вызвал в Зальцбург Штаупица и вместе с ним — даже против его воли — учение Лютера, его сочинения и письма. Когда кардинал увидал, таким образом, свое архиепископство зараженным новым учением, он стал строго преследовать всех последователей Лютера, кто бы они ни были, граждане или проповедники. Кастенбауер томился в тюрьме от 1521 до 1524 года, затем его выслали из страны; Павел Шпреттер спасся только самым поспешным бегством в 1522 году. Зальцбургцы были сильно недовольны всем этим; но архиепископ только радовался этому недовольству, видя в нем благовидный предлог действовать оружием против недовольных и совершенно подавить их вольности, которые (хотя он и мало стеснялся ими) все-таки не нравились деспоту-князю. Ланг хотел, таким образом, сделаться неограниченным властителем города и всей страны. Он предложил своим доверенным привести из-за границы небольшое войско. «Я хочу, — сказал он им, — напасть и захватить сначала город, а потом уже округ; хочу погубить прежде граждан, затем очередь дойдет и до крестьян». Те с удовольствием приняли предложение князя. Кардинал быстро собрался и поехал к императорскому наместнику, эрцгерцогу Фердинанду, который в то время в Инсбруке принимал присягу в качестве наследника престола. В Тироле он навербовал 6 рот солдат с целью, как он объяснял эрцгерцогу, предупредить восстание и отпадение города Зальцбурга. Предводителем наемников был Леонгард фон Фельс (Vols), главный начальник Эча и бургграфства Тироля. Кардинал на-

правился с ними через Иннскую долину в Грединген близ Ундерсберга, где и расположился лагерем. Граждане Зальцбурга испугались; наверху, в замке, господствующем над городом, жил священник Вильгельм, отличный артиллерист, известный всем своим искусством пускать фейерверки; они боялись, что он из замка подожжет город. Архиепископ угрожал вблизи с 6 ротами. Они «скромно и чинно» просили милостивого и справедливого суда его величества. Кардинал потребовал покорности. Город сдался без сопротивления.

В сопровождении Леонгарда фон Фельса и двух рот кардинал вступил в город, окруженный блестящим придворным штатом дворян, между которыми фон Нуссдорф служил ему маршалом, фон Турн — шенком, фон Альм — стольником, фон Виспек — казначеем. Сам он сидел на белом жеребце; духовного князя воинственно украшали блестящие светлые латы с позолоченными обручами; сверх них был надет пурпуровый атласный воинский плащ, на голове красовалась пурпурово-красная тафтяная шапка, в руке кардинал держал жезл полководца. Так кортеж прошел через Нунталь до хлебного рынка, по направлению к Брадмаркту. Сюда вышли совет и граждане. Когда они увидали архиепископа, они поклонились ему до земли. Бургомистр обратился к нему с речью, на которую тот тотчас же отвечал через своего канцлера резким выговором, «бесчестными, бранными словами, которые он относил ко всему обществу главного города и которыми грубо оскорблял их честь»[1]. Затем он принудил их выдать все королевские льготные грамоты и все данные им документы, вытребовал обещание отказаться от всех их вольностей и прав и впредь быть довольными всеми распоряжениями, которые его милость сочтет за нужное издать.

Все грамоты были, смотря по его желанию, или разорваны или исправлены; он изорвал также старый городской и ремесленный устав, который они и их предки содержали с полным уважением; бюргеры должны были дать письменное обещание, что никогда не будут собираться без приказания князя, что он будет назначать им городского судью, бургомистра и 12 членов совета и будет иметь в своих руках всю городскую полицию. Далее они обязывались выдать ему всех тех, которых он обвинит в намерении отделиться от его власти, и, наконец, приняли на себя все издержки этого похода.

Вследствие таких распоряжений городское население, а тем более бедные ремесленники, еще больше обеднели. Точно так же поступил кардинал и в других городках, местечках и рудниках архиепископства; он ввел много нововведений, обременял народ очень тягостными для него налогами и позволял своим

[1] Письмо Зальцбургской провинции к Георгу Трухзесу. Рукописная хроника у Мегизера, Annales Carinthiae, s. 1316—1317.

чиновникам многое, что почти совершенно разоряло бедняков. Несмотря на то, что доходы были очень велики, аббатство пришло в большой упадок во время правления архиепископа Матвея; расточительность его двора была слишком велика; она была исключительной причиной приращения большого и тягостного долга[1].

С этих пор кардинал начал мощною рукою преследовать проповедников евангелия, он наказывал их тяжелым заточением, оскорблял на каждом шагу, не обращая никакого внимания на их требования открытого суда. Благочестивый священник Матвей не ускользнул от надзора его полицейских агентов; архиепископ осудил его на вечное заключение в Миттерзиле, главном городе Пинцгау, там он должен был погибнуть в тюрьме. Это было в конце 1524 года. Матвея привязали к лошади, сковали ему железными цепями ноги под животом лошади и повезли таким образом в сопровождении чиновников и служителей суда. На дороге в берхтольдсгадском местечке Шелленберг[2] всадники, привлеченные веселым шумом одной гостиницы, оставили пленного одного, а сами вошли в трактир, чтобы сотворить небольшую попойку. Вокруг связанного почтенного священника собрались любопытные. «Будьте сострадательны,— умолял он их, — посмотрите, как я страдаю ради чистого слова божия и правды, за которую я осужден и должен сгнить в мрачной темнице». Стечение народа подле несчастного вскоре сделалось громадным, тем более, что день был праздничный. В гостинице собралось много пировавшего народа. Они тоже услыхали шум и умоляющий голос. Один решительный крестьянин, именно молодой Штокль из Брамберга, стал во главе собравшегося народа, отнял священника из рук приставов и судейских служителей и освободил его под условием, чтобы он тотчас же удалился.

Архиепископ, узнавши об этом, вызвал к себе Штокля и еще одного крестьянина; он жаждал их крови. При его дворе, как и при всех прочих, не было недостатка в придворных юристах, которые сумели бы повернуть закон по прихоти их господина. К таким юристам принадлежал и доктор Фолланд, одна из самых бесславных и преступных личностей в вюртембергской истории; он объяснил князю, что «читал в книгах, будто кардинал совсем не обязан судить обоих пленных законным судом». Все зальцбургцы знали, что уголовный суд архиепископства судил всегда справедливо. Когда вследствие этого Штокль и его товарищ были приговорены к смерти, помимо всяких законных формальностей, то исполнитель приговоров отказался выполнить казнь. Он не может и не должен,

[1] Адрес провинции в воскресенье после дня св. Ульриха.

[2] Показание городского судьи Гольда. Некоторые говорят, что это было недалеко от Зальцбурга в Гартенау; один же источник показывает, что в деревне С. Леонгард, недалеко от Гартенау.

говорил он, казнить этих двух людей, ибо их нужно было первоначально осудить открытым судом. Городской судья Гольд, один из советников архиепископа, доложил об этом канцлеру, Гансу Шенку. Последний советовал городскому судье уладить дело уговорами. «Если же бунтовщик не согласится исполнить казнь добровольно, — сказал Шенк, уснащая свою речь проклятиями, — то его заставят насильно». Но, несмотря на увещания Гольда, тот долго колебался. «Делай, как я тебе говорю, — сказал наконец Гольд, — и предоставь ответственность князю и начальству»[1].

Рано утром, между 6 и 7 часами, пленные были тайно обезглавлены, не на обыкновенном лобном месте, а за замком вблизи дороги, ведущей на площадь аббатства.

Известие об этой казни сильно подействовало на жителей Зальцбурга; они приняли к сердцу это гнусное злодейство, понимая, что его милости может точно так же вздуматься умерщвлять без всякого суда и употреблять подобные же насилия и над всеми другими мирными гражданами[2].

Архиепископ стал поступать так, как будто хотел доказать справедливость их предположений. Один из его чиновников отправился в горы с дозволением употреблять насилия над честными гражданами[3].

Родственники и друзья казненных ходили по долинам и горам Пинцгау и других частей Альп; словами и рассказами возбуждали они жителей к мести за невинно пролитую кровь и к защите честного слова божия; там, где не действовали их слова, действовали финансовые операции, к которым позволяли себе прибегнуть архиепископ и господа, служащие при его дворе.

Кардиналу нужны были деньги, и он совещался со своими приближенными, как бы скорее приобрести 10 000 гульденов; те посоветовали ему сделать принудительный заем у самых богатых зальцбургских граждан. У кого же, спросил кардинал городского судью. Гольд назвал Георга Веннингера и Клецлей. Кардинал, канцлер Ганс Шенк, Вигилиус фон Турн, Эренрейх Траутмансдор и Ганс Гольд были согласны и решили, что вышеназванные граждане должны ссудить их должною суммою, в противном же случае их отправят в замок связанными и пленными и поступят с ними так, что об этом будет немало говору и пересудов. Таким же образом они хотели сделать принудительный заем приблизительно в 1 000 гульденов и у некоторых из дворян, как то: у Ганса фон Альма и у Кристофа Граффа; в случае упорства с ними сделают то же, что и с бюргерами[4].

Это была только частная финансовая операция. Главная же распространялась на всю страну. Нужно было взять со всей

[1] Показания Ганса Гольда. Рукописная хроника.
[2] Адрес Зальцбургской провинции.
[3] Там же.
[4] Показание Ганса Гольда.

страны 30 000 гульденов. Кардинал собрал всех своих советников. Прелаты и высшие духовные лица, которые при общем налоге должны были тоже платить, отговаривали князя от общего податного обложения и советовали ему собрать эти 30 000 гульденов посредством особых финансовых мер, не касавшихся привилегированных сословий. Кардинал принудил округ к тяжелому денежному налогу без малейшего на то права и без всякой потребности для страны, которая одна могла бы оправдать это беззаконие[1].

При совещании о сборе вышеупомянутых 10 000 гульденов канцлер Ганс Шенк советовал, в случае неудачного сбора с граждан, употребить в дело серебряные образа и напрестольную пелену собора. Ганс Гольд был с ним одного мнения; кардинал же, кроме займа в 10 000 гульденов, 30 000 гульденов и других денег, взял и все драгоценности церкви вместе с напрестольной пеленою и увез к себе в замок. Даже сам казначей Питтербергер заговорил теперь против Гольда: «Таким образом и страна и люди потерпят убыток»[2].

Город Зальцбург волновался. Видя такие поступки князя, граждане считали себя в праве жаловаться на его деспотизм.

Кардинал полагал, что он имеет право поступать так, и потому решил прекратить неудовольствие граждан, пока оно еще не перешло в открытое неповиновение. Он снова собрал отряд из 500 чужеземных солдат. Ганс Шенк, канцлер, подал мысль созвать городское население в воскресенье, в огороженное место, окружить его солдатами, поймать непослушных, связать их и отвести в замок. Затем он велел барабанным боем собрать к своему дому войско, часть которого квартировала в конце города.

Население и прежде не ожидавшее ничего хорошего от князя, не соглашалось теперь собраться. «Вы испугали граждан перемещением войска, — сказал Ганс Гольд канцлеру, — теперь они не идут на огороженное место». «Лишь бы только мой господин следовал моим советам, — отвечал Шенк, — уж я их всех соберу в кучу; если они забудут долг своей присяги, то я их всех сожгу и из замка спущу огонь в их дома». Но двор не решался еще в то время употреблять насилие[3].

Архиепископ попробовал даже внушить священству осторожность, чтобы хотя с этой стороны не раздражать народ. Но так как он все-таки не принял настоящих мер для примирения с народом, не хотел сознаться в своих несправедливостях и отказаться от них, то и над ним оправдалась поговорка благочестивого Себастиана Франка, что «тиранство всегда справедливо наказывается возмущением; одно влечет и родит за собою

[1] Показание Ганса Гольда. Адрес округа.
[2] Там же.
[3] Там же.

другое, а именно: тиранство — возмущение, а возмущение — тиранство»[1].

Народное восстание, приготовлявшееся и усиливавшееся в продолжение всей зимы, разразилось, наконец, со всех сторон. Прежде всех возмутились работники и рудокопы, которых лишили их прежней свободы и которых архиепископ глубоко оскорбил, так грубо коснувшись их верований и их совести; они собирались и проводили целые дни около церквей или в самых церквях; они требовали чистого слова божьего и возвращения старых прав.

Крестьяне Гаштейна, знаменитой долины, славящейся красотами своей природы и теплыми целебными ключами, собрались в местечке Гаштейн предъявить те же требования, что и крестьяне других частей Германии. Удивительно, что, несмотря на то, что движение совершалось в исходе апреля, знаменитые 12 статей Верхней Швабии еще не были приняты в виде манифеста крестьянами этой альпийской страны, однакоже в своих требованиях они немного уклоняются от этих статей: кроме требований, общих с верхнешвабскими, они представляли еще свои местные. Они приняли 14 пунктов. Тут также на первом плане стояли «слово божие и евангелие», они хотели, чтобы оно проповедывалось им без всяких человеческих прибавлений, хотели сами выбрать себе священников, которых никакое начальство не смело бы сменить без уважительной причины. Затем они требовали уничтожения всех тяготевших над ними мелких податей, как то: подати посвящения, рыцарской подати, которую еще до сих пор должны были платить при обряде посвящения в рыцари какого-нибудь помещика, свадебной подати при бракосочетании кого-нибудь из его детей; требовали отмены мортуариев, мелких десятинных сборов; тридцатый же сноп, как справедливый процент, должен был платиться. Они требовали правдивого суда, требовали, чтобы судья произносил приговор без землевладельцев и их чиновников, требовали, наконец, правильной починки дорог для облегчения торговли и проезда.

Они разослали из Гаштейна вестовых в Раурис, в Виндишматрей, в Раштадт, во все округи, требуя присоединения к Евангелическому братству, к Христианскому союзу. Давно уже, писали они, дурно и мало проповедуется святое евангелие и слово божие; простолюдин вследствие этого заблуждался, и духовенство присвоило себе столько прав, что совершает теперь массу злоупотреблений. Так как повсюду начинается волнение, может быть, по воле божией, которая хочет обуздать несколько власть господ, в особенности же духовных, — то они хотят братски соединиться, чтобы постоять за слово божие.

[1] Себастиан Франке в своей хронике, а не Гнодаль, как многие думают. Гнодаль жил позже и только выписал это место из Франка.

Гаштейнцы выбрали себе в главные предводители Вейтмозера, богатого фабриканта из Гаштейна, и Каспара Праслера, воина из Брамберга. Восстание скоро распространилось по всем долинам архиепископства и частью самостоятельно, частью с помощью эмиссаров спустилось из Зальцбурга по Эннской долине в пять австрийских герцогств, потом в Штирию, Верхнюю Австрию и Каринтию.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Крестьяне и рудокопы пяти австрийских герцогств вступают в Христианский союз

Несмотря на то, что природа богато одарила Зальцах и в особенности Пинцгау, представляющийся весь одним сплошным прелестным парком, несмотря на обилие ключей, озер, рек, лугов, садов, гор и лесов, украшающих долину Гаштейна, — и здесь низший класс, городской и сельский, был вынужден к вооруженному восстанию.

Несправедливость и роскошь, господствовавшие в верхних слоях общества, при дворе самого князя, разрушительно действовали на жизнь, честь и веру простолюдина, они отнимали у бедняка даже тот единственный источник его утешения — евангелие, который именно и был предназначен для нищего и убогого.

Иную картину представляли австрийские герцогства; не так щедро одаренные природою, они пользовались зато изредка вниманием своих князей. Но здесь был другой источник угнетения: народ терпел здесь от дворян, духовных, придворных, высших и низших чиновников, которые из своекорыстных видов злоупотребляли доверием народа и удаленного от него князя.

Эти пять австрийских герцогств были все еще достаточно богаты солью, рудами, пастбищами, полями и неистощимыми лесами, которые с избытком могли вознаграждать труд и дать средства к жизни беднейшему жителю. Кроме того, в политическом отношении крестьяне здесь были до первой четверти XVI столетия сравнительно гораздо свободнее, чем в большинстве других стран.

Присутствие императоров, которые в последние столетия только на короткий срок покидали свои наследственные владения, само собою вело к уменьшению несправедливых притязаний и того самоуправства, с которым относились к простолюдинам дворяне других местностей. Правосудие этой страны было сравнительно правильнее и строже,

и уже поэтому положение крестьян не могло сделаться вполне рабским, как это было почти везде в Германии. Здесь было еще много крестьян, пользовавшихся личною свободою и владеющих своими наследственными имениями; но даже и несобственники, даже и зависимые крестьяне в продолжение многих столетий находились в весьма сносном положении; они были обеспечены твердыми законами, общество имело право выбирать судей, имело присяжных, оно пользовалось отчасти самоуправлением и несло подати, хотя и значительные, но все-таки гораздо меньшие, чем где-либо. Чтобы убедиться в этом, достаточно бросить взгляд на некоторые частные стороны быта австрийских крестьян.

Поземельный налог, например, не мог быть возвышаем владельцем, вследствие улучшения имения, но, с другой стороны, пользующийся землею не имел права на уменьшение этой подати, несмотря ни на какой неурожай; неосвобожденный от барщины (Robothen) крестьянин употреблялся помещиком только как помощник в сельских работах.

Только в крайнем случае хозяин имел право требовать от своего крестьянина необычной работы, как например охранения своего замка; он никогда не смел мешать крестьянину в его хозяйственных занятиях, и когда вассалу приходилось работать на своего господина, то последний должен был давать ему хлеб и другое необходимое продовольствие, а также корм его лошадям и волам.

Высшие суды были обязаны устранять злоупотребления, и все спорные дела решались на основании письменных документов. Некоторые из самых ненавистных феодальных повинностей были здесь вовсе неизвестны. Однако и австрийские крестьяне платили так называемые «посмертные деньги», по пяти процентов со всех необремененных долгами движимых и недвижимых имуществ каждого умершего; впрочем, это не распространялось на имение оставшегося в живых супруга; также исключалось из налога завещанное имущество, полевые и земледельческие орудия, одежда и тому подобные вещи. Каждый, платящий подать с наследственного поместья, имел право свободной продажи этого имения, но не иначе как другому благонадежному крестьянину. При обмене имущества или при переходе его по наследству, хотя бы даже от отца к сыну, непременно должна была вноситься владельцу известная пошлина, 5% с имущества, по предыдущей его оценке (Pfundgeld, Laudem). Каждый вассал имел право свободного выхода, но это переселение было возможно только по уплате всех долгов. Помещик имел право прогнать крестьянина с владеемой им земли только в таком случае, если бы тот в продолжение нескольких лет не исполнял своих обязанностей. Каждый помещик, кроме того, должен был аккуратно вести поземельные книги и по временам на свой счет устраивать собрания для их по-

верки. В эти книги должны «с доказательствами вноситься и вслух внятно прочитываться» имена всех владельцев наследственно-цензовых участков, платящих подать, все перемены, добровольно признанные обязательства, права и имущества подданных и оценка имущества.

Такими преимуществами пользовались австрийские крестьяне в сравнении с земледельцами других стран, но и твердые законы не могли защитить их от злоупотреблений дворян и духовных, которые сделали, наконец, невыносимыми их сначала хорошее положение и вынудили крестьян вооруженною рукою оборонять свои вольности[1].

Их просьбы, их законные требования, обращаемые к самым высшим правителям, не имели никаких результатов. Они добились только оскорбительного отказа. И вот в 1515 году возник, как мы уже видели, Виндский союз с его лозунгом «стара прува», старое право. Сигизмунд фон Дитрихштейн разогнал этот союз, повесил множество пленников, казнил десять начальников, 15 зачинщиков и 136 крестьян. В Греце со многих он велел содрать кожу, сажал на кол и четвертовал крестьян[2], но ни одна из жалоб — единственных причин восстания — положительно ни одна не была удовлетворена.

В 1523 году само правительство должно было сознаться, что старые права были во многом нарушены. что большинство господ и чиновников притесняет бедных крестьян, что все это следует изменить и восстановить добрый порядок в Каринтии и в Крайне[3]. В 1524 году явились реформы на бумаге, но они так и остались только на бумаге.

Таково было положение и настроение этой части Австрии, когда сюда были занесены семена нового евангелия. На поэтических жителей Альп всего более подействовали полные гармонии песни Лютера, те песни, которые, по словам иезуитов, погубили более душ, нежели все сочинения и проповеди реформатора. Легче было изгнать проповедников и истребить сочинения, чем уничтожит песню, которая быстро и неудержимо разносилась по свету странствующими ремесленниками, распространяя с собою и дух нового евангелия.

Скоро в Штирийских Альпах и австрийских долинах раздавалось: «Eine feste Burg ist unser Gott» и «von Gott will ich nicht lassen»; нищие пели перед дверями: «Es ist das Heil uns kommen her», и архиепископ Матвей Ланг жаловался, что нищие и другие люди открыто поют на зальцбургских площадях еретиче-

[1] Сравни поучительные рассуждения Бухгольца о положении дел крестьянского сословия в Австрии в «Истории Фердинанда I»; VIII, стр. 1—88.

[2] Aquilini Julii Caesaris Annal. Styriae, III, 666.

[3] Предложение новоустановленного совета (Rathkammer) у Бухгольца, VIII, 240.

ские песни, соблазняют этим народ и вообще приносят много вреда[1].

Итак, эмиссары Евангельского братства и тут нашли почву, достаточно приготовленную для их целей. Апостолы нового евангелия явились сюда из соседней Швабии и при помощи живого слова и письменных сочинений быстро распространили влияние Христианского союза в Штирии, Верхней Австрии и Каринтии. Работники на виноградниках между Веною и Нейштадтом проявляли опасное и угрожающее настроение. Эти виноградари составляли большинство населения окрестностей столицы, где возделывание винограда было главным источником благосостояния[2] граждан; частью это были пришлые чужестранцы, частью туземные работники, составлявшие правильно организованную артель.

В половине мая 1525 года высшие власти проведали, что между ними существует союз до того обширный, что в продолжение 8 часов они могут собрать от 10 до 12 тыс. человек[3]. Евангелие и Евангелический союз имели также достаточно приверженцев среди многочисленных работников соляных копей и различных рудников, железных, серебряных и ртутных. Эти работники, в особенности же рудокопы, были здоровые, закаленные люди, привыкшие к оружию, и каждый из них стоил доброго солдата.

Эрцгерцог Фердинанд находился в Тироле и тут пытался переговорами предупредить восстание или по крайней мере ослабить его, растягивая переговоры. Он составил сначала в пяти герцогствах сословный совет, чтобы сообща посоветоваться о том, как поддержать христианский мир ввиду зарождавшегося восстания. Собранный в Линце, в Верхней Австрии, ландрат из господ и рыцарей, называющийся земством, но в сущности состоявший из одних дворян, сам настаивал на том, чтобы как можно скорее собрать во всех пяти герцогствах ландтаги и выбрать депутатов, которые для восстановления правосудия и порядка должны сойтись в каком-нибудь удобном месте; вместе с тем, следовало укрепить и снабдить провиантом некоторые пункты[4]. Правительству пришлось выслушать много правды на этих ландтагах, города сочувствовали справедливости крестьянского дела, большинство господ, вынужденные обстоятельствами, выказывали умеренность, многие из них, быть может, действительно сознали несправедливость своих действий относительно простолюдинов.

В городах было очень много бедного народа, который со-

[1] *Салит,* История аугсбургского исповедания, III, 171—173.

[2] «Одна из лучших пищ этой страны». Устав.

[3] *Бухгольц,* Доклад надворного совета и казначейства от 22 мая, т. VIII, стр. 88.

[4] Письма земского суда от 11 мая 1525 г. к государственному совету в Вене, *Бухгольц,* VIII, 89.

чувствовал крестьянам и стоял за них; дворянство и духовенство боялось вывести из терпения сильно и давно раздражаемый народ. При предложении одной части собрания взяться за оружие против крестьян, в случае если они не согласятся на мирные предложения, все другие члены собрания положительно отвергли этот способ действия; они решительно отказывались вооружить своих людей и вести их вместе с войском против крестьян и горнорабочих Верхней Штирии.

Город Штейер объявил: «что так как настоящие распри касаются не целой страны, а только прелатов и их подданных, то городу совсем не пристало подавать помощь или высылать войска; он твердо убежден, что как советники и комиссары князя, так и все земство отнесется к требованиям крестьян настолько разумно, что никаких походов и не потребуется. Если же дело дойдет до того, что княжеским долинам или всему округу будет угрожать неожиданная опасность или нападение, то в таком случае граждане Штейера, как верные подданые, добровольно и с готовностью будут служить жизнью и имуществом своему государю»[1].

Ландрат в Лайбахе прямо объявил венскому правительству, что причинами восстания и раздора были частью странные распоряжения его светлости, частью новые пошлины и другие меры и действия, которыми, вопреки старым обычаям, отягощали бедных простолюдинов[2].

Общее собрание депутатов всех провинций также подтвердило, что главным поводом настоящего движения были несправедливые притеснения. Оно решило собрать 3 000 верхнеавстрийских крестьян в непродолжительном времени, вооружить всех обязанных к военной службе как конных, так и пеших, избрать в каждой из этих пяти провинций по два члена военного совета и предоставить назначение военачальника выбору эрцгерцога. При этом депутаты с уверенностью говорили, что «если бы своекорыстие не пренебрегало общественными нуждами, если бы бедным были предоставлены одинаковые права и над простолюдинами не тяготело бы никаких несправедливых обременений, то не было бы и таких дурных последствий. Поэтому если непокорные будут принуждены к послушанию и миру, то их нужно будет освободить от всего, на что они теперь по справедливости жалуются, и не предпринимать более никаких несправедливых жестокостей против невинных и неимущих[3].

Таким образом, даже сами земские чины, преимущественно же низшее дворянство, соглашались помочь вооруженному усмирению восстания только под условием исполнения некоторых требований крестьян.

[1] Из архива города Штейера, Annales Styrenses, 222.
[2] *Бухгольц*, Письма округа от 10 июня 1525 г., VIII, 90.
[3] *Бухгольц*, Предложения депутатов, VIII, 89.

Эрцгерцог Фердинанд соглашался с их мнением не по убеждению, конечно, а потому, что другого выбора ему не оставалось: брожение и восстание большинства его собственных удельных подданных сделало его озлобленным и мстительным. Фердинанд и венский государственный совет предначертали сначала один и тот же образ действия: «преступление следует наказывать железными розгами», «наказание своевольных поступков крестьян должно было служить примером другим и отвратить от восстания тех, которые в противном случае предались бы ему. Мы полагаем, что все начальники и зачинщики, где бы вы их не встретили, где бы не настигли, должны быть жестоко наказаны сажаньем на кол, четвертованьем и тому подобными мерами»[1].

Тот самый Сигизмунд Дитрихштейн, который десять лет тому назад так жестоко поступал с Крестьянским союзом, все еще был главным начальником земщины в Штейере. Он был уже стар и страдал от подагры.

На ландтаге, собравшемся в Граце, он не нашел ничего утешительного. Туда явилось мало дворян и земледельцев, и явившиеся крестьяне высказали дворянам прямо в лицо, что их жестоко и своевольно обременяют прелаты и начальство и что они вынуждены сами защищаться, если им не оказывают помощи. Дитрихштейн вызывал совет столицы помочь ему уничтожить восстание. Члены совета дали ему понять, что общество совсем не так настроено и что они не имеют никакой возможности принудить его к борьбе против крестьян; они не надеются найти людей даже для защиты и охраны замка.

Дитрихштейн всеми силами старался уговорить крестьян и дворян итти в поход; они согласились, когда он обещал итти с ними. Он тратил свои собственные деньги — делал займы, вербовал на них войско — и, наконец, вооруженный оружием, принадлежавшим ему самому, и оружием пяти других землевладельцев, выступил по направлению к Бруку при слиянии Мюрца и Мура. Бюргеры этого города выказали большое нерасположение к Дитрихштейну. Не больше сочувствия встретил он и в пехоте, высланной ему из Вены в виде подкрепления. Солдаты объясняли, что они ни за что не пойдут против рудокопов и крестьян. Дитрихштейн поскакал к ним и старался уговорить солдат, но они не хотели и слушать. 60 из пришедших солдат даже ушли из отряда и прямо отправились к крестьянам. Дитрихштейн подарками удержал остальных; они снова дали ему присягу. В то же время к нему присоединилось еще 300 человек богемцев. Это составило значительное подкрепление, ибо богемцы считались тогда искуснейшими артиллеристами. Крестьяне Христианского союза, «союзники», как они себя называли, овладели, между тем, многими замками и местеч-

[1] Инструкция Фердинанда и согласие государственного совета.

ками, между прочим Мурау с его железоделательными заводами и замком. Дитрихштейн хотел направиться к Юденбургу с целью возвратить опять отнятые места.

Шпионы уведомили его, что все крестьяне вокруг Леобена, рудокопы и жители прилежащих долин ждут только его ухода, чтобы присоединиться к Христианскому союзу. Дитрихштейн сам поскакал к жителям Трафейяха, а графа Георга фон Монфор и Леонарда Штейнбока послал к рудокопам Фордернберга, знаменитой железной горы, обрабатываемой уже в продолжение целого тысячелетия. Фордернбергцы выказали повиновение. То же самое сделали и жители Леобена; они обещали быть послушными до тех пор, пока на них не нападут жители местечка Эйзенерца, центра горного прииска, и другие соседи. Прочие общины восстали.

В Иннернберге напали на послов Дитрихштейна, и те с трудом спасли свою жизнь. Рудокопы вломились в ратушу, вынесли оттуда ружья и копья и вооружились ими. Старшина Форндернберга Цольнер уговорил форндернбергцев остановить жителей Иннернберга и дать свободу все еще пленным послам Дитрихштейна, но последний должен был обещать, что он не предпримет ничего решительного ни против них, ни против их соседей, и отказался от своей угрозы сжечь местечки. Дитрихштейн видел, что восстание все более и более окружает его. Союзный отряд поднимался через Иннскую долину и занял уже маленький, обнесенный стеною город Роттенман. Из Каммерталя пришло известие, что и тамошние крестьяне объявили себя на стороне Крестьянского союза. Главным их предводителем был теперь Рейстль, бывший княжеский горный судья в Шладминге. Некоторые пленные крестьяне рассказали Дитрихштейну, что в Шладминге собрано 1 200 человек, что крестьяне Гойса находятся в Гойсе у бенедиктинского монастыря, что в 2 милях оттуда собрано 10 000 человек крестьян и что главный их предводитель находится с 300 человек в Адмонте при Иннсе, в прекрасном бенедиктинском монастыре, считающемся самым богатым во всей Штирии. Дитрихштейн поверил этому; у него было 5 000 человек, и он решился напасть на крестьян. По другую сторону, на горе, направо от Гойса, он заметил толпу крестьян, расположенных лагерем, откомандировал туда сильный отряд, которому и удалось прогнать их, сам же он направился прямо на главный отряд. Но он предупредил нападение: как только крестьяне направили свою артиллерию на германскую пехоту, она припала к земле и затем пустилась в бегство; задержать ее не было никакой возможности, знаменщик бросил даже свое знамя. Когда командир богемцев упал тяжело раненый, они также неудержимо бросились в бегство, увлекая за собою дворянство и рыцарей. Напрасно Дитрихштейн пытался остановить бегущих; впрочем, ему удалось спасти свою артиллерию.

Отступающие шли по узкому ущелью между скалами. Крестьяне заняли их вершины и сверху бросали камнями в солдат. Даже Дитрихштейн получил сильные удары в плечи и бока. Потеряв несколько сотен людей — в одной сотне он сам признавался, — он возвратился в Эренау, сконфуженный и с усилившейся подагрой. В довершение всего он услыхал здесь, что наемники не хотят долее служить и бо̀льшая часть их намеревается перейти к крестьянам. Он клялся, что убьет всякого, кто только откажется от службы, так как они обязаны прослужить еще полмесяца. Но наемники взбунтовались, они требовали жалованья и только с этим условием соглашались продолжать службу. Богемские артиллеристы были с ними заодно и тоже волновались. «Как? — воскликнул Дитрихштейн — вы покинули меня, как злодеи, и требуете еще денег?» Однако же делать было нечего, он должен был уступить, чтобы усмирить их, тем более, что подкрепление, которого он ожидал от крайнского и каринтийского дворянства, только что выступало.

Из Каринтии прибыли, наконец, две роты наемных солдат и несколько сотен конницы. Начальником их был Ганц фон Грейфенек. Они вышли из Клагенфурта и направились к Неймаркту. В этом городке стояло 700 крестьян; Грейфенек поднялся с артиллерией и ландскнехтами к замку и приказал бомбардиру Мартину Флейгу дать несколько выстрелов. Жители городка рассорились с крестьянами, хотевшими остаться в замке, вышли из ворот и выдали ключи Грейфенеку. Крестьяне просили пощады. Грейфенек согласился. С ним было много туземных дворян, именно господа: Ганс Унгнад, Христоф Вельтцер старший, Рупрехт Вельтцер, Андрей фон Зильберберг, Ганс и Христоф Мордаксен, Эрнауер, Гиммельбергер и Раубер. Кажется, дворяне, несмотря на капитуляцию, намеревались снова изощрить на крестьянах свое своеволие. Так например, когда крестьяне выходили из города, то между рядами всадников произошло смятение и шум, многие из шедших позади пустились в бегство, передние же, предположив, что конница сделала нападение, приняли оборонительное положение. Дело дошло до рукопашного боя, конница и гусары бросились на крестьян; убитых было около 50 человек. Зато когда дворяне прибыли в Гойсейн, недалеко от Роттенманна, то нашли там тела людей, убитых союзными крестьянами, в особенности же было много мертвых на лугу недалеко от села, между ними они нашли и дворянина Леонарда Штейбена, друга Дитрихштейна, его положили с другим дворянином Зюсбеком в гроб; прочих же сложили в одну яму близ церкви[1].

Как только Дитрихштейн присоединил к себе этих дворян Крайны и Каринтии, он снова двинулся на крестьян. Рейстль,

[1] Старая рукопись у Мегизера; Annales Carinthiae, s. 1343.

видя превосходство сил дворянского войска, отступил к укрепленному пункту у Роттенманна; у него было всего 6 000 человек. Дитрихштейну поэтому было легко снова занять Роттенманн и заставить близлежащие селения еще раз присягнуть эрцгерцогу. Он не решался открыто напасть на Рейстля в его укреплении, — рассчитывать на успех такой атаки было невозможно; поэтому он завладел лагерем хитростью, посредством переговоров. Его дружелюбные предложения породили в отряде несогласие; Рейстль и те, кто предугадывал вероломные намерения Дитрихштейна, не доверяли ему и его предложениям. Большинство же крестьян стояло за их принятие. Дитрихштейн, не знавший, что происходит в лагере, и сильно страдавший от своей болезни, сомневался в счастливом исходе дела и посылал к правительству одно послание за другим, в которых требовал, чтобы Никлас фон Сальм поспешил принять от него начальство; вместе с тем он отдал войску приказание, что его заместит Зигмунд фон Турн.

В это время из крестьянского лагеря пришло посольство с согласием принять договор и покориться. Крестьяне разделились: между тем, как большинство покорилось, Рейстль вместе с рудокопами и самыми отважными крестьянами отступил через Тауер, Лунгау и Понгау и направился к большому Зальцбургскому отряду.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Взятие в плен зальцбургского советника Гольда

Между тем, положение архиепископа в Зальцбурге весьма ухудшилось. Крестьяне различных округов собрались лагерем в Галлинге, деревне, отстоящей от Зальцбурга на 3 мили. Меры, употребляемые обыкновенно при вторжении неприятеля, например, при нападении турок, были предприняты теперь в Зальцбургских горах против туземных дворян. На всех вершинах зажигались огни, набаты раздавались из селения в селение, сигнальные выстрелы передавались с места на место, словом, все напоминало войну. Крестьяне спускались с своих гор, выходили из долин, из Пинцгау и Бриксенталя, вооруженные кольями, шестами, дубинами, серпами; некоторые из них были в шлемах, другие с заржавленными мечами и пиками, в кожаных кафтанах, в коротких кожаных панталонах, там и сям виднелась задняя или передняя часть брони. Им первым суждено было мстить за смерть своих братьев и друзей. Сторонники архиепископа были застигнуты врасплох.

Архиепископ всеми средствами старался предупредить грозу в самом ее начале. Отправив послов в крестьянский лагерь в Голлинг и уговаривая их возвратиться по домам, он принял доброжелательный отеческий тон: если они имеют причины жаловаться на его княжескую милость или на какого-нибудь другого начальника, священника или судью, то, говорил он, пусть выберут депутатов и уполномочат их высказать свои требования; князь милостиво и отечески рассмотрит и по возможности исполнит их просьбы. Крестьяне ясно понимали значение этих слов и отвергли дипломатическую уловку. Жители Зальцбурга, с своей стороны, отправили к ним посольство, убеждая как можно скорее напасть на столицу; они обещали им в таком случае свою помощь. Начальниками в крестьянском лагере были тогда Вейтмозер, Мелхиор, Шпет, Михаил Грубер, Людвиг Альт и Каспар Праслер, последний был главным предводителем отряда[1].

Настроение жителей города Зальцбурга скоро высказалось, как и следовало того ожидать; архиепископ уже не чувствовал себя безопасным в своем дворце и перебрался со своими канониками и советниками в укрепленный замок. Тут, подобно орлу в своем скалистом убежище, он чувствовал себя безопасным. Узкая тропинка вела из города в замок, обнесенный двойной стеной; внутренняя стена, снабженная многими башнями, помещалась на скале; в ней было 4 цистерны и воротовой колодезь, наружная стена была тоже на скале и охранялась большим количеством башен; фундамент с каждой стороны отвесно поднимался на 440 футов, т. е. был совершенно недоступен. Князь был, таким образом, не только в безопасности от нападения, но даже господствовал над городом и местностью. Он оставил в самом городе роту наемных солдат под предводительством Ганса Шенка и Зигмунда фон Турна. Его советники входили и выходили из замка, стараясь дружелюбным обращением задобрить граждан и городской совет. В столице из духовных лиц остался только один епископ Химзе, человек честный и любимый народом; он старался тоже успокоить граждан и склонить их на сторону господ и против крестьян.

Крестьяне, между тем, находились в постоянном сношении с городом. Они из Голлинга двинулись на Галлейн — знаменитую саловарню, — честные граждане которой присоединились к ним. Граждане столицы хотели, по крайней мере, обезопасить себя от входящих и выходящих из замка советников архиепископа. Чаще всех прочих архиепископ употреблял для переговоров городского судью Гольда, который беспрестанно хо-

[1] В некоторых хрониках и рукописях Праслер пишется Прослер или Прошлер; это вовлекло некоторых в ошибку называть какого-то Фрошлера предводителем; но о нем я ничего не мог найти. Во всех же источниках Праслера называют главным предводителем в то время.

дил из замка в город и обратно. Он делал вид, что сочувствует бюргерам, говорил малому и большому советам, что поручает им свою верность, честь, жизнь и состояние и что будет сообщать тайные поручения, получаемые им от князя; словом «все, что ему будет известно», и что если он что-нибудь скроет или когда-нибудь отстанет от них, то они имеют право прогнать его сквозь строй[1].

Неосторожная брань и угрозы Ганса фон Шенка еще более раздражали крестьян; слухи о неверности городского судьи не замедлили распространиться между народом; восстание так возросло, что Гольд стал уже приготовляться к отъезду из города. Он был уже одет в панцырь и броню, спрятанные, однако, под обыкновенную одежду, и его слуга сидел уже на лошади. Это было в пятницу перед троицей, между 9 и 10 часами утра. В то же время бюргеры составили собрание на площади. Господа Ганс Шенк и Зигмунд фон Турн говорили на площади по поручению архиепископа и старались успокоить их. Вместо того чтобы выехать за город, Ганс Гольд отправился на площадь; он однакож не въехал в толпу, а остался в стороне, «чтобы видеть и слышать, что предпринимают и что говорят». Его увидел мясник Георг Родлер, которого Гольд еще недавно несправедливо судил; Георг стянул его с седла крючком своей алебарды и хотел умертвить, но другой бюргер, пивовар Пихлер из Гугеля, увидав это, подбежал и, чтобы спасти городского судью, накрыл его своим телом. Между тем, раздраженного Родлера успели успокоить. Все бюргерство пришло в смятение. Когда советники архиепископа Ганс Шенк и Зигмунд фон Турн увидали свалку, они поспешно, одни, без служителей, улизнули из круга и через собор прошли в замок. То же сделал Гильгхейзер, придворный портной и шпион архиепископа, «сильно задыхаясь, испуганные и унылые вошли они в замок, где находился епископ, тоже в тревожном состоянии». Упавшего Ганса Гольда подняли, посадили на кресло; некоторые успокаивали его, другие же, напротив, били по лицу и таскали за волосы, говоря: «Вот тебе за твой несправедливый суд». Слуга его поскакал с лошадьми за ворота. Чтобы высвободить Гольда из рук черни, его под стражею повели в дом суда и посадили в тюрьму; тут же при судебном приставе ему был сделан строгий допрос, и он сознался на пытке и без пытки в таких вещах, которые должны были еще более усилить недовольство на архиепископа.

Когда на площади произошел беспорядок, иностранные солдаты поспешно собрались к квартире своего предводителя. Узнав, что он бежал от них в замок, «они выказали сильное нетерпение и недовольство». Рота эта охотно нанялась

[1] Показание городского судьи Гольда.

на службу города; в то же время галлейские крестьяне подвигались уже к стенам города.

В понедельник, после троицы, вошел в город первый крестьянин. То был брат казненного Штокла; он с самой смерти последнего день и ночь бродил в горах, возбуждая к мести горцев; как сумасшедший, бегал он по столице, прибивая к домам всех каноников и придворных советников билеты с такою надписью: «Этот дом принадлежит мне до тех пор, покуда не отомстится невинная смерть моего брата».

К вечеру того же дня союзные крестьяне прошли через Буех и вошли в Зальцбург через каменные ворота; двери и ворота были открыты для них. На следующий день рано утром они ворвались в городской дворец архиепископа. Они присвоили себе все, что нашли там. Палате и канцелярии они нанесли много убытка, истребив письменные документы, расписки и регистры; они рвали и уничтожали их в таком количестве, что по колена ходили в этих бумагах; архиепископ не ожидал, что дела примут такой оборот и не увез из города в замок ни бумаг, ни других документов; теперь было уже слишком поздно спасать что-нибудь. Придворная прислуга, как то: кельнеры, кастеляны, повара и другие, были отставлены крестьянами от своих должностей, а ключи у них отобраны; крестьяне сами заменили их должности. Дом его княжеской светлости был совершенно опустошен; в том самом месте, где прежде жил архиепископ, теперь женщины сушили и развешивали белье по окнам.

Вскоре в Зальцбург пришли рудокопы из Раурнса, Гаштейна, Китцбюля и из других горнозаводских городов. Ими предводительствовал Эразм Вейтмозер. Все они имели вид хорошо вооруженных воинов. После этого часть крестьян снова возвратилась к своим полевым работам, а вместо себя наняли рудокопов[1].

Ганс Гольд советовал зальцбургскому земству — так называли теперь себя граждане и крестьяне — не допускать уже архиепископа до управления, быть осторожным, хорошо стеречь его в замке, занять все проходы, для того чтобы он не мог выйти оттуда, ибо он способен на всякую хитрость[2]. Население осадило тогда архиепископа и многих дворян в замке Гогензальцбурге. Они бдительно стерегли его днем и ночью, чтобы никто не мог войти в замок или выйти из него. Еще перед приходом крестьян советник архиепископа уехал в Рибейзен, чтобы попросить помощи у баварского и австрийского двора. Но эрцгерцога Фердинанда еще более, чем в пяти эрцгерцогствах, теснили с другой стороны, а именно в его любимом местопребывании — в графстве Тироле.

---

[1] Старая рукопись, у Мегизера и Залиха.
[2] Показание Ганса Гольда.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Восстание тирольцев

Если уже положение крестьян в Штирии и прочих австрийских герцогствах так много отличалось от положения их в других частях империи, то положение Тироля и тирольских жителей можно было назвать исключительным. Но, несмотря на то, что многое здесь носило совершенно иной характер, нежели у тюрингенских, франконских и швабских крестьян, восстание и здесь вспыхнуло в таких же широких размерах и с тою же силою, как и всюду. Эта высокая альпийская страна, со своими дикими горными ключами и потоками никогда не была земледельческою. Там почти нет полей, доступных для плуга, и обработка почти всей земли совершается руками человека. С весны до самой осени стада пасутся на лугах, но это не обогащает тирольцев, потому что скотоводство и хлебопашество не находятся в такой тесной зависимости друг от друга, как в других странах. Некоторые скотоводы для прокормления скота рискуют даже своей жизнью, скашивая траву, растущую на откосах скал, над страшными пропастями. Если бы тиролец не был умерен, его уже с давних пор можно было бы назвать скорее бедным, нежели достаточным. Но зато он исстари был богат свободою и старыми немецкими прочными законами.

Благодаря своему выгодному географическому положению между Италией и Германией — главными центрами громадных религиозных и политических битв средних веков, — некоторым местным обстоятельствам и другим благоприятным условиям, Тироль рано достиг благодетельной свободы. Здесь уже давно вымерли старые дворянские роды, многие из их владений не перешли к новым господам, а князья, соединявшие несколько округов под своею непосредственною властью, покровительствовали обыкновенно самостоятельности крестьянского сословия. Еще в начале XVI столетия высшее и низшее дворянство было редко в этой стране. Монастырей и аббатств тоже было немного. Здесь было иначе, чем в других областях, где больше половины всех земель и доходов приходилось на долю аббатов и епископов; духовный и светский гнет не ужился долго на высоких Альпах Тироля.

Жители Флеймской долины еще в первой половине XI столетия получили льготные грамоты, освобождающие их от некоторых пошлин и податей; а когда, несколько позднее, крестьяне Иннской долины восстали в защиту герцога Фридриха, подпавшего под опалу императора Сигизмунда, с тех пор австрийские князья стали щедрой рукой сыпать льготы и милости верному тирольскому народу. Народ тоже привязался к ним и даже не помышлял о независимости в то время, когда соседние швейцарцы завоевали свободу своей стране и этим

показали Тиролю пример и благоприятный случай добиться того же. Уже несколько веков число крепостных в Тироле было очень невелико, да и самое крепостное право было здесь сноснее, чем где-либо. Вдова с ее детьми наследовала все имущество, оставшееся от ее мужа; господин не получал ничего, кроме одного быка; а земля, которую обрабатывал крепостной, жаловалась ему и его потомкам в наследственное владение с правом обрабатывать ее. Большинство жителей состояло из землевладельцев или же из лиц, пользующихся землею наследственно на основании письменных документов и за умеренные повинности, денежные или натуральные. Крестьянин мог приобретать дворянские земли со всеми их правами и мог, подобно всякому дворянину, присутствовать с правом голоса на земских собраниях. Они же составляли и суд в числе 12 человек, четверо из которых ежегодно должны были переменяться; денежные повинности, которые несли крестьяне, выплачивались так, как было записано в старых книгах, или как они сами решали. Произвол дворян был сильно стеснен и даже некоторые из них были подвергнуты суду за то, что говорили о крестьянах, как о своих подданных. Крестьяне защищали свои права даже и против князей: каждая их деспотическая попытка тотчас же вызывала восстание. Крестьяне действовали в этих случаях с редким единодушием: оскорбление, нанесенное одному округу, чувствовалось всеми, и стоило, например, восстать северу, чтобы юг тотчас же отказался повиноваться.

В последние годы царствования Максимилиана деспотические поступки императора значительно охладили к нему крестьян. Неудовольствия, накоплявшиеся давно, с силою вырвались наружу тотчас же после того, как прибыли Карл V, эрцгерцог Фердинанд и испанские советники. Состояние умов в Германии было беспокойно еще в промежуток времени между смертью Максимилиана и приездом Карла V. Крестьяне Тироля жаловались, что на ландтагах им многое обещается, но ничего не дается, что они сильно пострадали от хищных зверей, поэтому они отправились теперь и по всему лесу настреляли зверей целыми кучами. Дичь, расплодившаяся без меры, приносит положительный вред их хозяйству, говорили они, и сам государь, умирая, дозволил им охоту. Австрийское правительство в Инсбруке созвало собрание, позволило каждому охотиться и стрелять зверей на своей земле; выбрало из нижней и верхней Иннской долины несколько человек крестьян и разослало их в долины в виде комиссаров, «для того чтобы дать простолюдину правильное понятие о ландтагах». Но простолюдин был так раздражен дворянами и духовенством, которые, как нарочно, были теперь своевольнее, чем когда-либо, что в Имсте, в верхней части Иннской долины, комиссары, окруженные крестьянами, едва успели спасти свою жизнь, а

в другом месте одному из них нанесли смертельную рану потому только, что он наружностью походил на дворянина. Штейнах, Штерцинг, Шонег, Гулидаун и Бриксен составили между собою союз, грозивший жизни каждого, противившегося им. Часто в окрестностях и даже на улицах городов находили трупы людей, чем-нибудь навлекших на себя злобу крестьян. Жители Эйзакталя отказались даже от присяги. В троицын день в 1520 году в Эйзаке собралось до 800 тирольцев; они образовали 5 рот и направились в Бриксен — резиденцию епископа, осадили город и разграбили дома духовных лиц. В рудниках тоже было очень беспокойно, в особенности на Швауце. Горцы требовали 40 000 недоплаченных им гульденов, которых до сих пор не могли получить. Новое начальство увеличило налог, что еще более усилило недовольство [1].

Новое учение проникло вскоре затем и в Тирольские Альпы. Тирольцы всегда отличались большой набожностью и теперь, жаждавшие религиозной истины, нашли в проповеди реформаторов новый источник, совершенно отличный от того, который предлагало им в конец развратившееся белое и черное духовенство. Высшие слои общества отстаивали старое и преследовали реформу. Это породило борьбу.

В 1523 году в Перзене был убит австрийский начальник Георг Пюхлер из Вейдега. Евангелие успело уже в то время приобрести много последователей в Тироле, преимущественно же между горцами. Эти последние завязали сношение не только с зальцбургцами, но и с мейсенцами, так что к ним проникли писания и учение как Лютера, так и других реформаторов. Новому учению более всех сочувствовали рудокопы Нижнего Иннталя. В Шваце проповедывал известный в истории реформатор Иоганн Штраус и Кристоф Золль; в Галле, находящемся в нескольких милях от Шваца, — тоже всем известный Урбан Региус. Вооруженная толпа учеников, сопровождала его, так же как и Шаппелера, каждый раз, когда они шли в церковь в Мемминген. Их проповедь имела такой успех, что даже один босоногий монах из Галля оставил свою келью и пошел в Швац наниматься в горные работники, чтобы, по заповеди писания, в поте лица зарабатывать свой хлеб. Штраус открыто говорил о князьях и вельможах, об их пороках и обязанностях, о том, что, по законам природы, своекорыстные поступки ведут государство к гибели, и что христианин не должен зависеть от языческих законов и законодателей, и что братская любовь требует не брать процентов за каждую ссуду: лихоимство, говорил он, противно христианской вере. Штраус соглашался даже с вюртембергским проповедником доктором Мантелем, что старый юбилейный год моисеева законодательства должен до сих пор сохранять свое значение и что многое

[1] Донесение епископа Бернгарда Триентского эрцгерцогу Фердинанду.

в обыкновенной жизни должно подвергнуться коренному изменению[1].

Хотя вследствие решения рейхстага, высказавшегося против Лютера и нового учения, открыто и с кафедр провозглашаемого в Тироле, проповедники эти и их последователи должны были оставить страну; однако еще в конце 1524 года и в первых месяцах 1525 года в Тироль, особенно на Адиж, успели проникнуть анабаптисты. Здесь, в итальянских долинах, эмиссары Томаса Мюнцера имели огромный успех. В Нижнеиннской долине анабаптисты поселились в Шваце и отсюда уже начали распространять свое влияние. Австрийское правительство не скупилось на аресты и изгнания; однако известие о восстании в Швабии, по границам Форарльберга и Тироля и о требованиях, составленных швабскими крестьянами, встретило сильное сочувствие на севере и на юге Тирольских гор.

Общины стали собираться на сходки. Спокойно и рассудительно, как прилично свободным людям, они толковали о своих делах, составляли требования и представляли их начальству.

Обитатели Тауера и Раттенберга с полным доверием обращались со своими жалобами к эрцгерцогу: «До сих пор, — писали они, — слово божие было затемняемо человеческим учением, едва вовсе не отняли у нас возможности войти в царствие небесное, теперь оно проповедуется громче, яснее; но часто всех исполняющих его преследуют, сбивают нечестивыми выдумками корыстных проповедников, сочиненными для противодействия новому учению, так что простодушные люди, не зная, к какому учению им примкнуть, за кем им следовать, приходят в смущение и составляют заговоры; поэтому наша всеподданнейшая просьба состоит в том, чтобы ваша княжеская светлость дозволила нам приискать для наших церквей ученых и благочестивых мужей. Бог простит нас тогда и даст нам всем светлые понятия. Мы надеемся, что ваша княжеская светлость будет так милостива, что освободит нас от этого человеческого учения».

Их отдельные требования (числом 19) касались частью церковных, частью светских дел. Они требовали освобождения всех арестованных за евангелие, дозволения вернуться беглецам и изгнанникам; требовали, чтобы духовенство не имело светской власти и чтобы приход пользовался правом назначать и отрешать священников. Управление и надзор за страной должны быть поручены хорошим и честным местным жителям. Требовали, чтобы представители городов и округов имели право свободно рассуждать о своих делах на собраниях; чтобы власти хорошо наблюдали за преступниками; чтобы всякому было предоставлено право охотиться за красной дичью,

[1] Из проповедей Иоганна Штрауса.

свободно пользоваться живностью, дичью и проточной водой. Они высказали при этом еще целый ряд важных жалоб: что иноземные войска постоянно проходят через их земли и границы их заняты иностранными гарнизонами; что господа требуют от них платежа въезжего и отъезжего; что они платят слишком большую подать аугсбургскому епископу; жаловались на новые дорожные и другие сборы; на тех господ, которые ездят на охоту через их и без того уже небогатые поля; на пошлины за печать и письма; на властей, которые мешают примирению тяжущихся общин и назначают наказания без присутствия присяжных, лишая бедного человека его законных прав; на незаконное взимание десятины, которая с иного требуется по два раза в год; наконец, на Фуггеров и другие привилегированные торговые компании, которые своими барышническими проделками ввели такую дороговизну, что цена многих вещей поднялась в короткое время с 18 крейцеров до целого гульдена[1].

Главнейшей побудительной причиной их собрания, говорили крестьяне, было желание помешать осуществлению намерения увезти на кораблях их оружие и порох. Крестьяне боялись, вероятно, чтобы эти ружья не были употреблены против их же братий, других крестьян.

Эрцгерцог Фердинанд согласился на просьбы крестьян. Конечно, это сильно говорило бы в его пользу, если бы было сделано раньше и добровольно, а не теперь, под гнетом вынуждающих обстоятельств. Он незадолго перед тем соединился с регенбургскими папистами, чтобы подавить слово божие, и решился действовать самым энергическим образом. Он уже и предпринял кой-какие меры в этом направлении. Теперь же, противореча самому себе, он объяснял тирольцам, что строго прикажет духовному и светскому начальству назначать способных и благонадежных священников, которые бы проповедывали простолюдину истинное, чистое слово божие, христианское и по духу и по букве, во имя любви к богу и ближнему. Если же они под видом евангелия станут проповедывать народу нехристианские учения и возбуждать его к восстанию, отчего простолюдин может пострадать душой и телом, то он надеется, что они помогут ему наказать их по справедливости и по закону. Вопрос о светской власти духовенства и другие требования крестьян будут обсуждены на общем земском съезде, назначенном на мартынов день. Относительно Фуггеров и некоторых других пунктов он дал самый удовлетворительный ответ, и часть требований была даже тотчас же приведена в исполнение. Всем заключенным за евангелие была дана свобода; проход ожидаемого иностранного войска через их страну отменен; оружие, говорил он,

[1] Рукописное показание Шмида в собрании прелатов.

вывезено только для защиты Куфштейна и Роттенберга; тяжущимся общинам будет дозволено полюбовное соглашение друг с другом. Решено уменьшить число лесничих и не мять плодов во время охоты. Некоторые статьи были отложены до съезда, и на нем обещано изменить их к лучшему. По поводу самих ландтагов эрцгерцог говорил, что они должны быть ведены по старине и нужды каждого должны быть выслушаны. Управлять он будет, сообразуясь с вольностями, предоставленными стране, и с старинными обычаями; относительно суда он согласен, чтобы дела, касающиеся Тироля, судились по обычаям страны, но что апелляции по делам передних областей, где действует писаное императорское право, а также и итальянских округов должны решаться в присутствии одного или двух правительственных докторов прав[1].

Другие общины Иннталя представили такие же жалобы и требования и получили подобные же утешительные ответы. Да и не трудно было удовлетворить большинство требований: так например, Зонненбергский округ требовал, чтобы каждому честному человеку было позволено иметь в своем доме ружье, для того, чтобы ходить с ним в горы стрелять волков и медведей. Крестьяне других долин также не выставляли требований, выходящих из круга обыкновенных местных интересов. Мюльбахерцы из Эйзакталя жаловались на рубку леса в мюльбахском ущелье, на поборы, вымогаемые правителем, на отмену у них ярмарки и порядков, установленных роденекским судьею Михаилом фон Волькенштейном, — порядков, положительно необходимых в их местности, лежащей на большой торговой дороге и составляющей складочное место венецианских и имперских товаров. Они требовали поэтому установления еженедельной ярмарки, которая предупредила бы несправедливости в торговле, часто случающиеся теперь у них в горах и долинах и наносящие ущерб общественным интересам.

Теперь, кажется, ясно, что в большей части Тироля политические неудовольствия не были настолько сильны, чтобы вызвать вооруженное восстание. Его породили, главным образом, религиозные и церковные вопросы. Депутаты городов и округов Иннской и Виппской долин, собравшиеся в Инсбруке, также считали их главной причиной восстания. Простолюдины, говорили они, приходят в смущение оттого, что им сообщают слово божие не в таком истинном и чистом виде, в каком оно находится в св. писании; пусть им проповедуют евангелие с тем, конечно, чтобы проповедники не старались возбудить своей проповедью бунт и неповиновение. Далее они говорили, что простолюдин видит, как духовенство пользуется своею властью только для собственных выгод, а не для распространения слова божия и общего блага.

[1] Решение эрцгерцога в извлечении у Бухгольца, VIII, 328—329.

Затем они говорили о правительственных чиновниках, советниках Фердинанда и о народной молве, будто он хочет ввести в страну иностранные войска, покинуть ее и потом наказать с помощью войска. Эрцгерцог объявил такой слух ложным; согласился на их просьбу относительно свободной проповеди слова божия; объяснил, что простолюдин имеет ложное понятие о духовенстве, в особенности же о его участии в правлении, на что также намекали выборные, что он вообще постарается устроить дела так, чтобы не приходилось более слышать справедливых жалоб. Он говорил то же самое и о своем казначее. Депутаты жаловались на него за то, что он, еще недавно бывший таким незначительным лицом, вдобавок еще иностранец, теперь один своевольно управляет всем, заботясь только о своем кармане, а вовсе не о выгодах страны, вследствие чего он и разбогател так страшно в самое короткое время.

Этот казначей был испанец Гавриил фон Саламанка, властолюбивый, деспот, корыстный и своевольный царедворец, приобретший безграничное доверие молодого эрцгерцога. Даже в Мадриде, при дворе самого императора, были недовольны Саламанкою; тирольцы считали его то евреем, то магометанином[1].

На все обещания эрцгерцога уполномоченные, с своей стороны, обещали дожидаться спокойно следующего ландтага, который разрешит все жалобы и неудовольствия, представить эрцгерцогу от 5 000 до 15 000 человек для подавления восстания и тотчас же разослать депутатов по всем возмутившимся округам, чтобы известить их о переговорах, бывших в Инсбруке, и убедить спокойно дожидаться сейма. Депутация составилась из одного дворянина, двух горожан, двух от сельских округов и двух рудокопов. В большей части общин Северного Тироля они были встречены сочувственно. Послушали совета представить свои жалобы ландтагу и обещали сохранить до тех пор совершенное спокойствие. Вожаки рудокопов в Шваце и округа Фрондсберга, лежащего выше Шваца, вызвались даже помочь эрцгерцогу при первом его вызове, если не всей своей силой, то, по крайней мере, половиной, так как они питают полное отвращение к подобным восстаниям. Эрцгерцог собственноручным письмом (20 мая) благодарил их за это. Из Пустерталя было тоже прислано удостоверение в верности и спокойствии; от ландтага ждали многого. Иначе было в северо-западной и южной части страны.

Северо-западная оконечность Тироля, Форарльберг, далеко вдается в Швабское плоскогорие и, соприкасаясь с Швейцарией и Альгау, по своему географическому положению неми-

[1] В манифесте южных тирольцев к жителям Передней Австрии его называют — «Злодей Гавриил Саламанка».

нуемо должна была отразить на себе политическое и религиозное настроение этих стран. В Форарльбергском округе проповедывал Иосиф Вильбургер; его проповеди, в духе Мюнцера, особенно сильно действовали на крестьян. Он говорил, что уж довольно лгал, что обедня выгодна только тому, кто ее служит, что каждый вместо исповеди должен сам каяться перед богом, не нужно ни духовного, ни светского начальства, каждый сам себе господин. Такие речи нравились слушателям, и под их влиянием они вступили в союз с тремя швабскими отрядами, образовавшимися тогда на озере, в Альгау и на низменности. Они приняли не только все уставы и порядки швабов, но и все решения об изгнаниях и опалах, составленные ими. Толпами собирались крестьяне около Брегенца, бросали стрелы в дома упорствующих принять слово божие и соблюдать божеские законы. Когда в Брегенц прибыло посольство из Инсбрука с предложением ожидать результатов ландтага и спрашивало, согласны ли они на такую отсрочку, — начальники Брегенского отряда отвечали, что через несколько дней принесут ответ в сопровождении 40 000 человек.

Напротив того, жители Эренберга, отстоявшего на такое же расстояние от Альгау, поклялись не щадить для своего князя жизни, чести и имущества, если он подвергнется нападению в графстве Тироле; они слышали, что их оклеветали перед князем, приписывая им намерение восстать вместе с крестьянами; но бог свидетель, что они хотят жить и умереть вместе со своим государем. Они жаловались только на то, что куратор их, Эбергард из Фрейберга, не уроженец Тироля, что в судейском замке нет судьи. Они просили, чтобы эрцгерцог заменил первого человеком, владеющим в их округе, или по крайней мере в их стране, наследственной собственностью, и чтобы в замок был назначен постоянный судья; требовали также разрешения собираться без куратора. Фердинанд милостиво отвечал им и дал полное согласие на все их желания. Восстание с юга подвигалось все ближе и ближе.

Здесь были единственные соборные капитулы Тироля, епископства Бриксен и Триент. Здесь, как и везде, народ был очень восстановлен против духовенства. Сельские жители окрестностей Бриксена первые соединились, вооружились и двинулись к городу, старый епископ бежал из своего дворца, они ворвались в него и разграбили дома духовных. К инсургентам присоединились даже чиновники епископа, а именно Михаэль Гайсмайер, бывший секретарь его, теперь же таможенный чиновник. Съестные припасы, хранившиеся в амбарах духовенства, пригодились отряду, а из найденных денег Гайсмайер, выбранный в предводители, составил военную кассу.

Отряд не забыл и священника тирольского замка, аббата Мариабергского, и других духовных лиц; дома их были также обысканы и припасы отобраны.

Весьма возможно, что Михаэль Гайсмайер принадлежал к тайному союзу посвященных и играл в Тироле такую же роль, какую играл Вендель Гиплер в Франконии, Вейганд, Губмайер и многие другие в своих кружках. И действительно, с тех пор как он стал во главе восстания, он руководил им с замечательным умом; сомнительно притом, чтобы он был чужд и возникновению восстания. Он вел большую переписку, и когда настала опасность, его приверженцы прежде всего спасли ящик с письмами. В этом ящике, конечно, заключались и исчезли главные сведения о тайных пружинах народного движения.

Хотя в некоторых отдельных пунктах на Эче крестьяне действительно заявляли бо́льшие требования, чем другие общины, но вообще желания их были довольно умеренны. Они требовали, чтобы всякое общество имело право назначать и сменять своего священника; чтобы никто, кроме князя, не собирал в свою пользу налогов; чтобы поземельная подать была несколько изменена; чтобы пошлина в Ультене (Альтенбурге), где они должны были платить на пятьсот — сто, была отменена; чтобы мортуариумы, поставки и приношения были навсегда уничтожены; чтобы въезжее было умеренно и чтобы, наконец, через их страну не пропускалось более триентское вино.

С умеренностью этих требований сильно не гармонировало обращение крестьян с духовенством. Здесь, как и везде, нельзя было судить о настроении отряда по письменным выражениям его желаний. Из всех духовных с самой сильной злобой относились крестьяне к бриксенскому и триентскому епископам и канцлеру Бернгарду Элесу.

Гайсмайер, вполне разделявший все тенденции революционного союза и все основные положения новой христианской республики, был настолько благоразумен, что не обнаруживал своего направления перед австрийцами и тирольцами. Он воспользовался местным неудовольствием против обоих епископов, Гавриила Саламанки и тайного советника эрцгерцога, архиепископа Фабри, и придал восстанию такой характер, как будто все верные подданные хлопочут о пользе князя и народа и стремятся только освободиться от проклятых, ненавистных стране советников. В своих манифестах, где он подробно излагал стремления народа, Гайсмайер сумел ловко впрясть нити, незаметно влекущие народ на путь революции и республики.

В послании, составленном отрядом Южного Тироля «от всех жителей графства Тироля и Иннталя к жителям Нижней Австрии», начинавшемся воззванием: «Мир, здравие и братское единодушие со Христом», говорилось так: пусть будет известно всему немецкому народу, каким образом, в какой степени и вследствие каких причин простолюдины многих местностей государства восстали против своих властей. Правление иностранцев, испанских выходцев и попов, заставило многие мест-

ности австрийского герцогства отпасть ныне от своих владельцев и туземных князей. Так, знаменитое герцогство Вюртембергское отложилось от австрийского дома. Наконец, и они решились, руководствуясь основательными причинами, преимущественно же вследствие своевольного, злого и пагубного правления, подчиниться другой власти или же по своему усмотрению выбрать правителей из своей среды. Однако из сострадания к благородному князю Фердинанду, к молодости и положению высокорожденной супруги его они безбоязненно написали ему и говорили на словах, что страна управляется четырьмя лицами, заботящимися только о своих собственных выгодах и действующими во вред народу и князю; эта жалоба была вызвана своеволием правителей, которые так отягощали и обременяли их, что терпеть далее не было никакой возможности. Эти четыре упомянутые личности суть: епископы Триентский и Бриксенский, высокомерный еретик, африканский злодей Гавриил фон Саламанка и Фабри. Они не желают, чтобы подобные господа служили в княжеском совете, у князя в его стране есть и без этих изменников и хитрецов довольно знаменитых и простых людей, при помощи которых можно установить добрый порядок. После этого письма оба епископа вовремя удалились от двора. Если Фабри хочет грабить и богатеть, то пусть грабит и обогащается на счет монастырей и духовенства, у себя они не допустят ни подобного живодерства, ни вывоза из страны денег и имуществ: и те и другие могут быть гораздо полезнее употреблены, например, в случае дороговизны, смертности, нападения турок и т. п. Злодей Саламанка в три года воздвиг себе княжеские палаты их кровавым потом, купил в Бургундии землю в 10 000 гульденов, ввел ко двору своих друзей и сделал их могущественными; выслал из Инсбрука большое количество серебра и княжеских сокровищ, и ее княжеская светлость была теперь принуждена выслать в Галль свои королевские драгоценности для того, чтобы отчеканить из них монету. Так были растрачены Саламанкою сокровища его королевского величества и князя австрийского. Пусть засохнут все колодцы Австрии; пусть солнце перестанет светить над народом, земля перестанет носить его, если он будет терпеть еще африканского злодея. Потом тирольцы пишут австрийцам, что он отправляется теперь в австрийские земли, и потому они хотят, чтобы его поступки были известны как тут, так и там. Пусть австрийцы покажут себя Фабри и Саламанке; если им даже вздумается мучить, колоть, варить и жарить как этих злодеев, так и тех, которые оказывают им помощь и поощряют их к своеволию и тиранству, они будут совершенно справедливы, потому что эти господа заслуживают еще худшего. Письмо оканчивалось так: «Не оставляйте злодеев без наказания; так хочет бог; вы угодите этим ему. Мы намереваемся послать за ними погоню. Пусть везде,

где начнется восстание, зажигают костры на горах и бьют в набат, чтобы все округа подымались разом. Австрийцы опередили нас, они уже пришли в Каринтию, мы снабдим ее народом, а Австрию и Штирию — деньгами, если они нуждаются в них. Теперь же мы будем тщательно наблюдать за тем, чтобы Фабри и Саламанка не бежали из страны[1].

Гайсмайер намеревался одновременно атаковать несколько пунктов и сообразно этому плану направил движение различных частей отряда. Кроме него главными предводителями отряда, частью с равною, частью с меньшею с ним властью, были Петр *Песслер* и Себастиан (Вастоль) *Майер*. Восстание распространилось по направлению от озера Гардо через Триент, Бриксен, направо к Пустерталю и налево к Винтшгау и Эйзакфиртелю до округов Роттенберга и Китцбюгеля на зальцбургской границе. Один отряд расположился перед Триентом, другой производил нападения на замки и города в Бриксентале, третий на Адиже разрушал дома духовной и светской знати. Главной квартирой Гайсмайера был Меран; там принимал он депутатов городов и округов бургграфства Тироля. Настроение и планы восставших крестьян не везде отличались единодушием и во многих пунктах не сходились с намерениями и предначертаниями Гайсмайера. Поэтому он и его совет разослали 29 мая 1525 года по всем городам и округам Тироля приглашение собраться в день св. Эриха, перед троицей, в Меран, на большое народное собрание и здесь решить дело общим советом. Крестьяне заняли дома Немецкого ордена в Ленгмоозе и Шландерсе, точно так же как они заняли дом Немецкого ордена в Боцене. Самым беспокойным настроением отличались жители Шландерса, Кастельбеля и Альгунда. Большая часть замков, принадлежащих соборному капитулу Бриксена, перешла в руки инсургентов. Замки Рейнек и Цугитца держались только благодаря жителям Серента и Цугитца, которые отражали нападения своих восставших братьев. Нападали собственно все на замки дворян; только замки князя были пощажены. Эрцгерцог Фердинанд, желая спасти замок Салурн на Адиже в Флеймзертале и Роденек около Бриксена, написал крестьянам, что они принадлежат ему, что первый замок достался ему в залог, а второй он купил у Фалькенштейна. В то время он был чрезвычайно снисходителен к тирольским крестьянам, он желал всюду казаться кротким миротворцем. Многое побуждало его к этому: он был расположен к Тиролю, так же как и его прадеды; Фердинанд хорошо помнил, как его дед, император Макс, говаривал: «Тироль, это грубый крестьянский армяк, но в дурную погоду в нем можно согреться». К тому же у него не было достаточно войска, да и вести войну в Тироле было затруднительнее, чем где-нибудь: тирольцы,

[1] Письма населения Тироля и Иннталя, у Бухгольца, VIII, 331—332.

от природы воинственные, были отличными стрелками, всякая лощина служила им траншеей, всякий утес крепостью, каждый тиролец знал все дорожки и тропинки в окрестности.

Причины более сильного раздражения в Южном Тироле крылись в местных условиях. Достаток и богатство были здесь уделом незначительного меньшинства; крестьянин на юге был не собственником, а арендатором земли, сосредоточенной в немногих руках. Таким образом, здесь развилась поместная система, тем более тягостная для крестьян, что соседство с республиканской Ломбардией зародило в них свободный дух. Тиролец видел вблизи себя свободную республику и еще живее чувствовал давивший и изнурявший его гнет богатых монастырей, городов и знатных бар. И если накопившееся негодование заставляло кровь живее обращаться в жилах свободолюбивых жителей гор, заставляло их глаза ярче гореть огнем мести, то понятно, что их раздраженные и разнузданные страсти должны были разразиться более разрушительным всепожирающим пламенем. К тому же здесь было более побудительных причин к восстанию.

Личина кротости, принятая на себя Фердинандом, не препятствовала его военным приготовлениям. Еще 14 мая он послал в инсбрукский совет полномочие делать займы, закладывать наследственные имущества и замки, плавить княжеские драгоценности и серебряную посуду, чтобы на вырученные деньги навербовывать солдат; кроме того, он отправил эмиссаров в Обер и Унтерталь, в Винтшгау, Адиж и Бриксенталь с целью собрать мирные округа на защиту существующего строя. Он обещал остаться в Тироле до тех пор, пока это будет нужно для страны, и требовал, чтобы для водворения спокойствия внутри страны и безопасности вне, для защиты от нападения швабских крестьян и венецианцев, тотчас же было собрано 1 000 человек и сделаны приготовления к сбору общего ополчения в 20 000 человек. 5 000 были тотчас же созваны в Инсбруке. Он объявил вместе с тем, что брат его, император Карл V, предоставил ему Тироль в наследственное владение и что он с этих пор будет милостиво править страною не как наместник, а как законный государь и обратит должное внимание на нужды и желания страны на имеющем собраться ландтаге. В это время пришло известие о том, что город Фюссен передался австрийскому дому и, чтобы обезопасить себя от крестьян, распустил австрийское знамя. Фердинанд тотчас же воспользовался этим случаем, выставляя его как пример тирольцам: смотрите, говорил он, простолюдины передних областей сами добровольно делаются подданными Австрии и сами требуют ее правителя; пусть же и тирольцы, занимающие сравнительно с другими народами такое почетное, обеспеченное и видное положение, живут миролюбиво и согласно.

Эмиссарам было поручено отговаривать крестьян от на-

сильственых действий и убеждать их подождать ближайшего сейма; эрцгерцог обещал за это снисходительное суждение о сделанных уже проступках, в противном же случае грозил, что, согласно решению последнего ландтага, он призовет страну наказать восставших.

Сейм был назначен первоначально на 16 июня. Но так как этот день казался слишком отдаленным при настоящем положении дел, то был избран ближайший срок 23 мая, в который князь должен был изложить свои предположения об облегчении нужд страны. Каждый округ должен был представить на это собрание 2 депутатов.

Отряд Южного Тироля, следуя примеру вюртембергцев, предписанием шварцвальдской грамоты заставлял всех дворян, с которыми только сталкивался, присоединяться к союзу и следовать за войском. Среди крестьян, расположившихся перед Триентом, находились графы, свободные дворяне и рыцари[1].

Эмиссаром эрцгерцога в Триентский лагерь был послан знаменитый Георг фон Фрондсберг, главный военный начальник Тироля и тирольский уроженец, родовой замок которого Фрондсберг лежал выше Шватца.

Его сопровождал Христоф фон Тун, предводитель в Триенте, Франц фон Костеляльт и Эренгольд. Фрондсберг передал приказание держаться в отношении города совершенно спокойно и ожидать результатов переговоров. От Фердинанда же он получил приказание всеми силами стараться, чтобы город Триент со всеми принадлежащими ему областями принес ему — князю страны — присягу, и потом, опираясь на это, убедил собрание крестьян остаться спокойными и мирно выжидать законного решения их жалоб.

Отряд, собравшийся в Нейштифте на Эйзаке, недалеко от Бриксена, согласился на перемирие. Вследствие этого депутаты эрцгерцога тотчас же, 22 мая, написали к жителям Эчской долины. Они утверждали, будто бы возмущение исходит от немногих крестьян, которым нечего или, по крайней мере, почти нечего терять в стране, и что люди зажиточные против воли содействуют им, так как они малочисленнее; они советовали жителям Эчской долины, так же как и жителям Нейштифта, не предпринимать никаких неприязненных мер и приглашали их в Бозен на собрание. Для собравшихся выборных были изданы особенные поправки и оговорки на решение депутатов в Мране, и тут же княжеским предписанием было совершенно отменено назначенное ими собрание. Пустертальцы и нейштифтцы повиновались комиссарам; но жители Эчской и близлежащих долин желали видеть «вольности страны», документы, хранившиеся в замке Прессль у верховного правителя Эча Леонгарда

[1] Письмо правительства от 19 мая к тем, которые теперь собрались и бунтовали перед Триентом.

фон Фельс, Фердинанд велел передать их выборным Мерана запечатанными для того, чтобы они сохранили их до сейма. Вслед за этим большинство крестьян, собравшихся в Меране, согласилось на перемирие. Крестьяне думали, что с заключением перемирия правительство прекратит свои военные приготовления. Однако эта надежда рушилась: замок Роденек был снабжен во время перемирия гарнизоном и припасами. Тогда крестьяне Бриксенской долины и во главе их снова Гайсмайер сочли перемирие нарушенным и возобновили военные действия, во время которых, между прочим, епископ Бриксенский лишился богатого ящика, зарытого на дворе замка и наполненного серебряной посудой. При таком положении дел жители Эча тоже не считали себя обязанными сохранять мир. И здесь и там созывались собрания, раздавался колокольный звон, делались смотры составленным отрядам, правительственные комиссары подвергались насмешкам, в особенности в Зубльцберге. Во всех деревнях, даже вблизи самой резиденции, в Копфсберге, били в набат, и вестовые поспешно сзывали народ на сходку в Циллерталь близ Ротенгольца. Каспар Гандль в округе Раттенберга воскликнул: «Братья, нам не пристало запрещать колокольный звон и призыв к оружию»; он уговаривал собравшихся взяться за оружие и снова восклицал: «Кто согласен помочь осадить замок, пусть тот подымет руку». Большинство было согласно. Но и тут стараниями «почтенных» удалось настолько усмирить крестьян, что замок не был разрушен. Только Инсбрук, Галль, Шватц и Фрондсберг оставались спокойными.

Личина доброго расположения, которую эрцгерцог носил перед тирольцами, не стесняла его в письмах к правительству. «Злые намерения крестьян, — писал он, — так скоро высказываются всюду, что и описать трудно, мы ни на минуту не можем быть уверены, что они не нападут на нас, даже здесь в Инсбруке. Они не дают прохода войску, идущему к нам или от нас. Тирольские крестьяне не пропустили через свою страну 600 всадников, заказанных нами в Италии и откомандированных в Вюртемберг; мы должны были снова отослать их, с тем, чтобы проникнуть через Граубинден. Таким же образом не пропускали они через свои границы 200 всадников из Кроации и 200 из Австрии, так что они должны были вернуться и пройти какой-нибудь другой дорогой. Мы сами, несмотря на наше нежелание, принуждены оставаться здесь в горах и не можем оказать помощи ни себе, ни другим[1].

Пока архиепископа осаждали в Гогензальцбурге, а эрцгерцог, окруженный восстанием, сидел, как пленник, в своем Тироле, Пфейффер и Мюнцер возбуждали и собирали народ на противоположной стороне, именно в Тюрингене. Тюринген представлял большой очаг, откуда пламя разливалось в Гессен, Саксонию и далее в Нижнюю Германию.

[1] Письмо эрцгерцога к Трухзесу от 23 мая.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Падение городского дворянства в Мюльгаузене. Пфейффер и Мюнцер

13 декабря 1524 года Пфейффер вернулся домой в Тюринген, в свой родной город Мюльгаузен. Это возвращение устроили друзья Пфейффера, попавшие его старачиями в комитет: Михаил как ткач шерстяных материй, состоявший в сношении с веймарским двором; золотых дел мастер Вейсмелер, богатый кожевник Крейтер и другие.

Друзья Мюнцера, собиравшиеся в то время около мечтателя Роте, скорняка, добивались также его возвращения. Мюнцер однакоже приехал только к весне. Призыв друзей не мог скоро дойти до него; время было зимнее, и он постоянно разъезжал то по северной части страны, то по Дунаю.

Пфейффер и его приверженцы все более и более сознавали, что в Мюльгаузене необходимо произвести еще более решительный переворот. Городской совет в прежнем составе, со старыми правами городских дворян, с одной стороны, и Пфейффер со своими стремлениями — с другой, не могли долее уживаться в мире, и между ними царствовал уже полный разлад, в то время когда, наконец, в город прибыл Мюнцер.

Легко понять, какие чувства, какие надежды должны были волновать Томаса Мюнцера, в то время, когда он из Верхней Швабии, через всю Среднюю Германию, спешил домой на родину. С наслаждением прислушивался он к каждому слову, чуть не к каждому дыханию простолюдина, по наружному виду городов и сел угадывал их сокровенные помыслы, беседовал с единомышленниками, разжигая огонь всюду, где находил горючие материалы, стараясь раздуть его там, где уже пылало пламя.

В окрестностях Фульды Мюнцер был арестован. Он проповедывал там крестьянам и в короткое время успел уже вызвать восстание. Однако его не узнали и скоро выпустили на свободу. После этого Мюнцер поспешил в Мюльгаузен.

Едва выступил он здесь на арену проповедника, как уже встретил решительнейшего противника в совете. Но Роте и его партия, поддержанные партией Пфейффера, ядром граждан — кожевниками, пивоварами и винокурами, принудили совет дозволить Мюнцеру свободно проповедывать. Мюнцер учил преимущественно в деревнях, пригородах и в селах. Во всех речах, обращенных к народу, он открыто призывал его присоединиться к Христианскому союзу, против князей и господ. В городе он проповедывал тоже и требовал от совета, чтобы он пристал к Христианскому союзу. После этого совет запретил ему проповедывать. Однако, несмотря на запрещение, Мюнцер постоянно обращался с речами к народу. Весь город

как бы приготовлялся к войне, со всех сторон к нему стекались люди из деревень и сел. Совет велел занять стражею и запереть ворота. Но он был не в силах остановить восстание внутри города, начавшееся здесь тем, что массы ворвались в церкви и сорвали все образа.

В это время возвратился бургомистр Перлет Пробст, посланный советом к императорскому наместнику за помощью. Он привез печальное известие, что нигде в Германии не мог отыскать эрцгерцога Фердинанда. Города старого союза, как то: Эрфурт, Гаспар и Нордгаузен, присылали письма, выражавшие полное искреннее участие совету и предостережения гражданам; но ни один из них не дал помощи. От соседних князей город не дождался даже и этого. Мюнцер и Пфейффер, со своей точки зрения, имели полное основание относиться к совету с недоверием. Поэтому они желали лишить совет возможности вредить их делу. Этого можно было достичь, только добившись права присутствовать на всех его заседаниях: Пфейфферу в качестве проповедника св. Николая, Мюнцеру — как священнику в Мариенкирхе. Совет отказал им в этом. Городские дворяне, между тем, все более и более теряли бодрость при виде возрастающего народного движения, особенно их пугала партия Мюнцера. Однажды ночью мюнцерцы толпою ходили по городу и поименно требовали смерти некоторых дворян.

Несколько богатых фамилий на другой же день рано утром покинули город.

Другие же, как то: член совета Баумгартен, Рейнгард Ламгард и еще некоторые влиятельные дворяне примкнули к народной партии. Синдик фон Оттер вместе с городским начальником открыто перешли на сторону граждан.

Вооруженные граждане собрались для осмотра оружия. Мюнцер сказал при этом речь, увлекшую всех присутствовавших. После этого в Мариенкирхе было огромное народное собрание; Пфейффер и Оттер председательствовали на нем. Они предложили решить всеобщею подачей голосов, быть или не быть старому совету, который до сих пор состоял из четырех сменявшихся коллегий. Старый состав совета был отстранен. Даже старый бургомистр Баумгартен сочувствовал этому решению, он знал, что его сын должен наследовать ему.

Выборы нового совета состоялись совершенно в духе Пфейффера. Выбирал не народ, не граждане, а комитет; Пфейффер дал новому совету название «вечного совета». Это название должно было обозначать, что он не состоит из 4 сменяющихся коллегий, а из одной — постоянной.

Это было, конечно, шагом вперед [1]. До сих пор неизвестно, выбирался ли он на один год или на несколько лет; поло-

[1] Уставы этого «вечного совета» затеряны.

жительно известно только, что члены нового совета не избирались пожизненно, как члены старого.

Пока в Мариенкирхе рассуждали о составлении «совершенно нового христианского правительства», из среды народа стали раздаваться голоса, требовавшие смерти членов старого совета. Советники испугались и вступили в переговоры с депутатами комитета восьми, а когда народ окружил дом совета, угрожая разрушить его, — они отказались от должностей. Новому совету должны были присягнуть не только все граждане, но и весь народ вообще. С старым советом исчезла в Мюльгаузене последняя искра старой веры. Движение внутри города достигло своей цели. Это случилось 17 марта 1525 года[1]. Пфейффер и Мюнцер пользовались сильным влиянием как на новый совет, так и на комитет восьми граждан; однако ни тот, ни другой не председательствовали в нем, как это пишет Меланхтон; ни один из них не принял на себя ни должности бургомистра, ни звания члена совета. Пфейффер остался священником св. Николая, Мюнцер — священником Мариинской церкви. Они выговорили себе только право присутствовать на заседаниях совета и почти постоянно посещали их. В совете за основание при всех рассуждениях принимались христианское право и правила священного писания, долженствующие руководить всеми поступками христианина. При этом, по мнению Мюнцера, одинаковым значением с буквою писания должно было пользоваться толкование его, основанное на внутреннем откровении.

Пфейффер действовал в черте города и его окрестностях. Мюнцер смотрел на Мюльгаузен, как на исходный пункт, откуда агитация должна была распространяться далеко во все стороны. Он поддерживал самую живую связь с Франконией и Швабией, возбуждая в то же время волнение во всей Тюрингии.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Мюнцер в Тюрингии, Гессене, Саксонии

Приверженцы Томаса Мюнцера считали святым чуть ли не каждое его слово. Такие отношения еще более укрепились теперь, когда Мюнцер начал осуществлять на практике все то, что проповедывал прежде в теории. Так он учил прежде, что

[1] Доказательство того, как фальшиво, как поверхностно, как вполне ложно и с какою явною ненавистью рисует Меланхтон даже и те события из истории Мюнцера, исследование коих не могло представлять для него ни малейшего затруднения, может служить следующий пример.

для угождения богу люди должны восстановить между собой отношения первоначального равенства, — теперь он настаивал на общности имуществ, в духе древнего христианского учения. Враги Мюнцера уверяли, что на основании этого учения «каждый, у кого не было за душой ни гроша, мог брать теперь все, что только ему понадобится, где бы он его ни находил, мог принуждать и других делиться с собою на том основании, что Христос приказал делиться с нуждающимися». Но в действительности Мюнцер не расширял понятия об этой общности имуществ далее тех пределов, в которых оно было поставлено первыми христианскими учителями апостольских времен, по учению которых богатый должен был накормить бедного и одеть нагого. Мюнцер не шел далее дележа зерна, съестных припасов и снабжения бедного куском сукна на платье. Сам он одевался в простой сюртук, подбитый мехом, и в широкий плащ; широкая густая борода придавала его молодому лицу что-то ветхозаветное, патриархальное. Мюнцер был строго нравственен, в этом лежала отчасти причина того могущества, которым пользовался он и которое заставляло народ безусловно повиноваться его воле.

Юноша, чужестранец, он заставил преклоняться перед собою гордых граждан большого свободного города.

По словам достоверного летописца, рассказывающего то, что он видел собственными глазами, Мюнцер так крепко держал в руках свой народ, что еще долго после его смерти народу казалось, что Мюнцер, как всевидящий и карающий дух, постоянно стоит за его спиной[1]. Бесспорно это была сильная личность, с характером, достойным полного удивления. Об этом свидетельствуют даже его смертельные враги, конечно, совершенно невольно, без всякого желания со своей стороны. Не только Меланхтон, великолепный филолог и «отличный органон Лютера», человек необходимый для реформации, но конечно менее всего способный написать историю Мюнцера и его деятельности, но даже и сам Лютер — оба они, сами того не замечая, против воли высказывают самое высокое понятие о могуществе и силе духа Мюнцера. Сквозь всякую строчку, написанную ими о Мюнцере, так и просвечивает тайный страх, что вот, вот он войдет и предстанет перед ними в то время, как они упоминают его имя, говорят о нем. Тень давно умершего Мюнцера оказывала на них такое влияние, которое и при жизни бывает уделом только немногих сильных личностей. Почти в

Он говорит (в своей «Истории Мюнцера»), что Мюнцер провел целый год в Иоганитергофе в Мюльгаузене, «как важный барин»; и многие, после основываясь на его словах, повторяли то же; однако по достоверным источникам известно, что Мюнцер провел в Мюльгаузене только 8 недель: от 12 марта до начала мая.

[1] Этими же словами свидетельствует о нем современник его Себастиан Франк.

каждой строке, в каждом слове их о Мюнцере видно, что он давит их, как альп, что их постоянно преследует тайный ужас, что Мюнцер, как дух, «намалеванный на стене», вдруг явится перед ними в ту минуту, как они произносят его имя. Клевета не раз пыталась очернить самоотверженных, строгих и бескорыстных бойцов свободы прошлого века; но теперь даже наука придворных философов не решается отказать им в римских добродетелях. Томасу Мюнцеру пришлось испытать то же: клеветники пытались унизить достоинство его личного характера, затоптать в грязь его прах. Его жизнь была так же строга, как и его учение; Мюнцер был постоянно воздержан в пище и питье. Его любовь к подруге его юности была так сильна, что даже среди мучений пытки, перед лицом смерти, он думал только о ней и о ее будущности. Несмотря на это, после его смерти клевета коснулась даже и этой добродетели, она пыталась приписать и Мюнцеру разврат сумасбродных швейцарских перекрещенцев, в особенности же одну скандальную историю, случившуюся в Сент-Галлене. В кружках вюртембергских теологов тешились постоянно рассказами о том, как Мюнцер каждый раз, когда он собирался произнести какую-нибудь блестящую народную речь, собирал около себя красивейших женщин города, говоря, что он чувствует божественное дыхание в их кругу. То же самое говорили и о Сократе, и о Магомете, и о многих других великих людях; даже и о самом, «чистом сердцем», основателе христианства. Таким образом, взводимые на Мюнцера клеветы скорее возвышают, чем унижают его. Мюнцер поместился со своими приверженцами в Иоганитергофе, подобно Лютеру, жившему в августинском монастыре[1].

Обитатели иоганнитского монастыря должны были уступить. Все церкви города были очищены. Даже женщины и девушки усердно работали при этом и шили себе красивые платья из риз и церковных облачений. Мюнцер приказал сшить такое же платье и для своей жены. Он привлек в город тысячи сельского народа, с жадностью внимавшего его проповеди о новом царствии небесном. Новое учение могущественно действовало на них. Некоторых прельщала перспектива будущей добычи и наслаждений без труда, так как они думали, что еще прежде, чем они успеют уничтожить имения дворян, князей и духовенства, бог уже даст им все, что нужно. После каждой проповеди, в которой Мюнцер говорил о свободе и подкреплял свои доводы текстами из ветхого завета, Пфейффер составлял из молодых людей и девушек хор, певший обещание Иеговы сыновьям Иуды: «Вы завтра выступите и господь будет с вами».

[1] Болтливые вюртембергские кружки не дерзали заходить в своих сплетнях далее этого. В других местах ложь не останавливалась на этом; уверяли, будто Мюнцер перед каждой проповедью предавался плотским наслаждениям с окружавшими его красавицами.

Волнение быстро росло и в виде огромного огненного пояса распространялось оно от Мюльгаузена во все стороны, в графство Гогенштейн, Штольберг, Мансфельд, Бейхлинген, Эрфурт, Шварцбург, Альтенбург, Мейсен, Кобург, Шмалькальден, Эйзенах и по другим соседним местностям. Уже в апреле Лютер составлял план, как бы остановить восстание при помощи авторитета своей личности и своих слов. Он направился в Мансфельд, на свою родину, оттуда далее через Штольберг, Нордгаузен, Эрфурт, Веймар, Орламюнде, Кала в Иену, во всех местах проповедывал с обычной своей силой, стараясь привести восставших к повиновению и предостеречь их от прельщений «кровожадного пророка» и его послов. Действительно, Мюнцер всюду разослал своих учеников возбуждать народ к принятию нового царствия небесного. Пфейффер вел список всех посвященных в союз, основанный уже много лет тому назад. Больно было Лютеру видеть, что его могущество пало, что его слова уже не имеют прежнего обаяния. Учение Мюнцера слишком согласовалось с ежеминутно чувствуемою суровою действительностью, чтобы Лютер мог побороть его, восхваляя божественный авторитет, начальство и доказывая христианское начало рабства. Во время его путешествия восстание вспыхнуло даже в Эйслебене, его колыбели. Оно всюду окружало его. Не успел еще он возвратиться в Виттенберг, а факел Мюнцера уже горел в Веймаре, Лейпциге и Горгау, в Рудных горах и в Фойтланде.

Если даже голос самого Лютера был заглушен шумом бури, проникшей теперь во все концы Германии, то что же значили перед нею все усилия других, более мелких деятелей, которые тоже пытались подавить дух свободы и унять начавшееся брожение. Против Мюнцера ратовал даже доктор Штраус, проповедывавший прежде горцам Инталя, теперь эйзенахский священник; он вместе с эйзенахским бургомистром уговорил любимого народом соседнего проповедника *Вицеля* совершить в сопровождении двух эйзенахских граждан путешествие по всей стране, стараясь всюду успокоить сельских жителей проповедью, влиянием и обещаниями облегчения их участи, в случае если они останутся спокойными. Около 11 марта Вицель послал Томасу Мюнцеру письмо, в котором он умолял его смириться, одуматься и сознаться, что им овладел злой дух. Если согласится он, писал Вицель, все они будут считать его самым дорогим своим братом и готовы с ним всем поделиться; но Мюнцер должен отречься для этого от овладевшего им страшного духа восстания, — от союза, который, прикрываясь евангелием, вооружается против всех, не желающих присоединиться к нему, должен отказаться от учения, по которому все безбожники должны быть лишены жизни, от отданных им приказаний уничтожать церкви, образа, алтари, отречься от всего, что он писал против авторитета буквы священного писания,

и от всего, что он говорил о духах, видениях и снах. Так как это письмо, естественно, не произвело на Мюнцера желаемого действия, то Вицель выбрал и выписал различные места из библии, чтобы при их помощи отвлечь крестьян от Мюнцера. Но оба эйзенахские бюргера, которые должны были сопутствовать Вицелю, отказались от поездки, и сам Вицель скоро оставил свое намерение.

Ему не удалось удержать даже свой собственный приход Венинген-Любениц от присоединения к Евангелическому союзу. В тот самый день, когда он держал восторженнейшую проповедь народу в Венинген-Любенице, весь приход взволновался; собрали сходку. На ней явился вооруженный отряд крестьян, сторонников Евангелического союза, с предложением присоединиться к союзу; все заявляли о неудовольствиях, которые они имели против своего владельца Дидриха фон Фарнроде, и хотели даже напасть на него. Вицель употреблял все старания, чтобы примирить владельца с его подданными и уговорить последних обратиться к своим работам; но дух восстания уже слишком сильно овладел ими. Целый отряд вооруженных людей последовал за прибывшими, и Вицель, боясь, чтобы его, подобно другим священникам, не принудили следовать за восставшими, выбрался как можно скорее из своего прихода. На улице ему встретились крестьяне из деревни Гросс-Любениц. «Куда это вы? — спросил он их, — я иду к вам на проповедь»; крестьяне молча прошли мимо, только один закричал ему вслед: «Проповедуй пока нашим женам». Вслед за тем, встретился он с другой толпой крестьян. «Что вы делаете? — крикнул он им. — Отчего вы не хотите помириться с вашим господином, он согласится на выгодные для вас условия». «Как бы не так, — отвечал один из крестьян, — знаем мы, как наши господа держат свое слово».

Крестьяне стали лагерем в Вангенгейме при озере Гардо; из всех окрестных деревень их набралось несколько тысяч, и Вицель, едва успевши вернуться домой, уже получил от них предложение явиться и сказать проповедь на чистом поле собравшемуся Христианскому братству; в случае же отказа крестьяне грозили ему наказанием. Вицель отвечал, что просит их возвратиться назад, в деревню, там, в церкви, он охотно будет им проповедывать. Крестьяне прислали ему второе письмо; они грозили, что в случае дальнейшего упорства жизнь его будет небезопасна, где бы он ни находился во всей Тюрингии; священники других приходов уже присоединились к ним, опасность была очевидна, женщины, оставшиеся в деревне, умоляли и просили его; он поехал в лагерь, чтобы уговорить крестьян и от себя и от имени их жен возвратиться домой. Эта попытка не удалась ему; а неурядица в лагере христианских братьев сильно была ему не по сердцу; поговорив с ними в продолжение нескольких часов, Вицель вернулся назад. На следующий

день вечером он увидел, что большинство крестьян возвратилось в деревню со своими орудиями. Крестьяне пробыли в отсутствии в продолжение четырех дней, в это время они действительно вели борьбу, только не против людей, а против быков, свиного сала, мучных кулей и огромных винных бочек.

Только что успокоенное волнение было возбуждено снова письмом Мюнцера, в котором крестьяне приглашались опять присоединиться к Христианскому братству. Вицель, с своей стороны, всеми силами старался удержать их от восстания. Его старания и теперь, как и прежде, были встречены неблагодарностью: крестьяне назвали его льстецом князя, князь с своей стороны заподозрил его в союзе с ними; а в кружке Лютера и его приятелей рассказывали, что доктор Штраус выслал своего советника и верного друга Вицеля уверить крестьян, будто он доведет дело до того, что их 12 требований будут приняты[1]. Знаменитые 12 швабских пунктов были перенесены сюда из Майнца и Фульда. Крестьянские значки (отряды) собрались не только по сю сторону Рейнских гор, но и на другой стороне хребта, еще в апреле расположились лагерем несколько отрядов, составлявших тесный братский союз. Их восстание было, собственно говоря, только естественным продолжением движения оденвальд-неккарских долин, направившегося через Майнц. Лагерь в Аурахе, между Киссингеном и Гаммельбургом, служил переходным пунктом. В Штейнбахском лесу, у замка Аттенрод, сходились границы Гессена, Геннеберга и Тюрингена. Однакоже, кажется, влияние Тюрингена и Мюнцера было тут всего сильнее. Когда отряд франконцев напал на возвращавшегося во Франконию из Хольцкирхена Мельхиора фон Кюхенмейстера, пробста города Иоганнисберга на Фульде, и убил его, то жители Гаммельбурга начали преследовать убийц и разрушили замок Рессенберг, куда последние скрылись, доказав таким образом на деле привязанность к своему священнику. Вскоре после этого гаммельбургцы, первые между вассалами монастыря Фульда, присоединились к восстанию, тотчас за ними поднялись жители *Букена*, знаменитой своими буковыми лесами части Гарцвальда. Начальником монастыря, аббат которого Гартман жил в Майнце, был в то время коадъютор Иоганн, сын графа Вильгельма, старого Геннебергера. По прошествии трех дней подданные и крестьяне собрались толпами в числе 10 000 в монастырь *Фульда* и рассыпались по всему Букену, а гессенские крестьяне расположились отрядами вокруг Фаха, Герингена, Фриденвальда и Герсфельда: они врывались во многие монастыри и грабили их; разоряли также

[1] Сочинение Неандра, составленное по письмам и запискам Вицеля и Юстуса Ионаса, «Небольшие замечания биографического содержания», стр. 185—194. Неандр, истинный христианин, оказал важную услугу уже тем, что дерзнул обнаружить сплетни и всю отвратительную мелочность приверженцев и льстецов Лютера в Виттенберге.

дворцы и замки, превращая, таким образом, в бездомных нищих не одних монахов и монахинь, но и благородных господ и дам. Крестьяне взяли даже город Фах на Верре и Геринген; почти все рыцарство Букена вступило с ними в союз, и пока одна часть отряда осаждала замок Фриденвальд, где засел фогт с небольшим отрядом солдат и несколькими глупыми крестьянами, другая часть отряда направилась к городу Герсфельду. Они разослали письма по всей окрестности, прося помощи и защиты; медлившим грозили истреблением их посевов, лишением жизни и имущества. Тогда к ним присоединились многие даже из округов ландграфа Гессенского[1].

Замок Аттенроде был сожжен. Некоторые мелкопоместные владельцы, впрочем очень немногие, пытались противиться братству. У Якова Штюкрада было имение неподалеку от Ратенберга, между Гердерсхаузеном и Нидергудом; когда крестьяне явились туда, Яков отослал свою жену с двумя детьми в укрепленный Шпангенберг, а сам остался защищать свой очаг и умер среди пылающих головней, переброшенных к нему на двор[2]. Даже в самом городе Фульде бюргеры разрушили на святой неделе четыре монастырских церкви, и коадъютор вступил в братство крестьян. У него было мало людей, так как большую часть он отослал к своему отцу в Геннеберг, а некоторых в Майнц; несмотря на это, крестьяне все-таки сочли присоединение коадъютора чистосердечным; они приветствовали его не только как брата, но как князя Букена: мы не хотим более пастуха (kuhhirten), сказали они с насмешкою, переиначивая титул коадъютора. Основываясь на этом и на том, что отец его, старый Геннеберг, тоже присоединился к крестьянам, ландграф Гессенский долго относился к нему с недоверием. Коадъютор подписал на фульдском совете 12 крестьянских пунктов. Однако он согласился на это только тогда, когда увидел, что вокруг дымящихся развалин разрушенного монастыря на Андреасберге (ныне Нейенберге) собралось 10 000 крестьян, к которым присоединились и бюргеры Фульда. Монастыри на Петерсберге и на прекрасном Фрауенберге были тоже разрушены. Пламя поглотило древнюю святыню этой горы, где в продолжение 5 столетий раздавалось пение монахов. Руки, искавшие скрытых сокровищ, не пощадили даже могил; священники и монахи были изгнаны.

Главным начальником Фульдского отряда был часовщик Ганс Далькобт (Дольгофер); после него Генне Вильке, Ганс Кугель и Ганс фон Рон (Rone). Комитет букенской общины помогал начальникам.

Здесь менее чем где-нибудь возможно было резкое разобщение отдельных отрядов. Отряды, выходившие из Гарца,

[1] Письма ландграфа Филиппа Швабскому союзу из Кассельского архива, у Роммеля.

[2] Из семейных хроник, Роммель, II, 75 примечание.

Рончы и Тирингервальда, сходились к границе и действовали то сообща, целыми массами, то порознь, отдельными отрядами.

Вскоре после взятия города Фульда в братство вступил и Герфельд, выдержавший продолжительную осаду 5 000 крестьян. Хотя аббат Герфельда — Крато (подобно большинству братии этого монастыря сочувствовавший учению Лютера, даже дружески принимавший у себя самого Лютера во время его путешествия в Вормс)—и укрепил замок на Эйхенберге, Петерсберге и Иоганнисберге, однакож он все-таки видел, что крестьян слишком много, а людей у него, сравнительно, очень мало; тогда он решился подписать 12 пунктов, но с тем условием, что в случае если его милостивый господин предпишет какой-нибудь христианский порядок, то этот порядок должен быть строго охраняем.

Этот господин был ландграф Гессенский. Ландграф послал в город Фульд трех рыцарей: Удо Хунда, своего наместника в Шенштейне, с которым крестьяне когда-то обошлись так сурово, Иоганна Ридзеля из Эйзенбаха и Гейнца Люддерна. Они получили от города дерзкий ответ, что коадъютор принял светский сан и что если ландграф присоединится к Христианскому братскому союзу жителей Букена, то они охотно заключат с ним мир. В это же время в гессенские города Кассель, Трейсса, Ротенберг, Шпангенберг, Гомберг, Сонтра, Цигенгайн, Нейкирхен, Альсфельд, Мельзунген, Витценгаузен из Герсфельдского лагеря были посланы предложения принять слово божие и соединиться с крестьянами для низложения духовных и светских властей. Крестьяне упросили обоих герсфельдских бургомистров написать им эти предложения. Однако все названные города отослали письма крестьян прямо к своим владетельным князьям, обещая положить за них свою жизнь и имущество и прося немедленной помощи. Христианское братство Букена продолжало меж тем, волей или неволей, присоединять к себе одну за другой все местности Герсфельдского округа. Одна часть отряда расположилась главной квартирой в городе Герсфельде, другая, из Тюрингервальда, заняла город Фох на Верре[1].

В крестьянском лагере, расположенном возле и внутри Фоха, собрались большею частью саксонские крестьяне города и округа Зальцунгена, округа Брейтенбаха и Герстунгена, города и округа Крейцбурга и из лежавших вблизи этих мест имений духовных и светских владельцев. Здесь около самого Вартбурга, добровольного десятимесячного Патмоса Лютера, где он еще так недавно начал дело реформы и перевел библию, — здесь восстало почти все население, так что число возмутившихся крестьян простиралось до 8 000.

[1] *Fuldens*, III, 250, Букония, периодическое издание для отечественной истории; *Шнейдера*, I, 164—169; *Раммель*, Филипп, I. 106—II, III, Примечание, стр. 74.

Предводителями этого отряда были Михаил Сакс, Мельхиор и Ганс Шиппель. Михаил Хуттер из Шмалькальдена нес знамя с изображением распятия, птицы, оленя, рыбы и леса[1].

Они направились вверх по реке Верре, разрушили и сожгли девичьи монастыри Фрауензе и Фрауенбрейтунген, разграбили женские обители Аллендорф и Герренбрейтунген, лежавшие невдалеке друг от друга, по ту и по сю стороны Верры. О них шла дурная молва в народе и между дворянами. Аллендорф, принадлежавший почти двести лет ордену цистерцианских монахов, лет 7 тому назад был преобразован по правилам бенедиктинского ордена, и аббатство Фульда назначило ему в управители пробста. Но пробст и монахини зажили светской, да к тому же еще и распутной жизнью. Саксонский амтман Зальцунгена прогнал духовника монахинь и должен был сделать это. Бежавшие от крестьян монахини спрятались у жены зальцунгского амтмана, решительно отказавшегося выдать их крестьянам. Крестьяне расположились после этого на Бейхлингерском лугу перед Зальцунгеном; совет должен был присягнуть им и выслать им пива и хлеба. Потом они направились к Шмалькальдену. Жители этого города были верными евангелистами; дух свободы давно уже одушевлял их; с 1330 года они пользовались гражданской свободой, дарованной императором Людвигом Баварским. Теперь они хотели приобрести политические права. Капитул при городской соборной церкви и монастырь св. Георгия дали крестьянам богатые военные средства, и город отворил им ворота. Многие дворяне должны были вступить в братство, а в вальпургов день отряд расположился у нижних ворот Мейнингена.

Здесь они узнали, что город уже присоединился к Верхнефранконскому братству, собравшемуся в Бильдгаузене, а потому, когда бильдгаузенские начальники учтиво отклонили предложение соединиться с ними, они снова возвратились к Верре и направились к Эйзенаху; этот город им тоже не удалось склонить присоединиться к союзу, поэтому они отправились далее к Мюльгаузену[2].

Отрядом инсургентов, расположившихся на Гарде, предводительствовал Пикель, крестьянин из Заненборна. Он вывел с собою из Вангенгейма пленных дворян и рыскал в настоящее время по герцогству Готскому. Перед самым началом восстания графы фон Глейхен, владевшие поместьями в этой местности, затеяли с зеебергской общиной спор по поводу прудов, рыбной ловли, вынутых пограничных камней и т. п. Граф Гюнтер из Шварцбурга напрасно старался отстранить неудовольствие; теперь, когда крестьяне восстали со всех сторон, графы фон Глейхен спешили снискать расположение своих вассалов

[1] *Иоганн Мюллер,* повествование.

[2] *Спалатин,* Саксонская история, в архиве Струве, т. III, стр. 100; *Глозер*, стр. 284.

новыми обещаниями и окончанием старых споров. Они потребовали новой присяги себе, они хотели выслушивать все подаваемые жалобы. Некоторые общины отвечали на это (29 апреля), что у них скопилось слишком много жалоб, что потому они не могут сговориться обо всем в такой краткий срок. Они знают, что их начальство — установление божие. Вчера же им дали знать из лагеря крестьян, чтобы они отказались от присяги и лучше бы приняли 12 пунктов, в противном же случае им грозили смертью. Их сильно это беспокоит, потому что если крестьянские пункты будут приняты, то и они должны держаться их; но они надеются, что в Курсаксене и в Тюрингии будут установлены справедливые правила касательно ренты, лесной подати, охоты, рыбной ловли и барщины. Самым властолюбивым из всех четырех братьев фон Глейхен был, кажется, граф Филипп. Он жил в своем замке в Тонне, недалеко от Унштрута. Отряд увел и его вместе с другими пленными. Ему тоже пришлось сносить терпеливо, как Поль Мюллер, крестьянин из Вейнгартена, в лицо смеялся над ним, приговаривая: «что, Филипп, и ты теперь сравнялся с нами».

В городе Гота и его окрестностях бюргеры и крестьяне были совершенно спокойны. Это спокойствие не было следствием увещаний местного городского совета, скорее оно было порождено смягчающим влиянием проповедей весьма известного в истории реформации Мекума. Еще в прошлом году в городе произошли беспорядки: вооруженная толпа вломилась в капитул соборной церкви и отняла у каноников не только их наложниц, но и имущество; совет не решался или, скорее, не мог ничего предпринять против этого. Но Мекуму удалось силою своего слова убедить сводный отряд крестьян, числом до четырех тысяч, долгое время находившихся в Ихтергаузене, отказаться от намерения разрушить замки Глейхен, Июльберг, Вахсенбург и перебить живущие в них семейства благородных господ[1].

Напротив того, древний монастырь Рейнгардсборн был разрушен. Аббат Гейнрих отправился в Веймар. На фоминой неделе из Вольтенгаузена и соседних мест поднялась толпа бюргеров и крестьян; они ворвались в аббатство, выгнали оттуда монахов и оставались там до тех пор, пока не истребили всего, что только было в монастыре. Настоятель не пытался спасти ничего, кроме богатых церковных украшений, монастырских документов и привилегий. Богатая библиотека древней обители со всеми рукописями и книгами оставалась в монастыре. Крестьяне угнали с собой скот и увезли запасы. Все это они поделили между собой. А драгоценные памятники истории Тюрингии, древние рукописи, были или сожжены,

[1] Sagittarii histor. Goth., S. 170, 171, 424; Sagittarii histor., Графство Глейхен, стр. 398, 399; Tenzelii Suppl. relig. histor. Goth., S. 733, 734.

или разорваны ими; они разрушили даже надгробные памятники, камни и надписи над наследственными могилами ландграфов тюрингенских, разорили алтари, картины, образа и престолы, не щадили колоколов и органов, и в заключение сожгли издревле чтимую церковь монастыря[1]. Быть может, еще прежде, чем крестьянский отряд прибыл в Ихтерсгаузен, в нескольких милях оттуда, в монастыре Ильмена, в герцогстве Шварцбургском, образовался отряд инсургентов. Вскоре в нем уже насчитывалось около восьми или десяти тысяч человек частью бюргеров, частью крестьян. Даже граждане Арнштадта на Гере, резиденции графов шварцбургских, не хотели более втуне иметь на своем гербе черного орла на золотом поле — этот символ свободы — и втуне носить свое старинное название граждан «орлиного города». Они вооружились и отняли у графа Гюнтера XXXIX и его сына Генриха XXXVII все доходы и всю их власть в городе, а у дворянства и духовенства, жившего в городе, их привилегии. Точно так же и шварцбургские крестьяне сами письменно утвердили все права и обязанности своих графов. Таким образом, графы были вынуждены на сейме в Арнштадте принять 12 пунктов и обещать, что они никогда не будут мстить за случившееся. Их примеру последовали и округи нынешнего княжества: Шварцбург, Зондерсгаузен, Клинген, Грейссен и Эрих. Гангольф, проповедник шварцбургского города Франкенгаузена на Виппере, был предводителем Шварцбургского отряда. В воскресенье на фоминой неделе они разграбили каноников Иехабурга, недалеко от Зондерсгаузена, и уничтожили все документы. Ограбив капитул Иехабурга, в тот же день направились к Зондерсгаузенскому замку. Молодой граф Гейнрих уже заранее скрылся в Нордгаузен. Они угрожали взять замок приступом, в случае если канцлер Герман Ритман не выйдет к ним. Герман знал, что народ был особенно нерасположен к нему. Он работал в это время в канцелярии. Ему казалось крайне неудобным давать отчет перед такими ревизорами, и потому, оседлав коня, он тайком улизнул из замка, пока крестьяне еще шумели перед его стенами. Убедившись, что Герман бежал, крестьяне ворвались в его дом, разграбили его, разломав и разбив все то, чего не могли унести с собою.

Восстание само собою перешло границы графства и охватило близлежащее герцогство Саксонию. Здешние крестьяне также хотели заставить своего герцога Георга, державшегося еще старой веры, принять, по примеру шварцбургского графа, 12 пунктов. Крестьяне его имений Гроссен-Гюттерн, Шонстедт, Кирхейлиген, Зундгаузен и Меррлебен соединились с шварцбургцами и напали на некогда знаменитый монастырь Гомбург при Унштруте, между Лангензальцем и Томасбрюкеном. Они

[1] Thuringia sacra, I, 173.

разграбили его, однако не разрушили до конца. Аббат Либориус скрылся вместе с монахами. Большинство бюргеров города Лангентальса и частью даже вожди движения были сторонниками Мюнцера[1]. Неподалеку оттуда духовному курфюршеству Майнцу принадлежал отделенный от прочих его земель большой город, столица Тюрингии, Эрфурт с его округом, и значительная область Эйшфельд, лежащая несколько ниже и отделенная от Эрфурта только узкою полосою Саксонского герцогства. К последней обыкновенно причисляли и Эрфурт. Здесь процветали науки. Эрфуртский университет был основан здесь еще почти полтораста лет тому назад. По усиленной просьбе граждан, Лютер проповедывал здесь, проезжая в Вормс. Университетский совет и горожане встретили его торжественным шествием. Вскоре почти все жители сделались приверженцами евангелического учения. После отъезда Лютера, в июле 1521 года, студенты, бюргеры и их сыновья восстали против каноников, отказывавшихся от исполнения гражданских обязанностей; оба монастыря немало пострадали, даже решетки, печи и окна были выломаны, двери выбиты, не одна бочка вина была опорожнена. Тогда каноники выдали совету 10 000 гульденов и восстановили этой контрибуцией мир.

Уже с 1508 года, когда община восстала, эрфуртцы принимали живейшее участие в гражданской жизни своего города. Совет распоряжался здесь хуже, чем где-либо. Он состоял исключительно из членов дворянских фамилий, патрициев. Вдруг в городе разнесся слух, что бургомистр Гейнрих Кельнер заложил замок и местечко Коппендорф за 8 000 гульденов саксонскому дому и что совет наделал огромные долги. Община потребовала отчета. Совет позвал на помощь курфюрста Саксонского. Однако нельзя было избежать следствия, и только судебное разбирательство могло успокоить общество; им было обнаружено, что главный ратмейстер Кельнер действительно заложил, без ведома общины, городское владение Коппендорф и что цифра городского долга доходит до 600 000 гульденов, проценты с которой составляют ежегодно сумму в 30 000 золотых гульденов; все это было сделано без ведома общины. Переворот совершился скоро: весь совет был сменен, большинство патрициев скрылось из города, с ними бежал также исполнитель приговоров старого совета. Общество избрало новых членов совета из главных пяти цехов.

При начале восстания совет только пополнялся выборными из цехов, и сам Генрих Кельнер еще заседал в нем как депутат от общества. Когда в совете во время рассуждений о Коппендорфе его спросили: «Кто же по его мнению составляет общество», причем члены совета, выбранные от цехов,

[1] Olearii Sintagma rer. Thuring., 1, 8, 32, 187, 196, 228, 354, 1187; Старая тюрингенская хроника.

прибавили, что, по их мнению, общество составляют все граждане Эрфурта, — этот патриций имел дерзость встать и сказать, указывая на себя, — «вот общество!»

Судебным решением он был приговорен к виселице. Никакие просьбы саксонских князей не могли его спасти; он был обличен и признался во всех своих тяжких грехах. Так как палача не было, то его повесил за 13 гульденов один вор, которого Кельнер, как крестный отец, освободил от виселицы в Арнштате, заплатив за него 36 грошей. Ссора между обществом и патрициями продолжалась еще 9 лет, и в этот промежуток времени, именно в 1514 году, четвертовали за измену одного городского синдика, Бертольда Бобенцана [1].

В 1524 году в Эрфурт приехал известный Иоганн Эберлин из Гинцбурга, целый год проповедывал он здесь, громя с благородным беспристрастием и власти и подчиненных. Когда же народное восстание в Германии начало принимать все более и более угрожающий характер, он дошел до того, что стал требовать в своих проповедях от дворянства, чтобы оно, поступая всегда по совести, обуздало вместе с тем наглую, злую, своевольную чернь. В противном случае дворяне должны ждать себе кары божьей. Проповедь Эберлина встречала, с одной стороны, злобу, с другой — ненависть. Он всеми силами старался убедить небольшую преданную ему кучку крестьян не вредить делу своим нетерпением относительно будто бы угнетающих их господ. Когда Эберлину принесли напечатанные 12 пунктов швабских крестьян, он стал говорить против них. Кроме Эберлина, в городе был Кобан Гесс, известный в свое время филолог и поэт, смертельный враг духовенства, либерал, но человек честолюбивый и без твердых убеждений, что позволяло ему вертеться, как флюгеру в ту сторону, откуда дует ветер. Эберлин еще и не чуял волнений в городе, а уже тюрингенвальдские бюргеры осветили небо заревом пожара. Рано утром в пятницу 28 апреля он был по какому-то делу у дворян в ратуше и собирался уже уехать. Как вдруг все присутствовавшие встали со своих мест и стали убедительно просить его пособить им советом и помощью. На вопрос удивленного Эберлина, что значит эта просьба, они рассказали ему, что под стенами города расположилось 4 000 [2] эйхсфельдских крестьян, что город тоже в волнении и что на Аухстском мосту собираются толпы горожан. «Поступите относительно нас, как честный человек, — сказал ему ратмейстер Ганскох, —

[1] Городская хроника Эрфурта от 1036 до 1544 г. Рукопись, перепечатанная у Паулуса Софроницона, т. II, тетрадь 3. В этой же хронике есть отрывки: Anecdota ad Historiam Erfurti *Германа*. 1820 г., 8; Ср. его Historia Erfurt., стр. 223—224.

[2] 4 000 означено в прежнем сочинении *Эберлина* «Честное предостережение». 11 000 означено в рукописи Эрфуртской городской хроники. 11 000 — в ректорских матрикулах в Эрфурте.

от вас зависит помочь нам». «Если народ, — ответил Эберлин, — станет собираться, несмотря на благоразумные советы, то я не пожалею жизни для водворения спокойствия. Но я не вижу между вами вашего главного начальника, господина Адоляра Гюнтера, быть может он задумал что-нибудь другое?» В это время пришел Адоляр и подтвердил просьбу совета. Тогда Эберлин в сопровождении нескольких членов совета отправился к старой башне, где собрался народ, прочие остались в ратуше и с волнением ожидали его возвращения. «Я пришел к вам, как друг, — сказал Эберлин, — пропустите меня». Он вошел со своими спутниками на одну из стен башни и оттуда обратился к народу: «Если вы меня считаете вашим другом, — сказал он, — то выслушайте меня спокойно». В народе водворилась мертвая тишина, лишь услышали первые звуки знакомого голоса. Между тем к Эберлину присоединились два других проповедника, он обратился к народу со строгой, но полной любви речью, уговаривая его не делать никому вреда, не наносить позора евангелию и не ставить себя в опасное и затруднительное положение. «Не думайте, — заключил он, — что я лицемерю перед вашими господами, которые стоят здесь, подле меня; нет, я никогда не был лицемером и не буду им. Докажите же, что вы мои друзья и любите мое учение: положите ваше знамя».

Эта минута обнаружила еще раз нравственное могущество любимого проповедника: народ повиновался ему. «Теперь преклоните колена, — сказал Эберлин, — и помолитесь, я хочу еще поговорить с вами». Народ исполнил и это. Тогда Эберлин начал великолепную, убедительную проповедь, которую закончил так: «Кто со мной, тот пусть поднимет руку». Все с громким криком, подняли руки вверх. Радовались члены совета, радовался также и Эберлин: «Милые друзья, — сказал он, — я вижу, что ваше сборище было скорее дьявольским навождением, нежели своеволием. Это ясно из того, что вы так скоро отказались от него под влиянием слова божьего; да наградит вас за это бог и ваши господа».

Таким образом, в городе снова водворилось спокойствие. Эберлин вместе с членами совета и проповедниками отправился вслед затем в поле в крестьянский лагерь; там он говорил то же, что и в городе, и так же заставил крестьян преклонить колена и выслушать его. Однако в самом начале проповеди его прервали; к нему подошли несколько человек, говоря, что есть дело и поважнее его проповедей, пусть он поразмыслит, с чьей стороны пущена стрела, конечно, уж не с крестьянской.

Крестьяне послали в город письмо с изложением своих желаний. Они требовали свободного впуска. Жители Эрфурта подстрекали их к этому сами. Однако они соглашались впустить в город только вассалов своих господ, а не чужих. В го-

роде снова вспыхнуло восстание. Дело обошлось, однако, без кровопролития. Кроме того, в первый же день с судебных домов архиепископа и с таможни были сорваны и уничтожены майнцские гербы, дом палача был также срыт до основания; бюргеры и крестьяне ворвались на майнцское подворье и в дома многих духовных лиц; монастырские церкви были превращены в приходские; многие церкви закрыли «за папизм». Обедню служили только в большом госпитале, и когда проповедывал доктор Конрад Клинге, церковь и церковный двор наполнялись народом. Монастыри сильно потерпели, — лучшие вина были выпиты, дорогие запасы истреблены [1].

В городе крестьяне были так смирны, говорит Эберлин, что можно было подивиться; ни один бюргер не пострадал от них. Эобан Гесс был даже отчасти доволен ходом вещей. Тюрингия, писал он одному из своих друзей, полна смятений, разрушений, убийств, в Эрфурте же можно быть совершенно безопасным, до сих пор здесь не причинили обиды даже ребенку; принялись только за имения монахов и архиепископа. Он благодарен крестьянам, потому что теперь, по милости их, снова явилась полная указная мера вина и пива и покончен обременительный акциз. Одушевленный наслаждением от возвращенных ему по старому праву и порядку бутылок, он испытывает даже какое-то опьянение свободой: «Мы выгнали епископа майнцского, — пишет он; — мы перевернули вверх дном все духовное правительство; хоровое пение и обедни прекращены; слово божие ревностно проповедуется; мы, как кажется, добились свободы, но, чуется мне, что нам предстоит гроза» [2].

Эберлин ежедневно переходил из одной стоянки крестьян, расположившихся по монастырям, в другую, уговаривая и их и горожан быть терпеливыми и послушными. Несколько сот крестьян расположились в монастыре картезианцев. Вскоре Эберлин стал очень тревожен и беспокоен: среди крестьян явились подстрекатели, беспрестанно мутившие их. Эти бездельники научали простодушную толпу силою ворваться в ратушу, уверяя, что дворяне изменяют им.

Толпа уже собралась против монастыря картезианцев, когда явился Эберлин и успел, впрочем, не без опасности для своей жизни и жизни сопровождавшего его ратмейстера Ганса Мюллера, убедить толпу успокоиться. Много раз потом проповедывал он всему народу, бюргерам и крестьянам в церкви женского монастыря. Господин Адоляр Гюнтер, желая вознаградить Эберлина, предложил ему от имени комитета, выбранного советом, гражданами и крестьянством, место проповедника в церкви женского монастыря и четырех ему при-

[1] «Omnia illorum nobiliora vina tum, obsonia consumserunt», — уныло рассказывает ректор Ремберт.

[2] Eobani Hessi epistolae (Marbugg 1543), p. 110 sq. p. 118.

надлежащих приходов. Но Эберлин, друг и двоюродный брат Якова Веэ, лейпгеймского мученика, не принял этой почести и не занял эрфуртской кафедры.

В городе, между тем, одержала верх другая партия; вскоре был выбран новый совет. Эберлин был против этого. Новый совет решил изгнать монахинь из их монастырей. Эберлин возражал. По моему мнению, мы не должны притеснять папистов, говорил он, пусть всякий видит, что мы имеем дела с душами, а не с карманами. Многие порицали его за то. Однако бо̀льшая часть женских монастырей осталась неприкосновенною. Только монахини обители св. Андрея принуждены были очистить монастырь. Крестьяне никому в городе, кроме монахов, не нанесли ни малейшего вреда. Эберлин устроил дело так, что даже чиновники архиепископа пользовались совершенным спокойствием. Крестьяне, главными предводителями которых были Фенер и Дингер[1], не трогали даже и их.

Народное волнение распространилось по окрестностям и охватило все соседние саксонские земли. В Роде и Лобде собралось около 3 000 человек, в Нейенштадте и Пезинке столько же, в Заальфельде 2 000 человек, около Гера и Ронненберга 4 000 человек, в Фойтланде около Плауэна 8 000 человек. По словам Спалатина, они причинили много вреда курфюрстским кавалерам, графам и дворянам; разорили почти все их дома и принудили их к принятию 12 пунктов и к вступлению в Крестьянский союз[2].

Очень может быть, эти цифры преувеличены, но во всяком случае Мюнцер проявлял почти невероятную деятельность. Его агенты особенно энергично действовали за Плауэном, в саксонской горной стране и в Эрцгебирге. Горцы из графства Мансфельд, как рассказывают известия из Эрцгебирге, приходили в верхнюю страну в Цвиккау, Шварценберг, Аннаберг и Мариенберг. Как рудокопы они легко находили себе работу и втихомолку распространяли между своими товарищами учение нового царствия божия — мюнцеровское учение свободы и равенства.

Вскоре близ Элтерлейна, во владениях аббата фон Грюнгайна, составился лагерь из 1 500 крестьян и рудокопов. Они двинулись на Шлеттау у Аннаберга, выломали ворота, разграбили замок, вломились в дом священника и в дома многих бюргеров, своевольничая без конца. В Аннаберге их попробовали испугать известием, будто герцог Георг Саксонский выступил в поход; это подействовало: они поспешили вернуться в Грюнгайн. Аббат вместе с монахами бежал в Аннаберг, где у него был свой дворец. Но и тут он не решался даже но-

[1] Городская хроника Эрфурта, рукопись Эберлина, 1526 г.
[2] Саксонская история Спалатина у Струве, III, 102.

чевать дома, потому что простолюдины, рудокопы Аннаберга, вполне сочувствовали крестьянам. К первому отряду присоединился также еще другой из Цвиккау. Они опустошили и разорили монастырь в Ауэ и большую церковь в Грюнгайне, а рашаускую церковь разрушили до основания. Дворяне и духовные бежали в укрепленные города. Округи Кенигсвальд, Мильденауе, Шенбрунн, Арнсфельд при Аннаберге, жители Рюккерсвальда и Лаутербахера близ Мариенберга, села близ Фалькенштейна — все собрались в один отряд, изгоняли и грабили дворян, духовных, из которых очень немногие были в добром согласии со своими подданными[1].

Крестьяне этой местности были сильно угнетены. Хотя и здесь местами попадались свободные земледельцы, не обязанные личной службой, но даже и те должны были платить оброк за свои участки. Притом дворяне старались всеми силами лишить их свободы. Большинство же составляли крепостные или, по крайней мере, несвободные крестьяне, обязанные «давать, сколько прикажут, пить господское вино и служить по милости господ». Кобургские крестьяне были принуждены платить не только оброк натурою и обыкновенную подать (справедливый процент), но, кроме того, были обложены еще «принудительной податью», которую землевладелец имел право требовать с каждого по своему усмотрению. Крестьянин мог покупать вино и пиво только у своего господина и в каждом селе только господин имел право вести торговлю вином. К тому же еще на крестьянах лежали невыносимо тяжелые конные и пешие барщины. Все жалобы крестьян на обременительность новых налогов и на насилие оставлялись обыкновенно без всякого внимания. Им указывали в ответе на земские описи имений, где значилось обыкновенно: «это село принадлежит господину, который может делать с ним все, что хочет», или: «крестьяне должны делать все, что пожелает господин», или: «имение можно и пощадить и разорить»[2].

Ясно, что при таком гнете восстание должно было вспыхнуть от первой брошенной искры. Крестьяне уже более полустолетия принимали участие во всех распрях своих господ. Они постоянно дрались за них, образуя пехоту их ополчений, то с луками и стрелами, то железными цепами, частью даже вооруженные огнестрельным оружием. Много лет они составляли как бы постоянное поголовное ополчение, поэтому у каждого крестьянина были боевые доспехи и оружие[3].

Кобургские крестьяне уже давно готовы были сбросить с себя духовный и светский гнет. Фейльсдорфский аббат, неблагосклонно относившийся к евангелию и в особенности к его

[1] *Геринг*, История горной саксонской страны, I, 203—205.
[2] Кобургская история Адольфа фон Шультеса, из летописей, стр. 161—164.
[3] Там же, стр. 113.

проповедникам, бежал в замок Гельдбург. Августинский монастырь в Кенигсберге отправил все свои документы, драгоценности и серебро в крепость Кобург; туда же скрылись и дворяне; аббат видел, как пламя охватывало монастыри, дворяне могли любоваться зрелищем пожара своих замков. Всего было сожжено до 24 замков; только самые укрепленные спаслись от всеобщего разрушения. Не уцелела даже и древняя горная твердыня Штруф, с восьмого столетия горделиво высившаяся над долиной[1].

Крестьяне Клеттенберга и Шварцфельда в графстве Гогенштейн были менее страшны для своих господ, хотя и находились по соседству с Мюнцером. Они собрались в числе 800 человек и под предводительством 12 начальников бродили по окрестностям. Главной своей квартирой они избрали аббатство Валькенрид, откуда монахи еще до прибытия крестьян ушли вместе со своим аббатом Павлом. Крестьяне сломали прекрасную церковную башню, чтобы достать колокол и перелить его в орудие, и принудили графов Гогенштейн, Гейнриха и Эрнста, вступить в их братство. Оба графа должны были несколько раз являться в монастырь, чтобы присутствовать при военных учениях и упражняться вместе с крестьянами. На Гейербергском поле, месте экзерциций, выступало обыкновенно 800 человек крестьян, выстроенных рядами, каждый со своим оружием; впереди между обоими графами шел главный предводитель Ганс Арнольд, пастух из Бартельсфельда. «Видишь, брат Эрнст, — сказал раз пастух, — я могу вести войско, а ты что можешь сделать?» «Ганс, — ответил тот, — пиво еще не в бочке, оно еще не перебродило». Крестьяне приняли эту шутку весьма недружелюбно, и слова графа едва не навлекли на него весьма плачевных последствий[2].

В то время когда все вокруг пришло в брожение, заволновалось, забушевало, когда приверженцы Мюнцера всеми силами раздували и поддерживали огонь, он сам жил в Мюльгаузене и, казалось, совершенно спокойно. Он отливал втихомолку в тамошнем францисканском монастыре тяжелые орудия, увеличивал число преданной ему партии среди мюльгаузенских крестьян, которые поклялись итти за ним всюду, куда он их поведет. Пфейффер учил их; пока союзники Мюнцера открывали войну, он сам хотел хорошенько приготовиться и собраться с силами для решительной минуты; ему оставалось сделать еще многое. Он поддерживал сношения с Верхней Швабией[3], Франконией и Рейном.

Среди горцев Мансфельда давно уже жили его старые сотоварищи-заговорщики Бартель и Бишоф. Кроме того, Мюн-

[1] *Ген,* Кобургская история, I, 254; II, 138, 139.
[2] Хроника Валькенрида, стр. 149.
[3] Буллингер говорит: «Literariis commerciis agere non destitit».

цер умел постоянно держать железо горячим и при первой надобности мог накалить его докрасна. Мюнцер писал в горы:

«Страх божий прежде всего. — Добрые друзья, как давно уже вы спите. Вы забыли волю божию, потому что говорите вы — и бог забыл вас. Но разве не учил я вас много раз, что так и должно быть. Бог не может более открываться людям. Вы сами должны быть стойки. В противном случае напрасны все ваши раздирающие сердце жертвы. Вы должны будете претерпеть еще страдания. Если не захотите пострадать по божьей воле, — пострадаете по воле дьявола. Опасайтесь этого. Не унывайте, будьте бодры. Не льстите безумным мечтателям и безбожным злодеям. Беритесь за дело и выходите на борьбу. Время настало, убеждайте ваших братьев не презирать слова божия, иначе им грозит погибель. Вся Германия, Франция и Италия уже поднялись. На св. неделе разрушено 4 монастырских церкви на Фульде. Крестьяне Клеттгау, Гегау и Шварцвальда восстали в числе 30 000, и их рать прибывает с каждым днем. Я боюсь только, чтобы глупых людей не увлекли фальшивыми договорами, в которых они не разглядят злого умысла. Если вас будет хоть только трое, твердо верующих в бога, одушевленных одним желанием прославить его имя и честь, вы не побоитесь и сотни тысяч человек. Итак, за дело, за дело! Пора, злодеи струсили, как псы. Возбуждайте ваших братьев к согласию и уговаривайте их снаряжаться. Давно, слишком давно пора. Скорей же, скорей за дело, за дело! Не склоняйтесь, если даже враги будут обращаться к вам с добрым словом. Не трогайтесь бедствиями безбожников. Они будут молить и плакать перед вами, как дети, но не жалейте их. Сам бог приказал так через Моисея (Моисей, кн. 5, 7). Нам он открыл то же. Возбуждайте села и города, в особенности же горцев и других добрых людей. Мы не должны более спать. Смотрите, пока я писал эти слова, ко мне пришло известие из Зальца, что народ хотел выбросить из замка амтмана герцога Георга за то, что он замышлял тайно погубить троих. Крестьяне Эйхсфельда справились со своими дворянами, они не хотят жить их милостью. Со всех сторон перед вами много примеров, принимайтесь же за дело; пора, Бальтазар и Бартель! Крумпф, Фельтен и Бишоф, беритесь каждый за свою работу. Передайте это письмо вашим товарищам горцам. Хотел бы так наставить всех братьев, чтобы их мужество было тверже всех замков безбожных злодеев во всей стране. За дело, за дело! Железо горячо, куйте. Пусть ваши мечи не отмываются от теплой крови. Пока злодеи живы, вы не освободитесь от человеческого страха. Вам нельзя говорить о боге, покуда вами управляют. Итак, за дело, покуда еще не ушло время. Вами предводительствует бог, следуйте за ним.

Прочитайте, что сказано у Матфея. Не робейте же, с вами бог, написано во 2 хрон. Бог говорит нам: не бойтесь, вам нечего пугаться этой толпы. Не ваша идет война, а господня. Не за себя вы боретесь. Мужайтесь. Вы увидите над собою руку господню. Когда Иосафат услыхал эти слова, он пал ниц. Не страшитесь же и вы людей, а веруйте, крепко веруйте в бога, — он подкрепит вас. Аминь.

Писано в Мюльгаузене, в 1525 году. Томас Мюнцер, божий воин против безбожников».

Мюнцер писал и другим крестьянам, чтобы они брались за дело: дворяне не устоят против христианской братии; франконские братья скоро перейдут лес и прибудут в Тюрингию. Он говорил правду; на всем расстоянии между Гарцем и Вюрцбургом возник уже целый ряд крестьянских лагерей.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Восточные франконцы в Верхнем Таубере

Роттенбургские крестьяне, которые не ушли с Флорианом Гейером, остались в лагере в Нейзитце, в $^3/_4$ мили от Роттенбурга; лагерь был расположен около кладбища, окруженного крепкою стеной и лежащего на высокой местности. Отряд этот, как наблюдательный отряд, поместился в виду города, охраняя, вместе с тем, дорогу в Аншпах. 29 марта, после обеда, 32 начальника и советника крестьянского отряда отправились в Роттенбург для мирных переговоров: они обещали это посланным городского комитета. Крестьяне говорили с бюргерами совершенно по-братски. Но так как, несмотря на видимое согласие, интересы бюргеров совершенно расходились с крестьянскими, то они скоро вернулись назад и настояли, чтобы на будущее время все переговоры велись письменно.

Уполномоченных от городов Динкельсбюля, Галля и Нюренберга, явившихся посредничать между народом и советом, не хотели и слушать; их едва не отблагодарили пулями. «Стреляйте в них!» — с яростью воскликнул Христиан Гейнц, заседавший в комитете. Другой член комитета, Лоренц Кноблох, вышел и отправился за город к крестьянам; там его выбрали в начальники. Но недолго оставался он в этой должности; Лоренц вздумал изнасиловать жену одного честного человека, и крестьяне заковали его в цепи. Когда его освободили, он из мести хотел открыть Швабскому союзу все тайны, которые ему были известны. Однако крестьянам удалось поймать его в одной из гостиниц Эстгейма; они стали кричать, что он снова

собирается совершить насилие, и тут же буквально разорвали его на куски.

30 марта крестьяне, находящиеся вне города, потребовали, чтобы им дали просмотреть пункты, в которых излагалась жалоба роттенбургского общества на *совет*. Все, говорили они, что противно слову божьему, должно умереть и исчезнуть; всякое растение, не насаженное богом, небесным отцом, должно быть вырвано с корнем. Но пункты, в которых излагались жалобы, не были выданы крестьянам, и их требование, чтобы все противобожественное было уничтожено, не было принято, поэтому они провозгласили в лагере, что принуждены оставаться в сборище и не откажут теперь никому, кто пожелает вступить в их союз. Это относилось прежде всего к крестьянам маркграфства Аншпах, которые давно уже находились в Роттенбургском лагере, хотя, как писал Стефан фон Менцинген, роттенбургской общине сильно не нравилось, что отряд принял к себе жителей маркграфства. Между тем, еще накануне, вследствие известий, полученных из Оденвальда, и приказания Георга Мецлера, крестьяне выступили из своего лагеря при Нейзице и перешли в Зандгоф, богатое подворье роттенбургского монастыря, на левой стороне Таубера. Они дали знать в город комитету, что выступают на несколько дней, чтобы помочь своим союзным братьям окончить их дело. 2 апреля, в воскресенье на пятой неделе поста, — этот день, как мы видели, был назначен для общего восстания, — они отправились в Оберштетен, продав съестные припасы, полученные из города Роттенбурга, которых не успели еще истребить, жителям Гогенлохера. Сюда же за ними последовал и Валентин Икельсгеймер вместе с другими посланными комитета. Отряд присягнул, что предоставит комитету решение их дела с советом; посланные же, со своей стороны, поклялись крестьянам именем комитета и общин положить за них жизнь и имущество в случае, если кто-нибудь предпримет что-либо против них. Но отряд выговорил себе отсрочку, чтобы помочь другим христианским братьям, находящимся в их союзе.

Прежде всего надо было подать помощь союзникам в Розенберге. Они поклялись под открытым небом возвратиться, как только окончат дела розенбергцев.

Цейзольф фон Розенберг разграбил дома и имущество своих крестьян за то, что они присоединились к роттенбургцам. 4 апреля инсургенты собрались перед его крепким замком Гальтенбергстетеном. Это был разбойничий вертеп, давно уже известный окрестным бюргерам и крестьянам; он уцелел только благодаря ходатайству некоторых господ, состоявших в хороших отношениях с крестьянами, да шести фудерам (бочкам) таубергского вина, которые Цейзольф, рыцарь-разбойник, поднес отряду, как брат братьям, вступающим с ним в переговоры. Его примеру последовал Филипп фон Финстер-

лохе в Лаутенбахе. Оба они порешили, что все противное слову божьему должно умереть; крестьяне же, усиленные розенбергцами, спустились в Тауберг и расположились в женском монастыре Шефтерсгейме и в его окрестностях. Восстание между тем распространилось в округе Майнца, на Оденвальде, в Галле, Эрингене и Неккартале. Оно перешло также и во владения Немецкого ордена, в Мергентгейм, где выделываются прекрасные вина. Роттенбургский отряд стоял в то время неподалеку от города.

26 марта, в воскресенье на крестопоклонной неделе, граждане Мергентгейма восстали. В подворье монастыря Шонталя находились большие склады хорошего вина. Бюргеры вломились в него, пировали и пили два дня и две ночи, истребляя запасы духовенства Шонталя. Вольфганг фон Бибра, командор, не мог ничего предпринять, так как у него было слишком мало солдат. Он принужден был дать им вдоволь есть и пить. Во вторник он созвал горожан и обратился к ним с дружеским увещанием. Если в государстве, говорил он, установятся новые порядки, конечно, ни он, ни гросмейстер не будут противиться им, пусть только они держат себя, как подобает благонамеренным гражданам, не соединяясь с пришлыми бунтовщиками, и укажут ему на опасных людей. Затем он удалился в ожидании их ответа. То, что происходило после, нельзя назвать совещанием, — это была скорее жаркая схватка противных партий. В двух милях от города, в Шюпфегрунде, стоял Георг Мецлер с оденвальдцами; революционное настроение этого отряда заразило всю молодежь города. Она думала только о крестьянах, о рыцарях же Тевтонского ордена не хотела и слышать. «Мы желали бы, — говорили многие, — чтобы наказание господне постигло эту дрянь с крестами, чтобы наслал на них господь язву». «Друзья мои, — говорили Феттер Ганс и Фриц Бюттнер, — не говорите так; если мы начнем дело таким образом, нам нельзя ждать ничего хорошего». «Что же такое? — возразил один, — если бы даже сам дьявол был заодно с этими крестоносцами, то все они не могли бы ничего сделать, кроме прелюбодеяния». «Если крестьяне нападут на нас, — прибавил другой, — командор убежит задними воротами, и тогда мы сделаемся жертвой их мести. Лучше мы сами заранее пойдем к ним». Однако большинство настояло, чтобы дан был ответ, что они будут держать себя, как благонадежные граждане и останутся верными; если же между ними и найдутся грубые люди, то пусть не относят этого ко всем гражданам. Два дня все было тихо. В воскресенье, на пятой неделе, положение сделалось тревожнее, но не в городе, а в окрестностях его, в округе Нейгаус. Там, собственно в замке Нейгаус, была постоянная резиденция магистра Тевтонского ордена. Крестьяне этого округа потребовали от командора освобождения от разных налогов и дозволения свободной пропо-

веди евангелия. Вольфганг фон Бибра согласился на это и выдал крестьянам грамоту. Несмотря на то, игерсгеймские крестьяне восстали и под предводительством своего старосты присоединились к Роттенбургскому ополчению, лишь только оно двинулось к соседнему Шефтерсгейму. Они объявили, что всякий, кто останется верным господам, лишится своего дома и имущества. В городе настроение умов быстро изменилось, как только было получено известие о нападении крестьян на Шефтерсгейм. Некоторые горожане хотели ударить в набат, но совет из предосторожности велел подрезать веревку у колоколов. Иорг Небер водрузил знамя в колодезь на площади. «Кто за крестьян, — закричал он, — пусть идет сюда; кому нужны попы?». «Кто хочет стоять за евангелие, — воскликнул Фрешлин, — пусть поднимет руку». Слышны были возгласы: «Мергентгейм должен быть свободным имперским городом»; «К чорту Немецкий орден!» Другие говорили: нужно побрататься с крестьянами и отобрать имения, принадлежащие ордену, прежде чем крестьяне воспользуются ими.

Городской совет, не зная, что делать, спрашивал у командора мнения: сопротивляться ли крестьянам или помириться с ними. По мнению командора, следовало узнать, как велика сила отряда. Для разведывания были отправлены член совета и один из бюргеров. Они ушли с различными воззрениями на дело и вернулись с противоположными известиями. «В жизни не видал я таких прекрасных воинов, — говорил один; — они все в шелковых камзолах и с золотыми цепями». Другой, городской писец, уверял, напротив, что «это все сволочь, нищие, напоминающие цыганский табор». Однакоже оба утверждали, что отряд многочислен. После этого бюргеры приняли вызов крестьян и отправили к ним отряд в 100 человек. Главным начальником его был Михаил *Газенбарт*, а над ним дворянин Ганс *Морштатт*, фельдфебелем Ганс *Кесслер*, советниками были *Феттерганс* и Фриц *Бюттнер*. В крестьянском лагере так обрадовались этому подкреплению, что не только утвердили всех вышепоименованных лиц в их должностях, но даже подчинили им все другие отряды из окрестностей Мергентгейма. Народ собирался со всех сторон: из Грюнфельда, Лауда, Вейкерсгейма, Маркельсгейма, даже из вюрцбургских округов, Бютгарта и из пограничного местечка Бибарта; некоторые отряды приходили с одним знаменем, другие с двумя и тремя и каждое имело собственный герб.

Эти знамена и гербы заслуживают внимания. У франконцев, например, было знамя самое красивое; на нем были изображены трезубые вилы и цепь, расположенная в виде андреевского креста, в середине щита плуг, из-за которого виднелся башмак; знамя Вейнсбергской долины представляло такой же герб, только вилы были о двух, а не о трех зубцах. Знамя соденбергцев с крестом, посредине которого стояли три гре-

ческие начальные буквы имени Иисуса, напоминало христово знамя оберэльзасцев. На знамени бильдгейзеров был также изображен крест на холме, по сторонам его на двух других холмах стояли цветы. Над крестом были сделаны украшения, а по краям два башмака. Генебергцы несли значок с изображением распятия, чтобы показать этим, что они стоят за евангелие; кругом его были нарисованы птица, олень, рыба и лес в знак того, что должно быть предоставлено им в свободное общественное пользование.

Новоприбывшие и прежние отряды поклялись друг другу в лагере Шефтерсгейма составить один отряд и выбрали теперь главными предводителями этого отряда «большого *Лингарта* из *Шварценбронна*» (близ Роттенбурга) и Фрица *Бютгнера* из *Мергентгейма*. Главным профосом отряда был назначен *Штирлен* из *Циммерна*. Кроме этих главных начальников, были выбраны еще другие; между ними находился Леонард *Деннер*, известный под именем «*Леуценбронского попа*»; *Бург* из Шиллингсфуртского округа; Кунц *Байер* из Оттельфингена и Адам *Гофман* из Шюпфа.

Мы видели, что крестьяне Верхней Швабии, Шварцвальда и Эльзаса не хотели знать над собою другого господина, кроме императора. В формуле присяги швабских крестьян говорилось: «Вы клянетесь господу и всем святым, что будете поклоняться только единому богу, творцу неба и земли, что в своих действиях будете руководиться одною евангельскою правдою, божественным законом и братскою любовью и не признаете над собою иного властелина, кроме римского императора»[1].

Присяга франконцев читалась так: «Вступая в крестьянское собрание, я обязан и желаю отказаться от платежа пошлины, процентов, податей и десятин как духовным, так и светским князьям до тех пор, пока дело наше не решится и не придет к концу; признаю только единого бога и одного властелина; да поможет мне бог и св. евангелие. Во имя всемогущего!»[2].

Еще более сходства, чем в формулах присяги, мы можем найти в тех параграфах, в которых франконцы и шварцвальдские швабы излагали свои требования. В семи параграфах крестьянского собрания во Франконии говорится:

«Общее собрание хочет, во-первых, восстановить святое слово господне и евангельское учение и желает, чтобы отныне оно громко проповедывалось во всей своей чистоте, без примеси человеческих учений и прибавок.

Чтобы все, что признается в евангелии, признавалось и в жизни, и, наоборот, все отвергаемое евангелием отвергалось и в действительности.

[1] Из архива города Касселя, *Роммель*, II, 72.
[2] *Бензен*, Крестьянская война в Восточной Франконии, стр. 111.

Чтобы никому из господ не платились более проценты, десятина, оброки, поголовщина или тому подобное впредь до тех пор, пока не будут произведены высокоучеными мужами, сведущими в святом, божественном, истинном писании, реформы, коими будет определено, что следует давать и какие услуги следует оказывать духовному и светскому начальству.

Чтобы все замки и укрепления, причиняющие простолюдинам столь значительные убытки, были разрушены или сожжены; причем находящееся в них движимое имущество должно быть возвращено владельцам, если они прежде не действовали против братства и теперь пожелают присоединиться к нему.

Все духовные и светские лица, все благородные и неблагородные должны пользоваться одинаковыми правами с простыми бюргерами и крестьянами, не иметь над ними никаких преимуществ и повиноваться одним законам.

Оружие же, — если оно найдется, — предоставляется братству.

Дворяне должны под страхом смерти и разорения указать и выдать собранию спрятанное имущество духовенства и других лиц, в особенности же тех аристократов, которые относились враждебно к крестьянскому делу.

Наконец, все, и духовные и миряне, должны подчиниться переменам и порядкам, установленным выше упомянутыми высокоучеными в священном писании мужами»[1].

Тотчас после появления мергентгеймерцев в лагерь Тауберского отряда, — так назывался теперь этот сводный отряд, по происхождению большинства составлявших его крестьян, — в военном совете был поднят вопрос о том, чтобы направиться прямо к Вюрцбургу.

Дворянин Ганс Морштатт, рассказывая о том, что делается в Мергентгейме, убеждал крестьян не оставлять за собою это главное гнездо Немецкого ордена в его настоящем положении. «Хорошо, — вскричали гогенлоенцы, — мы так хватим немецких рыцарей, что у них долго будет течь кровь из головы».

Но вслед за мергентгеймерской ротой в тот же самый день, 5 апреля, в лагере появился лично сам командор Вольфганг фон Бибра, чтобы отвратить опасность от замков Немецкого ордена в Мергентгейме и Нейгаузе. Вольфганг должен был согласиться на уплату огромной контрибуции и поставку необходимейших припасов. После этого совет и предводители дали ему обещание пройти мимо города «и не обидеть даже цыпленка». Но, вероятно, вследствие медленности командора в поставке припасов, вина, хлеба или денег, а может быть, и всего вместе, крестьяне 6 апреля сами добыли себе напитки

[1] Из Аншпахского архива, рукопись в собрании прелата Шмида. То же самое говорится в параграфах, высланных из Роттенбурга в Галль, в рукописи Гофмана.

из знаменитого Маргельсгейма, где находился главный склад благородных вин ордена.

Покончив дело в Шефтерсгейме, крестьяне оставили монахинь и их монастырь; по дороге они окончательно опустошили мергентгеймские погреба. Отряд расположился теперь на прекрасных открытых долинах перед Мергентгеймом, при Тауберге; он заключал в себе до 5000 человек крестьян, храбрость которых, несколько буйная, была еще подогрета дорогим вином и возбуждающими речами проповедников, по словам которых, не возбуждавшим в крестьянах ни малейшего сомнения, ни одна пуля не повредит инсургентам и никто не устоит против них, потому что с ними бог. В то же время 11 апреля в стенах города горожане заставили командора дать им письменное обязательство, подтвержденное и гросмейстером Немецкого ордена, — не лишать их тех прав, на которые они, по слову господню, могут иметь притязания, и не отягощать их тем, что противно евангелию. За это они, с своей стороны, обещали не предпринимать ничего против своих начальников и воздавать им должное по евангелию. Горожане открыли ворота крестьянам; те тотчас овладели запасами, хранящимися в погребах, амбарах ордена, заняли замок, захватили все, что могли найти в нем: порох, орудия и припасы, разрешив свободный выход наемным солдатам, которые, однако, отказались от присяги не драться против крестьян. Лично командору не было сделано ни малейшего насилия. Однако замок, вероятно, вследствие подстрекательств бедных жителей Мергентгейма, был разрушен. Подданные Немецкого ордена самым ревностным образом трудились и тут, при разрушении их укрепленного монастыря. Управляющий замком был сильно расположен к крестьянам; он указал им оставленные здесь драгоценности и серебро и поощрял крестьян веселее приниматься за разрушение. Каждому, кто выбивал дверь, он давал бутылку, а работавшим над разрушением бастионов усердно подносил вино, чтобы подкрепить их силы. Один бюргер вздумал упрекать его за это. «Кажется, — закричал на него управитель, — у тебя в брюхе сидит командор и три немецких рыцаря. Постой-ка, я вытащу их мечом!»

Другой отряд отправился, между тем, под предводительством Ганса Морштатта и Ганса Кесслера к замку Нейгаузу, который тотчас же сдался, так как в нем не было ни хороших орудий, ни прочных укреплений: орудия и богатые запасы были увезены, а строения замка сожжены мергентгеймерцами[1].

[1] Мергентгеймерские акты также находятся в Штутгартском государственном архиве. Это единственные документы, которых я не имел в руках, но я с полным доверием отношусь к точности Эксля; он же уверял меня, что ему до сих пор ничего не пришлось встретить, чтобы заставило его изменить свое изложение. Поэтому я ссылаюсь на Эксля

Из Мергентгейма, может быть, даже тотчас по выступлении из Шефтерсгейма, большая часть роттенбургских ополченцев, соединившись под знаменем Бретгейма, направилась назад, домой. В главной квартире остались только главный предводитель, великий Лингард из Шварценбронна, и лейценбронский поп. Вместе с тем дорога в Аншпах была защищаема от нападения маркграфа Казимира, а Таубергаузенский отряд, прикрытый с тылу, мог безопасно делать набеги на окрестности. Отряд в скором времени возрос до 8 000 человек, так как в Таубер возвратилась часть отряда Оренбахера из Шонталя, а именно крестьяне гогенлоенских округов Бартенштейна, Лангенбурга, Шиллингсфюрста, Яксберга, Дерцбаха, и в лагере, кроме того, находилось много инсургентов из Вюрцбурга. 13 апреля отряд снова послал призыв к Роттенбургскому ополчению, прося его выслать сперва хотя 1/4 собранных людей; от города Роттенбурга, вместе с тем, потребовали орудий и людей.

Этот город все еще не высказался решительно в пользу крестьянского дела. Его волновала в то время не общая великая народная борьба, не общее великое дело, а местное, частное несогласие между общиной и именитыми гражданами.

Менцинген был прав, говоря, что совет действовал несправедливо в продолжение последних 20 лет. Верховный имперский суд отменил как-то решение совета по жалобе, данной ему каким-то мелким бюргером. Однако приговор этот 22 года лежал под сукном в совете и не приводился в исполнение только потому, что истец, в пользу которого верховный суд решил дело, был бедняк, а ответчик именитый гражданин.

При наложении и взимании податей никогда не обозначались отдельные податные источники; обыкновенно полагались на совесть сборщика. В отчетах он показывал общей цифрой всю собранную сумму, и показания его никем не проверялись. Эти факты говорят многое. Все счета, рассматриваемые комитетом, были такого свойства, что из них «было трудно выбраться». Поэтому, когда комитет вызывал в зал заседания одного за другим членов совета, начиная с бургомистра Эрасмуса фон Мурлое, кровного аристократа и поборника старины в светском и духовном отношениях[1], и они долго не возвращались оттуда, остальные члены совета, полагая, что их товарищам, вероятно, отрубили уже головы, сильно струсили за собственную жизнь.

Монахини тоже провели эти дни в трепете. Они слышали, что поговаривают о разграблении их монастыря; ежедневный

относительно подробностей происшествий в Мергентгейме и Гогенлое. См. его «Историю крестьянской войны на пограничных швабско-франконских землях».

[1] *Лемус*, извлечение из рукописи Т. Цвейфеля, в собрании прелата Шмида.

горький опыт доказывал им, что они лишились всякой власти вне стен своего монастыря. Опираясь на свои параграфы, крестьяне без малейшего страха выгнали свой скот на монастырские луга. В Роттенбурге они говорили то же, что и в Гейльбронне, в монастыре св. Клары: «Совет теперь уже без власти; она принадлежит нам». «Если я тебя еще раз застану в лесу, — сказал Мелкнер фон Нортенберг лесничему монастыря, — то повешу на дереве». Разнесся слух, будто крестьяне думают сами расправиться с девичьим монастырем, если бюргеры не покончат с ним до вторника светлой недели, и что многие горожане уже согласились на это. Говорили даже, будто крестьяне хотят завладеть городом, ограбить всех богачей, повесить членов совета на городских стенах и взять на себя правление. Комитет был однакож очень осторожен и не впускал слишком большого количества крестьян. Между тем, 11 апреля приехали от императорского наместника два советника: граф Рупрехт фон Мандершейд и Фридрих фон Лидвах, чтобы восстановить спокойствие имперского города. Знать ободрилась, именитые граждане снова подняли головы и дали волю языкам; они не могли достаточно нажаловаться на зло, причиненное им комитетом и общиной. Сами имперские советники говорили свысока. Менцинген сумел, однако, посбить с них спесь и зажать рот аристократам. В среду после вербного воскресенья он от имени комитета отдал приказ звонить в большой колокол, чтобы собрать общину в церковь св. Якова. Менцинген вошел на хоры и держал оттуда речь. Свободно и правдиво говорил о притеснениях и злоупотреблениях прежнего городского управления, о необходимости реформ и о средствах к ним, весьма удобных, умеренных, ясных и практичных. Влияние Карлштадта сильно просвечивало при этом. Так, Менцинген говорил, что все молодые священники должны изучить какое-нибудь ремесло и жениться; в таком случае они могут пользоваться прежними доходами в течение 2 лет. Это слишком напоминало речи Карлштадта в Витенберге. Имперские советники намеревались говорить с общиною грозно, требуя прекращения беспорядков. Но тут ропот народа превратился в настоящую бурю. «Кой чорт притащил сюда этих комиссаров», — вскричал Ганс Штибер. Другой бюргер еще громче кричал комитету, что, по его мнению, комиссарам следует отсечь головы; этим способом можно скорей всего от них избавиться. Молча поглядывали несчастные советники то на комитет, то на общину; наконец, они посоветовали совету беспрекословно и неизменно принять все параграфы комитета, кроме статьи о духовных имениях. Они решили, что частный спор Менцингена с советом должен считаться поконченным для обеих сторон. При этом оказалось, что Менцинген не забывал и своих частных интересов, — он требовал от совета вознаграждения в 5 500 гульденов. Даже комитет высказывал,

что он должен пожертвовать этим для общего блага. «Чорт вас всех побери», — вскрикнул дворянин и вышел в бешенстве. Он уступил на следующий день только из боязни лишиться вовсе своего влияния. Таким образом, произошло нечто вроде мира между советом и общиной 16 апреля, в день пасхи, и советники уехали.

Между тем в городе и окрестностях распространились письма Таубергского отряда. Комитет напомнил ландверу данную им в Оберштете присягу оставаться спокойными и не выступать в поход; он обещал в скором времени окончить дело с советом самым выгодным для них образом. Комитет послал к главным предводителям Мергентгеймского отряда просьбу оставить их ландвер в покое и не мешать ему сдержать свою клятву. О двух шлангах, ружьях, пиках, порохе и людях, которых требовал отряд, не было и помину. Крестьяне же, с своей стороны, после возвращения из Мергентгейма считали свою присягу вполне выполненной. Но они помнили другую присягу, данную ими еще прежде братскому союзу, и потому 15 апреля отправили отряд под предводительством Ганса Клингера фон Беттенфельда к Таубергу; вскоре и другие двинулись за ним в главную квартиру. Маркграф Казимир писал между тем из Аншпаха, что он и город будут оказывать друг другу взаимную помощь против крестьян. Совет письменно обещал ему это и советовал выжидать обстоятельств. Даже в комитете все согласились посылать маркграфу тайно, без ведома крестьян, денежную субсидию. Он убедил общину дать обещание, что никто из города не уйдет в отряд. В пользу союза с маркграфом Менцинген приводил тот довод, что ведь, если Казимир действительно попросит помощи, ему всегда можно будет в ней отказать, так зачем же теперь заранее отказываться от его предложения и лишать себя в случае нужды его поддержки. Таким образом, комитет, а через него и весь город, разорвал из-за своих частных выгод связи с общим делом. Партия движения, казалось, покорилась, несмотря на возбуждение со стороны Петра Сайлера и на проповеди Дейшлина и слепого монаха, которые во время пасхи, резче, чем когда-либо, говорили против князей и дворян, а в особенности против духовенства.

Но недолго продолжался мир. 19 апреля люди движения предложили новый состав комитета, они ввели в него девять новых членов из своей среды, «нечестных парней», как прозвала их впоследствии консервативная партия; однако в сущности это были только друзья прогресса и крестьянского дела. Люди, сочувствующие движению, удержали таким образом за собою большинство в комитете, а следовательно и в городе они имели перевес. Приближалось время новых выборов в тайный совет. Комитет изменил прежде всего состав совета; но и после выборов в совете все-таки еще сохранилось равновесие между

друзьями старины, часть которых добилась благодаря своему авторитету вторичного избрания, и друзьями прогресса, так что, казалось, по крайней мере роттенбургцам, что совет все стоит на одном и том же и не подвинет дела. 20 апреля на улицах послышались крики и показалась толпа женщин, вооруженных алебардами, вилами, шестами; они бросились на дома, принадлежавшие духовным; храбро отняли они воз с хлебом у дома одного попа; но мужья остановили их от дальнейших подвигов. Белое и черное духовенство спешило после этого принести гражданскую присягу, соглашаясь нести налоги одинаково со всеми бюргерами; монахини женского монастыря тоже сделались гражданками и отдали городу все имущество своего монастыря с условием, чтобы им выдавали пенсии и приданое; а в городе представителями всех граждан и гражданок перед советом были выбраны четыре народных трибуна под именем «общинных представителей» (гемендмейстеров)[1].

Причины, по которым партия аристократов была еще так сильна в городе, имели самый материальный характер. Крестьяне, которым сочувствовала прогрессивная партия города, отказывались от платежа податей, процентов и поземельных пошлин, а эти именно налоги и составляли главное имущество города. Если бы весь город перешел на сторону крестьян, он лишился бы этим большей части своих богатств; в его власти было слишком мало духовных имений, чтобы вознаградить ими потерю крестьянских. Комитет зацепился за этот финансовый крючок и не хотел и не мог приставать к крестьянам.

Между тем, Таубергский отряд 14 апреля, в страстную пятницу, перешел из Мергентгейма в Лауден, вюрцбургский городок, который тотчас же сдался крестьянам.

Леонард Бейс, лауденский священник, давно уже расположил этот город в пользу нового учения и крестьянского дела. Еще второго апреля в Лаудене происходили беспорядки. Виновниками их были крестьяне, перебежавшие к оденвальдцам при первом появлении союзного Башмака в Оденвальде и возвратившиеся теперь назад. Замок Оберлаудена, где находились некоторые дворяне, именно оберфогт Филипп фон Ридерн, Зигмунд Цобель и Эразм фон Фехенбах с немногими людьми, не хотел тотчас же сдаться на предложения крестьян, хотя стены его были уже и ветхи и непрочны. Осажденные заперлись в укрепленной башне и стреляли оттуда в крестьян; крестьяне отвечали им тем же. Однако эта перестрелка никому не нанесла чувствительного вреда. Тогда крестьяне зажгли замок с одной стороны, пламя быстро охватило деревянные стропила под крышей, распространяясь все далее и далее, — люди

[1] Лицам, желающим подробнее ознакомиться с частностями этого, в высшей степени интересного, городского движения, рекомендую обратиться к соч. *Бензена*, История крестьянской войны в Франконии, стр. 78—135, 220—232.

бросились в самый низ башни. Они лежали там как бы заживо погребенные. Каждую минуту им грозила опасность задохнуться от жара и дыма или погибнуть под обломками стен. На следующий день, в страстную субботу, когда огонь уже погас и не было никакой надежды получить помощь, благородные господа стали просить пощады у крестьян. Крестьяне вошли в сожженный замок, чтобы поискать добычи в его развалинах. Оберфогту пришлось теперь убедиться, какую ненависть возбудил он в крестьянах. Его, жену его, находившуюся в последних днях беременности, вместе с детьми раздели донага и выпустили на произвол судьбы. Рыцарей и солдат, вытащенных из башни, они отправили в лагерь с связанными на спине руками. За ними отправилась благородная госпожа со своими детьми; она умоляла крестьян, радовавшихся надежде натешиться над ними, помиловать ее мужа. Остававшиеся в лагере тоже подали голос за то, чтобы пленные были посажены на кол. Предводители были гуманнее. Главному между ними, купцу Вейеру, удалось отговорить крестьян от жестокого намерения. Дворяне были отправлены на следующий день в Мергентгейм пешком, с завязанными на спине руками: так распорядились главные предводители; в противном случае трудно было поручиться, что неистовые вассалы замка не умертвят их[1]. На пути, именно в Маркельсгейме, пленные встретились с крестьянским предводителем Ледерле, ехавшим к отряду. «Кого это вы ведете?» — спросил он вожатых. «Да вот, — ответил один из крестьян, — приказали отвести всех этих собак». Предводитель сделал ему выговор: «Ведь это дворяне, — сказал он; — с ними надо уважительнее обращаться». «Ледерле, Ледерле! — вскрикнул Ридерн, — я тебе это припомню». Ледерле выхлопотал для арестантов телегу, в которой они продолжали путь до Мергентгейма, где их посадили в тюрьму[2].

Реттинген был назначен местом общего собрания крестьян, отовсюду стекавшихся по вызову отряда. Они должны были отправиться отсюда на Оксенфурт, а затем дальше на Вюрцбург. По дороге в Оксенфурт лежал вюрцбургский городок Ауб; около него, всего в 1/4 мили расстояния, стоял вюрцбургский маршал Гейнц Трухзес с сильным отрядом конницы, кроме того, дорога была защищена сильной горной крепостью Райгельсберг. Если бы Тауберский отряд захотел миновать Ауб, он неминуемо лишил бы себя всякой возможности получать подкрепления; в тылу у него остались бы в таком случае Ауб, Райгельсберг и войска Трухзеса. Чем более возрастал крестьянский отряд, тем более ослабевала храбрость аубских горожан и тем недоверчивее относился к ним маршал; он не считал

[1] История крестьянской войны в Вюрцбурге, рукопись Лоренца Фризе, бывшего секретаря вюрцбургского епископа.

[2] Рукопись в собрании прелата Шмида.

их надежными, а горожане, сочувствующие крестьянскому делу, подумывали, с своей стороны, как бы напасть на маршала; однако Трухзес был предупрежден об этом одним из своих приверженцев; он снялся с лагеря и двинулся со своей конницей к Бютгарту. Таким образом, городок Ауб перестал быть камнем преткновения для роттенбургцев.

В Мергентгеймском лагере был, между тем, составлен план военной организации войска. Главнейшие пункты этих 14 военных уставов относились: к избранию главного провиантмейстера для правильного распределения жизненных средств; к назначению вахтмейстеров, а также профоса с тюремщиками и палачом для поддержания военной дисциплины, наказания воровства и всякого рода проступков, драк и других беспорядков; было отдано приказание, чтобы никто не отлучался из лагеря без ведома главных предводителей, чтобы никто под страхом наказания не нарушал порядка в строю; кроме того, было запрещено пьянство, божба и присутствие в лагере распутных женщин[1].

Каждый член отряда должен был после этого дать в Реттингене присягу господу богу и спасителю. Роттенбургцы не двинулись дальше, потому что хотели взять все еще сопротивляющийся замок Реттинген. Большой отряд снялся с лагеря в пятницу после святой недели, 21 апреля, чтобы направиться к Вюрцбургу. Вперед отправили три лучшие роты, — они должны были окружить и захватить маршала, остававшегося еще с 130 лошадьми в замке Бютгарт. Время было перед рассветом. Но маршал хорошо сторожил замок; караульные аванпосты дали знать о приближении неприятеля, всадники быстро вскочили на лошадей, вооружились и немедленно открыли огонь по крестьянскому авангарду. Крестьяне меж тем шли совершенно беззаботно, в полной уверенности, что конница еще погружена в глубокий сон. Встреченные неожиданными залпами, хотя и довольно неудачными, они смутились, отступили и вскоре обратились в бегство так поспешно, что конница едва могла настигнуть и убить некоторых; в плен же не успели взять никого, несмотря на все желание маршала освободить посредством обмена рыцарей, находившихся в мергентгеймской тюрьме; единственный крестьянин, которого им удалось окружить, не сдавался и боролся до тех пор, пока его не закололи. А Светлый отряд был уже невдалеке. Сторонники епископа «осторожно бежали»: они не хотели дожидаться его. Свое оружие они увезли с собой в Вюрцбург. Местечко Бютгарт давно уже принадлежало Евангелическому союзу; как только 3 апреля в Шюпфергрунде Георг Мецлер приказал бить в барабан, около него тотчас же собралось много бютгартцев; им нетрудно было завладеть замком, расположенным над местеч-

[1] *Эксле*, стр. 143.

ком, там они нашли богатую добычу, потом замок зажгли. В то время как отряд подвигался к Вюрцбургу ближайшим путем, через Ауб, роттенбургская рота направилась туда же по правой стороне Голлаха. 22 апреля, заняв и уничтожив замок Реттинген, аубцы вступили в братство; крестьяне взяли затем приступом и разрушили лежащий перед городком замок Райгельсберг и замок Гехельсгейм, ниже Ауба. Они нашли в этих трех бургах такие богатые запасы зернового хлеба, что на долю каждой роты досталось по 150 мальтеров. Войско находилось в походе, когда известия, полученные сразу из двух пунктов — Аншпаха и Роттенбурга, — заставили его переменить направление и двинуться назад несколько вправо.

В Аншпахе маркграф грозил наказанием своим подданным, примкнувшим к Евангелическому союзу. Между тем, прибыли граждане из Оксенфурта, чтобы убедить крестьян скорее подвигаться к их городу. Отряд прибыл туда 24 апреля, соединившись в тот же день с победоносным отрядом разрушителей Райгельсберга и примкнувших к ним аубцев[1]. Эти роттенбургские отряды еще вели переговоры со своим городом. Ауб, где был расположен их лагерь, находился всего в 4 милях от Роттенбурга. Нерешительность этого последнего относительно высылки крестьянам людей и орудий возбудила в лагере сильное неудовольствие, так что город должен был опасаться нападения. 22 и 23 апреля из Аубского лагеря прибыли в Роттенбург главные предводители Ганс Голленбах и Ганс Клингер в сопровождении депутатов. Ганс Голленбах пытался было прежде склонить члена комитета Бартеля Альбрехта к тому, чтобы отстранить влияние комитета на общину и расположить ее в пользу крестьянского дела, но Альбрехт не соглашался. Тогда Голленбах хотел сам попробовать вступить в прямые сношения с общиной. Совет и комитет, как ни неприятна была им эта история, согласились, однако, созвать общину. Крестьянский предводитель велел прочесть письмо от имени тех, кем он был послан. В письме этом говорилось, что восстание вспыхнуло по божьему повелению, что комитет и крестьянство дали друг другу обещание взаимной помощи; комитет согласился поддерживать вместе с ними божьи законы. «Вы отказали крестьянству в его требовании 2 000 человек и орудий. Вы действовали тут не по-братски. Поэтому мы просим вас, во имя истинного слова господня, прибыть к нам в течение двух дней с 200 человек, вооруженных длинными пиками, с двумя тяжелыми орудиями и с двумя палатками. В противном случае вы не должны ожидать от нас ничего хорошего»[2].

[1] Рукопись Лоренца Фризе, сравненная с современной ей рукописью: «Поход и действия франконского отряда».

[2] Письмо главных предводителей и членов совета у Бензена, приложение XII.

Письмо выслушали, начались совещания. Члены комитета, которые в Оберштетене дали крестьянам изложенные обещания, не хотели прямо сознаться в этом. Голленбах уличал их. Большинство цехов хотело вполне предоставить совету и комитету решение их дела с крестьянами; только шляпочники и ткачи были искренно преданы крестьянам и их делу. Итак, предводители крестьян снова уехали, ничем не окончив дела. Они торопились в Оксенфурт.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Вюрцбургский соборный капитул. Граф фон Геннеберг

Оксенфуртцы торопили так Светлый отряд потому, что хотели, наконец, подвинуть вперед дело, с которым давно уже возились в городе и его окрестностях. Между Оксенфуртом и Вюрцбургом находились два местечка — Зоммергаузен и Винтергаузен; здесь уже с первых чисел апреля стали собираться сходки, на которых рассуждали о том, как бы напасть на картезианский монастырь Тукельгаузен.

5 апреля толпа крестьян атаковала монастырь. Главным предводителем их был Фриц Цобель, из благородного франконского рода Цобелей. Они заняли монастырь и писали в Эйфельштадт и в ближайшие окрестности: «Мы просим вас, по братской дружбе, прибыть к нам; если вы откажетесь, мы сами придем за вами».

Капитул вюрцбургского собора отправил тотчас послов в Оксенфурт; им поручено было стараться помешать отпадению этого города; послы прибыли туда вечером, ворота были заперты и их не пустили в город. Трое почтенных каноников принуждены были, таким образом, провести ночь на открытом воздухе. Оскорбленные, они на следующий же день возвратились в Вюрцбург, несмотря на извинения оксенфуртцев, которые оправдывались тем, что теперь время опасное и трудно отличить, кто друг и кто враг. Город обещал каноникам надежный конвой, и они снова вернулись. Оксенфуртцы, меж тем, приготовили параграфы, формулирующие условия, на которых они соглашались остаться верными. Они соглашались попрежнему признавать над собой власть соборного капитула, но требовали за то, чтобы капитул отрекся от всего, что воспрещается евангелием, и предоставил бы им все права, какие будут даны франконскому народу; чтобы он не требовал податей до всеобщего преобразования, чтобы он никого не принуждал итти против евангелических братьев и пре-

доставил бы каждому гражданину свободу присоединиться к крестьянам.

С этими параграфами отправили они каноника Ганса фон Лихтенштейна в капитул, остальные два каноника были задержаны в городе. Капитул волей-неволей должен был послать 12 апреля свое согласие; при этом каноники обещали за себя и за своих преемников не предпринимать никогда никаких мер для наказания за восстание и не допускать до этого других. Капитул был вынужден на такие уступки, так как оксенфуртцы не хотели иначе отпустить двух пленных каноников. К тому же восстание вспыхнуло или грозило вспыхнуть во всех концах владений капитула. Волнение начало проявляться здесь очень рано; еще в начале марта в окрестностях Вюрцбурга, именно в местечке Бибарт, начались смуты. Движение здесь было подготовлено и руководимо двумя проповедниками, бюргерами из Бибарта, Георгом Генлихом и Томасом Вагнером. Братство, образованное ими между бедняками, было названо «бесконечным», быть может, оттого, что их богатство было за пределами конечного царства, здесь временно они были нищими; или же, всего вероятнее, потому, что они смотрели на всех людей, как на братьев, и свой союз считали бесконечною, через все страны проходящею цепью. Когда в близлежащем местечке Зугенгейме пронесся слух, будто братство «бесконечных» покончило уже свое существование и оба предводителя его бежали, Генлих и Вагнер написали туда 15 марта «своим братьям во Христе», что слух этот ложен и что, напротив того, все, кто только видит и слышит их, обращаются на их сторону, а вместе с тем и на сторону господней справедливости и слова божия. Примите, писали они в заключение, это послание во имя любви к богу и благоговения к нему, и да сохранит господь вас всех в добром здоровьи[1]. В нескольких милях оттуда, у Ипгофена, лежал монастырь Бирклинген. Он был основан не более полустолетия тому назад. Монахи обогатились благодаря славе о чудотворной силе находящегося у них образа божьей матери. Это сокровище возбудило зависть соседних граждан Ипгофена. И вот, в 1501 году как-то утром у границы Ипгофена, на дороге в Бирклинген, явился второй образ божьей матери, который творил такие же точно чудеса. Бюргеры построили над ним досчатую кровлю, и стечение народа к новой богородице ослабило веру к старой, находившейся в монастыре Бирклинген; касса монахов дала им почувствовать эту перемену, и они не успокоились до тех пор, пока не добились епископского запрещения посещать богородицу ипгофенцев, объявленную подложною. Но так как это приказание не произвело желаемого действия, то епископ был вынужден по-

[1] *Фалькенштейн,* Северогауские древности, III, 235. Журнал франконцев, писанный для них же, III, 664.

слать туда каноника Томаса фон Штейна с конницей; он положил чудотворную мадонну в мешок и отвез ее в дворцовую часовню Вюрцбурга. Это происшествие породило непримиримую вражду между ипгофенцами и монахами Бирклингена. Монахи владели в пригороде Ипгофена подворьем; в 1524 году между ипгофенцами и монахами возник спор по поводу этого подворья, и отряд бюргеров под предводительством Конрада Крена ворвался в богато снабженный винный погреб подворья. Бунтовщики напились вдоволь и увезли еще с собой достаточно вина. Игумну, хотевшему было защитить погреб, отвечали ударами. Из Вюрцбурга прибыло 120 человек конницы и палач; веселые пьяницы бежали в Прихзенштадт и возвратились только тогда, когда получили на то позволение, с условием спокойно ожидать суда. Тайное братство «бесконечных» распространялось, между тем, все больше и больше; в бирклингенский монастырь прибыло из Бибарта восемь бюргеров под предлогом покупки хлеба; их впустили; они собрали здесь местную общину, приняли ее в союз, назначили главным предводителем Конрада Люлиха, заставили монахов устроить себе вечернюю попойку, а потом возвратились в Бибарт и призвали жителей к оружию и, прежде чем те подумали о сопротивлении, выгнали из города управителя и его свиту. Бибартцы убедили жителей всех окрестных мест стоять вместе с ними за правду и отправили жалобы к епископу. Однако в ответ от него они не получили ничего, кроме совета смириться.

В Ипгофен, между тем, приехал вюрцбургский маршал с 65 всадниками. Он отправлялся на княжеский сейм, назначенный на 4 апреля в Нейштадте, на Аише. Но в городе разнеслись слухи, будто маршал прибыл, для того чтобы отрубить головы пьянствовавшим в Бирклингене; женщины и дети рыдали, мужчины взялись за оружие и собрались на площади; маршал успокоил их и продолжал свой путь в Нейштадт. Виновные однакож не доверяли ему и послали за помощью в Бибарт. В полночь к стенам города прибыло 300 человек вооруженных бибартцев и потребовали впуска. В городе забили в набат, ворота и стены покрылись вооруженными людьми. Бибартцы кричали им, что они пришли, как друзья. «Друзья приходят днем, — ответили им сверху; — если вы не удалитесь, мы перестреляем вас, как кур». Так говорил амтман фон Фестенберг; маршал снова возвратился из Нейштадта и решился защищаться. Бибартцы хотели днем разрушить ворота; их встретили градом пуль, тогда они бросили две фуры, знамя и побежали к Бибарту, крича, что ипгофенцы изменники; 6 апреля весь Бибарт заволновался, все граждане отправились, подобно бютгартцам, к Светлому отряду; в городе осталось только восемь человек[1].

[1] Журнал франконцев, писанный для них же, кн. V, гл. 5, стр. 550—555.

В северной части владений соборного капитула, между Фульдой, Геннебергом и Тюрингеном, восстание началось 9 апреля. Инсургенты вышли из гостиницы в Мюннерштадте; сперва число их было незначительно; впереди шел барабанщик; так проходили они через окрестные места, но тут в первые дни число мятежников возрастало слабо. Зато в городе волнение быстро усиливалось, предводителем их был столяр Ганс Шнабель. Он явился 12 апреля к бургомистру с толпой бюргеров и сказал, что они хотят занять монастырь Бильдгаузен, близ Заалы. Их было 300 вооруженных людей; они вышли из города и заняли монастырь, не обращая внимания на все увещевания бургомистра. Бюргеры, оставшиеся в Мюннерштадте, присвоили себе все, что могли, в монастыре св. Августина и в бильдгаузенском подворье, между тем как инсургенты, расположившиеся около бильдгаузенского монастыря, превратили его в укрепленный лагерь. Аббат и монахи выехали оттуда еще раньше; дорога была защищена караулами и наваленными на ней деревьями. Предводителями отряда были назначены Ганс Шнабель из Мюннерштадта и Ганс Шар из Бурглау; священник этого отряда Михаил Шримпф был назначен канцлером.

«Долго, — писали они, — слово божие попиралось, в особенности духовенством, и долго простолюдины были обременены невыносимыми тягостями. Поэтому мы собрались теперь здесь, в этом лагере. Мы вовсе не отказываемся от властей и начальства и от платежа им всего должного: это значило бы, с нашей стороны, поступать против св. писания и порядка. Мы желаем только, чтобы эти власти поступали с нами справедливо и сообразно евангельскому учению». Несмотря на то, что в лагерь ежедневно прибывали массы народа, порядок и дисциплина не нарушались.

Аншахский амтман фон Ротенган поручил надежнейшим из своих вассалов охранение монастырей Гаузена и Фрауэнрота; эти стражи сделали нападение на монастырские погреба, выпили все лучшие вина и опустошили конюшни. В монастыре поднялась страшная суматоха: всякому хотелось сторожить его. Амтмана, желавшего обуздать это своеволие, встретили ружейными выстрелами. «Монастыри служат не богу, а дьяволу, — кричали ему бунтовщики, — мы принуждены, наконец, покончить с этими мошенниками». Скоро ссора с амтманом дошла до того, что крестьяне разрушили его замок Аншах и увели его вместе с восемью другими дворянами в плен. Другой отряд из Кисингена занял монастырь Аурах, третий — монастырь Гейденфельд [1].

Хотя и нельзя сказать, чтобы Конрад фон Тюнген, с 1519 года вюрцбургский епископ и герцог франконский, оставался вполне безучастен к донесению своих посланников, но во всяком случае он как будто не считал все это делом, близко

[1] Poligraphia Miningensis, 1674, 4 — главный источник относительно этой толпы, стр. 211—215.

до себя касающимся. Его почти не заботили известия о восстании в Южной Швабии и планах герцога Ульриха, о том, что шум, поднятый в Ульме против монахов и священников, не менее серьезен, чем прежние гонения на евреев. Его встревожила только весть о том, что Роттенбургское ополчение поднялось и намеревается итти на Вюрцбург, чтобы изгнать оттуда духовенство и овладеть его имуществом. Известие это передал ему райгелсбергский амтман Иорг фон Розенберг. Только теперь, когда опасность стояла уже на пороге его собственных владений, Конрад стал принимать меры против нее. Он послал за советом и за помощью к майнцскому штатгалтеру и к пфальцграфу Людвигу, написал рыцарству своего епископства и герцогства, к 91 роду графов, господ и дворян, чтобы они приготовились к защите и были в полном вооружении; обратился к городам и местечкам, советуя им быть осторожными, починить рвы и пограничные укрепления и вооружаться. Города и местечки вооружались, всюду собирались военные отряды; одни из них были одушевлены твердым намерением защищать против крестьян себя и своего господина, другие же — и их было всего более — вооружились, чтобы бороться за свои собственные выгоды в союзе с крестьянами. Таким образом, отпадал округ за округом, и тщетно раздавались предостерегающие голоса окружных начальников; в воскресенье на пятой неделе поста епископ собрал своих советников. Одни советовали, как можно строже наказывать пойманных крестьян, сжигать их дома, отнимать имущество, выгонять их жен и детей. Другие же, напротив того, настаивали на политике умеренности, которая, не говоря уже о том, что она всего более прилична духовному князю, в особенности уместна теперь, когда восстание распространилось уже в соседних странах: в Майнце, Эйштете, Бамберге и Бранденбурге, и когда нигде не прибегают против него к таким строгим мерам. Епископ согласился с последним мнением, так как у него не было достаточно войска под руками. Думая расположить к себе подданных обещаниями, он разослал повсюду послов с заверениями об ожидаемых льготах.

Восстание, меж тем, распространялось все дальше и дальше. Епископ созвал рыцарство ко двору; рыцари собрались 6 апреля в четверг, на пятой неделе поста. Совещание происходило в Фрауенберге, так как нашли небезопасным назначить его в городе; опасались, чтобы чернь, говорящая теперь таким странным языком, не натворила чего-нибудь недоброго, узнав, что ее князь совещается со своим рыцарством. Рыцари на речь епископа ответили, что они считают своим долгом служить и телом и душою своему господину и монастырю, но что они считают необходимым, прежде чем итти против крестьян, откровенно переговорить с ними; поэтому они просят епископа дозволить некоторым из них отправиться в крестьянский ла-

герь, предупредить мятежников об опасности, которой они себя подвергают, напомнить им о беззаконности тех действий, которые они совершают сами и принуждают совершать других, и попытаться уговорить их мирно розойтись по домам, обещая в таком случае содействие рыцарства для исполнения их требований. Если крестьяне удовлетворятся этим и разойдутся, — дело выиграно; если нет, — рыцарство может быть по крайней мере спокойно, что они действовали честно. Предложение это понравилось, и рыцари, большинство которых не было вооружено, отправились по домам с тем, чтобы вернуться уже с оружием. Граф Вильгельм фон Генсберг, могущественнейший из вассалов монастыря, род которого уже с давних пор пользовался титулом имперских князей вместе с наследственным правом названия маршала соборного капитула, не явился вовсе. Ему было послано новое приглашение, и он обещал прибыть в пятницу после пасхи. Епископ искал помощи в Бамберге, Эйштете и Бранденбурге. В Шефтерсгеймский лагерь были отправлены депутаты от него и от рыцарства; между ними находился Себастиан фон Ротенган. Крестьяне ответили, что они никого не приневоливают вступать в свое войско, но, с другой стороны, и не отказывают никому, кто желает соединиться с ними и содействовать их делу. Их желание состоит в том, «чтобы все, признаваемое евангелием, признавалось бы и в жизни, и, наоборот, все, отвергаемое им, было бы уничтожено и в действительности». До окончания дела они отказываются от всяких платежей своим господам. Для дальнейших переговоров они назначили депутатам следующий день, вербное воскресенье. Однако депутаты не явились: им было страшно среди угрожающей крестьянской толпы; из Реттингена они повторили письменно все свои увещания и затем вернулись домой. Крестьяне отправили требования депутатов и свой ответ в Вюрцбург начальникам кварталов, требуя, чтобы они, как братья, высказали свое мнение об этом деле.

Епископ не получил ожидаемой помощи ни из Бамберга, ни из Бранденбурга, ни из Эйштата: эти города были слишком озабочены своими собственными делами. Швабский союз тоже не много помог ему. Впрочем союз прислал епископу дозволение заготовить на счет союза 300 лошадей. От себя союз не выслал ни одной лошади и ни одного солдата.

Вюрцбург, подобно многим другим городам, лет сто тому назад был лишен епископом своих старых привилегий. Бюргерство было подавлено силой: этого никогда не мог забыть главный город Восточной Франконии. Умы были особенно взволнованы теперь, когда революционное настроение возбудило надежды сбросить ярмо и возвратить старую свободу. Как полвека тому назад владения капитула были взволнованы влиянием флейтиста Ганса, так и теперь первый сигнал к восстанию был подан артистом, сыном небесной музыки.

Ганс Берметер, по прозвищу Линк, был сын члена ротенбургского совета[1]; он превосходно играл на флейте и лютне и был другом реформации; в обществе он слыл за весельчака и краснобая и пользовался большим уважением в своем кружке. Этот-то Ганс, вместе с товарищами своих кутежей, принялся теперь за серьезное дело, за революцию в своем городе.

Прежде всего он сделал нападение на дома духовенства монастыря Хауг, по имени которого называется участок города; добыча, найденная там, образовала кассу и военный магазин восстания. Ганс старался увеличить число своих сторонников и разжечь речами недовольство бюргеров против духовенства. Целью его было соединить вюрцбургцев с крестьянами. При всяком случае он восхвалял крестьянское дело, составлял и читал гражданам письма, будто бы писанные крестьянами к совету и начальникам участков, и наоборот.

Деятельным сотрудником его был Георг Грюневальд; он также происходил из древнего благородного дома. Грюневальд приобрел известность как живописец и резчик и слыл обыкновенно под именем мастера Тилля. Сыны творческого искусства были вообще людьми свободомыслящими и нетерпящими духовенства; это видно на разных оконных картинах тогдашнего собора: глядя на них с одной стороны видишь святых, а с другой — самые едкие карикатуры. Бюргеры собирались толпами на улицах города и совещались. Однажды у ворот св. Стефана собралась значительная толпа из зандерского квартала. Случилось, что в то же время в город въезжал Герман Морд, викарий капитула и вместе с тем ротендорфский священник. Под воротами он услыхал из толпы несколько дерзких выражений на свой счет. «Что только затеваете вы, молодцы? — закричал он на них. — Мы еще увидим, как вам отрубят на площади головы». Эти слова быстро пронеслись в народе; бюргеры заволновались, толпа под предводительством начальников кварталов тотчас же отправилась в дом декана капитула Ганса фон Гутенберга требовать удовлетворения за нанесенную обиду. Опасаясь, чтобы восстание не приняло более обширных размеров, декан позволил им взять полбочки вина из погреба викария. Толпа хлынула к дому викария с оружием, барабанами и трубами, как будто готовясь к сражению; викарий не показался. Вместо ½ бочки из его погреба вытащили целых 9. Пир пошел горой. Вино уносили в чанах и увозили на телегах. Затем собирались устроить еще попойку у аббата св. Стефана; однако вмешательство начальника квартала спасло его славный погреб.

Так одно восстание следовало за другим. Епископ, последовав совету своих приближенных, распорядился снабдить жизненными припасами нагорные монастыри, и прежде всех

[1] По *Бензену*, Крестьянская война в Восточной Франконии, стр. 201.

Фрауенберг (Мариенбург); затем велел амтманам составить при себе гарнизон из надежных людей. Себастиан фон Ротенган с двумя другими советниками должен был действовать на бюргеров и стараться убедить их выдать зачинщиков и удалить из города всех, сочувствующих мятежу; город и пригороды должны были быть укреплены для защиты против крестьян; за городом должны быть выставлены караулы из бюргеров; в черте города должны были стоять рыцари и вербующаяся епископская конница и пехота. Ротенган выехал из Фрауенберга, где находился в то время двор епископа, в город и письменно передал начальникам кварталов требования их князя. Чтобы запугать бюргеров, он рассказал им, что конница уже в дороге и остановится в городе. Однако это известие, не входившее в данные ему инструкции, произвело действие совершенно противоположное тому, которого он ожидал.

Ганс Берметер пустил в ход все свое красноречие, а мастер Тилль ходил от одного бюргера к другому, убеждая всех не впускать конницу в город. Крестьяне борются за евангелие: они не должны сражаться против них. Уже теперь сколько есть в городе почтенных женщин, которых священники соблазнили и силою держат у себя. А если бюргеры выступят за город, то их жены и дочери будут брошены на произвол священников и всадников. Пусть они подумают, кроме того, что орудия, стоящие во дворе, обращены жерлами к городу; ими воспользуется иноземное войско, чтобы заставить бюргеров действовать по своему желанию.

Весь город был в волнении. Бюргеры заняли все башни и ворота, замкнули въезд в улицы железными цепями, обнесли загородями все дороги от Майна и особенно старательно загородили пути в Фрауенберг. Здесь они расставили людей, повесили цепи, сделали запоры. Главную роль во всем этом играл рыбак Ганс Брейтигам. Караульным домом был назначен один дом, находящийся на узкой улице под «Теллем», ни один всадник не мог миновать его. Караул, набранный из беднейших жителей города, сменялся ежедневно. Его продовольствовали припасами, которые по мере надобности бесцеремонно брались из посылаемых ежедневно во Фрауенберг для епископа и его советников; часто к прохожим, подымавшимся на гору, нахально привязывались, требуя от них денег на водку и обещая за то надежный конвой. Мосты и ворота были также загорожены, — по ним пропускали только пешеходов. Горожане послали, кроме того, за вином в монастыри и дома духовных лиц; из страха им не отказывали. Итак, если кому-нибудь из всадников епископа хотелось проехать на Фрауенберг, то он должен был или перелететь туда, или с опасностью для жизни проехать через Майн. И тут переезд был не безопасен, потому что виноградари засели в своих виноградниках и стреляли оттуда по проезжающим всадникам, как по «водяным

птицам». Под Каспаром фон Рейнштейн застрелили лошадь в то самое время, когда он находился на середине реки. Угрозами задерживали в городе также поваров и плотников, требуемых во Фрауенберг.

При таком-то положении дел возвратился Ротенган с другими выбранными без всякого ответа на гору. 12 апреля[1] бюргеры писали в замок, что и они желают, чтобы бунтовщики были наказаны, но только те из них, которые не имели прямого повода быть недовольными выступлением в загородний караул. Город слишком велик, писали они, и в нем живет слишком много духовных лиц, чтобы бюргеры могли выйти оттуда для караула; они не могут впустить гарнизона, потому что сами нуждаются в сене и соломе. Жители гаугерского квартала требовали прежде всего оставления своих проповедников, открытой проповеди евангелия, уничтожения процентов, податей и других повинностей. Епископ призвал к себе бюргеров и начальников участков и уверял их, что ему всегда приятно слышать проповеди чистого евангелия, но что теперь всякий по-своему толкует его, что он не отставит их священника, напротив, даст ему лучшее место, от которого последний отказался. Депутаты бюргеров стояли на своем и требовали собрания ландтага. Епископ вынужден был назначить его на 30 апреля, потому что волнение в монастырских владениях росло со дня на день, а Ганс Берметер устроил в конце города в танцовальной беседке бюргеров нечто вроде лагеря и со своими единомышленниками бюргерами распоряжался винными погребами духовенства, как своей собственностью, самовольно распределяя, кроме того, хлеб, назначенный для каноников. Князь назначил ландтаг для рыцарства и городов с намерением выслушать их «жалобы на кажущиеся им несправедливость и неправосудие и оказать им милость». Он выговорил себе при этом безопасный проход в город и обратно.

Епископ просил пфальцграфа в этот же день прислать к нему трех хороших ружейных мастеров и сотню верных людей для подкрепления Фрауенберга и открыть на всякий случай ему замок Боксберга. Пфальцграф охотно удовлетворил последнюю просьбу, — первую он не мог исполнить, потому что сам нуждался в людях.

Несмотря на свое обещание, граф Вильгельм фон Геннеберг ни сам не явился в Вюрцбург, ни отправил туда кого-нибудь от себя. Епископ более всего надеялся на этого дворянина, двенадцать лет тому назад обагрившего себя во время швейнфуртских междоусобий бюргерской кровью и не далее как еще год тому назад так грозно относившемуся к реформации. Но Геннеберг прислал извинение, говоря, что у него

[1] На письме означено число кануна праздника (светлого воскресенья).

нет денег, что без них он никого не может нанять на службу и что ему нужно 4 000 гульденов. Епископ выслал ему эту сумму на семи лошадях с Павлом Трухзесом, который прибыл к Шлейзингену, где стоял геннебергский двор; но Трухзес не был впущен и не мог даже добиться ответа. Ему, наконец, удалось одному пробраться в замок. Вскоре он вышел оттуда, чтобы привести к замку людей с деньгами. Ни графа, ни солдат нельзя было видеть; графиня приняла, наконец, деньги. Спустя несколько дней, загадка объяснилась. Граф Вильгельм фон Геннеберг вел переговоры уже с крестьянским лагерем Бильдгаузена и 3 мая торжественно вступил в крестьянское братство. Он поклялся «во имя бога и его святых исполнять его священное слово, оборонять и защищать его, дать свободу, волю и простор всему тому, что освобождает всевышний бог и возлюбленный сын его Иисус Христос, и доказать свою веру последующими поступками в своей жизни»[1].

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Бесплодный сейм в Вюрцбурге

В Вюрцбурге, главном городе Франконского герцогства, настроение умов становилось с часу на час опаснее. 27 апреля собралось 300 граждан, чтобы напасть на майенброннский монастырь. Большая часть из них приходилась на долю гаугского и плейхахского кварталов. На этот раз, однако, ратуше удалось остановить их предприятие; равным образом был положен конец опустошениям, которые Ганс Берметер собирался возобновить в винных погребах и хлебных закромах духовенства: участковый начальник Бальтазар Вюрцбургер, шлейенский трактирщик, которому бесплатные кутежи в монастырских погребах наносили явный ущерб, убедил ратушу приставить к кармелитскому монастырю вооруженную стражу, которая разгоняла бы всякое сборище. Так как все участки города одобрили эту меру, то и гаугское, плейхахское и зандское предместья должны были покориться. Вюрцбургер и Ганс Глюк стали во главе охранительной стражи; беспорядки сначала было приостановились, но вскоре сама стража стала пьянствовать в погребах, вверенных ее надзору. А 28 апреля дровосеки под предводительством Иорга Грюневальда ограбили беспрепятственно монастырь Химмельпрофортен, по ту сторону Майна, и открыто привезли добычу в Вюрцбург.

[1] Полный документ находится в рукописи Лоренца Фрице, он уже неоднократно перепечатывался.

Такое состояние города казалось советникам епископа неблагоприятным для сейма. Они убеждали его назначить собрание в Фрауенберге или каком-нибудь другом месте, или же, по крайней мере, отправить туда вместо себя посла. Но большая часть уполномоченных уже съехалась в Вюрцбург, и депутация от думы и земства явилась во Фрауенберг просить князя лично открыть сейм в городе. Епископ сказал своим советникам: «Я не знаю за собой ничего, что могло бы дать моим подданным повод к какому-нибудь насилию надо мной. Конечно, нет никакого сомнения, что все они имеют одинаковые мысли и одинаковые намерения и скоро все заговорят в один голос, но пока еще не все хотят, чтобы их считали такими, каковы они на самом деле. Если я не явлюсь для личных переговоров, они скажут, что я им не доверяю; ведь говорят же многие, что явись я перед ними, как подобает их настоящему, естественному повелителю, всякий повел бы себя, как смиренный подданный».

Истребовав себе надежный конвой, епископ 2 мая отправился в город, верхом, в сопровождении некоторых членов капитула и нескольких рыцарей и советников; перед отъездом он торжественной грамотой поручил Фрауенберг и все владение соборному пробству, капитулу и советникам, запретив им соглашаться на уступку замка или какого-нибудь из епископских прав даже в случае, если бы он попал в плен и у него, пленного, вынудили бы приказ в этом смысле. Все присягнули ему в этом. Он мог отправиться в путь успокоенным, так как в то же утро пфальцграф по поручению Швабского союза сообщил ему утешительное известие, что восстание в Верхней Швабии потушено частью силой, частью уступчивостью и что Трухзес направляется к Вюртембергу, откуда он поспешит на помощь Пфальцу, Майнцу и Вюрцбургу.

На сейм явились депутаты большей части округов; только тринадцать не прислали своих представителей. Все верхнегерманские города прислали уполномоченных; после непродолжительного сопротивления крестьяне Бильдгайзерского союза, к которому принадлежали эти города, позволили им участвовать в сейме, но с тем условием, чтобы они ни на что не соглашались без их ведома. Те города, которые побратались с Таубергским отрядом, не выслали своих представителей; их удержали от этого или, быть может, они разделяли на этот счет мнение своих братьев крестьян. Князь должен сделаться христианским братом, говорил город Бюттгарт, он должен поддержать божественное слово.

Еще до сейма епископу пришлось услышать упрек в том, что он часто подавал повод к неудовольствию; что «в противность божественному постановлению черный народ был притесняем и угнетаем, преимущественно ненасытными монастырями и прелатствами», которые всеми силами старались затем-

нить и извратить слово божье, воссиявшее два года назад снова во всем мире. На сейме был подан адрес, составленный кенигсгофенским городским писарем Джоном Мартеллем, в котором говорилось вообще о нестерпимых притеснениях епископских поверенных, назначаемых преимущественно из дворянства и духовенства; им же было поставлено в вину и то, что верхнегерманские города присоединились к крестьянам. Без крестьян они не могут вести никаких переговоров и не могут ничего решить. Стало быть и епископ должен призвать их.

Епископу оставалось только одно: решиться на небывалое дело и пригласить на сейм крестьян; а пока отправились к ним депутаты, он был вынужден выслушивать жалобы отдельных членов земства. Тогда-то обнаружилось, какие вопиющие насилия господствовали при взимании податей, при десятинном сборе, при отправлении правосудия и во многих других делах; какое терпение проявляли подданные епископа до самой последней минуты, какую умеренность они выказывали даже и теперь и каким медным лбом и бессовестностью нужно было обладать правителю, чтобы сказать, подобно епископу Конраду, что он не сознает за собой ничего, могущего подать повод к неудовольствиям.

Таубергский отряд отвечал посланным епископа, явившимся к нему с приглашением послать депутатов на сейм, что «на этот раз они не могут терять времени и желают отложить дело до своего прибытия в Вюрцбург, куда они в скором времени думают явиться». Этот ответ дали вожди из Таубергской лощины. Другие члены крестьянского совета выразили желание выслушать депутатов епископа и последовать за ними. Тогда таубергцы огласили в общине письмо епископского канцлера к констанцскому епископу; письмо это было только что перехвачено и изобличало намерения и надежды двора. «Вперед! — зазвучало из всех уст; — не давать ни минуты отдыха врагам евангелия! Они хотят только выиграть время!» Тогда же был отправлен в Бильдгаузенский лагерь совет подняться, итти в Вюрцбург и помочь докончить начатое дело.

После того, что сообщили депутаты земства, сейм разошелся. Между городом Вюрцбургом и депутатами господствовало такое согласие, что город взял на себя их квартирные издержки, и все города соединились с Вюрцбургом, чтобы в братском союзе кровью и достоянием защищать его дело, как общее. Потом все разъехались по своим городам.

Ввиду возрастающей опасности епископ поспешил вызвать гарнизон из многих замков и сосредоточить его в Фрауенберге; он еще раз просил Вюрцбург не изменять ему. Граждане между тем уже видели евангелическую рать с Оденвальда; отряд их земляков стоял с другой стороны перед воротами, одни смотрели на это со страхом, другие с надеждой; они дали нерешительный ответ. Князь заподозрил в этом намере-

ние задержать его, пока крестьяне придут в Вюрцбург. Вюрцбургцы сдержали свое слово относительно конвоя князя и дали ему беспрепятственно вернуться на Фрауенберг; только женщины были недовольны и с гневом заявляли, что знай они наперед, что их мужья будут настолько наивны, что отпустят епископа назад в замок, они сами составили бы роту и взяли бы его в плен.

Себастиан Ротенган позаботился между тем о Фрауенберге, выказав при этом столько же деятельности, как и ума. Он велел вырубить деревья в саду, обнести замок частоколом, приставить караул к воротам, пробить бойницы, раздать ружья, сделать запас воды, вина, дров, зернового хлеба, муки, сала, яиц, масла, солонины, сухарей и разных других вещей; набрал людей и велел выстроить пороховую мельницу. Тем не менее дворяне и владетельные лица в один голос советовали епископу, не ожидая осады крестьян, обратиться за помощью к пфальцскому курфюрсту и пугнуть их хорошенько; 5 мая вечером он выехал из крепости, сердце его было встревожено мыслью, найдет ли он живыми своих верных слуг, оставшихся на горе, удастся ли ему удержать за собой это единственное еще принадлежащее ему укрепление, сохранит ли, наконец, он свою собственную жизнь. Через Боксберг и Лорбах он со своей свитой добрался 7 мая до Гейдельберга. На Фрауенберге остался гарнизон в 244 человека каноников, рыцарей и слуг. Замок был отдан под начальство соборного пробста; главным комендантом был назначен маркграф Фридрих Бранденбургский, и все поклялись жить и умереть в замке.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Исполнение на походе в Вюрцбург грамоты о монастырях и замках

В Оксенфурте, где Великий таубергский отряд снова соединился со своим ариергардом, был сделан четырехдневный привал; здесь нашлось 500 бочек вина и полные хлебные закромы вюрцбургского соборного пробства и причта. Этих запасов могло хватить на продовольствие и более многочисленной рати. Здесь к отряду присоединились тысячи две человек из Зоммер и Винтергаузена, Эйфельштадта, Рандесаккера, Фрикенгаузена, Обер и Унтербрейта, Гросмансдорфа, Оберикельсгейма, из господских поместий Абсберга, Шварценберга и Кастелля. Здесь же было составлено новое распределение войск и изменен личный состав полков. Все значки выбрали главным начальни-

ком Якова Кель из Эйфельштадта; Михаил Газенбарт из Мергентгейма был назначен вторым после него, Кунц Байер из Оттельзингена — казначеем войска. На место Газенбарта Ганс Кольбеншлаг сделался главным начальником мергентгеймцев. Войсковой устав был просмотрен и расширен; в него внесли подробные статьи о субординации, порядке, уходе за больными, и кроме того, по примеру бильдгейзеров, о разрушении дворянских замков, о дворянстве, об описи и завладении духовными имениями; эти статьи мало отличались от бильдгейзерских. Наконец, в уставе вслед за строгими постановлениями, относящимися к общественной нравственности, было определено, «чтобы в лагере ежедневно проповедывалось слово божье». Одним из первых распоряжений нового начальства было запрещение сборщикам податей взимать какие-нибудь налоги и приказание составить опись погребов и ящиков с провизией. Все запасы перешли в его ведение. С тех пор войско завело большую и малую печать [1]. В силу статей нового военного устава, в которых значилось, что все укрепленные жилища, даже принадлежащие дворянам, присоединившимся к братству, должны быть сломаны владельцами, были немедленно разосланы во все стороны к побратавшимся общинам приказы о том, чтобы разрушали все еще оставшиеся укрепления. Лаудаерцы и мергентгеймцы тотчас же срыли замок Мессельгаузен и затем точно так же уничтожили Воксберг и Швейгерн.

28 апреля Великий отряд выступил из лагеря при Оксенфурте, двинулся к Ипгофену и пробыл там две ночи; тамошний монастырь снабдил его вином и хлебом. Получили подкрепление из Грос и Клейнланггейма, из Михельфельда и других мест; 30-го таубергцы выступили из Ипгофена и двинулись на Шварцах. На пути в Гросланcгейм их приветствовали радостными возгласами жители, особенно женщины, которые выставили на улицах достаточное количество вина в ушатах, кружках, кринках, бутылках и другой разнообразной посуде. Шварцахский аббат Георг Вольфсбах сильно угнетал своих подданных, и шварцахские граждане еще прежде просили вюрцбургского епископа защитить их от несправедливых податей и поборов аббата. Благодаря прежним распрям монастырь был обременен долгами, и аббат хотел уплатить их усиленными налогами. Когда Таубергский отряд, принявший теперь и для себя имя «франконской рати», стал приближаться, шварцахские граждане потребовали от епископа разрешения взять под свою защиту богатый монастырь и поставить в него гарнизон. Епископ разрешил, и граждане тотчас вместе с соседними крестьянами бросились в бенедиктинский монастырь, величиною чуть не с целый город, с диким криком отняли ключи от винного погреба

[1] Этот второй войсковой устав перепечатан много раз с рукописи Фризе, в достопримечательностях Штумпфа, тетр. II, стр. 44, у Бензена, 530—535.

и кладовой, и многие до того напились, что ночью наделали пожар и взломали двери; со всех сторон раздавались крики, ужас распространился всюду. Некоторые монахи выскочили со страха из окон, другие прикинулись будто хотят вступить в братство крестьян. Аббат, проснувшийся от шума и от стука в дверь, бросил им несколько золотых монет, лежавших в его комнате на мраморных столах, и тотчас же в сопровождении отца повара и отца погребщика выбежал в сад, откуда скрытым ходом добрался до безопасного места и пробыл 3 дня в Герлахсгаузене у Иоганна Цирольда. Его он отправил в монастырь на рекогносцировку. Известия, принесенные Цирольдом, показали сколько пользы принесли аббату его золото и его бегство: как только в монастыре заметили, что он скрылся, между самими бунтовщиками возникли смятения и раздоры, всякий сваливал оплошность с себя на другого.

Шварцахские граждане с радостью приняли франконскую рать и повели ее в монастырь, который теперь был разграблен вторично и уже гораздо основательнее. Зарытые привилегии, на которые указали крестьянам, были разорваны и разбросаны и в заключение самый монастырь зажжен. Он сгорел дотла, крестьяне поделили между собой пахотную землю, луга и леса; аббат издали смотрел на разрушение своего монастыря и бежал в Нюренберг, чтобы спасти хотя жизнь. Новые христианские братья собрались из Детельбаха, Фолькаха и Штейгервальда и во время пожара аббатства присягнули союзу [1].

Из Шварцаха франконская рать послала бильдгайзерам уже известное приглашение присоединиться к ней. Те отвечали, что обязались ожидать решения сейма.

2 мая рать посетила придворные герольдсгофенские погреба, и новые ратники, присоединившиеся к отряду из Лимбургского и Галльского округов, внесли и в него шутливое прозвание: «Веселые опустошители ящиков и мешков с деньгами». В движениях отряда господствовал дикий беспорядок; днем он был вооружен бутылками, ночью факелами; сопротивления не было нигде. В ту же ночь несколько значков отправились из Герольдсгофена к горному замку Штольбергу, в Штейгервальде, главным начальником которого был скрывшийся теперь на Фрауенберге граф Кастелль.

При приближении крестьян супруга графа с детьми бежала в замок Кастелль. Здесь правил граф Ганс II Кастелльский. Он был женат на мещанке Магдалине Редер. Из Кастелля они видели, как горел замок Штольберг, а 3 мая и Бимбах, и как потом оба они превратились в груду пепла. Бимбах был укрепленный замок Фуксов. Но и самому Кастеллю недолго пришлось служить убежищем беглецов. Подступили значки с факелами, значки их же подданных из Крейта и Вюстенфельдена,

[1] Из Шварцахской хроники, в Script. Людвига II, 35.

у подошвы горы. Женщины и дети бежали, как только крестьяне прислали приказ зажечь замок. Скоро все обратилось в бегство, и графский родовой замок был сравнен с землей. Графиня Магдалина умерла через три месяца.

Ее невестка, супруга графа Вольфа, нигде не могла найти безопасного пристанища; боясь крестьян, никто не хотел приютить знатную женщину — она была дочь графа Михаила фон Вертгейм; из пяти человек детей, которые были при ней, старшему ребенку было 6 лет, меньшему 2½ месяца. Деревня Кастелль разделила участь замка, не было дома, который остался бы невредимым, и она прожила подаянием четыре недели, скрываясь вместе с четырьмя детьми в хижине, которую верные руки построили ей у подошвы горы под орешником Леонгарда Гердшлена; пятого, младшего ребенка, она отправила с кормилицей к отцу в крепкий замок Брейберг. По дороге кормилица попала в руки мародерствующих крестьян, они заключили по многим признакам, что дитя должно принадлежать важным родителям. Один крестьянин уже хотел разбить дворянскому ребенку голову об стену, но кормилица стала клясться и божиться, что ребенок ее собственный; тогда ее отпустили[1].

Остгеймский картезианский монастырь против Фолькаха, бергренфельдский монастырь, замки Гейбах и Гальбург были разграблены и разрушены. В четверг 4 мая главные предводители держали большой совет, чтобы решить, куда итти, прямо ли на Вюрцбург или к Цабельштейну, крепкому замку, где находился епископский архив и где стоял сильный гарнизон. Окрестные крестьяне считали опасным итти на Вюрцбург, оставив у себя в тылу этот гарнизон; они боялись за своих жен и детей. После долгих совещаний большинство потребовало итти «к милому Фрауенбергу». Поджог Цабельштейна был поручен двум значкам под предводительством великого Лингарда Шварценбрунского и Вильгельма Рейхарда Реттингенского. Братья Ганс и Кюнемунд фон Гих, защищавшие замок, отказались сдаться, значки отступили и присоединились к франконской рати, направившейся на Вюрцбург.

Чтобы исполнить в окрестностях статьи устава, Ганс Луфт, предводитель значков города и округа Герольдсгофена и Гасфурта, отстал от рати. Они разрушили герольдсгофенский замок, картезианский и женский монастыри. Тересский аббат Томас Гейльдорф поручил этот монастырь, основанный еще

[1] Это последнее сведение основано только на показаниях кормилицы. Летописи того же времени, дурно отзывающиеся о крестьянах, ничего не говорят об этом. Источники: письмо графа Иоганна Кастелльского к маркграфу Казимиру о насилиях в Кастелле, Аншпахский архив, акты крестьянской войны, I, 102. Франконский журнал VI. Фризе, рукопись. *Фибек,* Генеалогическая история кастелльского дома, стр. 46. *Сейбот,* Гимназическая речь в Виндсгейме, в собрании прелата фон Шмида.

в девятом веке, защите гасфуртцев. Но после возвращения депутатов с неудавшегося ландтага, все вассалы аббата взволновались, гасфуртцы пришли, описали все, что находилось в монастыре, захватили все это и заняли самый монастырь. Аббат скрывался в течение нескольких недель в хижине, в деревне Обертерес.

Ганс Луфт посетил и эрбахский монастырь, который был так богат, что его аббат хвастал, что всего только на три гроша беднее вюрцбургского епископа. 75 братьев жили там, не зная никаких забот. Когда крестьяне стали приближаться, аббат Иоганн переоделся и попытался незаметно бежать к эрбахскому двору в Нюренберге. Но в деревне Мюльгаузене его узнали бомбергские крестьяне. Они схватили его, заперли и стали потешаться над ним. Иоганн дал им денег и обещал дать еще больше, чтобы освободиться и вернуться в свой монастырь. Крестьяне доставили его невредимым до Диннаха и далее до его двора в Геррисдорфе. Двор оказался запертым. Изнутри слышались крики кутящих крестьян. Наконец, кое-где отворились окна и показались смеющиеся лица; Иоганн объявил, что он их аббат и господин, но крестьяне смеялись и делали вид, будто никогда не видали его в глаза и не верят ему. Так как дело шло к ночи, то они все-таки впустили его в комнаты. Тогда аббату пришлось видеть своими глазами, как резали его скотину, как поедали его птицу, его прекрасных кур и гусей, как крестьяне напивались его вином, как опустошали его кладовые. У аббата сердце надрывалось, глядя на такие опустошения, но, несмотря на то, он должен был делать веселый вид и бражничать вместе с бунтовщиками. Наконец, крестьяне позволили ему беспрепятственно отправиться в Эрбах. Там картина была еще печальнее. Шлиссельфельдские и другие соседние крестьяне угнали его стада, его волов и овец; погреба и закромы были опустошены; самый монастырь был объят пламенем, свинцовая крыша прекрасной башни растопилась, священные сосуды были разграблены, драгоценные камни на иконах выломаны из своих оправ; алтари, скульптурные украшения и картины уничтожены самым варварским образом. И к довершению всего этого ему довелось видеть и слышать, как его добрые друзья и соседи, *благородные* господа, которым он не раз гостеприимно предлагал откушать в монастыре и которые теперь поступили в Евангельское *братство*, «спешили взапуски с герольдсгофенскими гражданами выгонять его быков и коров целыми сотнями из его ферм в Шписгейме, Герльгейме, Алецгейме и Штокгейме». Все это он затаил в своем сердце и описал потом немецкими рифмованными стихами[1].

В тылу франконской рати и ипгофенцы стали храбры.

[1] Breks notitia monasterii Ebracensis, 1739, 131.

В бюрклингенском монастыре франконцы только сделали новый запас провианта. 2 мая значительное число ипгофенских граждан собралось в трактире Конрада Крена, который в прошлом году был их предводителем во время их первого геройского подвига; они попировали и пожелали монахам всяких напастей. Тогда трактирщик выступил вперед, провел круг мелом на столе и вскричал: пусть тот, кто завтра хочет помочь поджечь бюрклингенский монастырь, воткнет свой нож в этот круг. Один только отошел, все же прочие сделали, как говорил трактирщик. В среду после вальпургия они отправились в монастырь, ограбили его дочиста и оскорбили монахов. Настоятель спрятался в кучу мусора и щепок; его нашли там, вытащили и (вероятно это были оскорбленные отцы и мужья) оскопили. Потом зажгли здания. В 8 часов утра монастырь превратился в груду пепла, из которого уже никогда более не воскресал[1].

Приказ приводить в исполнение статьи о разрушении замков и монастырей зажег во многих местах пламя пожара. В Гейдингсфельде и Оберцелле запылали приорства, ильмбахский монастырь сгорел, Унтерцелль был разграблен, женский герлахцелльский монастырь при Лаудене был обращен в груду пепла, такая же участь постигла Мариабурггаузен при Гасфурте, Гейлигталь при Гаммельбурге; цистернимский женский монастырь, процветавший столько времени, превратился в пустыню; женский монастырь Шенау, расположенный среди роскошных лугов в том месте, где франконская Заала впадает в Майн, пострадал настолько, что долго спустя не мог поправиться от разорения.

На обратном пути франконская рать сожгла не одно «вредное место». В одну ночь 5 мая небо окрасилось заревом пожаров замка Стефансберга при Гроспангейме и укреплений Зиггерсгаузена и Михельфельда. В Ипгофене и во всех местах, по которым проходила рать, она забирала с собой лестницы и снаряды для осады Фрауенберга и, еще не доходя до Оксенфурта, на Майне встретила корабль бамбергского епископа, плотно нагруженный всяким добром. Корабль был захвачен. В Оксенфурте узнали через посланных начальников Вюрцбургского кармелитского монастыря, что епископ уехал. 6 мая бильдгейзерцы дневали в Нейштадте; неудавшийся ландтаг заставил и их решиться двинуться на Вюрцбург; и вечером того же дня Флориан Гейер расположился с Черным таубергским отрядом в Гейдингсфельде перед самым Фрауенбергом; а 7 мая различные разноцветные и многочисленные значки Светлого, ясного отряда из Оденвальда и Неккарской долины вошли под предводительством Геца фон Берлихингена и Георга Мецлера в Гохберг, городок, расположенный на левом берегу Майна,

[1] Франконский журнал для франконцев, V, 555.

на четверть мили выше Вюрцбурга; в тот же вечер явилась и великая франконская рать, расположившаяся около Гейдингсфельда, у города, близ самого берега Майна[1].

Из маркграфских аншпахских владений — Кицингена, Уффенгейма, Кольмберга, Лейтерсгаузена, Зульцфельда, Шлюссельфельда, Бург-Бернгейма — вскоре присоединилось к франконской рати более 2000 человек для осады Фрауенберга.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Маркграф Казимир и крестьяне при Яксте, Вернице, в Аишской долине, при Рекнице и Ротмайне

Совершенно своеобразное явление среди всего этого великого движения представляет политика князя, подданные которого присоединились под Вюрцбургом к франконской рати, политика постоянно холодного, выжидающего, рассчитывающего, ведущего переговоры со всеми партиями маркграфа Казимира Аншпахского.

Со времени неудавшегося княжеского сейма в Нейштадте при Аише он сидел, повидимому, совершенно пассивно в своем Аншпахе, принимал посольства, получал новейшие известия со всех сторон и рассылал к своим подчиненным гонцов с предписаниями; сам писал к жителям многих местностей владений фон Эйбов, увещевая их не отпадать от своих господ; приказал составить себе расписание главных предводителей значков из среды его подданных; сообщал соседним баварским князьям сведения о ходе дел в близлежащих странах; хлопотал исподтишка о помощи и получал от Баварии обещания; равнодушно слушал воззвания Швабского союза, приглашающие его поддержать гросмейстера Немецкого ордена в борьбе с таубергскими крестьянами, и не трогался с места; также равнодушно принимал он письма многих вассалов, извинявшихся, что не являются с подкреплением и не в силах отстоять назначенные им посты; прислушивался с особенным вниманием ко всем известиям о возрастающем волнении в Вюрцбургском и Бамбергском округах; давал советы бамбергскому епископу и переписывался с бамбергской общиной; радовался, когда Швабский союз уполномочил его прибавить на счет союза к прежним силам 500 конных и 6000 пеших людей; на запрос того или другого из своих фогтов о том, как им и их общине держать себя относительно крестьян, отвечал советом прибегнуть к мерам

[1] Главные источники: рукопись Лоренца Фризе, многие летописи Аншпахского архива.

кротости и уступчивости. Несмотря на беспрестанные требования Швабского союза о возвращении данных ему сумм, он не выпускал денег из рук и старался промыслить их для ведения войны у соседних князей[1].

Еще год тому назад маркграф постановлением ландтага исполнил одно из главных требований своих подданных — даровал им свободную проповедь евангелия. Им руководило при этом не религиозное увлечение, а единственно политические соображения[2]. Таким образом он отнял у них главный повод и предлог к неудовольствию. Железные годы прежнего правления Казимира задержали развитие гражданского духа его подданных: они боялись своего жестокого государя. К тому же дух этот и вообще не был в них развит, так как промышленное благосостояние никогда не достигало здесь такого уровня, чтобы могло возвысить городское сословие, и города, лишенные значения, не могли влиять на просветление и совершенствование народного духа сельского населения. Поэтому маркграф не боялся своих подданных. Нападения на монастыри только радовали его, доставляя благовидный предлог выказать свою власть над монастырями и подчинить их своему господству. Он посадил в монастыри своих управляющих, велел составить опись монастырских имуществ и отобрать присягу на верность ему монастырских вассалов[3].

Его взор, постоянно жаждавший расширения границ, с особенным вожделением устремлялся на владения соседних имперских городов и духовных князей. Его брату Альбрехту только что посчастливилось создать себе светское герцогство из владений Немецкого ордена в Пруссии; естественно, что мысль сделать Франконское герцогство Бранденбургским сама напрашивалась к Казимиру. А тут еще подоспело письмо старого графа Вильгельма фон Геннеберг, в котором тот предлагал ему (конечно, с тайным условием собственной ленной независимости) сделать герцогом Франконским маркграфа Фридриха, брата Казимира, теперешнего вюрцбургского пробста. Возможность осуществления такого предположения основывалась на нежелании народа оставаться далее под властью епископа или попа; он требовал себе светского повелителя. Если бы этот план удался, вся франконская земля подчинилась бы одному главе, а через то право и мир скорее были бы водворены в ней[4]. Геннебергский граф словно угадал тайную мысль Казимира и хотел испытать его. Брат Казимира Георг даже предвидел уже возможность опасности, возможность того, что народ освободится от дворянства и князей так же, как он освободился от духо-

[1] Аншпахский архив, акты о крестьянской войне 1, 44, 45, 46, 47, 48, 49, IV. 18, I. 52, 58, 60, 273, II. 59, I. 63.

[2] Постановление ландтага 1 октября 1524 г.

[3] Акты крестьянской войны, Аншпахский архив, I, 188.

[4] Аншпахский архив, письмо от 10 мая, I, 122.

венства. «Неужели сбудется предсказание Сивиллы, — писал он от 7 мая, узнав о крестьянском восстании, — и Шваненберг ляжет среди Швейцарии? В высшей степени необходимо, чтобы ты и другие имперские князья вмешались в дело и обратили в другую сторону ход событий. Если всех крестьян перережут, где же мы возьмем других, которые кормили бы нас? Поэтому необходимо поступать мудро; я не теряю надежды, что бог все поворотит к лучшему. Я думаю, что страшный суд уже недалек. Да свершится воля всемогущего»[1].

Представлять дело до известной степени его свободному течению, не желая при этом торжества крестьян, — такая политика была совершенно в духе Казимира. Он дал свободно бушевать тому потоку, который он не в силах был запрудить и в котором должны были погибнуть ненавистные ему мелкие и крупные, духовные и светские владетели; он дал ему бурлить и выступать из берегов до тех пор, пока ему самому не грозила опасность; он щадил себя, собирался с силами, прогуливался по берегу взад и вперед, высматривал в волнах добычу и старался обогатиться на счет чужого крушения. Он все еще сидел сложа руки, хотя каждый день ему приходилось видеть, как отдельные общины и многие из его подданных присоединялись к франконской рати или отказывались от повиновения. Его слегка взволновало только известие о том, что крестьяне восстали в Эйхштеттене и перешли в его владения. 22 апреля его известили из Швабаха, что крестьяне собрались в Зульцгау и овладели эйхштеттенским замком Обермессингеном. На следующий день эйхштеттенские крестьяне уже пригласили маркграфские швабахские общины пристать к их союзу; через два дня то же самое произошло с швандскими и ротскими общинами, а 24-го числа Иерг Габеркорн сообщил ему о сборище крестьян около Эльвангена и Динкельсбюля, именно в Фирбской долине, при Яксте и Вернице. В то же время Фриц фон Лидвах, только что вернувшийся из Роттенбурга, принес известие, что он и другие императорские советники были задержаны Светлым отрядом, что даже императорские уполномоченные не могут считать свое положение безопасным; он передал также, что герцог Фридрих Баварский просил у него 100 человек конницы в помощь против эйхштеттских крестьян. В ответ на это Казимир тотчас же просил назначить место, где бы он мог присоединиться к Фридриху со своими всадниками[2].

В окрестностях Эйхштетта восстало до 5000 человек крестьян, а так как это владение лежало в северном Баварском округе, то многие из подданных герцога Фридриха Баварского присоединились к восстанию. Самая Бавария, Верхний Пфальц,

[1] Георг писал из Эльса, находясь при дворе своего брата Альбрехта, в воскресение юбилея.

[2] Аншпахские акты, I, 62, 64, 65, 66, 70, 272, 273, 274.

вообще Баварское герцогство были *по большей части* спокойны сравнительно с взволнованными окрестностями.

Но и в северном Баварском округе крестьяне и граждане были не вполне спокойны, так что, если бы восстание взяло верх в других местностях, оно неминуемо увлекло бы и баварцев. Обермессингенские инсургенты грозили убийством и пожаром всем, кто не хотел присоединиться к ним. Между этими крестьянами было так много сволочи, что даже Гейле не мог оставаться с ними в Эйхштетте. Поэтому, когда эйхштеттенцы стали грозить Верхнему Пфальцу, герцог Фридрих, который имел здесь в Неймаркте свою резиденцию, собрал против них свои военные силы.

Гредингские граждане примкнули к эйхштеттским крестьянам. Город Эйхштетт тоже восстал. Епископ Гавриил фон Эйб был осажден своими подданными в Виллибальдбурге. Крестьяне ограбили и разрушили монастыри Бланкштатт, Ребдорф, Морсбронн и несколько замков и расположились главной квартирой на Обермессингской горе близ замка Ландека. Угрозами «лишения жизни и достояния и сожжения домов и дворов» они принуждали соединяться с ними и помогать им «жизнью, честью и имуществом»[1]. В эйхштеттском городе Шпальте восстание началось во имя евангелия; в магистрате не было ни одного человека, который бы не перешел на сторону крестьян. Граждане подняли жестокое преследование против духовных лиц; один прислужник выгнал священника из церкви и стал сам проповедывать о христианской свободе. Инсургенты захватили Бернгрис и Берхинген; мариенбургский монастырь сильно пострадал от них. К крестьянам присоединились также четыре имперские деревни, состоявшие под управлением вольного города Вейссенбурга. В вольфсштейнском владении и в Оберпфальце — в Амберге, Ауербахе, Нейенбурге — все было еще тихо, хотя жители их уже были готовы к восстанию. Волнение здесь вскоре было рассеяно быстрым движением герцогов Фридриха и Вильгельма Баварских. У обоих было 700 всадников и 300 богемских стрелков; маркграф Казимир приказал части своих войск присоединиться к ним; к ним пристали также многие из эйхштеттских ленных дворян (которых считалось в то время 134 дома), не говоря уже о многочисленных пеших кнехтах. Сперва герцог Фридрих вступил в переговоры с предводителями крестьян, находившихся на горе. Те передали условия отряду. Прежде всего требовали перемирия. Одни хотели принять его, другие отказывались. Однако управляющий здесь баварский капитан и рыцарь Эргард Мукенталер писал еще от 28 апреля своему князю, герцогу Вильгельму, «что он отчасти знает крестьянских предводителей и,

[1] Такое враждебное заявление находили в летописях города Шпальта, Агриколы.

по приказанию его княжеского высочества, постарается поладить с некоторыми из них и устроить бунт в крестьянском лагере». И действительно, ему удалось склонить на свою сторону одного из предводителей крестьян, бывших на горе, и поселить в лагере раздор при помощи людей, которых он взял из дитфуртского гарнизона и подослал тайком к крестьянам[1]. Таким образом, большинство приняло перемирие; а к вечеру все очистили гору, даже и те, которые стояли против перемирия. Согласно условию, пфальцграф Фридрих осадил замок Гиршберг, а на заре напал на Мессингенскую гору. Инсургенты поверили перемирию, и потому на горе оставался только главный начальник с некоторыми предводителями, начальники значков и несколько человек фускнехтов. Четырнадцать из них были подвергнуты пытке; их допрашивали о зачинщиках мятежа, но безуспешно; потом им отрубили головы. Спасшиеся начальники и советники Мессингенского лагеря нашли убежище в Нюренберге, который принял их под свое покровительство; граждане Нюренберга выражали свое негодование на поступок пфальцграфа так открыто, что слух об этом дошел и до него: «Жаль, — говорили они, — что земля терпит еще этого пфальцграфа, который не только не сдержал относительно крестьян своего слова, но завлек и обманул их». 5 мая пфальцграф сам жаловался на это герцогу Вильгельму. В Грединге гарнизон защищался и сдался только на известных условиях. Несмотря на то, восемь пленных начальников и знаменщиков, которые вместе с городком сдались на капитуляцию, были казнены вопреки условиям. После этого победители низложили епископа и его должностных лиц в Виллибальдбурге, разбили отряд в городе Эйхштетте, сожгли множество деревень и забрали скот. Казалось, восстание здесь было подавлено, но большая часть крестьян присоединилась к другому отряду, составившемуся в Нюренбергском округе. Крестьяне поднялись еще 17 апреля в Кноблаухсланде за Нюренбергом, по направлению к Эрлангену, и в Бухгрунде и двинулись на Поппенрейт. В то же время взялись за оружие и крестьяне из окрестностей Форхгейма и Герцогенаураха[2].

Между тем отряд усилился на пути между Эльвангеном и Динкельсбюлем, занял город Эльванген. Несколько сот крестьян собрались из окрестных деревень к городу, чтобы направиться потом к Гайльдорфскому отряду. Фогт впустил их, граждане присягнули им частью добровольно, частью по принуждению; добровольно присягнули два каноника — Вильгельм фон Гесберг и Ганс фон Гюльтлинген. Они хотели отправиться в замок прелата, который был в то время в отсутствии; в замке

[1] Письма Мукенталера от 28 и 29 апреля 1525 г.

[2] Аншпахские акты, I, 55, 72, 89; *Гаарер*, Поход Франконского отряда, рукопись; Историко-дипломатический отечественный магазин, Нюренберг 1781—1782, I, 9.

было только восемь человек гарнизона; граждане, однако, не допустили этого, тем более, что крестьяне говорили о поджоге и грабеже. Городской фогт и начальник замка были принуждены присягнуть крестьянам, а последний должен был дать им провианта на 1 200 гульденов: за это они пощадили замки Эльванген, Танненбург и Рот. Через несколько дней, 2 мая, они отправились к динкельсбюльцам, которые восстали еще с 24 числа и 30-го потребовали, чтобы город присоединился к ним. Они расположились лагерем возле них, на Брюле, перед городом. Здесь они ограбили бенедиктинское приорство Менхсрот и сожгли его вместе с церковью и всеми зданиями. Приор Мельхиор Редингер бежал вместе с монахами. Та же участь постигла замки Виттельсгофен и Дюрванген при Зульце и женский монастырь в Кемптене. Многие из граждан Динкельсбюля передались инсургентам, которые вслед затем принудили и магистрат войти с ними в соглашение. Магистрат отдал в руки крестьян находившийся в городе монастырь, принял 12 статей, позволил всем гражданам свободно присоединяться к отрядам, дал им три орудия, полтора центнера пороху, 120 пуль и 100 пик; это произошло 5 мая. Крестьяне имели намерение присоединиться вместе с маркграфскими людьми в Крайльсгеймском округе к рисским крестьянам и Гайльдорфскому отряду. Крайльсгеймские крестьяне восстали 2 мая, ограбили монастырь Ангаузен при Кирхберге и сожгли монастырь Зульц, замки Лобенгаузен и Горнбург при Кирхберге, 5 мая они сняли с постели дворянина Каспара фон Крайльсгейм в его наследственном замке, принудили присягнуть им и отправиться пешком вслед за отрядом. «Ты крестьянин, брат Каспар», — говорили ему. 6 мая они присоединились к Динкельсбюльскому отряду.

В Рисе снова зашевелились с последних недель апреля. Вожди тамошнего движения поддерживали постоянные сношения с другими крестьянскими общинами, и 25 апреля даже далекие братья, на Фульде, расположившись в то время лагерем при городе Фульде, писали «к своим братьям при Дейнингене близ Нордлингена», чтобы условиться об общих мерах для секуляризации духовных владений[1]. 1 мая графы эттингенские, которые в течение последних дней апреля обращались во все стороны с просьбами о помощи против их подданных, вздумали предостеречь своих крестьян против инсургентов, собравшихся близ Динкельсбюля; они созвали их; но собравшиеся крестьяне потребовали, чтобы графы отправились с ними. Старший, граф Людвиг, отвечал, что передаст это своему брату Карлу. Рисские крестьяне захватили, между тем, монастыри Майнгейм, где было два здания для братьев и сестер ордена Бригитты, Кристгартен близ св. Петра, повыше Гохгауса, картезианский монастырь Рот, женский монастырь Циммерн и другие. Они заняли и Эт-

Из Кассельского правительственного архива, *Раммель*, II. 73.

тинген, захватили в плен молодого графа Людвига и разграбили дом Немецкого ордена. Слышались даже требования, чтобы все эттингенские графы были умерщвлены с женами и детьми. Однако главные начальники отпустили даже пленного графа и его семейство, не нанеся им ни малейшего оскорбления. 8 мая отряд оставил Динкельсбюльский лагерь и соединился в Рисе с эттингенцами, которым они еще несколько дней назад указали доступ к Динкельсбюлю. 9-го они напали вместе на бенедиктинское аббатство Аугаузен, близ Вассертрюдингена. К динкельсбюльским крестьянам пристал дворянин древнего рода, старый барон Генрих Иерх фон Эльрихсгаузен, живший в своем замке Шопфлох. Он не только сам добровольно присоединился к крестьянам, но приглашал даже и других дворян, например Кунца фон Эгенгейма, пристать к евангельским братьям и старался отговорить крайльсгеймских владетелей, удерживавших крестьян от вступления в Светлый отряд. Князья считали его главным участником в мятеже, и маркграф Казимир и пфальцграф Фридрих отдали приказ сжечь его замок Шопфлох и секвестровать его ленные владения[1]. 6 000 крестьян весело собрались под своими развевающимися значками; они направились в монастырь Гейденгейм за новой добычей, чтобы двинуться потом в долину Альтмюля, где эйхштеттские и маркграфские крестьяне соединились, задумали разломать альтмюльский мост и отрезать маркграфа Казимира[2]. Герриденские граждане тоже восстали 6 мая, невдалеке от Аншпаха, возле дороги в Динкельсбюль и Крайльсгейм. Но уже при самом начале этого дела между крестьянами произошли разногласия[3].

Чувствуя возрастающую опасность, маркграф Казимир стал разыгрывать роль предупредительного, любящего отца своих подданных. Он сделал сам добровольно то, к чему приходилось принуждать вюрцбургского князя. Он пригласил и крестьян на ландтаг, назначенный им в Аншпахе, чтобы выслушать их жалобы и обсудить их, и 2 мая дружелюбно распрощался со своими подданными. Он сложил с них некоторые повинности и во многом облегчил их житье: позволил стрелять всю дичь, находившуюся вне его лесов; постановил, чтобы духовенство несло одинаковые повинности с прихожанами, чтобы строевой лес выдавался каждому из лесов безвозмездно, чтобы промен денег, от которого сильно страдал простой человек, был прекращен. Маркграф согласился на это и на многое другое и сам постановил, чтобы выборные от страны имели постоянное пребывание в Аншпахе, чтобы приготовить и устроить дальнейшие реформы. Потом он уехал, с тем чтобы распустить земское ополчение и заставить его вновь присягнуть себе.

[1] Аншпахские акты, I, 250; II, 184; VIII, 54; I, 64, 74, 91, 101. Источники к истории эттингенской церкви и страны.
[2] Там же, I, 84, 85, 86, 106, 112.
[3] Там же, I, 106.

Опасность была близка, слишком близка. Казимир пустил в ход всю свою изворотливость, все свое притворство, разослал ко всем франконским отрядам посланных с любезными письмами и заявлениями как друг евангелия, как правосудный князь; он просил исключить всех маркграфских подданных из их сборищ на том основании, что он исполнил все желания своей страны.

Динкельсбюльцы отвечали, что маркграфские подданные говорят, что уступки им еще неизвестны и что поэтому отряд просит маркграфа милостиво даровать своим подданным двенадцать статей и в качестве христианского князя мужественно содействовать им в деле восстановления христианского порядка. Франконская рать отвечала, что никого не неволит присоединяться к ней и никого не гонит от себя. Казимир, привычный к военному делу, тотчас заметил, как необходима ему дружба Нюренберга и Роттенбурга. Нюренберг отвечал его посланным, просившим у него орудий, пороху и людей, что до сих пор город держал себя нейтрально. Казимир думал, что ему непременно следует привлечь на свою сторону Роттенбург, гораздо более сильный, чем Аншпах, и находившийся в середине большей части маркграфских владений. Все дружеские заявления, сделанные до сих пор относительно Роттенбурга, были для него делом серьезным. Магистрат и выборные этого города колебались между дружбою маркграфа и франконской рати. По мнению почтенных старцев, маркграф требовал слишком много денег, многие боялись длинных рук его политики; Эренфрид Кумпф выражался относительно помощи маркграфа, что и господство вооруженной силы и насилия крестьян одинаково дурны; но когда 250 граждан прямо и открыто не явились на смотр, когда и вдали и вблизи положение становилось все опаснее, когда крестьяне стали одолевать и франконская рать упрекала роттенбургских посланных за их странное поведение, — тогда, испуганный заревом пожаров, покрывавших небо своим кровавым отблеском, и разгромом соседних монастырей и замков, магистрат решительно перешел на сторону маркграфа. Менцинген был послан к Казимиру вместе с другими. Едва только они отправились, едва разнесся слух, что магистрат хочет привести маркграфский гарнизон, община тотчас объявила, что если магистрат не захочет помогать крестьянам, они забьют тревогу, и народ с ружьями и всем, что найдется под рукой, отправится в Светлый отряд. Магистрат перепугался и послал вслед за выехавшими посланными нового, который должен был расстроить все, что было устроено ими. Это причинило Казимиру «сильную досаду и огорчение», глаза его наполнились слезами, и он заплакал. Это случилось 4 мая. Несмотря на уступки, сделанные им на ландтаге, вокруг него вспыхнул мятеж со всех концов его княжества. В тот же день он поспешил в Вассертрюдинген, а оттуда в Меркендорф близ Менха-

бальда, чтобы удостовериться в верности этих пунктов, которым прежде всего грозила опасность. Ему присягнули. Местечко и монастырь Гейденгейм просили у него помощи против приближавшегося Рисского отряда. Получивши в Меркендорфе весть о восстании в Аишской долине и в Оберланде, об отпадении деревень, лежащих по Майну, Казимир призвал к себе 8 мая в ночь всю вооруженную силу, находившуюся в его распоряжении. 9 мая утром около него собралось 650 всадников, 1 000 пехотинцев со всеми его орудиями и значительный отряд земского ополчения из ближайших окрестностей Аншпаха. Маркграф сильно старался привлечь в свою службу богемскую артиллерийскую прислугу и стрелков, которые так хорошо служили баварским герцогам, но те сухо и твердо отказались помогать маркграфу против его крестьян. Точно так же не пришли войска из городов Фейхтвагена, Кицингена, Гунценгаузена и других. Между Аугаузеном и Рехенбергом его авангард встретился с арьергардом крестьян, направлявшихся в Гейденгейм. Артиллерия разогнала крестьян, они удалились в Остгейм, выстроились здесь снова, двинулись вперед на обширный луг и открыли такой удачный ружейный огонь, что 150 человек маркграфского конного авангарда были принуждены отступить, потеряв несколько человек убитыми и ранеными. Между тем подоспела вся пехота и отбросила крестьян через поля, луга и реку назад в Остгейм; в этой свалке один сын встретил своего родного отца, взял его в плен и повел с собой в Гейденгейм. Маркграфское войско и крестьяне, — последние спрятались за свои повозки, так что к ним туда нельзя было проникнуть, — продолжали перестрелку, пока, наконец, порох не истощился с обеих сторон и им не пришлось перебрасываться камнями. Благодаря ветру деревня загорелась от огня орудий, крестьянам пришлось бросить горящую улицу и скрыться в лесок, между тем подошел маркграф с 500 всадников. Крестьяне добрались до леска, засели в нем и снова начали приостановившееся сражение. Подвезли большие полевые орудия, которые, не нанося ни малейшего вреда, стали обстреливать лес; один только снаряд попал, все другие летели слишком высоко. Маркграфские войска сочли лучшим вступить в переговоры, чем терять драгоценное время перед неприступной позицией отряда. Верный своему плану стать на дружелюбную ногу со всеми чужими отрядами, Казимир повел с крестьянами через рыцаря фон Генберга переговоры о том, чтобы все его подданные сложили оружие и сдались ему. Имея в виду уступки, уже сделанные на ландтаге, и те, которые еще были обещаны, маркграфские подданные сдались. Казимир обезоружил их, обезоружил также жителей всех пограничных местностей и заставил их присягнуть снова; вновь присягнувших собралось до 3 000, однако более 600 человек ушло с отрядом, который беспрепятственно отправился назад и расположился пе-

ред замком Бальдерн, отстоящим всего только на два часа ходьбы. Маркграф был доволен, потому что восстание его подданных в тылу у него и в центре его маркграфства ставило его в необходимость поскорее как-нибудь покончить с этими динкельсбюльцами, эльвангенцами и рисскими крестьянами: покончили, кажется, взаимным соглашением, что всякий будет уважать неприкосновенность чужого владения и ничего не станет предпринимать против другого. 10 мая, стало быть на другой день, он писал к своему правительству в Аншпах о том, как он «полюбовно сладил с отрядом и вытребовал от него своих подданных»[1]. О великой битве, о победе не было ни слова в его письме! 11 числа он открыто послал призывное письмо к тем из своих подданных, которые еще находились в Динкельсбюльском, Эльвангенском и Рисском отрядах. 12-го Иерг Габеркорн, его советник, дал знать об отступлении крестьян от Бальдерна и об их движении на Эллинген, а 17-го — советники, маркграф Фома фон Кундорф и Эйхариус Цобель, вступили с отрядом, стоявшим при Динкельсбюле, в переговоры о том, чтобы назначить день для выслушания жалоб крестьян[2].

На севере маркграфства загорелось восстание, переходившее с места на место, сообразно с движением франконской рати, от Редингена к Оксенфурту и далее к Шварцаху; сначала оно охватило границы, потом в первых числах мая всю Аишскую долину. Восставших, с одной стороны, приглашал к себе Светлый отряд, с другой — маркграф; но они предпочли сражаться заодно со своими братьями, а не против них. В Кицингене собралась гроза уже на второй день пасхи. В рыбной улице в доме Стефана Эртлена сидело вечером несколько человек за бутылкою вина; разговор велся о том и о сем. «Надо сказать, — начал один, — что там, в лесу, мы видели людей, которые хотят войти в город». Это понравилось, все выбежали на улицу и стали кричать, что городу грозит нападение, ударили тревогу, жители сбежались с оружием и в латах, приставили караул к воротам, захватили орудия и на заре направили их на ратушу и стали требовать, чтобы им помогли отстаивать

[1] Аншпахские акты, I, 123.

[2] Там же, I, 213; I, 126; II, 93. Таким образом, великая Остгеймская битва, о которой рассказывается в большей части летописей и почти во всех новейших сочинениях, распадается почти в ничто при свете первоначальных источников. Дейбер, обладающий замечательным тактом и часто попадающий верно, не ошибся и тут (на стр. 207). Он один называет ее некровавой. Даже современник Фома Цвейфель, имевший в других отношениях точные сведения, говорит, что было 4 000 убитых и 3 000 пленных! В Аншпахском архиве хранятся письма маркграфа за каждый день от 6—12 мая; часто приходится на день по нескольку писем. Ни в одном не говорится ни о победе, ни о поражении. Как Менцинген в Роттенбурге тянул руку Казимира, так и в этом отряде эльвангенские крестьянские советники Ганс фон Гюльтлинген и Вильгельм фон Гесберг были с ним в соглашении. Эльвангенский архив.

евангелие. Филипп Сейбот старался успокоить общину и удержать ее в повиновении магистрата, и многие думали заодно с ним. Тогда один парень, глазной врач, вмешался в их толпу. «Вы, дураки! — закричал он. — Неужели вы позволите, чтобы сладкий кусок так пронесли мимо вашего рта? Так ловят мышей, да и то только ночью». Гвалт начался снова; маркграфский пристав Людвиг фон Гуттен успокоил жителей, предложивши им избрать для изложения их неудовольствий комиссию и уполномоченных. 30 апреля Светлый ипгофенский отряд просил о пропуске близ Кицингена. Многие в городе захотели присоединиться к крестьянам, и Флориан Гейер и двое других начальников заставили общину и магистрат присягнуть союзу: старики, члены магистрата, вышли из ратуши грустные и плакали, как дети. К Черному отряду присоединился один значок в 70 человек под предводительством Андрея Вольфа; в его распоряжении находилось одно полевое орудие, несколько ружей и две походные повозки с пиками. В городе они разрушили монастырь, а Яков Шмид схватил голову святого Гелдологиса, которая сохранялась в монастыре как святыня, и стал играть ею, как кегельным шаром. Все маркграфские подданные восстали от Креслингена до Штейгервальда, точно так же как и на юг от Блауфельдена до Лимбургского округа. Сами креслингенцы сожгли замок Браунек. 5 мая к крестьянам присоединился Эргерсгейм, 6-го — Маркт-Бергель и Бург-Бернгейм, за ними последовала вся окрестная долина от Гегенека до Форхгейма. Вся церковная утварь была превращена в деньги, на которые купили в Нюренберге ружья и алебарды; хлебные закромы везде были обложены податью; священники стали казначеями и советниками крестьян; бергельские и бургбернгеймские крестьяне предложили гражданам Уффенгейма, — где в доме Ганса Цигенфельдера собрались недовольные, — пристать к Крестьянскому союзу. Магистрат удержал общину, хотя многие уже готовы были согласиться на предложение. Казимир хотел поставить в город гарнизон. Город отвечал, что для всадников у него нехватит сена и соломы. Однажды к ратуше подошли трое крестьян в латах и потребовали свободного пропуска для следовавшего за ними отряда, а также и денег, отданных магистрату вольными селами, находящимися под его покровительством. Магистрат не решился отказать ни в том, ни в другом. А когда в город вошли крестьяне этих деревень, Эргерсгейма, Ульзенгейма и других, то благодаря их стараниям и настоянию общины, во главе которой стоял Цигенфельдер, а в особенности же благодаря деятельности девяти *женщин*[1], присоединение к отряду скоро было решено. Бросили жребий, кому пристать к отряду — тому выдавалось пол-

[1] Аншпахские акты, IV, 126.

гульдена еженедельного содержания[1]. Прошло немного дней, а на верхней Аише и на Голлахе стояли уже 2 000 вооруженных людей, и окрестное дворянство, испуганное этим и близостью франконской рати, спешило присягать крестьянам. В Виндсгейме крестьянки непременно пожелали присоединиться к крестьянам, потому что в монастыре лежало столько прекрасных вещей, которые они охотно взяли бы себе. В полночь с 5 на 6 мая более 60 женщин под предводительством «Люллихин» отправились на монастырь с топорами и ножами; но бургомистр сумел устроить так, что они вернулись назад без монастырских сокровищ.

На нижней Аише было собрано 3 000 человек. К ним присоединились граждане Форхгейма. Они расположились лагерем вокруг Нейштадта на Аише, который присоединился к ним и был избран главной квартирой. К отряду пристали и те, что были на верхней Аише. Маркграфский казначей Бернбек стал во главе восстания, и крестьяне пошли по окрестностям под предводительством трех начальников—Мюнхера, Пфеффера фон Бург-Бернгейм и Михаила Коберера, старого мельника, и стали грабить монастырь и разрушать замки. Весь отряд подчинился Великой франконской рати и поступал по ее статьям. 9 мая сожгли замок Даксбах, 13 мая — монастырь для благородных женщин Биркенфельд, 14 мая — замок Гогенкотенгейм, 16 мая — замок Шпекфельд, в тот же день — монастырь Ритфельд. Вслед затем превратились в груды пепла замки Штеках, Саксен-Ульштатт, Бирнбаум, Сугенгейм и другие крепкие замки, владетели которых не захотели вступить в братство и променять добровольно свои жилища на мещанские. Все замки в Штейгервальде были опустошены. Многие владетели сами разрушили свои жилища и спасли таким образом свое имущество и строевой материал. Даже в окрестностях и в самых городах Кадольсбурге, Швабахе, Гейльбронне и далее граждане и крестьяне были охвачены духом мятежа и привлечены к Аише. Направо и налево на получасовом расстоянии от Аншпаха маркграф увидал огненный факел крестьян: зарево пожара, охватившего старый замок Дорнберг, осветило почти самые улицы Аншпаха.

Еще близ Остгейма он убедился в неблагонадежности аншпахских крестьян и отпустил их. Он послал в Оберланд приказ выслать к нему 1 500 человек ландвера и занял со своим небольшим войском позицию близ Маркт-Эрльбаха; перед ним находился его крепкий, не осажденный еще замок Гогенек, по обеим сторонам нейтральный Нюренберг и еще остававшийся нейтральным Роттенбург. Маркграф стоял выше Нейштадтского лагеря, в середине между отрядами на верхней и нижней Аише,

[1] *Георги*, I, 21—24; *Гаммер*, рукопись, напечатанная в Аншпахских известиях Георги, стр. 109, 112.

и был в состоянии каждую минуту защищать Аншпах, пока на него не было сделано нападение со стороны Великой франконской рати. Чтобы не допустить этого, маркграф, как христианский брат, вступил в переговоры с христианскими братьями, стоявшими при Вюрцбурге. Он сам написал 15 мая к начальнику Черного отряда Флориану Гейеру и предложил ему дружеские отношения[1]. Таким же образом он вступил в переговоры с другими отрядами и принял совершенно такой тон, будто вовсе не считает братский союз делом невозможным. 19 мая отряд на верхней Аише согласился на восьмидневное перемирие, в тот же день о том же заявила и франконская рать при Гейдингсфельде, а 23 мая дал свое согласие Оксенфуртский отряд[2]. Союз с крестьянами был для маркграфа делом далеко не серьезным; некоторые полагали, что Казимир хотел в случае успеха крестьянского дела завладеть с их помощью Восточной Франконией; но насколько чужда была ему эта мысль, доказывает уже то, что в то же самое время, когда он просил и добился перемирия, он сделал все, чтобы убедить Швабский союз немедленно двинуться на Франконию[3]. Казимир думал только об одном: как бы отклонить от себя и направить на других грозившее ему нашествие; он старался обмануть крестьян, парализовать их и выиграть время, так как многие средства к защите, на которые он рассчитывал, оказались ненадежными. Таким образом, чтобы обезопасить себя с запада, он хотел поставить в гогенлоенский замок Шиллингсфюрст, находившийся на расстоянии 5 часов ходьбы от Аншпаха, 200 человек стрелков; намерение его открылось; вюрцбургский военный совет решил, что замок надо разрушить. Двое начальников, Андрей Виттих из Адельсгаузена и Луц Сейбот из галльского ландвера, отправились с этим приказом к крестьянам Шиллингсфюрстского округа; обманом напали они вместе с тремя другими на амтмана и заняли замок; его разрушили, унесли, что было можно, все остальное сожгли 21 мая. Вместо ландвера Казимир получил из гор неприятные известия. В Байрейте на призыв явилось не более 700 человек, которые разбежались, угрожая разграбить замки Гиммелькрон и Кольмберг. Волнение стало обнаруживаться в Кульмбахе, в Вундзиделе, Пегнице, даже в самом Байрейте; там, впрочем, оно выражалось еще пока в одних только словах и собраниях. В Байрейте один кузнец пустил слух, что маркграф Казимир умер и что он сам видел, как его тело повезли в родовой склеп в Гейльсбронн. В городе Гофе волнение было возбуждено Никласом Шторхом, анабаптистским пророком. В деревне Гезесс кто-то выкинул бело-черное знамя, другой, наэкзальтированный вином, стал бить в набат. С трубами

[1] Аншпахские акты, II, 110.
[2] Там же, I, 168, 169; II, 98, 103, 125.
[3] Там же, I, 178.

и барабанным боем толпа отправилась крестным ходом через Мистельгаускую долину к воротам Байрейта, выпила на свои деньги и снова отправилась домой; при этом был изуродован один маркграфский герольд, старавшийся успокоить волнение. В других местах тоже было неладно, но это было не восстание, а просто волнение. Казимир написал даже к жителям верхней страны, что не нуждается больше в их помощи, так как спокойствие внизу восстанавливается; он просил сообщить ему о всех имеющихся против него неудовольствиях.

Нюренбергский магистрат был так же благоразумен, как и Казимир. Нейтральный во всех своих внешних сношениях, христиански приветливый со всеми, он предоставил теперь гражданам многие льготы и тем расположил их к себе; при наступлении опасности он сделал также уступки и в пользу своих крестьян и частью простил вовсе, частью значительно смягчил лежавший на них тяжелый десятинный сбор. Город Нюренберг смело и твердо высказывался за крестьян. Его посланные должны были заявить на ульмском союзном сейме, «что, хотя крестьяне поступают весьма неловко, однако, все-таки нельзя не принять во внимание, что они во многих отношениях терпели невыносимые притеснения и что тирания прелатов и других владетелей вынуждает их действовать таким образом. Притеснения, на которые указывается в двенадцати статьях, очевидны и отрицать их нельзя. Невозможно утаить безмерное тиранство владетелей, которые употребляют евангелие вместо ширмы для прикрытия своих неправедных дел и посредством его отнимают у крестьян деньги; это известно даже всякому уличному ребенку»[1]. Магистрат выслал в окрестности отряд граждан, к городским воротам был приставлен караул. В Нюренбергском округе многие анабаптисты работали втихомолку; в самом городе было несколько беспокойных. Восставшие крестьяне из ближайших окрестностей и более отдаленных мест, даже сами проповедники тайно подсылали письма, призывавшие к восстанию, в тот город, где еще не успели забыть Мюнцера; воззвания эти печатались в Нюренберге. Вольфганг Фогель, эльтерсдорфский священник, принявший второе крещение, возбудил к восстанию всю свою общину и крестьян всего околотка. Он заставил их присягнуть, наперекор всякому начальству, новому анабаптистскому союзу, проповедывал о близости земного царствия божия и о том, что анабаптистам дан в руки меч правосудия. Соединившиеся здесь крестьяне состояли в сношениях с Мюльгаузеном[2].

Чтобы успокоить крестьян, снова собравшихся в Поппенрейте, магистрат послал к ним лютеранского проповедника Карла Ресса, но ему пришлось спрятаться, чтобы спасти свою

[1] Летопись Мюлльнера, рукопись.
[2] Там же.

жизнь. Однако магистрату все-таки удалось успокоить восстание в своем округе.

Епископ Бамбергский Виганд не умел ни так хорошо притворяться, как Казимир, ни так хорошо плыть по попутному ветру.

Епископ не только писал самые жалобные послания к Швабскому союзу и ко всем князьям, прося их помощи против своего народа, с которым он только что заключил полюбовную сделку; он даже дал заметить своим подданным, что умышленно затягивает переговоры с сельским населением; кроме того, он старался тайно собрать вокруг города достаточно войска, чтобы держать крестьян в страхе и чтобы въезд и выезд в замок Гих казался опасным как для крестьян, так и для депутатов сейма. Он должен был дозволить крестьянам поставить несколько человек в этот замок; они вскоре впустили туда множество народа, одолели епископский гарнизон и сожгли замок. Инсургенты хотели заставить епископа не обманывать больше обещаниями и согласиться на условия, поэтому статья франконцев, в которой объявлялась война всем замкам, была им сильно наруку. Крестьяне восстали во всех концах Бамбергского епископства и принялись в одно время ломать многочисленные близлежащие замки. Немного более восьми дней понадобилось им, чтобы очистить страну от высоких дворянских построек. Странное зрелище должно было представляться глазам народа, когда ночью десять, двадцать, тридцать замков, догорая, бросали свой багровый отблеск на глубокие, обставленные скалами долины, на темные поляны франконской Швейцарии. Более 70 замков в горах и в долинах быстро превратились в развалины. Бесполезно перечислять их здесь; все они без изъятия превратились в пепел. Посланным нюренбергского магистрата удалось спасти только прекрасный замок Нейдек: они уверили крестьян, что этот укрепленный пункт будет необходим во время войны самим жителям, так как благодаря своему положению на границе он может служить и для укрывания людей и имущества, и для сопротивления внешним врагам; уцелели также Штрейтберг и Рабенштейн, оба принадлежавшие бранденбургскому маркграфу; Гаусек, принадлежавший Нюренбергу и пощаженный потому, что по неосторожности и наперекор приказанию главных бамбергских начальников нюренбергский Вильденфельс был разрушен в горах; Марлофштейн, быстро переданный под видом продажи нюренбергскому патрицию Пфинцингу; Фельденштейн, рыцарски защищенный куратором Альбрехтом Ротсманом.

Граждане участвовали в разрушении тяготивших их крепких замков точно так же усердно, как и крестьяне: «они хотели, чтобы дворяне оставили их, переселились в города и несли бы наравне с другими обывателями повинности и тягости». И здесь некоторые дворяне сами стали разрушать свои замки.

Та же участь постигла и монастыри: все они были уничтожены крестьянами. То, что делали теперь крестьяне тотчас же, по их примеру, стали производить в других местах князья; вся разница заключалась в том, что последние несколько прикрывались благовидной формой.

Епископ, укрывавшийся со своими людьми в Альтенбурге, с ужасом смотрел на погибавшие в пламени замки; с содроганием прислушивался он к слухам, разглашавшим лживые известия о том, как крестьяне истязали и продолжают истязать владетелей разрушенных замков. Из Бамберга вдруг исчезли все находившиеся там советники других городов, посредники, каноники: они разбежались во все стороны. Крестьяне и горожане провожали их ружейными выстрелами. Мориц фон Бибра был даже взят в плен, и жители всех окрестных деревень вломились в город. Вскоре граждане почувствовали отвращение к дикому буйству ворвавшихся. Кто-то посоветовал удалить их из города под предлогом смотра за его пределами. Так и сделали. Когда деревенский народ вышел за стены вместе с горожанами, — шесть тысяч вооруженных людей, — обратно в город впустили одних только горожан, а крестьяне все остались за стеной. Предводимые Гансом Гартлибом, крестьяне осадили Альтенбург; сначала они расположились при Цигельгютте, потом в долине при Галльштадте, а три других отряда расположились на границах епископства; один при Гохштедте на Аише и Эбрахе; другой — при Эберманштадте и Кирхеренбахе на Визенте и Ауфзеесе; третий — под начальством Петра Гофманна — в Цедлице близ Лихтенфельса на Майне. Епископ снова принял вид, будто он серьезно хочет войти в соглашение с сельским населением и отрядами и заключить с ними договор.

Мы видели, таким образом, что восстание вспыхнуло на всех главных пунктах. Если принять за центр его страну от истоков Неккара и Дуная до Майна, то северный фланг полосы, охваченной движением, будет опираться на Гарц, южный, на Юлийские Альпы, и (как увидим дальше) Венецианскую республику; авангард тянулся по обоим берегам Рейна, сверху вниз. Настало время, «когда всему начальству было не до смеха»[1]. Осуществилось то, что уже давно предчувствовали многие; земля заколыхалась на огромном протяжении, пламя выступило из-под нее; ненависть, месть и злоба, фанатизм и любовь к родине, соединившись вместе, раздули его своим могучим дыханием и направили сначала на монастыри и духовные владения, потом на крепкие замки дворянства, наконец, на престолы князей. Можно было опасаться, что пламя это охватит все существующее.

Как 400 лет тому назад божья война, поход для осво-

[1] *Себастиан Франке.*

бождения гроба господня, призвала к оружию всех и каждого и оторвала отцов от жен, детей и домашнего очага, сына от родителей, священника от алтаря, монаха от его монастыря, крестьянина от его плуга, гражданина от ремесла, — точно так же и теперь тысячи народа покидали дома и дворы, пашни и виноградники, торговлю, брались за оружие и шли на новую святую войну народа за освобождение того гроба, в который похоронили его свободу.

И как в то время под знамя креста рядом с людьми полными героизма и увлечения, возвышенного стремления к высокой цели становилась и всякая сволочь, всякий праздный, беспутный сброд — необходимый спутник каждой войны, — прибегающий к насилию, грабежу, злодействам и убийству, точно так же и теперь под знамена нового евангельского креста стали также грубость, страсть к грабежу и буянству, которые, вмешавшись в великое народное дело, в значительной степени запятнали карающий меч народного и божьего суда. Как в природе во время грозы, невинное страдало здесь заодно с виновным.

Но еще было время избежать крайностей; господа могли сделать кой-какие уступки и отменить самые тяжелые притеснения; умеренность и предусмотрительность могли еще задержать поток разрушений, распространявшийся все далее и далее. Однако случилось противное. Вскоре этот огненный поток наполнился кровью преступных «сильных мира сего», он забушевал сильнее, стал подниматься выше и выше, нагорные замки стали, как воск, таять целыми сотнями, крепкие башни прежде сильных властителей рухнули, аристократия, гонимая из своих замков и монастырей, стала скрываться по лесам и оврагам от преследовавшего ее победного звона и блеска кровожадных крестьянских пик. Теперь и те, которые были еще далеко и еще чувствовали себя в безопасности, не могли рассчитывать даже на неделю, на день спокойствия: они видели, что гибель грозит и им, их имуществу и их близким. Одни видели в этом всеобщем громадном пожаре очистительный огонь, другие — адское пламя. Саксонский курфюрст говорил, как почтенный нюренбергский магистрат: «Это божий суд, божья кара за те грехи, которыми отяготили себя светские и духовные князья и владетели, за их тиранию и жестокости к своим подданным, за те препятствия, которые они воздвигали распространению евангелия».

Пока таким образом бушевало всеобщее разрушение, лучшие люди из среды народа еще раз в тиши залы заседания сделали попытку помочь родине путем мирного совещания и соглашения.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Народная канцелярия и проект постановления в Гейльбронне при Неккаре

Огромные, вооруженные, демократически революционные массы стекались со всех сторон в отряды. Людям, глубже всматривавшимся в дело, было ясно с самого начала, что этой громадной силе недостает того, что делает толпу войском, что сплачивает разрозненные силы, — недостает единства духа и плана, единства религиозной, политической и военной руководящей нити. Крестьяне затем и посылали Лютеру двенадцать статей, затем и добивались его утверждения, чтобы иметь на своей стороне его религиозный авторитет. Точно так же, чтобы приобрести для своего дела военный авторитет, они с самого начала движения старались привлечь на свою сторону дворянство. Крестьяне надеялись найти в них вождей, не только сведущих в военном деле, но и импонирующих простому человеку своим издавна славным именем, людей, которых давно привыкли уважать и которым привыкли повиноваться. Чтобы иметь во главе политический авторитет, они (именно Вейганд и его друзья) обращали свои взоры и надежды на курфюрста Саксонского Фридриха Мудрого.

Уже с самых первых дней восстания убийства и пожары, своеволие, себялюбие и страсть к грабежу далеко превзошли те пределы, которые хотели поставить их зачинатели и вожди движения. Уже тогда люди разумные ясно видели, как сильно вредит делу отсутствие дисциплины. Многие недовольные, на которых рассчитывали инсургенты, были испуганы образом действий некоторых отдельных отрядов, а это оттолкнуло их от восстания.

В революции приняли участие не только различные люди и сословия, но и различные племена и национальности; не только образование, нравы, привычки и наклонности отличались крайним разнообразием, но и в революции вообще и в каждом отдельном лагере можно было увидать рядом самые резкие противоположности желаний и целей. Сдерживать и направлять эти разнообразные требования, стремления, желания было тем труднее, что нравственные вожди восстания держали себя в стороне; большая часть начальников и предводителей, стоявших на первом плане, принадлежали к сословию крестьян. Они были одного происхождения с своими подчиненными и потому не имели на них большого влияния. Почет, которым пользовались коноводы, был основан единственно на их популярности. Эта популярность поддерживала их значение, с нею вместе оно и падало. При низком уровне образования большей части восставших начальники не всегда были в состоянии препятствовать глупым выходкам, излишествам и даже преступлениям;

если же иногда они и пытались сопротивляться им, то нередко следствием этого была потеря популярности и даже звания предводителей.

В каждом восставшем округе, даже в каждом городе и в каждом местечке обнаруживались различия во взглядах и в желаниях; даже между людьми, хотевшими, повидимому, одного и того же, не было согласия ни относительно средств и путей к достижению и отысканию общей цели, ни относительно того, как далеко эта цель должна простираться. Говоря современным языком и сводя эти различия на *политическое* направление, можно обозначить их так: в революционной рати стояли рядом друг возле друга — консерваторы, приставшие к восстанию по принуждению, либералы, которые хотели распространить реформы только до известной степени, хотели того, что им казалось более всего возможным, радикалы, которые хотели переделать все существующее с начала до конца и все перестроить заново, наконец, террористы, готовые пускать в ход крайние насильственные меры, — люди, действующие страхом. Различие в религиозном направлении можно бы обозначить так: рядом, близко друг к другу стояли лютеране и мюнцеристы; одни желали видеть церковь очищенною, другие противились идее всякой церкви; были и фанатики полного безверия, с такою же яростью говорившие и действовавшие против всякого внешнего символа божественного, против всякой веры, с какою их противники отстаивали и веру и ее внешние символы; наконец, были и фанатики тысячелетнего царства, фанатики обоих оттенков, все до известной степени были социалистами и коммунистами. Если коммунизм как религиозная доктрина был не богат последователями, зато в области практики он имел множество адептов между восставшими. Как внезапное освобождение от *политического* рабства ведет за собою излишества, точно так же теперь внезапное освобождение от *религиозного* порабощения заставило многих отбросить не только суеверие, но даже и церковь, и самого бога, и огрубеть нравственно и религиозно.

Эти различия, господствуя поочередно, обнаруживались не только близ Неккара и на Шварцвальде, но и в Зальцбургском округе и в Тироле. В продолжение нескольких дней меньшинство часто становилось большинством и наоборот. Но история всех революций учит нас, что часто люди, самые кровожадные на словах, оказываются далеко не такими на деле и что нельзя еще делать заключения о направлении умов массы по нескольким отдельным мнениям, оставшимся в памяти людей благодаря резкости, с которой они были выражены. Это можно применить и к выражениям вроде того, что «нам не нужна церковь», «смерть *всем* попам, *всем* дворянам и князьям». Так в Эльзасе разнесся слух, что хотят добраться и до евреев; а между тем ни из чего не видно, чтобы в Эльзасе ограбили

хоть одного еврея, хоть один еврейский дом, чтобы у них отняли хоть одно ведро вина. Это были только требования и голоса отдельных личностей, которым пришлось тотчас замолкнуть перед желаниями большинства.

Замечательно, напротив, что в течение всей крестьянской войны евреи не потерпели никаких гонений. Это заслуживает удивления тем более, что еще незадолго до восстания такие гонения встречаются во многих местностях Германии. Даже роттенбургцы Дейшлин и Губмайер проповедывали против евреев. Но ни в одном источнике времен восстания нет даже намека на то, чтобы хоть раз в эту эпоху народные страсти направились против тех, на кого их так часто и так бесчеловечно направляли в средние века[1]. Такое в высшей степени замечательное и поразительное явление могло бы придать некоторую достоверность сведениям, сообщаемым готгаерским каноником Конрадом Муцианусом и до сих пор остающимся без внимания; им можно верить, по крайней мере, настолько, насколько они касаются евреев.

25 апреля 1525 года, стало быть, в то время, когда восстание успело уже охватить окрестности, Муцианус, сам потерявший в этом восстании свое имение, писал к своему покровителю, курфюрсту Фридриху Саксонскому, что он убедился на основании писем и устных сообщений разумных людей, что вольные города, прикрываясь евангелием, волнуют крестьян той земли всякими происками, они желают уничтожить не только духовных владетелей и духовные княжества, но и всех князей вообще, считая всех их тиранами, — и превратить Германию в республику. В этом помогают им евреи.

Так как евреев нигде не тронули, то нет ничего невероятного в предположении, что они стояли к движению и его вождям в таких отношениях, которые упрочили безопасность их личности и их имущества; весьма возможно также и то, что евреи пустили в ход свои богатства, чтобы поддержать восстание или при начале, или во время его разгара. Первое всего вероятнее, евреи были более всех угнетены, к тому же они были одарены способностью чуять заранее будущее и настолько умны, чтобы уметь к нему приспособиться.

Несмотря на овладевшее тогда крестьянами стремление к дележу, несмотря на ясно выражаемые желания поделиться с фугерами и вельзерами, не было и речи о применении этого к имуществам евреев. Толки о том, что так как все без исключения братья, то было бы хорошо, чтобы все были равны и чтобы богач делился с бедняком, можно было слышать не только между франконцами, стоявшими перед Вюрцбургом; делиться должны были преимущественно такие люди, которые

[1] В австрийских альпийских странах ненависть направилась не на *еврея* Саламанку, но на графа и всемогущего *временщика*, на наглого министра финансов Саламанку.

нажились за счет бедняков, отнимая у них их достояние путем лихоимства и барышничества в торговле. Подобные мнения слышались отовсюду, особенно из уст разорившихся горожан; впрочем, то же говорили проповедники и духовные, некоторые увлеченные религиозным фанатизмом и действительно исповедывавшие всеобщее равенство и общность имущества, другие, лицемерившие и выставлявшие только как приманку, что теперь следует нападать на попов и светских владетелей и делить между собою их имения и достояние так, чтобы и богатый и бедняк получили поровну. Многие надеялись, что восстание поможет им сделаться из бедняков богачами. Впоследствии в городах победоносная аристократия и духовенство пыткою вынуждали признание в таком кровавом коммунизме; поэтому слова пленников можно принимать только с крайнею осторожностью; им навязывали вопросы и истязали до тех пор, пока не получали утвердительного ответа, дававшего право казнить их смертью.

Страшно становится, когда читаешь и слышишь о зальцбургцах, «что они хотели и говорили, что не отступят, пока кардинал Маттей не будет сварен заживо, чтобы можно было сказать, что зальцбургцы съели своего господина»; что какой-нибудь кутила болтал за бутылкою вина, подхватывали и распространяли, как речи зальцбургского народа. А между тем, в Зальцбургском округе большинство требовало никак не больше того, чего требовали и тирольцы, «чтобы все оставалось попрежнему»[1], «чтобы не было налогов без согласия и совета простых людей, чтобы зальцбургский властитель не управлял один, а действовал бы с согласия и с ведома совета»[2]. Зальцбургцы хотели только удержать свои древние права и иметь возле князя народный совет.

Между тем как в дальнейшем ходе восстания люди крайние попеременно то несколько сдавались, то становились еще яростнее, умеренные приобретали все большее и большее значение. Скоро террористы составили только незначительное меньшинство, а радикалы, видевшие вещи в их настоящем свете, сблизились и соединились с посредствующей партией. Прежде мнения, в корне враждебные дворянству, господствовали на огромном протяжении, теперь это далеко изменилось. В Баварском округе в Неймаркте еще недавно среди горевших и разваливавшихся замков крестьяне спрашивали: «Кто сделал первого князя или дворянина? и разве у крестьянина не пять пальцев на руке, точно так же как у князя или у дворянина?» Но большинство скоро отказалось и от мысли об уничтожении различия между крестьянами и дворянством и от поджогов замков. Поддерживаемые событиями и ходом восстания, Вен-

[1] Отчет баварских советников от 25 июня 1525 г.
[2] Письмо крестьян из Галлейна от 11 июля 1525 г.

дель Гиплер, Вейганд и их единомышленники добились своего и довели большинство до сознания необходимости привлечь на свою сторону дворянство и князей, преданных евангелию.

Гиплер, Вейганд и их партия хотели отвести дворянству на немецкой почве такое же место, какое впоследствии путем революции заняло дворянство в Англии. Они хотели оставить попрежнему не только князей, преданных новому учению, но даже больших духовных князей и епископов. Уже в половине мая Вейганд в письмах своих к соединенному швабо-франконскому крестьянскому совету начал настаивать на том, чтобы принудить, как можно скорее, кельнского и трирского курфюрстов и других духовных князей принять двенадцать статей; это следовало сделать прежде, чем духовные князья успеют соединиться с светскими и призвать на германскую почву иноплеменников для подавления христианского братства.

Вместо того чтобы терять время на осаду Вюрцбургского замка, следует перетянуть на свою сторону духовных князей, а потом привлечь светских князей, графов и рыцарей в союз «для государственного преобразования».

Дворянство Вейганд думал удовлетворить за его убытки тремя уступками: превращением всех имений, принадлежавших до сих пор духовенству, в собственность дворянства, предоставлением дворянству преимуществ относительно судейских мест и, наконец, денежным вознаграждением, которое могло быть извлечено из конфискованных светских владений духовенства, долженствующих оплатить все новое государственное устройство. Напротив, в государственном камеральном совете и в четырех придворных советах должны были получить первенство города и сельские общины; им предоставлялось четыре лишних голоса. И князья и города должны были получить вознаграждение из конфискованных духовных имений.

Так как неизбежность изменения существующего порядка чувствовалась давно, то еще за несколько десятков лет стали думать, говорить и строить планы о том, какое устройство будет самое лучшее и при каком порядке вещей всем будет хорошо. Этим объясняется, почему восставшие так скоро перешли от первых материальных требований к двенадцати статьям, заключавшим в себе высшие требования, а отсюда к настоящим политическим проектам устройства; объясняется и быстрое возникновение планов государственной реформы на Майне и Неккаре, проект земского устройства в Тироле и то, что эти проекты были так хорошо придуманы, больные места и средства для их исцеления так удачно подобраны, что еще в наше время государственные люди самых разнообразных оттенков отдают им дань уважения и удивления. Многое из них введено в современную государственную жизнь Германии, многое хо-

тели ввести и многое еще ожидается в будущем. Мысли и планы, родившиеся в центре движения, на Неккаре и Этше, составляют один из самых замечательных моментов в истории крестьянских и ремесленных отношений, частного и государственного права, политического и религиозного прогресса. В Тироле и именно во время крестьянской войны впервые возникла мысль о том, что *правосудие* не только должно быть *независимо* в современном значении этого слова, но что оно должно стоять совершенно *вне* государственной власти и что правительство, государь какой-нибудь страны должен назначать только *лиц администрации;* между тем, как судьи не должны быть ни избираемы, ни утверждаемы им; что члены администрации не должны иметь права голоса в судебных делах, между тем, как народ, напротив того, сам должен выбирать всех лиц, облеченных судебною властью, начиная с судей и кончая судебными приставами, и что все это должно быть определено строгим законом. Подробное перечисление всех идей, проявлявшихся во время крестьянской революции, завлекло бы нас за пределы нашей книги.

В числе материалов, служивших для подготовки государственного устройства, наряду с древними народными узаконениями и сочинениями Ульриха Гуттена, Лютера, Эберлина фон Гюнцбурга и других видное место занимала книга, носящая заглавие «Реформация императора Фридриха Третьего». Так как до сих пор ни в одном архиве не нашлось ни одного рукописного или печатного экземпляра этого замечательного сочинения, написанного ранее двадцатых годов шестнадцатого века, то из этого и из содержания книги можно заключить, что она была написана незадолго до планов Зиккингена и Гуттена. Во многих пунктах, относящихся к государственному устройству, она сходилась с идеями Венделя Гиплера. Конечно, отсюда нельзя еще заключить, чтобы они были заимствованы из нее, гораздо вероятнее, что «эта тонкая голова, самая умная во всем государстве», как называл Гиплера Гец фон Берлихинген, участвовала в сочинении книги. Она написана пером, непохожим на перо Ульриха фон Гуттена, и ее скорее можно приписать Гиплеру, чем Вейганду. Вейганд состоял на службе при майнцском дворе, где было довольно много посвященных в зиккингенское движение; имения Гиплера были расположены как раз возле Горнберга, замка Геца фон Берлихингена, и оба они находились к Гуттену и его друзьям в гораздо более близких отношениях, чем это полагают обыкновенно. Так как теперь обстоятельства, при которых писались книги, были уже не те, то необходимо было переменить некоторые частности, вставить много нового и вообще пойти дальше, чем это было возможно в то время, когда люди, преданные Германии и ее умственному, религиозному и национальному прогрессу, люди, подобные Вейганду, Гиплеру, Ульриху Гуттену, Буцеру, со-

ветовались между собою об основных положениях сочинения, вылившегося из-под одного пера.

Теперь дело шло не о том, чтобы поставить рыцарство во главе движения, а о том, чтобы примирить с революцией князей, дворянство и города и упрочить ее победу таким государственным устройством, которое они могли бы принять.

Старая ненависть к дворянству была еще сильна в большинстве крестьянских отрядов; едва только разнесся слух о направлении, принятом людьми, получившими полномочие на составление государственного уложения, как уже явились воззвания, вроде «Письма собранию простого крестьянства», разжигавшие недоверие к дворянству и советовавшие крестьянам назначать на должности только «своих», и потому что «не приходится прятать волчью шкуру под овечью шерсть, врожденные инстинкты никогда не позволяют ястребу соединиться с голубкой». Но охлаждающее время и умеренность оберландских крестьян, которые, как люди свободные, добивались с самого начала только своей старой свободы, а не христианской свободы и равенства, провозглашаемого проповедниками, давали надежду, что составленный в таком духе план уложения привлечет, наконец, на свою сторону огромное большинство государства.

С 9 мая депутация от крестьян была собрана в имперском городе Гейльбронне при Неккаре с целью «обсудить всеобщую государственную реформу», на которую ссылались все статьи и соглашения.

Не в духе Венделя Гиплера было стоять на одном месте и бездействовать перед крепостями. Было крайне необходимо предпринять что-нибудь прочное, решительное для всеобщего умиротворения, для объединения действий, для всеобщего соглашения сталкивающихся интересов, для упрочения колеблющихся и неопределенных отношений.

Еще в Аморбахе было решено созвать выборных ото всех отрядов на конгресс всего крестьянского сословия, и местом собрания был назначен Гейльбронн. Здесь предполагалось устроить «всеобщую канцелярию», здесь должны были состояться «предварительные заседания ученых крестьянских советников», здесь же в свое время должно было собраться «всеобщее, народом открываемое национальное собрание», которому предстояло «обсудить и принять государственную реформу».

В Гейльбронне заседали в качестве представителей отрядов, соединившихся перед Вюрцбургом, канцлер Вендель Гиплер и советники его Петр Лохер из Кюльсгейма и Ганс Шикнер из Вейсленсбурга.

Ко всем верхнешвабским, эльзасским и франконским отрядам были разосланы еще из Аморбаха повестки, в которых предписывалось, «как можно скорее выслать уполномоченных на конгресс в Гейльбронн». Фридрих Вейганд не присутство-

вал лично на их совете, но дух его был с ними: от него были получены замечательные предложения относительно государственной реформы. Они выписали себе и старые проекты и проект франкфуртский и, не дожидаясь приезда выборных от других отрядов, принялись втроем за работу.

Из Вюрцбурга им было прислано на рассмотрение несколько вопросов, которые относились к дальнейшему ходу войны: Что должен еще завоевать каждый отряд? Какое сопротивление они встретят при этом, какая помощь может им понадобиться? Какой отряд должен двинуться на помощь в случае, если понадобится в Швабии подкрепление против Швабского союза? Как поступать относительно Пфальца, Бранденбурга и Бадена, баварских князей и Гессена — снисходительно или сурово? Каким образом привлечь к союзу дворянство других земель? Давать ли светским князьям и владетелям вознаграждение за понесенные убытки из духовных имений? Просить ли помощи у чужеземных князей, например у саксонского курфюрста, который лучше расположен к союзу? Из каких отрядов составить рать, которая двинется на Трир и Кельн? Что делать, если император приведет чужое войско или другие князья соберут наемщиков? Как держать себя относительно императора и следует ли предварительно написать к нему? Когда и где предпринимать реформу, кого избрать для этого: ученых, горожан, крестьян? и скольких? Кто станет говорить за простого человека о его тягостях? Скольких депутатов от князей и дворян следует допустить, чтобы они вели их дело? На чей счет и кем оплатятся издержки на содержание тех, кто будет представлять дела на рассмотрение, и тех, кого изберут для их решения? Не следует ли также приступить к улучшению и уравнению различных войсковых порядков, и не должен ли каждый отряд представить отчет о сделанных до сих пор завоеваниях и о своих дальнейших намерениях. Спрашивали также, что делать в случае, если, бог даст, можно будет ограничить число отрядов и распустить по домам простых людей: следует ли тогда для предупреждения несчастья все-таки оставить в сборе нескольких ратников, которые могли бы отстоять право, и так далее.

Прежде чем приступить к рассмотрению этих вопросов, выборные набросали на основании собственных и чужих мыслей проект реформы, состоявший из четырнадцати пунктов, — проект о том: «какими мерами достигнуть устройства и преобразования к пользе, благу и счастью всех христианских стран».

1) Все духовные высшего и низшего звания и состояния будут подвергнуты реформе и получат достаточное вспоможение; их имения обращаются на общую пользу.

2) Все светские владетели ставятся в такие условия, при коих они не будут в состоянии отнимать у простого человека его христианской свободы; одинаковое и быстрое правосудие

как высшему, так и низшему. Князья и дворяне должны защищать бедняков и держать себя с ними по-братски (за достаточное вознаграждение).

3) Все города и общины преобразовываются по божескому и естественному праву и по христианской свободе. Все старые и новые человеческие выдумки должны быть отброшены. Все поземельные оброки отменяются.

4) Никакой доктор римского права не может быть допущен в суд или в княжеский совет. При каждом университете должно быть только по три доктора имперского права, к которым следует при случае обращаться за советами.

5) Никакое духовное лицо, высшее или низшее, не может быть допущено в государственный совет или в советники других князей или общин; никто из них не может занимать светской должности.

6) Все светские законы государства отменяются и уничтожаются, а вводится закон божеский и естественный, чтобы бедняк имел равные права с высшими и богатыми лицами. В государстве учреждаются 64 свободных суда с депутатами от всех сословий, а также и от крестьянского; 16 земских судов, 4 придворных суда, 1 императорский камеральный суд германской нации, тоже с выборными членами от всех сословий, но так, чтобы в каждом суде у народа было *четыре* лишних голоса против других сословий. На каждый суд можно апеллировать в другой.

7) Все мыты (zölle) и поборы прекращаются, кроме податей, необходимых для мостов, дорог и плотин.

8) Все дороги объявляются вольными, все пошлины отменяются.

9) Все налоги отменяются, исключая императорского налога, вносимого раз в десять лет (Матфей, 22).

10) Единство монеты для всей германской нации.

11) Единство меры и веса везде.

12) Ограничение процентов больших банкирских домов, которые собирают в свои руки все деньги и обременяют и обирают по своему благоусмотрению и богачей и бедняков.

13) Освобождение дворянства от всех ленных обязательств какому бы то ни было духовному лицу.

14) Отмена всяких союзов князей, владетелей и городов: везде только защита и закон императора [1].

Поистине это были идеи великие и своеобразные, практичные и общеполезные. Необходимость таких реформ чувствовалась уже целые века: императоры, князья, рыцари и города поднимали, правда, на имперских сеймах тот или другой вопрос, но все они вместе не придумали и не сгруппировали таких

[1] Этот проект преобразования перепечатан у Вальхнера, Эксле, Бензена.

превосходных, всеобъемлющих положений, которые были составлены вождями крестьян, стремившимися к их осуществлению.

Многие лучшие мысли проекта взяты слово в слово из предложений Фридриха Вейганда, другие принадлежат Венделю Гиплеру.

Так как у духовенства, князей и дворянства отнимались главные источники их доходов, то им скоро пришлось бы проститься с своим могуществом, даже с своим существованием. Прелаты должны были превратиться в проповедников, князья и владетели — в крупных и мелких землевладельцев: под начальством *одного* главы, императора, должны были существовать на германской почве одни только свободные люди. Однако демократическое острие проекта, о которое должны были уколоться до крови члены светской и духовной аристократии, было умно и искусно прикрыто словами и изворотами [1].

Между тем, уже не стало того князя, на которого они хотели опереться. «Тот, кто был отцом всех последователей евангелия, герцог Фридрих Саксонский, скончался, — писал Вейганд. — С ним исчезло, по моему убеждению, великое утешение нашей партии».

Мудрый курфюрст умер 5 мая. У его смертного одра в Лохау собралась его прислуга. «Милые дети, — сказал он им на прощание, — если я обидел кого-нибудь из вас, я прошу вас простить мне во имя божье. Мы, князья, часто делаем зло бедным людям». И он скончался спокойно на руках своего народа, который видел при нем хорошие времена и который при его правлении повиновался не мечу, а разуму, мудрости и страху божию. В ту минуту, когда все князья дрожали перед своими подданными, об нем проливались слезы любви даже людьми, вызвавшими бушевавшую кругом бурю. Его никогда не могли убедить присоединиться к князьям, поднявшим меч против крестьян. Он хотел предоставить все на волю божью, просил бога о прощении своих грехов и советовал другим князьям облегчить гнет, тяготевший над народом; снять ярмо с подданных и привести их таким образом к повиновению. Если народу суждено достигнуть господства, говорил он, то никто этому не помешает; если же на то нет божьей воли и если они ищут не его прославления, то все эти бури скоро прекратятся.

Мощные дубы реформации, в тени которых вырос и окреп германский дух, покрыли собою и заслонили от чужих взоров могилу того, под чьею защитою они вознеслись так высоко.

---

[1] Это заметил прежде всех Бензен.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Лютер и крестьяне; христианство и крепостное право

Лютеру ставили в великую заслугу, что он своим словом остановил отчасти крестьянское восстание. Насколько верно предположение, что, стань Лютер во главе *гражданского движения*, он бросил бы на чашку весов громадную тяжесть, настолько же несомненно и то, что с той самой минуты, как он высказался против народного дела в пользу князей, его слово и его значение неизмеримо пало в глазах большинства нации. Это доказывается происшествием в Орламюнде, доказывается его путешествием по саксонским землям. «Лютер подольщается теперь к князьям», вот что говорилось в Тюрингии, в Верхней Швабии. Вслед за появлением двенадцати верхнешвабских статей он хотел привести владетелей и народ к мирному полюбовному соглашению; в своем послании он выставлял на вид правителям их насилия, говорил им, что не крестьяне, а сам бог восстал против них, чтобы покарать их за их беззакония, и в то же время доказывал подданным, что восстание противно богу и евангелию. В заключение Лютер советовал повелителям смягчить свой гордый дух и прекратить притеснения и тиранства, чтобы дать бедняку просторно жить и дышать; крестьянам же смириться, отказаться от статей, в которых предъявлялись слишком значительные требования и уладить дело по человеческому праву и согласию [1].

Но Лютер не замедлил сойти с этого juste milieu или, лучше сказать, с этой средней точки между обеими партиями; он бросился в крайнюю правую сторону, и речи и мысли его стали деспотичнее речей и мыслей настоящих деспотов. Его лучшие, его ближайшие друзья пришли в ужас, сам великий курфюрст проклял его речи, Бренц был поражен горем. Многое способствовало этому перевороту: во-первых, в Лютере шевельнулись человеческие слабости, отуманившие его взгляд и разгорячившие его страсти; его доброжелательное увещание, которому он приписывал такое чарующее влияние, было вовсе не замечено крестьянами; буря не утихала по его мановению, это раздражило его. Во главе народного движения и близко возле него стояли вознесенные этим движением и высокочтимые народом Карлштадт, которого он смертельно ненавидел за учение о причащении и который стал ему еще ненавистнее с тех пор, как орламюндцы бросали в него камнями, и Фома Мюнцер, ожесточенный противник, давно уже возбуждавший его зависть. Это раздражало его еще больше. В то же время пришло известие о вейнсбергском событии, и вопли, возбужденные им, коснулись слуха Лютера; он узнал, кроме того, что многие, в том

[1] Сочинения *Лютера*, Альтенбург, III, 114.

числе и герцог Георг Саксонский, приписывают все случившееся ему и реформации. Тут он не выдержал, пылкая натура пересилила его. Не подумавши ни минуты о том, что бо́льшая часть статей, предложенных крестьянами, еще недавно казалась ему весьма удобоисполнимою, что он сам до некоторой степени согласился публично, что их дело может быть хорошим и правым, что, не будучи законником, он не может быть в этом отношении компетентным судьею, не подумавши, что вейнсбергская знать сама заслужила свою кару вероломным убийством сотен крестьян, мирно шедших во-свояси во время перемирия, кровопролитиями на Дунае, попранием всякого военного и народного права, — Лютер смешал вейнсбергцев с крестьянами вообще и стал громить «толпы крестьян-разбойников и душегубцев». Теперь они совершенно бесправны: «пусть, кто может, разгоняет, душит и колет их, явно и тайно, как убивают бешеную собаку». «Грех тому начальству, — говорил он в заключение, — которое не решается на это, потому что они сами отдались дьяволу; они, кроме того, принуждают многих смиренных людей принимать участие в их злобе и проклятых делах. Потому, любезные властители, спасайте здесь и там; пусть колет, бьет и душит их всякий, кто может; если ты умрешь в таком деле — благо тебе; нигде ты не встретил бы более блаженной смерти».

Враги реформации громко заговорили теперь: «Он раздул это пламя, а теперь поджигает начальство колоть, рубить, убивать, убеждая их заслужить таким способом царствие небесное; когда со всех сторон горит, он хочет затушить все, так как ничто не помогает». Всякий раз, когда католики слышали благовест к лютеранской проповеди, они говорили: опять звонят к убийству[1]. «Это было прекрасно сказано, — говорили о воззвании Лютера, — и как раз в духе ученика, которого Иисус любил больше всех»[2]. Даже мансфельдский канцлер Мюллер напал на него за кровожадность и жестокосердие. Лютера тем менее можно было оправдать, что еще только два дня тому назад он выражал такое удовольствие по поводу соглашения, состоявшегося между крестьянами Альгау и их владетелями. Но чем более вооружался против него народ, чем более порицали его враги и друзья, тем более ожесточался и озлоблялся Лютер. По свидетельству Меланхтона, он не выносил никакого противоречия, привыкнув, как справедливо упрекали его Мюнцер и Карлштадт, среди горячей борьбы считать себя за второго, непогрешимого папу. Исходя из этого первого противоречия, он запутался мало-помалу в целую сеть противоречий и сам сбил себя с ног. «Кто чувствует сострадание к людям, которых сам бог не жалеет, а хочет покарать и по-

[1] *Себастиан Франке,* современник.
[2] *Гормайер,* в «Венском журнале».

губить, — говорил Лютер, — тот сам делается бунтовщиком. Когда они погибнут, крестьяне научатся благодарить бога, если им придется отдать одну корову, чтобы мирно съесть другую; а князья узнают благодаря восстанию, что кроется в народе, которым можно управлять только посредством насилия». К доктору Рюлю он писал: «Мне очень приятно слышать, что меня называют льстецом. Понадобилось бы слишком много кожи, если бы я хотел зажимать всякому глотку. Крестьянам хотят оказывать милосердие, но если между ними есть невинные, бог, конечно, спасет их, как он спас Лота и Иеремию; если же он этого не сделает, то наверное они не невинны, они, значит, по крайней мере, молчали и одобряли. Мудрец говорит: Cibus, onus et virga asino; крестьянина надо набить овсяной соломой; они не слушают слов и неразумны, и поэтому они должны слушать оружия, и это им поделом. Мы должны молить за них, чтобы они повиновались; если нет, то нечего о них жалеть. Пусть в их рядах просвищут пули, а то они наделают еще в тысячу раз худшего»[1].

Не надо забывать, читая эти громы, расточаемые Лютером против крестьян, что самые черты, которые в данном случае составляют его темную сторону, — его бурная сила, его вулканическая страстность, его способность вполне предаваться одной стороне дела, что только они одни сделали возможным осуществление его великого дела реформации и что, стало быть, они же, с другой стороны, составляли и светлую сторону его личности. К стыду Лютера относится, что то чувство какой-то робости, которое так ясно проглядывает в его примирительном ответе на двенадцать статей, не побудило его уяснить себе дело и стать на настоящую точку зрения. Всякая остановка на полдороге, всякая половинчатость мстит за себя. Правители германского народа были отчасти люди светские, отчасти духовные. Духовные князья не только стояли выше светских, но, кроме того, их историческое землевладельческое право было старинным правом светских землевладельцев: власть обоих относится ко времени последних императоров Гогенштауфенского дома. Основываясь на библии, в которой нет ничего подобного, Лютер напал на незаконность власти духовных князей; но в библии точно так же ничего не говорилось и о законности светских властителей; потому крестьяне или их предводители находили, что они совершенно последовательно доводят до конца положение Лютера, когда выражают свое нежелание признавать какого-нибудь светского главу, кроме «кесаря», о котором только и упоминается в библии. Они думали, что с точки зрения Лютера составляет противоречие отрицать верховное право одних только духовных властителей, оставляя в стороне

[1] Сочинения *Лютера*, Альтенбург, III, 138. Здесь выписано только *самое мягкое* место.

право светских, и что непоследовательно освобождать подданных от повиновения духовным властям и в то же время безусловно обязывать их повиноваться светским властителям, — это противоречие казалось им тем очевиднее, что сам Лютер отказывался повиноваться не только папе, но даже повелениям императора и имперского сейма, т. е. высшему светскому начальству. Противники Лютера говорят еще и в наше время, что Цвингли был последовательнее в своей точке зрения, когда он основывал всякое светское правительство на евангельской свободе и на евангельском равенстве. Последователен также был и политический и церковный республиканизм Кальвина[1]. Оппозиция Лютера народному делу, так внезапно перешедшая всякие границы, была основана отчасти на смутном понимании коренных политических идей, а это смутное понимание в свою очередь происходило оттого, что Лютер вырос в государстве светского властителя, нашел в нем свою опору и поэтому никогда не задумывался над законностью светской княжеской власти. Он тем крепче держался за светское начальство, что боялся в противном случае лишить себя и свое дело защиты и поддержки. Руководствуясь такими соображениями, он не следил за собою довольно строго и слишком уже усердствовал на пользу светских властителей.

Лютер говорил: «Не сказано ли у апостола Павла: «всякий да повинуется начальству со страхом и трепетом». Нетерпимость и злоба начальства[2] и его противодействие евангелию, вовсе не оправдывают восстания и грабежа». «Как они будут держать ответ перед богом за то, что восстают против начальства, установленного самим богом? Не в том состоит христианское право, чтобы противиться несправедливости, а в том, чтобы отдавать жизнь и имущество на разграбление всякому, кто грабит. Право христианина переносить страдания и умирать на кресте». Крестьяне отвечали на это так: апостолы сказали, что богу надо больше повиноваться, чем людям; даже христиане первых веков, слишком слабые для вооруженного восстания, отказывали, однако, начальству в повиновении и восставали, когда от них требовали чего-нибудь противоречившего их совести. Лютер смешивает личность начальства с порядком, установленным богом, с правящею властью. Христианство освещает одну только справедливую власть, не восстающую против закона божия, оно объявляет неприкосновенною и составляющею часть божественного порядка только правящую власть. Правящая же власть — это законы и основные правила справедливости, выраженные в священном писании. Кто злоупотребляет этим божественным порядком, тот теряет защиту, освя-

[1] Этого мнения держится Никлас Фохт, учитель князя Меттерниха, см. «Рейнские сказания и истории», т. IV.

[2] Впоследствии Лютер сделал исключение в пользу *борьбы за слово божие.*

щение, даруемые христианством: тиран стоит вне закона, потому что он возмущается против закона божия. Восстают не против божественного порядка, а против личности тирана; к такому восстанию должны побуждать самая любовь к богу, к его закону, к истине и к ближнему; восстание обусловливается не личною выгодой, а общей пользой; от нее нельзя отрекаться, хотя бы человек и был готов самоотверженно отречься от самого себя. Мюнцер даже с радостным ликованьем поднял ветхий завет и указал на те места, где Самуил говорит от имени бога о княжеской власти, и которые не могли казаться крестьянам апологией ее; он указывал на пророков, на книги царей, указывал на то, как убивали князей по наставлению пророков, как изгоняли помазанников во имя божие и истребляли всю семью их до последнего спасшегося бегством потомка, как уничтожались целые города, племена, народности, подданные переходили от одного князя к другому, если только первый владыка переставал повиноваться слову божию, как Маккавеи победоносно и славно вели священную войну, — и все это происходило по воле божьей и во имя его. Крестьянское восстание отомстило за то, что ветхий завет был поставлен на одну доску с новым и что в нем одинаково превозносили не только его божественную, возвышенную, величественную сторону, не только его основные изречения, но все сплошь, без разбора и различия.

Лютер забылся до такой степени, что объявил, будто «попытка уничтожить крепостное право совершенно противоречит евангелию и обнаруживает разбойничьи замашки, потому что таким образом всякий отнимает у своего господина свое тело, которое ему принадлежало. У Авраама и патриархов также были крепостные, а апостол Павел говорит в послании к Гал., 4, что для Иисуса Христа «раб и господин одно и то же». Последнее было, однако, совершенно ложно истолковано, и смысл слов апостола был совершенно иной. Чистое ученье, проповедованное Христом, не знало ни духовенство с его властью, ни аристократия. Оно даже отрицало и то и другое.

Его усилия были скорее направлены на то, чтобы сломить суеверие и власть, на нем основанную, освободить мир от греха, опутавшего его своими сетями, и положить начало новому союзу человеческих душ — союзу, в котором все члены считали бы себя детьми одного отца, братьями и сестрами. Такое стремление христианства не могло не возбуждать злобу мудрствующих ученых и великих мира сего; оно было для них камнем преткновения. Чтобы не лишиться своих выгод, чтобы не утратить своего мирского могущества, они умели овладеть юным христианством. Туда, где вначале было равенство всех членов, вкрался жреческий элемент властолюбия. Среди братьев явились начальники, которые захотели властвовать. На первый раз партия, державшаяся чистого учения,

победила[1]. Но несмотря на то, христианство все-таки пало, оно погибло мало-помалу, не устояв против подтачивающих его теократических и аристократических происков. Прекрасный дух простого ученья Христа был убит и похоронен под блеском еврейско-языческого богослужения и широким пестрым ковром непонятной, полной противоречий метафизики. В новой церкви попрежнему начали царить над миром его старые господа; только на этот раз они царили во имя того, кого они сами же умертвили, как жертву. Изречения о гражданском рабстве звучат еще, как истинно апостольские голоса среди глубокого, тяготеющего мрака новой иерархии. При своем появлении христианство застало миллионы рабов. Но христианство считает свободу общечеловеческим правом, общим достоянием всех, кто создан по образу и по подобию божию (1, Кор., 7, 21). По его учению природа должна сделаться свободною (Римл., 8, 18), надеть покровы свободы, т. е. населяемая и возделываемая свободными людьми земля станет прекраснее и благороднее. Тем греховнее казалось христианству унижение человека, чада божия, до степени раба, вещи: «Я не верю, — говорит аббат Исидор, — чтобы друг Христа стал держать рабов». А Григорий Великий говорил в IV веке: «Наш искупитель, властелин всей природы, принял на себя человеческое естество, чтобы освободить нас от уз рабства и снова даровать нам первобытную свободу, точно так же следует освободить и привести в первобытное состояние вольности людей, свободных по своей природе, но подпавших под ярмо рабства благодаря народному праву. Никто так глубоко не уважал природу человека, как Христос, хотевший, чтобы в каждом человеке чтили образ божий: весь дух его ученья, каждая страница нового завета отрицают рабство между христианами[2]. Лютер впал в противоречие не только с новым заветом, но и с самим собою. Несомненно то, что с этой минуты он почти окончательно потерял доверие своих современников, особенно же людей из среды народа, которые сначала так горячо стали на его сторону; с этих пор влияние его на народ стало чрезвычайно слабо, и самым печальным ударом для Лютера было то, что с той минуты деспотизм сделал его своею опорою.

Говорят, что Лютер должен был поступать так, чтобы не рисковать своим делом и не вовлечь его в общую погибель, что только таким образом действий он и спас реформацию. Этому воззрению можно противопоставить другой, более ос-

[1] Сравните послание апостола Павла к Коринфянам. *Роте*, Начала христианской церкви и ее учреждения; *Шенкель*, в Богословских исследованиях Ульльманна и Умбрейта, 1841, I, 58.

[2] Об отношениях истинного христианского духа к гражданскому устройству сравните «Историю церкви» Неандера, I, 60; III, 134, 239, но преимущественно превосходный отрывок у *Штирма*, Апология христианства, I, 346—395.

новательный и более разумный взгляд. Если бы Лютер не отступил перед последствиями своих принципов, если бы он выполнил реформацию не наполовину, не односторонне, а довел бы ее до конца, если бы он остался человеком народа и решился бы стать во главе народного движения, которое во всяком случае было ему не совсем противно, если бы он увлек за собою тысячи нерешительных и колеблющихся людей, стоявших между народом и господами, то немцы слились бы в один народ, в одно целое, с общей верой и общим свободным гражданским устройством, и Германия избежала бы религиозной и политической разорванности и бессилия, всех бедствий, всего позора шестнадцатого, семнадцатого и восемнадцатого веков, всех несчастий, происшедших для нее от господства тысячи мелких властителей. Торжество народного дела, победа реформации с политической стороны сделалась бы страшным судом, но не тем, какого боялся Лютер: она открыла бы германской нации новое небо и новую землю и даровала бы ей при свете очищенной религии великую германскую народную жизнь.

Для того чтобы при данных обстоятельствах реформация явилась на свет во всей своей полноте и законченности, чтобы рождение ее было нормально и сопровождалось всеми своими последствиями, ее пришлось бы вырезать целиком из самых недр века. Для такого цезарева сечения была необходима искусная рука.

Еще прежде, чем собрались для совещания насчет государственной реформы в Гейльбронне, началась уже *развязка*, последний акт великой политической трагедии. Беда, обрушившаяся на народное дело, вышла из Верхней Швабии.

КНИГА СЕДЬМАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вейнгартенский договор

Трухзес снова перехитрил верхних швабов. На другой день после вюрцбахской стычки он двинулся через Гайсбейрен против 15 000 крестьян: то были Флорианов и Озерный отряды. В последнем насчитывали до 10 000 человек. Стало быть, за исключением разбежавшихся людей у Флориана при отступлении оставалось еще в сборе 5 000 человек. Весть о том, что Трухзес идет с вооруженной силой, пришла ночью в великий четверг, как раз в то самое время, когда Эйтель Ганс Цигельмюллер, главный предводитель Озерного отряда, еще совещался со своими советниками в монастыре Салеме. Все тотчас же вскочили на лошадей, поскакали в главную квартиру, в Берматинген, и разослали по всем деревням людей с приказанием бить тревогу. На заре, часа в два в страстную пятницу, набат загудел во всей долине, один колокол будил другой до самого Боденского озера, и в тот же день созванные люди собрались в Берматинген с оружием в руках, присоединились к отряду в 10 000 человек и двинулись при звуке труб и барабанном бое, с мерсбургскими и маркдорфскими орудиями на Вейнгартен, а оттуда к лесу за Байндтом на Гайсбейрен, где они столкнулись с Трухзесом и толпами Флориана. Крестьяне пошли навстречу Трухзесу.

Он быстро поставил свои орудия за Гайсбейрен, двинул отряд за деревню и спрятал повозки и весь обоз в кустарник, рядом. Перед крестьянами, занимавшими возвышенность, простиралось низменное пространство, поросшее тростником и недоступное коннице. В 3 часа пополудни началась с обеих сторон перестрелка. Орудия крестьян были расставлены так выгодно, что выстрелы их могли попадать в союзников; у них же не было удобного места для артиллерии. Крестьяне пробились насквозь и их передовой отряд занял деревню Гайсбейрен и укрепился в ней. Когда уже почти совсем стемнело, один союзный кнехт, державший сторону крестьян, закричал: «Бе-

гите, мои милые господа и добрые ландскнехты!» Но его тотчас же закололи. Он хотел привести в смятение и обратить в бегство союзную пехоту. А при бегстве пехоты крестьяне хотели отбить у конницы орудия. Эйтель Ганс разбил свой лагерь в деревне и ее окрестностях, а Трухзес отступил к возвышенности перед местным озером. Граф Вильгельм фон Фюрстенберг подкупил десятью гульденами трех кнехтов, чтобы они, когда совсем стемнеет, пробрались в лагерь крестьян и подожгли деревню. Союзники все еще боялись со стороны крестьян ночного нападения; лазутчики передали их намерение. Полагая, что они преданы, крестьяне выступили из деревни: они тоже боялись внезапного нападения; при свете ярко пылающего пожара они прокрались сквозь Альтдорферский лес. Союзники оставались до рассвета в том же положении; между тем, некоторые из пойманных крестьян открыли им, что отряды частью двинулись на Вейнгартен, частью пошли через Шуссен. В светлое воскресенье Трухзес не двигался с места, потому что лошади слишком утомились. Получены были недобрые вести о том, что крестьяне восстают на всем пространстве немецкой земли. В союзный лагерь приехали граф Гауг фон Монтфорт, рыцарь Вольф Гремлих фон Газенвейлер и двое членов равенсбургского магистрата и предложили покончить с крестьянами миром. Господин Георг узнал через своих лазутчиков, что к Эйтелю Гансу присоединится вскоре подкрепление в 8 000 человек из Оберальгау, которое уже стоит лагерем при Лейткирхе, и что, кроме того, к нему еще идут 4 000 человек из Гегау. Не далее как накануне ему пришлось испытать превосходство силы крестьян; посланные Швабского союза приглашали его вернуться скорее в Вюртемберг. Вызвавшимся предложить крестьянам полюбовное соглашение он поручил передать, что если крестьяне согласятся сложить оружие и панцыри и выдать ему свои знамена, то он останется по сю сторону леса, не предпримет никаких враждебных действий, а обещает, что их нужды будут разобраны третейским судом посредников, избранных обеими сторонами, и что все случившееся будет предано забвению. Между тем, вечером в светлое воскресенье Эйтель Ганс разослал из Вейнгартена во все стороны гонцов, чтобы объявить всем, имеющим вилы или колья, что они должны пристать к нему. Народ стал прибывать; пришел и Дитрих Гурлеваген, предводитель Райтенауерского, или Теттнангерского, отряда, со всеми своими людьми. В понедельник на святой прибыл господин Георг. Его встретили при монастыре Байндте граф Гауг и Вольф Гремлих и другие; они объявили ему, что крестьяне согласны принять сделку, но не хотят сложить оружие и панцыри и выдать знамена. Господин Георг не хотел удовольствоваться этим; он еще раз послал их в лагерь крестьян; крестьянские советники ожидали ответа в Байерфурте. Господин Георг охотно согласился

на предложение посредников приостановить враждебные действия до их возвращения, «хотя бы даже крестьяне и оставались там, где они находятся теперь». Этими хитрыми словами военачальник рассчитывал опутать простодушных крестьян, стоявших лагерем при Вейнгартене и Берге. Когда он двинулся на возвышенность перед Байерфуртом, думая отнять у них преимущество позиции и занять местечко Вейнгартен, крестьяне вышли к нему навстречу. Те, которые стояли при Берге, поднялись раньше, чем он успел перевесть через Аах и Байерфурт орудия, и двинулись на Вейнгартен через Шуссен и Блахфельд. Когда крестьяне увидали, что Трухзес хочет хитростью выманить их из их позиции, Эйтель Ганс немедленно отдал приказание занять все выгодные пункты, поставил орудия на Сент-Блазинберг, позади монастыря, расположив один отряд в винограднике, а остальную рать выстроил в четыре отряда, так, что они были защищены от конницы рвом. Георгу было досадно, что крестьяне расстроили его замыслы. Он заметил двум из их начальников, что они обещали оставаться там, где были, и нарушили это обещание. Теперь он и слышать не хотел о каком бы то ни было соглашении, говоря, что крестьяне неверны своему слову. Кажется, что и крестьянские предводители, с своей стороны, тоже хотели обмануть Трухзеса. Один прикинулся, будто ему жаль, что его братья выступили на возвышенность, будто сейчас отправится и заставит их принять прежнюю позицию; другой, Дитрих Гурлеваген, стал на колени перед разгневанным военачальником и умолял его с поднятыми к небу руками не двигаться вперед, пока он не убедит братьев снова вернуться в горы. «Если они добровольно не сойдут, я их заставлю сделать это», — сказал стольник коротко. Он двинулся вперед с своей конницей, а крестьяне остались на своей позиции и еще больше укрепились тем временем.

Господин Георг прекрасно понимал, что их оттуда не выбить и что только голодом возможно принудить их сдаться; на это нужно было потратить недели две времени. Можно было насчитать 52 развевающихся крестьянских значка. Число крестьян определяли от 12 000 до 17 000 человек. Цифры эти, по всей вероятности, составляли их собственное показание. Трухзесом, несмотря на его хладнокровие, начала овладевать робость. Войну надо вести в стольких концах Германии, а он даже здесь, в одном этом уголке, не может добиться желанного торжества, нет даже и надежды на победу. Если же его разобьют, Швабский союз не будет в состоянии выставить новое войско; тогда все придет в упадок и разрушение; слуги, крестьяне и города — все восстанет, и для аристократии все будет потеряно. Фровен Гуттен и конница хотели напасть на ту часть крестьян, которая держалась в равнине Вейнгартена. Но Трухзесу удалось разузнать, что именно здесь-то и стоят лучшие воины; он боялся, что атака окончится только «сильной

опасностью, поруганием и осмеянием», и не допустил ее. Вновь прибывшие остались недовольны; они думали, «что господин Георг не желает кусаться с земляками». Но вскоре им пришлось убедиться, что он был прав; они открыли, что Эйтель Ганс поставил за рвом, через который следовало вести атаку, 4 000 стрелков с озера и с гор. Господин Георг все еще делал вид, будто хочет начать битву; впрочем, он отчасти боялся, что крестьяне принудят его к этому. Он выстроил свою рать в боевой порядок, поставил один отряд к орудиям, за ним еще сильный отряд и отряд австрийского дома вместе с гессенцами за забор и ограду; потом он выстроил по порядку пфальцграфский отряд, баварский и маркграфский, роту лесной кавалерии, роту стрелков. Началась канонада. Один из крестьянских знаменщиков упал замертво с белым знаменем, которое держал в руках. Из крестьян был убит еще оружейник германского командора и застрелено несколько лошадей. Но господин Георг думал теперь только о том, как бы поскорее заключить мир до прихода гегаусцев и оберальгаусцев, которые должны были напасть на него с тыла. Как ни тяжко было ему предлагать мир крестьянам, которых он считал вероломными бунтовщиками, однако он послал к их главному предводителю Эйтелю Гансу своего трубача с просьбой прекратить перестрелку и приехать к нему, так как он хочет вести с ним мирные переговоры. Эйтель Ганс отправился совершенно один в лагерь к господину Георгу. Трухзес желал теперь только сохранить приличие. Он значительно умерил свои требования, и с общего согласия было решено, что крестьяне выдадут ему часть своих знамен, расставят орудия по замкам, из которых они их взяли, сохранят оружия и панцыри, но попросят у него прощения через своих предводителей и знаменщиков. Эйтель Ганс отправился назад, чтобы сообщить об этом отряду. Но вскоре посредники опять спустились вниз и объявили, что крестьяне не согласны на такие условия. Чтобы вынудить их поскорее принять предложенные условия, Георг употребил хитрость: он сделал вид, что впал в глубокую задумчивость и проговорил, как бы про себя: «Вейнгартен, Вейнгартен, — неужели я не могу провести в тебе спокойно сегодняшнюю ночь. Если так, то и крестьянам не будет покоя; ты сегодня же превратишься в груду пепла». Вольф Гремлих, граф Гауг и равенсбургцы стояли подле него. «Господин, — сказал испуганный рыцарь Вольф, — неужели вы это говорите серьезно?» «Да, — отвечал Трухзес, — сегодня ночью Вейнгартен будет сторожевым костром между обоими лагерями». Услыхавши это и представляя уже себе зрелище своего возлюбленного Вейнгартена, охваченного пламенем, Вольф снова отправился в лагерь к крестьянам, где в то время взяла верх партия мира и подкупленные предводители. Он рассказал угрозы Трухзеса и успел уладить дело. С общего согласия было заключено двухчасовое перемирие.

Гремлих, граф Гауг и члены равенсбургского и юберлингенского магистратов наскоро составили условия соглашения, и крестьяне приняли их. Содержание их было таково: неудовольствия каждой общины против ее господина будут разрешены третейским судом шести беспристрастных городов, постановления этого третейского суда должны соблюдаться подданными и господами; тот, кто не захочет повиноваться, будет принужден к этому союзными сословиями; собравшиеся здесь отряды обязывались отступиться от своего братства с другими и возвратить все отнятое; все происшедшие беспорядки будут преданы забвению и прощены. Пять[1] знаменщиков из 32[2] выдали в шесть часов вечера свои значки и преклонили их к ногам стольника; тот прорвал каждый из них и потом подписал вместе с своими главными военачальниками и посредниками договор, подписанный затем и крестьянами; договор был заключен 17 апреля, а обменялись обе стороны им 22[3].

17 апреля было днем решительным для всей народной войны. Счастье отдало в руки крестьян Трухзеса, а с ним и все союзное могущество; но им были совершенно новы и счастье и победа. Они не смели воспользоваться ни тем, ни другим, и счастье покинуло их и перешло на сторону стольника. Они еще не знали, что важные баре редко бывают вежливы без задней мысли, иначе они поняли бы, что если стольник просит и говорит миролюбивым тоном, то тут что-нибудь да неладно; предложения мира с его стороны заставили бы их догадаться о его невыгодном положении; им следовало напасть на него и разбить его. Георг откровенно признавался впоследствии, что ему грозила сильная опасность, что счастье так ослепило в то время крестьян, что они дали ему и его войску возможность во второй раз выйти из беды невредимыми. При заключении условий господин Георг отлучился на короткое время и думал, что, в силу оставленных им инструкций, войска его расположатся лагерем между Равенсбургом и Вейнгартеном при Бурахгофе и что главные предводители будут следить за народом для предупреждения предательства. Те обещали. Возвратившись в лагерь поздно вечером, он нигде не нашел порядка, все было перепутано; между тем, пришло известие, что оберальгаусцы уже в Шлирсе, отстоящем всего на час ходьбы от его лагеря. Гегаусцы могли притти в ту же ночь; оба отряда не участвовали в договоре, не знали о нем ничего, да и самый договор с Вейнгартенским отрядом не был еще скреплен печатями и подписями: все погибло бы, если бы ночью три отряда напали с трех сторон на союзное войско,

[1] Письмо стольника к союзным сословиям, союзные акты, fasc. 88, № 22; Письмо эрцгерцога к стольнику, приложение 16, у Вальхнера.

[2] *Ганс Луц*, герольд стольника, рукопись.

[3] Кроме названных есть еще источники для истории всей эпохи; рукописи: Зейдлера, Зальманна и Гольцварта.

находившееся в полном беспорядке. Трухзес быстро выдвинул отряд своих войск и велел ему занять позицию между оберальгаусцами и Вейнгартенским отрядом; этот отряд должен был задержать их и помешать соединиться до рассвета. Кроме того, он приказал всем оставаться всю ночь в латах и с оружием в руках и следить за малейшим шумом, а сам на заре поспешил привести к концу дело с договором и склонить оберальгаусцев к его принятию. Покинутые своими союзниками, они избрали депутацию в 40 человек и поручили им заключить договор; сами же начали отступать в то же утро. 40 депутатов приняли вейнгартенский договор; стольник также настаивал на том, чтобы они дали реверс и чтобы за них поручились города Мемминген, Кемитен и Лейткирх. Когда реверс был ему выдан, он отпустил трех алльгейерских заложников Ульриха Буба, Конрада Мюллера и Иоганна Аммана. Разошелся также и Озерный отряд и отряд из Нижнего Альгау: предводитель последнего, поп Флориан, удалился в Швейцарию. Господа Оберланда много толковали о том, кто остался бы победителем, если бы продолжалась борьба с оружием в руках. Вольф Гремлих думал, что крестьяне победили бы; он заспорил об этом с графом Гугом Монтфортом, подрался на шпагах с писарем этого последнего и умер через несколько дней после заключения мира, которому способствовал больше всех других. Все от души жалели этого храброго и благодушного рыцаря[1]. Вольфа похоронили в Салеме.

Предчувствие Мюнцера сбылось: договор, заключенный при Вейнгартене, был большим несчастьем для народного дела. Своекорыстием и себялюбием был подан первый дурной пример: заботясь только о самих себе, братья оказались изменниками перед своими братьями, отступились от общего дела. Он писал уже от 13 апреля: «Кажется, господин Георг проводит крестьян, стоящих при Вейнгартене». Таким образом был рассеян один из самых сильных крестьянских отрядов. Трухзес, который сам говорил, что борьба против соединенных отрядов была сопряжена «с большою опасностью», радовался, что так легко удалось воспрепятствовать соединению отрядов из Рида, Альгау и с озера с шварцвальдцами и гегаусцами[2]. Обманув первых обещанием облегчить их тягостное положение, он мог теперь, когда они уже не в силах были помешать ему, разбить поодиночке их союзников: гегаусцев, шварцвальдцев и вюртембергцев.

Дворяне и правительственные комиссары, осажденные в Радольфцелле шварцвальдцами, прислали письмо вождю Швабского союза. Письмо это было помечено 27 апреля и заключало в себе следующее: «Крестьяне в своем высокомерии ежедневно

[1] Рукописи: Зейдлера, Зальманна, Гольцварта.
[2] Письмо стольника к союзным сословиям.

посылают к нам гонцов с угрозами, что в случае нашего дальнейшего сопротивления они станут нас колоть, и вешать, и убивать всяким другим позорным образом и поступят точно так же с дворянством всего света. С ними невозможно вступать в какие бы то ни было соглашения, их можно только грабить, убивать и поджигать. Если же где-нибудь состоится другое соглашение, князья и дворянство навсегда лишатся чести, спокойствия, мира и единодушия. Ваше приближение испугало крестьян, впрочем, они неособенно многочисленны. Поэтому вам следует продолжать военные действия против этих крестьян и уклоняться от всяких соглашений с ними»[1].

Целльские господа прослышали, что Трухзес намеревается войти в мирные сделки и с их притеснителями, а им хотелось во что бы то ни стало крови, долженствовавшей отмстить за их страх и ту опасность, которой они подвергались. А между тем, их повелитель эрцгерцог, стесненный в Тироле своими подданными, так «что не мог двинуться ни вперед, ни назад», отнесся к присланным договорам «с странною благосклонностью» и просил только довести всех крестьян до того, «чтобы они согласились на такие выгодные договоры»[2].

Трухзес обратился к Гегау и узнал, что в Риде, при Штислингене, находятся от 6 000 до 7 000 гегауских крестьян. Прежде чем выступить в поход, он объявил, угрожая крестьянам, «что, если они не сдадутся на его полнейший произвол, он станет жечь и грабить их так, что им придется раскаяться». 25 апреля депутаты от гегаусцев и шварцвальдцев вышли к нему навстречу в поле при Пфуллендорфе. Здесь он заключил с ними словесно договор вроде того, который состоялся с отрядами озера и Нижнего Альгау. Статьи договора были записаны, и депутаты вернулись назад, чтобы получить одобрение их от обоих отрядов. Трухзес двинулся дальше к Штокаху и вверх к Гогентвилю и расположился на расстоянии доброй мили от крестьян. Он уже получил из Ульма предписание вернуться как можно скорее и спасти Вюртемберг. Он отправил свои возражения против этого распоряжения и не двигался с места. Точно так же не обратил он внимания и на вторичное предписание, а, напротив, послал сказать осажденным в Целле, которые уже начинали терпеть недостаток в жизненных припасах и военных снарядах, что наверное выручит их. Но вечером, когда он снаряжал своих людей к утреннему приступу, пришел третий строгий приказ немедленно выступить в поход и итти в Вюртембергскую область. Вместе с тем, прибыли члены союзного совета, которым было поручено, в случае нового отказа со стороны Трухзеса, освободить солдат от обязанности повиноваться ему и принять главное начальство над войском. «Господа ульм-

[1] Письмо австрийских комиссаров в Целле от 27 апреля.
[2] Рукопись Зейдлера. Письмо эрцгерцога от 20 апреля.

ские советники, — сказал Георг, — распоряжаются, как им бог на душу положит, припоминая уроки, которые они слышали в высшей школе. Теперь, по их распоряжению, он должен оставить в тылу гегаусцев и шварцвальдцев, врагов, которыми пренебрегать вовсе не следует, и ожидать с часу на час, что гегаусцы возмутят альгаусцев, все еще не утвердивших договора, и отрежут от него всякий подвоз; шварцвальдцы будут теснить его во время похода с фланга, а вюртембергцы тоже загородят с своей стороны дорогу для подвоза провианта. Он просил отсрочки всего на один день; но члены союзного совета отказали, и ему пришлось повиноваться. Он отдал своему войску приказание выступить в поход в Туттлинген, в Вюртембергской области, и послал Томаса Фукса с 300 всадников выжечь несколько деревень. Этим ложным маневром он хотел заставить гегаусцев и шварцвальдцев уйти от Радольфцелля глубже в Гегау. Хитрость удалась, крестьяне удалились, а Трухзес в это время успел послать в город 500 пеших солдат и съестных припасов. Потом, соединившись с Дитрихом Шпетом и его сотнею всадников, он поспешно выступил через Гейберг тяжелой дорогой. 1 мая он расположился лагерем при Шпайхингене. Ганс Мюллер из Бульгенбаха еще 27 апреля вечером отправился в Шварцвальд, чтобы объявить там набор в земское ополчение (одного с троих). Потом он поспешно разбил лагерь при Гюфингене, чтобы защитить Шварцвальд от опасности, грозящей ему со стороны Трухзеса и Зундгау. 1 мая шварцвальдские крестьяне собрались в Гюфингенский лагерь. Ганс Мюллер взял от Вюртембергского отряда то же обещание, что и от гегаусцев, — присоединиться к нему в самом скором времени. Было совершенно необходимо соединить все силы. 19 апреля гегаусцы отправили к Светлому отряду, стоявшему лагерем при Гейльбронне, просьбу прислать им 7 000 человек. Отряд, не будучи в состоянии исполнить эту просьбу, обратился к вюртембергцам, а эти тоже отвечали отказом. Оба отряда имели основательные причины для такого отказа: теперь ни для гегаусцев, ни для шварцвальдцев не было никаких уважительных оснований держаться вдалеке от дела своих братьев, которое было в то же время и их собственным делом. До 8 000 оберландцев отправились в Альтштадт к Роттвейлю. Здесь их ждал герцог Ульрих Вюртембергский. Он хотел с их помощью вступить в свои владения. В войске начался из-за этого великий раскол. Предводитель шварцвальдцев, Ганс Мюллер, не хотевший ни уступить герцогу главного начальства, ни разделить его с ним, стал кричать вместе со многими другими, что они восстали не для того, чтобы вводить господ в их владения а, напротив, для того, чтобы выгонять их[1].

[1] *Ансельм.* Бернская летопись, стр. 287. Это место можно было бы прочесть: «Sie waerent nit uf, Herren insondern uszeseyen», т. е.

Бо́льшая часть крестьян «опять отправилась назад вместе с вероломным шварцвальдским предводителем»[1]; они отправились потом на запад, через Вольтердинген в Ференбах. Это был тот поход в Брейсгау, о котором, для стройности всей картины, мы уже говорили выше. Часть гегаусцев осталась под предводительством Ганса Маурера фон Шлатт перед Радольфцеллем, а несколько тысяч человек под предводительством Ганса Бенклера двинулись вместе с герцогом вперед. Тогда многие стали говорить, что бог не допустил, чтобы крестьяне избрали своим главным начальником герцога, по совету и наущению которого они могли бы подчинить себе все государство.

Трухзес, испытавший немало препятствий в походе, пока гегаусцы теснили его с тыла, а шварцвальдцы с фланга, теперь снова без всякой заслуги с своей стороны избавился благодаря их отступлению от большой опасности. Когда он стоял лагерем в Шпайхингене, город Роттвейль, принадлежавший не к Швабскому, а к Швейцарскому союзу, послал ему в подарок воз с вином и воз с хлебом.

Роттвейль был хороший город. В нем охотно жили по временам крупные и мелкие владетели. Время от времени сюда заезжал герцог Ульрих, аббаты альпирсбахский и св. Георгия, бароны фон Циммерн и многие дворяне. Все они стали навещать город, особенно с тех пор, как их начали беспокоить крестьяне. Между тем, как серьезные и кровавые сцены разыгрывались повсюду в окрестностях, благородные и достопочтенные господа потешались за безопасными стенами Роттвейля, задавая друг другу пиры и доводя юношескую отвагу до мальчишеской наглости. Развеселившись от вина, они затевали между собой игру «Maislen», т. е. принимались бросать друг в друга всем, что было под руками, обливали один другого нечистой водой, посыпали мукой и т. д. Раз ночью, перепачкав себе платья и рясы в этой игре, достопочтенные духовные особы и благородные бароны отправились по домам без фонарей, во избежание скандала[2]: неужели они имели бы право претендовать, если бы крестьяне зажгли их замки и дома, чтобы посветить им в пути?

Благородные господа появились, наконец, и в Остдорфе, неподалеку от Балингена, где Трухзес стоял лагерем со 2 мая; они решились выйти из Роттвейля, потому что тамошние крестьяне, осаждавшие как раз в то время Балинген, отступили в Горб вследствие приближения союзного войска и ограбили там женский монастырь[3]. Роттвейлерцы и господа просили

причинять господам что-нибудь особенное, делать им что-нибудь необычайное. Это очень подходит к последующему, и из этого можно заключить, что Ульрих имел притязания на верховное начальство.

[1] Слова Ансельма, там же.

[2] По рукописи циммернской летописи, 186—187.

[3] Рукопись Гольцварта.

Трухзеса не карать самому восставших крестьян и не лишать их господства над этими бунтовщиками, а в наказание передать крестьян в их распоряжение. Тот согласился, и бароны фон Циммерн покончили распри с своими подданными мировою сделкою такого характера, что, например, мескирхцам пришлось теперь платить больше податей, чем прежде; сделка эта была облечена в такую форму, как будто крестьяне, в знак покорности, сами увеличили подати, а господин обещал им оставаться попрежнему их милостивым властелином![1]

ГЛАВА ВТОРАЯ

Беблингенское дело и предательство беблингенских господ

Как только Трухзес вступил в Вюртембергскую область, он тотчас же пригласил все отряды, находившиеся в стране, вернуться домой, сдаться на произвол победителей и ожидать милостивого решения имеющего собраться ландтага; в противном случае он грозил поступить по всей строгости, без всякого снисхождения.

Тюбингенское правительство послало к нему в Остдорф Вольфа фон Гирнгейма с просьбою пощадить по возможности страну. «Я сделаю различие между добрыми и злыми, — объявил военачальник, — и буду, насколько возможно, избегать огня, но я не могу согнуть в бараний рог *такое* войско и при *таком* походе». Форсированным маршем добрался он до своего старого лагеря в Неккаре, у Вурмлингенской горы, между Роттенбургом и Тюбингеном. Из Гоген-Тюбингена пришло известие, что несколько значков крестьян находятся в монастыре Бебенгаузене. Хотя в течение дня Георг сделал уже длинный переход, он, однако, выступил ночью в поход. Он хотел итти с отрядом конницы обыкновенною дорогою, через Лустнау и в то же время послать пехоту с несколькими орудиями через Гагеллох и Бебенгаузенский лес. Но солдаты взбунтовались и объявили, что не сделают ни шагу вперед. Предводителю пришлось уступить и остаться. Бунт одержал верх даже и на другой день. В этом бунте обвиняли самих начальников: жалованье не было заплачено за целый месяц, и это сильно раздражало людей, тем более, что им пришлось итти форсированным маршем по чрезвычайно плохой дороге; Трухзес простоял три дня в полном бездействии при Вурмлингенской горе[2].

[1] Циммернская летопись, Рукгабер, стр. 183—184.
[2] Рукописи Зейдлера и Ганса Луца.

Из Дегерлоха Великий вюртембергский отряд двинулся вперед на Зиндельфинген. Отсюда Трухзесу послали такой ответ: «Основательные и справедливые неудовольствия против правительственных лиц княжества принудили страну к этому походу; они решились предпринять его во славу божию, на пользу стране и ввиду ее тягостного положения. Они были вынуждены на такую меру. Им, без сомнения, было бы гораздо приятнее быть управляемыми в мире и спокойствии, что, конечно, он и сам прекрасно понимает. В свое время, как надеются, они с честью будут держать ответ за все случившееся перед его императорским величеством. Они не ожидали от его милости такой обиды. Они надеялись, что заслуживают лучшего»[1].

Это письмо было написано вчерне 6 мая, а переписано и отправлено 7 мая. Ганс Вундерер, предводитель штоксбергцев, отстоял его. Теус Гербер и Матерн Фейербахер сильно спорили против письма; несогласия в совете и в отряде возрастали с каждым часом. Теусу и Фейербахеру удалось, однако, убедить отряд отправить в лагерь Швабского союза обер-фогта Якова фон Бернгаузена (который последовал, подобно другим дворянам, призыву к присоединению и находился теперь в лагере крестьян), чтобы просить пропуска для 10 или 12 крестьян, назначенных для ведения переговоров. Окруженный своими непокорными войсками, Трухзес охотно согласился на это. Возвращаясь назад, Бернгаузен узнал, что отряд двинулся вперед на Герренберг[2].

Желая облегчить себе соединение с инсургентами вюртембергского Шварцвальда, Ганс Вундерер в один переход дошел до Герренберга. Герренберг в то время был занят союзным отрядом под предводительством Ганса Штеклена. Большинство перешло на его сторону. Под стенами городка с осаждающими соединился Томас Мейер из Фогельсберга с вюртембергскими шварцвальдцами, возвращавшимися после взятия Зульца. При этом поднялись такие радостные крики, такой шум и гвалт, что, когда Яков фон Бернгаузен подъехал, слов его не услыхали. «Надо убивать всякого, кто заикнется о переговорах!» — кричали они. Прежде герренбергцы сами писали с братскою преданностью главному начальнику Матерну Фейербахеру. Матерн послал Якова Бернгаузена, Ганса Мюллера и Ганса Гартера, чтобы они приняли начальство над городом. Но, несмотря на то, что у ворот стоял отряд, их все-таки не отперли. Это раздражало их: шварцвальдцы скомандовали в атаку. Хотя Матерн и Теус Гербер вооружились против этого, однако слов их никто не слушал. Матерн с своим отрядом дви-

[1] Концепт в Штутгартском государственном архиве, частью в рукописи Зейдлера, напечатан вполне у Вальхнера, приложение XXVI.

[2] Акты процессов Матерна Фейербахера и Теуса Гербера.

нулся к возвышенностям за замком. Вундерер поставил своих людей на пашню позади садов, Томас Мейер с шварцвальдцами занял рвы, стены и ворота; при нем же остались охотники из других отрядов, вызвавшиеся участвовать в штурме. Те, которые стояли на валу, заметили и запомнили, что между осаждающими находились значки альпирсбахский, бакнангский, балингенский, бебенгаузенский, боттварский, булахский, бракенгеймский, кальвский, дердингенский, дорнштеттский, гюглингенский, гирзауский, марбахский, мерклингенский, нагальдский, нейенбюргский, розенфельдский, зульцский, тюбингенский, туттлингенский, вайгингенский и вильдбергский[1]. Теус Гербер удержал штутгартцев от приступа. 8 мая в 8 часов утра они написали в город, чтобы оттуда выслали женщин, детей и депутатов крестьянства. После 10 часов начался приступ. Прежде всех бросились герренбергцы[2]. Гарнизон и горожане мужественно сопротивлялись: два приступа были отбиты. Город сдался на капитуляцию только после шестичасовой битвы, когда огненные стрелы, которые шварцвальдцы употребляли при Зульце и которые они взяли из замка Глатта, подожгли уже 17 домов и собор. При штурме крестьяне потеряли около 200 человек. «Это называется выплачивать оброк!» — вскричал один, упавший с лестницы на землю. Крестьяне отомстили за свою потерю городу. Грабеж был страшный; у баварских кнехтов также отняли все их имущество. Всех их заключили в церковь: «Каждый час приходили туда крестьяне с намерением задушить их и это непременно случилось бы, если бы среди крестьян не находился Ганс Мецгер беннигеймский, профос отряда».

Один герренбергский мясник принес в лагерь Трухзеса первое известие о том, что городку угрожает опасность. Но кнехты еще не сдавались. Господин Георг послал на помощь городу несколько отрядов конницы под начальством Дитриха Гомбургского и Ганса и Бастиана Эгингенских; им, однако, ничего не удалось сделать. Вечером 8 числа было достоверно известно, что Герренберг погиб. Это известие положило конец бунту пехоты. На заре 9 числа Трухзес выступил со всем войском на помощь к Герренбергу. Он наткнулся на два отряда крестьян, составлявших авангард. Один стоял на горе за замком, другой с орудиями и обозом — на равнине перед садами. Союзные войска тотчас же хотели напасть на тех, которые стояли на равнине; но фельцейхмейстер Михаил Отт Эхтердингенский, увидев, что такая атака вряд ли приведет к чему-нибудь доброму, предварительно нашел хорошую позицию для орудий по ту сторону Аммера. Крестьяне двинулись и стали прямо против союзной конницы, которая ничего не могла им сделать; вблизи города, между прудом и болотом на горном

[1] Штутгартский архив. Следственные акты 1527 г.
[2] Там же.

хребте, сзади замка, там выстроились все три отряда. Господин Георг расположился лагерем на четверть часа ходьбы выше Герренберга, на вершине, близ деревеньки Гаслаха. Будучи не в силах предпринять что-нибудь против крестьян, он поджог несколько соседних деревень, и пока они догорали, велел вместо благовеста к вечерней молитве открыть из всех орудий огонь по городу и по крестьянскому лагерю; ядра стали попадать в лагерь и в город. Вскоре после этого к Трухзесу явился от крестьян войсковой писарь с письмом, в котором объявлялось, что они вступят с союзными войсками в бой утром на следующий день. Прочитав письмо, господин Георг объявил посланному, что удивляется дерзости, с которою тот решился принести ему подобное извещение, не получив предварительно, как того требует военный обычай, пропуска. Он приказал своим телохранителям иметь за посланным бдительный надзор и снабжать его пищею и питьем. Потом ночью, созвав предводителей, графов и господ, господин Георг послал за вестником и приказал ему повторить при всем собрании свой вызов на битву. «Ну, — сказал ему Трухзес, — если ты мне устроишь, что крестьяне перейдут на мою сторону, я подарю тебе хорошую новую шелковую одежду». «А я, — вскричал граф Ульрих фон Гельфенштейн, — хороший шелковый кафтан, в котором не стыдно будет показаться в люди». Рано утром вестника отправили «вместе с Михелем, союзным трубачом», к крестьянам. Когда они пришли в лагерь, там уже никого больше не было: крестьяне послали вестника для того, чтобы благодаря этой хитрости безопасно отступить; отступление их совершилось в 2 часа ночи, и они забрали с собою все, кроме нескольких телег и палаток, в которых осталось немного вареного мяса[1]. У отряда было довольно мяса, так как крестьяне для добывания провизии, повсюду рассылали своих посланных. Один Вольф, бракенгеймский мясник, добыл таким образом из монастыря Гиршау 73 теленка и 23 вола. Он предъявил монастырскому писарю предписание своего полковника, а когда тот отказался исполнить требование, то Вольф сам угнал скотину. Несколько штук ее он отдал одному крестьянину и Мейеру, которые имели долговые обязательства на монастыре, но никак не могли добиться расплаты[2].

Пока в союзном лагере дивились и досадовали, соединенные отряды добрались «благодаря чаще лесов» до своего старого лагеря между Зиндельфингеном и Беблингеном со всем обозом, орудиями и повозками. Союзные всадники погнались за ними уже слишком поздно. Чтобы унять ропот пехоты, ко-

[1] Рукописи: Зейдлера, Ганса Луца и Гольцварта; следственные акты над Фейербахером и Теусом Гербером; рукописная летопись Герренберга у *Гейда*, Герцог Ульрих, II, 259.

[2] Штутгартский государственный архив. Следственные акты, ноябрь 1526 г.

торая надеялась поживиться добычею и получить плату за битву, пришлось прежде послать Дитриха Шпета с сотнею всадников за деньгами в Урах вместо того, чтобы итти за крестьянами тотчас же по горячим следам. Трухзес между тем, сжигая и разрушая все, что попадалось на пути[1], дошел с своим войском только до Вейля в Шенбухе и расположился там лагерем.

На этот раз предводителям крестьян пришлось держать свой план втайне почти до самой минуты выступления. Даже когда был уже объявлен поход, в отряде не было известно, куда именно идут. Без этого союзники непременно узнали бы обо всем, что происходит и предполагается в крестьянском лагере, так как в лагере гегаусцев и вюртембергских шварцвальдцев[2] у туттлингенского фогта были свои доверенные лазутчики, и Рудольф фон Эгинген писал из лагеря при Вейле в Гогентюбинген, что, как ему достоверно известно, «многие дворяне, которых он считает вполне преданными герцогу, находятся теперь в Зиндельфингене, и сам герцог Ульрих прислал трубача Шварц-Иерга сказать, чтобы в эту ночь (с 11 на 12 мая) пешие и верховые присоединились к ним, но все это одни только утки». Как видно, они хорошо знали о том, что делалось вблизи, только на этот раз им было плохо известно, что происходит несколько подальше. Они думали даже впоследствии, что герцог приехал в Роттвейль всего только 11 мая в ночь, а между тем, он еще в первых числах мая был в этом приветливом, вольном городе, издавна известном своим гостеприимством к изгнанникам. Он вел здесь переговоры с гегаусцами и шварцвальдцами и 7 мая отправил отсюда к своим агентам, находившимся в крестьянском лагере, советы и наставления на случай битвы. Вместо того чтобы как можно скорее явиться лично в крестьянский лагерь вместе со своею пехотой и конницей, он остановился в Роттвейле, потом медленно пошел с Бенклером на Розенфельд и стал выжидать здесь результатов своего второго посольства к Вюртембергскому отряду.

Прежде чем посланный герцога Шварц-Иерг, свидетель и поверенный первого проблеска любви его молодого сердца, не изменявший ему в течение всей его жизни ни в изгнании, ни в бедствиях, доставил в Зиндельфинген врученное ему письмо, доктор Фуксштейнер попытался смягчить сердца крестьян и расположить их к несчастному герцогу. Он начал это еще до похода в Герренберг. Дело герцога возбуждало сильные споры среди крестьян и советников. Теус Гербер держался тогда того мнения, что Ульриху следует дозволить присоединиться к отряду с своим войском, а в случае, если бог даст

[1] В рукописи Гофмана письмо Эслингена к Галлю от 12 мая.
[2] Штутгартский государственный архив, письмо Фогта от 12 апреля.

победу, ему нужно сделать всевозможные уступки, непротиворечащие присяге и принятым обязательствам. Посланному не дали никакого ответа. По возвращении из Герренберга он стал настоятельно требовать решения. Предводитель партии Ульриха в лагере, Рамей Гарнашер, предложил водрузить в поле два значка: все желающие принять герцога Ульриха должны были сгруппироваться у одного из них, все несогласные на это — у другого. Но Теус Гербер объявил, что так как они дали клятву не принимать герцога, то, по совести, не могут взять на себя ответственности за такую меру: это неизбежно поведет к несогласию между братьями. Штутгартского предводителя отозвали из круга, потому что знаменщики изъявили желание переговорить с ним наедине. Между тем, канцлер Ульриха Фуксштейнер добился слова. Простые люди не были в состоянии устоять против таланта, против искусной речи ловкого поверенного; когда Теус Гербер и каннштатский знаменщик снова вступили в круг, руки всех присутствующих уже протянулись к Фуксштейнеру в знак того, что они согласны принять герцога. «Братья, — вскричал Теус Гербер, — мы поклялись ни под каким видом не принимать Ульриха в качестве господина, мы не можем нарушить эту клятву!» Прибегли к голосованию, большинство оказалось за герцога. Теус Гербер убедил 14 знаменщиков других округов поступать во всем согласно с штутгартцами: ему хотелось, чтобы приняли предложенный Трухзесом всеобщий ландтаг. Первый в кругу заговорил в таком смысле главный начальник Матерн Фейербахер. Тотчас же стали кричать, что он изменник, друг дворянства и поповщины, что они подкупили его и что его следует отставить. Матерн сказал, что он не раз уже говорил о своем нежелании оставаться их предводителем и вышел из круга. Тогда его схватили, засадили в монастырь вместе с его профосом Гансом Мецгером и приставили к ним стражу из двух прислужников. Однако Теус Гербер и его приверженцы добились-таки того, что было принято решение отправить к Трухзесу посольство в Вейль, в Шенбухе, и просить перемирия и миролюбивого соглашения: одни надеялись выиграть таким образом время, пока герцог подоспеет с своим войском, другие — избежать битвы. «Вот видишь ли, старина, — говорил Матерн своему профосу, — меня засадили за то, что у меня будто бы много денег и что я хочу жить широко; а я между тем должен был пять гульденов». Он был сильно удивлен, услышав, что его выбрали членом посольства к Трухзесу Георгу. В числе уполномоченных находился также Теус Гербер, четыре бургомистра из бывших налицо городских депутатов, один вейблингенский гражданин, геннингенский и шорндорфский и Томас Мейер, предводитель шварцвальдцев. Раньше посольства, как посредники, отправились опять рыцарь Яков фон Бернгаузен и тюбингенский гофрихтер Ганс Гертер фон Гертринген.

Между тем, в лагере при Вейле графу Ульриху фон Гельфенштейну и Рудольфу фон Эгингену деньгами, просьбами и подстрекательствами удалось, наконец, убедить пехоту и конницу помочь им отмстить крестьянам за вейнсбергские убийства. Им в особенности хотелось наказать вейнсбергцев, находившихся при отряде[1]. Яков фон Бернгаузен и Ганс Гертер доложили союзным советникам, что большинство крестьян невинно в возмущении, что только угрозы и сила вынудили их присоединиться к движению. Трухзес отвечал коротко: пусть крестьяне отправляются домой, сдаются на произвол властей и выдают находящихся в их рядах вейнсбергцев. Напрасно депутаты объявили, что им невозможно выдать участников в вейнсбергском деле, что жители Вейнсбергской долины и Оденвальда присоединились к ним, вюртембергцам, помимо их воли; напрасно они предлагали уйти из лагеря вейнсбергцев вместе с невинными представителями городов и сословий, чтобы дать таким образом господину Георгу возможность наказать их по своему благоусмотрению; никто этого и слышать не хотел. Трухзес повторял свой прежний ответ. Депутаты попросили, чтобы он написал его для передачи Светлому отряду. Им дали письменный ответ; с ним отправился союзный трубач Ганс Ротенцвейг. Вечером они отправились в крестьянский лагерь. Близ Беблингена, там, где расположился Шварцвальдский отряд, их чуть не убили. Крестьяне кричали, что их переговоры с союзным лагерем пахнут изменой, что Матерн Фейербахер отставлен от должности и что на его место избран предводителем винтерштеттенский Шенк.

Пока самые влиятельные из умеренных были в отсутствии, другие партии не зевали. Это были приверженцы Ульриха и вейнсбергцев, те странные люди, которых мы встретим впоследствии с Ульрихом на Гогентвиле и которые, вероятно, и теперь присоединились к его партии. Один из неккарвейгингенцев объявил потом, что присоединился к отряду, находившемуся при Зиндельфингене в то время, когда прибыл предводитель с курчавыми волосами. Кто этот предводитель с курчавыми волосами? Не Фуксштейнер ли? Это возможно. Или рыцарь Бернгард, винтерштеттенский Шенк, прибывший в отряд в качестве слуги Ульриха? Не сам ли, наконец, герцог, курчавая голова которого везде служила самым характерным его признаком и который, опередивши свое войско, явился в отряд инкогнито.

Теус Гербер въехал верхом в ряды неукротимых шварцвальдцев и повел с ними дружелюбную беседу. Он старался разрушить их недоверие, убедил, наконец, предводителей отправиться вместе с ним в Зиндельфинген. Там было представлено

[1] Письмо Рудольфа фон Эгингена от 11 мая; письмо Ганса Берлина; союзные акты, fasc. 94, № 6.

письмо союзников. Отряд и здесь пришел в ярость. Теус Гербер говорил потом, что даже имперский князь, кто бы он ни был, даже сам римский император, если бы он попробовал в то время заговорить с взбешенным народом о мире или соглашениях, не мог бы поручиться не только за свою неприкосновенность, но даже и за самую жизнь. Предводители объявили в силу этого союзному трубачу, что теперь, в 6 часов вечера, уже слишком поздно устроить в лагере какое-нибудь плодотворное совещание; они советовали ему доложить союзным начальствам, что крестьянство просит отсрочки только до 12 часов завтрашнего утра и что к тому времени их милость получит ответ, который удостоится их благосклонного одобрения.

В этот день в крестьянском лагере, точно так же как незадолго перед тем в союзном, были пущены в ход подкупы. Знаменщики роздали войскам деньги, собранные до того времени в казну с духовенства и составлявшие 5 370 гульденов 13 батценов; кроме вольных ратников в войске было всего 9 534 человека, и из этого числа в тот же вечер выбыло три роты, но не из вейнсбергцев. Впрочем, при этом исчислении не были, конечно, приняты в соображение шварцвальдцы и вновь набранные войска; еще при отступлении от Герренберга «многие из них бежали»[1]. В соединенном крестьянском войске ни в каком случае не могло быть более 15 000 человек[2]; оно было снабжено 22, а по другим известиям 33 орудиями на колесах, конницы почти вовсе не было. В союзном же войске по самым умеренным исчислениям насчитывали, кроме постоянно прибывавших с разных сторон дворян, 1 200 человек хорошо вооруженной конницы и 6 000 человек пехотинцев, 18 крупных орудий и значительное число полевых орудий; высшею цифрою выставляют 15 000 конницы и пехоты, в числе которых было 3 500 рейтаров. Эта цифра, без сомнения, преувеличена, однако очевидно и достоверно, что союзные силы были не в пример значительнее вюртембергской крестьянской рати уже благодаря своей коннице и артиллерии. Поэтому никто из понимавших военное дело в Зиндельфингенском лагере не желал сражаться с Трухзесом при таких условиях. На другой день, 12 мая, в 7 часов утра Теус Гербер и народ, собравшийся в монастыре, решили устроить общую сходку всего отряда и обсудить письмо, полученное от Трухзеса. Шварцвальдцы выступили из своего Беблингенского лагеря утром и отправились в поле, находившееся между этим городком и Зиндельфингеном. Здесь-то все значки составили общее большое собрание. Но не успели еще они все сойтись и приступить к обсуждению послания Трухзеса, как вдруг

[1] Письмо Эслингена к Галлю от 12 мая, пом. в рукописи Гофмана; акты процесса над Теусом Гербером; целый ряд сведений в Штутгартском государственном архиве.

[2] Более подробных сведений не сообщает даже отчет союзного бургомистра Фрейбурга, приложение Вальхнера XXVIII.

раздались пушечные выстрелы, засвистали пули и союзная конница показалась на опушке леса; Георг напал на них до совещания, «не давши бедному народу принять какое-нибудь решение»[1].

Он поступил в этом случае точно так же, как и при Вурцахе и Вейнгартене. Завязал сначала переговоры, чтобы удалить всякие опасения, а потом внезапно, как гроза, явился из-за гор и лесов.

Еще 11-го числа он узнал, что «крестьяне не согласны между собою относительно этого дела и что между ними произошел раздор»[2]. Он сам и окружавшие его дворяне жаждали мести за кровь своих родственников: Рудольф фон Эгинген лишился в Вейнсберге двух сыновей, сам Трухзес — своего двоюродного брата Гельфенштейна, Генрих Трайш фон Бутлар — своего зятя Дитриха Вейлера, многие другие — родственников; все хотели отмстить за честь своего сословия. Трухзес предписал Генриху Трайшу выступить с частью кавалерии прямо через Гольцгерлинген и Беблингенский бор на лагерь крестьян; произвести рекогносцировку и отвлечь внимание неприятеля в эту сторону, между тем, как он сам пошел с главною ратью налево, мимо замка Маурена и Клеберберга. Вышедши из леса со стороны Маурена, он увидал, что Генриху фон Бутлару грозит опасность быть отрезанным от главного войска. Тогда он приказал всем барабанщикам и трубачам своего отряда бить тревогу, и все конные и пешие поспешно двинулись вперед через лес.

Увидавши первых всадников у опушки леса и услыхав грохот орудий, крестьяне, собравшиеся в поле между Беблингеном и Зиндельфингеном, выстроились в боевой порядок. Позиция между Беблингеном и Зиндельфингеном была чрезвычайно удачно выбрана, и рыцарь Бернгард Шенк выстроил войска с большим присутствием духа и знанием военного дела. Арьергард упирался в городок Зиндельфинген и в Оксенвальд, открывая в то же время для отступления двойной путь через Газенбергерский лес и Вайгинген и через Кальтенталь в Штутгарт; здесь стоял Теус Гербер с штутгартцами и четырнадцатью подначальными ему ротами. Центр войск с обозами находился в поле между Зиндельфингеном и Беблингеном; точкою опоры для авангарда служил город Беблинген и замок, находившийся выше города. Здесь стояли беблингенцы. Беблинген и его фогт Леонгардт Брейтшверт принадлежали к Евангелическому братству. По всей линии были топкие болота и множество озер. Бернгард Шенк быстро отбросил кавалерию Бутлара, поставил весьма удобно орудия возле замка над го-

[1] Все то, что дает в сущности ключ к пониманию хода событий при Беблингене, совершенно обойдено молчанием в союзных отчетах; тем подробнее сообщают об этом акты процесса Теуса Гербера.

[2] Письмо Эслингена к Галлю.

родом; один отряд привел к городу, а другой выставил на горе. Трухзес понял, что всего важнее взять Беблинген; он присоединил к себе отброшенного Бутлара, который наверно погиб бы, если бы крестьяне имели при себе кавалерию герцога Ульриха.

Было 10 часов утра, когда началась битва. Христианской Светлой рати пришлось волей-неволей вступить в сражение. Разъединенная благодаря деятельности людей, выдвигавших чуждые интересы на место народного дела, введенная в заблуждение изменниками из своей же среды, получавшими подарки от господ, для которых они орудовали[1], поддерживая и возбуждая недоверие к истинным друзьям народа, — она колебалась из-за собственной нерешительности. Лишенная той твердости, которую придает чувство и сознание общего дела, той уверенности, которая рождается вследствие согласия и общей привязанности к одному делу, без силы вдохновения, исчезнувшей среди грабежей и поджогов, рать представляла картину всеобщего смятения, результат отсутствия внутренней связи. К довершению всего этого она подверглась теперь неожиданному нападению, к которому вовсе не была приготовлена.

Войско Трухзеса было отделено от авангарда крестьян болотом, и Шенк успел тем временем занять возвышенности и переднюю часть леса, поэтому союзная конница могла сделать весьма мало, а крестьянские орудия и пехота обратили в бегство[2] союзных кнехтов. Благодаря в особенности удачной перестрелке первые три часа битва клонилась на сторону крестьян. Дигисгеймский священник, находившийся в рядах крестьян, ободрял сражающихся, утешал и напутствовал умирающих. При начале битвы он благословил войско. Но Трухзеса выручила измена — измена беблингенцев.

Леонгардт фон Брейтшвердт, фогт этого города, был верным слугою австрийского правительства. Еще 28 апреля при Пфуллендорфе он вел с Трухзесом переговоры от имени этого правительства, стараясь склонить его поскорее выступить в поход в Тюбинген[3].

В день битвы он рано на заре выехал верхом навстречу господину Георгу Трухзесу, об этом знали одни только члены городского магистрата; он получил порученье просить о помиловании и пощаде города[4], обещая отпереть ворота, если с городом будет поступлено милостиво[5]. Господин Георг то-

[1] Союзные акты, fasc. 92, № 24.

[2] Рукопись свидетеля Ганса Луца; таковы же и свидетельства очевидцев.

[3] Письмо Брейтшвердта от 28 апреля, в Штутгартском государственном архиве.

[4] Акты процессов Теуса Гербера; письмо Леонгардта Брейтшвердта.

[5] Это утверждает стольник Цейль; рукопись Бальхнера, которая совершенно тождественна с рукописью, называемою мною зейдлеровскою.

же построил на этом весь свой план сражения. Но крестьяне отбили 80 человек союзных стрелков, которых он послал вперед к городским воротам. Потом Трухзес вывел к верхним воротам 200 стрелков; эти ворота были защищены не крестьянами, а городскими обывателями; те тоже отказались впустить их. Трухзес закричал людям, стоявшим на городской стене, «что они нарушили капитуляцию и что он сожжет их вместе с женами и детьми, если они не отопрут немедленно ворота и не впустят стрелков». В ответ на это ворота отворились. Стрелки вошли туда и осадили замок; крестьяне, находившиеся близко, заметили это уже слишком поздно. Таким образом, дело скоро дошло до развязки. Трухзес двинул сначала вслед за стрелками четыре фальконета и несколько других орудий, с 200 всадников: «они открыли огонь по крестьянским рядам, стали стрелять им в тыл, выбили крестьян из их выгодной позиции у болота, заставили их спуститься с гор и холмов, так что для союзных войск открылось довольно места и это дало им возможность провезти свои орудия мимо города наверх и занять все холмы и выгодные места орудиями». Между тем, когда осадили замок, «авангард союзников вместе с главным отрядом и орудиями поднялся вверх; на высоте устроили помост и на него поставили стрелков и орудия. В то же время Трухзес приказал Фровену Гуттену обойти Гальгенберг с отрядом конницы. Первый залп, данный из замка и с высоты, едва долетел до крестьян. В ту же минуту, когда авангард стал колебаться и пришел в смятение, Гуттен, выступивши из-за Гальгенберга с своими всадниками, напал на крестьян с одного фланга, между тем как Трухзес с конницею, пфальцграфскими всадниками и своими драбантами сделал натиск с другой стороны и отбил у крестьян орудия, находившиеся на горе близ города[1]. Тогда авангарду крестьян пришлось попятиться на центр. Обстреливаемые и своими и союзными орудиями, теснимые с обоих флангов конницею, «крестьянскою смертью», оробевшие крестьяне были вынуждены оставить все свои позиции и даже болото: «натиск стал так силен, что они уже не могли устоять». Разбитый и поредевший от огня орудий, раздавшийся от натиска конницы центр держался еще благодаря твердости Теуса Гербера.

Когда началась битва, Теус поспешил вернуться с поля, где происходило совещание, в Зиндельфинген; там он застал свои роты уже готовыми отступить в Штутгарт. В это время явились гонцы от штутгартского комитета и отозвали всех горожан, находившихся при крестьянской рати. Некоторые заговорили, что они совершенно неповинны в деле крестьян и могут сдаться на произвол победителя, но что, несмотря на это,

[1] Сравнить Ганса Луца и свидетельства очевидцев с показаниями Зейдлера и с первою частью отчета о ходе сражения, который состоит из двух отрывков, поставленных рядом; см. в материалах, стр. 107.

многие честные люди из их среды могут попасть на дурное замечание в качестве хороших вюртембергцев и приверженцев герцога Ульриха и вследствие этого подвергнуться опасности; поэтому они предпочитают умереть все вместе, если Трухзес не простит их окончательно. «Братья, — вскричал Теус Гербер, входя в их ряды, — наши союзники попали в беду, битва началась; мы опозорили бы себя на вечные времена, если бы вернулись домой теперь, как трусы». С ним согласились штутгартцы и все роты. Теус вывел их в битву, которая уже стала кровопролитною. Но от штутгартской роты отпало 80 человек горожан. Знамя центра пало; это было знамя Христианского отряда: его отбила союзная конница. Вскоре все обратились в бегство к Беблингенскому лесу. «Смерть крестьян» не могла следовать за ними в чащу. «За мной!» — вскричал Трухзес, и за ним последовало от 40 до 50 всадников. Он стал в том месте, где обратившиеся в бегство крестьяне должны были проходить через небольшую равнину, и заколол многих из них. Битва кончилась в два часа пополудни; все отряды крестьян или обратились в бегство или отступили, потому что в то время, когда часть союзного войска бросилась преследовать обратившийся в бегство центр и авангард, другая часть сделала сильный натиск на значки, находившиеся при Зиндельфингене. Теус Гербер отступил в лес; при нем было столько людей, сколько он мог удержать. Он отступал в стройном порядке до самого Штутгарта; потом крестьяне рассеялись. Из-за Беблингена, через переднюю часть леса, 200 человек крестьян вышли в темные места леса; гнавшиеся за ними всадники и пешие кололи и душили встречавшихся на их пути людей, умолявших о пощаде. Когда предводители, находившиеся на поле битвы, заметили отсутствие Трухзеса, они велели трубачам подать сигнал к сбору, чтобы привлечь рассеявшихся в разные стороны воинов. Трухзес направился к ним; вдруг на расстоянии полумили от поля сражения появилось между двумя группами деревьев огромное облако пыли, поднятое, повидимому, большим отрядом войск, подвигавшихся вперед. Трухзес принял этот отряд за подкрепление герцога Ульриха. Он допросил некоторых пленных крестьян и узнал, что герцог хотел присоединиться к ним. Дело могло бы принять совершенно иной оборот, если бы конница и орудия Ульриха пришли всего одним часом раньше. Даже и теперь атака его и Бенклера с гегаусцами была бы гибельна для союзного войска, пришедшего в полнейший беспорядок от победы и грабежа; но Ульрих вместо этого поспешно обратился в бегство. Союзные предводители хотели пуститься за ним в погоню, но Трухзес нашел, что и всадники и лошади слишком утомлены для этого; вместо того «несколько больших отрядов конных людей», именно гессенцы, бросились через лес в погоню за крестьянами, обратившимися в бегство при Зиндельфингене, и преследовали

их до штутгартской переправы, многие были убиты[1]. Союзные кнехты рыскали по лесам, долинам и лощинкам, отыскивая попрятавшихся крестьян; они убивали всех, кого только находили. Многие из беглецов падали замертво с деревьев, «как журавли из гнезда».

Трудно определить число убитых на поле сражения и во время бегства, оно колеблется между 1 500 и 9 000[2]. Преследование, сопровождавшееся убийствами, продолжалось в течение всего дня и всей ночи до другого дня, «потому что в карманах вюртембергцев находили много денег». Отбито было 5 знамен, 18 орудий и все повозки[3]. Трухзес избрал для своего лагеря место возле поля битвы при Зиндельфингене и Майхингене. Он узнал, что один из вейнсбергцев, Мельхиор Нонненмахер, ильфельдский трубач, спрятался в Зиндельфингене вместе с другими беглецами. Он подъехал к воротам с несколькими всадниками, вытребовал к себе горожан и сказал им: «Вы скрываете у себя одного из злодеев, который присутствовал в Вейнсберге при убийстве моего двоюродного брата; если вы мне не выдадите его через полчаса, я подожгу город и сожгу ваших жен и детей». Когда женщины услышали это, они начали розыски усерднее и тщательнее мужчин. Ребенок и женщина заметили Нонненмахера на голубятне и отвели его к Трухзесу. Господин Георг, отлично знавший беглеца, велел приковать его в лагере железною цепью к яблоне, близ Майхингена, так что он мог отойти от дерева на два шага, потом велел принести дров и наложить их на полторы сажени вокруг дерева; он сам, Трухзес, граф Ульрих фон Гельфенштейн, граф Фридрих фон Фюрстенберг, господин Фровен Гуттен, Дитрих Шпет и другие рыцари принесли каждый по большой охапке дров; потом этот костер зажгли. Дело было ночью; на небе звезды ярко светили; в стороне, широко раскинутые по полю, стояли брошенные повозки, фуры, орудия, палатки, оружие, всякого рода сбруя, между ними тихо лежали умершие и раздавались

[1] Отчет очевидца; этому отчету совершенно соответствует описание, находящееся в материалах и в рукописи Гольцварта.

[2] В жизнеописании Ульриха Бенц выставляет всего 1 500; в отчете о битве в материалах выставлено 1 000 человек убитых во время бегства; у Зейдлера — более 8 000, в отчете очевидцев, по общему слуху, — более 9 000 убитых на поле сражения и в лесах; Гольцварт выставляет 6 700; Ганс Луц — 6 600 с чем-то; Никлас Томан — 4 000; Теус Гербер говорит впоследствии, что было убито больше 4 000. Гаиэлькофер и Крузиус показывают 4 000, агент эслингенцев в союзном лагере — 3 000, австрийское правительство показало в отчете Фердинанду около 4 000 человек; очевидцы Умгельтер и Фрейбургер обозначают от 1 600 до 2 000 человек; Вендель Гиплер — только 2 000. По одному показанию, на погребение каждого тела было выдано по 2 крейцера и в счете было выставлено 7 600 крейцеров, из чего ясно, что было 3 800 мертвых тел из крестьянского и союзного лагерей. В числе убитых из рядов гессенцев было несколько хороших дворян. Ганс Луц, рукопись.

[3] *Ганс Луц, Гольцварт.*

стоны умирающих и раненых; в дальнем лагере шумно кутили, пировали победители; вокруг Нонненмахера стоял целый ряд ликовавших дворян; костер был весь охвачен пламенем, и в этом огненном круге несчастный бегал все скорее и скорее, потешая собою господ, между тем, как тело его «поджаривалось самым медленным образом»; он долго еще был жив, мучился и ревел от боли; другие пленники стояли возле костра, бледные, как полотно, и окаменелые от ужаса. Наконец, он смолк и упал [1].

На другое утро, 13 мая, Трухзес двинулся на Плиненген; сначала он строго наказал Беблинген и отнял у горожан оружие и латы [2]. Фогт Леонгардт Брейтшвердт имел основания бояться за свою жизнь: ему грозила опасность со стороны горожан и крестьян его области, обзывавших его во всеуслышание изменником и грозивших смертью ему, его жене и его детям. Он бежал в Пфорнгейм [3]. Обратившиеся в бегство крестьяне разбрелись во все стороны: одни направлялись к своим деревням, другие — к границе. В Страсбургскую область отправились 400 человек, многие пошли в Швейцарию. На пути в эту страну Матерн Фейербахер был захвачен в плен. Крестьяне бежали по всему Вюртембергу, многие были без башмаков, с непокрытыми головами, без оружия. Близ замка Гогенасберга фогт задержал двух из самых страшных вейнсбергских деятелей Яклейна Рорбаха и одного из гейльброннцев. Господин Яклейн (Яков) остановился здесь, чтобы собрать вокруг себя беглецов. Таким образом, над ним совершилась его судьба [4]. Начальник шварцвальдцев, Томас Майер, попался в плен во время битвы; голова его пала под мечом в Тюбингене. Теус Гербер, который благополучно отвел все свои значки в Штутгарт и которого, несмотря на его опасную рану, правительство хотело повесить на березе, на виселице, или же выставить на всеобщее поругание в качестве «самого закоснелого мятежника, самого ярого врага и верховного начальника», успел во-время скрыться [5].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Вероломство герцога Лотарингского

По ту сторону Рейна также завязалась борьба с авангардом великого народного восстания и с северным его крылом.

[1] Ганс Луц, Гольцварт, очевидец — все трое говорят в один голос, что сам стольник и рыцари приносили дрова.

[2] *Заттлер,* Топография, II, 60.

[3] Штутгартский государственный архив, собственноручное письмо Фогта.

[4] *Гольцварт,* рукопись.

[5] Письмо правительства к стольнику.

Герцог Антон Лотарингский, один из тех тигров княжеской породы, которых производила фамилия Гизов, кровожадный ханжа, известный своими наставлениями придворным, что для достижения блаженства достаточно уметь читать «отче наш» и «богородицу», — этот Антон Лотарингский выдвинул теперь из гор свои шайки грабителей и убийц на подкрепление ландфогту Якову фон Мерспергу из Нижнего Эльзаса и страсбургскому епископу и для защиты своих собственных владений. Он вызвал все свои гарнизоны из Бургундии и Шампаньи, призвал к оружию все ленное дворянство своего герцогства, 2000 итальянских стрелков и несколько рот нидерландских наемников; к этим силам присоединились еще подкрепления, присланные ему его братом, правившим Францией во время плена короля Франциска, и множество авантюристов, лишенных возможности служить после павийского поражения, рыцарей и кнехтов, которым хотелось теперь выместить свою неудачу на немецких крестьянах. По французским отчетам, его войско состояло из 30 000 человек с лишком. 6 мая он выступил из Нанси и отправился в Вик. Уже в то время многие из восставших подвластных ему местечек покорились. 8 мая он получил письмо от Эразма Гербера, главного предводителя в Эльзасе, в котором тот обращался к нему с просьбой вступить, подобно другим князьям и господам, в их братство и не сопротивляться больше евангельскому учению. Он обещал, что ни ему, ни его стране не нанесут ни малейшего вреда, ибо крестьяне поставили себе единственною целью отстаивать свободу евангелия и провозглашать истину. Дорожа неприкосновенностью католической религии гораздо больше, чем своим герцогством, герцог поступил с вестником, — подданным, осмелившимся принести такое письмо ему, своему князю, — как с государственным преступником, и приказал отрубить ему голову. В то же самое время явился граф Рейнгард фон Битш. Он был вне себя. Из 6000 подданных у него не оказалось и 6 покорных людей. Графы фон Лейнинген, фон Зальм, фон Нассау, словом, все благородные владетели пограничных земель собрались и стали жаловаться на притеснения со стороны крестьян. Рыцарь Ганц Браунбах, которому вместе с другими было поручено охранять владения мецского епископа, известный своим крайним презрением к крестьянам, выпросил себе 100 всадников и 600 немецких кнехтов, чтобы отправиться с ними осадить «еретиков» в гербельсгеймском аббатстве. Но ему пришлось плохо, крестьяне взяли его в плен; ему предложили вступить в Евангельское братство; Браунбах отказался; тогда его освободили, взявши выкуп в 2000 гульденов. Это великодушие поразило всех в лагере герцога, только что умертвившего посланного; но крестьянам хотелось показать, что они истинно евангельские христиане. Когда к герцогу присоединились с своими войсками (албанцами, стратиотами, пиемонтцами и испанцами) принцы

Франциск фон Водемон и Клавдий Гиз, господа из Нормандии и Анжу, и мецский епископ, брат герцога, он двинулся на крестьян, укрепившихся при Саргемюнде. Но они отступили до его прибытия в Эльзас к Светлому отряду. Тогда некоторые стали советовать не переходить на ту сторону гор; здесь нет ни одного врага, говорили они, и никому не удастся перейти через горы; к чему же подвергаться неминуемой опасности? Но другие восстали против этого: было бы в высшей степени позорно, возражали они, не покарать врагов религии и вернуться во-свояси с такой прекрасной армией, не сделавши ничего. Армия перешла через горы, отбила несколько проходов, и Антон двинулся на Цаберн. Эразм Гербер прислал другого гонца с письмом; на нем находился красный андреевский крест — герб Светлого отряда. Герцог отправил посланного как пленника в Саарбрюк. В письме Эразм Гербер просил, чтобы ему дали охранную грамоту, потому что он хочет повидаться с герцогом и вступить с ним в переговоры. Князья приняли этот прием за уловку крестьян, желавших выиграть время, чтобы собрать все свои отряды в Цаберн. Некоторые из благородных господ, слишком легко смотревших на крестьянское дело и подтрунивавших над инсургентами, были ранены или убиты. Наконец, 16 мая войско герцога стало лагерем в 600 шагах от Цаберна. Пронесся слух, что с того берега Рейна идет подкрепление тысяч в 30 крестьян. В то же время герцог узнал, что 4 000 крестьян пришли в местечко Лупфштейн, находящееся на расстоянии трех часов ходьбы от Цаберна. Тотчас же на этот пункт двинулись герцоги Гиз и Водемон с ротою ландскнехтов, албанскими и итальянскими стрелками и хорошими орудиями. Они нашли крестьян собравшимися на равнине у рощицы, пониже Лупфштейна; те устроили засаду из повозок. Натиск был сделан быстро, однако крестьянам удалось вторгнуться в укрепленный Лупфштейн. Граф фон Водемон бился упорно, крестьяне оборонялись «с яростью». Увидавши, что его брату и пехоте грозит опасность, герцог Гиз приказал поджечь повозки, огородку и палисады, которые служили крестьянам защитою. Сначала это смутило их, но они не уступили ни шагу и сделали новый натиск на пехоту. Битва продолжалась долго, и лотарингцам все не удавалось вторгнуться в деревню. Наконец, конница прорвалась, и крестьянам пришлось укрыться в церкви и соседних домах; они защищались с отчаянною храбростью и упорно отказывались сдаться. Тогда принцы зажгли деревню с четырех концов. Пламя охватило крышу церкви. Она сгорела со всеми находившимися в ней; сгорела также вся деревня и все оставшиеся в ней жители; те же, которые попытались бежать, были убиты.

Цабернцы пали духом, узнавши о лупфштейнском поражении. К тому же их столько собралось в городе, что невозможно было держаться долее без подкрепления по случаю недостатка

съестных припасов. Они разослали во все стороны гонцов и просили помощи. В четверг, 18 мая, гонцы достигли отряда Вольфа Вагнера, расположенного у Аммерсвейера. Они рассказали крестьянам, в чем дело. Те инсургенты, которые стояли ниже Ландграбена, хотели немедленно отправиться на помощь к своим братьям. Они решились тотчас же выступить в поход и выслать вперед все пожитки, собранные ими здесь. Но крестьяне собрались у Ландграбена и забили тревогу на всем протяжении до Беркена. Они выстроились в боевой порядок на аммерсвейерских лужайках, чтобы помешать кохерсбергерским крестьянам спуститься сверху, и повернули повозки, которые те хотели везти вниз. «Если вы хотите уйти, — объявили они, — вы должны освободить нас от союзной клятвы, возвратить нам то имущество, которое мы утратили в союзе с вами, и вознаградить нас за понесенные нами убытки; если же вы останетесь с нами, то мы согласны жить и умирать вместе. Теперь, когда у вас есть имущество, вы хотите покинуть страну и оставить нас одних расправляться как угодно! Или оставайтесь, или освободите нас от присяги, или же защищайтесь против нас, как хорошие и честные люди. Тогда и мы так же поступим относительно вас; увидим, за кем останется победа!» «Да, — сказал Эккарт Вигерсгеймер, — прежде чем мы отпустим вас от себя, надо, чтобы или мы вас передушили, или вы нас, — кто-нибудь из нас должен остаться победителем».

Они остались, двинулись к Кейзерсбергу и осадили город при Альшпахе. Еще в тот же самый вечер они подожгли монастырь, который и сгорел. Ландграбенские крестьяне подвинули свои орудия от Аммерсвейера на гору, рейхенмейерцы и беркенцы стали по сю сторону, при кейзерсбергском замке, и открыли сильный огонь, который продолжался до обеда. В это время кейзерсбергцы выкинули белое знамя и повели с крестьянами переговоры, длившиеся до самой ночи; потом они сдали город, впустили крестьян и приняли присягу членов союза. В пятницу, 19 мая, все значки собрались на сходку возле Кейзерсберга. Главное начальство над крестьянами выше и ниже Ландграбена было вверено Вольфу Вагнеру; 12 000 войско разделено на два отряда, предводителем одного из них был назначен Ганс Бек из Мюнстера, а другого — Ленц Мейер из Гунненвейера. Войсковое знамя было вверено Денни Беку из Бебленгейма. Сходка не успела еще разойтись, как пришло известие от цабернских крестьян о том, что они разбиты.

Сильно стесненный недостатком провианта, Эразм Гербер боялся, что неприятель разобьет поодиночке все отдельные отряды, идущие на подкрепление, и начал переговоры с герцогом о дозволении свободно выступить из города. Герцог согласился на это, но потребовал, чтобы крестьяне сложили оружие и представили ему 100 заложников; на этих условиях они разошлись по домам и отказались от своих лютеранских

заблуждений. 17 мая они отворили городские ворота епископским людям; граф фон Зальм и рихарменильский владетель заняли город. Сложивши оружие, крестьяне стали выходить из города на заре и собрались в 400 шагах от него на горе Мучеников. Тем временем перехватили несколько писем Гербера, в которых он поручал своим союзникам, находившимся по ту сторону Рейна, заготовить в ожидании его припасов и оружия, чтобы иметь возможность немедленно соединиться и снова вступить в Эльзас, но на этот раз с бо́льшими силами и с лучшими средствами. Уходя, некоторые крестьяне кричали: «Да здравствует Лютер!» Это раздражало католиков ландскнехтов, стоявших у ворот, через которые должны были проходить крестьяне, вынося с собою, в силу договора, все свое добро, возбуждавшее алчность ландскнехтов. Один из них схватил за рукав проходящего крестьянина и начал шарить у него в кармане; крестьянин не дался и стал ругаться. Кто-то закричал: «Бейте их, нам это разрешено!» Тотчас же ландскнехты принялись бить крестьян; они ждали только сигнала. Несчастные, безоружные жертвы вероломства, вполне убежденные, что белые палочки, которые они несли в руках, послужат им верным залогом мира и неприкосновенности со стороны рыцарей и кнехтов, стоявших у городских ворот, увидали теперь, что это белые палочки были только указанием жертв, обреченных погибели, и поспешили снова вернуться в город и захватить свое оружие. Ландскнехты с ожесточением преследовали их и начали страшную резню. Крестьяне хотели спустить подъемный мост у ворот, но им это не удалось. Толпы лотарингцев ворвались в город в одно время с ними. Они защищались, насколько хватало сил, на улицах и на базаре; но теперь и зальмцы, составлявшие гарнизон города, стали стрелять в них, рубить и колоть их, и рыцари и кнехты повалили толпою в городские ворота. Большинство крестьян было еще обезоружено, и потому они почти не сопротивлялись. Все улицы и дома были обагрены кровью крестьян[1]. Современный французский писатель рассказывает эту историю несколько иначе. Пока князья, перехвативши письма Гербера, совещались, обязаны ли они держать слово относительно людей, которые так нагло нарушают собственные обязательства, какой-то гельдрский кнехт обратился к одному красивому статному крестьянину, выходившему из города в толпе других, с словами: «Ты счастливо отделался, любезный друг!» Тот отвечал ему оскорбительным образом и несколько раз прокричал: «Лютер, Лютер!» Гельдрец ударил крестьянина и убил. В дело вмешались крестьяне и лотарингцы; таким образом и произошла резня[2].

[1] *Laurentius, Pilladius*, Rusticiados libri VI.

[2] Здесь, очевидно, произошло недоразумение между немцами и французами. Когда жадный ландскнехт схватился за карман эльзасца, тот,

Французы стараются доказать, что герцог Антон и прочие Гизы хотели удержать войско, но солдаты не повиновались им, и благодаря этому неповиновению было изрублено и убито всего, считая в том числе и детей, от 16 до 18 000 народу. Сжечь Цаберн не дозволили, но весь город был разграблен, не исключая и домов дворян, епископских советников и солдат. Победители забрали с собою все серебряные и золотые вещи, деньги и орудия и увели в плен многих горожан, которые потом были заколоты. «Они увели с собою самых красивых женщин и девиц, насиловали их по своей прихоти, потом отпускали их домой; насилуя женщин, они заставляли мужчин смотреть на это, а потом закалывали их и уродовали страшным образом[1]. Все это происходило в присутствии маркграфа Эрнста Баденского и ландфогта Мерсперга: «Ландфогт, — сказал герцог, — если я нужен союзу, то я отправлюсь через Рейн на помощь к нему, но с тем, чтобы и союз мне помог, когда мне придется прибегнуть к нему». Ландфогт отвечал: «Милостивый господин, военачальник союза мой двоюродный брат и вполне доверяет мне. Не хотите ли вы, чтобы я написал к нему об этом?» Герцог приказал ему сделать это. Господин Георг Трухзес получил письмо еще в плининген ском лагере и написал эрцгерцогу и союзному совету, что, по его мнению, следует призвать лотарингца или же направить его на Альгау, чтобы он там разбил крестьян[2].

Покинув прекрасный Цаберн[3], обращенный теперь в могилу, герцог двинулся на Мауерсмюнстер, разрушил тамошний замок и вывез оттуда все достояние и орудия. Он приказал повесить одного пленного крестьянского предводителя и одного проповедника и под их трупами заставил других присягнуть себе[4].

В цабернском замке он взял в плен главного предводителя, Эразма Гербера, который был настолько глуп, что дался в обман этому владетельному тигру. Его стали допрашивать под пыткой, и он показал, что через несколько дней его отряд состоял бы из 60 000 человек. Герцог спросил его, признает ли он все свои письма? «Не я писал их, — сказал предводитель крестьян, — я сам не умею ни писать, ни читать; их писал мой писарь». Далее стали его спрашивать, не диктовал ли он их по крайней мере? «Суди меня бог!» — сказал Эразм. По-

вероятно, закричал не «Vive gentil Luther», как рассказывают французы, а «Weg», или даже «pfui, Schandluder!», приправивши, может быть, эти слова неприличным жестом.

[1] Это говорит господин фон Раппольтштейн, приведенный в восторг победою.

[2] Рукопись Зейдлера.

[3] У Раппольтштейна показано 16 000 убитых, у Кальмета и Пиллада 18 000, у Вигтерсгейма — 18—30 000.

[4] Рукопись Ульриха фон Раппольтштейна.

двигаясь вперед, среди пылающих деревень[1], герцог, вероломный, как и все Гизы, приказал повесить Гербера на опушке леса вместе с одним из бывших с ним проповедников.

Пока лотарингцы еще грабили Цаберн, было получено известие, что близ Буксвейлера появилось 6000 крестьян. То был Кольбенский отряд, по стопам которого шел Клеебергский. Оба хотели, по призыву Эразма Гербера, итти на помощь цабернским братьям. Услыхавши о происшедшем, они повернули назад.

Герцог хотел вернуться домой через Леберталь или через Виллерталь. Его авангард, лишь только он достиг Соцгейма, наткнулся на целый обоз съестных припасов; по облаку пыли, видневшемуся вдали, можно было заключить, что идет большой отряд. Вскоре получили известие, что в Шервейлере, при Шлеттштадте, были заказаны квартиры для 10000 крестьян.

Как только до Кейзерсбергского отряда дошел слух о кровавой резне в Цаберне и о движении лотарингцев вверх, все единодушно решили итти навстречу к неприятелю до самого Ландграбена. Но теперь было уже поздно. Крестьяне, ниже Ландграбена, тотчас же отправились вниз, верхние же собрали предварительно побольше народу и хотели двинуться вслед за ними. От Ландграбена они послали людей на рекогносцировку: по какому направлению пойдет герцог. Было решено итти не дальше Ландграбена и ожидать неприятеля здесь за засадой в 24 фута глубины и ширины; но еще до прибытия врагов, нижнеэльзасцы вышли из-за рва и отправились в Шлеттштадт, вниз к Бурнерскому мосту. На их запрос шлеттштетерцы отвечали им, что они не впустят их в город, но дадут им присягу, вышлют им 200 человек и достаточное количество съестных припасов, помогут им в случае притеснения неприятелей орудиями и порохом и даже отопрут городские ворота и впустят их, если неприятели заставят их обратиться в бегство. На другой день верхнеэльзасцы не нашли своих братьев у Ландграбена. Они подвинулись вперед от Бурнерского моста до Кестангольца, а лотарингцы тем временем подошли к Шервейлеру. Они перешли через Гисен и выстроились длинными рядами в боевой порядок, до самого Шервейлера. Эта деревня была от них на восток. В нее упирался авангард крестьян, к западу и в тылу у них была Виллерская долина, горы, покрытые виноградниками, лежали направо и налево, так что Шервейлер служил отряду оплотом, и лотарингцы должны были овладеть им, прежде чем добраться до них. К тому же у крестьян были хорошие орудия, 12 фальконетов и много ружей.

Когда отряд расположился так удобно в виноградниках и Гисене, «многие рыцари осмотрели его и ловкими происками

[1] Рукопись Вальднера фон Фрейндштейна.

сумели заставить крестьян уйти из этой выгодной позиции в луга»[1]. «У нас были предводители, — говорит Эккарт Виггерсгейм, — которые сбивали нас с толку, предавали и продавали нас». Здесь, как и везде, находившиеся в отряде дворяне являлись изменниками, особенно же фогты городов. Отряд дал знать крестьянам, расположенным у Ландграбена, что им, как братьям, пора итти на помощь, неприятель уже приблизился. «Пойдемте! — воскликнули лучшие люди; — неужели же мы не откликнемся на зов наших братьев». От нижнего отряда являлся гонец за гонцом. Они кричали: «Враги нападают! Идите, идите!» Таким образом и верхние крестьяне перешли через ров; их собралось всего только около 1 800 человек, явились только беркенский, раппольтсвейлерский и рейхенвейерский значки; те, что были в долине, еще не подоспели. Они дошли до Гаттенберга. Тут прискакал рейхенвейерский фогт и сказал: «Зачем вы удаляетесь от Ландграбена? Ведь мы еще не все собрались вместе. Любезные братья, в настоящее время нашими врагами являются люди страсбургского епископа, и они будут биться во имя его; они прислали нам письмо в Беркен о том, что епископ прибыл и хочет наказать свой народ, но ему нечего с нами делать у Ландграбена, и он не желает вредить нам чем бы то ни было». «Сбейте его с лошади, — закричали некоторые, — или пристрелите его из ружья. Неужели мы допустим, чтобы наших братьев убивали совершенно безнаказанно?» Тогда фогт стал просить, чтобы они были единодушны, отправились бы в Кестенгольц и не оставляли деревню, пока он не вернется к ним снова. Они отправились туда, нижний отряд крестьян уже сделал натиск. Снова один за другим стали являться гонцы. «Сюда, сюда, милые братья! — говорили они. — Мы уже окружили врагов, они в наших руках, и в нынешнюю ночь мы отстоим свою честь и приобретем добычу!» Все выбежали тогда из Кестенгольца через Гисен и стали позади нижнего отряда. Дело было после 7 часов вечера, солнце садилось; тут-то и разыгралась битва. Рейхенвейерский фогт не вернулся назад. На нем и на некоторых дворянах лежит тяжелое подозрение. Лотарингцы сначала уклонялись от битвы, так как местность была им совершенно незнакома, но вскоре «они окружили крестьян спереди и сзади». С одной стороны напал граф фон Водемон, с другой — герцог Гиз. Шервейлерский проход был взят приступом, и многочисленный отряд неприятельской пехоты ринулся, пройдя через деревню, на огромный отряд крестьян, находившийся в открытом поле между Шервейлером и Кестенгольцем. Ландскнехты подожгли Шервейлер, «чтобы им самим было видно ночью при огне и чтобы этот огонь ослеплял крестьян». Орудия крестьян не были снабжены хорошею прислугою и были поставлены слишком высоко.

[1] Рукопись Ульриха фон Раппольтштейна.

Ядра перелетали через концы пик и копий лотарингцев. Выступивши из-за виноградников, ландскнехты сделали атаку на крестьянские орудия, расставленные близ этого прохода; но так как пространство было слишком узко и так как немногие могли вступить в рукопашный бой, то первый и второй приступы были отбиты. Между тем, с гор спустилась конница и бросилась с тылу на отряд повыше Ландграбена, и в то же время ландскнехты сделали третью атаку с фронта. Нападение с тыла произвело такое смятение, что крестьяне, собравшиеся стрелять по всадникам, попадали только друг в друга. Они удалились за свои повозки. Итальянцы подлезли под повозки, подняли их на своих спинах и отбросили в сторону; таким образом открылось место для пехоты и для конницы. Этою минутою воспользовался герцог Гиз и врубился с своею конницей в ряды крестьян; 250 всадников было убито крестьянскими пулями; однако он все-таки пробился сквозь их ряды. Было 10 часов вечера; в течение трех часов 30 000 лотарингцев билось с 7 000 крестьян: больше крестьян не было; крестьяне, находившиеся в долине, еще не дошли до поля битвы. Шлеттштетерцы не выслали ни одного человека и ни одного ружья. Мертвые тела лежали одно на другом, образуя ворох в сажень вышины. Способ стрельбы давал большие преимущества ломбардцам и ландскнехтам: первые стреляли лежа на земле, последние — стоя на коленях. Крестьяне стреляли стоя и вниз, поэтому они попадали гораздо реже в лежавших и стоявших на коленях неприятелей; между тем как те почти постоянно попадали в них. Окруженные со всех сторон предательским образом, крестьяне отступили благодаря ночной темноте к лесу, но многие погибли при этом отступлении: из крестьян было убито 5 000 человек, из войска герцога — 3 000. «Будь это днем, — говорит Вигерсгейм, — из наших не спаслось бы и 20 человек: таким-то образом нас предали и продали. Порядка уже не было, никто не хотел слушаться и всякий делал по-своему. Мне казалось, что в крестьян вселился сам чорт. Даже беблингенский знаменщик Дени Бек обратился в бегство и бросил свой значок, хотя никто из врагов не нападал еще на него, и ему ни с кем не приходилось биться. Остгеймский священник Рудольф Тейбер лишился жизни в этом сражении, вместе со своею паствою. Я, Эккарт Вигерсгейм, благодарю всемогущего творца за то, что мне удалось уцелеть».

В течение всей ночи лотарингская конница и сам герцог не слезали с лошадей; он боялся нападения со стороны отступивших и еще не бывших в деле крестьян; пораженный своими потерями и не имея ни малейшего желания еще раз вступить в бой с крестьянами, он рано утром поспешил выйти из страны через Виллерскую долину, казнивши предварительно в своем лагере в отместку крестьянам 300 пленников из Цаберна. Он ушел, унося с собою значки, орудия и богатую мо-

настырскую добычу крестьян. В Вогезах ему пришлось натерпеться сильного страха: дороги везде были испорчены, он боялся нападений, но крестьяне дали ему добраться до Нанси, не тронувши его. Если бы они не слушали воплей жен и детей, если бы они не поддались тем, которые говорили прежде, что не к чему спешить, что время еще терпит, и которые потом старались убедить их не ходить на поле битвы, они неминуемо должны были бы уничтожить в горном ущелье герцога и всех его людей [1].

Из Нанси герцог повел ожесточенную борьбу с теми местностями своих владений, которые придерживались евангельского учения, и стал преследовать их огнем и мечом. Он стал грозить таким гонением городку Сент-Польтен. Тамошний священник Вольфганг Шух сам отправился в Нанси отдать отчет в своей религии и отстоять от опасности свою паству. Герцог Антон приговорил его к сожжению и 19 августа 1525 года приказал сжечь живым Шуха, до конца оставшегося героем [2].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Гибель Фомы Мюнцера

Первые искры в Эльзасе были брошены Фомою Мюнцером. Еще прежде эльзасцев он пал жертвою своих стремлений.

Мюнцер не хотел спешить. Он хотел выждать той благоприятной минуты, когда время и привычка придадут восстанию больше силы и сообщат ему более совершенную организацию, он хотел выждать время, когда самые храбрые, опытные в военном деле горные ополченцы присоединятся к нему, когда крестьяне Верхней Швабии и другие отряды одержат первые победы над своими князьями. Он хотел иметь всех их в резерве и только тогда двинуться из своего Мюльгаузена с мечом Гедеона. Он превосходно знал бо́льшую часть своих тюрингцев: то были не швабы, следовавшие с самой юности за знаменем и выросшие среди войн, то были не франконцы, составлявшие «черную рать» Флориана Гейера, не стрелки из Альп и Эльзаса: их постоянным делом было с трудом вымогать у скудной почвы жалкое пропитание; единственными привычными орудиями были лопата и заступ. Кроме того, он не был окружен замками, из которых можно было доставать хо-

[1] Рукопись Эккарта Вигерсгейма; рукопись Раппольтштейна; рукопись Фрейндштейна; Кальмет, V, 508—520; эльзасская хроника герцога.
[2] Acta martyrum.

рошие орудия; а за порохом ему приходилось посылать швейцарца, снабженного 900 гульденов, в Нюренберг — этот обширный рынок, поставлявший порох безразлично и друзьям и врагам. Один только меч представлялся ему средством помочь своему народу и спасти его, только на лобном месте старого мира мог, по его мнению, родиться новый, лучший мир, только гибель храмов и их жрецов могла освободить умы, только уничтожение аристократии и привилегий могло дать возможность освободить плоть и жизнь. Он все еще не сомневался в победе, лишь бы только все отряды были связаны единодушием и не давали опутать и разбить себя поодиночке. Он знал свой народ, который отдает свое полное доверие и остается предан всем сердцем тем самым людям, которые сто раз обманывали его. Владетели казались ему тем опаснее, чем они становились милостивее; не оружия их он боялся; ему казались всего страшнее их хитрость, лицемерие и предательские происки. И весь ход народной войны оправдал его опасения.

Тот, кто до сих пор так усердно помогал ему во всех его предприятиях, теперь сделался его злым гением: Пфейффер слишком рано заставил его действовать; он думал, что Мюнцер с своей медлительностью пропустит удобный случай, и не слушал уверений Мюнцера, что они еще далеко не настолько сильны, чтобы начать открытую борьбу, что крестьяне недостаточно еще подготовлены к ней. Несмотря ни на какие возражения Мюнцера, несмотря на уверение его, что дух, руководящий всеми его действиями, в настоящую минуту запрещает ему начинать дело, Пфейффер настоял на своем. Чтобы убедить народ, что и он также следует внушению свыше, он объявил, что имел откровение, в котором ему повелевалось не медлить и не слушать на этот раз Мюнцера. Ему снилось, рассказывал он, будто он в оружии стоит среди большого амбара, его окружила стая мышей, и он разогнал их; дух объяснил ему при этом, что сон предвещает победу над дворянами в Тюрингене и Эйхсфельде. Народ охотно поддавался словам Пфейффера: они нравились ему. Таким образом, оружие, которым так долго пользовался Мюнцер и которое доставило ему влияние на народ, обратилось теперь против него же самого, этого не мог предупредить и его ум и проницательность. Когда он воспротивился было выступлению, Пфейффер стал грозить, что обратится против него сам и восстановит других. Мюнцер принужден был дать свое согласие, и Пфейффер с товарищами двинулся к Эйхсфельду, разоряя по дороге церкви, монастыри, дворянские поместья. Он явился в Мюльгаузен с богатою добычею, ведя за собою пленных. Чтобы не потерять влияния, Мюнцер должен был лично принять участие в этом деле. Волнение, проявившееся в Лангезальце, представило ему удобный повод. 26 апреля он отправился на помощь к своим братьям; его окружали 400 вооруженных телохранителей с белым знаменем с изобра-

жением радуги. В Лангезальце восстание одержало верх; урлебенские крестьяне хотели выбросить из окна Эриха Фолькмара, старшего сына Зиттиха фон Ферлепш; только великодушие старой няньки, выдавшей его за своего сына, спасло Эриха. После обильного угощения у городских ворот отряд Мюнцера двинулся далее к Тунгеда, собрав по дороге богатую добычу. Здесь к ним явилась целая толпа эйхсфельдерцев; они притащили с собою телегу, полную всякого добра, отнятого у духовных и светских господ. Тут были и съестные припасы, и весь домашний обиход, драгоценности и церковные колокола. Мюнцер принял благосклонно эйхсфельдерцев, сказал им проповедь и разделил между ними привезенную добычу. Они просили его вести их далее к Эйхсфельду; Мюнцер согласился и двинулся вперед чрез Гейлигенштадт. Здесь все горожане присягнули Евангелическому союзу; оттуда отправились к Дудерштату; жители этого города также были приведены к присяге. Мюнцер и здесь конфисковал имущества «Ваала и Нимврода», т. е. духовных и светских властителей, потом он двинулся далее. Между тем, Пфейффер действовал в то время в других местностях; он разрушил многие дворянские дома и поместия, разорил замки Шлотгейм, Биссинген, Альменгаузен, Зеебах, Арнсберг и другие. В Шлотгейме крестьяне не оставили в покое и его владелицу, которая в то время была больна после родов; они сбросили ее с постели и раскидали простыни и одеяла. Удачи подстрекали крестьян, счастие сделало их задорными. В Кейле они наварили себе целый полный котел рыбы, чтобы «хоть раз наесться ее досыта». С 30 апреля по 12 мая вся плодоносная долина от подошвы Гарца до впадения Унструтта в Заалу, от графств Грубенгаген, Гогенштейн и Штольберг до Фрейбурга «в силу священной войны присоединена была к братству», такой же участи подверглись монастыри Валькенрид, Ильфельд, Фолькероде, Балленштет, Нордгаузен, Зангергаузен, Кельбра, Михельштейн, Ильзенбург, Гиммельпфорте, Трубигк, Вассерлеер, Шовен со всеми своими капиталами и запасами; другие же, например, Гейзсбург, были преданы пламени. В графстве Мансфельд крестьяне ворвались в монастыри Зиттихенбах, Роде, Виммельбург и Эйслебен и сожгли кельи. Тайные подземелья и кельи, выстроенные на горе, где, по преданию, уже столько веков спит очарованный император Барбаросса, также озарились светом факелов, спугнувшим стаи поселившихся тут воронов; казалось, близок тот роковой час, когда проснется от заколдованного сна старый император, и все немцы, свободные, без различия званий и состояний, соберутся вокруг *одного* главы!

Но именно этого-то и боялись немецкие князья и господа; они всеми силами старались воспрепятствовать объединению Германии. Во главе всех их на этом поприще стоял ландграф Филипп Гессенский,

Двадцатилетний ландграф собрал в Альсфельде своих вассалов и отряды из принадлежавших ему городов, чтобы переговорить с ними по душе. В заключение своей беседы он спросил, может ли он на них положиться? Все руки единодушно поднялись вверх и все присутствующие поклялись быть верными ландграфу. Тогда Филипп бодро выступил против своих крестьян. На походе к нему явился герольд, посланный от граждан Герсфельда с поручением выхлопотать пропуск четырем советникам, избранным для ведения переговоров. Ландграф отказался от всяких сделок. Тогда город сдался и присягнул. Крестьяне отодвинулись к Фульде и выслали оттуда к ландграфу Даниэля Фишборна и других уполномоченных с предложением мира. Филипп отвечал решительно, чтобы крестьяне не надеялись ни на какую милость, пока не положат оружия и не представят обеспечения в своем будущем повиновении. Получив такой ответ, Христианское братство в Бухене начало стараться об увеличении своих сил. Главный начальник отряда Дольгопт, прежде часовой мастер, сделал ему смотр. При этом смотре присутствовали выборные от союзных городов и многие бухенские рыцари. «Что, каково мое войско?» — крикнул Дольгопт, проезжая мимо коадъютора Иоганна. Вскоре ландграф и Конрад Гесс, мербургский голова, овладели Расдорфом и Хюнфельдом. В Хюнфельд явился коадъютор, чтобы оправдать себя и просить покровительства для Бухенской области. На такую просьбу его никто не уполномочивал; он решился на это сам. Узнав о его отсутствии, крестьяне обвинили его в побеге и измене. Двенадцатилетнего брата своего, графа Поппо, Иоганн оставил в замке на Фульде, крестьяне напали на этот замок, разграбили его и искали везде молодого графа, чтобы повесить. Но один верный слуга спрятал его в погребе между бочками, и, несмотря на все поиски, граф не был найден. Слух, что коадъютор бежал в Кассель к ландграфу, встревожил крестьян. Они продолжали еще искать молодого графа. «Если бы мы его нашли, — говорили они, — мы верно помирились бы с ним». Три дня граф незамеченный высидел между бочками; а 3 мая Филипп уже стоял под Фрауенбергом.

Коадъютор не получил от ландграфа никаких положительных обещаний, Филипп посоветовал ему только не оправдывать ни себя, ни своих подданных, а лучше позаботиться об усмирении мятежа. Двенадцать тысяч золотом, обещанные графом фон Зольмс, смягчили, впрочем, прием, сделанный ландграфом коадъютору. Дорогой, во время похода на Фульду, они продолжали вести переговоры. Но, подъезжая к Фрауенбергу, они вдруг увидели крестьянский лагерь, расположенный по берегам реки. Это обстоятельство послужило не в пользу коадъютора; ландграф взбесился. «Бунтовщики поплатятся за это жизнью!» — вскричал он. Крестьяне, владевшие теперь Фра-

уенбергом, наскоро укрепили его и заняли город и замок. Однако, ландграф, у которого была порядочная артиллерия, вскоре овладел замком. Крестьяне спрятались в городе и монастыре и мужественно защищались. Но гессенская артиллерия, расположенная неподалеку от города, своим непрерывным огнем наносила такой вред домам горожан, что те сами отворили неприятелю ворота. Бо́льшая часть крестьян разбежалась; 1 500 человек скрылись во рву замка. Граф велел запереть их там на три дня, надеясь, что голод и жажда заставят сдаться крестьян. Вечером на третий день их выпустили, несчастные передрались из-за хлеба, который им, как собакам, с бранью и с насмешками бросали из кухни: «Ну, где же ваш черный крестьянин и ваш евангельский бог? Что же — они заступились за вас?» — издевались над ними. Пленных начальников Ганса Дольгопта, Генне Вильке, Иоганна Кугеля и проповедника крестьянского ландграф велел обезглавить; головы их посадили на колья и выставили при входе в замок; остальных крестьян полумертвых от голода, отпустили по домам[1].

Коадъютор был наказан тем, что с этих пор фульдский аббат и конвент, дворянство и вся страна на вечные времена делались подвластными гессенскому ландграфу, между тем как прежде ландграфы были ленниками аббатов; 4 000 золотых были наложены в виде контрибуции и 15 000 за военные издержки; с фульдерцев были взысканы тяжелые денежные пени; их скот был отобран. Все орудия фульдерцев перешли к ландграфу, который поспешил теперь с ними к Фаху и Фридевальду, овладев по дороге Шмалькальденом. Всюду при его приближении крестьяне поспешно отступали. Теперь он победоносно стоял между Франконией и Тюрингией.

Малодушно отказавшись от союза с фульдерцами и оставив, таким образом, без помощи своих братьев, верхнефранконцы вскоре и сами подверглись одинаковой с ними участи. Недостаток национального чувства, давнишний порок германцев, сказался и здесь: каждый считал себя швабом, франконцем или тюрингенцем, различали даже верхне- и нижнешвабов, верхне- и нижнефранконцев. Все они были чужды друг другу, все с недоверием смотрели один на другого.

В то время как крестьянское дело гибло в Бухене, 4 000 вооруженных инсургентов стояли в Обернельцбахе без всякого дела, глядя на ландграфское войско, а верхнефранконцы судили да рядили в Нейенштадте. Не мешая им свободно заниматься этою работою, ландграф быстро перешел через горы в Тюрингию, на помощь своим саксонским родственникам. У Эйзенаха к нему присоединился герцог Генрих Брауншвейгский, и город вскоре был взят. Двадцать четыре человека крестьян и бюргеров, в том числе и проповедник Павел, пали под

[1] *Луц*, рукопись у Роммеля; древняя рукопись у Шунка.

секирою палача на площади. Доктор Штраус также был взят в плен. В Лангензальце казнено было по приказанию герцога Георга 41 человек; 7000 гульденов взято было штрафа. Из Фаха войско двинулось было к Мюльгаузену, но ландграф повернул вскоре к Франкенгаузену.

Здесь, в городе, когда-то многолюдном, крестьяне стояли лагерем вместе с шварцбургцами и мансфельдцами. Они пробавлялись все время тем, что разбирали жалобы монахинь монастыря Кельбра на их пробста, да вели переговоры с графом Альбрехтом фон Мансфельд. Чтобы не допустить горцев своего графства присоединиться к крестьянскому ополчению, граф Альбрехт надавал им много заманчивых обещаний; он уверял, что, желая отвратить кровопролитие, хочет примирить их с их владельцами. Чтобы отвести глаза крестьянам, он пустился даже на такую штуку: отправился с небольшим отрядом конницы на Гарц, спрятал ее в горах, потом выгнал оттуда и обратил в беспорядочное бегство. Этим маневром граф заставил крестьян думать, что он разбил целый эскадрон неприятелей. Между тем, как агенты графа вели переговоры с крестьянами во Франкенгаузене, сам он напал и разбил их в Одерлебене и Пфиффеле. Но крестьяне все еще были ослеплены и доверяли ему. 12 мая в пятницу они даже пригласили его приехать на мост в Мартенриде для переговоров. Альбрехт не явился в назначенное время, а отложил до следующего воскресенья, зная, что к тому времени подойдут союзные князья. Иначе вел себя с крестьянами граф Эрнст фон Мансфельд, живший в Гельдрунгене; он открыто враждовал с ними; так что крестьяне, прося подкрепления у мюльгаузенцев, отзывались о нем так: «помогите нам против гельдрунгенского тирана». Сам Мюнцер двинулся туда с 300 телохранителей и немногими орудиями. Пфейффер не хотел присоединиться к нему, он преследовал только противников нового учения, староверов. Напрасно Мюнцер настаивал, напрасно уверял, что данное ему во сне откровение повелевало, чтобы по восхождении солнца выступил с ним и Пфейффер с мюльгаузенцами; страх подвергнуться одинаковой участи с Фульдою, Эйзенахом и другими городами удержал бюргеров. Мюнцер писал жителям Эрфурта: «Сам бог повелевает вам собраться и вооруженною силою восстать против безбожных тиранов». «В писании сказано, что сила дана будет простому народу. Откровение Даниила 18 и 19. Все тексты писания показывают, что всякая тварь должна быть свободна, когда будет водворено слово божие. Если вы желаете стоять за истину, присоединитесь к нам. Вам воздастся сторицею за ту помощь, которую вы окажете теперь бедному христианству». Также и в другие места писал он о поспешном присоединении. По приезде в Франкенгаузен, он сейчас же объяснил крестьянам, что граф Альбрехт их обманывает и что следует разорить гнездо этого коршуна. Мюнцер писал «брату

Альбрехту» так: «Бойся и трепещи всякий, творящий зло! Неужели ты думаешь, что господь бог не в силах спасти свой неразумный народ или что он пощадит в гневе своем тиранов? Или ты думаешь, что тираны угоднее богу, чем его народ? Познай же, что сам бог чрез пророка Даниила даровал силу народу. Явись перед нами, если хочешь, чтобы мы считали тебя своим братом; в противном случае с тобою будет поступлено, как с злейшим врагом христианства». Он писал также и брату Эрнсту: «Ты должен притти и покаяться пред нами в своих жестокостях. Если ты не смиришься пред малыми, ты будешь вырван, как сорная трава. Я вещаю тебе, что вечный, всемогущий бог даст нам силу низвергнуть тебя с престола; ты не творишь пользы христианству и, как вредная лоза, будешь уничтожен. Господь разорит вертеп твой и подобных тебе злодеев. Ты должен сегодня же дать ответ, или мы восстанем на тебя во имя божие. Мы творим то, что господь повелевает нам; делай же и ты то же. Вслед за этим письмом буду я сам».

Оба эти письма в торжественном, пророческом тоне были написаны Мюнцером еще в полдень пятницы; оба были подписаны: «Томас Мюнцер, препоясанный мечом Гедеона». Они обличали настроение его духа; это была не спокойная уверенность, но какое-то неестественное настроение, близкое к безумию. Видимо, он старался разжечь как в себе, так и в своих приверженцах какую-то искусственную ярость против врагов. Он не мог не видеть, что стоит на краю пропасти. Отряд, слабый даже против одного ландграфа, естественно, должен был оказаться совершенно бессильным против соединенных сил семи союзных государей. Непривыкшие к войне, плохо вооруженные крестьяне терпели еще недостаток в порохе; швейцарец, который должен был его поставлять, скрылся вместе с данными ему деньгами. Лицом к лицу с голою действительностью Мюнцер колебался; издали все казалось таким легким и удобоисполнимым. Не видав никогда ни одного сражения, он должен был теперь вести свой народ на бой против опытных в военном деле врагов. Новому Моисею не доставало Иисуса Навина, новому Магомету — Омара. И у великих героев кружилась голова перед первым сражением; знаменитые полководцы покидали поле первой битвы и проигрывали ее: только опыт дает уверенность и мудрость, поражения научают искусству побеждать других. Мы увидим сейчас, как распорядилась судьба в настоящем случае и дала ли она Мюнцеру и его народу время научиться одерживать победы.

На угрожающие призвания Мюнцера из всех окрестных селений стали собираться крестьяне в Франкенгаузенский лагерь. Женщины и дети провожали своих мужей, братьев и отцов по улицам города, «одни со вздохами и слезами, другие с ликованием и торжеством, смотря потому, страх или надежда

волновали их сердца». Из отдаленных мест собирались медленнее. Клеттенбергские и шварцвальдские крестьяне, вместо того чтобы спешить по зову в общий лагерь, останавливались грабить попадавшиеся на дороге монастыри и погосты; при этом они оказались настолько храбрыми, что раз были прогнаны со стыдом роем пчел, выпущенных на них догадливым священником. На крестьян, собравшихся в Зиттихенбахе и Остергаузене, напал граф Альбрехт с шестьюдесятью рейтарами. Зажегши ночью Остергаузен с четырех сторон, он убил 200 человек; другие частью были взяты в плен, частью пришли в Франкенгаузен, и, конечно, рассказы их не могли содействовать усилению мужества в лагере.

Соединенное войско ландграфа, герцогов Брауншвейгского и Саксонского, состояло из 2 600 конных, 6 000 пехотинцев и имело отличную артиллерию. Новый курфюрст саксонский Иоганн также должен был присоединиться с 800 конных и 2 400 пеших воинов. 15 мая союзники показались перед Франкенгаузеном. Произошла небольшая стычка, не принесшая вреда ни одной из неприятельских сторон. Ландграф немедленно хотел начать решительные действия, но так как его люди были изнурены, повел их на время в лагерь, чтобы освежиться. Мюнцер увидел это и, вообразив, что страх гонит неприятелей назад, пустил вслед удалявшимся рейтарам фальконетовое ядро, которым убит был молодой дворянин Матерн фон Гегофен, единственный сын престарелого отца.

Расположившись на возвышенности против Франкенгаузена, до сих пор носящей имя «горы битвы», Мюнцер окружил себя баррикадами из военных повозок и рвом, так что добраться до него, особенно для конницы, было довольно затруднительно, но его отряд состоял большею частью из людей робких; он не имел способного предводителя и никак не превышал 8 000 человек; к тому же в отряде царствовали несогласия: одни хотели сражаться, другие в то же время были расположены вести переговоры и желали заключить мир; а мирные предложения противников грозили Мюнцеру большой опасностью. По прибытии герцога Георга, ландграф отправил к крестьянам посольство с предложением выдать ему их предводителей, в таком случае Филипп обещал крестьянам свое заступничество. На это крестьяне отвечали ему так: «Мы признаем Иисуса Христа и пришли сюда не затем, чтобы проливать кровь, но затем, чтобы искать правды божией. Если князья согласны с нами в этом, то мы не намерены враждовать с ними». Опасность положения Мюнцера увеличивалась партией, желавшей мира. Главными сторонниками этой партии были дворяне, находившиеся в крестьянском лагере. Видя, что неприятель со всех сторон окружает их, что его орудия направлены на них, они отправили к князьям из среды своей трех посланных — графа Вольфгагена фон Штольберга, Каспара фон Рюкслебена

и Ганса фон Вертерна — для вторичных переговоров. Князья дали три часа на размышление и потребовали безусловной сдачи, прибавляя, впрочем, что крестьяне все-таки могут надеяться на помилование, если выдадут своего лжепророка Мюнцера с его приверженцами.

Посланные, принесшие этот ответ, вновь были отправлены к князьям ходатайствовать о помиловании всех, не исключая и Мюнцера. Князья задержали Штольберга и Рюкслебена, а через Вертерна объявили крестьянам, что они более не будут с ними спорить о Мюнцере, но если те не выдадут им его и не положат оружия, то в силу закона страны с ними поступлено будет, как с бунтовщиками.

В лагере явилось несогласие и смятение, обнаружена была измена, задуманная одним дворянином и священником. Участь дворянина Мюнцер отдал на решение всего войска, а священник был казнен. Со всею силой своего красноречия Мюнцер стал теперь увещевать поколебавшийся и робкий народ. Ему удалось подействовать на тех инсургентов, которые были всегда с ним, они понимали, что уже то отчаянное положение, в котором они находятся, заставляет их во что бы то ни стало вступить в бой. Зато как горько было Мюнцеру убедиться, что прочие крестьяне вовсе не приготовлены к великому дню, что нельзя вверять защиту свободы людям, которые не свободны внутри своей души.

Ему оставался только один исход: попытаться экзальтировать массу, возбудить в ней если не мужество, то, по крайней мере, ярость, чтобы хоть на один час, превратить забитых и малодушных рабов в храбрых и славных поборников свободы. Он говорил им о своем небесном посланничестве; говорил, что дело начато было по повелению божию; восставал против властителей, которых называл безбожными тиранами, в порочной роскоши сосущими кровь и пот бедняков; сам господь поведал ему, что спасет бедных и благочестивых и погубит нечестивых; князья слишком трусливы, для того чтобы вступить в открытый бой, говорил он, потому-то они и стараются посеять раздоры между крестьянами, вооружить их друг против друга. Гедеон, Ионафан и Давид с немногими избранными побивали тысячи. Он заключил свою речь так: «Не поддавайтесь наущениям немощной плоти, но нападайте мужественно на врага. Не бойтесь их орудий: скоро вы сами увидите, что вражеские пули не могут причинять вам вреда, я наловлю их полные пригоршни». Пока он говорил, на небе голубом и ясном вдруг показалась прекрасная радуга. Это было в полдень. Мюнцер принял это явление за особое предзнаменование; это казалось ему тем более верным, что и на его знамени изображена была радуга. «Видите, — вскричал он, — бог благоволит к нам, он посылает нам знамение на небеси. Он поможет нам наказать наших врагов. Бог не хочет, чтобы

мы помирились с нечестивцами. Идите же бесстрашно в бой, господь ниспошлет вам свою помощь!»[1]

Эта речь воспламенила многих, она заставила замолчать трусов, а приверженцы Мюнцера снова приобрели силу. Решено было не покоряться князьям. Когда Мюнцер спросил теперь у крестьян, что они намерены делать и выдадут ли они его князьям, все объявили, что мертвые или живые они останутся неразлучны. Итак, в бой, нет пощады кровопийцам, вскричали приверженцы Мюнцера. Весь отряд хором запел праздничную песнь: «Прииди дух святый, господь бог». Перед сражением хотели помолиться, еще оставалось несколько времени до истечения срока, назначенного неприятелем; но вдруг, в то время как они в «мирном спокойствии пели свои псалмы, неожиданно грянул залп из всех орудий неприятеля, и оторванные части туловищ разлетелись во все стороны»: князья не сдержали своего слова.

Во время переговоров неприятель окружил гору; ландграф Филипп объезжал свое войско и уговаривал его быть храбрым. Он знал, что граф Штольберг и другие дворяне находятся теперь вне власти крестьян. «Крестьяне верно готовятся к битве, — говорил он, — они вынуждают нас к защите. Нападем же на них храбро, сам чорт ослепил их. Они жалуются на правительство, но зачем же они молчат о наших попечениях и стараниях, сравнительно с которыми их подати и оброки совершенно ничтожны. Они клевещут на бога и на свое начальство и по справедливости должны понести за то наказание. Побивая их, вы исполняете волю всевышнего. Итак, вперед во имя божие!» Филипп двинул свое войско против баррикады; орудия его дали по крестьянам громовой залп. Множество инсургентов повалилось, другие пришли в сильное смущение. Некоторые из крестьян с надеждою обратили взоры на небо: они ждали, не явится ли оттуда сверхъестественная помощь. Но прежде чем к ним успели слететь легионы ангелов, баррикады были разрушены и многие крестьяне «безжалостно умерщвлены». Видя, что все его восемь орудий взяты, Мюнцер не препятствовал бегству своего войска. Некоторые бежали в Франкенгаузен, другие скрылись по ту сторону горы в ближайших лесах, только небольшая кучка, засевшая в расселине, с дикою отвагою защищалась до последней возможности. Беглецы, направившиеся к городу, собрались было защищаться, но отряд конницы, посланный ландграфом, загнал их

[1] Речь, из которой мы сделали общее извлечение, повидимому, произведение Меланхтона, тут нет и следа мюнцеровского приема. Это не более как перефразированные настоящие мысли мюнцеровской речи. Что же касается до схватывания неприятельских пуль, то враги Мюнцера, в том числе и Яков Веэ, рассказывают, что Мюнцер уверял крестьян, будто ружья и орудия неприятельские направятся на тех, кто из них будет стрелять, а им не нанесут никакого вреда. Зейдлер.

в Франкенгаузен; тут произошло ужасное кровопролитие. Пострадали не только крестьяне, но и церкви, монастыри и дома; ничто не было пощажено, все было разграблено и перебито; стоны и вопли слышались повсюду, речка, протекающая через город, была красна от крови. В поле и в городе было убито до 5 000 крестьян, а князья все еще не насытились кровью; без *суда* и *расправы* повелено было привести на площадь 300 пленных и казнить их. Между погибшими был один старый священник и капеллан. Когда горожанки Франкенгаузена отправились просить, чтобы освободили их мужей, взятых в плен, один рейтар обещал им исполнить их просьбу, если они убьют этих попов. Женщины убили несчастных палками. Когда рейтара потребовали к суду за такое самоволие, его никто не выдал[1]. Как ни просили женщины за своих мужей, все 300 пленных были казнены. На другой день были казнены городские чиновники; все трупы свезены были за город и погребены в общей могиле[2]. Многие бежавшие спаслись в горах, другие достигли Готы, Эйзенаха или эрфуртских селений[3]. Князья оценили голову Мюнцера.

Мюнцер тоже бежал в Франкенгаузен. Так как ландграфские рейтары жестоко преследовали скрывшихся туда крестьян, то он бросился в первый попавшийся ему дом у нордгаузенских ворот, переоделся, перевязал голову, чтобы более замаскировать себя и лег в постель. В этом самом доме по окончании резни намерен был расположиться люнебургский дворянин Отто фон Эббе; слуга его пришел осмотреть новое жилище и увидел лежащего в постели Мюнцера. На его вопрос, кто он, Мюнцер, представляясь очень слабым, отвечал, что он болен и давно уже лежит в лихорадке. Рейтар, искавший себе поживы, стал осматривать мюнцерову одежду и нашел в кармане письмо графа Альбрехта к крестьянам; это письмо выдало Мюнцера. Отто фон Эббе повел его к князьям. Те встретили его вопросом, зачем он развращал бедный народ и допустил такое кровопролитие. Мюнцер тотчас оправился: он стал говорить о духе, наставлявшем его с ранней юности, — духе, который приказал ему жертвовать отдельными личностями ради великого дела, для спасения всего человечества. «Ведь жертвовали же ими князья ради своего эгоизма, причуды и потехи. Этот дух нисходит на меня и поддерживает меня, —

[1] Рукопись эрфуртской хроники рассказывает несколько иначе: «Ландграф и герцог Георг выдали проповедника с капелланом женщинам Франкенгаузена, обещая освободить их мужей, если они убьют их. Женщины так исколотили проповедника и капеллана, что головы их стали похожи на пареные кочни, а мозги облепили палки. Князья видели все это и отпустили женщинам их мужей».

[2] По некоторым источникам известно о 7 423 убитых. Мюнцер насчитывает 4 000, герцог Георг — 5 000.

[3] Письмо ландграфа курфюрсту Иоганну от 8 декабря.

говорил Мюнцер. — Наказать тиранов требовала сама справедливость, они были врагами евангелия, врагами христианской свободы, на них следовало надеть узду и удила. Отчего при этом пострадали крестьяне, он не знает, но, должно быть, господа сами того пожелали». На его речь молодой ландграф, основываясь на учении Лютера, стал излагать реформатору, голосу которого внимали тысячи людей, обязанности каждого подданного в отношении правительства. Гордый Томас не удостоил никаким ответом подобную попытку; молодой ландграф принял это молчание за согласие и гордился победою, одержанною в диспуте; так мало понимал он чувство гордого убеждения. Князья приговорили Мюнцера к пытке — им любы были его мучения и стоны. «Верю, Томас, тебе тяжело, — говорил ему герцог Георг, — но, подумай, каково было тем людям, которые сегодня были казнены по твоей милости». «Нет, — отвечал Мюнцер, — не я, а вы того захотели». Пытка не вырвала у него никаких важных признаний: о казни дворянина он говорил, что она совершена была на основании военного права и по решению всей общины. Князья приковали Мюнцера к телеге и отправили, как военный приз, к жестокому графу Эрнсту фон Мансфельду, тому самому, которому он еще недавно писал: «Я буду вслед за письмом». В Гельдрунгене «сильно изнеможенного его посадили на несколько дней в башню, а потом подвергли мучительной пытке, после которой в горячечном состоянии он выпил двенадцать кружек воды». Герцог Георг и графы присутствовали при пытке, которая хотя и вынудила признания, но самые отрывочные, объяснявшие только половину его дела и его сношений; он сказал имена своих сообщников в Альтштете, Мансфельде, Мюльгаузене, Ашерслебене, Виммельбурге, Вольфероде и других местах, но, повидимому, он назвал людей, уже не *существовавших,* по крайней мере, имена их не встречаются между казненными.

Из глубокого подземелья в Гельдрунгене писал он в Мюльгаузен к своим сообщникам, убеждая их ходатайствовать у князей о пощаде города. Несчастие, писал он, постигшее их предприятие, есть следствие не раз выказанного ими своекорыстия. Он сердечно доволен, что провидению угодно было избрать его очистительною жертвою за безумие и грехи других. Дела божии не должно судить поверхностно, поэтому смерть его не должна возмущать никого, пусть она служит к просвещению неразумных. Он хотел искоренить злоупотребления и улучшить состояние народа, но неразумие и своекорыстие, помрачившие правду божию, испортили начатое им дело. «Теперь, — заключал он, — прощаясь с вами и отрешаясь от всего земного и житейского, я прошу вас отказаться пока от всякого покушения к восстанию, чтобы не проливать невинной крови». Также несколько раз просил он о своей жене, чтобы заступи-

лись за нее, не мстили бы ей и не отнимали от нее небольшого имения, которым она владела[1].

Этот сильный и стремительный дух, как видно, теперь совершенно покорился обстоятельствам и уже не ожидал ничего от настоящего. С горестью сознавая, как слепота и самолюбие других сокрушили его великие замыслы, он еще не терял надежды на счастие народа в будущем; его не покидала, хотя он и не договаривает этого, несокрушимая вера в успех великого дела: «справедливость» и «необходимость этого дела» беспрестанно встречаются в его письмах. А между тем, по всему свету разгласили, что Мюнцер отрекся от своих заблуждений и, раскаявшись, как бедный грешник, обратился к римской церкви[2].

Следя за ходом событий, всюду убеждаемся, насколько прав был Мюнцер, обвиняя крестьян в том, что они заботятся о собственной, личной, а не об общей пользе. Вместо того чтобы соединиться и крепко стоять друг за друга, целые тысячи, усмиренные то ласковыми, то грозными письмами своего милостивого господина курфюрста[3], стояли лагерем в Тюрингене и не шевельнули пальцем, чтобы спасти своих братьев: шварцвальдцы и клеттенбергцы были близко. Когда проиграна была битва под Франкенгаузеном, вечером 14 мая они пировали на мызе Флариксмюле; в Герингене до них дошла весть о поражении и заставила их в беспорядке разбрестись по своим деревням[4].

Из Мюльгаузена 19 мая писали верхнефранконцам, что князья при Франкенгаузене напали на христианское воинство «во время перемирия» и что неприятели замышляют теперь направиться на Мюльгаузен и Франконию. Потому мюльгаузенцы во имя бога и справедливости просили немедленно дать им помощь.

Если бы верхнефранконцы бросились с своею артиллериею за ландграфом, который был в горах при Эйзенахе, они легко могли бы разбить его. Даже и теперь, если бы они по зову мюльгаузенцев, не теряя времени, собрали небольшие отряды, рассеянные между верхним Рейном и Тюрингенскими горами, и заняли проходы выше Эйзенаха, дело пошло бы иначе, так как конница и тяжелые орудия князя, столь вредные крестьянам на открытом месте, не могли быть употребляемы против них в горах. Но верхнефранконцы поступили с мюльгаузенскими братьями так же, как поступили при Фульде и Франкенгаузене: они оставили их без всякой помощи. И тут

[1] А виттенбергцы и их адепты бессовестно распустили ложь, что Мюнцер обогатился, присваивая одному себе добычу с монастырей.

[2] Подобную ложь заключает письмо доктора Ругеля от 21 мая к Лютеру, Зекендорф, II, 13.

[3] *Спалатин*, История Саксонии.

[4] *Экстром*, Хроника Валькенрида.

себялюбие и своекорыстие повредили народному делу. Было гораздо приятнее и спокойнее грабить небольшие замки по Майну и вдоволь наливаться вином, чем итти в тюрингенские ущелья и преследовать там неприятеля. Вместо Тюрингена они двинулись в Бамбергскую область и назначили в Швейнфурте общий франконский ландтаг, как будто было время собирать ландтаги, когда отряды один за другим терпели поражения от неприятеля. 23 мая из Мюльгаузена отправили второе письмо: «Если мы падем, то и вам не сдобровать. Помогите нам, будьте смелы и мужественны и бог постоит за нас». После долгих колебаний верхнефранконцы решились послать в Мюльгаузен только несколько рот, остальные были заняты распрями из-за своих проповедников, да спорами о правильном толковании библии; явились раздоры; лагерь разделился на партии; старшина отряда Генрих Крумпфус, золотых дел мастер из Ремгильда, человек влиятельный, под предлогом болезни отказался от своей должности; его место занял писарь из Кенигсгофена, Ганс Мартелл. Несогласие и недоверие дошли до того, что главного предводителя Шнабеля начали подозревать в тайных сношениях с графом фон Геннеберг. Пока они, как старые бабы, проводили время в дрязгах, надежное убежище народного восстания, сильный Мюльгаузен был взят[1].

Из Франкенгаузена княжеское войско отправилось в Зеебах, чтобы восстановить там права свергнутого Ганса фон Ферлепш. Возвращенному владетелю подарили 20 человек пленных крестьян, и на них-то он выместил все причиненные ему неприятности. В Шлотгейме войско расположилось лагерем. Здесь один отважный крестьянский начальник, оружейник, попытался возбудить народную энергию; он задумал напасть ночью на орудия ландграфа и взять их. Но народ лишился всякого мужества, и оружейнику не удалась его попытка. В Шлотгейме к союзникам присоединились курфюрст Иоганн с сыном, а вслед за ними Филипп и Отто Брауншвейгские. Вечером 19 мая Мюльгаузен был осажден с трех сторон. Предместья города были сожжены. В городе находилось тогда 1 200 вооруженных бюргеров под командою Пфейффера, и он был хорошо снабжен съестными припасами; несмотря на это, по получении первого же княжеского письма, обещавшего амнистию невинным, в случае выдачи зачинщиков мятежа, часть горожан изъявила желание вступить в переговоры. Вскоре неприятели пробили брешь в стене и начали штурм. Пфейффер сопротивлялся, как мог, и от хорошо направленных выстрелов его сподвижников пали многие в княжеском войске. Но поджидаемая помощь не подходила, партия, «желавшая лучше повинною головою приобрести княжескую милость, чем

[1] Рукопись Фризе.

через немилость подвергать жизнь, имущество и весь город опасности», одержала верх и вступила в переговоры с курфюрстом Саксонским. Видя, что все потеряно, Пфейффер бежал тайно из города в ночь на 24 мая с 400 приверженцев и некоторыми другими, надеясь пробраться к верхнефранконцам. Бегство это очень поразило бюргеров, так как у них выскользнуло из рук главное условие их помилования. На следующий же день, это было в вознесенье 26 мая, мюльгаузенцы отправили в княжеский лагерь 600 женщин в разорванных платьях, босых и с развевающимися волосами и 500 девушек с полынными венками на головах просить помилования городу, опираясь на собственное письмо князей, в котором обещалась пощада, если город раскается. Фрау *Фибих* поручено было вести речь. Князья угостили их хлебом и сыром, возобновили свое обещание о помиловании и приказали, чтобы сами граждане пришли в лагерь. Граждане явились с непокрытыми головами, босые, с белыми посохами в руках; преклонив трижды колени перед князьями, они предложили им ключи от городских ворот. Но лишь только союзное войско вошло в «еретическое гнездо», князья потребовали выдачи оружия. Они отменили вечный совет, поставили прежний, казнили бургомистра Себастиана Кюненмунда и с ним многих бюргеров «без всякого суда и расправы, точно нечаянно или из личной ненависти». Городские укрепления были сравнены с землею; на древний имперский город наложена ежегодная подать по 300 гульденов каждому из князей. Кроме того, город должен был дать удовлетворение эйхсфельдскому и шварцбургскому дворянству; все вооружение, лошади и сокровища из городского казначейства были забраны; город откупился от совершенного разорения только 40 000 гульденов контрибуции. В княжеском лагере под Мюльгаузеном один рыцарь публично, став на колени, просил молодую, несчастную беременную жену Мюнцера сделаться его любовницей. Сам Лютер сказал тогда, что он «опасался того и другого исхода дела»: если крестьяне станут господствовать, говорил он, сам дьявол будет аббатом, если же подобные тираны останутся победителями, ведьма сделается аббатиссой.

Князья были вполне уверены, что Пфейффер намерен присоединиться к франконским крестьянам, потому они послали в погоню за ним к Тюрингенскому лесу рыцаря Вольфа фон Энде с отрядом конницы. В округе Эйзенаха его нагнали; произошла отчаянная схватка. Часть крестьян пала в битве, часть скрылась в лесу; раненый Пфейффер был взят в плен с 92 приверженцами и, связанный, привезен в Мюльгаузенский лагерь. Его сейчас же казнили вместе с другими пленными. Он умер безмолвно, отказавшись от исповеди и причастия, без страха и раскаяния, как воин, с презрением к смерти; последний взгляд его был упорно устремлен на вра-

гов. *Мюнцера* также вытащили из глубокого гельдрунгского подземелья и привезли в лагерь под Мюльгаузеном для совершения казни. Когда он был приведен на место казни, князья подошли к нему и герцог Георг стал уговаривать реформатора покаяться. «Покайся, Томас, — восклицал он, — покайся в том, что ты отрекся от своего ордена, сбросил монашескую одежду и женился». Но молодой ландграф перебил его. «Не в этом кайся, Мюнцер, а в том, что ты возмутил народ; возложи надежду на бога, он милосерд и простит тебя, ведь отдал же он на смерть за тебя сына своего».

Тогда мученик, силу духа которого не могли сломить ни ужаснейшие пытки, ни заточение, ни даже близость самой смерти, стал громко и ясно говорить своим мучителям. Он сознался, что начал дело *слишком великое, несоразмерное* со своими силами [1]; потом, обратясь к князьям увещевал, просил, предостерегал их не поступать так жестоко с бедными людьми, их подданными, чтобы не навлечь на себя вторично подобного несчастия. Он советовал им чаще читать священное писание, книги Самуила и царей, чтобы иметь всегда перед глазами примеры, каков бывал конец подобных им тиранов.

После этой речи Мюнцер смолк и ждал смертного удара. Преступники обыкновенно читали перед смертию «верую»; герцог Генрих Брауншвейгский вообразил, что человек с понятиями и убеждениями Мюнцера подчинится этому обычаю, он думал, что только страх смерти сковал его язык; так как Мюнцер безмолствовал, то герцог прочел за него молитву; по окончании ее голова Мюнцера пала. Туловище его было тут же насажено на кол, а голова выставлена на дороге в Шадеберг. Голова Пфейффера была выставлена в ущельи по дороге в Больштет, где еще долго спустя можно было ее видеть.

Так погиб этот смелый и сильный, но еще недостигший полной зрелости ум; его ранняя смерть много повредила германскому народу. Лютер, верно понимавший замыслы Мюнцера и приписавший «упорству и скрытности его нежелание раскаяться», не мог скрыть своего злорадства при вести об участи, постигшей в Гельдрунгене его соперника. Он забыл, что подобная смерть не пятнает личности в глазах мыслящих людей, что история рисует нам многих честных людей, возве-

[1] «Majora iusto» слишком велико, безмерно велико, пишет Меланхтон коммерарию. Позже слова эти перевели так: «Мюнцер сознал свою несправедливость». Однако ни в одной древней летописи не говорится, чтобы Мюнцер малодушно встретил смерть. Один Меланхтон обвиняет его в этом, но тут же сам прибавляет, что Мюнцер говорил выше написанную речь. Подобные противоречия показывают пристрастие его приговора. Всякий знает, что лихорадка, произведенная ранами, сопровождается сильною жаждою; если Мюнцер пил много воды, то пил от жажды, которая была возбуждена пыткой, а не от страха смерти, как то пустомелют виттенбергцы.

денных на эшафот, что жизненный поток нового времени сложился из крови, пролитой на лобном месте.

Мюнцер, превосходивший Лютера в понимании политических и даже отчасти религиозных идей, менее кровожадный деспот, чем Кальвин, хотя и разделявший с ним убеждение, что ради бога и дела можно жертвовать людьми, пал жертвою обстоятельств и своего заблуждения. В своих отношениях к государям он был выше всякого самообольщения; Лютер же должен был впоследствии сознаться, что жестоко обманулся в них. Мюнцер заблуждался, ошибался в своих надеждах на народ. По идеям он опередил свое время, а по стремлениям и действиям далеко опередил народ. Современный ему строй общественной жизни, противоречивший, по его мнению, духу христианства, был настолько прочен, что разрушить его могло только постоянное сильное одушевление народа, но дух христианства был еще не настолько силен, чтобы произвести подобное одушевление в народе и разрушить все узы, сковывавшие его.

Увлекаясь своей идеей, Мюнцер мерил народ ложным масштабом, он заблуждался, надеясь на зрелость и силу народа, заблуждался, пока явный эгоизм массы не открыл ему глаза. И он погиб жертвой этого эгоизма, жертвою незрелости и бессилия века, который с радостью слышал, что явился человек спасти его от духовной и от телесной смерти, что рабство и крепостничество та же смерть, но который был до того расслабен этим рабством, что был уже не в силах осуществить свои стремления, достичь своей цели. Мюнцер родился не во-время. В то время как другие еще только смутно сознавали неестественность своего положения, он вполне понял его ложность и начал истинную жизнь; он чувствовал, мыслил и действовал в пользу своего народа; но как мы уже заметили, единичная деятельность была недостаточна: основание народного благополучия закладывал *один* Мюнцер, а над разрушением его трудились многие. Дух будущего увлекал его вперед; будущее должно и судить его. Когда семя, брошенное Мюнцером и орошенное его собственною кровию, даст плоды, тогда будет признана истинность многих его слов и мыслей, гонимых и отвергнутых его современниками, а он сам будет возвеличен как орудие высшей силы, как это не раз случалось с творцами революции политической, религиозной и научной. Историк, который пожелает безусловно увенчать могилу Томаса Мюнцера, должен ожидать много возражений. Но, по учению Христа, следует взвешивать не одни действия людские, но и их помыслы и желания; так должна поступать и история: тогда между волчцами и терниями, которыми клевета окружила могилу реформатора, появятся свежие лавровые ветви.

Спустя много времени после смерти Мюнцера, его учение имело в Тюрингии много тайных, юных приверженцев, они

чтили Мюнцера как святого, богобоязненного мужа и пылкость его посланий оправдывали рвением угодить богу[1].

И до сих пор идеи Мюнцера не погибли, они живут в хижине поселянина, посещают мыслителя в полуночный час, звучат в устах справедливого заступника народа. Могущественнее, чем его «рунический меч» в Дрездене, останутся проповеданные им принципы[2].

Между противниками Мюнцера были люди умные и ученые, они не признавали в нем умственных способностей и считали его за тщеславного глупца, который, обманывая других, прежде всех обманывает самого себя и замыслы которого не более, как бредни сумасшедшего.

Но великие стремления его только близоруким могли казаться пустыми мечтами. Планы Мюнцера, стремившегося пересоздать церковь и государство, были плодами гения, задачею всей жизни которого было довести идею свою до общественного сознания, сделать ее понятною, доступною человечеству и господствующею идеею своего времени. Для достижения этой цели Мюнцер жертвовал всем, даже жизнью: этого самоотвержения и не могли понять обыденные люди, узость взглядов которых мешала им добраться до истины. Некоторые из идей Мюнцера приведены в исполнение, и этим положено основание счастью народа и величию страны.

Кто способен мыслить и проверять свои ощущения, тот не станет спорить, что Европа многим обязана Мюнцеру: он первый сознал необходимость тех государственных преобразований, которые вообще приписывают духу христианства. Впоследствии его идеи нашли пропагандистов, которые привили их к жизни общественной и таким образом преобразовали государство.

Еще и теперь всякое движение, религиозное или политическое, бродящее в обществе, опирается на идеи Мюнцера как на свою исходную точку; время очистило некоторые из них, другие же не достигли еще зрелости и потому кажутся нам скорее заблуждением, нежели истиной.

Уже один этот факт и то влияние, которое оказывали идеи Мюнцера, несмотря на постоянные нападки, всюду свидетельствуют, что этот смелый боец был, по крайней мере, человек недюжинный[3].

Именно потому, что он слишком опередил свое время, оно и не познало его. «В нем, как в зеркале, отразилось все, что

[1] *Себастиан Франк.*

[2] Источники к истории падения Мюнцера: целый ряд старинных тюрингенских хроник; «История Мюнцера» написанная Меланхтоном; рукописи у Шунка, Луца; Сочинения Лютера. Выписки из Мюльгаузенского архива.

[3] Св. Лев признает за ним это, евангельская церковная летопись, 30, 1856 г. Сочинение его погрешает иногда незнанием фактов, следовательно, недостатком истины.

позднейшие времена должны были привести в исполнение, поэтому только новейшее время сняло с памяти его те насмешки и поругания, которыми наградили его современники; только потомство по достоинству оценило его»[1].

Мюнцер был человек необыкновенный, но его нельзя назвать великой «личностью, в которой выразились стремления последующих времен». Если бы рядом с своими многосторонними способностями, своим живым, человечным и глубоким чувством, справедливостью, поэтическою эксцентричностью и влиянием на массы он соединял в себе и такие качества, которые могли бы реализовать его идеалы, тогда, вероятно, в новейшее время Мюнцер стяжал бы себе название великого деятеля и преобразователя.

То, чего недоставало ему самому, он не мог передать и другим. Большая часть его приверженцев были сильны в молитве, в пении, в проклятиях, расточаемых против князей, попов и неравенства между людьми, умели грабить и делить добычу, но сражаться, поддерживать военный порядок — об этом никто не заботился; особенно никто не был способен благоразумно взвешивать средства и действовать сообразно обстоятельствам. Эти ранние германские революционеры, сподвижники Мюнцера, походили во многом на позднейших своих последователей; только в мечтах стремились они осуществить свои идеалы и ждали осуществления их не от себя, не от собственной силы и деятельности, а откуда-то извне, от благоприятных событий и случая. Недостаток практических сведений, повредивший людям движения во время Мюнцера, позже был вполне вознагражден в английской революции Кромвелем и его пуританами. Эти также молились, пели свои псалмы, верили и ждали вдохновения свыше. Кромвель молился и говорил проповеди, но при этом и он и его сподвижники обладали несокрушимой силой и усердием, упражнялись в военном искусстве, подчинялись военным уставам и сохраняли солдатскую отвагу; они были воины божии, в полном смысле слова, как некогда Маккавеи. Мюнцер же, как сам он говорил, во всю жизнь свою никогда не был воином. Кромвель также не был солдатом, но это не мешало ему обладать военным смыслом, который сделал из него прекрасного предводителя; не один энтузиазм делал его сильным, он имел железный кулак и взор, глядевший прямо на дело, как того требовала действительность; Мюнцер же был недостаточно практичен, чтобы смотреть в глаза действительности, и потому опасность всегда застигала его врасплох. Войско свое он не в состоянии был содержать в дисциплине; люди его делали, что хотели, и он не мог обуздать своеволие массы.

Ни Мюнцер, ни Пфейффер не были жестоки и корыстолюбивы. Оба, как свидетельствуют летописи, умерли в бедности.

[1] *Трейче.* Всеобщий исторический архив.

Пока они стояли в Мюльгаузене, не было пролито ни капли крови.

Во все времена реакция бывала всегда ужаснее самой революции; и если Мюнцера обвиняют, впрочем не совсем справедливо, в некоторых казнях, то это мщение было только каплею крови сравнительно с тем кровавым морем, которое проливали князья.

Все тяжелые денежные налоги за военные издержки, за право гражданства выпали на долю богатейших граждан Мюльгаузена, которые вообще были противниками движения. Только синдик фон Оттера взыскан был княжескою милостью: его сделали княжеским управителем города и окрестных селений.

Герцог Георг Саксонский, исповедовавший старую веру, взял на себя обязанность протектора города на первый год. Городской совет, как и прежде, был составлен из представителей старых дворянских родов города, и состав его ежегодно сменялся заранее назначаемыми кандидатами; новый состав совета избирался выслужившим свой срок магистратом. В городе строже, чем прежде, все было подчинено старому порядку в строго католическом духе. Единственною заботою этого католического князя было уничтожить в городе всякое светское начальство и самоуправление; в его глазах, а равно и по мнению баварских князей и канцлера Экка, лютеранство и крестьянская война были однозначащи; как то, так и другая должны были быть вырваны с корнем.

С потерею своих старинных прав, город неминуемо должен был потерять и свое благосостояние, а, между тем, на нем теперь лежали не только прежние повинности, несомые каждым имперским городом, но и новые налоги победителей и всего окрестного дворянства. Эта крайняя нужда в деньгах вооружила новый магистрат против всех принимавших участие в обеих революциях как виновников настоящего стеснительного положения города.

Правительство, созданное герцогом мечом, пытками и фискальством, домогалось требуемого; магистрат также помогал ему своею властью. Все имения лиц, бывших в отсутствии во время вступления князей в город, были конфискованы, и вообще с ними поступлено, как с мятежниками; многие последователи учения Лютера были преданы проклятию, несмотря на то, что курфюрст Саксонский и ландграф Гессенский открыто признали это новое учение.

Но и эти новые протекторы города не оказали никакой защиты своим единоверцам и оставили евангелический Мюльгаузен во власти закоренелого католика. Теперь могло благоденствовать только городское дворянство, покровительствуемое герцогом и магистратом.

Как ни жестоки были меры, предпринимаемые против последователей нового учения, магистрат не решился, однако, кон-

фисковать все их имущество. Но все, принимавшие *личное* участие в движении, поплатились своею безопасностью и всем достоянием; продажею этого имения так поспешили, что небольшие дома были оценены в два гульдена; было условлено, чтобы их не покупал никто, несмотря на их низкую оценку[1].

ГЛАВА ПЯТАЯ

Верхнефранконцы расходятся

Появление союзного войска почти всюду ознаменовывалось кровопролитием: 26 человек казнены были в лагере под Гермаром, 20 в Тунгеда и 30 в Обермаркте. 31 мая союзное войско разделилось. Ландграф отправился в свои владения. Брауншвейгцы двинулись к Эйхефельду, наложив на него, Гейлигштадт и Дудерштадт тяжелую контрибуцию; они лишили город многих льгот, однако, никто не был казнен. В Эрфурте, где все еще расположен был сильный отряд, магистрат при приближении княжеского войска сам захватил и казнил четырех его начальников; это заставило других рассеяться; в числе прочих бежали и знаменитые предводители Фенер и Дингер[2]. Герцог Георг Саксонский все еще продолжал казни: в Лангезальце пали 41 человек на площади, с города взято было 7000 гульденов пени; в Зангергаузене погибло 12 человек. В Лейпциге герцог казнил 8 приверженцев Мюнцера, 15 других граждан были подвергнуты телесному наказанию и изгнаны из города[3]. На другой день вечером Георг потребовал к себе членов магистрата и через своего канцлера объявил им, что кроме подвергнутых наказанию в его списке еще значатся человек 300; он не хочет лишать их жизни, но за сношения с мятежниками они должны быть наказаны заключением. Тут же он сослал на вечное заточение к епископу Мерзебургскому нескольких магистров Лейпцигского университета, подозреваемых в принятии нового учения; двое бюргеров, обвиняемых в том же, были казнены на площади[4].

Всюду герцог взимал большие контрибуции. Курфюрст Иоганн повел войско свое через Эйзенах к Мейнингену, чтобы оттуда достичь Кобурга, где собиралось теперь бежавшее из Вюрцбургского епископства дворянство; «взошло солнце и высушило смокшие перья этих певчих птиц, и они вспорх-

[1] *Ф. Стефан*, из Мюльгаузенского архива.
[2] Эрфуртская городская хроника, рукопись.
[3] *Гундорф*, Исторический календарь.
[4] *Шнейдерс*, Лейпцигская хроника, стр. 179.

нули», — говорит рукопись. К этим дворянам не замедлил присоединиться и старый Геннебергер. Понимая, откуда теперь дует ветер, он, нисколько не стесняясь своими обязательствами относительно крестьян, вступил в союз с своим ленным господином епископом Конрадом. Верхнефранконцы, по призыву мейнингенцев, двинулись в числе 7000 на помощь городу. Впереди отряда был отправлен обоз с съестными припасами. При Дрейсигагере на этот обоз напал граф Вильгельм, а вслед затем отряд, поспешивший на помощь своему обозу, был атакован и потерпел значительный урон от подоспевшего войска курфюрста. Крестьяне отступили к Мейнингену, потеряв еще несколько орудий. Шнабель, главный начальник отряда, хотел ночью отступить с своим войском и сдать Мейнинген. Желая обсудить это решение на общем совете, он послал своего бейтмейстера Гефнера созвать сходку. Тот был захвачен по дороге неприятелем и выпущен только под условием склонить своих положить оружие. Явившись в город, Гефнер так напугал бюргеров, что решено было немедленно отправить депутацию к курфюрсту и просить его покровительства. В числе этой депутации находились многие крестьянские уполномоченные, в том числе и канцлер отряда Михель Шримпфс. Шнабель, видя, что дело потеряно, и опасаясь за собственную жизнь, решился бежать, но был схвачен мейнингенцами, выдан курфюрсту. Тот отправил его к Геннебергеру. В лагере наступила полная рознь: каждый думал только о себе. Крестьяне спешили по домам, это было не правильное отступление, а беспорядочное бегство. Теперь они во всем должны были положиться на милость курфюрста.

Курфюрст направился в свои владения. Там, в Эйзенахе и Готе, несколько смелых людей делали попытки раздуть потухавшее восстание, но с приходом курфюрста погасли и последние его искры. Хотя курфюрсту не могло быть не известно, что восстание было поднято только против духовных и дворян и крестьяне не касались прав верховной власти, однако всюду результатом его усмирения явились огромные контрибуции и лишение или органичение прав и вольностей. Многие были казнены и лишены свободы.

Мелкие властители брали пример с больших. Гогенштейнские графы забыли клятвы, которыми они связали себя с Христианским братством; они схватили и казнили возвратившихся домой народных предводителей. «Какого наказания заслуживают бунтовщики?», — спросил граф собравшихся дворян. Беренд фон Теттенборн, у которого крестьяне убили сына и опустошили имение, отвечал: «Каждый дворянин поступит справедливо, если заколет по девяти негодяев своим охотничьим копьем». Другие дворяне предложили загнать крестьян в пруд и потопить там. «Милостивый государь, — возразил на это Балтазар фон Зундгаузен, городской начальник Нордгаузе-

на, — справедливо, что эта презренная толпа заслуживает смерти; но если они все умрут, кто же будет служить вам и обрабатывать ваши земли, не говоря уже о вдовах и сиротах, которые останутся нищими и придадут такой печальный вид всему шварцбургскому графству? Поэтому я предлагаю, чтобы каждый, смотря по состоянию, был наказан денежным штрафом». «Зундгаузен, — сказал граф Эрнст, — ты говоришь, как честный человек, я принимаю твой совет!» Итак, крестьяне подверглись денежной контрибуции не свыше четырех гульденов каждый. Дворянство, однако, осталось недовольно Зундгаузеном, державшим сторону крестьян, так что граф Эрнст нашел нужным дать ему конвой рейтаров, чтобы он мог безопасно добраться до Нордгаузена [1].

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Осада Фрауенберга

В Верхней и Нижней Швабии, в Эльзасе, в Бухене, в Тюрингии и Саксонии все народные отряды были рассеяны; только большое главное крестьянское войско под Вюрцбургом еще держалось.

Когда Георг Мецлер и Гец фон Берлихинген потребовали принятия 12 статей, из Фрауенберга отправили посла к епископу. Тот отвечал, что он надеется на обещанную помощь пфальцграфа, поэтому пусть гарнизон возобновит сношения с оденвальдцами и объявит им, что епископ поступит с своими подданными так же, как и другие князья. В крайнем случае можно согласиться и на 12 статей. 9 мая декан фон Гутенберг и другие каноники и рыцари объявили, что они согласны на 12 статей и что Конрад также, по всей вероятности, согласится, но нужно время, чтобы его уговорить. Они объявили также, что епископ не будет противиться и всем предполагаемым реформам, если они состоятся.

Крестьянский совет составляли тогда члены по пяти от каждого отряда; каждые две недели состав его изменялся. Общие собрания совета заседали в новомюнстерской думе; в продолжение всего заседания на лестнице стояла вооруженная стража. Кроме этого общего совета начальники и советники каждого отряда имели еще отдельные совещания. Составленный на собраниях договор Гец и Мецлер предъявили общему сходу. Крестьяне, казалось, остались довольны им. Но

[1] *Ф. Pop*, Географически-исторические достопримечательности Верхнего Гарца; *Ecstrom*, Chronicon Walkenried.

тогда выступил Флориан Гейер. «Время настало, — сказал он, — секира лежит у корня дерева; дело начато справедливо и должно быть окончено. Неужели мы должны препятствовать его окончанию и удерживать секиру?» Он хотел склонить крестьян требовать немедленной сдачи крепости. Яков Кель и крестьянский советник Бернгард Бубенлебен, священник из Мергентгейма, предлагали, чтобы Фрауенберг с остальными замками епископства и всеми в них находившимися запасами и вооружением был сдан крестьянам, чтобы духовенство сообща дало за себя достаточный выкуп; только на этих условиях гарнизону будет дан свободный пропуск; время и обстоятельства укажут затем, следует ли разрушить Фрауенберг или нет. Посланные объявили, что они не уполномочены согласиться на сдачу крепости; этим переговоры были прекращены.

11 мая соборный пробст лично со свитою явился для вторичных переговоров с прежними же предложениями. Гец фон Берлихинген и Мецлер очень настаивали на их принятии. Гец, жаждавший отомстить своим давнишним врагам — епископу Бамбергскому и нюренбергцам, — старался объяснить крестьянам, что они не принесут никакой пользы своему делу, если вместо того чтобы идти далее продолжать начатое и защищать своих братьев, будут терять время, осаждая Фрауенберг. Бесспорно, говорил он, что для успеха дела весьма важно овладеть Нюренбергом: его выгодное положение и огромные средства принесут огромную пользу крестьянам. Но подданные епископа требовали, чтобы замок был разорен, а город сделан вольным имперским городом.

Флориан, последовательно верный 12 статьям, также настаивал на разорении как этого замка, так и прочих. Братья не так нуждаются в их помощи, а князей нечего опасаться, говорил он, время им прошло. Он надеялся, что с хорошими орудиями графа Вертгейма крестьяне легко овладеют замком. Его мнение восторжествовало. В тот же день получено было письмо от пфальцграфа, предлагавшего свое посредничество; но крестьяне отвергли его. 12 мая начались приготовления к штурму, и город и Евангелическое братство Вюрцбурга снова потребовали сдачи замка. Но гарнизон не соглашался на это без епископа. Для переговоров отправились граф Георг Вертгейм, Эбергард Рюд и Ганс Гарттейм. В замке долго не хотели верить, что граф Георг на стороне крестьян, и считали за шутку все его уверения в этом. На переданное им предложение отряда пятеро из начальников гарнизона отвечали, что честь не позволяет им поступить так, что они решились держаться в замке. Но если крестьяне пожелают взять выкуп и оставить замок в покое, то они не постоят ни за какой суммой. Они торжественно обещали, что в случае, если начальники Оденвальдского отряда избавят вюрцбургского епископа от вынужденного вступления в братство и принятия

двенадцати статей, дадут свободный пропуск и защиту ему и пробсту и, наконец, отступят от замка, то гарнизон согласен дать начальникам войска 3000 гульденов, а каждому рядовому половину месячного жалованья.

Этим думали они поссорить оденвальдцев с Флорианом и с франконцами.

Граф Георг с двумя рыцарями поехал назад. Предложение фрауенбергцев не осталось тайной; в городе распространился слух, что хотят взять выкуп с замка. Граждане, вооруженные топорами и лопатами с криком и угрозами, бросились к начальникам. Гец, на которого главным образом сыпались укоры, резко отвечал франконцам, что подобное зверство разрушать все, что попадается под руки, простительно только туркам. Спор зашел так далеко, что самая жизнь Геца была в опасности. Франконцы кричали, что он изменник и заодно с гарнизоном замка. Он уверял впоследствии, что его собирались убить или прогнать сквозь строй. Переговоры этим и кончились.

Ганс Берметер и Стефан Дитмар особенно возбуждали волнение граждан; они не прочь были свергнуть магистрат, для того чтобы самим занять его место; но так как им не удалось это, то они отправились теперь во Франконский лагерь и обвинили ратсгеров в сношении с епископом. Флориану так надоели городские интриги и сплетни, что по его совету решено было: поставить в трех различных местах города виселицы и объявить, что всякий, кто на будущее время нарушит покой и согласие братства, будет сейчас же повешен.

Между тем, крестьяне сделали против замка, на Никласберге, окопы, свезли туда орудия и, прикрыв их габионами, устроили паром под сводом каменного моста между предместьем Санкт-Букгард и городом, на котором под защитою моста можно было, безопасно от неприятельских выстрелов, переезжать Майн: на мост из замка можно было стрелять, как в цель.

В воскресение 14 мая еще до восхода солнца отряды франконцев поднялись с барабанами и трубами из Гейдингсфельда к Никласбергу и, заняв шанцы, с 4 часов начали огонь. Впрочем, их орудия причиняли вред только кровельным черепицам замка; Никласберг был слишком удален от него. Орудия же неприятеля были направлены не к Никласбергу, а ближе, в город. Крестьяне стреляли из небольших орудий из дома Немецкого ордена, бюргеры из-под арки августинского монастыря, и с этой стороны замку более всего причинено было вреда. Даже ночью орудия не умолкали, епископский капеллан был убит выстрелом с городской башни. Оденвальдцы и неккартальцы во время перестрелки спустились с Гохберга к С.-Буркгарду, разорили монастырскую церковь, разбили каменные и деревянные изображения святых и захватили церковные

украшения; во время своей стоянки здесь они выпили из монастырского погреба 289 бочек вина.

На другой день, 15 мая, в самый полдень в Вюрцбурге (в то же самое время как и в Франкенгаузене) на совершенно чистом небе видна была вокруг солнца радуга. Явление это всякий толковал по-своему: в замке иные считали это хорошим знаком, другие — предвестием смерти. Крестьяне сочли появление радуги за благоприятное для себя предзнаменование; знамена их все вместе представляли цвета радуги. Приказано было привести из Бишофсгейма три шланга, стали приготовляться к штурму отдельной неприятельской батареи, устроенной на островке Майна, откуда неприятель более всего вредил городу. В тот же день вечером несколько сильных отрядов, принадлежащих «черному отряду», собрались в саду, прикрывшем восточную сторону Фрауенберга. Около 10 часов, когда было совсем темно, подошли из города новые крестьянские отряды с лестницами, рогатками, топорами и другими необходимыми орудиями для штурма. С криком, под звуки барабана и труб взбежали они на гору; верхняя ограда была разрублена, переломлена, шанцы взяты; многие, засев в глубокие ямы, бросали оттуда на замок штурмовые лестницы.

Целый град ядер посыпался на осаждающих; подоспевшие на помощь были засыпаны осколками снарядов; достигшие же самого замка — ослеплены, оглушены и обожжены брандскугелями, серными и смоляными кружками, камнями, которые летели из всех окон; крестьяне не в состоянии были ни стрелять, ни подняться. Из города замок казался облитым пламенем; народ на городских улицах с ужасом смотрел на эту картину, со страхом прислушивался к грому орудий и к крикам сражавшихся, оглашавших ночную тишину. Крестьянам пришлось отступить. Гарнизон замка освежился старым вином, но не покинул своих постов. Сделали второй приступ. Окружив весь замок, отважнейшие смельчаки отряда достигли даже наружных ворот, некоторые взбирались на стены против Никласберга. Но осажденные не уступали в храбрости осаждавшим, и второй штурм был отражен; крестьяне вторично отступили. Колокол ударил 2 часа пополуночи. Гарнизон ожидал третьего штурма. Остаток ночи осажденные провели в том, что лили ружейные пули. Они потеряли мало ранеными и всего троих убитыми; в окопах же, окружавших замок, насчитали до 400 человек крестьян мертвых или тяжело раненых; кроме того, многих еще после штурма крестьяне унесли с собою. Утром с знаком мира, т. е. со шляпою, надетою на палку, явились послы из крестьянского лагеря. Они просили не начинать неприятельских действий до 2 часов пополудни, чтобы дать им время унести раненых и совершить погребение своих умерших братьев. Маркграф согласился на перемирие до полуночи с условием, чтобы крестьяне не приближались к окопам замка. Посланные

отвечали, что не могут согласиться на это, но подумают. А между тем время шло, и несчастные раненые благодаря жестокости благородных рыцарей «оставлены были в окопах; ни одному не подана была помощь, ни один не вынут был из рва, никто не обратил внимания на их стоны и страдания: так они и умерли брошенные»[1].

Крестьяне поплатились лучшими своими воинами за эти два безуспешные штурма. Причина неудачи крылась в том, что они начали штурмовать замок, когда еще не было сделано бреши. К несчастью, именно эти два дня опытный в подобных делах *Флориан Гейер,* предводительствовавший осадой Вейнсберга и других крепостей, был в отлучке. Прежде нежели решен был в крестьянском совете вопрос о приступе, он с Гансом Пецольдом, судьей из Оксенфурта, вероятно, по собственному предложению, был командирован в Роттенбург, чтобы доставить оттуда большие осадные орудия и окончательно присоединить город к братству. Они отправились в сопровождении Леонарда Деннера из Лейценбронна и Себастиана Рааба из Гебзаттеля, состоявших при них в качестве советников.

Дано было сроку два дня для присоединения Роттенбурга к братству. В городе существовало несколько различных партий, но поучительный пример многих городов и монастырей, превращенных в пепел, помирил противоположные мнения, и предложение Эренфрида Кумпфа оставаться в союзе с крестьянами для распространения святого евангелия до тех пор, пока они будут верны слову божию, было принято. Эренфрид Кумпф, Менцингер, Конрад Эбергард и другие заключили договор в Гейдингсфельде в доме доктора Штеймеца. Флориан приехал в город и здесь прежде всего поставил виселицу, чтобы сохранить «всеобщее в городе спокойствие, злым в наказание, добрым в защиту». Потом он обратился к народу с речью, в которой говорил о необходимости, чтобы каждый имел верное понятие о священном писании и чтобы не существовало никаких к тому препятствий, о необходимости испытанных и избранных народом правителей и правительств, контроль над которыми был бы также предоставлен народу; не следует, конечно, чтобы подати с народа были вовсе уничтожены, но они должны быть распределены по усмотрению благочестивых мужей; духовные имущества должны быть обращены на общую пользу, но ни одно духовное лицо не должно терпеть от этого, духовенство будет получать приличное содержание. Наконец, он предложил роттенбургцам семь франконских параграфов и заключил так: «Скажите, согласны ли вы поступать так, как мы того желаем; если вы в чем-нибудь затрудняетесь, то сообщите нам это дружески, как братьям».

[1] Собственные слова Томаса Цвейфеля.

Не по вкусу пришелся ратсгерам параграф о временном прекращении оброков и рент. Оксенфуртский судья пробовал успокоить их тем, если война продолжится долее, чем они ожидают, то, вероятно, найдутся средства, которые смягчат жестокость нововведений; им стоит только послать трех или четырех доверенных от себя, чтобы иметь место и голос в крестьянском совете. Разумеется, заключил судья: «С Вейнсбергским отрядом вы будете настолько же связаны, насколько и мы». Как ни тяжело было, но ратсгеры должны были вступить в братство. Роттенбургским крестьянам, пришедшим сюда же, Флориан объяснил значение братства и просил сохранять спокойствие, порядок и послушание. На другой день он подтвердил то же в приходской церкви, где принята была им от всех присяга. 600 человек вооруженных роттенбургских крестьян конвоировали два орудия с принадлежащим к ним пороховым фургоном в Вюрцбургский лагерь. По желанию города, Эренфрид Кумпф и молодой Георг Шпельт отправились с конвоем, чтобы принять участие в заседании крестьянского совета. Карлштадт также присоединился к ним, но роль его была уже сыграна в Роттенбурге. «Неужели мы должны ехать вместе с подобным злодеем, — вскричал, выходя из города, Шеферганс, — с злодеем, который убил бы доктора, если бы Шпельт не отразил удара». 16 мая орудия были привезены в Гейдингсфельд. Здесь прибывшие встречены были с большой радостью. Эренфрид, высказавшийся за свободу Вюрцбурга и разорение замка, был избран вюрцбургцами в судьи и в этой новой должности занял место во внутреннем крестьянском совете. Не такой прием сделан был столь почитаемому им товарищу его Карлштадту; речи его слушались с неудовольствием, и он возвратился с крестьянами, сопровождавшими орудия, назад в Роттенбург, куда его впустили с трудом и то только по ходатайству Менцингена.

18 мая было совещание начальников и советников о том, каким способом овладеть замком. В лагере носились слухи, что Швабский союз вступил уже в вейнсбергские владения. Роттенбургские пушки употреблены были теперь в дело; вскоре крепкая каменная стена была разрушена: Ганс Бослер, канонир, хорошо знал свое дело.

Но 19 мая Гец фон Берлихинген с другими начальниками объявил, что народ должен выступить против Швабского союза: их неккарские братья находятся в стеснительном положении, и их христианские союзники потерпели много поражений; теперь не время медлить, по его мнению, следует сейчас же итти на помощь. Нужно было скорей кончить с замком. Осажденным снова посланы были двенадцать статей, но теперь гарнизон стал требовать отсрочки, чтобы подумать, так как статьи эти были слишком пространны. Время шло, а ответа не было, поэтому 20 мая начальники оповестили, что взяв-

шие замок могут воспользоваться всеми его богатствами, золотом, серебром, клейнодами и всем хозяйством и кроме этого получать хорошее жалованье как награду. Сделан был лист для внесения имен охотников; внутренний совет составил план штурма; однако желающих оказалось немного. Еще прежде вюрцбургцы думали взорвать крепость, и потому выше С.-Бурк-гарда начато было у них 40 подкопов в горе, но работа двигалась медленно, а события между тем шли своим чередом[1].

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Вендель Гиплер на Неккаре и в Вюрцбурге

Двинувшись от Зиндельфингена к Плинингену, Трухзес четыре дня стоял лагерем здесь при Нейгаузене. Многие вюртембергские города прислали сюда своих депутатов просить о помиловании. Трухзес обещал, но лишь с тем, чтобы города сдались на безусловную волю победителя; при этом он назначил земским чинам собраться в Штутгарте. Многие не могли явиться на это собрание собственно потому, что ничего не знали о нем; города же и округа Вейнсберга, Боттвара, Браккенгейма и Бейльштейна были выключены, как первые зачинщики восстания. Все население Вюртемберга, не разбирая правого и виноватого, должно было с покорностью внести 36 000 флоринов штрафа, в противном случае Трухзес угрожал ограбить и сжечь город и его окрестности. Всюду царствовал ужас, опальные города искали случая захватить начальников восстания и выдачею их снискать себе помилование[2].

Гейльбронн не был совершенно спокоен; оттуда только что выбыли Вендель Гиплер, Петр Лохер и Ганс Шикнер, трудившиеся здесь над планом государственной реформы. Удалению их из города способствовали рассказы бежавшего начальника Вюртембергского отряда, потерпевшего поражение, Бернгарда из Винтерштетена и Михаэля Шарпфа из Эрингена, также участвовавшего в сражении. Только на другой день после битвы они достигли Гейльбронна и были первыми, принесшими верные о ней сведения. У союзных войск, говорили они, такие ужаснейшие пушки, каких мы до сих пор никогда не видывали; к тому же их двухтысячная хорошо вооруженная конница, возбуждаемая смертоносным действием страшных орудий, с сокрушающею силою вторгалась в наши ряды. Выслушав эти вести, говорит предание, Вендель Гиплер и другие советники

[1] *Гропп,* Вюрцбургская хроника, 115—126, и другие летописи.
[2] Союзные акты, связка 94, № 2.

без оглядки бежали из Гейльбронна, оставив там даже свои седла.

При первых слухах о поражении граждане собрались отдельными группами. К одной из них присоединился Венингер-Эндрес и некоторые из магистратских; тут же был и канатчик Петер Коберер, стоявший впереди прочих. «Знаешь ли ты, — обратились к нему ратсгеры, — что отряд легкой конницы убил многих крестьян?» «Я не верю этому», — отвечал Коберер. «Итак, — возразил Венингер, — ты полагаешь, что не союз побил крестьян, а они его?» «Когда перережут мне мои крестьянские жилы, — возразил Коберер, — и я истеку кровью, тогда, пожалуй, можете меня заставить думать, что хотите. А если вы уж такие храбрые, что же вы не сделали этого ранее» [1].

Иосс Деймлин подошел к Вольфу Лейпгейму: «Слышал ты, Вольф, крестьяне разбиты; я не останусь здесь, а пойду в Вюрцбург». «Ты знаешь дорогу?» — спросил Вольф. Иосс отвечал утвердительно. «Прекрасно, — сказал Вольф, — и я отправлюсь с тобою. Здесь на церковном дворе я говорил такие вещи, за которые могу поплатиться. Так я сказал: если крестьяне победят, то я на радостях разложу огонь на площади». Так в короткое время изменился этот человек, который недавно еще похвалялся: «Покажись-ка сюда этот бесчестный союзишка, мы его сокрушим» [2]. Деймлина привлекало в Вюрцбург золото дворца Немецкого ордена, Вольфа же гнал страх.

Ратсгеры, желая чем-нибудь угодить вдовствующей графине Гельфенштейн, бросились отыскивать у ювелиров между приобретенными ими от крестьян драгоценностями дорогой крестик, принадлежавший графине, также ее жемчуг и кольца. Но один верный служитель, Эргард Клемпейс, предупредил позднюю услужливость ратсгеров и еще раньше выкупил эти вещи для своей госпожи [3]. Еще с большею поспешностью послал магистрат от себя депутатов Швабскому союзу. Ганс Берлин, недавно еще работавший над составлением плана государственных реформ, отложил теперь свое перо в сторону и вместе с бургомистром Ризером отправился навстречу Трухзесу; почтенный гейльброннец оглох и ослеп к бедствиям своих братьев и своего любезного отечества. 17 мая, в среду вечером, они застали в Штутгарте часть военного совета и начальников, которым они и объяснили причину своего появления, присовокупив, что они опасаются новых притеснений со стороны вюрцбургцев и крестьян. «Любезные господа, — дружелюбно отвечал им на это Рудольф фон Эхинген, — вы можете спокойно ночевать, я утешу вас: сегодня ночью войска выступают, чтобы в четверг быть в Плинингене, оттуда, пе-

[1] Союзные акты, связка 99, № 11.
[2] Там же, № 13, 14.
[3] Там же, связка 96, № 4.

рейдя Ремс, в пятницу будут вблизи Гейльбронна. Мы пойдем ближайшей дорогой, чтобы наказать Вейнсберг. Прощайте до завтра, рано утром герцог Георг будет в Штутгарте».

Ночью гейльброннские посланники были разбужены прибывшим нарочным; он привез известие, что в Вейнсберге собрались 1 200 человек крестьян и что такое же число их может быть настигнуто под Вюрцбургом; все они идут на Гейльбронн; магистрат опасается за свою жизнь и имущество. Если помощь замедлит одним часом, город может погибнуть. Магистрат просит послать ему по крайней мере два отряда для защиты. Но союзники, опасаясь чтобы эти отряды, ранее чем достигнуть Гейльбронна, не были перебиты дорогой крестьянами, отказали. Правители Гейльбронна находились в большой тревоге; им угрожали, с одной стороны, крестьяне Вейнсбергской долины, с другой — Гец фон Берлихинген, письма которого не оставляли никакого сомнения о его приближении. Из Штутгарта успокаивали магистрат скорым приходом Трухзеса.

Вендель Гиплер из Гейльбронна поспешил в Вейнсберг. Отсюда он послал известить начальников в Вюрцбурге о поражении беблингенцев и о выступлении Трухзеса; написал приказ эрингерцам в Якст и Кохерталь и другие близкие местности поспешно собраться в Вейнсберге, а графам Гогенлое — выслать ему орудия и военные припасы. Потом он поспешил в Тальгейм, чтобы напомнить о себе крестьянам гейльброннским и принадлежащим Немецкому ордену; 15 числа посетил Лауфен, чтобы устроить там лагерь для сбора рассеянных остатков Вюрцбургского сводного отряда. Гиплер употребил все усилия, чтобы вновь соединить под одно знамя всех разбежавшихся и воодушевить малодушных. К нему присоединились многие крестьяне, но большая часть побратавшихся городов послала Трухзесу изъявления покорности и решилась впредь осторожнее браться за оружие, быть осмотрительнее и не рисковать многим. Узнав об отпадении гейльброннского магистрата, Вендель Гиплер должен был перенести назад в Вейнсберг лагерь, только что устроенный им при Лауфене, а сам, между тем, немедленно отправился в Вюрцбург, позвать вюрцбургских братьев на помощь.

Михаэль Руап фон Рупрехсгефен привел сюда, по приказанию Гиплера, отряд в 500 человек, отделенный от Гайльдорфского отряда.

Присутствие Венделя Гиплера в крестьянском лагере под Вюрцбургом поставило на ноги самых нерадивых. Он один выказывал энергичную деятельность среди общей апатии. Прибыв в лагерь, он тотчас же стал всеми силами работать, чтобы не дать окончательно пасть погибающему делу. 20-го он издал приказ, чтобы все вступившие в союз общины готовы были выступить по первому призыву. Поручено было в Кенигсгофене, Таубертале и Мергентгейме созвать все тамошнее

население. Вендель Гиплер сделал еще распоряжение, чтобы под Фрауенбергом оставлено было только 4 000 человек, а в Краутгейме расположено было сильным лагерем 20 000; этим он думал прикрыть Таубер и средний Майн и, угрожая всему Неккару, держать в страхе еще невооружившиеся вюртембергские общины[1].

Но несчастие шло быстрее крестьян, и разумным начертаниям Венделя Гиплера не суждено было исполниться. Наконец, он отдал приказ выступить Светлому отряду Оденвальда и Неккарталя 23 числа под предводительством Геца фон Берлихингена и Георга Мецлера; Флориан забыл о всех личных неудовольствиях и вместе с франконцами по первому призыву намеревался выступить; а тем временем братья на Неккаре были покорены.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Auto-da-fe, совершенное дворянами на Неккаре и в Вейнсбергской долине

Когда Трухзес шел из Штутгарта мимо гогенсбергской крепости, фогт послал к нему двух крестьянских начальников, находившихся у него в плену[2]: один был Яков Рорбах, а другой гейльброннец, бывший в Вейнсберге бейтемейстером. Гер Яклейн был отличной добычей для дворян: им они могли вдоволь утолить свою жажду мести и решили его изжарить. Ведя его за собою, они отправились через Беннггейм на Неккаре и достигли Неккаргартаха 20 мая. В прекрасной Неккарской долине между Неккаргартахом и Фурфельдом, Трухзес расположился лагерем, чтобы отпраздновать дворянское auto-da-fe и отомстить огнем и кровью за своих погибших родных и товарищей. В окрестных деревнях не было ни одного крестьянина. Якова Рорбаха, скованного железными цепями, привязали к дереву, обложили кругом дровами и стали зажигать их исподволь, чтобы огонь не вдруг обхватил его и чтобы несчастный, пожираемый медленным пламенем, под звук барабанов и труб, мог свободно прыгать вокруг дерева. Дети, сидя на плечах солдат, смотрели на это зрелище, а дворяне стоявшие вокруг, наслаждались стонами несчастного и не ушли до тех пор, пока страдалец не испустил последнего дыхания.

[1] Военное значение этого плана можно видеть у Бензена, стр. 264—265.
[2] Рукопись Гольцварта согласна с показаниями очевидцев; рукопись Ганса Луца.

Это было только прологом драмы. На другой день, 21 мая, Трухзес отдал приказ Траутскирхеру, баварскому дворянину, взять из войска от 4 до 5000 человек конных и пеших, двинуться к Вейнсбергской долине и сжечь город Вейнсберг.

При вести о грозном выступлении союзников из Штутгарта сотни семейств бежали из Вейнсберга и Вейнсбергской долины, захватив с собою все, что было возможно; они скрылись частью в Гейльбронне, частью в других местах. Из 2000 человек, оставленных Венделем Гиплером в Вейнсберге и в Шеммельберге, некоторые присоединились к Франконскому отряду, другие разбежались по лесам. Трухзес велел выгнать из Вейнсберга женщин, детей и стариков, а город со всем имуществом превратить в пепел. Траутскирхер явился перед городом и не нашел там никого, кроме женщин, детей и стариков; он велел им выйти вон; дозволил также вынести святыню; одного старика, не хотевшего оставить город, и двух рожениц солдаты вытащили насильно, затем подожгли город с трех сторон; сгорело несколько женщин, не послушавших предостережения и не хотевших выйти из своих домов [1]. Запрещено было брать с собою скот и имущество. «Город был сожжен дотла» [2]. Ужасно было слышать рев горевшего скота и стоны невинных стариков, женщин и детей, смотревших, как перед ними горело их последнее добро. Издали виднелось пламя горевших деревень: Эрленбаха, Бинсвангена, Гельмершпаха и пр., обреченных вместе с Вейнсбергом на сожжение. Небо над Вейнсбергом казалось огненным морем. Это происходило в последнее воскресенье перед вознесением христовым. Когда пламя потухло, оказалось, что из прекрасного города Вейнсберга уцелело всего десять домиков. Герцог, чтобы удовлетворить дворянство, объявил, что вейнсбергское пожарище должно на вечные времена остаться пустыней [3].

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Пфальцграф Людвиг и крестьяне

Пфальцграф Людвиг, побуждаемый постоянными настояниями командора Немецкого ордена, епископов Вюрцбургского и Шпейерского и бежавших к нему рыцарей, начал приго-

[1] Ганс Луц, бывший там в качестве герольда.
[2] По его же показаниям.
[3] Рукописи Ганса Луца, Никласа Томана и Гольцварта. Записки Рудольфа фон Эгингена от 21 мая. Томан и Гольцварт также говорят, что это случилось в последнее воскресенье перед вознесением (21 мая).

товляться к войне. Для успокоения совести набожный князь отправил прежде письмо к Меланхтону, спрашивая его мнения относительно 12 статей. Меланхтон отвечал ему так: «Было бы хорошо, если бы такой дикий, необузданный народ, как немцы, пользовался еще меньшей свободой, чем теперь; все, что делает правительство, оно делает по праву, оно конфискует общинное имущество, и никто не должен этому противиться; оно взимает с церквей десятину и отдает по своему усмотрению другим, и немцы должны признавать это справедливым; ведь и иудеи дозволяли римлянам пользоваться церковным имуществом. Всякое правительство имеет право по своему усмотрению налагать штрафы: сам бог повелел не допускать зла и наказывать его; крестьяне не правы в своем сопротивлении верховной власти. Их беззаконие состоит в том, что они не хотят оставаться попрежнему крепостными и отказываются платить прежние подати. Немцы — народ необузданный, своевольный и кровожадный, их нужно держать строго. Светская власть названа мечом самим богом, а меч должен разить и т. д. и т. д.» [1].

Подобной логикой Меланхтон силился опровергнуть законность крестьянских требований. После его письма пфальцграф Людвиг с спокойной совестью поднял меч против крестьян и без всяких упреков казнил после поражения в Эльзасе и Швабии.

Все князья, находившиеся в мирном договоре с своими подданными, запрещали им в силу этого договора в каком бы то ни было случае оказывать помощь другим крестьянам во время перемирия; но сами они не стеснялись договором и считали себя в праве помогать вооруженною рукою своим товарищам. Курфюрст Пфальцский поступил так же.

В Брейтгейме были сложены купеческие товары, привезенные с франкфуртской ярмарки и принадлежавшие нагорным городам. Крестьян они очень соблазняли. Чтобы предохранить товары от разграбления, пфальцграф послал в Брейтгейм несколько конных и 500 человек пеших с приказанием занять город. Около деревни Унтернейсгейм крестьяне напали на этот отряд и угрожали перебить всех солдат, если они не возвратятся назад в Гейдельберг. Пфальцграф считал это за полное нарушение договора. Еще большее нарушение он увидел в действиях Вагенгеймского и Винцингенского отрядов. Эти отряды снова соединились вместе, чтобы сообща помогать своим эльзасским братьям и защитить себя против герцога Антона Лотарингского. Они поставили гарнизон в Нейкастеле и в Дрейфельсе и старались занять войсками Ландау. Пфальцграф, кроме того, обвинял крестьянских начальников, что они слабо следили за отдельными отрядами, которые в некоторых ме-

[1] Рукопись Филиппа Меланхтона против крестьянских параграфов 1525 г.

стах грабили и делали поджоги. Это обвинение не имело смысла: понятно, что предводителям, находившимся в Бругзале, весьма трудно было следить и держать в повиновении все рассеянные отряды, точно так же как невозможно было Трухзесу отвечать за хищничество каждого солдата. 23 мая пфальцграф Людвиг вышел из Гейдельберга с 4 500 пеших и 1 800 конных, все они имели красные кресты на груди и были хорошо вооружены. Первое нападение он сделал на Мальш, считая его гнездом восстания в Брухрайне. Жители, надеясь на договор, распустили свои войска; вдруг, совершенно неожиданно они увидели себя обманутыми; в справедливом негодовании они защищались, чем попало и как могли, но пфальцграф зажег деревню со всех сторон, желая стереть ее с лица земли. Все деревни, бывшие на его пути, были разграблены, стада угнаны и в замке Кислау казнены четыре крестьянина, составлявшие его гарнизон. 25 мая было сделано нападение на Бругзаль: бюргеры, не помня себя от ужаса, сдались и сами отворили ворота. Пфальцграф настаивал на выдаче зачинщиков. После долгих размышлений магистрат выдал нескольких, всего до 70. Их связали и ввалили в башню один на другого, так что они чуть не задохлись [1].

Пфальцграф условился о плане похода с Трухзесом [2]. Последний делал набеги из своего лагеря под Неккаргартахом в Крайхгау; он напал на Эппинген, где главный начальник, Антон Эйзенгут, с тремя другими находился в совершенном спокойствии, надеясь на договор. Трухзес взял их в плен и отправил всех четверых к пфальцграфу Людвигу «в подарок», как «пфенниг добычи». Пфальцграф, следуя учению Меланхтона, что народ не смеет ничего предписывать правительству, а следовательно, не смеет заключать с ним и никаких договоров, велел обезглавить Антона Эйзенгута и трех других начальников. Брухраинцы должны были заплатить 40 000 гульденов штрафу и были обезоружены; пять из них были обезглавлены, шестой помилован курфюрстом по ходатайству дворян.

Теперь нужно было очистить Шпейергау. В Шпейере стояли франкфуртские товары на 40 подводах; задержанные крестьянами, они не могли проехать далее. Трухзес решился помочь епископу Шпейерскому и купцам в этом затруднении. 300 крестьян в Офенгейме, окружив себя окопами, не сдавались. Трухзес, не дававший спуску крестьянам, ежедневно убивал и обирал всякого попавшегося в его руки. В лагере при Офенгейме его алчность испытала жестокий удар; крестьяне этой деревни ночью тайком зажгли свое собственное селение

[1] По подлинным словам Гаарера, секретаря пфальцграфа.
[2] Рукопись Зейдлера.

с разных концов, так что из 49 домов многие сгорели с лошадьми, подводами и имуществом[1].

28 мая между Фюрфельдом и Неккаргартахом пфальцграфское войско соединилось с войском Швабского союза. Союзное войско простиралось теперь до 13 000, из них 1 000 вооружены были ружьями с железными стволами, доставленными архиепископом Трирским. Кроме того, при войске было более 2 000 военных повозок, два орудия большого размера, заряжавшиеся 80-фунтовыми ядрами, две кулеврины, каждая в 20 футов длины, 8 больших шланг, 12 полевых и много других орудий.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Неккарсульм и Кенигсгофен

24 мая оденвальдское и неккартальское войска достигли Краутгейма. В тот же день, в полночь, три отряда двинулись к Нейштадту на Кохере[2]. Главный недостаток этого войска состоял в том, что большинство ратников считало предпринимаемый поход не движением против неприятеля, а возвращением в свои родные селения. Деревни по Неккару около Гейльбронна только что вновь приняли присягу и поклялись отделиться от отряда, которому они обещали свою помощь[3], поэтому на походе отрядам постоянно встречались посланные с увещевательными письмами от своих земляков. В Мекмюле уполномоченные от Беккингена, Неккаргартаха и Флейна письменно отдались под защиту своих старост и совета, бежавших в Гейльбронн, и письменно же просили их милостиво позаботиться о них в союзном войске[4]. Неккаргартахцы прямо отправились в свою деревню: их гейльброннские господа, поручили они сказать отряду, требуют их теперь к себе, и они не хотят действовать против них, а потому прекращают свои обязательства к Светлому отряду. На угрозу отряда снова набрать людей, чтобы повредить им, они отвечали: так как они вытребованы, то и не считают себя обязанными подчиняться отряду и следовать за ним[5]. Но многие из гейльброннских деревень принимали такое деятельное участие в восстании, что,

[1] Показания очевидцев; рукопись Гольцварта.
[2] Союзные акты, связка 94, № 14.
[3] Там же, связка 93, № 1. Клятва союзных деревень Гейльбронна.
[4] Там же, № 10.
[5] Писано от 28 мая в союзных актах.

конечно, не могли рассчитывать на какое бы то ни было помилование на родине.

Гейльброннские ратсгеры всеми силами старались заслужить благосклонность союзного совета. Трухзесу они доставили повозки, фельдцейхмейстеру подарили небольшую круглую палатку; Рудольфу фон Эгингену возвратили его сына, Траишу фон Бутлару — лошадей, принадлежавших зятю его Дитриху фон Вейлер. По приказанию Трухзеса тотчас же было описано и конфисковано все еще остававшееся у крестьян имущество. Опись конфискованного отослали Трухзесу и ожидали его дальнейших распоряжений[1].

Когда 25 мая крестьяне вступили в Эринген, созвали в Неккарсульме большую сходку и прислали письмо в город, магистрат тотчас отправил одного за другим двух курьеров к Трухзесу в Крайхгау с просьбою о безотлагательной помощи, необходимой им[2]. Трухзес отвечал, что «он готов спасти их и не дать в обиду собакам, но с такою горстью войска, как у него, в настоящее время невозможно двинуться с места[3]. Вследствие этого Светлому отряду был отправлен такой ответ: «Мы вам дозволили наказать духовенство, это правда; но теперь мы обещали всепочтеннейшему союзу, которому присягали, так же как и императору, не оказывать вам никакого вспоможения, не давать провианта и не дозволять входа в город; это обещание мы считаем священным, желаем, чтобы и вы поступали также»[4]. В вознесение пфальцграф и Трухзес писали из Брухзаля: «Кажется крестьяне желают занять Гейльбронн; это обличает их намерения действовать против союза и привлечь к себе вюртембергцев и других. Легко себе представить, какой вред может последовать для императора, всех князей и чинов союза, если они успеют достигнуть своей цели. Вы имеете надежное, достаточно укрепленное местечко; оно может доставить вам до нашего прихода безопасное убежище против легковерного народа, который решается вести войну, не имея ни одного орудия; итак, не впускайте их и не оказывайте им никакого вспоможения; в противном случае бойтесь со стороны князей того же, чего боитесь со стороны крестьян»[4].

Легко понять, как было важно для крестьян, чтобы Гейльбронн не нарушал данную братству клятву и чтобы Светлый отряд мог занять этот укрепленный город. Заставив присягнуть всех вейнсбергцев и других скрывавшихся здесь беглецов, что они, не жалея жизни, будут стоять за город так, как бы за свою родину, магистрат стал приготовляться к за-

[1] Союзные акты, связка 95, № 6, 8, 12, 13; связка 95b. Опись, связка 93, № 7.
[2] Там же, связка 94, № 16.
[3] Два письма от 26 мая; союзные акты, связка 95, № 10 и 11.
[4] Союзные акты, связка 94, № 17.

щите. Однако в городе были и сильно расположенные к крестьянам бюргеры[1].

Праздная стоянка перед Вюрцбургом и вообще медлительность крестьян имели самые пагубные последствия для их дела. Вюртемберг положил оружие, Вейнсберг был сожжен и Гейльбронн был совершенно потерян для крестьян; им оставалось теперь только отступить как можно скорее. Они отправили гонцов в нижнефранконские округи просить их поспешить помощью; писали герцогу Ульриху и гегаусцам, чтобы они двинулись в тыл союзникам и таким образом поставили их между двух огней. Писали также зарейнским крестьянам, прося их перейти Рейн. Чтобы выиграть время, пока подоспеет ожидаемая помощь, они 28 мая сделали попытку завязать с Трухзесом письменные переговоры. Но это только подтвердило догадки Трухзеса о слабости отряда; он не дал никакого ответа и продолжал подвигаться вперед. Свои тяжелые орудия и обоз оденвальдцы отправили в Неккарсульм под прикрытием значков, состоявших большею частью из участников вейнсбергского дела, — людей, потерявших теперь всякую надежду и мужество. Мульмихель, начальник Гайльдорфского отряда, был отправлен с двумя другими значками вперед в Эринген заготовлять квартиры; затем с полными признаками внутреннего и внешнего расстройства отряд двинулся вверх по Зульму через Левенштейн к Эрингену. С каждым шагом он терял бодрость и уменьшался в числе; слухи об ужасной коннице Трухзеса и его артиллерии наводили на всех панический страх. Не составлял изъятия из числа прочих и бесстрашный рыцарь Гец фон Берлихинген.

Его *измена* довершила всеобщее смятение. Во время похода на Левенштейн и обратного движения в Эринген под предлогом, что «он идет набирать людей», главный крестьянский вождь бежал из Адольцфурта с десятью другими подобными ему изменниками[2]. Ровно месяц тому назад он принял начальство над крестьянами и присягнул им, вступая в эту должность. Почтенный рыцарь забыл, что данная присяга связывала его с ними не только как начальника с подчиненными, но и как соучастника в затеянном деле. Какого названия заслуживает полководец, который покидает пост свой в такую критическую минуту, за несколько часов до сражения, не предупредив войско о своем намерении, бежит, бросая его на произвол случая!

Тотчас же он снесся с своим приятелем Дитрихом Шпетом, советником Швабского союза, и на другое утро после своего бегства уже писал другу своему и доброжелателю Гансу Рейтеру Бирингенскому, старосте отряда, что всем повстанцам следует сдаться на безусловную волю союза; все, за исключе-

[1] Союзные акты, связка 99, № 1.
[2] Экк герцогу Вильгельму от 7 июня.

нием зачинщиков возмущения и участников в вейнсбергской катастрофе, могут надеяться на снисхождение; он уже переговорил об этом с Дитрихом Шпетом.

Как только в войске стала известна измена Берлихингена, нечего было и думать о сколько-нибудь порядочном отступлении: все бросились бежать. В Эрингене их не впустили в город. «С самого утра стали носиться слухи, что войско союза приближается: знаменщики стали отрезывать знамена с древков и бежали вместе с другими в Краутгейм, чтобы собраться там снова»[1]. Однако при всей суматохе Венделю Гиплеру и Георгу Мецлеру удалось настолько водворить порядок, что в Краутгейме действительно собрали 2000 человек и все полевые орудия.

Городок этот был занят крестьянами, преимущественно вейнсбергцами. Надеясь на скорую помощь, они мужественно защищались. Ночью, в то время как союзное войско беспечно, в совершенном беспорядке расположилось отдыхать по обоим берегам Неккара, подошли 5000 франконцев. Но Трухзес опять был спасен благодаря собственной ошибке, обратившейся в его пользу. Он слишком разбросал свое войско, и сторожевые огни, пылавшие на огромном пространстве, обманули франконцев (насчет численности войска), с которыми уже не было теперь Флориана Гейера. Если бы они напали на Трухзеса, он наверное был бы разбит. Но крестьянские начальники не решились на это и отступили к Эрингену.

На рассвете бюргеры, узнав об отступлении франконцев, вступили в переговоры с Трухзесом и предали гарнизон. Крестьяне бежали, 60 из них были схвачены, связаны и приведены в лагерь, 16 человек были казнены. 18 больших орудий достались в добычу союзникам; конница, отправленная преследовать бежавший гарнизон, подожгла местечки Зонтгейм, Кирхгаузен и Беккинген, чтобы заставить выйти оттуда скрывавшихся крестьян; при этом пострадали дома виновных и невинных без разбора. Между прочим, сгорел дом несчастной вдовы Якова фон Ольнгаузена, которая ни словом, ни делом не принимала участия в этих событиях и мужа которой убили крестьяне[2].

При отступлении франконское ополчение послало предложение всем братьям в Лауде, Тауберцелле и роттенбургскому ландверу итти на Краутгейм. Между тем Трухзес, отправив в погоню за отступившими Дитриха Шпета и пфальцского маршала с 600 рейтарами, сам двинулся с войском к Эрингену, чтобы ограбить и сжечь его. Однако, по просьбе графа Альбрехта фон Гогенлое, город был пощажен и присужден к уплате 2000 гульденов; дом Клауса Сальва — главное место сборища

[1] Союзные акты, связка 99а, № 31.
[2] Там же, связка 95, № 17.

восставших — был превращен в пепел, а на его месте был поставлен позорный столб; все имущество домовладельца было конфисковано, даже отняты были три гульдена, оставшиеся у его жены; вечером здесь совершена была казнь над шестью пленными. Вскоре за этими шестью последовали еще три бюргера и много крестьян, между прочим и Ромбертен из Вюртемберга. Все гогенлоенские вассалы снова должны были принять присягу. Дитрих Шпет и маршал настигли отступавших франконцев перед Краутгеймом, но, видя их численность и выгодную позицию, не решились вступить в бой; а число крестьян между тем было не более 5000 человек, оденвальдцев и франконцев вместе, потому что из Франконского отряда многие бежали, бежал даже и Ганс Шикнер Вейслинсбургский. Отступление конницы придало крестьянам мужество, а новые подкрепления из ближайших долин увеличили число их до 7000 человек. Они решились твердо держаться до тех пор, пока не подойдет из Вюрцбурга Флориан со своим «черным отрядом».

31 мая Трухзес овладел Мекмюлем и взял в плен находившихся там пятерых крестьянских начальников и советников. Все лежавшие на его пути селения были ограблены и сожжены; всех пойманных крестьян вешали на деревьях или обезглавливали, тела их бросали на дороге. Зарево пожаров, груды трупов обозначали путь Трухзеса от Мекмюля до Балленберга. Балленберг предназначался к совершенному уничтожению, так как там была гостиница, принадлежавшая Мецлеру. Но Фровен фон Гуттен упросил, чтобы этот городок, принадлежавший Майнцскому епископству, сохранили для его властителя[1]. Баллинген был разграблен и потом наказан денежным штрафом, дом же Мецлера срыт и сожжен. Шестеро пленных, приведенные еще из Неккарсульма, были приговорены к виселице. «Но так как подобный приговор приходилось исполнять над многими, то по недостатку веревок повешено было только трое, остальным отрублены головы»[2].

Боясь, что Трухзес, двинувшись прямо из Мекмюля к Балленбергу, перережет путь Светлому отряду от Вюрцбурга, Вендель Гиплер и Мецлер торопились достичь скорее Кенигсгофена на Таубере. 2 июня, в 4 часа пополудни, крестьяне, расположившиеся лагерем в поле близ города, приготовляли себе обед, когда со стороны Шюпфергрунда у саксонской границы показались эскадроны Фровена фон Гуттена и пфальцского маршала. Бросив свой обед, крестьяне поспешно двинулись со всеми своими орудиями и всем обозом налево к Бишофсгейму, в горы выше Кенигсгофена и, расположившись около старой сторожевой башни, устроили из своих повозок,

[1] Рукопись Гольцварта.
[2] Там же.

которых было более 300, укрепление. Число же крестьян было более 8 000 человек, и они владели 33 полевыми орудиями[1].

По плану Трухзеса, Фровен должен был занять позицию выше Кенигсгофена, а маршал должен был расположиться внизу над Таубером; крестьяне угадали этот план и заняли гору против Кенигсгофена прежде прихода Трухзеса. Увидя, что гора уже занята крестьянами, оба предводителя повели войско через Таубер. Крестьяне хотели заставить неприятеля изменить направление; они сделали 11 залпов из своих орудий, но Фровен, хотя и с большим уроном, перешел реку. 30 числа канониры стали угрожать крестьянам, что оставят их орудия, если им не заплатят задержанного жалованья. Мергентгеймцы не прислали обещанных денег, назначенных на этот расход. Нужно думать, что после этого канониры, действительно, или совсем удалились, или были *подкуплены*, так как орудия крестьян, между которыми были и мергентгеймские и майнцские, вообще хорошие, действовали крайне плохо; видно было, что ими управляла неискусная рука; отряд неприятельской конницы рассыпался так близко около горы, что крестьяне, занимая возвышенность, легко могли бы целить в неприятеля, не прикрытого ни деревьями, ни кустарниками. Трухзес, перейдя с стрелками Таубер, также окружил гору и хотел удержать позиции до тех пор, пока не подоспеет ожидаемый отряд пехоты, чтобы начать штурм укрепления. Против этого ожидаемого подкрепления направился удачный огонь крестьянской батареи, она послала по нем уже 8 залпов и помешала ему приблизиться с назначенной стороны, с Таубера, поэтому отряд этот и замедлил несколько. Когда крестьяне увидели, что помощь поспевает с другой стороны и что за окружавшей гору конницей виднеется еще пехота Швабского союза, ими овладел ужас. Некоторые из стоявших наверху горы за укреплением стали выпрягать лошадей из повозок и готовиться к бегству. Занимавшие нижнюю позицию, увидя этих «длинных болванов, усевшихся на клячи», и заметив, что и начальники не прочь были последовать их примеру, сами сделали то же[2]. Трухзесу показалось, что крестьяне намерены двинуться, чтобы занять другую, более крепкую позицию, и он, не дождавшись спешившей к нему помощи, немедленно двинулся с несколькими эскадронами к вершине, а пфальцграф занял его место и окружил гору. Георг благополучно добрался до вершины

[1] Сведения, которые имеются о числе крестьян и их орудий различны. Например, по Гансу Луцу, их было 9 000 человек и 33 орудия; по Никласу Томану — 4 000 человек и 42 орудия, о таком же числе говорит и Трухзес, но он упоминает только об оденвальдцах и неккартальцах, но не о франконцах. Гольцварт считает 8 000 человек и 40 орудий; по рассказам очевидцев, их было по крайней мере 3 000 человек и 42 орудия. Есть и другие источники, но все они не согласны в цифрах.

[2] Показания Леонарда Вельднера, союзные акты, связка 99а, № 31.

горы и сделал атаку. Увидев перед собою «всегда наводящую ужас на крестьян» конницу, крестьяне в страхе разбежались. Многие спешили добраться до леса, лежавшего неподалеку сзади, на расстоянии полпушечного выстрела. Бегство это было гибельнее сражения, потому что многие в страхе бежали, сами не зная куда, и попадали прямо в руки окружавшего со всех сторон гору неприятеля. «Множество народу легло мертвым в Вальштатте», они были заколоты рейтарами или же застрелены стрелками. Погибло около 3 000, «бежавших в густой дремучий лес» между Таубергрундом и Роттенбургом, храбро защищавшихся против всей союзной конницы. «Кавалерия, не знавшая местности в лесу, много пострадала от крестьянских выстрелов». Это было жестокое сражение: крестьянам, лишившимся всего, оставалось теперь только продать свою жизнь дорогою ценою. «Из лесу они не могли выйти, потому что он был окружен неприятелем, и ни один, вошедший в лес, не вышел оттуда». Многие из них влезали на деревья и, скрытые ветвями, стреляли оттуда в конных, пока подоспевшая союзная пехота с 1 500 стрелками, пробравшись в самую глубину леса, не положила всех на месте; весь лес был обшарен, все деревья осмотрены, никто не остался в живых; это было сделано по приказанию начальников. Герцог Георг был ранен в бедро, под маршалом убита была лошадь, и другая, на которую он пересел, тоже была ранена; много людей и благородных и неблагородных было тяжело ранено. Архиепископа Трирского, пфальцграфа и других государей эта битва потешала, «как кабанья травля»[1].

600 человек[2] засели в засеке и долго оборонялись там против ландскнехтов. Ночью главный начальник пехоты Вильгельм фон Фюрстенберг выхлопотал им помилование, и они сдались в числе 300 человек[3]. Подаренные предводителям войска, они должны были внести за себя огромный выкуп; и пока одни ходили за деньгами, другие заперты были в приходской церкви.

В то время как одна часть войска сражалась в лесу, другая, по приказанию пфальцграфа, добивала раненых на горе. «Многие из бежавших спрятались под убитыми в надежде спастись по окончании сражения, но их вытащили из-под трупов и закололи; число их простиралось до 500 человек»[4].

Крестьянские начальники и советники, не бежавшие раньше, были увлечены теперь «горячностью своих коней»; между прочим, спаслись таким образом Вольф Менг, Ганс Флукс, Ульрих Вишер, гейльброннцы; Георг Мецлер и Вендель Гиплер.

[1] Собственные слова пфальцграфского секретаря Гаарера.
[2] О таком числе упоминается в рассказах очевидцев.
[3] Письма Трухзеса членам союза в самый день сражения. Это же число значится в рукописи Томана.
[4] Собственное выражение Гольцварта.

Между доставшейся союзникам добычей найдена была верхняя одежда последнего. Другие известия рассказывают, что «утка[1] нырнула еще раньше» при Адольцфурте[2]; но этот факт подлежит сомнению.

Не все народные герои имели счастие пасть в бою. В ночь с субботы на троицу в городке Кенигсгофене, в котором еще вчера считалось 300 жителей, осталось только 15 человек, другие погибли в сражении; четырех казнили союзные государи: «Первый, взошедший на эшафот, был крестьянский начальник — один из первых зачинщиков восстания, — высокий сильный мужчина; он предлагал за себя две тысячи гульденов, но на это не согласились, и он должен был умереть»[3].

День спустя разосланы были по окрестностям посланные собирать контрибуцию и приводить к присяге. Гайсфих Трухзес, маршал вюрцбургского епископа, взял Лауду; два бюргера и проповедник Леонард Бейс «поплатились своими головами за усердие, которое они принимали в деле евангелия». В Мергентгейме, который сдался 1 июня, полагаясь на милость государей, «уже ликовали рыцари Немецкого ордена, радуясь, что им придется скоро играть человеческими головами, как детям, играющим мячиком»; в Бишофсгейме, в Грюнсфельде пало много людей, принимавших участие в народном восстании.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Геройская смерть Флориана Гейера и разгром «черного отряда»

Тысячи народа погибли на Вартберге, а между тем, если бы была подана немедленно помощь из Вюрцбурга или если бы в деле участвовал Флориан Гейер с своим «черным отрядом», то неизвестно еще, на чьей стороне была бы удача.

Но Флориан, этот человек, благородный и на словах и на деле, — человек, обладавший замечательными военными познаниями, был в тягость крестьянскому совету в Вюрцбурге, он игнорировал его; потому-то, чтобы избавиться от него, его и послали с дипломатическим поручением в Роттенбург.

[1] В частых своих поездках, чтобы не быть узнанным и не попасть в руки неприятеля, Вендель Гиплер носил накладной нос. — *Перев.*

[2] Главные источники, очень подробные: показания очевидцев; Лоренц Фризе и Гаарер, Ганс Луц, Гольцварт, Зейдлер.

[3] Рукопись Ганса Луца.

Нижнефранконцы, когда дела их начали принимать более благоприятный оборот, решились привести в исполнение план верхнефранконцев: назначить съезд всех франконских чинов в Швейнфурте, чтобы сообща посоветоваться, как ввести добрый порядок, утвердить слово божие, мир и правду, особенно же рассудить дела, касавшиеся правительства. Вечером накануне 1 июня все уполномоченные должны были явиться в Швейнфурт, чтобы на другой же день утром открыть заседание; 26 и 27 мая разосланы были приглашения прибыть на съезд графам фон Гогенлое, фон Геннеберг, фон Вертгейм, маркграфу Бранденбургскому, городам Нюренбергу и Бамбергу, всем городам и местечкам Франконии, даже в Гейдельберг, самому епископу Вюрцбургскому. В то же время обнародован был во всем государстве манифест, которым доводилось до общего сведения о намерениях крестьян поступать согласно христианским правилам, водворить в стране истинное понимание слова божия, а с ним вместе мир и спокойствие; чтобы с этих пор ни один проповедник не терпел бы преследований; чтобы простолюдин освобожден был от обременительных налогов, чтобы благородные разбойники из своих разбойничьих гнезд не подымались на истязания народа, отрубая ему руки и ноги и обрезывая уши, не мучили бы и не грабили бы его. В заключение они просили все власти государства помочь им в этих христианских намерениях и дать возможность провести их в действительность.

Уже столько раз обманутые маркграфом Казимиром, крестьяне терпели его присутствие на съезде только как необходимое зло. Казимир постоянно торговался, назначал новые сроки и места для переговоров, требовал беспрестанно новых пропускных листов и постоянно под каким-нибудь предлогом отлынивал от свиданий [1]. Наконец, прежде чем окончился восьмидневный срок перемирия, в тот же самый день, когда послано ему было приглашение на съезд, 26 мая, маркграф неожиданно напал на Гуттенштеттен, Диспейк, Штупбах, близ Нейштадта на Аише, на Оберндорф, Каубенгейм и Мейнгейм и сжег все эти шесть селений. Теперь обнаружилось, какой вред нанесли себе крестьяне, не озаботясь отправить с самого начала из Вюрцбурга в Айшгрунд несколько порядочных отрядов с искусными предводителями на помощь своим братьям, чтобы те имели возможность напасть через Бургбернгеймерский лес на Аншпах и, подняв таким образом все маркграфство, прибрать к рукам и самого маркграфа. Только 27 мая начальник Бург-Бернгейма Грегор с отрядами из маркграфских крестьян был отправлен для соединения с Франконским отрядом, чтобы вместе подать помощь находившемуся в опасности Нейштадту. На пути Грегор делал воззвания всем

[1] Аншпахские акты, II, 98, 99, 100, 101, 102, 103.

общинам. На призывы его присоединялось по 20, 30 и 50 человек с своими священниками. В полдень того же 27 числа маркграф напал на них, некоторые погибли в схватке, десятеро, взятые в плен, были казнены; вечером было казнено еще десять человек в Инсгейме; в ночь Казимир ограбил Унтерлеймбах, сжег Оберлеймбах и Ганбюль; 28-го разорил Ленкерсгейм и Лейтергаузен. Он казнил там проповедника и четырех бюргеров, семерым отрубил пальцы. То же было повторено и во многих других местах. В Вернице священнику Коблейну и четырем бюргерам были отрублены головы. От Ленкерсгейма были отняты все льготы, Икельгейм, Зонтгейм и Вестгейм были сожжены. Затем маркграф стал лагерем при Бюргеле. 29 мая Грегор со всеми присоединившимися к нему повстанцами остановился под стенами Виндсгейма. Казимир последовал за ним. Но позиция, занятая крестьянами, была неприступна. Поэтому Казимир двинулся назад. При отступлении он понес большую потерю. Крестьяне овладели всеми бывшими при нем орудиями, загнали его в близлежавший замок Гогенек и осадили там[1], 29 мая они сожгли замок Релингсгаузен. Грегор разослал послания, в которых он приглашал общины Верхнего Таубера, роттенбургский ландвер, жителей Бебенбурга и Вердека как можно скорее выступать в поход в полном составе; сборным местом назначена была гора Эндзеер при Оренбахе. Эти распоряжения принудили маркграфа быстро отступить к Лейтерсгаузену: левое крыло его войска и его резиденция находились в безопасности. Уходя, рейтары сожгли Штеттберг, Бинсванг, Виндельсбах и Геслау. Грегор хотел было преследовать отступавших, но 1 июня он получил приказание от крестьянского совета в Вюрцбурге немедленно выступить к Гейдингсфельду. Вследствие этого он поспешно двинулся с 4 000 человек на соединение с теснимыми Трухзесом оденвальдцами. По дороге крестьяне услышали, что оденвальдцы проиграли большое сражение; но они не хотели верить слухам и продолжали свой путь с надеждою быть полезными своим братьям в Кенигсгофене[2].

В Швейнфурте на общий съезд франконских чинов собралось всего 20 уполномоченных, да и те большею частью приехали только из любопытства, чтобы посмотреть, как далеко зашли крестьянские дела. Эти явившиеся на съезд были: Кель фон Эйвельштадт, главный начальник Франконского отряда, Стефан Зорг, Ганс Винтер, Эндрес Мордер и Флориан Гейер; из Роттенбурга: Стефан фон Менцинген и Иероним Гассель, также уполномоченные из Бамберга, из Верхней Франконии и из Айшгрунда. При таком малочисленном составе совещание не могло привести к предполагаемой цели. Господствую-

[1] Рукописная летопись Мюлльнера.
[2] *Томас Цвейфель.*

щее между крестьянами разъединение со всеми его гибельными последствиями обнаружилось и здесь: так, бамбергцы прямо заявили, что они ведут переговоры с своим владыкой, епископом, и потому ничего не могут предпринять. 27 мая бамбергское крестьянство и епископ Вейганд взаимно поклялись поддерживать мирные отношения и не только ничего не предпринимать друг против друга, но и обязывать других к тому же. Бамбергцы верно держали свою клятву и, в силу данного слова, вернули из войска более 10 000 вооруженных людей. Однако честность их относительно своего господина нисколько не мешала ему поступать совершенно иначе. Епископ и теперь, после заключения договора, не прерывал своих сношений с Трухзесом и звал его расправиться с своими подданными[1]. На второй день заседания в Швейнфурт явились послы из Вюрцбурга с приказанием от совета начальникам, бывшим на съезде, возвратиться в лагерь. Между прочими незначительными постановлениями сейма решено было послать Флориана Гейера и некоторых других к маркграфу для переговоров о вступлении его в братство и о восстановлении мира между ним и его подданными. Флориан Гейер отправился по дороге в Роттенбург. Приехав туда накануне троицы, 3 июня, он хотел ждать письменного пропуска от Казимира; но тут он узнал, что Трухзес находится вблизи; он продолжал путь всю ночь и на другое утро, 4 июня, был уже в Гейдингсфельдском лагере.

На воззвания Грегора собрались на горе Эндзеер многочисленные толпы народа, готовые итти на маркграфа; а так как теперь Казимир отступал, то и они двинулись к Тауберу. Во время этого похода им встретились крестьяне, бежавшие из-под Кенигсгофена. Их рассказы рассеяли собравшиеся толпы.

С ужасом видели возвращавшиеся теперь в Вюрцбург уполномоченные швейнфуртского съезда кровавое зарево, видневшееся со стороны Швабии: это горели селения, зажженные князьями в окрестностях Кенигсгофена; но никто из них не знал еще о несчастии, постигшем их братьев.

Между тем, в *Вюрцбурге* роттенбургские орудия нанесли вред замку. Осажденные с своей стороны, занимая командующую высоту, тоже немало вредили крестьянам своим огнем; однако из перехваченных писем повстанцы узнали, что гарнизон замка начинает терпеть крайнюю нужду. Мины в горе успешно подвигались, и осаждавшие надеялись, что вскоре представится возможность взорвать замок. Это именно и отнимало мужество у гарнизона, тем более, что извне он не получал никаких известий. Одному из посланных от замка удалось благополучно добраться до Гейдельберга; здесь он случайно столкнулся в кабаке с двумя гонцами, которых епископ

[1] Рукописи Зейдлера и Мюлльнера.

посылал в замок; они поверили друг другу данные им поручения. Епископские гонцы были на пути перехвачены крестьянами, под пыткой они показали все; та же участь постигла и посланного из замка. В замке терпели такой недостаток в воде, что кушанье готовилось на вине. В скором времени перебежчики рассказали, что и вино на исходе. Медник Ганс Шиллер деятельно принялся за отливку орудий такого огромного калибра, что одного из них достаточно было бы для разрушения стены. Но вскоре последствия праздной жизни стали мало-помалу сказываться в лагере, дисциплина и порядок исчезали, особенно с тех пор, как более строгие из начальников были в отсутствии. Построенные в городе три виселицы не наводили ни на кого страха, потому что никто еще не был повешен ни на одной из них. Подгулявшие молодцы, глядя на них, посмеивались, говоря: «Мы вздернем на них попов с причтом». Драки, кончавшиеся иногда кровавой развязкой, бесчинства, грабеж даже у своих же товарищей — все это зачастую и открыто случалось в лагере. Начальникам нехватало энергии наказывать негодяев строже для примера другим; вообще весь крестьянский совет страдал отсутствием решимости и действовал далеко не единодушно. Таким образом, праздная лагерная жизнь имела гибельное влияние на отряд. Праздность, пресыщенность изгнали из сердца крестьян всякие проблески мужества и энтузиазма. Гуситы тоже были большею частью простые крестьяне, не привыкшие к войне, но постоянные упражнения доставили им опытность в военном деле, так что во всей Европе они слыли неустрашимыми воинами, а военные законы Жижки были одинаково строги как к чужим, так и к своим. «В крестьянских отрядах, — говорит Эренфрид Кумпф, — нет ни спокойствия, ни последовательности, нет ни единства, ни верности, ни веры; сегодня они присягают, завтра нарушают свои клятвы». Чем ближе подвигалось союзное княжеское войско, тем хуже шли дела в Вюрцбурге. Этому всего более способствовало отсутствие лучших предводителей и удаление из войска порядочных людей. Многие, в которых именно и нуждалось народное дело, были отпущены из войска по своим домашним надобностям; их отсутствие, быть может, было причиною неудачной осады Фрауенберга. Теперь крестьянский совет вспомнил горькие слова, вырвавшиеся у Венделя, когда отказались от его предложения нанять ландскнехтов; он разослал во все концы своих агентов вербовать солдат. Всех духовных, присоединившихся к братству, заставили ставить за себя наемных солдат. Шестеро ландскнехтов вызвались переманить своих приятелей со службы Швабского союза на сторону крестьян. Каждому из них при отъезде дано было по лошади и по 300 гульденов. Но зловещие тучи со стороны Швабского союза надвигались все ближе и ближе, а для исполнения запоздавших решений кре-

стьянского совета требовалось время. Крестьяне послали двух бюргеров в Нюренберг и двух к графу Георгу Вертгейму, чтобы просить их быть посредниками между крестьянами и Швабским союзом.

Нюренберг отказался от посредничества. Многие вюрцбургские бюргеры совершенно пали духом; у других, до сих пор молчавших, развязались языки: «Не говорил ли я еще раньше, — болтал один из таких, — что нужно ожидать подобного конца? Хоть бы бог помог благочестивым, справедливым людям спасти нас и восстановить мир между нами; а то мы совсем забиты, ограблены и погибнем с нашими женами и детьми»[1]. Духовенство, оставшееся большею частью в городе и, вероятно, изменявшее неоднократно крестьянам, и теперь, конечно, постаралось втайне поселить недоверие в жителях, большинство которых было до того нерешительно, что находило невозможным итти против союза на помощь своим братьям. Несмотря на это, в ночь на 3 июня начальники вывели войско из города. В Гейдингсфельде они встретили мергентгеймского крестьянина, ехавшего из-под Кенигсгофена; тот рассказал наедине начальникам о проигранном сражении. Его рассказ так напугал их, что они тотчас повернули назад в Вюрцбург. В Рандесаккере эти известия принесены были еще раньше бежавшими из-под Кенигсгофена, но им не поверили, и вестников, как обманщиков и переметчиков, заковали в кандалы и отправили в главную квартиру. Но, к несчастью, их показания вполне согласовались с рассказом крестьянина. Тогда бургомистр и члены магистрата, даже те, которые прежде и слышать не хотели ни о чем подобном, отправили тайно покорный адрес Трухзесу. 3 июня пополудни кто-то привез весть, что крестьяне не побиты, а стоят лагерем и поджидают помощи от Вюрцбурга; в то же время Грегор фон Бернгейм пришел из Айшгрунда с своим отрядом и рассказал о бегстве маркграфа. Эти известия снова наэлектризовали всех. В 9 часов вечера отряды, назначенные в поход, выступили, получив благословение от брата Амброзиуса, увещевавшего их мужественно сражаться за слово божие. К ночи они пришли в Гейдингсфельд и остановились там на ночлег. На другой день, это была троица, туда же прибыл еще до восхода солнца отважный предводитель франконцев, Флориан Гейер. Итак, под Гейдингсфельдом собрались теперь: Флориан с остатками своего «черного отряда»; Вюрцбургский отряд, состоявший частию из вюрцбургцев, частию из китцингерцев, под начальством Якова Келя, и отважных молодцов Грегора. Все это войско насчитывало до 4000 человек[2], имело много

[1] Так рассказывает Ганс Бюттнер, у *Бензена*, 420.

[2] Ганс Луц называет 7 отрядов, очевидцы же насчитывают до 5000 человек.

легких и полевых орудий, оно заняло леса, окружавшие Гейдингсфельд по дороге к Реттингену. Другие отряды оставались под Фрауенбергом. Как ни тихо совершалось выступление из Вюрцбурга, оно не ускользнуло от наблюдательности осажденных: в ту же ночь епископский маршал Трухзес с 250 рейтарами бродил около самого Фрауенберга. Он послал несколько человек к самой стене замка; по данному сигналу была спущена со стены лестница; трое взобрались на нее и известили осажденных о победе под Кенигсгофеном и о приближении союзного войска. Гарнизон на радостях заставил сторожа на средней башне сыграть песню, сложенную в насмешку над крестьянами: «Если ты раскаялся в нанесенных тобою поношениях, то проваливай во-свояси»; с другой башни, со стороны Вюрцбурга, сыграли «бедного Иуду». Осажденные, с своей стороны, сообщили посланным о приходе «черного отряда» и о занятии им лесистых высот. Посланные, спустившись, известили об этом епископского маршала, который с необыкновенною ловкостью повел отряд свой прочь. Крестьянские стрелки, находившиеся в шанцах, видели в сумерках рейтаров и стреляли по ним; в городе ударили тревогу, но маршал со своими скрылся в лесу; многие уверяли даже в страхе, что это были привидения рейтаров, а не живые люди, их напустил известный чернокнижник, монах из монастыря «босоногих» (ловкий шарлатан, находившийся в замке).

Епископский маршал пришел в Гибельштадт двумя часами раньше Трухзеса и князей. Он следовал в некотором расстоянии за отрядом Флориана, потом, пользуясь туманом, свернул в сторону и прошел долиной. Он известил, что «черный отряд» в походе и находится на расстоянии полмили от Гибельштадта.

Отдохнув один день после сражения, союзное войско в троицу выступило по дороге в Вюрцбург. При выступлении ландскнехты Трухзеса взбунтовались: они требовали добавочного жалованья за последнее сражение[1] и отказывались итти за войском, может быть, они уже снюхались с вюрцбургскими вербовщиками. Трухзес напомнил им об их присяге, но это не подействовало. Опасаясь, чтобы они не завладели орудиями, он отправил их вперед и сам пошел сзади с конницей. Дойдя до возвышенности, он узнал о движении крестьян. Георг послал своего герольда переговорить с ландскнехтами; он надеялся, что при виде неприятеля они, как честные воины, вернутся к исполнению своих обязанностей. Но ландскнехты не хотели слушать никаких увещеваний. «Теперь дело не в присяге, — кричали они, — подавайте нам денег, денег!» Большинством голосов на сходке решено было, что кто пожелает вернуться, тот

[1] Прибавочную сумму, должную им за сражение под Беблингеном, следовало им получить в Крайхгау. Рукопись Гольцварта. В ней говорится, что они требовали прибавочного жалованья за два сражения, следовательно, за неккарсульмское и кенигсгофенское.

будет убит. Трое не согласились с этим решением и были тут же убиты. Конечно, в другое время Трухзес не задумался бы наказать бунтовщиков, но теперь в виду неприятеля, «он опасался, чтобы и с ним не случилось того же, что было с герцогом Леопольдом Австрийским; он не решился напасть на крестьян с фронта из боязни, чтобы ландскнехты не напали на конницу с тыла, как нередко они о том проговаривались»[1]. Впрочем, в войске Трухзеса остались почти все отрядные и ротные начальники, все получившие двойное жалованье и еще много ландскнехтов, не присоединившихся к бунтовщикам, так что все его войско доходило до 2 000 человек[2].

В отряде верили, что слухи о кенигсгофенском поражении ложны, поэтому большинство крестьян, одушевленные уверенностью, что дела их братий идут вполне хорошо, мужественно и с полною надеждою на победу шли в битву. Они поклялись жестоко отомстить Швабскому союзу. Решено было не оставлять в живых ни единого пленника, вешать рейтаров и перерезывать горло ландскнехтам[3]. Полагая, что братья их находятся между ними и союзным войском, крестьяне беспечно двинулись в открытое поле через Ингольштадт и Зульцдорф.

Герцог Георг с несколькими всадниками выехал вперед на рекогносцировку; он нашел, что неприятель слишком близко подошел к нему и перерезал ему путь к Гуттенбергвальду, отстоявшему на полмили позади. Он сейчас же двинул назад все эскадроны с шедшим впереди их отрядом легкой конницы. Завидев неожиданно обратившийся на них неприятельский летучий отряд, крестьяне хотели скрыться в лес, но их с двух сторон атаковала кавалерия, удачным поворотом заградила им путь и стала между лесом и ими, как раз в тылу у них; в то же время Трухзес с остальной конницей, со всею своею пехотою и всеми орудиями двинулся вслед за ними. Таким образом, крестьяне внезапно увидели себя окруженными в совершенно открытом месте союзным войском; они не имели возможности выбрать выгодную позицию ни для повозок, ни для артиллерии. В эту несчастную минуту Флориан распорядился привести крестьянские толпы в боевой порядок, устроил вокруг них баррикады из военных повозок, обставил их 26 орудиями и начал огонь против конницы. Но когда шварценбургский шенк подоспел сюда с своими стрелками, к ним присоединились союзные эскадроны и пущены были в дело страшные их орудия; в задних баррикадах оказалась брешь, и крестьяне пустились

[1] Рукопись Зейдлера.

[2] Очевидец, которого показания согласны с цифрою командора, фон Горнэк называет 2 000 человек.

[3] В том, что крестьяне ничего не знали о поражении при Кенигсгофене и о близости союзного войска, согласны все рукописи: Фризе, Луц, Зейдлер, Гольцварт, с этими согласны и очевидцы и рукопись в материалах.

в бегство; за первыми трусами последовали и другие. Но бегство не спасло — их преследовали, настигли и бежавшие все до одного были убиты. Из Оксенфурта бежавших преследовали до самого Майна. Часть крестьян достигла Эйхсфельда выше Гейдингсфельда и засела здесь на церковном дворе, но была перебита; часть бежала в Зульцдорф, Гибельштадт, Бюттгард и другие селения. 60 крестьян были схвачены живыми; взявшие их в плен хотели стянуть с них богатый выкуп, но Трухзес приказал умертвить их, «так как они сами поклялись не оставлять никого в живых из противников», — доказательство, что между крестьянами во время похода находились *лазутчики*.

Флориан не оставил поля сражения; его храбрецы твердо держались около него, в то время как другие бежали. Среди всеобщего бегства и смятения 600 человек крестьян с ружьями, длинными пиками и алебардами, в строгом порядке стали отступать к местечку и замку Ингольштадт. Это был Флориан Гейер с остатками своего «черного отряда» и с пятьюдесятью ратниками, навербованными вюрцбургским духовенством, которые теперь присоединились к отряду Флориана. Не раз бросались рейтары на эту горсть храбрецов, но каждый раз меткие выстрелы отбрасывали их назад. Отряд засел за плетнем местечка Ингольштадта. Пфальцграф Людвиг сам повел против него 1 200 человек своих рыцарей и рейтаров. Тогда 200 человек крестьян бросились на церковный двор, в церковь и на колокольню; остальные 300—400 добрались до замка. Превосходство силы неприятеля принудило бывших на церковном дворе войти в церковь; с колокольни, с церковной крыши раздавались выстрелы, на неприятеля летели кровельные черепицы и обломки стены. Солдаты в свою очередь бросали пылавшими головнями; они зажгли церковь и колокольню, вместе с нею сгорели и засевшие там герои. Окруженные пламенем они до последней минуты не переставали осыпать неприятеля градом пуль и каменьев; полумертвые, они наносили еще вред врагу; все они пали смертию героев.

На этих древних развалинах сосредоточился теперь во всей своей силе весь героизм народного восстания. Замок сто лет тому назад был разорен роттенбургцами, потом снова восстановлен и 7 мая опять был сожжен крестьянами; однако в нем все-таки сохранились высокие и крепкие стены, крепкая башня. Замок был окружен глубоким рвом. Сам Флориан был там. Крестьяне быстро загородили вход, так что никто не мог проникнуть в замок, «и стреляли оттуда, будто им до своей потери никакого дела не было, будто они не нуждались ни в помиловании, ни в мире». Между ними оказалось только три труса: они бежали, чтобы просить помилования, но тут же, на месте были заколоты телохранителями пфальцграфа. Пфальцграф направил на замок почти все союзные орудия большого и малого калибра; началась страшная канонада, и вскоре часть стены

в 24 фута толщиною пала, образовав, таким образом, 6-футовую брешь. Пехота тотчас же бросилась на штурм через глубокий, обросший мхом и полный глинистой грязи ров; графы, рыцари и рейтары, спешившись, устремились в беспорядке вслед за нею; думали, что штурм не представит особых затруднений. Выпачканные грязью, наполнявшею дно рва, они стремительно бросились в атаку. Их встретил целый град пуль и больших каменьев: крестьяне стояли за брешью и приготовились мужественно выдержать напор. Атакующие были отброшены назад в ров, более 100 человек из них были убиты или сильно ранены, «в том числе много рыцарей и ратников». Люди, понимавшие дело, говорили потом, что, имей осажденные достаточно пороху и пуль для своих ружей, союзникам пришлось бы плохо. Пока крестьяне таскали каменья, чтобы завалить пролом в стене, возобновленная канонада еще увеличила брешь. Новый штурм был удачнее первого. Множество союзников, графы, рыцари, дворяне и простые воины вломились в брешь; на этот раз ни один выстрел не встретил их: крестьяне истратили почти весь свой порох. Но, пройдя брешь, между разрушившейся стеной и двором замка, они увидели еще другую не очень высокую стену, с небольшим окном и узкою дверью, ведшею во внутренность двора, где стояли враги; в окно, двери и через стены летели меткие выстрелы и каменья. Однако «милостью божиею» никто из господ не был убит, хотя жизнь их была при этом в большой опасности; многие были контужены и ранены. Встретив это неожиданное препятствие, союзники вторично были отброшены, хотя многие из них никак не хотели уступить и «цеплялись, как кошки», за стены.

Теперь следовало иначе направить орудия: через брешь наружной стены надо было целить во внутреннюю. Артиллеристы поставили орудия на самом краю рва, теперь им нечего было опасаться неприятельских выстрелов.

Союзная пехота и все рыцари, пылая негодованием от первых двух неудач, начали третий штурм. Многие из осажденных были изнурены и обессилены. Уже одно неприятельское знамя, черное с желтым, развевалось на стене; воины прибывали, вскоре рядом с первым появилось еще три знамени. Знаменосцы Ганс Заттлер аугсбургский и другой из Нюренберга сброшены были со стены один за другим. Кнехты не имели ружей, точно так же как «черные» не имели пороха; они бросали друг в друга осколками стены до тех пор, пока кнехты не переправились через ров. Тут началась жестокая рукопашная схватка, черные герои были оттеснены во внутренность развалины. Никто не просил и не давал пощады; борьба шла на жизнь и на смерть. Многие из повстанцев уже пали; около 50 из них спустились в глубокий подвал замка и отчаянно защищались там. Неприятель бросал туда через отверстия пуки зажженной смолы и боченки, начиненные порохом; только трое

из крестьян спаслись и бежали, скрытые темнотой. 206 трупов павших героев лежало кругом развалин; но между ними не было Флориана Гейера. Когда союзники овладели замком, он, благоприятствуемый темнотою ночи, с горстью самых отважных и сильных людей из своего отряда, в числе 200 человек, проложил себе путь в ближайший лес. В то время как барабаны и литавры ударили в честь победы, пфальцграф оцепил лес всадниками, чтобы в продолжение ночи никто не мог выйти оттуда. Однако Флориану с несколькими храбрыми сподвижниками удалось выбраться из леса и скрыться в темноте. Утром союзники вошли в лес и убили всех, у которых не было мужества последовать за своим отважным предводителем и которые решились лучше умереть, не защищаясь. Только 17 пленных взято было в этом сражении.

Союзное войско «в этот день потеряло такое множество людей, какого ему не случалось еще никогда терять, кроме сражения при Беблингене; при Кенигсгофене и Ингольштадте было убито столько лошадей, что потом в Гейдингсфельдском лагере распространилось такое зловоние, что не знали, куда деваться». Трухзес велел разбить лагерь в четверти мили от замка «на поле, поросшем мхом; близ проточной воды они отдохнули ночью», между тем кругом их, как сторожевые огни, пылали Бютгард, Зульцдорф, Ингольштадт и Гибельштадт. Селения эти были оцеплены и зажжены; оставшиеся там жители погибли в огне, а бежавшие были убиты рейтарами. В Гибельштадте, где был фамильный замок Флориана Гейера, против замка *Цобеля*, жители не сдавались и стреляли в неприятеля из окон своих пылающих домов. Семеро бежали и скрылись во рву, окружавшем замок, притаившись за кустами. Рейтары преследовали их, но не могли спуститься на лошадях в ров. Желая посмеяться над бежавшими, они закричали им, что тот, кто убьет других, будет помилован. Один из несчастных поднял руку на своих братьев и убил пятерых; с шестым он не мог справиться, оба они в борьбе упали на дно рва и захлебнулись. Позже, когда спущена была вода, на дне нашли два скелета, крепко обнявшихся друг с другом.

Путь союзного войска к Вюрцбургу был обозначен развалинами сожженных сел. Чтобы добраться до Вюрцбурга Флориан должен был пройти в виду самого неприятеля; он решился поэтому присоединиться к Гайльдорфскому отряду, с которым всегда состоял в хороших отношениях. Немного уже оставалось с ним его черных удальцов; в один день погиб почти весь его храбрый отряд; одинокий и сумрачный, Флориан, однако, не отчаивался, несчастие не сломило его мощной души, и надежда все еще не покидала его. Пока рука его была в состоянии владеть мечом, в нем не остывало желание быть полезным своему народу и защищать попранные права его; он все еще не терял веры в успех дела.

Большой Гайльдорф-галльский отряд не понес никаких потерь. Он все еще стоял лагерем при Танне в числе 7 000 человек. Но когда в окрестностях явился отряд союзного войска и в отряде пронеслись слухи о поражениях крестьян и угрозах Трухзеса, крестьяне стали разбегаться. Обнаружение сношения главного начальника отряда с господами довершило смятение. Галльские крестьяне отделились и, вняв увещаниям своего магистрата, положили оружие и приняли присягу. Союзная пехота выступила против остатков отряда, еще стоявших лагерем при Танне в числе 2 000 человек, но, подойдя к их стоянке, пехота уже не нашла их в Танне. Уведомленные о приближении неприятеля сторожевыми выстрелами и огнями, зажженными на горах, крестьяне скрылись по лесам. Наводившие ужас рассказы о Кенигсгофене и Ингольштадте произвели глубокое впечатление в Гмюндер-Вальде, в Эльвангене и Лимбурге. Флориан Гейер нашел здесь все не так, как ожидал: одни совсем отложились от братства, другие рассеялись в разные страны, горсть же еще державшихся была лишена всякого мужества. Он пытался снова соединить разрозненные, но еще не обезоруженные отряды вюртембергцев, кохер- и якст-таллерцев, которые, не надеясь на помилование, бежали в леса, чтобы двинуться с ними в тыл врагу. Но Флориан не успел осуществить своего плана. 3 июня он был настигнут неприятелями на Шпельтихе, «на возвышенности, покрытой лесом, между замками Фельберг и Лимбург, неподалеку от Галля». Флориан Гейер, атакованный пехотою под предводительством Вильгельма фон *Грумбаха,* молодого человека, его зятя, пал в отчаянном бою смертию героя; с ним пали и его верные товарищи.

Геройская смерть спасла его от эшафота и дала ему ту вечную свободу, которую он тщетно всю жизнь старался завоевать для своих ближних. Он отстаивал до последней капли крови погибавшее народное дело. Живой он не слыхал победных криков неприятеля, — враги ликовали уже над его трупом.

Жизнь Флориана началась при самых благоприятных условиях. Еще при Гогенштауфенах предки его отличались своими рыцарскими доблестями. С ранней молодости сердце Флориана было открыто состраданию к бедному угнетенному народу. Он посвятил всю жизнь этому народу и умер, защищая права его, «благочестивый и верный до конца слову божию и евангелию», преданный крестьянской свободе, не ложной и односторонней, но полной, истинной. Подобно своему предшественнику Ульриху фон Гуттену, он был силен не только словом, но и делом. По смерти ему отдана была полная справедливость. Клевета не смела коснуться этой светлой личности. Впоследствии народ раскаивался, что позволил оттолкнуть его от себя, ибо войско, парализованное изменою Геца, лишено было его по-

лезных советов во время штурма Фрауенберга; все понимали, что действиями Флориана руководило не честолюбие, не жажда к обогащению; даже враги ценили его достоинства. Долгое время память о славном герое слабо держалась в потомстве, но придет время, когда в свободной Германии отцы будут рассказывать детям и внукам повесть о всех павших за свободу, которая сделается тогда общим достоянием всех, и великих и малых, и горожан и селян. Тогда все почтут память Флориана Гейера, предводителя «черного отряда»[1].

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Победители

После всех описанных кровавых битв предводитель союзного войска свел счет своим потерям. В начале кампании у него было 18 рот[2] по 400 человек каждая. После же соединения с пфальцграфом и другими князьями вся армия простиралась до 6 000 человек, считая тут же и все вюртембергское дворянство и те новые силы, которыми тюбингенское правительство замещало выбывших из армии. Было ясно, что от Бальдрингена до беблингенского сражения войско лишилось, по крайней мере, двух с половиною тысяч человек. С беблингенского сражения число отрядов усилилось, а между тем, общая численность армии значительно уменьшилась[3]; так, Аугсбургский отряд, считавшийся одним из сильнейших, заключал в себе едва 300 человек. Союзные чины были совершенно поражены, когда обнаружились такие потери. Тогдашняя манера писать известия, которые они получали с театра войны, положительно заставляет предполагать, что парижский «Монитер» старше целым столетием: по этим известиям победоносные войска побивали неприятеля без всякого урона для себя!

Вечером 5 июня, в понедельник, на другой день после троицы, княжеское войско направилось к Вюрцбургу и стало лагерем в городке Гейдингсфельде и в садах по берегам Майна.

Бой барабанов, звуки труб и звон цимбалов, раздавшийся в лагере, наполнил радостью сердца осажденных и навел ужас на бюргеров и крестьян. Из замка отвечали тремя залпами, пущенными в город.

[1] Источники, служившие для этой главы, были следующие: рукопись Ганса Луца, Зейдлера и других, также показания очевидцев.

[2] Рукопись Гольцварта. Показания очевидцев.

[3] В том и другом удостоверяют многие известия в союзных актах.

В ту же ночь крестьяне оставили шанцы, взяли оттуда свои четыре больших орудия и переправили их через мост в город. Они заперлись в Вюрцбурге в числе 5 000 человек. 7 июня, два дня спустя по приходе княжеского войска, вся правая сторона Майна была еще свободна и не занята неприятелем. Крестьянам и их сторонникам в городе было еще время бежать, если они не надеялись дать отпор неприятелю. Всего на час пути лежал огромный лес, им они могли совершенно безопасно от рейтаров добраться до Шпессарта и ожидать там помощи. Но крестьяне и горожане не двигались, никто из предводителей не выходил из города. Бургомистр и старый магистрат предали крестьян и бюргеров. Им было известно, что пфальцграф и Трухзес даруют пощаду, если они выдадут им вождей восстания. Яков Кель, главный начальник, в это время уехал из Ингольштадта в Эйфельштадт; его сограждане выдали его вюрцбургскому магистрату; закованного его посадили тайком в страшную Эккардову башню; вюрцбургский магистрат поступил с ним так же, как мейнингенцы с Шнабелем.

Магистрат также тайно заключил договор с Трухзесом. В этом договоре поставлены были четыре условия, при соблюдении которых сдавшийся город мог рассчитывать на помилование: 1) уплата довольно незначительной суммы в виде контрибуции; 2) обезоружение мятежников; 3) выдача зачинщиков и предводителей восстания и 4) присяга повиноваться старому порядку. 7 июня в 4 часа пополудни в городе было объявлено о сдаче его. Так как из всех условий выдача начальников всего более могла способствовать помилованию города, а между тем, магистрат не был в силах сделать это открыто, то советники скрыли до времени настоящий смысл договора и объявили, что город сдается на милость князей. Даже и теперь, когда стало известно о сдаче города, в продолжение всего вечера и ночи бежал только один из бывших в городе начальников; на другой же день утром все входы и выходы оцеплены были эскадронами неприятельских рейтаров.

Трухзес с князьями вступил в Вюрцбург 8 июня в 8 часов утра. Кругом города расставлены были рейтары, чтобы никто не мог бежать через стены. Ворота, через которые вступили союзники, занимала легкая конница, в город вошли две с половиною тысячи рейтаров. Тотчас по вступлении отдан был приказ собраться: вюрцбургским бюргерам на рыночной площади, бюргерам из других городов на так называемой Еврейской площади и крестьянам — на плацу, окруженном рвом и назначенном для турниров. Все три места были обставлены рейтарами. Победители отправились прежде на рыночную площадь. Трухзес, окруженный четырьмя палачами, вооруженными секирами, обратился с речью к бюргерам, стоявшим «с непокрытыми головами и со слезами на глазах», раскаивающимся в своей невер-

ности и клятвопреступлении, за которое теперь им приходилось платить головою. Все пали на колени. Одна женщина, *жена* Бернгарда *Виснера*, ходившая в последнем периоде беременности, протолкавшись между рейтарами, бросилась в ноги князьям и умоляла их не лишать жизни ее мужа; но они отвергли ее просьбу. Князья зашли в канцелярию и, посоветовавшись там около часу, прислали инструкцию Трухзесу. После этого Трухзес велел привести из башни закованного Якова *Келя* и казнить. Затем из числа бюргеров был вытребован Бернгард *Виснер*, потом Филипп *Дитттмар*, сын скульптора, старик (отец его) успел бежать; четвертым был Ганс *Лемингер*, цирюльник из Левена, пятым Ганс *Шиллер*, кузнец; с ними вместе пали четверо из предводителей, 70 бюргеров были брошены в тюрьму, 13 из них казнены, прочие откупились деньгами.

С рыночной Трухзес отправился на Еврейскую площадь, где стояли иногородние роты. Ротные начальники, знаменосцы и «все нарушители спокойствия во Франконии» были казнены в числе 24 человек. Шраутенбах из Карлштадта предлагал за свою жизнь 2000 гульденов, но просьба его была отвергнута. Отсюда Трухзес отправился на плац, где стояли крестьяне. Из вызванных им 70 человек, находившихся в отряде, 37 были обезглавлены, другие, по ходатайству дворян, помилованы[1]. Всего было назначено к казни 200 человек. В замке также были казнены бюргер и еврей; следовательно, всего-навсего казнено 81 человек[2]. «Увы, — вскричал один молодой крестьянин, когда его подвели к палачу, — я уже должен умереть, а между тем еще и двух раз в жизни не наедался досыта хлеба!» Один мужичок, любопытствуя посмотреть, что будет с его товарищем, пробрался между рейтарами и смотрел на происходившее; он был не из числа назначенных к казни, но «помощник палача, увидав его, схватил и потащил к палачу, а тот отрубил его голову». Князья все присутствовали при казни. Вдоволь налюбовавшись этим зрелищем, они «принялись за попойку». У крестьян отняли оружие и взамен его дали белые посохи; в сумерки их выгнали из города. Многие утром покушались бежать, но были настигнуты рейтарами и все перебиты; некоторые из возвращавшихся мирно домой подверглись той же участи. Между Вюрцбургом и Гейдингсфельдом находили потом в вино-

[1] Конечно, должна быть причина, почему дворяне, не пощадившие никого при Кенигсгофене и Ингольштадте, были здесь так милостивы. Вероятно, это были помещики, просившие пощады своим собственным крестьянам, потому что от этого зависела их личная выгода. При Кенигсгофене они имели дело с крестьянами, которые, кроме вейнсбергского дела, еще многим другим вооружили против себя все дворянство. Себастиан Франке говорит, что они, забирая замки, бесчестили находившихся в них женщин и детей; в гейльброннских следственных актах встречается вопрос: «Кто в Краутгейме первый вошел в спальню жены Макса Штумпфа?» Связка 99, № 31. Приложение.

[2] Ганс Луц и очевидцы согласны в этих цифрах.

градниках и канавах много трупов застреленных и заколотых. Город и весь округ были обезоружены, повсеместно восстановлена была старая вера. Вюрцбург один должен был отсчитать союзу 8 000 гульденов; епископ также предоставил себе право наказания, «которым впоследствии постарался воспользоваться»; себе, духовенству и дворянству своего епископства он взял 218 175 гульденов. В продолжение восьми дней победители собирали контрибуции с окрестностей. Ревностнее всех прочих в этом деле действовал в своих владениях маркграф *Казимир*. Когда он подходил к Мертисгейму, двое крестьян из принадлежавших к общине, еще ранее сдавшейся на волю победителей, влезли на дерево, чтобы посмотреть на вступление войска. Казимир велел схватить этих двух любопытных и казнить. 7 июня он подступил к Кицингену, выставившему в отряд три значка; 52 бюргера бежали при его приближении, остальные сдались на безусловную волю маркграфа. Казимир обещал им свое покровительство, и, чтобы отнять у них всякий повод к опасению, он велел оповестить, чтобы никто из его солдат под страхом смертной казни не смел притеснять жителей. На другой день, 8 июня вечером, он казнил на площади пять бюргеров, приведенных им с собою из Бург-Бернгейма; потом велел собраться всем кицингенцам; более 100 человек из них в эту же ночь запер в большом погребе близ Лейденгофа. На другой день они были выведены, многим отрублены пальцы; 62 выколоты глаза[1]. Многие из приговоренных к ослеплению умоляли лучше уже умертвить их. Но Казимир был неумолим. «Я знаю, — сказал он, — что вы поклялись, что глаза ваши не могут переносить моего вида, и не хочу сделать вас клятвопреступниками»[2]. Он строго приказал, чтобы никто под страхом тяжкого наказания не смел ни ухаживать за ними, ни водить их[3]. Их отвели за 10 миль от города; двенадцать из них вскоре умерли, других еще видели долго после; они бродили по окрестностям, прося милостыню и проклиная имя маркграфа.

Казимир отправился теперь в Вюрцбург к прочим князьям, чтобы вместе с Трухзесом чинить там кровавую расправу. С ним отправился палач — мейстер Августин, прозванный кицингенцами «мейстером *увы*». Швейнфурт, сделав сначала вид, будто намерен сопротивляться, тут же сдался князьям вместе с бывшими в нем крестьянами; двое из предводителей бежали, другие пятеро пали на площади от руки палача; каждый бюргер наказан был 10 гульденами штрафа. Отсюда князья отправились через Гальштадт к Бамбергу. Солдаты грабили и жгли попадавшиеся по дороге деревни и села, часто они делали это даже без всякого приказания со стороны начальства. Бамберг-

[1] По Гансу Луцу их было 63; по Гольцварту — 70; в дневнике же палача значится 62.

[2] Рукопись Гольцварта.

[3] Рукопись Никласа Томана.

ский епископ отправил в Вюрцбург умоляющее письмо к Трухзесу; он писал о притеснениях, которые терпел от своих подданных, писал, что он не уверен в своей безопасности и не ручается за жизнь каноников, потому он умоляет поспешить помощью и наказанием виновных.

Таким образом, епископ нарушил только что подтвержденный клятвою договор. Та же участь постигла почти все договоры, на которые Лютер и подобные ему недальновидные люди возлагали все свои упования. Опыт не научил их еще, что только те сделки враждующих партий имеют силу, которые запечатлены кровью одной из них; они не понимали, что меч, положенный не во-время, ведет прямо на плаху.

Уполномоченные Нюренберга заметили на письмо епископа, что вести войска в его владения вовсе нет нужды: епископ ведет переговоры с своими подданными, и крестьяне спокойно разошлись по домам. Однако Трухзес, несмотря на то, продолжал свой путь.

Одно его имя, один слух о его приближении наводил такой страх, что все крестьяне разбегались по лесам. Вот как рассказывает один из современников[1] о панике, овладевшей крестьянами: «Рейтары казались им закаленными из стали, несокрушимыми; при малейшем шуме, при незначительном шорохе, произведенном полетом птицы или падением листа с дерева, они без оглядки бежали, воображая, что за ними уже гонятся рейтары; бог, казалось, совсем отступился от них, допуская их до такого малодушия». 500 бюргеров бежали из Бамберга в Нюренберг, а оттуда, по просьбе жителей, еще далее.

Приближение союзных войск придало храбрости вельможам епископства, на их устах появились смелые речи. Такая же метаморфоза совершилась и с кавалерами Немецкого ордена. В Гейльбронне брат командора проходил мимо лавки канатного мастера Коберера, заседавшего в крестьянском совете. Сын Коберера сидел у лавки. «Где твой отец? — спросил рыцарь. — Я хочу купить у него веревку, на которой его повесят». Эта угроза испугала Петра Коберера; он удалился в Страсбург[2]. Мергентгеймские вельможи радовались, что они будут теперь «катать головами, как дети играющие мячиком»[3]. Духовные властители Бамберга рассуждали так: «Не говоря уже о последних событиях, мятежники виноваты и тем, что приняли лютеранство; за все эти дела они поплатятся своими головами»[4].

Трухзес без всякого сопротивления вступил в Бамберг. Двенадцать схваченных начальников и зачинщиков восстания

[1] *Себастиан Франке.*
[2] В союзных актах показания Петра Коберера, связка 99 в.
[3] Письмо секретаря Шписа дейчмейстеру, при Эксле.
[4] Рукопись Мюллера.

были сейчас же казнены; между ними были два члена магистрата[1]. Той же участи подверглись 12 крестьян; двоим были выколоты глаза. Казнимые были не связаны и по очереди подходили к палачу. К смерти было приговорено всего 13; когда двенадцати были уже отрублены головы, палач обернулся, поджидая тринадцатого. Но этот не шел. «Довольно, — вскричал он, — я насмотрелся на эти вещи, пора убираться», с этими словами он шмыгнул под лошадь, пустился бежать и скрылся из виду[2].

Девять богатейших бюргеров, которым, как всем было известно, епископ был обязан избавлением от многих неприятностей, а Альтенбург — от разорения и грабежей, но которые исповедывали новое учение, были заключены Трухзесом в башню; имения их он раздарил своим клевретам; он хотел даже казнить их в угоду епископу, только вмешательство Нюренберга спасло бюргеров от казни. Договор, заключенный епископом со своими подданными, объявлен был *вынужденным* и потому был уничтожен: на все епископство в пользу епископа и дворян наложена была контрибуция в 170 000 гульденов. Гальштатт весь, за исключением некоторых домов, был выжжен.

Всюду союзное войско оставляло после себя ужасные следы: тянувшиеся за ним лошади и обозы, большие стада награбленных им овец и рогатого скота портили и поедали поля и луга поселян. При проходе через Нюренберг войску дозволено было итти только по главной улице, все дома на этой улице и во всем городе были замкнуты цепями; 400 всадников, нарочно нанятых для этого магистратом, и все бюргеры в полном вооружении расставлены были вдоль улицы со своими орудиями[3]. Пройдя через Нюренберг, победители наложили тяжелую контрибуцию на Рис. В *Нордлингене* из 100 домов каждый должен был внести по 6 гульденов штрафа, новый магистрат был сменен и на его место назначен прежний, некоторых из членов смененного магистрата казнили, других отправили в ссылку[4]; но, несмотря на все это, в городе все было в таком порядке, что даже ярмарка совершалась попрежнему и привлекла множество посетителей. Дейнинген был сожжен. Четыре дня войско опустошало окрестности Нордлингена, но не входило в самый город. Отсюда Трухзес поспешил в *Верхнюю Швабию.*

Возвращение *Казимира* в его владения ознаменовалось пожарами и казнями. Из *Нейштадта* на Аише, который тотчас по выступлении крестьян просил помилования, вышли навстречу маркграфу мужчины и женщины с зажженными восковыми

[1] Рукопись Ганса Луца.

[2] Михаэль Гросс фон Трокгаф, Бранденбург, Оберт, очевидец, в Листке германского музея, 1855 г., стр. 116.

[3] Показания очевидца, Ганса Луца и Гольцварта.

[4] Рукопись Зейдлера.

свечами в руках; все бросились ему в ноги[1]. Однако такая покорность не помогла им. Восемнадцать человек были казнены. Бернбек, их главный вожак, купил себе жизнь ценою 700 гульденов. Зачинщик восстания в Эрлбахе Мориц Вильд содержал здесь гостиницу, в которой останавливался обыкновенно маркграф; он был помилован. Казимир объявил, что он поквитался с трактирщиком. Повсюду разосланы были повеления «предавать уголовному суду всех зачинщиков восстания и без пощады рубить им головы»[2]. С Бюргеля была взята контрибуция; несмотря на это и на добровольную сдачу жителей, Казимир все-таки казнил здесь 43 крестьянина, остальные должны были, преклонив колена, с красными крестами на груди умолять о пощаде. Виндсгейм, вольный город, только благодаря покровительству Нюренберга избавлен был от мщения Казимира. Пока один брат свирепствовал здесь таким образом, другой, Ганс Альбрехт, коадъютор магдебургский, чинил, по поручению Казимира, расправу в горах. Он так деятельно принялся здесь за пытки и за казни, что когда он уезжал, за ним с проклятиями бежало по улицам множество вдов и сирот казненных. «Уж не все ли крестьяне убиты?» — кричали ему вслед; более двухсот тысяч гульденов штрафа было собрано Казимиром. Два года мучил он своих бедных подданных розысками. Наконец, даже его собственное рыцарство, с Гансом фон Вальденфельс во главе, воспротивилось дальнейшим тиранствам. «Государь, — писал ему Ганс, — до сих пор еще многих несчастных мучат из-за самых пустых вещей, забудьте прошлое и откройте сердце ваше состраданию».

Трухзес охотно сам посетил бы вольный город Роттенбург, но он спешил в другие местности, поэтому удовольствие наказать этот город выпало на долю маркграфа. Роттенбург горько раскаялся теперь в своем отчуждении от общего дела и своекорыстии. Когда Андресс Реш, священник из Тауберцелля, предлагал городу пустить в дело свои орудия «против жестокого тирана маркграфа», магистрат отказался исполнить это предложение. После кенигсгофенского сражения командор Каспар Христиан, Стефан Менцинген и другие сторонники народного дела пытались было воодушевить бюргеров и заставить их взяться за оружие, но все их усилия были тщетны: город отправил депутацию просить помилования. Многие бюргеры бежали из Роттенбурга; они надеялись поднять еще раз крестьян, осадить город и защищаться против союза. Они вели деятельные сношения с монастырем францисканцев, прилегавшим к городской стене. Но магистрат проведал об этих сношениях, задержал братьев в городе и осадил монастырь. 18 июня, в день годового церковного праздника, лошади Менцингена стояли

[1] Аншпахский архив, V, 76.
[2] Там же, I, 291.

уже оседланные; сам он, совсем готовый к побегу, слушал проповедь. После службы в богатой, черной камлотовой мантии он стоял у лавки одного золотых дел мастера и разговаривал с суконщиком Килианом Этшлихом. Во время этого разговора его окружили городские наемные солдаты. «Помогите мне, граждане, христианские братья!» — вскричал он, когда его схватили. «Братства уже не существует, мой милый», — возразил ему тут один из знатных горожан. Никто из толпы, собравшейся на шум, не вступился за Менцингена, трусливо и малодушно допустили они увести его и посадить в крепкую башню. Чтобы запугать крестьян, магистрат велел ограбить и зажечь несколько селений.

Доктор Дейшлин старался расшевелить народ своею проповедью и заставить его вступиться за Менцингена. Он говорил, что каждый должен иметь сострадание к заточенным братьям и освобождать их. Но вскоре и он и слепой монах тоже были посажены в темницу: командор бежал, бежали и Мельхиор, Георг Шпельт, Георг Кумпф и другие. Гер Эренфрид, прежний бургомистр, раньше других скрылся из города.

Казимир вступил с войском 28 июня. Бретгейм и Оренбах были преданы огню. Бретгеймцы пробовали было защищаться, и многие были убиты; оренбахцы скрылись в леса, забрав с собою все свое имущество. В обвинительном списке стояло 70 имен роттенбургских бюргеров и 30 имен окрестных крестьян. Но только 19 из обвиненных находились налицо, и они приведены были на место казни, прочие скрылись; пятеро из приведенных также спаслись, пробившись с отчаянным мужеством через ряды солдат. 14 бюргеров были казнены, между ними мейстер Бессенмайер, ректор школы, и Ганс Кумпф, священник, — его больного принесли на место казни. Стефан Менцинген тоже должен был умереть от руки палача, несмотря на все старания его мужественной жены, добивавшейся спасти мужа, несмотря даже на то, что и Казимир охотно бы даровал прощение ему и двум проповедникам, старый магистрат ни за какую цену не хотел лишить себя удовольствия насладиться казнью своего смертельного врага, и Казимир пожертвовал своим верным слугою.

Голова Менцингена пала первая, за ним следовал доктор *Дейшлин; слепой монах* упорно сопротивлялся, не вставал на колени и получил удар стоя; но удар этот не был смертелен, и он снова поднялся, и только от второго удара голова его пала.

Очевидец Михаэль Гросс, служивший начальником в войске Казимира, рассказывает: «Видно было, что они совершенно приготовились к смерти; они не были связаны, даже сами разделись и, воздев руки к небу, молились: «господи Иисусе, да омоются грехи наши твоею кровью!» Они утешали друг друга и с радостью клали головы свои на плаху. Только Менцинген

несколько упал духом, и доктор Дейшлин должен был его успокоить!» Тут же были казнены два пойманных старшины Оренбаха — Ганс Вальтман и Леонгарт Рейтнер; за ними следовали Бартель Вердер из Гилькертсгаузена и крестьянин из Эндзее. Все они умерли с твердостью и спокойствием.

Маркграф двинулся далее, отмечая свой путь обезглавленными трупами и горящими селениями. В Фейхтвангене он казнил между прочими «монаха, отправлявшего богослужение в женском монастыре в Зюльце и состоявшего в переписке с крестьянами».

Старый, вновь утвержденный магистрат в Роттенбурге, принял на себя окончание расправы, начатой Казимиром; казнили Килиана Этшлиха, Фрица Мелькнера и двух других; дом суконщика, где собирались большею частью восставшие, был срыт до основания и место это засыпано солью в знак проклятия. Клеймение, сечение розгами были самыми обыкновенными наказаниями. Лингарту Шварценброннскому удалось долгое время укрываться в безопасном месте. Но в одной гостинице его выдали магистрату, его окружили рейтары, которым поручено было схватить его; но сильный, дюжий крестьянский начальник отчаянно защищался один против многих, пока не пал в неравной борьбе[1].

Высокопреподобный князь епископ Конрад Вюрцбургский, преосвященный коадъютор фульдский, который еще так недавно принимал в Бухене почести светского властителя и которого волшебное пение гессенского соловья и гессенского петуха[2] быстро возвратили в недра папства, вступил теперь с старым Геннебергером, как палач, в герцогство Франконию. Днем шел грабеж; епископ, кроме денежных штрафов, отбирал льготные грамоты, серебро, вино, пиво, плоды, — одним словом, все, что только можно было взять; вечером, насладившись казнью 3, 4, 7, 8, 10, 13, 17, 22 человек, он «устраивал попойку с товарищами».

Здесь кончили жизнь свою от руки палача: священник из Киссингена, начальник Ганс Шнабель, Ганс Шаррс и смелый Крумпфус, судья верхнефранконцев. В селении Зульцфельд приговорены были к смерти два кирпичника. Когда их вели на казнь, один из приговоренных, обливаясь слезами, говорил: «Я оплакиваю будущие господские постройки, кто без меня будет изготовлять для них такие хорошие кирпичи!» Другой, небольшого роста толстяк, громко хохотал, стоя возле палача. «Мне пришло теперь в голову, — говорил он, — куда же я буду надевать свою шляпу, когда мне отрубят голову?» Их шутки спасли их; князья приказали отпустить обоих. 256 казней усла-

[1] *Томас Цвейфель.*

[2] Соловьем и петухом назывались два большие орудия ландграфа; они достались ему в добычу при Эренбурге от Зиккингена.

дили христианско-княжеские взоры епископа во время возвращения его в Вюрцбург; 13 обезглавливаний закончили его кровавую работу.

С такою же легкостью, как и бамбергский повелитель, штаттгальтер архиепископства Майнцского, епископ Вильгельм Страсбургский *нарушил клятву и договор*, связывавшие его с крестьянами. Но кровопролитие было ему не по вкусу. Он вышел из Вюрцбурга с пфальцграфом и герцогом Отто Гейнрихом и с высокопреподобным архиепископом Трирским в майнцскую территорию, где без всякого сопротивления положено было оружие и всенародно на площади уничтожены договоры поселян с майнцскими бюргерами, как заключенные «по принуждению».

Действуя в силу интересов своего господина, а может быть, и руководимый чувством совести, Вильгельм выхлопотал, чтобы все население было обложено штрафом не свыше 15 000 гульденов. Казнены были только 4 начальника; 50 человек наказаны были заключением. В Рейнгау, услышав о поражении своих братьев, крестьяне тихо собрались в одном доме. Фровен Гуттен, *бывший в опале* и теперь снова вошедший в милость, накрыл их тут и, не уличив ни в каком проступке, казнил 9 в Эльтфельде и 3 в Бингене. *Вормс,* только что вступивший в союз с крестьянами, тоже изъявил покорность победителям; здесь и в Шпейере восстановлено было согласие между епископом и магистратом.

Перед победоносным оружием союзников многие проповедники и крестьяне бежали во *Франкфурт* с женами, детьми и имуществом. Князья потребовали их выдачи; магистрат отказал, но вместе с тем запретил и беглецам вход в город. Ганс фон Зиген со своими приверженцами конвоировал проповедников. Напуганные совершившимися на их глазах событиями и угрозами князей, цехи города отказались от своих тезисов. Доктор Вестербург также бежал. Умилостивленные деньгами, тайно врученными магистратом, князья держали войско вдали от города. Тогда никто не был наказан; но позже, в 1527 году, Кунц Гаас был брошен в Майн.

Бо́льшая часть прирейнской Франконии не положила еще оружия: нарушение пфальцграфом договора и кровопролития, совершаемые им на пути в Вюрцбург, возмущали жителей страны. В то же время явились послы от восточных франконцев с просьбою присоединиться к ним и, двинувшись через Рейн, по крайней мере заставить неприятеля изменить маршрут. В Рейнпфальце собрались снова все прежние отряды в числе 8 000 человек. Они были так ожесточены, что грозились жестоко отмстить пфальцграфу и его клевретам. Осадив замок Дирмштейн, они убили пятнадцать человек засевшего там гарнизона, не хотевшего сдаться; тела их побросали за стены замка; потом они сожгли укрепленные замки Болан-

ден, Штауфен, Вестербург и Нейлейнинген, также Альтлейнинген и другие в окрестностях Доннерсберга; взяли Кирхгейм, ограбили монастырь Гейнинген и заставили графиню Вестербург готовить кушанья и прислуживать им за столом. Повстанцы были на пути в Оппенгейм, когда туда же подошло союзное войско. Князья надеялись вступить с ними в бой на открытом поле против замка Гентгейм, но отряд, отступив ночью назад от Дальгейма к Гундельсгейму, отправился далее к Пфедерсгейму. Несмотря на наличие гарнизона (300 чел.), город открыл им ворота. Пфальцграф двинулся за ними. Чтобы выманить неприятеля из города, он послал вперед себя только 7 рот пехоты и 700 человек конницы, сам же с остальным войском держался позади, в резерве. Крестьяне стали в небольшом расстоянии от пфальцграфа: первое ядро, пущенное из крестьянских орудий, убило, к большому сожалению пфальцграфа, его секретаря, стоявшего рядом с ним. Крестьяне сильно поплатились за этот выстрел. Эскадрон рейтаров, стоявший в резерве, поспешил к ним навстречу и навел такой страх на крестьян, что они пустились бежать к городским воротам, провожаемые сильным неприятельским огнем. Одни рейтары убили более 1 500 человек; бо́льшая часть разбежалась по окрестностям или скрылась в городе, оставив военные повозки и орудия на поле битвы. Однако если бы пфальцграфские кнехты поторопились и напали бы на крестьян несколько ранее, когда те еще были в винограднике, то, наверно, немногие бы вернулись оттуда. Ночью пфальцграф окружил Пфедерсгейм, и с раннего утра 4 июня началась канонада; после 262 выстрелов город с бывшими в нем крестьянами сдался на добрую волю победителей. Пфальцграф велел покоренным разделиться на 3 части: в одной были чужие крестьяне, большею частью принадлежавшие пфальцграфу, в другой — гарнизон, в третьей — жители города. После полудня потребовано было первое отделение. При выходе из города оно должно было положить оружие и потом пройти между выстроившимися шпалерой рейтарами на гору св. Георгия; там в кругу, составленном из всей конницы, над более виновными, для примера другим, должна была свершиться казнь. Во время шествия некоторые из крестьян пытались бежать; рейтары, составлявшие шпалеры, бросились за ними. Заметив это, стоявший на возвышенности отряд конницы ринулся туда же. Таким образом, совершенно обезоруженные беглецы окружены были со всех сторон, и в одно мгновение было изрублено 800 человек крестьян. Сам архиепископ Трирский лично участвовал в сече и собственным примером воодушевлял сражавшихся. Рассказывали потом, что ландграф жалел о случившемся. Но в его подробном письме об этом происшествии нет и тени сожаления. Этот молодой и легкомысленный князь, раз отведав крови, вошел во вкус ее. Выбрав после резни из оставшихся крестьян восемьдесят человек, он

приговорил их к казни[1]. День спустя, казнив еще одного начальника и фендриха, пфальцграф перенес место своих кровавых действий в Фрейнсгейм и Нейштадт на Гардте, оттуда в Нижний Эльзас. Ландау сдался без всякого сопротивления; Вейсенберг, только что принявший сторону крестьян, мужественно защищался. После 600 пущенных в него выстрелов, город сдался 7 июня на условия заплатить 8 000 гульденов, выдать князьям 6 орудий и 3 бюргеров, которые и поплатились смертью за мужество свое и своих сограждан. Отсюда курфюрст архиепископ отправился в Трир в свои собственные владения: там все было спокойно. В Кельне также никем не была нарушена всеобщая тишина. В Мюнстере, говоря высоким слогом епископа, бюргеры стояли за свое достоинство. Брат его, архиепископ Кельнский, советовал ему, для того чтобы не восстановить вторично против себя и духовенства и бюргеров, прибегнуть к мерам кротости, и, действительно, в следующий же год город, «лишь из желания сделать приятное своему повелителю», отказался от своих тезисов, и изгнанные каноники вернулись в свою обитель. Курфюрст Людвиг вернулся в Гейдельберг. Кровавый след обозначал его обратный путь: облагая побежденных постоянно штрафами, он принес с собою солидную сумму в 200 000 гульденов[2]. На ландтаге, назначенном им 26 сентября, он объявил, что если его подданные слишком обременены налогами, то он готов облегчить их; земские чины отвечали, «что это будет приятно богу и послужит верным средством для избежания будущих возмущений». Хозяйство при дворе Людвига и Фридриха велось до сих пор с расточительностью, близкой к беспорядочности.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Усмирение восстания в Верхней Швабии

После выступления Трухзеса в Вюртемберг и далее во Франконию около Ульма осталось только несколько небольших конных и пеших отрядов. С помощью этих отрядов ульмские советники казнями и контрибуциями усмиряли волнения крестьянских общин и приводили их вновь к присяге. Деревни и дворы, отказывавшиеся от присяги, были сжигаемы. Так был сожжен Феринген. Грумбахер спасся только благодаря заступ-

[1] Собственное, очень подробное письмо пфальцграфа к Георгу Трухзесу от 26 июня, в рукописи Никласа Томана. Не мешает сравнить с Гарером и с древней рукописью у Шунка.

[2] *Томас Цвейфель*, стр. 485.

ничеству одного дворянина. Жители Гаузена отказались от присяги, за это их село было предано пламени. Эти жестокости вызвали и со стороны крестьян грабежи и поджоги. С ульмских башен на далекое расстояние можно было видеть горящие селения, замки и монастыри. Крестьяне дали полную волю своей мести. Они жгли и грабили замки и монастыри. В особенности последним приходилось плохо. В Нижней Швабии разнеслись даже слухи, что крестьяне угрожают Ульму. Более всего отличался при этом Красный отряд, стоявший главной квартирой около Винцгейма. Соединившись с другим отрядом, пришедшим из Альгау, 12 мая сводный отряд занял местечко Таннгаузен, а 13 числа подошел к замку Мюнгстергаузен, принадлежавшему фамилии фон Рот и расположенному на высокой открытой равнине; замок этот был хорошо снабжен всем, кроме войска: в нем находилось всего 34 человека.

После отчаянного сопротивления замок был взят, причем погиб почти весь гарнизон. Но крестьянам не удалось воспользоваться победой. Едва они вступили в замок, как загоревшийся или, может быть, нарочно зажженный боченок пороха произвел взрыв, и победителям пришлось искать спасения в поспешном бегстве. Вслед затем крестьяне взяли и ограбили замок Эрольсгейм. Тогда союз прислал сюда одного из своих начальников Зигмунда Бергера с 1 000 человек пехоты и 100 человек конницы; 17 мая Бергер напал близ деревни Ален на крестьянский отряд, состоявший из 4 000 человек, рассеял его и взял до 1 000 человек пленных, которые и присягнули союзу. Вслед затем к нему подоспело значительное подкрепление, впрочем, дело нигде не доходило до сражения: при виде сильного неприятеля крестьяне прятались в леса. Союзники грабили крестьян, не хотевших принимать присягу; крестьяне в свою очередь разоряли присягнувшие селения. С обеих сторон было несколько убитых.

В Обер- и Унтеральгау, в Гегау, Зундгау дело было серьезнее.

В Меммингене, где альгаусцы держали свое второе собрание, дело дошло почти до открытого восстания. Революционная партия в городе одержала верх. Магистрату и знати приходилось плохо. Тогда советники тайно обратились в Ульм с просьбой о помощи.

В пятницу после троицы в город явился отряд войска; он вступил в переговоры с горожанами, прося их позволить остановиться на время в городе с сотней лошадей. Горожане согласились. Солдаты вошли в город, разоружились и мирно разошлись по домам. Но ночью тайно в город вступило еще 2 200 человек. Восстание было подавлено. Зачинщики его, не умевшие спастись бегством, казнены, и в городе восстановлен старый порядок.

Альгаусцы, как мы видели выше, не утвердили договора, заключенного их уполномоченными в Вейнгартене. Они продолжали разорять замки и монастыри. 11 мая в лагерь альгаусцев явились уполномоченные Фердинанда и завязали переговоры. Эрцгерцогу хотелось при помощи миролюбивых уступок присоединить Альгау к австрийским владениям. Местом для решительных переговоров назначен был Кауфбейрен. Но переговоры шли туго. Между тем, приближался Трухзес с союзным войском. Путь его всюду сопровождался пожарами, грабежами, убийствами. Около Нордлингена Георг получил письмо эрцгерцога. Фердинанд писал ему, что в Обер-Альгау все спокойно, поэтому его дальнейший поход совершенно бесполезен и может подвергнуть опасности не только австрийские владения, но и самую особу эрцгерцога. Трухзес сообщил это письмо членам союзного совета. Те приказали ему итти вперед, невзирая на эрцгерцога: не эрцгерцог, а союз сделал его начальником войска. Трухзес двинулся. Он с таким рвением принялся за поджоги и грабежи, что испугал даже членов союза: они попытались остановить его напоминанием, что союз вовсе не имеет в виду разорить страну. Но Трухзес не унялся; он отвечал на письмо, что если господа советники хотят учить его вести войну, пусть идут на поле битвы, он охотно поменяется с ними ролями и займет их место на перине.

При Шраттенбахе Георг встретился с авангардом Альгауского отряда. Вскоре оба войска стояли лицом к лицу. Крестьяне успели занять выгодную позицию на горе, между Иллером и Луибасом. Отряд был многочисленный (до 27 000 человек), снабжен многими орудиями. Им командовали люди опытные в военном деле: Вальтер Бах, служивший прежде под начальством Трухзеса, Каспар Шнейдер и другие. Войско Трухзеса даже после присоединения к нему Георга Фрейндсберга с 3 000 кнехтов было гораздо малочисленнее. Исход борьбы его с альгаусцами был весьма сомнителен. А между тем, поражение Трухзеса здесь обратило бы в нуль всю предшествовавшую работу союза: налево лежала вся нагорная область Альп, еще не положившая оружия, направо — вся страна от Гегау до Зундгау, сзади грозило новое восстание Вюртемберга, а за ним и всей Германии. Но Трухзесу помогла *измена*. Предводители крестьян, Бах и Шнейдер, предали их. Им удалось уничтожить пороховые запасы отряда как раз во время атаки Трухзеса. Смятение войска было довершено бегством предводителей в самую решительную минуту и открытием их предательства. В короткое время почти весь отряд рассеялся. Только один отряд под предводительством Шмидта сохранил порядок среди всеобщего отступления. Он отступил и укрепился на горе у Калленберга. Однако скоро голод и пожар окрестных селений, зажженных Фрейндсбергом, чтобы выманить с горы повстанцев из этих сел, заставили крестьян сдаться. Условиями сдачи были поста-

влены: новая присяга, контрибуция и казнь зачинщиков. Впрочем, некоторым из них удалось спастись бегством.

Около этого же времени было подавлено восстание в Гегау; и здесь крестьян погубила измена военачальников.

Начальник швейцарцев Ганс Мюллер и бывший предводитель неккартальцев Гейнрих Малер, теперь главный начальник гегаусцев, оставили войско в решительную минуту. 16 июня крестьяне были разбиты Марком Зиттихом. Многие бежали; другие сдались на довольно выгодных условиях; посредниками при договоре были швейцарские города.

Уже с мая месяца в Базеле шли совещания между уполномоченными от пяти городов: Цюриха, Берна, Базеля, Золотурна, Шафгаузена, о средствах к успокоению Верхнего Эльзаса, Зундгау, Брейсгау и Шварцвальда. Во всех этих провинциях временно были прекращены военные действия со дня св. Ульриха, 4 июля; в продолжение перемирия хотели утвердить соглашение между владетелями и их подданными. Швейцарцы прибегали даже к угрозам. Если действовать не по справедливости, говорили они, крестьяне снова возьмутся за оружие, а союзники примутся за дело так, что всей стране будет не до смеху. Довольно уже натешились этой забавой[1]. Опасение вооруженного вмешательства швейцарцев, от которых, напротив, ожидали еще помощи, сильно подействовало на крестьян. На успех миролюбивых стараний более прочих имел влияние благородный маркграф Баденский Филипп. 18 сентября ему удалось, наконец, устроить мирную сделку между пограничными австрийскими владениями и их правительством. Крестьяне не могли вообще пожаловаться на этот договор. Однако предводители были исключены из амнистии. В субботу после троицы покорился Верхний Эльзас; вслед затем и Брейсгау принял договор.

Правительство недолго, однако, соблюдало его. Скоро начались казни, насилия и жестокости. Восстание вспыхнуло снова и грозило принять значительные размеры. Однако благодаря посредничеству Филиппа и других сторонников мира дело было улажено. Золотурн и Лауфенталь еще ранее были успокоены. Также и Тургау.

Только восемь районов *Шварцвальда* еще не приняли присяги и не положили оружия. Надеясь на них, в октябре клетгаусцы восстали против тирании своего господина, графа Зульцского, который нарушил договор и стал притеснять своих подданных. Жестокость его особенно проявлялась в преследовании принявших новое учение; он истязал их, наказывая железными прутьями, и довел до того, что они прибегли к оружию для защиты личной безопасности. Но эрцгерцог и города,

[1] Письмо крестьянского начальника Грегора Мюллера Фрейбургу от 3 июня.

державшиеся старой веры, соединившись, вскоре заставили их положить оружие; это было им тем легче, что союзники крестьян, особенно в Цюрихе, обещавшие им покровительство и защиту, оставили восставших без всякой помощи. После двухчасового сражения при Грисене, служившем когда-то местопребыванием Томасу Мюнцеру, они должны были сдаться на безусловную волю победителей. Проповеднику Гансу Рембану граф Рудольф велел вырвать железными ложками глаза и, набив глазницы сеном, прогнал его; несчастный умер от жестоких страданий. Предводители были повешены. Швейцария и Швабский союз настояли, однако, чтобы жалобы на Рудольфа его подданных были разобраны и решены третейским судом[1]. 13 ноября при замке Гутенберг положили оружие и восемь районов Шварцвальда. Они заключили договор и присягнули в верности австрийскому дому. Одним из условий договора была предоставлена произволу местных властителей колыбель восстания — город *Вальдсгут*. Покинутый всеми, город этот держался до 5 декабря, когда измена его же собственных бюргеров предала его в руки австрийцев. Ночью многие успели бежать из города. Храбрый начальник *Конрад Иеле* из Нидермюля, пощадивший *Сент-Блазиен*, был пойман и тотчас же повешен на первом попавшемся дереве. Утром в Сент-Блазиене на городских воротах появилась пригвожденная правая рука казненного с надписью: «Рука эта будет мстителем». Четыре месяца спустя, аббатство пылало ярким пламенем[2].

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Волнения на севере Германии

На севере Германии волнение вообще проявилось слабо. Впрочем, юг Германии всегда принимал гораздо большее участие в политических событиях. Идеи, руководившие восстанием, только еще начали проникать на север в то время, когда в Тюрингии, на Майне, Неккаре и Дунае восстание было уже почти подавлено. Первые предвозвестники войны появились в Северной Германии только уже во время опасного кризиса на юге.

Волнение в *Силезии*, к которому мы еще возвратимся, носило главнейшим образом религиозный характер. Более политический оттенок приняло движение в Лифляндии, Эстляндии,

[1] Буллингер, Ансельм, Пуппикофер, Зейдлер, Себастиан Шертлин.
[2] *Шрейбер*, Карманная книга, 1840 г.

Самогитии, на границах Польши и Пруссии, — там, где Балтийское море омывает немецкие берега. Новое учение скоро было занесено в Лифляндию и Эстляндию и пустило там корни, но двенадцать тезисов проникли туда только летом 1525 года.

Страшная тирания многочисленного дворянства, тяготевшая здесь над населением деревень и небольших городов, должна была сделать двенадцать тезисов особенно привлекательными народу. Осенью 1525 года поднялись эстляндские крестьяне между озером Пейпусом и Финским заливом, в окрестностях городов Везенберга и Тольсберга. В Лифляндии тоже начались волнения. В Ревеле многие из бюргеров, принявших новое учение, были заодно с крестьянами.

На основании двенадцати тезисов и других дополнительных статей, прибавленных ими самими, крестьяне стали требовать, чтобы от дворянства были отняты все привилегии, которыми оно пользовалось вопреки евангелию. Дворянство поняло, какой вред приносит новое учение его интересам, и стало во враждебные к нему отношения. Между тем, в октябре самогитские крестьяне и рыбаки в окрестностях Прегеля, по берегам Фришгафа, Куришгафа и Немецкого моря тоже восстали и требовали не только уничтожения дворянских привилегий, но и полного искоренения дворянства, как «негодных плевел».

Командор ордена Альбрехт Бранденбургский, брат ревностного реформатора Казимира, оказывал всевозможное покровительство лютеранским пасторам, думая ввести с их помощью во всей стране лютеранство. За пасторами явились и проповедники.

Учение о евангельском братстве и равенстве пришлось вполне по сердцу крестьянам; если какой проповедник удалялся от него, то они тотчас же останавливали его словами: «Господин священник, вы должны проповедывать вашей пастве чистое слово божие, а не лицемерить, как это делалось прежде». Иногда они даже угрожали проповедывавшим не в их духе. Что они понимают под «чистым словом божьим», крестьяне поясняли так: «Евангелие, — по их мнению, — отдаст в их распоряжение все имущества господ, а это не может быть исполнено до тех пор, пока хоть один дворянин будет в Пруссии».

Альбрехт писал брату своему Казимиру, что крестьяне настаивают на полном сравнении дворянства с прочими сословиями, в противном случае угрожают перебить всех благородных.

Основываясь на евангельском изречении: «Поклоняйтесь *единому* богу и служите *единому* господину», крестьяне собирались разорить гнезда «воронов» и искоренить их род. С нас довольно и одного господина, говорили они, государя страны; нет никакой надобности повиноваться дворянству; дворяне никогда не держат данного слова; они запрещают нам пользоваться птицей, летающей в воздухе, рыбой, плавающей в воде,

которых сам бог создал на то, чтобы каждый мог свободно пользоваться ими. Господь теперь смиловался над крестьянами и хочет освободить их от подобных несправедливостей.

В Швабии и Франконии ярость крестьян была преимущественно направлена против кавалеров Немецкого ордена. Крестьяне преследовали их с ожесточением. Это ожесточение можно объяснить теми особыми обстоятельствами, в которых, как видно из следственных актов, находились эльвангенцы, эрингенцы и гейльброннцы, — обстоятельства эти слишком грязны и слишком мерзки, чтобы об них можно было говорить в печати. Они делают совершенно понятной ту злобу, которую бюргеры и крестьяне питали к Немецкому *рыцарскому* ордену. Но были в Германии области, в которых рыцари Немецкого ордена поступали еще гнуснее. Так было в Самогитии.

Предводителями движения в Самогитии, как и в других местах, были частью духовные, частью миряне. Когда герцогом Альбрехтом обнародован был указ, призывающий к усмирению восстания, один проповедник из Фридланда снял с герцогского указа печать и скрепил ею сочиненное им самим письмо, в котором он говорил, что народное движение совершается не без ведома и согласия властителя страны, который сам принимает сердечное участие в крестьянах, что время освобождения наступило, так как на их стороне бог и его святое евангелие и благоволение и воля государя.

Проповедник этот был сын одного бюргера из города Фридланда, получивший образование в высшей саксонской школе. Его фальшивый манифест, выдававший герцога Альбрехта участником движения, с безусловной верой был принят крестьянами. Проповедник день и ночь уговаривал и возбуждал «вырвать с корнем плевелы», плевелы «Цицания», — этим таинственным лозунгом обозначал он в своем письме дворянство.

Крестьяне начали с дворянства, рассуждал герцог Альбрехт, но покончат, вероятно, государем страны. Это умозаключение заставило его поспешить кровавым подавлением восстания, хотя до сих пор крестьяне не пролили ни капли крови. Во главе трехсотенного отряда рейтаров отправился он по городам и селам, выведывая и захватывая горожан и крестьян, уличенных или подозреваемых в восстании. Все его путешествие, начавшееся 5 ноября, было странствующим уголовным судом. В Кенигсберге казнено было тридцать человек крестьян, подвергнутых прежде пытке, и несколько бюргеров, названных крестьянами во время пытки. Многие крестьяне были высланы из страны, другие бежали сами. Между казненными в Кенигсберге был проповедник, обвиненный как один из первых зачинщиков восстания. В городе Фридланде был схвачен другой проповедник и четвертован. Его обвиняли в сочинении и распространении письма, в котором герцог Альбрехт выдавался за сторонника крестьян.

Главными двигателями восстания на берегах Балтийского моря были, без сомнения, не лютеранские пасторы, а проповедники, впрочем, не из перекрещенцев. Пылкое красноречие этих проповедников, пересыпанное библейскими текстами, истолковываемыми по произволу, имело огромное влияние на народ, особенно в тех местностях, где его держали в большом невежестве. Один очевидец так описывает некоторых проповедников, которых он слышал в Вестфалии: «Эти люди прельстили бы самого чорта своими речами и проповедями; сами они уверены, что бог сопутствует им, и никто не в силах им противодействовать. Невозможно пересказать, до чего они умеют говорить»[1].

Неудивительно, что самогитские крестьяне были увлечены их проповедями. Сборным пунктом крестьян была назначена мельница *Каспара* в городе *Кайнане*. В желании крестьян изменить некоторые политические отношения герцог заподозрил какое-то кровавое, требующее отмщения преступление. Он не принимал в расчет того, что сам он поступал гораздо хуже в отношении своего ордена, чем эти крестьяне; он забывал, что настоящие его поступки против них были вопиющей несправедливостью и возбуждали еще большую жажду мести с их стороны. Когда сами государи действуют противозаконно, они никогда не сознаются в этом; в *Пруссии* это подтвердилось так же, как и в *Зальцбурге* и в *Тироле*.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Кровавая расправа альпийских крестьян с дворянством в Шладминге

Когда народное дело почти везде было проиграно и со всех сторон слышались ликования победителей, с Верхних Альп были получены известия, утешительные для побежденных; великие мира должны были умерить свое торжество. В то время когда штирийские крестьяне отодвинулись в зальцбургские владения, Зигмунд Дитрихштейн писал в Вену, прося денег на жалованье своим немецким и богемским солдатам. Военный совет отвечал ему на это, что если он станет сильнее наказывать зачинщиков мятежа и брать контрибуции везде, где только появлялось восстание, то и сам достанет необходимые ему деньги. Сообразно с этим Дитрихштейн брал контрибуции

[1] Генрих Грасбек, в своем показании о перекрещенцах в Мюнстере, источники для истории Мюнстера, Корнелиуса, II, 49, 70.

и с виноватых и с правых; крестьяне с ужасом смотрели, как погибали лучшие люди из их среды: их сажали на кол, сдирали с живых кожу, четвертовали. Крысы Дитрихштейна (так крестьяне называли его гусаров) оказались злее турок, они «отрезывали женщинам груди, из беременных вырезали младенцев»[1]. Такие зверства не усмирили крестьян; напротив, они возбудили в них жажду мщения и заставили их собраться на зальцбургских границах. Городок *Шладминг* был во власти Дитрихштейна. Рудокопы из Шладминга бежали в Майндлинг и просили собравшихся тут штирийских и зальцбургских братьев послать в Шладминг угрожающее письмо, чтобы заставить его вступить в Христианское братство. Получив письмо, 7 бюргеров поспешили из Шладминга к Дитрихштейну в Иердинг с просьбою о помощи. Дитрихштейн двинулся к Шладмингу, занял городок и его окрестности и решился до ухода своего усмирить крестьян.

Шладминг лежал на самой зальцбургской границе. Крестьянскими отрядами, охранявшими эту границу, командовал зальцбургский начальник Михаэль *Грубер* фон *Радштатт*. Дитрихштейн написал ему, что он готов отступить от города, если Грубер не станет держать у себя непокорных подданных эрцгерцога и не будет обижать послушных. Грубер отвечал, что на это может быть дано разрешение только из главной квартиры местных крестьян в Зальцбурге. Через несколько дней прибыли посланный от комиссии из Зальцбурга и вслед за ним письмо эрцгерцогских советников. И то и другое известия уведомляли о восьмидневном перемирии. Дитрихштейн принял его с условием, «пока он здесь находится, пользоваться властью эрцгерцога».

Кроме того, он получил тайное известие, что с часу на час следует ожидать Никласа фон Зальма, преемника его в главной команде, и что тогда с полными силами можно будет напасть на беспечных крестьян.

На другое утро Дитрихштейн хотел приготовить письменный ответ по поводу перемирия. Весь вечер и часть ночи на 3 июля проведены были рыцарями в неумеренном бражничанье. Утром в 5 часов полководец был разбужен вестью, принесенной пойманным мальчиком, что в крестьянском лагере не спали почти всю ночь. Дитрихштейн вскричал: «Шельмы затевают против нас что-нибудь недоброе, они верно собираются напасть на нас». «Зигмунд, — возразил ему Кенигофельдер, — не беспокой свою больную ногу, крестьяне не могут напасть на нас». Рыцарь рассчитывал на невозможность атаки, потому что крестьянам необходимо было пройти при этом через дикие и неприступные горные вершины.

[1] Показания эрцгерцогских советников. Собственные признания Дитрихштейна и Никласа фон Зальма.

Однако Дитрихштейн поспешно поднялся. Вдруг раздался крик: «Неприятель, неприятель!» Он схватился за оружие и, позвав пажа, велел посмотреть, что там за шум. Мальчик растворил окно и высунулся, но тотчас же был ранен в шею. Дитрихштейн бросился на лошадь и окруженный 200 солдат выехал на площадь, где происходила схватка. Лошадь под ним была ранена, сам он получил сильный удар в голову, Куэндорф пал возле него, Кристоф Вельзер, заколотый, повис на седле. Многие солдаты передались крестьянам. Рыцари, большей частью застигнутые врасплох в постели, бросились к верхним воротам, но, подъехав туда, нашли, что и здесь солдаты перешли уже на сторону крестьян, что орудия взяты, конница рассеялась, богемцы частью забраны в плен, частью разбежались. Рупрехт Вельзер пал, смертельно раненый. Грубер закричал рыцарям, чтобы они бежали в церковь; они повиновались. Дитрихштейн сдался в плен ландскнехтам, передавшимся крестьянам.

Число крестьян, напавших на войско Дитрихштейна, было весьма не велико, их насчитывали всего 4 000 человек. Однако нападение это удалось как нельзя лучше; мигом не только были захвачены все австрийские орудия, но и все люди, не сумевшие бежать, были или перебиты или сброшены в Эннс. Город был ограблен. По приказанию Дитрихштейна, данному еще накануне, вся конница в 4 часа утра вышла из города через Эннский мост и оставила городские ворота открытыми. В числе 3 000 человек, убитых при схватке, было много каринтийских и штирийских дворян; 18 рыцарей были схвачены в церкви. С барабанным боем всех пленных повели в квартиру главного крестьянского начальника. Грубер спросил о *Кейтшахе* и *Пранке*, но их не оказалось между пленными. «Пранке должен умереть, — вскричал он, — даже если бы это стоило тысячу человек».

Созвана была сходка, и профос с барабанным боем ввел взятого в плен неприятельского начальника в круг. Один рудокоп выступил против него обвинителем: «Присутствующий здесь Дитрихштейн, — сказал он, — косоглазый ублюдок, недавно еще преследовал братьев наших, отправляя их в ссылку, сажал их на кол и раздирал на двое, привязывая к лошадям; он был причиной погибели Вельфеля фон-дер-Гефта, которого он посадил на кол. Недавно еще он поступил также с нашими начальниками в Ирминге; он хотел посадить на колья и нас, — с этой целью он привез сюда целую телегу кольев; его «крысы» изрубили и изрезали в куски наших жен и сестер. Мы должны обдумывать, как поступить с ним так же, как бы он поступил с нами, если бы мы были в его власти. Кто из находящихся здесь в кругу имеет что-либо возразить против этого, тот пусть выступит вперед». Никто не выходил, все молчали. «Итак, — воскликнул обвинитель, — моя жалоба достаточно доказана, и

мы поступим справедливо, если также посадим его на кол. Кто со мной согласен, подними руку!»

Более 4000 рук поднялись в воздухе. Дитрихштейн защищался, умолял, напоминал ландскнехтам, что он, как рыцарь, сдался на честь. *Ландскнехты* и *Грубер* стали поддерживать его. Спор между ними и крестьянами дошел до кровавой развязки; решили спросить совета в Зальцбурге. Комитет в Зальцбурге отвечал, что с пленными рыцарями следует поступать благородно; общее же собрание писало, что их всех должно умерщвлять. Но последнее письмо было подменено Вейтмозером.

На третий день 32 богемца, между ними дворяне и простые кнехты, были казнены на площади; ровно столько же крестьян было казнено прежде Дитрихштейном. Дворяне должны были смотреть на казнь, и ни один из них не мог поручиться, что и с ним не поступили бы так же. Сходка опять потребовала, чтобы Дитрихштейн был казнен первым, но Грубер и ландскнехты и тут спасли его. Всевозможные поношения и насмешки должны были вытерпеть дворяне в плену; наконец, в крестьянских балахонах и крестьянских шляпах, посаженные на рабочие клячи, они были отправлены в замок Верфен. В Шладминге найдены были крестьянами огромные суммы денег, набранные Дитрихштейном, и много вещей, принадлежавших дворянам и войску.

Нарядившись в золотые рыцарские цепи и блестящие шлемы, на породистых, доставшихся им в добычу рыцарских боевых конях, крестьяне уехали из города.

Так поступали крестьяне с заслужившими такого обращения дворянами. Грубер доносил об этой битве так: «В 5 часов я напал на Шладминг и разорил его. Хвала, честь и благодарение за это господу. Когда я освободил бывших в плену немецких кнехтов и некоторых бюргеров, они объявили мне, что бог был слишком милостив ко мне, потому что дворяне имели намерение напасть на нас и умертвить».

При Роттенмане граф Зальм встретил несколько сот бежавших с сражения рейтаров и кнехтов. Он собрал эти остатки, получив подкрепление в несколько тысяч, весь август держался с ними за стенами Любена и Брука; в то же время шладмингские ратники, перешедши в Эннскую долину, готовили в Штирии новое восстание. Эрцгерцог поспешил одобрить предложения правительств всех пяти герцогств, настаивая в то же время, чтобы их контингенты соединились, а не действовали одиночно в каждой местности против крестьян. В Каринтии и Верхней Австрии около варфоломеева дня крестьяне снова были спокойны: помещики помирились с ними, отменив некоторые налоги. Везде в герцогствах сами владетели и города настаивали, чтобы повинности простолюдина были облегчены. Они не упускали при этом из виду и своих выгод

и точными определениями старались попрежнему оставить за собою право эксплоатировать силы народа. Они избавили своих крестьян от контрибуции, несмотря на все внушения эрцгерцога; они даже готовы были сейчас же вызвать из войска своих людей. Предводители восстания были отлучены от церкви; все они бежали в зальцбургские владения[1].

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Постановления тирольского сейма

Гонцы и письма беспрестанно летали от зальцбургцев в Швац и другие тирольские рудники с просьбой о помощи. Если Зальцбург будет усмирен, писали они, то подобная же участь неизбежно постигнет и Тироль и другие местности. Между тем, эрцгерцог всеми силами старался восстановить спокойствие в зальцбургских владениях, так как почти везде они граничили с его собственными наследственными землями. 1 000 рудокопов бежали в Зальцбург, где были уже их родственники и друзья.

В большей части Тироля эрцгерцогу удалось водворить спокойствие назначением ландтага для решения дел.

На этом ландтаге, открытом в первое воскресенье после троицы, предполагалось устранить все причины к неудовольствиям. Для отмены некоторых обременительных повинностей назначен был новый ландтаг в Боцене, отмененный, впрочем, до михайлова дня. Фердинанд сделал многие уступки по вопросам о мере и весе, о ремесленном уставе, о торговле, о пошлинах, тяготах, в особенности же по вопросу о поземельных отношениях; все барщины, на которые за полстолетия не имелось документов, были отменены, мелкие полевые десятинные сборы и двойные ренты были уничтожены, некоторые повинности заменены незначительными денежными взносами, разрешена беспрепятственная охота и рыбная ловля, облегчена возможность крестьянам иметь свою собственность, дозволена свободная проповедь евангелия и предоставлено право иметь своих священников[2]. За это все общины, освобождаемые от всякого взыскания за прошлое, обязывались содействовать усмирению и наказанию виновных в восстании. Фердинанд про-

[1] Из австрийских архивов, у Бухольца; хроника Зальцбурга и Штирии.

[2] Более подробное изложение этих постановлений находится у Бухольца, IX, 336—339.

извел временную секуляризацию Бриксена или, как обыкновенно говорится, в качестве покровителя принял его во временное управление; также и здания Немецкого ордена в Боцене, Ленгмоосе и Сландере, прежде занятые крестьянами, он прибрал к рукам до «общей реформы». Постановления ландтага приняты были с благодарностью в Верхнем и Нижнем Интале, Инсбруке и Галле, Бриксене, Клаусене и Нейштифте.

Только в Бриксенском архиепископстве крестьяне не хотели сдавать занятых ими зданий и замков и не соглашались с постановлениями ландтага. Они созвали новое собрание патриотов; два определенные Гайсмайером проповедника открыто восстали против постановлений ландтага, именно в *Меране* и *Штерцинге*, где по сложении с себя звания главного начальника жил Гайсмайер. Общины по *Эйзаху* не дали также удовлетворительных объяснений; шландерцы разрушили монастырь, нумийерцы сожгли судью своего Петро Бузи в его доме. Штейнек, Трутгофен, Велльс, Кастельрейх, Пфейферберг, Малейт снова соединились теснее прежнего, выбрали новых предводителей. Вооруженные крестьяне днем и ночью бродили по окрестностям. Симон фон Паделло и Николо дель Виктор начальствовали здесь. Общины Вальцигау поступали также: в Стринге и Ифане крестьяне убили своего начальника Булен, овладели княжеским замком и взяли в плен княжеского комиссара. Вслед за этим соединившиеся общины двинулись к *Триенту*, отвели Эч и бомбардировали город. Нонские и зульские крестьяне положили убить того, кто будет провозглашать постановления ландтага.

Правительство объявило, что тому, кто выдаст головы Паделло и Виктора, будет выдана половина их состояния. Общинам, принимавшим участие в восстании, но потом выдавшим главных мятежников, предоставлено было право свободного наказания, т. е. они сами на себя налагали наказание. Созвано было 16 000 человек, чтобы подавить восстание. *Нумийерцы* пали первые, потом *вальцигауеры*, за ними крестьяне *Нонса* и *Примера*. С 13 до 29 сентября здесь пало много борцов, — одни на виселице, другие на плахе; дома их срыты до основания; прочие крестьяне обложены были контрибуцией; некоторые из осужденных бежали в венецианские владения.

В епархиальных владениях *Триента* — этом отечестве пролетариата безземельных поденщиков — реакция была жестче, чем в других местах. После многократных стычек с иноземным войском инсургенты были уничтожены. Взятые в плен подвергались различным истязаниям: «*им отрезывали носы, уши, четвертовали, сажали на кол, живыми сжигали,* некоторым *вырезали сердце, ударяли им в лицо и распарывали живот;* многие лишены были имущества, наказаны розгами и высланы из отечества; никто не был отпущен без особенного *выжженного на лбу знака*».

Отсюда кровавая расправа охватила *Бриксен, Эйкзакфиртель* и *Пустерталь;* не везде и не всегда действовали открыто по закону; правительство не было разборчиво в средствах для достижения цели и положительно уничтожило восставших. Вся Ломбардия была наполнена бежавшими тирольцами.

Вскоре после ландтага *Гайсмайер* был призван к суду в *Инсбруке,* чтобы дать показания по делу *бриксенцев,* — подозревали его личное участие в этом деле. Он должен был присягнуть, что не убежит из города. Однако, видя, что правительство и не думает приводить в исполнение решения, принятые им на ландтаге, и обагряет руки кровью, Гайсмайер после семидневного пребывания в Инсбруке бежал оттуда в конце сентября. При этом он обнародовал свое защитительное письмо, в котором он оправдывался в нарушении присяги: «18 городов и общин по Эйзаку, — говорит он, — обещали мне верное убежище, я чувствовал себя оскорбленным и не видел причин, почему мне не воспользоваться предлагаемым убежищем».

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Зальцбургский договор и новое восстание в 1526 году

Между тем, зальцбургцы продолжали осаду замка. Главным начальником отряда был теперь Михаэль Грубер, шладмингский победитель, сменивший Праслера. Недостаток хорошего оружия у крестьян сильно затруднял осаду. Между тем к замку явилось подкрепление; из Дурахского лагеря пришел Фрейндсберг и герцог Людвиг Баварский с 10 000 конных и пеших солдат. Они расположились лагерем около С. Максимилиана. Людвиг Баварский хотел было штурмовать гору, на которой укрепились крестьяне, но осторожный Фрейндсберг отговорил его от этого предприятия.

Герцог, уже сильно потерпевший от войны, сдался на его доводы и выразил намерение быть посредником между крестьянами и кардиналом. В крестьянском лагере в то время тоже одержала верх умеренная партия; уже не слыхать было, как прежде, что «крестьяне не положат оружия, до тех пор пока не изжарят и не съедят своего тирана». Итак, переговоры завязались.

Первоначальные условия, предложенные герцогом, требовали, чтобы крестьяне положили оружие, согласились нести прежние повинности, заплатили 14 000 гульденов контрибуции

и выдали имена главных зачинщиков. Всем, кроме зачинщиков и виновников шладмингской катастрофы, была обещана амнистия. Архиепископ обязывался, с своей стороны, принять в свой совет троих выбранных крестьянами мудрых мужей, которые будут заседать в нем до тех пор, пока не будет исполнен весь договор, отменить все незаконные поборы, удовлетворить все основательные жалобы и вообще водворить в стране прочный порядок.

Однако положение дел в Зальцбурге и во всей стране было таково, что Людвиг и канцлер Экк вскоре сочли возможным согласиться на *полную амнистию крестьян.*

Кардинал Ланг сначала объявлял, что не успокоится, пока «не изжарит главных зачинщиков и коноводов», но и он, однако, должен был выразить удовлетворение договорами. Кардинал понимал, что Зальцбург во что бы то ни стало должен быть успокоен, — иначе он может служить точкой опоры восстанию во всей стране. Были и другие причины, побуждавшие его согласиться на договор. Ланг знал через своего тайного советника Рибейзена о всех интригах, которые ковались против него уже целый месяц при австрийском и баварском дворах: и баварский дом и австрийский зарились на владения Зальцбургского архиепископства.

Крестьяне, между тем, старались привлечь на свою сторону тирольцев и швейцарцев. Страх вооруженного вмешательства последних ускорил заключение мира. Зальцбургцы объявили, что они согласны даже на разделение страны между австрийцами и баварцами, лишь бы избавиться от ненавистного архиепископа. Ланг был настолько уже усмирен, что согласился на это и обязался уступить страну баварскому принцу в качестве коадъютора. Но кардинал был спасен соперничеством австрийского и баварского домов и обещанием помощи со стороны Швабского союза.

Ему удалось даже найти сторонников в среде крестьян. 1 сентября был подписан, наконец, договор; австрийские дворяне были освобождены из замка Верфена, и после трех с половиною месяцев осады епископ вздохнул свободно.

Мир водворился в Зальцбурге; но он не удержался там: Ланг был давно известен, как вероломный человек. Он положительно не исполнял условий договора. Но более всего способствовал нарушению мира эрцгерцог Фердинанд. Он никак не мог помириться с мыслью о том, что баварский принц будет коадъютором в Зальцбурге. Поэтому Фердинанд объявил, что согласен утвердить договор только в том случае, если ему будет дано удовлетворение за то, что зальцбургцы распространяли свои воззвания в его землях, если они возвратят ему шладмингские орудия и вознаградят пленных, выдадут шладмингских беглецов и зачинщиков нападения на этот город и пр.

Осенью 1525 года среди глубокого мира войска эрцгерцога напали на Шладминг; город был взят, разграблен, сожжен и сравнен с землею.

В то же время и Ланг ясно показал, что он ни во что не ставит договор и вовсе не намерен изменять прежней политики.

Тогда крестьяне снова взялись за оружие. В Альтмаркте и Радштадте снова стали собираться сходки, крестьяне отказались соблюдать и с своей стороны договор; выбрали предводителей, снова набат загудел в окрестностях. Пинцгау тоже заволновался. Пинцгаусцы отправили посла в Тироль и в Бриксен пригласить тирольцев соединиться с ними. Но большинство в Бриксене объявило, что дело зальцбургцев не касается более их и что они не хотят нарушать мира.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Беглецы

Но зальцбургцы могли рассчитывать не на одних тирольцев. Они могли надеяться на помощь и из других источников. Множество рудокопов было в то время без работы. Частью это происходило от избытка рабочих рук, частью же и оттого, что рудокопы, принимавшие слишком явное участие в восстании, не могли найти себе работы. Все, кто не успел пробраться в Кицбюль, оставались без работы и без денег.

Число их было очень значительно. Все они отправились на зиму в Пинцгау. Вместе с ними двинулись туда же и 300 кнехтов, служивших в распущенном теперь Зальцбургском ополчении. Примеру рудокопов последовали и штирийцы, бежавшие из-под Шладминга и его окрестностей. Все они нашли себе хороший прием и надежное убежище частью в Понгау, частью у пинцгаусцев. Вообще в долине Зальцбургских гор стеклось много бежавших начальников, советников и простых ратников крестьянских отрядов из всей немецкой земли. Здесь было также много бюргеров, крестьян и проповедников из верхнешвабских городов и местечек. Пережившее все поражения, понесенные крестьянами в остальной Германии, *зальцбургское* восстание сделалось убежищем для многих неуспокоившихся голов — оно давало им возможность осуществить свои цели здесь, на новой родине.

Они надеялись, что свобода и чистое евангелие спустятся с этих вершин на немецкую землю и что отсюда они победоносно вернутся назад в отечество. Князья, владетели и священники тоже боялись, что эта гористая местность может сделать-

ся центром, из которого восстание с новою силою разразится по всей стране. Здесь собралось теперь множество народа даже из самых отдаленных концов Германии.

Из других беглецов многие скрывались в *Швейцарии*, некоторые в *Страсбурге* и *Базеле*, бо́льшая же часть в *Аппенцелле*, в *Сент-Галлене* и *Граубюндене*. В последних кантонах было особенно много беглецов из Альгау. Среди них находились многие замечательные личности альгауского движения.

Беглецы разделялись на две категории. Одни ждали только помилования Швабского союза и своего начальства, чтобы вернуться к своим, на родину, и никогда более уже не принимать участия в подобных делах. Так думали некоторые. Другие, у которых не было надежды на амнистию, думали новой революцией открыть себе путь в отечество. Впрочем, и первые твердо решились проложить силою дорогу на родину, если им не удастся выхлопотать прощение.

Изгнанники, среди которых были многие из хороших фамилий, имели непрерывные сношения с родиной. При помощи родственников и влиятельных друзей они хлопотали о возвращении. Другим удалось переодетыми, с измененною наружностью пробраться в Альгау и к Боденскому озеру. Там они снова возобновили старые связи и втайне работали, приготовляя новое восстание.

Они знали здесь все дороги и тропинки; скрываться в этой местности им было тем удобнее, что крестьяне жили здесь разбросанно, отдельными дворами, часто весьма отдаленными друг от друга. Некоторые успели купить себе на деньги, врученные другими изгнанниками, пропуск в отечество. Они обязаны были хлопотать здесь об общем деле возвращения своих товарищей. Несколько вернувшихся изгнанников отправились теперь по всей стране, чтобы снова воодушевить народ и заставить его взяться за оружие. К числу таких путешественников принадлежали: Ганс Шмидт фон Раппен из Альгау, Петр Штегелен, Валентин Остеррид Штрабель и др.

В Сент-Галлене и Аппенцелле изгнанники устроили свой клуб, имели ораторов, устраивали заседания. Эмигранты из Меммингена имели постоянно свои собственные совещания; Ганс Гельцлин и Бестлин Амберг играли тут первую роль. Они вступили в сношение с другим клубом, в котором ораторствовали Штофель Рейтер фон Грененбах и Урбан Мюльнер фон Энглисгаузен.

Во время войны Ганс Шмидт не был ни начальником, ни советником, он только вел переговоры, служил гонцом и лазутчиком. От времени до времени изгнанники назначали *сеймы*, о которых оповещали далеко кругом. Такой сейм был собран в *Сент-Галлене*. На нем было условлено все, о чем мы сейчас упоминали. Штофель Рейтер отобрал от всех присягу. Ганс Шмидт признавался впоследствии, что имел намерение в слу-

чае, если бы ему опять пришлось возвратиться на родину, причаститься и исповедаться, чтобы этим отклонить от себя подозрение, и работать на свободе над пропагандою восстания.

Когда подобный посол приходил к кому-нибудь из надежных людей, тот указывал ему на другого надежного человека и т. д.

На Сент-Галленском сейме решено было послать в графство Тироль эмиссаров, чтобы возмутить жителей; была также речь и о том, чтобы напасть с граубюнденцами на Альгау, наказать и побить дворян и духовенство. Многие были доведены до такого отчаяния, что подумывали в случае неудачи нового восстания бежать в Швабские и Верхнебаварские горы и там начать разбойническую жизнь.

Следующее собрание назначено было на 12 февраля, в понедельник на масленице, «в *Гайсе*», швейцарском селении; там должно было быть принято окончательное решение.

Вскоре после этого изгнанники в Трогене получили письмо от одного «*дворянина* из *Эчланда*». В письме этом все эмигранты приглашались в один небольшой монастырь на полмили пути от *Адельберга;* в нем эчландец уверял, что даст им содержание и снабдит всем нужным; что он не имеет намерения вредить кому-либо или отнимать у кого-либо собственность, его цель — покровительствовать распространению евангелия и охранять его.

Штофель Рейтер и Бальтас Зейллер стали совещаться с эмигрантами в Трогене об этом предложении. Несчастие научило их, наконец, осторожности. Так как дворянин оставлял у них своих посланных заложниками, то Штофель Рейтер и Бальтас Зейллер решились итти к нему в монастырь депутатами, чтобы известить других изгнанников, в чем состоит его план, в каком месте или в какой стране они должны действовать и против кого он хочет двинуться с ними.

Переговоры были вполне удачны: решено было, что дворянин из Эчланда, которого род и имя оставалось пока тайной для всей массы изгнанников, а может быть (даже очень вероятно), и для их доверенных, — должен сам отправиться с ними обоими в Троген; все трое уехали вместе.

Свидание эчландца с изгнанниками (которых, кроме женщин, находилось в Трогене человек пятьдесят) окончилось их полным обоюдным соглашением. Он объявил, что поведет их на берега Эча, в страну, как говорил он, хорошую, где никто не будет против них, а напротив, все заодно с ними.

Через «священника *Андре,* несколько лет бывшего проповедником в *Люзене*», тирольский дворянин вступил в сношение с беглецами, скрывавшимися в *Базеле* и *Страсбурге.* Все они дали ему слово следовать за ним; *Троген* был назначен сборным пунктом.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Михаэль Гайсмайер

«Дворянин из Эчланда, господин Михель», как называли его служители, был не кто другой, как *Михаэль Гайсмайер,* глава тирольского восстания.

Выбравшись из проклятых гор — как называл их герцог Людвиг — эрцгерцог, повидимому, совершенно забыл об обещаниях, данных народу. Ничто в его поступках не показывало, чтобы он был намерен соблюдать договор, хотя тирольцы и исполнили все статьи, относящиеся до них.

Михаэль Гайсмайер решился приискать другой путь для достижения своей цели: так или иначе сделать Тироль свободным.

Зимою 1525/26 года он побывал в Цюрихе, Люцерне и Граубюндене. Носились слухи, что его видели в курфюрстве Гессен-Кассельском вместе с французским комиссаром.

Франция и Венецианская республика хотели при помощи Гайсмайера вовлечь испанско-австрийский дом в новую войну, вырвать от князей нагорные страны и освободить Тироль, Зальцбург и другие альпийские земли, чтобы иметь в них надежный оплот против могущества Австрии. Конец зимы Гайсмайер пробыл на границах Швейцарии и Тироля, по большей части при Тафасе. Отсюда он вел сношения со всеми.

В начале 1525 года он напечатал и распространил в стране проект нового государственного устройства. Гайсмайер хотел поднять этим народ. Первый пункт этого устава предписывал искоренить всех нечестивцев, гнавших слово божие, отягчавших народ и вредивших общему делу. Далее говорилось о срытии всех городских стен, замков и укреплений; в стране должны существовать одни селения. Мессы, иконы, капеллы, все мерзости старинного суеверия — уничтожаются. Каждая община ежегодно избирает себе судей; каждый понедельник эти судьи разбирают дела, не отлагая их от одного заседания до другого; судьи получают содержание от страны. Центральное правительство назначается всеобщим избранием. Оно имеет резиденцию в Бриксене; там же учреждается высшее училище; трое сведущих в слове божием мужей этого высшего училища будут присоединены к правительству в качестве советников. Далее предполагалось уничтожение несправедливых рент и пошлин, — десятинный церковный сбор должно предоставить в пользу проповеди евангелия и призрения нищих, монастыри должны быть обращены в госпитали и воспитательные дома. Далее говорится об устройстве богаделен и больниц, об усовершенствовании скотоводства и земледелия через осушение болот, акклиматизацию оливковых деревьев, шафрана, хорошего винограда и более полезных сортов

зернового хлеба, о рачительном наблюдении доброты товаров и умеренной цене на них, о мерах против ростовщиков и фальшивомонетчиков, об улучшении и заведении новых рудников, об устройстве и поддержке горных проходов, дорог, мостов, водных и сухопутных сообщений и о военной защите страны.

Гайсмайер хотел разом поднять Зальцбург, Тироль и Верхнюю Швабию. Мы видели, что он завел сношения с швейцарскими изгнанниками. Во время совещания с ними в Трогене явился курьер из Инсбрука: он объявил, что эчландец — бунтовщик, что он намеревается произвести новое восстание в стране и что поэтому его надо схватить и представить правительству. Эмигранты, узнав об этом курьере, хотели просто-напросто повесить его. Но аппенцелльцы хотели выдать Гайсмайера. Однако ему удалось бежать к Боденскому озеру и завязать оттуда сношения с крестьянами.

Гайсмайер надеялся приобрести оружие в Хурбурге и Глурнсе на Эче, с которыми состоял в сношениях. Кроме того, он надеялся на поддержку в Тироле благодаря тому неудовольствию, которое было порождено там неисполнением постановлений последнего сейма. Он мог рассчитывать и на Альгау. О состоянии этой страны сам канцлер выражался в письме к своему господину так: «в Альгау дела идут плоше прочих мест, хотя нельзя сказать, чтобы между крестьянами заметно было особенное брожение». Но аппенцелльцы не хотели более выносить присутствия в своих горах выходцев, с тех пор как узнали, что они что-то затевают против Швабского союза, дворянства и правительства. Они запретили всем содержателям гостиниц в Аппенцелле давать беглецам приют, пищу и питье. Выходцы, переменив местопребывание, оставались по-близости. К тому же еще разнесся слух, будто *герцог Вюртембергский* укрепляет Гогентвиль.

Между тем, Михаэль Гайсмайер уже настолько подготовил дело, что ему оставался только один шаг к исполнению своего плана. С оружием, взятым из Хурбурга и Глурнса, он хотел двинуться через *Винчгау, Освальд, Пенгерль* и верхние округа на *Шватц,* на *Обер* и *Унтеринналь;* в то же время нонзерские изгнанники должны были, спустившись с гор, сделать нападение на Нонс.

Таким образом, во всей стране должна была распространиться тревога, которой только и ждал простой народ, чтобы примкнуть к восставшим.

Уже был назначен день для нападения на Глурнс, именно пасхальная суббота 31 марта; нападение должно было совершиться вечером, когда, по старому обычаю, народ будет присутствовать при богослужении в приходской церкви, стоявшей вне города. Жители Тафаса и Претигау обещали свое содействие. Казалось, все было готово, и Гайсмайер вполне

надеялся на успех. Но он упустил из виду одну странную особенность своего народа, не раз замеченную за тирольцами в критические минуты их истории. Тирольцы никогда не собирались к сроку в назначенное место. И на этот раз легкомыслие этого альпийского народца погубило смелое предприятие Гайсмайера. Явившись, он нашел в самую решительную минуту полную разрозненность: один был здесь, другой там, третий шёл причащаться; это была страстная суббота. Смущенный Гайсмайер должен был удалиться.

Вестники нового восстания во многих местах были схвачены и казнены. В числе их казнен и Ганс Гайсмайер, брат Михаэля. Это, естественно, еще более усилило ненависть Гайсмайера к притеснителям родной страны. Что он теперь делал, до сих пор неизвестно. Но не все швейцарские беглецы последовали за ним на этом новом поприще: даже Штофель Рейтер и Зайллер отказались от его приглашения отправиться с ним в Зальцбург.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Подавление восстания в Альпах

Инсбрукское правительство еще 1 октября 1525 года опубликовало манифест, в котором опровергались «ложные, безрассудные и несправедливые толки», распускаемые беспокойными людьми о том, будто бы правительство не намерено исполнять обещаний, данных на ландтаге.

Но факты весьма красноречиво говорили против этого объявления.

В Зальцбурге архиепископ поступал так же, как эрцгерцог в Тироле. В 1526 году он созвал ландтаг; члены этого ландтага, набранные из клевретов архиепископа, в угоду ему публично объявили, что они добровольно и единодушно признают невинными как его княжескую светлость, архиепископа, так и его советников и служителей и, согласно этому, находят, что он управлял страною надлежащим образом, не как тиран, но честно и достохвально. Они просят имперских князей не давать никакой веры тем, достойным порицания ругательным сочинениям, пасквилям, афоризмам и прочим злым толкам, которые распространялись на счет архиепископа, но уничтожать их; а с теми, которые осмеливаются петь непристойные песни о его милости и распространять их в народе, они просят поступать настолько строго, чтобы навсегда прекратить подобные выходки.

Конечно, все хорошо понимали, насколько такое объявление восстановляло запятнанную честь архиепископа. Никто не был так глуп, чтобы считать его действительно за голос зальцбургского народа.

В *Даксенбахе* под Рауриссом во время самого зальцбургского ландтага, пинцгаусцы держали свой собственный ландтаг. Здесь было объявлено, что набранный архиепископом зальцбургский ландтаг не должен считаться действительным. Из Зальцбурга было отправлено крестьянскому собранию в Даксенбахе «превосходное послание», чтобы отклонить их от «недоброго намерения». Но послание было принято смехом.

«Послушное» земство Зальцбурга согласилось выплатить архиепископу сто тысяч гульденов за военные издержки и снарядить за счет страны две тысячи солдат, чтобы они привели к послушанию и наказанию непокорных. Все налоги и пошлины, которые предполагалось уничтожить, были оставлены попрежнему с обещанием договориться впоследствии об их отмене с особыми выборными.

Рибейзен обратился за помощью в Мюнхен и к Швабскому союзу. Он сообщал при этом угрозы крестьян, что Пинцгау и Понгау восстанут, как только зазеленеют деревья. Из перехваченных писем крестьяне увидели, что архиепископ призывает в страну *иноземное* войско. Обстоятельство это восстановило против него многих, доселе спокойных и бывших ему верными.

Около пасхи архиепископ послал в Пинцгау гофмаршала своего Вигелиуса фон Турн с отрядом солдат «укротить мятеж во что бы то ни стало».

Около Целля маршала встретили вооруженные крестьянские отряды. Вскоре восстание охватило всю страну до самых пределов Баварии. Кардинал обратился к союзу, прося немедленной помощи.

Он старался уверить Людвига, уполномоченного Баварского и Швабского союза, что он со своей стороны не подавал никакого повода ни к прошлогодним, ни к новым неудовольствиям, поэтому нет никакой причины не вступиться за него. Тщетно Нюренберг через своего уполномоченного на сейме старался внушить, «что союз скорее обязан помочь бедному зальцбургскому народу, чем архиепископу, который благодаря этой помощи союза останется попрежнему таким же тираном. Стремления духовенства и в особенности епископов направлены единственно к тому, чтобы под покровительством Швабского союза властвовать над бедным народом, оставаясь при своей тирании и злоупотреблениях; жечь, резать и грабить, совершать разные богопротивные дела, стараться искоренить евангельское учение под предлогом, что оно есть причина восстания. От людей, на слова которых можно положиться, достоверно известно, что бедные пинцгаусцы намерены не вос-

ставать против своих господ, но защитить заключенный договор». Эрцгерцог и знать опасались, что вся горная страна с помощью Венеции и Швейцарии завоюет себе свободу и тогда вся немецкая земля снова возьмется за оружие по примеру этих округов.

Эти опасения были не без основания. Огонь таился еще под пеплом, вспыхивал там и сям и грозил превратиться в страшное пламя. Притеснения, чрезмерные контрибуции, варварства и жестокости победителей угнетали и ожесточали народ. Чтобы судить, до чего разыгралась ярость реакции, достаточно вспомнить, что в одних владениях Швабского союза было совершено до 10 000 казней; до конца 1526 года Бертольдт Эхелин казнил собственноручно 1 200 человек. Сироты и вдовы казненных взывали о мщении; «палачи зарабатывали много денег, не было почти ни одного господина, который бы не казнил нескольких»[1]. После победы настала «игра, доставившая богатство, деньги и кровь; дворянство, духовенство и князья наказывали своих крестьян»[2]. По улицам, в лесах, на пожарищах валялись женщины и дети, умиравшие с голоду[3]. Между тем, по всей стране тайно ходили какие-то люди и говорили народу, что «не следует падать духом от прежней неудачи, что нужно снова собраться и сражаться против врагов Христа и страны; хотя безбожники и одержали теперь верх, но победа их непрочна, ибо их злоба превзошла меру пролитием невинной крови и возобновлением царства антихриста». Все это было подкрепляемо текстами из писания (из книг Судей 16, 20, Юдифи 5, Матфия 7). Некоторые восставали против этих беспокойных людей, говоря, что уста их проповедуют недоброе и поджигают народ на несчастие[4]. Но предостережения эти проходили бесследно; гонение веры, преследование евангелия глубоко запали в сердца и заставляли забывать все остальное. Уже и со стороны крестьян выражено было желание собраться вновь[5]. На большой равнине при Кенигсгофене на могилах тысячи убитых там братий стали появляться толпы поселян, сходившиеся для переговоров. Крестьяне узнавали своих сторонников по лозунгу. Захваченные признавались под пыткой, что «дело скоро должно начаться»[6]. В Гегау находился грозный герой Твиля, герцог Ульрих, окруженный многими из известных изгнанников и беглецами из Неккарталя. Там были и *Андреас Реми* фон *Циммерн,* и *Габриэль,* служивший при *Яклейне Рорбахе,* и молодцы из Гроссгартаха. В Страсбурге и Бокенгейме расположились рас-

[1] *Гольцварт,* рукопись.
[2] *Никлас Томан,* рукопись.
[3] *Никлас Томан.*
[4] Увещание Эберлина бюргауерцам.
[5] Из архива в Кауфейре.
[6] Показания Луца Ташенмахера; союзные акты, связка 99а, № 31.

пущенные союзом ландскнехты в ожидании приглашения герцога; говорили, что оно последует скоро. В числе бежавших в Страсбург был Бернгард, сын старосты Вельднера, который имел с собою даже «печатню» и защищал свою партию, более же прочих *Якова Рорбаха*[1].

Бамбергские рудокопы бежали, бросив жен и детей, дома и имущества. *Кристоф Графф,* архиепископский военачальник, был окружен крестьянами при Радштадте; войско его потерпело сильный урон. «Эта шайка, — писал он 15 апреля, — состоит из всевозможных негодяев; они снуют всюду, число их доходит до тысячи двухсот человек».

Последствия показали, что на этот раз люди, взявшиеся за дело, были хорошие воины. Их образ действий не был похож на прошлогодний. Они не останавливались перед замками, не застаивались в городах, но быстро проходили по всей стране, принимали крестьян в союз и тем подвигали дело к развязке. Они были отлично вооружены и хорошо стреляли. По всему было видно, что это не только уже бывалые крестьяне, но что ими руководит искусная рука; они не знали покоя ни днем ни ночью, как писал кардинал 11 апреля герцогу Вильгельму.

Но и зальцбургское восстание не избегло общей участи всех междоусобий и инсуррекций. Среди крестьян было немало таких, которые хотели остаться на прежних условиях с своими господами, ибо ставили покой выше всего; были и такие, которых горький опыт прошлого года научил смотреть на вещи хладнокровнее. Многие из крестьян и мещан Зальцбурга вполне сочувствовали рисским крестьянам, которые еще в 1525 году объявили, что «скорее сожгут свои жилища и умрут тут вместе со своими детьми, чем выйдут на поле сражения». В каждой общине были подобные разногласия; стали просить у правительства защиты против мятежников, которые принуждали вступать в братство, но так как просимая помощь не приходила, то волей-неволей даже самые смирные и миролюбивые должны были принимать участие в движении.

Кардинал собрал, наконец, войско тысячи в четыре, пеших и конных, и двинул его против крестьян. При Голлинге произошло сражение. За крестьянами осталась полная победа. Архиепископское войско было разбито и, потеряв все выгодные позиции, которые занимало прежде, принуждено было отступить к Кухелю.

Между тем, неизвестно, каким путем в Тироль явился Михаэль Гайсмайер с тремя прекрасно вооруженными отрядами. Это были частью немецкие беглецы, частью тирольцы. Гайсмайер осадил с ними Радштадт.

Союзные войска, явившиеся на помощь, были разбиты

[1] Союзные акты, связка 99а, № 31.

крестьянами попеременно при *Кютцбюхеле, Маутернадорфе* и *Кухеле.*

Между тем, крестьяне Рауриса, Понгау, Гастейна взяли штурмом и сожгли замки Миттерзиль, Капрун, Фишерн, Даксенбах, Лихтенберг, Энгельберг, Иттерн. Дело пошло вообще удачно для крестьян. Отряд союзных войск под начальством Тангаузена почти весь погиб в Высоких Альпах.

Из *Зальцбурга* приближалось между тем большое союзное войско: шло 8 отрядов лучших воинов. При Кухеле на Зальцахе *Гайсмайер* напал на них и остался победителем (14 июня).

До прихода Гайсмайера главным вождем крестьян в горах был Кристоф Зетценвейн. Теперь, быть может, из зависти к Гайсмайеру, а может быть, соблазнившись примером Праслера и Грубера и надеясь, подобно им, сделать карьеру на придворном поприще, Зетценвейн вступил в переговоры с кардиналом. Измена его была открыта, и он вместе с своим профосом был казнен крестьянами. С этих пор Гайсмайер, уже и раньше игравший первую роль, открыто принял звание главного предводителя восстания.

Победа крестьян так подействовала на архиепископа, что он со всем своим имуществом готовился бежать из Зальцбурга. Он «не надеялся совладать с восстанием, потому что Швабский союз потерял много людей». Он был уже почти на пути в Аугсбург, «когда баварские князья со строгостью воспрепятствовали этому отъезду».

Без этой задержки Зальцбург во второй раз попал бы в руки крестьян. Повстанцы так твердо верили в это, что уже заранее разослали всюду курьеров с известиями о взятии города. Один из таких курьеров был схвачен австрийским правительством. Он показал, что крестьяне послали еще 12 курьеров.

Крестьянам, однако, не удалось поднять своих братий. Не только Шварцвальд и округ Боденского озера, даже и альгаусцы не двинулись во-время: им недоставало предводителей. Только в Тироле, как писал от 1 мая 1525 года канцлер Экк герцогу Вильгельму, «начались большие беспорядки». В Альгау и к Боденскому озеру Швабский союз, опасавшийся восстания, отправил множество рейтаров; они разъезжали всюду и препятствовали крестьянам собираться.

Только теперь союзные советники поняли, что значит вести войну в горах, в незнакомой местности, против неприятеля, вполне сроднившегося с этими Альпами, умевшего пользоваться всеми преимуществами, которые представляет местность. Зальцбургское восстание показалось им теперь «опасным для всей немецкой нации». Военачальники союза, бывшие в лагере кардинала, уже 10 мая на военном совете составили план, чтобы подкрепления Швабского союза, которые должны были

скоро прибыть, шли из Верхней Баварии, из Розенгейма на Инне через Грассерталь и Иохберг к Пинцгау, а австрийские войска в то же время подвинулись на Радштадт, так как позиция инсургентов при Кухеле казалась им неприступною. Союзные советники в Аугсбурге, которые заседали в совете, а не в горах, отвергли тогда этот план. Но в Зальцбургском лагере его отстояли.

Георг Фрейндсберг с хорошим войском двинулся из Розенгейма, а старый граф Никлас Зальм шел из австрийских герцогств с армией, состоявшей из наемников, частию итальянцев, частию чехов, стратиотов и альбанцев.

31 июня в *Пинцгау* при *Целле* Фрейндсберг сразился с отрядом пинцгаусцев. Он отнял у крестьян шесть фальконетов и столько же знамен. Разбитые пинцгаусцы, оставив 600 человек из отряда в Вальштатте, разрушили за собою мост через Зальцах. Они отступили в строгом порядке и тем только спасли себя от окончательного поражения. Пинцгаусцы хотели теперь соединиться под начальством Гайсмайера с восточным отрядом, который стоял у Радштадта.

Между тем, осада Радштадта не подвигалась к концу, несмотря на всю храбрость крестьян. Их жалкие деревянные пушки не могли причинить большого вреда осажденным, имевшим хорошую артиллерию.

4 июля Гайсмайер после совещаний с Песслером, предводителем пинцгаусцев, снял осаду с Радштадта, и все крестьянское войско двинулось в свой прежний лагерь, в ближний *Альтенмаркт*.

Гайсмайер тотчас же понял опасность, которая грозила ему с трех сторон: прямо с фронта со стороны Кухеля, через Абтенау, двигались рейтары и 13 пеших рот Швабского союза; справа подступал граф Никлас Зальм; он шел через *Маиндлинг* с порядочным числом конницы и четырьмя ротами пехоты к Радштадту, за *Торштейном* к нему присоединились 8 из 13 швабских рот. Сильная артиллерия Зальма уже заняла форпосты вокруг маиндлингского прохода. Слева Гайсмайеру грозил победитель пинцгаусцев Фрейндсберг.

Гайсмайер решился. Он собрал всех иноземцев, беглецов и тех зальцбургцев, которые более других опасались за свою участь. Все это были большею частию люди, уже испытанные в сражениях, отчаянные, готовые на все. Лошади и фуры были нагружены добычею, приобретенною в продолжение двух победоносных месяцев.

Гайсмайер хотел попытаться перенести театр войны в горы *Тироля*, собрать там крестьян под свои знамена и увеличить таким образом свои силы. Каждому повстанцу было предоставлено на выбор итти или остаться.

Неприятели, стоявшие под Радштадтом, ждали, что Гайсмайер вступит в отчаянный бой; они видели, что он окружен

со всех сторон и находится в их руках. Огни, не потухавшие всю ночь в лагере Гайсмайера с понедельника на вторник после петрова дня (с 4 на 5 июля), держали союзников всю ночь настороже. Они думали, что рано утром крестьяне намерены вступить в бой. Однако все было тихо, и когда настал день, они увидели, что лагерь уже пуст.

Большинство крестьян разошлось в эту ночь по долинам, а Гайсмайер и Песслер со всею добычею и шестьюстами повстанцев продолжали свой путь. Союзники с яростью гнались за ними до самого с. Иоганна. Не найдя там никого, они ограбили это местечко, а на возвратном пути сожгли Альтенмаркт. С восходом солнца Гайсмайер и его отряд достигли благополучно гор. Из Пинцгау они спешили через раурисский Тауер достичь Линца в Тироле. Оттуда через Иннихен они напали на Брунекен, резиденцию бриксенского епископа в Пустертале.

Нападение это привело всех в «страшный испуг». Инсбрукское правительство «поражено было ужасом». Эта неслыханная дерзость заставила его опасаться, что Гайсмайер имеет огромное число приверженцев и единомышленников во всей стране.

Но вследствие апрельских беспорядков в Брунекене и Мильбахе стоял до сих пор сильный гарнизон. Гайсмайеру не удалось напасть врасплох ни на один из этих пунктов. Рыцарь Кюнигль собрал войско и убедил пустертальцев не только остаться спокойными, но даже вооружиться против отряда Гайсмайера. К Брунекену снова подступил Фрейндсберг с 3 000 войска. Гайсмайер не решился вступить в бой с такими превосходными силами, он переправился через Риенц у Финтеля и мимо Гахельштейна, через Роденегг на Люзен, Эннеберг и Бухенштейнское аббатство благополучно прибыл в венецианские владения.

Вплоть до Бухенштейна его преследовали отряды Кюнигля и Фрейнсдберга. С удивлением смотрели неприятели вслед удаляющемуся смельчаку: «Никто не проникал так далеко в глубь страны, как Гайсмайер», — говорит один современник [1].

Удача этого похода выказала во всем блеске таланты Гайсмайера. Его имя сделалось славным не только в Тироле, но даже в глазах *венецианского правительства* и *Швейцарского союза.*

Только теперь показался он опасным австрийскому правительству, зальцбургскому кардиналу и баварским князьям. Только теперь в глазах их он стал человеком, «который не остановится ни перед какими препятствиями» [2]. Теперь только вспомнили и заговорили о том, как многосторонен Гайсмайер,

[1] *Кирхмайер,* хроника Бриксена, у Зиннахера, VII, 246, 250—255.
[2] Письмо кардинала от 10 октября 1525 г. баварским князьям.

как силен словом и делом этот славный народный вождь; вспомнили, какое красноречие выказывал он на ландтагах; вспомнили, с каким умением и искусством он приготовил, организовал и руководил восстанием; вспомнили, как искусен он и при атаке, и при обороне, и при отступлении, с какими незначительными силами он умел так долго оставаться победителем, только благодаря уменью разумно пользоваться выгодами местности; даже и теперь, отступивши, он все-таки не был побежден. В Венецианской республике он был принят с огромным почетом. Сам дож делал смотр его войску, оно так понравилось ему, что он назначил ему «прекрасное содержание». Самому предводителю предложено было четыреста дукатов ежегодного содержания и дворец в Падуе для жилища. Там жил он, говорили в горах, «с пышностью кардинала». Гайсмайер со своим войском скорее считался гостем Венецианской республики, чем состоящим у нее на службе: дож понимал, что планы Гайсмайера, если они осуществятся, с лихвой вознаградят республику за ее теперешнее гостеприимство.

Гайсмайер не отказался от своих старых планов. И теперь он ставил целью своей жизни распространить в Альпах и во всей Германии священную для него свободу, религиозную и политическую. И если теперь он хотел достичь при помощи Венеции и Швейцарии того же, чего добивался прежде с поддержкой германского простонародья, — во всяком случае ни с точки зрения религиозно-нравственных воззрений того времени, ни с точки зрения политической практики государей тогдашнего и позднейшего времени Гайсмайер никаким образом не заслуживал названия изменника, которым хотела заклеймить его известная партия, указывая на то, что он пользовался чужеземною помощью для своих целей.

Уже и тогда Германия была настолько несчастна, что слово «отечество» было для нее только отвлеченным понятием, не имевшим никакого живого, реального смысла. Император считал своими интересами интересы габсбургского дома, а не выгоды государства. Князья тоже знали только династические интересы. Города долго жили исключительно местною особенною жизнью, только теперь притеснения князей заставили их взывать к единому великому немецкому отечеству, но это отечество уже не существовало. Идея об общем немецком отечестве стала совершенно чуждою в Германии: каждая народность, каждое самое незначительное княжество думало только о себе и ничего не хотело знать о немецкой земле. Только по временам, начиная с конца средних веков, из среды народа стал раздаваться вопль отчаяния и мольба о защите, обращенная к общей родине; воззвания эти, впрочем, скоро умолкали, потопленные в потоках крови.

Чужая помощь, которой искал и которой воспользовался Гайсмайер, не была обращена им против своего *отечества*,

он противопоставил ее только тем, кого считал самыми злейшими врагами свободы и религии, а стало быть, и врагами народа. Это были: император, брат его Фердинанд со своими испанцами, а главным образом, духовные князья. Гайсмайер воспользовался иноземными силами, чтобы с их помощью доставить народу свободу, религиозную и политическую; он действовал не для себя, но для народа. А государи Австрии, герцоги баварские, и властители других германских государств искали и пользовались постороннею помощью лично *для себя против целого народа.*

Несколько месяцев тому назад на союзном сейме Нюренберг возвысил голос о том, что и после победы над народом победители грозят протестантству. Голос Нюренберга был тогда почти единственным. Но в августе 1526 года вопрос о последствиях победы над восстанием возник для всех протестантских государств союза: староверы прямо называли эту победу победою католичества над «лютеранством». Протестанты, конечно, не могли согласиться принять предложение австрийских уполномоченных на сейме не распускать союзных войск и сейма до тех пор, «пока не будет известно, какой оборот примут переговоры с Гайсмайером».

Были сделаны и другие предложения: усилить средства союза в Альпах и просить венецианское правительство не держать более у себя Гайсмайера и дозволить союзному войску войти во владения республики, чтобы овладеть им. Но все эти предложения австрийцев остались без последствий. Последователи нового учения в империи вступили в союз с Венецианской республикой и с реформатскими кантонами Швейцарии для защиты своей религии от императора и Габсбургов. Ненависть деспотизма к свободолюбивым стремлениям народа уже почти вовсе не считала нужным маскировать себя, гонение свободы совести, зверский, дикий фанатизм высказывался самым откровенным образом.

Профос союза Бертольд Эхелин и другие профосы и палачи католических властителей схватывали и казнили евангелических проповедников, не принимавших никакого участия в восстании, за то только, что они «лютеране». Герцог Вильгельм Баварский поступал еще лучше: он приказал казнить одного схваченного анабаптиста за то, что он прежде был лютеранином[1].

В Альтенмаркте австрийские солдаты бросали в огонь пылающих домов детей убежавших крестьян, «лютеранских собак», как они их называли.

Вскоре по отступлении Гайсмайера Понгау сложил оружие; Пинцгау уже после битвы при Целле принял новую присягу. Войско архиепископа, проходя через Целль и Зальфель-

[1] Письмо Экка герцогу Георгу Саксонскому от 26 ноября 1527 г.

ден и разогнав последние остатки крестьян, не положивших еще оружие, объявило пинцгаусцам, чтобы в воскресенье, перед днем св. Ульриха, 2 июля, все явились в Даксенбах, каждый в том вооружении, в каком он был на войне. Но только очень немногие из пинцгаусцев явились в Даксенбах. Страх удержал остальных. Пришедшим не причинили никакого вреда, им приказано было только положить перед собою оружие, внести с каждого двора по восьми гульденов контрибуции и принять присягу. Каждому, кто выполнил это, дан был красный бумажный крест, стоивший также полгульдена; крест этот крестьяне прибивали на дверях.

Неявившимся назначен был вторичный срок для принятия присяги, именно день св. Маргариты, 13 июля. Кроткое обращение с явившимися 2 июля в Даксенбах ободрило крестьян. Во множестве стеклись они в Радштадт. У ворот от них отобрано было оружие. Затем из города выступило дворянство с конницею и четырьмя отрядами пехоты, которые и окружили обезоруженных крестьян. Кристоф Графф фон Шернберг стал обвинять их в возмущении. Потом из списка прибывших названо было двадцать семь имен, эти двадцать семь были вызваны из толпы. Явились четыре палача и здесь же, на глазах народа, объятого ужасом, казнили обвиненных. Было уже слишком поздно раскаиваться в наивности, с которою крестьяне допустили поймать себя в ловушку. Вся толпа должна была присягнуть на месте кровавой казни и дать клятвенное обещание никогда не мстить за казненных. После этого крестьяне были распущены по домам. Подобные же кровавые расправы учинены были в Кухеле, Целле и других местах. Жилища казненных, а равно и тех, «которые не дались в обман и вместе с Гайсмайером отделались от преследования», были разрушены; городки и местечки были низведены на степень простых деревень. Набатные колокола были сброшены с башен на землю.

Оставшиеся верными епископу города Радштадт и Целль были награждены.

В прочих владениях Зальцбурга и в Тироле дела были в том же положении, как и в Германии: каждую минуту можно было ожидать нового восстания, «до такой степени ожесточено было сердце крестьянина».

В Швабии народ с напряженным вниманием, надеждою и радостью следил за событиями в Зальцбурге; легко понять, какое впечатление должен был произвести там разнесшийся весною 1526 года слух, будто замок и город Зальцбург взяты крестьянами и все, находившиеся там, кроме детей до 7 лет, перебиты. Крестьяне обнаруживали сильное желание снова взяться за оружие, так что Швабский союз должен был официально опровергнуть ложный слух. По селам ходили под видом нищих эмиссары и старались возбудить народ к восстанию.

Простолюдины Швабии, Франконии, Саксонии, все надежды которых разбил несчастный 1525 год, с упованием обращали теперь свои взоры к Альпам, с высоты которых впервые низошла свобода на так давно угнетаемую Германию. Все надежды народа возлагались теперь на того героя, которого считали единственною грозою тиранов и утешением простых людей.

Ландскнехты, возвратившиеся на родину в Швабию и Франконию, рассказывали там о великом и счастливом крестьянском предводителе, который так часто побеждал их и всегда ускользал от их преследований. Такие же рассказы ходили о нем и между народом, рассеянным в одиноких хижинах долин и на альпийских высотах Зальцбурга и Тироля.

Всю весну и лето 1527 года князья провели в постоянном опасении нового вторжения Гайсмайера в альпийскую страну. В начале зимы, 10 октября 1527 года, архиепископ зальцбургский писал баварским князьям, что он получил на-днях из нескольких мест весьма основательные предостережения, будто бы Гайсмайер со своими приверженцами и беглецами из епископских владений при помощи и содействии Венеции намерен в этом же году напасть на графство Тироль и привлечь крестьян на свою сторону. Имея в виду всю трудность проникнуть в Тироль сверху, он решился итти нижними проходами на Виллих, Верхнюю Каринтию, а оттуда в Зальцбург. Овладев зальцскими высотами, он направится в Тироль. Близость зимы и затруднения похода, по словам епископа, вряд ли могли остановить Гайсмайера. Напротив, вероятнее, что он еще скорее вздумает осуществить свое предприятие теперь, когда его всего менее ожидают, а перед препятствиями он ведь и прежде никогда не останавливался.

По другим известиям ожидали, что Гайсмайер вторгнется одновременно через Нонс и через Триент в долины Тироля и, подняв народ, откроет Венецианской республике и ее союзникам свободный доступ против императора. Однако лето и зима миновали, а слухи эти не оправдались.

Напротив того, весною 1528 года пронесся слух, что Гайсмайер в Швейцарии, именно в Цюрихе. Говорили, что этот кантон дал ему право гражданства и что он находится там в качестве уполномоченного от Венеции и ведет переговоры с канцлером герцога Ульриха Вюртембергского, Фуксштейнером, с реформатскими кантонами и некоторыми евангелическими партиями государства, которые намерены заключить союз против императора. Гайсмайер производит будто бы большие вербовки, особенно в Граубюндене. В конце июня стали поговаривать, что несколько тысяч швейцарцев тайно выступили в поход и что Гайсмайер поджидает их в горах, чтобы общими силами напасть на приэчские страны.

Некоторые из этих слухов имели основание. Гайсмайер действительно сделался швейцарским гражданином и центром

тайного наступательного и оборонительного союза, заключенного некоторыми имперскими городами и князьями, опасавшимися стремлений Австрии уничтожить новую веру и ниспровергнуть существующий порядок государственного устройства: император не скрывал, что он хочет употребить силу против протестантов; поэтому они и вступили в союз с швейцарскими кантонами и Венециею; даже и имперские города подумывали о том, «как бы поднять крестьян за религию». Теперь народу представлялась возможность поставить во главе армии великого вождя. Но большая часть народных военных сил была уже истреблена; победа, одержанная императором при Неаполе в 1528 году, расстроила планы союзников, а вслед затем вскоре распространился слух об *убийстве Гайсмайера.*

Бриксенский епископ не раз говаривал, что, «не связывай его высокий сан, он давно уже освободил бы правительство от такого бремени, как Гайсмайер». Эрцгерцогское правительство в Инсбруке оценило голову Гайсмайера. Один из телохранителей Гайсмайера был подкуплен убить своего начальника; однако, взяв деньги, он не исполнил этого. Несмотря на все старания епископа, несмотря на публикации правительства, во всем Тироле не нашлось никого, чья рука поднялась бы на человека, которого одни считали благочестивым предводителем народа, другие — человеком мужественным, опытным и с многосторонним умом, а народ чтил, как героя, подвигам которого долго будет дивиться потомство.

Два *испанца*, подталкиваемые фанатизмом и золотом, прокрались ночью в жилище Гайсмайера в Падуе и умертвили его во время сна. Это было убийство в самом полном значении этого слова, так как злодеи совершили свое дело в венецианских владениях, а не в Австрии. Убийцы бежали в Инсбрук, унося с собою голову своей жертвы.

Испанский кинжал покончил с Михаэлем Гайсмайером; но не следует забывать, что этот кинжал был куплен немецкими прелатами и немецким правительством.

Друг и сподвижник Гайсмайера, храбрый и умный *Песслер*, некоторое время находился на жалованьи Венеции в качестве начальника немецкого отряда. Его голова также была оценена в двести дукатов. Один из его собственных людей, *Лука Визер* из *Верфена* (стало быть, не тиролец), соблазнясь золотом, решился застрелить своего начальника. И это убийство было совершено на венецианской территории, в *Фриуле.* Голова Песслера также отнесена была убийцею в Инсбрук; там он получил за нее назначенную плату и был помилован австрийским правительством [1].

[1] Источниками к этой главе, кроме уже названных донесений и документов из Австрийского государственного архива у Бухольца, четырех донесений начальников Швабского союза, в Штутгартском государственном архиве, служили: древняя рукопись у Мегизера, Метцгер, Historica Salisbur-

Заключение

Смерть Гайсмайера избавила и тирольское правительство и прочих государей от множества забот. Удар, нанесенный ему, попадал прямо в сердце народному движению Германии и совершенно расстраивал планы Тайного союза. Все было уже готово к восстанию, ждали только сигнала. В *Швейцарии*, *Гегау, Альгау,* на *Дунае* весною 1527 года уже все было готово; решено было овладеть *Страсбургом* и сделать его главным сборным местом нового восстания. Правительство страсбургского епископа было в беспокойстве. В *бамбергских владениях* уже в январе 1527 года открыто было новое тайное народное общество. Маркграф Казимир говорил по этому поводу, что с «бамбергскими подданными поступлено было так снисходительно, что от них ежедневно можно ожидать нового восстания».

Состояние народа во *Франконии* и *Богемии* было очень опасно. В январе 1527 года на границах Шварцвальда и Швейцарии перехвачены были бумаги, распространяемые тайными эмиссарами. В них говорилось о народном восстании или, по крайней мере, о приготовлениях к нему. Двенадцать евангелических проповедников и священников, замешанных в это дело, были схвачены близ Энзисгейма; также пойманы были 120 человек, скрывавшихся еще с 1525 года в Шварцвальде и Швейцарии. Все они были казнены [1]. В Страсбургском епископстве много крестьян было взято под стражу; в бамбергских владениях рейтары Швабского союза нападали на селения, в которых жили члены нового Тайного крестьянского союза. Триста крестьян, подозреваемых в сообщничестве с ним, были схвачены и частью заколоты на месте рейтарами, частью казнены.

Смерть Гайсмайера развязала руки правительствам. Теперь нечего было и думать о восстании. Лучшие вожди народа были или мертвы, или скитались в изгнании. Некоторые из них пропали без вести. *Георг Мецлер* исчез с той поры, как оставил Кенигсгофен. *Эндрес Виттих,* ограбленный и раненный, найден был на дороге близ Нюренберга *Михаэлем Газенбартом.* «Многие из мятежников, — говорит очевидец, — в нищете блуждали без цели; некоторые из них бежали даже к туркам» [2].

Народные ораторы и проповедники должны были умолкнуть под гнетом солдат и палачей. Всюду, где старая вера и старая светская система одержали верх, начались преследования и искоренение *евангелических* проповедников, как бунтовщиков, только потому, что «лютеранство» в глазах вла-

gensis, Себастиан Франк, Ансельм, Гаузитц, Germania Sacra, Клеменс Зендер, Historica relatio de ortu et progressu haeresium in Germania Ingolstadii 1654 г.; также целое собрание записок Георга, донесения и документы в государственном архиве Баварии.

[1] *Зендер*, Relatio historica, стр. 22.

[2] *Гольцварт,* рукопись.

стителей было равносильно мятежу, а каждое проявление новых воззрений считалось за «лютеранство». Вместе с народным восстанием в большей части Южной Германии потерпела крушение и новая религия. Исповедовавших ее гнали, истребляли книги, казнили проповедников. Еще летом и осенью 1525 года из 71 обвиненных «еретиков» уголовный суд в Энзисгейме только *одного* нашел невинным: 12 из осужденных лиц духовного звания были колесованы, сожжены или утоплены, только один обезглавлен; подобному же наказанию подверглись и другие[1]. В Альгау, между Штутгартом и Канштадтом на границах Франконии, проповедники нового учения разделили участь шютцингенского священника, который по приказанию правительства «был повешен на суку». Народные ораторы из мирян спасались или временно эмигрируя из отечества, или совсем покидая его; иногда они прибегали к покровительству властей. *Вейганд* оставлен был в покое. За изменника *Фирлера*, танненбургского фогта и начальника Гайльдорфского отряда, так решительно вступились маркграф Казимир, духовный властитель Эльвангена и пфальцграф, что Галль, потребовавший было его выдачи, должен был отказаться от этого; тем не менее, по смерти Фирлера, несмотря на участие, принимаемое в покойном при жизни, эльвангенский пробст в наказание «за содействие его мятежу 1525 года» отнял от его вдовы имение. Советника того же отряда, священника *Гельда* из Бюлертанна, укрыл его родной город Нердлинген[2]. Непомилованный *Бенклер* несколько лет скитался «бандитом» на Шварцвальде; несколько других — на Гмюндервальде. Более пятнадцати лет опальные держались в развалинах *Нейфельского* замка в Гогенлое; между ними были принимавшие участие в народном движении в Швабии, Пфальце и Франконии, так скитались они, пока не пали под ударами солдат вюрцбургского епископа и имперских городов. *Фейербахер* и *Теус Гербер* встретили участие и приют — один у швейцарцев, другой в имперском городе Эслингене; много лет спустя они, однако, возвратились на родину. Некоторые инсургенты даже после десяти или пятнадцати лет своей бродячей жизни все-таки не избегли плена. Михаэль Кох из Мюльгаузена много лет спустя был арестован, подвергнут пытке и посажен в тюрьму. Таким образом, ненасытное мщение всюду искало себе жертв. Явились доносы и предательства не только между посторонними, но даже в недрах семейств. Надежда воспользоваться достоянием опального была их главною побудительною причиною.

К *Венделю Гиплеру* судьба была более жестока, чем к прочим. Ему суждено было видеть гибель всех своих надежд, всех упований, всех планов. Он указал на главные источники бед-

[1] Акты в Штутгартском государственном архиве.
[2] *Гофман*, рукопись в Эльвангенских архивных актах.

ствий и зол своего отечества; он хотел создать новое, крепкое, здоровое тело для германского духа, но судьба не хотела этого. Он был устранен и отброшен от своей работы как бесполезный труженик, опальный изгнанник; его преследовали будто преступника, как какого-нибудь простого разбойника или убийцу, преследовали даже те, для кого он работал.

Эренфрид Кумпф тоже умер скоро вдали от отечества, хотя и на свободе. Он страдал под конец меланхолией. *Карлштадт*, выпущенный одной девушкой из Роттенбурга, был спрятан по старой дружбе Лютером в августинском монастыре в Виттенберге; позже он снова разошелся с ним и сделался при содействии Цвингли профессором теологии в Базеле. Монастырские служители в Виттенберге рассказывали, что «его унес чорт».

Гец фон Берлихинген пожал плоды своей измены: он долгое время находился в заточении, обвиненный в государственной измене, несмотря на дружбу с Трухзесом и Дитрихом Шпетом; наконец, он был выпущен на свободу с условием никогда не садиться на лошадь, не переступать границы и ни одной ночи не проводить вне дома. Народ осмеял его в сложенных про него песнях, а великий писатель восемнадцатого столетия сделал его имя бессмертным. Заслуги самого *Трухзеса* плохо оценены были союзом и эрцгерцогом. Георг Фрейндсберг жаловался в стихах собственного сочинения на неблагодарность правительства; часто он заставлял петь их во время обеда, заливая вином нанесенную ему обиду. Маркграф Казимир окончил свои дни, покинутый всеми приближенными, в жестоких страданиях от кровавого поноса, а кардинал *Маттеус Ланг* умер идиотом.

Народ и после подавления восстания не отказывался от своих лучших надежд, он еще утешал себя надеждой сбросить гнетущее иго. Поэтому Швабский союз еще несколько лет не решался распустить своих войск, хотя содержание их обходилось ему очень дорого. Чтобы успокоить умы, союзный сейм решением 27 августа 1526 года приглашал князей обращаться с виновными с большею милостию и кротостью, объявляя, «что тот, кто через увеличение повинностей заставит подданных своих взяться за оружие, не должен рассчитывать на помощь союза»[1]. Тем не менее, откупившихся на волю принудили в наказание давать вечную десятину с плодов и животных[2]. Опасно было даже говорить о событиях крестьянской войны; один человек, рассказывавший, что он был при том, как Дитрих фон Вейлер брошен был с башни, сам, по приказанию Вольфа фон Фелльберга, был сброшен с колокольни. Угнетенные утешали себя надеждою на новое победоносное восстание. В это

[1] Во многих союзных актах.
[2] Иоган Шпретер из Роттвиля, Инструкция 1542, II, 329.

бедственное время они предавались религиозным мечтаниям, верили в предсказания перекрещенцев, что в троицу 1530 года «турки покорят австрийский дом» и что затем будет основано «святою общиною анабаптистов высокосвященническое государство». Еще летом 1525 года народ говорил, что через 6 лет он даст знать о себе; поэтому правительство было настороже.

Неуспех великого народного движения 1525 года зависел от многих причин. Прежде всего он объясняется крайнею раздробленностью множества мелких военных отрядов, рассеянных между Карпатами и Вогезами. К тому же отряды состояли из таких элементов, что *сила* их была гораздо ниже *численности*. Все они составляли огромную массу, но не войско. Это был «гигант, вооруженный, но не умеющий управлять своими членами». Нужно было привлечь к непосредственному участию в восстании низшее дворянство (и города): оно должно было руководить им. Кроме того, восстанию недоставало главной силы, которая бы концентрировала его и управляла массою, — недоставало главы, великого полководца народной войны. Время было слишком коротко, чтобы такой вождь мог выработаться и явиться из массы; война окончилась так быстро, что не могла служить крестьянам школою военного искусства; гуситы были в этом отношении счастливее. Все народные движения, какие только знает история, бились за *свободу* уже тогда, когда было достигнуто *национальное единство*. Представляя *единое* целое, они успешно завоевывали себе *свободу*. Немцы же не составляли *одного* народа; национальный дух пробуждался только в отдельных личностях, а не в массах, точно так же и понятие о свободе созрело только у немногих. Вместо того, чтобы неустанно стремиться к своей цели, крестьяне часто оставались в бездействии и иногда пьянствовали день и ночь. Неопытные как в политике, так и в военном деле они пропускали удобные минуты и для переговоров и для битв. Вместо того, чтобы стараться привлечь на свою сторону своих естественных союзников — мелкое дворянство, низший класс горожан и низшее духовенство, — они отталкивали их от себя и в то же время заключали договоры с сильными врагами — договоры, не принесшие им никакой выгоды, так как по прекращении военных действий они не имели силы охранять их.

Между причинами, породившими неудачу восстания, является и то обстоятельство, что многие лучшие люди из среды крестьян покинули дело или оскорбленные недоверием, или оттертые от него недостойными происками. Самые способные из предводителей и советников не пользовались всеобщим доверием повстанцев. В начальники выбирались не храбрейшие и опытные воины, а люди богатые и имевшие влияние у себя дома. Ко всему этому следует еще прибавить измену и предательства всякого рода. На этом коньке преимущественно вы-

езжали господа. Главные преимущества неприятеля состояли, во-первых, в том, что советники и предводители крестьянские часто были подкупаемы ими и в свою очередь подкупали крестьян; во-вторых, вероломство было возведено у них в принцип; все договоры и обещания в силу того только, что заключены с «мятежниками» и «еретиками», могли быть, по их мнению, нарушаемы во всякое время, без всякой помехи. Не имея ни конницы, ни орудий, ни укреплений, плохо вооруженные, лишенные главного вождя, крестьяне стояли разбросанными там и сям отдельными отрядами лицом к лицу с врагом, обладавшим всем тем, чего им недоставало, — врагом, собиравшим воедино все свои силы при каждом нападении. Швабский союз, силы которого были бы ничтожны перед соединенными крестьянскими отрядами, был, однако, сильнее каждого из них и потому постоянно оставался победителем. Энтузиазм, одушевлявший крестьян, обыкновенно пропадал в решительные минуты. Только женщины, с самого начала заявившие себя мужественнее мужчин, постоянно оставались верными себе. Сродная крестьянскому сердцу недоверчивость ко всему высокопоставленному отталкивала крестьян от их лучших, разумнейших предводителей. Отношения, в которые стали к евангелическому движению Лютер и многие другие проповедники, пользовавшиеся доверием народа, тоже отняли у него немало энергии. *Религиозная сила* восстания между умеренными, разделявшими воззрения Лютера — именно в городах, — была *подавлена* их собственными единоверцами, была прервана религиозными ораторами раньше, чем дело дошло до битв. Что результаты реформации не имели более обширного применения, — главную причину этого нужно искать в том, что среди народного движения погибли знаменитейшие реформаторы, еще с самого начала стремившиеся дать этому движению другое направление.

Спокойствие после войны можно было назвать могильною тишиною. Победители все еще находились в страхе, что, как привидения, в полночь вдруг подымутся из могил тени умерших. Веселье покинуло тирольские, штирийские и швабские долины: не слышно было более ни скрипки, ни танцев, ни пения. Поколение сменялось поколением, а материальный вред, нанесенный народу, не сглаживался, еще менее мог исчезнуть *политический* и *религиозный* вред. Германия лишилась с этих пор единства в религиозных верованиях и стала все более и более разъединяться и политически.

Могущество князей начало превышать могущество императора. Вместо того чтобы стремиться к единству, государство и народ все более и более удалялись от него. Обессиление народа повело к ослаблению внешней силы империи. Сражения, казни, изгнания, голод и нищета уничтожили сотни тысяч людей. Как неизбежные последствия реакции обеднение

и его верный спутник рабство стали быстро распространяться в Германии. Просвещение, промышленность и ремесла, даже успехи земледелия были замедлены на целое столетие. Поражение протестантских князей и тридцатилетняя война представляются также естественными следствиями неуспеха великого народного восстания 1525 года.

Более тысячи монастырей и замков было разрушено крестьянами; только немногие из них были возобновлены; прежние владетели их должны были начать новый образ жизни. Весьма немногие употребили контрибуции, полученные с крестьян, на постройку башен и келий; большею частью эти контрибуции были употребляемы на совершенно другие цели, а государи переняли у крестьян обычай секуляризировать монастыри.

Свободное пользование землею, уничтожение барщины, отмена крепостного права — все эти идеи пустили такие глубокие корни и были так распространены, что уже не было никакой возможности подавить их. В некоторых местностях скоро появились добрые плоды пролитой крови и разорения. Так, крестьянам Кемптена при посредничестве Швабского союза еще в 1526 году удалось заключить со своим духовным господином договор, предоставлявший им некоторые из льгот, которых они так долго добивались и отказ в которых и был причиною восстания. С другой стороны, произвол, грабеж и злоупотребления дворянства и духовенства были ограничены, так как война лишила их многих опор их тирании. Секуляризация монастырей сделала многих монастырских вассалов подданными светских государей. Дворянство, разоренное войною, не могло поправиться скоро: Швабский союз неоднократно запрещал взимать контрибуции с разоренных вконец селений. Там, где нельзя было избежать контрибуции, платеж ее рассрочен был на самый отдаленный срок; так, во владениях Кемптена контрибуция была выплачена только в 1546—1548 годах, т. е. через 23 года.

Все, что было истинного и прекрасного в этом движении, не прошло, не погибло бесследно. Оно перешло в руки времени, которое все перерабатывает: одно развивает и возвращает, другое сушит и погребает.

За жестокие поступки крестьян господа отплатили неслыханными злодействами. Но всякий раз, как подобные злодейства совершались в истории, последствия их отражались на самих виновниках: палачи сами страдали от своих казней. Бо̀льшая часть дворянства никогда не оправилась от удара, нанесенного ей крестьянским восстанием; и пришло время, когда поздние внуки победителей над крестьянами должны были сознаться, что грехи отцов отомщаются на потомках.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Антон Лотарингский (1508—1544)—герцог, кровавым образом подавил восстание крестьян в Эльзасе в 1525 г. Т. II; стр. 95, 316.

Баденский маркграф — во главе маркграфства были два брата Филипп и Эрнест. Оба с одинаковой жестокостью подавляли восстания крестьян в 1525 г. Т. II, стр. 99, 101, 102, 107, 109.

Бантель Ганс (Бантельганс)—мещанин из Деттингема, был рядовым солдатом, вел агитацию за изменение существующего строя среди швабских крестьян в 1514 г. Т. I, стр. 66, 67, 76, 77.

Бейгайм Ганс — немецкий проповедник конца XV в., имел большой успех среди батраков и подмастерьев Франконии, Баварии, Эльзаса, Швабии и Саксонии. В своих проповедях (главным образом) в Никласгаузене он смешивал хилиастические высказывания с призывами к насильственному установлению социального равенства путем реквизиции доходов князей (которые не должны превышать заработка поденщика) и возвращения захваченных феодалами общинных угодий. Т. I, стр. 337.

«*Башмак*» (восстание «Башмака», «Союзный башмак» «Bundschuh»)—революционное движение крестьянства и городской бедноты в юго-западной Германии в конце XV и в начале XVI в., в Эльзасе — в 1493 г., в Шпейерском епископстве — в 1502 г., в Брейсгау, Бадене и Эльзасе — в 1512—1513 гг., а в Шварцвальде — в 1517 г. Т. I, стр. 29, 41, 43, 87, 202.

«*Бедный Конрад*» — революционная организация крестьянской и городской бедноты в начале XVI в. Т. I, стр. 92, 107.

Берлин Ганс — городской советник в Гейльбронне, вел переговоры с Трухзесом об условиях сдачи ему города. Т. II, стр. 47, 48, 49, 51, 52.

Бург-Бергсгейм, Грегор — начальник карательного крестьянского отряда, посланного гейльброннским крестьянским советом против Казимира — маркграфа Анспахского. Т. II, стр. 270, 367.

Вельзеры — богатейшая купеческая и банкирская фирма XV и XVI вв. Вельзеры составили свои капиталы благодаря эксплоатации тирольских серебряных рудников, грабежу, левантийской торговле и ростовщичеству. Т. I, стр. 196.

Веэ Яков — проповедник и руководитель Лейпгеймского крестьянского отряда. Георг Трухзес разгромил отряд и предал Веэ мучительной казни. Т. I, стр. 225, 263, 268, 269, 270.

Вильгельм (Гоэнштейн) (1506—1541)—епископ Страсбургский, ландграф Эльзасский и наместник Майнцской области. Т. II, стр. 55.

Вюрцбургский епископ — Конрад фон Тюнген, герцог Франконский с 1519 по 1540 г. Т. I, стр. 22, 304.

Гасмайер Михаэль — один из наиболее активных и талантливых вождей восставшего крестьянства. Будучи сыном рудокопа, он поступил писцом в тирольское наместничество, затем он был секретарем епископа Зальцбургского, таможенным чиновником в Клаузене. Гайсмайер был вождем тирольского (1525 г.) и зальцбургского (1526 г.) восстаний. При Голлинге он разбил посланные против него войска Швабского союза. Под давлением численно превосходившей его армии Швабского союза Гайсмайер, искусно маневрируя,

перешел в Венецианскую республику, где ему был оказан торжественный прием. Там он сконцентрировал восьмитысячный отряд, который он предполагал двинуть в пограничные австрийские области, поднять в них восстание и образовать в них новое государство, подобное Швейцарскому союзу. Австрийское правительство, напуганное его успехами и намерениями, подослало к нему наемных убийц, которые зарезали его сонного ночью в 1528 г. Т. II, стр. 200, 202, 407, 408, 409—421.

Гейер Флориан — потомок старинного франконского рыцарского рода; во время Крестьянской войны командовал так называемым «Черным отрядом», состоявшим из роттенбургских и эрингенских крестьян; состоял членом крестьянского военного совета. Сочувствуя требованиям крестьян об отмене феодальных повинностей, он все же был сторонником умеренных. Флориан руководил осадой Фрауенбурга и был убит в бою с войсками Швабского союза 9 июня 1526 г. Т. I, стр. 366, 369, 376; т. II, стр. 34, 43, 44; 373—378.

Георг Бородатый (1471—1539) — герцог саксонский. Т. II, стр. 223.

Гербер Теус — командовал отрядом штутгартских горожан, отправившихся на помощь отряду Фейербахера. Трухзес разгромил этот отряд, и городской совет Штутгарта приговорил Теуса к повешению. Теус успел бежать, а через несколько лет получил возможность вернуться в Штутгарт. Т. II, стр. 150, 306—313.

Гербер Эразм — командир Альдорфского отряда, названного потом «Светлым отрядом Эльзаса»; после боя при Цаберне был подвергнут мучительным пыткам. Повешен в 1525 г. Т. II, стр. 317, 319, 320.

Гец фон Берлихинген (1480—1562) — типичный представитель немецкого рыцарства; с девятнадцатилетнего возраста служил в войсках, переходя от одного князя к другому. При осаде Нюренберга он потерял одну руку. Он также принимал участие в походе Зиккингена в 1518 г. и в войне против Швабского союза князей и архиепископов в 1519 г. Он присоединился к восставшим с тем, чтобы спасти от разорения свои владения, а также поместья своих родственников.

С организацией Светлого отряда Гец был избран главнокомандующим. Он принял участие в составлении «Декларации двенадцати тезисов» и вошел в состав крестьянского совета, образованного в Гейльбронне. В решительный момент он перебежал к Трухзесу, успев дезорганизовать и помешать объединению и концентрации против последнего крестьянских отрядов. Т. I, стр. 117; т. II, стр. 34, 38, 39, 40—44, 346.

Гиплер Вендель — занимал должность канцлера у графов Гогенлое; порвал с ними около 1515 г. Во время восстания крестьян он сформировал небольшой отряд и захватил город Эринген во владениях графа Гогенлое. Потом он объединил свой отряд с отрядом Рорбаха. Он был избран канцлером сводного отряда Оденвальда и Неккарталя. По его настоянию Гец был избран главнокомандующим крестьянских отрядов. Он также был одним из авторов «Декларации 12 тезисов» и принадлежал к группе «умеренных» в крестьянском совете Гейльбронна. После неудачного исхода боя при Таубере он бежал за границу. Т. I, стр. 248, 249, 258, 357.

Гумбольт Александр (1769—1859) — ученый естественник. Т. I, стр. 15.

Гуттен Ульрих (1488—1523) — политический деятель, происходит из рыцарского, дворянского рода. Он присоединился к борьбе рыцарей против светских и духовных князей в Рейнской области, начатой Францем фон Зиккингеном в 1522—1523 гг. Он написал несколько памфлетов против герцога Ульриха и принимал участие в борьбе Рейхлина против обскурантов-богословов. «Письма темных людей», которые тогда сыграли большую положительную роль и явились знаменитым историческим документом, вскрывающим всю гниль «обскурантов», в значительной мере принадлежат творчеству самого Гуттена. Т. I, стр. 109, 116, 118, 120, 122.

Гуттен Фрейвен — состоял на службе у майнцского курфюрста, двоюродный брат Ульриха Гуттена, военачальник, участвовал в разгроме крестьянских отрядов в 1525 г. Т. I, стр. 123, 125, 252, 259.

Гогенлое — братья Альберт и Леопольд, графы; 10 апреля 1525 г. вступили в «Христианский союз» и признали «двенадцать тезисов». Т. II, стр. 367.

Губмайер Бальтазар (1480—1528) — анабаптист, был католическим священником, потом протестантским пастором в Вальдсгуте на Рейне. В сентябре 1524 г. он встретился в Вальдсгуте с Мюнцером и сделался его сторонником; переехал в Тургау, а затем в Северную Германию, где вел агитацию среди крестьян в мюнцеровском духе. Он был схвачен вместе с женой в 1527 г. и обвинен в подстрекательстве к восстанию и еретичестве. В 1528 г. 10 марта Губмайер был сожжен на костре после мучительных пыток, а жену его утопили в Дунае. Т. I, стр. 174—176, 333.

Гугель-Бастиан — был начальником крестьянских отрядов во время восстания крестьян 1514 г. (в маркграфстве Баденском, Ортенау и Бюле). Он был арестован и казнен в 1514 г. Т. I, стр. 93.

Дитрихштейн Зигмунд — наместник Штирии, военачальник, стоял за восстановление «старых» прав Австрии. Беспощадно и жестоко расправлялся с крестьянами во время подавления восстания. Был схвачен и казнен повстанцами в 1525 г. Т. II, стр. 396—399.

Дожа Георг (1475—1514) — вождь крупного крестьянского восстания в Венгрии в 1514 г. Т. I, стр. 94, 95.

Жижка Ян (1360—1424) — сын мелкого дворянина, глава демократического течения в чешской реформации, военный руководитель гуситов.

Жижка поддерживал вспыхнувшее в Чехии национально-революционное движение и был одним из инициаторов народного восстания в Праге 1419 г., которое фактически явилось началом гуситских войн. Жижка был очень талантливым полководцем. Он реорганизовал армию, заменив рыцарскую конницу народной пехотой. В ряде боев Жижка проявил свое блестящее военное дарование и нанес ряд поражений феодальным ополчениям и наемным солдатам императора Сигизмунда и его союзников и овладел городами Восточной Чехии.

Жижка умер от чумы во время одного из своих походов против императора. Т. I, стр. 121.

Зиккинген Франц (1481—1523) — руководитель восстания рыцарства в 1522 г. Происходя из среды рыцарей, Зиккинген, однако, обладал значительными средствами и играл видную роль при дворе императора. Занимаясь подобно многим другим рыцарям грабежами, он в то же время прикрывался лозунгом борьбы за «социальную справедливость». Под влиянием Ульриха фон Гуттена Зиккинген стал сторонником Лютера и с недоверием относился к духовным и светским князьям. Он хотел создать империю, где руководящая роль принадлежала бы мелкому дворянству во главе с императором. Т. I, стр. 116, 117, 124, 126, 127.

Зингерганс (Зингер Ганс) — крестьянин, создал организацию «Бедного Конрада» в Верхней Швабии; был пламенным агитатором против духовных и светских князей. По распоряжению герцога Ульриха Вюртембергского был казнен в 1514 г. Т. I, стр. 67, 68.

Иосс Фриц — бывший солдат, защитник интересов угнетенных и порабощенных, реорганизовал «Союзный башмак» в Шварцвальде. Умер в 1517 г. Т. I, стр. 44, 46, 47, 50, 107, 173.

Карлштадт — богослов. Т. I, стр. 79, 139, 155, 156, 335.

Лютер Мартин (1483 — 1546) — крупный церковный реформатор в Германии, основавший протестантскую церковь (лютеранство). Лютер — сын рудокопа, получил высшее образование, потом поступил в монастырь, а в 1507 г. сделался священником. В своей деятельности он связал себя с интересами буржуазии и владетельных немецких князей. Будучи сначала католическим монахом, он выступил против папства, в частности против торговли индульгенциями. В 1520 г. он был отлучен папой от церкви, а в 1525 г. отказался от монашества. Его выступления против католической церкви и папства нашли сочувственный отклик у светских князей, которые не могли равнодушно смотреть на огромные богатства, накопленные духовными феодалами, и мечтали об их присвоении. Классовый характер лютеранства особенно ясно выявился во время крестьянской войны 1525 г., когда восставшие крестьяне стали уничтожать гнезда не только церковных феодалов, но и светских. Лютер не только обрушился на крестьян со всей злобой

и ненавистью, но и подстегивал светских князей и убеждал их не стесняться в выборе средств при ликвидации восстания крестьян. Т. I, стр. 112, 114—116, 120, 132, 146; т. II, стр. 210, 211.

Меланхтон Филипп (1497—1560) — профессор Вюртембергского университета, ближайший сотрудник Лютера. Составил «Аугсбургское исповедание» и вел переговоры с католиками о соглашении. Подобно Лютеру, он враждебно относился к восстанию крестьян 1525 г. и поддерживал князей. После смерти Лютера он фактически остался главой протестантской церкви. Т. I, стр. 123, 134, 139.

Менцинген Степан (Стефан) — потомок старого рыцарского рода. В 1518 г. приобрел замок Рейнсбург и в том же году был избран членом городского совета в Роттенбурге и руководил работой городского совета. Когда герцог Ульрих Вюртембергский выступил против Швабского союза, Менцинген поддерживал Ульриха. Во время восстания крестьян 1525 г. он агитировал за союз с крестьянством и в интересах более быстрого его заключения сделал попытку захватить власть в городе. При занятии города войсками Швабского союза Менцинген был схвачен и казнен. Т. I, стр. 339, 340; т. II, стр. 385.

Мецлер Георг — содержатель гостиницы, активно участвовал в крестьянской войне 1525 г. Был избран начальником «христианского войска» оденвальденцев, примыкал к «умеренным» и полностью разделял программу «Декларации двенадцати тезисов». После поражения при Таубере бежал из Германии. Т. I, стр. 348, 351; т. II, стр. 22—24, 49, 53.

Мюллер Ганс — бывший солдат из Бульгенбаха. Агитатор и организатор в мюнцеровском духе, был его эмиссаром и сам рассылал воззвания, агитаторов и организаторов. В Вальдсгуте, куда он прибыл с организованным им отрядом, он основал «евангельский союз», куда входило значительное количество сторонников Мюнцера. В 1525 г. Мюллер был схвачен и казнен. Т. I, стр. 172, 174, 175; т. II, стр. 103—105, 154—156, 303.

Мюнцер Томас (1490—1525)—сын крестьянина. Его речи вызывали сочувствие бедноты, страх и ненависть среди имущих классов. Он скитался по Средней и Южной Германии и везде вел агитацию среди крестьян, страстно призывая их не медлить, а подниматься против насильников. В середине 1525 г. он поселился в Мюльгаузене, где под его руководством была низвергнута власть буржуазии; он превратил городок в центр революционного движения; повсюду рассылал эмиссаров, агитаторов, воззвания к крестьянам и ремесленникам, убеждая их объединяться, стойко бороться и верить в окончательную победу над господствующими классами. В мае 1525 г. сильная союзная армия князей окружила ополчение Мюнцера у города Франкенгаузена и разгромила его. Сам Мюнцер был схвачен 16 мая и казнен 27 мая 1525 г. после мучительных пыток. Т. I, стр. 133—137, 140, 143, 144, 179, 183, 194, 305; т. II, стр. 206—213, 226.

Пфейффер Генрих—странствующий проповедник, бывший монах, агитатор в мюнцеровском духе, один из вождей восстания 1525 г. в Мюльгаузене; был схвачен и казнен при подавлении восстания в том же году. Т. I, стр. 148, 149, 151—153, 155, 183, 312, 313; т. II, стр. 206, 207.

Рейхлин Иоганн (1455—1522)—известный немецкий гуманист. Прекрасно владел греческим, еврейским и латинским языками. Подверг критическому исследованию текст библии, чем вызвал против себя ненависть католических церковников и указ папы Льва X, с одной стороны, и сочувствие в широких кругах немецкого общества, захваченных реформационным движением,— с другой. Т. I, стр. 110, 118.

Рорбах Яков — владелец мелкого трактира, был командиром крестьянского отряда во время восстания 1525 г. Яков постоянно агитировал против светских и духовных князей. Он был неизменным организатором революционных групп. Во время восстания 1525 г. он создал вооруженный отряд крестьян, который влился в Светлый отряд. В Вейнсберге по его инициативе были после боя казнены дворяне — руководители контрреволюционного отряда. Затем он соединился с отрядом Фейербахера, с которым совместно руководил боями против войск Швабского союза. После поражения он был захвачен

в плен и предан мучительной казни через сожжение на костре в том же 1525 г. Т. II, стр. 21, 22, 24, 47, 48, 117.

Трухзес Георг фон Вальдбург (1480—1531)—был командующим войсками Швабского союза, набранными им для подавления крестьянского восстания 1525 г. При подавлении восстания он не брезгал ничем: применял подкупы отдельных вождей, хитростью втягивал крестьян в переговоры о мире или перемирии, чтобы тем временем сконцентрировать силы, необходимые для разгрома того или другого крестьянского отряда, через предателей старался вносить разложение и смятение в ряды крестьян. Подавление восстания проводилось им самыми жестокими кровавыми мерами. Т. I, стр. 236, 237—240, 259, 260, 265.

Ульрих (1487—1550) — вюртембергский герцог. Своей политикой он разорил страну и возбудил против себя также дворянство. Изгнанный из своих владений, он решил воспользоваться крестьянским восстанием в своих личных интересах и предложил крестьянам совместные действия против Швабского союза. Т. I, стр. 175, 198, 199, 200—205, 236; т. II, стр. 146, 147, 152, 154—160.

Фейербахер Матерн — один из начальников крестьянского отряда в 1525 г. Демагогические выступления создали ему популярность среди крестьян, и они потребовали, чтобы он повел их в поход. Фейербахер согласился только после согласования этого вопроса с представителями дворянства и духовенства. Он пытался использовать свое положение для разложения крестьянской армии. Т. II, стр. 119—130, 144—148, 151—155, 165.

Шаппелер Христоф (1472—1551) — доктор богословия, проповедник в Меммингене, один из авторов известных «Меммингенских тезисов», возглавлял делегацию крестьян при переговорах с властями. Он не принимал активного участия в восстании крестьян, но находился в роли советника. После подавления восстания он бежал в Сен-Галлен. Т. I, стр. 293.

Шлоссер Фридрих Кристоф (1776—1861) — историк, профессор Гейдельбергского университета. По своим политическим взглядам принадлежал к умеренным либералам. Написал много работ по истории. Из них наиболее известна его «Всемирная история», доведенная до 1815 г. и состоящая из 18 томов. Т. I, стр. 13.

Шторх Николай — стригальщик шерсти по профессии, он стоял во главе цвиккауских анабаптистов. В Виттенберге он агитировал вместе с Мюнцером и способствовал ускорению начала восстания. Шторх умер в Мюнхене в 1525 г. Т. I, стр. 138, 139.

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Глава I. Магистрат и община в вольном городе Гейльбронне 5
Глава II. Занятие Гейльбронна крестьянами 21
Глава III. Организация войска 34
Глава IV. Истолкование двенадцати тезисов. Ганс Берлин и Вейганд . 47
Глава V. Имперские князья в союзе с крестьянами. Поход на Вюрцбург 54
Глава VI. Франкфурт, Рейнгау, нижний Рейн и Вестфалия 58
Глава VII. Верхнерейнский сводный отряд 72

КНИГА ПЯТАЯ

Глава I. Брейсгау, Баден и Рейнский Пфальц 96
Глава II. Начало волнения в Вюртемберге 112
Глава III. Гайльдорфский отряд разрушает Мургарт, Лорх, Адельберг и имперский замок Гогенштауфен 133
Глава IV. Соединение Матерна Фейербахера с отрядом из Гейа и из вюртембергского Шварцвальда. Герцог Ульрих—защитник крестьян 146

КНИГА ШЕСТАЯ

Глава I. Религиозное движение в восточной Швейцарии 168
Глава II. Вооруж. восстание зальцбургцев против тирании архиепископа 171
Глава III. Крестьяне и рудокопы пяти австрийских герцогств вступают в Христианский союз 180
Глава IV. Взятие в плен зальцбургского советника Гольда 188
Глава V. Восстание тирольцев 192
Глава VI. Падение городского дворянства в Мюльгаузене 206
Глава VII. Мюнцер в Тюрингии, Гессене, Саксонии 208
Глава VIII. Восточные франконцы в верхнем Таубере 227
Глава IX. Вюрцбургский соборный капитул. Граф фон Геннеберг . . . 241
Глава X. Бесплодный сейм в Вюрцбурге 250
Глава XI. Исполнение на походе в Вюрцбург грамоты о монастырях и замках 253
Глава XII. Маркграф Казимир и крестьяне при Якстe, Вернице, в Аишской долине, при Рекнице и Ройтмане 259
Глава XIII. Народная канцелярия и проект постановлений в Гейльбронне при Неккаре 276
Глава XIV. Лютер и крестьяне; христианство и крепостное право . . . 286

КНИГА СЕДЬМАЯ

Глава I. Вейнгартенский договор 293
Глава II. Беблингенское дело и предательство беблингенских господ . . 302
Глава III. Вероломство герцога Лотарингского 315
Глава IV. Гибель Фомы Мюнцера 324
Глава V. Верхнефранконцы расходятся 344
Глава VI. Осада Фрауенберга 346
Глава VII. Вендель Гиплер на Неккаре и в Вюрцбурге 352
Глава VIII. Auto-da-fe, совершенное дворянами на Неккаре и в Вейнсбергской долине 355
Глава IX. Пфальцграф Людвиг и крестьяне 356
Глава X. Неккарсульм и Кенигсгофен 359
Глава XI. Геройская смерть Флориана Гейера и разгром «черного отряда» 366
Глава XII. Победители 378
Глава XIII. Усмирение восстания в Верхней Швабии 389
Глава XIV. Волнения на севере Германии 393
Глава XV. Кровавая расправа альпийских крестьян с дворянством . . . 396
Глава XVI. Постановления тирольского сейма 400
Глава XVII. Зальцбургский договор и новое восстание в 1526 г. . . . 402
Глава XVIII. Беглецы 404
Глава XIX. Михаэль Гайсмайер 407
Глава XX. Подавление восстания в Альпах 409
Заключение 421
Именной указатель 427

Цена 8 руб. 75 к.